ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*

INSTITUTE OF WORLD HISTORY

CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY

RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

70

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2020 Issue 70

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexíco

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ
АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
2020 Выпуск 70

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 70

М.: Аквилон, 2020. — 432 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 70

Moscow: Aquilo-Press, 2020. — 432 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564
Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2020
© Институт всеобщей истории, 2020
© Издательство «Аквилон», 2020
© Журнал «Диалог со временем», 2020
Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

АКВИЛОН

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

И. Н. Ионов

КОРРЕКЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО РЕЖИМА И ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ИСТОРИИ. СТАТЬЯ 2[1]

В статье проблемы исторического сознания и исторического знания Нового времени рассматриваются в контексте теории «процесса цивилизации» Н. Элиаса и его последователей. Для ее интерпретации привлекаются идеи дискурсивной гегемонии (Э. Лаклау и Ш. Муфф), культурного трансфера (М. Эспань), «двойного послания» (Г. Бейтсон). Показано, как дискурсивная гегемония связана с темпоральной, использующей представления о времени как «пустые означающие». В ходе процесса цивилизации формируется не только новый темпоральный режим, но и ряд локальных образов времени, которые выстраиваются в темпоральную иерархию. На основе этой иерархии создается идеология темпоральной сегрегации, воплощенной во внешней и особенно в колониальной политике Запада. Анализируются психологические феномены, связанные с темпоральной гегемонией: когнитивные искажения историцизма и «двойные послания» пограничным цивилизациям. Показана их роль в формировании внутри гегемонического дискурса явлений контргегемонии и псевдогегем.

Ключевые слова*: *процесс цивилизации, темпоральный режим, гегемония, контргегемония, псевдогегемония, пустое означающее, культурный трансфер, двойное послание, когнитивное искажение

Для того, чтобы понять, как идеи фигуративной социологии могут повлиять на восприятие представлений А. Ассман о коррекции темпорального режима и трактовку связанных с ней проблем теории истории в России, надо сделать отступление и вернуться к анализу некоторых слабо разработанных идей Н. Элиаса и его последователей, заметных только в трансдисциплинарном контексте, на стыке с идеями политологов (Э. Лаклау, Ш. Муфф, В. Морозов), историков (М. Эспань), антропологов и психологов (Г. Бейтсон, О. Маннони, А. Маслоу) и др. Надо также хотя бы пунктирно проследить исторические проявления описанных ими тенденций в высокое Новое время, по крайней мере с XVIII в. Это поможет уточнить как место Германии, так и место России в анализируемых Ассман явлениях, углубить оценку современных процессов в историческом сознании и историческом знании.

Цивилизация, гегемония и темпоральная сегрегация

В отличие от теории А. Ассман, рассматривающей проблему темпорального режима иверсалистском ключе и уделяющей основное внимание явлению исторической *ответственности*, Н. Элиас затрагивал вопрос о социально-психологической *обусловленности* агрессии в истории на сословном и локальном уровнях. В концепции «процесса циви-

[1] Продолжение. Начало см.: Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 17-33.

лизации» он охарактеризовал ситуацию создания и распространения новых норм поведения как конфликтную, порождающую агрессию и создавшую основу для разделения групп населения на цивилизованные и «варварские», современные и отсталые. Он показал, что понятие «цивилизация» изначально, с XVIII в. было манипулятивным и позволяло придворному дворянству Запада поддерживать дистанцию по отношению к богатым буржуа (кредиторам двора) как невежам, в результате чего дворянский истеблишмент всегда имел основания критиковать, дискриминировать и изолировать их как аутсайдеров за «вульгарность». Для этого образ истеблишмента формировался на основе лучших примеров поведения его лучших представителей, а образ аутсайдеров – на худших примерах поведения худших представителей. Это отношение сохранялось между истеблишментом и аусайдерами самого разного уровня по мере распространения в XIX–XX вв. норм цивилизованного поведения на все более широкие слои населения Запада, а затем незападных стран и колоний. «Цивилизованность выступает как дающее превосходство отличие людей Запада… <над> прочими группами, рассматриваемыми как низшие и колонизуемые по праву “сильного”», – писал Элиас[2].

Поэтому трансляцию цивилизованных норм поведения нельзя рассматривать универсалистски, а распространяемые в ее ходе представления о темпоральных режимах и режимах историчности (футуристские, презентистские) как единственно важные для своей эпохи. Мы наблюдаем здесь не столько культурный трансфер как взаимный обмен знаниями и компетенциями (так его описывал Эспань[3]), сколько проявление культурной *гегемонии* определенных социальных групп. Инструментарий для анализа подобной гегемонии как системы коммуникации создала Эссекская школа дискурс-анализа, в частности политологи Лаклау и Муфф, использовавшие неограмшианский подход. Их идеи применительно к истории России развивает тартусский политолог В.Е. Морозов[4]. Вслед за М. Фуко они считают, что отношения власти насквозь пронизывают общество и коммуникацию. В центре внимания – как и у Эспаня, процесс конструирования идентичностей в трансграничной ситуации, роль конфликта и заимствований, а также “конституирующего Иного”[5]. Но если для Эспаня культурные границы вторичны, а потому прозрачны, то Лаклау постулирует жесткость и исключительность границ как пределов системы сигнификации, где происходит ее разрыв или распад. «Нейтральная граница представляла бы, в сущности, единое целое с тем, что находится по обе ее стороны, и эти две стороны были бы

[2] Элиас 2001. Т. 1. С. 120, 125, 129, 134–135; Т. 2. С. 184–195, 215–216, 260, 271, 300, 302, 306-314. Цит. на с. 260; Elias, Scotson 1994.
[3] Эспань 2018.
[4] Laclau, Mouffe 2001; Морозов 2009; Morozov 2015.
[5] Эспань 2018. С. 35, 42, 43-44, 74.

просто различными по отношению друг к другу». Это не была бы граница системы. Поэтому «истинные границы всегда антагонистичны». Это не мешает им быть дислоцированными (смещаемыми), основанными на компромиссе различия и эквивалентности, так как процесс создания идентичности никогда не завершается[6]. На таких границах происходит важный процесс: «генерация пустых означающих, означающих без означаемого», являющихся инструментом гегемонии (примеры: понятия «Новое время», «современный» или «цивилизация», смысл которых можно менять в широких пределах). «Генерирование пустых означающих и установление отношений эквивалентности между этими означающими и той или иной частной идентичностью в силовом поле конституирующего антагонизма как раз и составляет сущность операции гегемонии». Это «неизбежно приводит к исключению тех идентичностей, которые противоречат данному частному варианту порядка, к вытеснению их за пределы сообщества, установлению отношений эквивалентности между ними и внешним миром анархии и чистой угрозы»[7].

Именно такую роль играет понятие «цивилизация». «“Цивилизация” принадлежит к семейству понятий, – писал Ж. Старобинский – исходя из которых может быть назван противоположный член оппозиции, понятий, которые, собственно, и рождаются на свет, чтобы образовывать оппозиции»[8]. Понятия «цивилизация», «Новое время», «современный» семантически всегда указывают на другие, сниженные в иерархии ценностей «пустые означающие», свои антонимы – понятия «варварство» или «дикость», «средневековый» и «отсталый»[9]. В рамках европоцентристской идеологии конструируются антонимические пары «варварство–цивилизация», которые можно рассматривать как бинарные оппозиции (в философском смысле), которые эссенциализируют и абсолютизируют различия между цивилизованными странами Запада и «варварскими народами Азии»[10]. Эти оппозиции сосуществуют в качестве фигуры и фона историко-географического гештальта (ментальной карты). Они структурируют пространство детерминистской философии истории и создают возможность манипуляций с целью установить доминирование своей страны в картине мировой истории, принизить ее конкурентов и особенно народы колоний («колониальная асимметрия»)[11].

Темпоральная форма рассуждений идеальна для установления гегемонии, создания иерархических картин мира. Ведь время, особенно понятия «прошлое» и «будущее», как они реифицированно трактуются

---

[6] Цит. по: Морозов 2009. С. 22, 121-122.
[7] Там же. С. 125, 171, 297, 309, 311 и др.
[8] Старобинский 2002. С. 118, 143, 144, 149.
[9] Boletsi 2013.
[10] Старобинский 2002. С. 130.
[11] Säävälä 2009. P. 134.

в эпоху Модерна – идеальные «пустые означающие». Они легко образуют метафоры, позволяющие переопределять смысл настоящего при помощи его альтернативной перспективизации (контекстуализации). Так можно выстраивать одновременные явления в псевдовременной ряд (прогрессивный, современный, архаичный), определять их потенциал (развитый, примитивный, застойный, пережиточный), осуществлять включение и исключение (актуального и неактуального); разделять идентичности на позитивные и негативные (исторический и неисторический, инновационный и тупиковый). Это порождает когнитивные искажения, так как временнóй связкой легко подменить причинно-следственную или даже необходимую связь (историческая неизбежность, историческая вероятность, чистая случайность). К. Поппер уподоблял историцизм теории заговора: «вере во всемогущество силы, находящейся за кулисами исторической сцены»[12]. На основе историцистской версии идеала цивилизации создается воображаемая история, продуцирующая темпоральную иерархию, которая противопоставляет одни метафоры, характеризующие способ перспективизации, направление и темп движения времени, другим. Инструментом оценки тех или иных образов времени служило их соотнесение с идеалом цивилизации. Антонимические ряды, образуемые понятием «цивилизация» (цивилизация – варварство – дикость), пересекались с синонимическими рядами, образующую ценностную горизонталь: цивилизация – прогресс, будущее, исторические народы; дикость – отсталость, прошлое, неисторические народы и т.п. В XIX–XX вв. темпоральные и цивилизационные представления взаимно реифицировали друг друга, создавая базу для весьма убедительных просвещенческих, романтических, позитивистских, марксистских исторических нарративов. Историческая наука развивается в Новое время не только как знание о прошлом, а как наука, конструирующая разнообразные модели времени и их сложные сочетания[13].

Множественные модели прошлого, формирующиеся внутри единого темпорального режима, были лабильными, удобными для переосмысления места субъекта гегемонии внутри Запада. «Нет необходимости прослеживать отдельные различия между Сен-Симоном, Контом, Джоном Стюартом Миллем, Гербертом Спенсером... – писал в 1922 г. Э. Трельч о создателях позитивистской теории цивилизации XIX в. и открытых ими «законах истории» – <они> всегда заключают в себе идеалы Французской революции или английского джентльмена, американской демократии...»[14]. Необходимо признать, что для своего времени это был шаг вперед в изменении повестки дня конкретно-исторических ис-

[12] Поппер 1992. С. 440.
[13] Савельева, Полетаев 1997.
[14] Трельч 1994. С. 124.

следований, двигавшихся от политической и событийной истории к истории общества и культуры. Исторические модели создавались как эффективные познавательные инструменты и одновременно как средства борьбы, аргументы в политических и идеологических спорах.

Проект Нового времени, тесно связанный с идеями цивилизации и прогресса, изначально имел гегемонический характер, был создан для того, чтобы порождать и воспроизводить темпоральные границы, так как был основан на реифицированных представлениях о прошлом, настоящем и будущем, продуцировал идею преодоления прошлого, необратимого и закономерного вытеснения прошлого настоящим и будущим, что обозначало границу между положительно маркированным будущим и отрицательно маркированным прошлым. Для Нового времени характерно «физикалистское и объективистское (впоследствии мифологизированное) представление о стреле времени как необратимого линейного вектора.., <а> постоянно обновляющийся хиатус (разрыв) на переломах времени представляет важнейшую примету идеи прогресса»[15].

При помощи подобных конструктов происходит превращение идеальных дискурсивных границ между прошлым и будущим в реальные политические и административные границы. В рамках идеологии ориентализма, как показал Э. Саид, средствами поэтики пространства и времени обозначаются границы Запада как мира прогресса, представляющего собой настоящее и будущее человечества и Востока как пространства колониальной экспансии, представляющего собой прошлое человечества. Они произвольны и взламывают границы самоидентификации местного населения во имя утверждения позитивной идентичности колонизатора[16]. Темпоральные границы проводятся и в локальном масштабе, при разделении колониальных и полуколониальных городов на западный сеттельмент и гетто для туземцев, при разделении территорий городов метрополии на аристократический центр и рабочие окраины.

Политико-административная сегрегация приобретала в темпоральном режиме Нового времени научное обоснование: в гетто и сеттельменте, трущобах и дворцах время течет в разных формах (доисторической и исторической, прошлого и настоящего), разных направлениях и разным темпом. Они представляют собой не просто разные пространства, но разные темпоральные сущности. Настоящее и особенно будущее, следуя этой логике, надо защищать от заразы прошлого, от людей доисторической эпохи, внезапно оказавшихся живыми, т.е. от толп зомби, живых мертвецов, пытающихся это будущее украсть. Поэтому так важно для цивилизованных людей XIX – начала XX в. проводить политику «социальной гигиены». Между цивилизованным пространством и

[15] Ассман 2017. С. 19, 109-112.
[16] Саид 2006. С. 87, 213.

пространством варварства и дикости, воплощающим силы хаоса, «анархии и чистой угрозы», необходимо установить границу, предотвращая диалог между ними, тем более – обоюдный культурный трансфер (как его описал Эспань), который может заразить цивилизованную часть общества дикостью аборигенов или рабочих. «Сакральность цивилизации представлена как находящаяся *под угрозой*... Варварство заключено в... бунте “грубой черни”… “дикий мир”… кроется среди наших стен и готов вырваться из мрачных глубин общества, – описывал эту темпоральную политику Ж. Старобинский, – ...угроза порой принимает социальный облик “опасных классов”, пролетариата, этих “апачей” и “могикан” …ответные меры... заключались в реакции”, то есть в защите священных ценностей христианской цивилизации всеми возможными средствами – ограждением, охраной порядка, воспитанием и пропагандой»[17].

Именно тогда, а не сейчас «порвалась связь времен», о которой вопрошает А. Ассман. И не просто порвалась. Ее обрывки были намеренно разбросаны подальше, между ними были выстроены преграды, которые неизменно восстанавливались всю эпоху высокого Нового времени, до тех пор, пока не началась последовательная деконструкция гегемонического темпорального режима. Такое восприятие мира подразумевает темпоральную политику (как аспект культурной политики), внимательное отношение к состоянию темпоральных границ, их защиту, их реконструкцию в ходе борьбы за гегемонию, возведение санитарного кордона как политического производного темпоральной сегрегации, а также развитие «процесса цивилизации» среди населения нецивилизованных и полуцивилизованных стран, обитателей колоний и разного рода гетто. Процедура распространения цивилизации должна проводиться параллельно с предотвращением обоюдного культурного трансфера, чреватого заражением, метисацией и зомбированием представителей цивилизации, под защитой церкви, полиции и карательных войск.

Универсальность, сциентистский и объективистский характер темпоральных схем высокого Нового времени обманчивы[18]. Они отражают не столько научный, сколько их гегемонический характер. Универсализм, сциентизм и объективизм потенциальны, связаны с утопическими надеждами на всесторонний прогресс, тотальную рационализацию поведения людей и с шаткими претензиями первооткрывателя на истинность полученных знаний. В них выражается прежде всего позитивная самоидентификация, самолюбование, познавательная гордыня Запада и их национальные производные, позволявшие реифицировать те или иные формы прошлого и будущего и, несмотря на смену темпоральных режимов, рассматривать их из одной локальной перспективы, обеспечиваю-

[17] Старобинский 2002. С. 134.
[18] Об этом см. также: Ионов 2007а; 2008; 2010.

щей дискурсивную гегемонию. Эту особенность отметили еще русские критики европоцентризма в середине XIX в., отмечая обусловленность европейской науки и ее несостоятельность вне пределов Запада, а также постколониальные критики западного сциентизма в начале XXI в.[19]

Поэтому реализовать характерную для современной науки задачу получения возможно полного знания о прошлом при помощи «насыщенного описания», смены познавательных перспектив и теоретических предпосылок в ходе одного исследования, как этого требует перекрестная история, можно только вне гегемонического дискурса, а значит вне темпорального дискурса высокого Нового времени[20].

Последовательная критика гегемонических конструкций стала возможной лишь к середине XX в. С этого времени схемы истории ассоциируются философами и психологами с *когнитивными искажениями*, порожденными психическими травмами, комплексами неполноценности и зависимости, не в последнюю очередь связанными с «процессом цивилизации». Поппер считал появление историцистских схем следствием травм людей, «достоинство которых унижено», с «ранее испытанными обидами или нервным потрясением, вызвавшими страх и стремление к надежности и определенности», а также с возникшими на этой основе догматической установкой и «бесконтрольным желанием навязывать регулярности»[21]. У. Маслоу возводил такие проявления к тревожности и эгоцентрическим схемам мира невротиков, которым присущ «страх незнания», и которые «только по видимости ищут знания, потому что реальность, переставшая быть опасной, перестает быть для них интересной»[22]. Психолог О. Маннони первым обозначил точку соприкосновения этих теорий и теории «процесса цивилизации» Элиаса. За двадцать лет работы во французских колониях в первой половине XX в. он выявил у колонизаторов агрессивный («сверхкомпенсированный») комплекс неполноценности. Такой комплекс европейцев можно соотнести с их подчиненными отношениями с родителями (с «предательством родителей»), которое вытекало из цивилизационных представлений последних[23]. Нормативная практика дистанцирования взрослых от детей в викторианскую эпоху определялась бинарными оппозициями культуры и природы, цивилизации и «варварства», причем дети рассматривались в рамках этих оппозиций как элемент хаоса, подлежащий дистанцированию и манипулятивному культуртрегерству со стороны родителей, опосредованному услугами кормилиц, воспитателей и учителей[24].

---

[19] Герцен 1958. С. 277, 279; Castro-Gómez 2007. P. 428-448.
[20] Вернер, Циммерманн 2007.
[21] Поппер 1992. С. 321; Поппер 2004. С. 88-89, 600, 620-621.
[22] Maslow 1966. С. 22-24.
[23] Mannoni 1956. P. 62, 127, 190.
[24] Старобинский 2002. С. 125.

Не случайно, что познавательные последствия трансфера понятия «цивилизация» и создания на его основе темпоральной гегемонии Европы в мире, создавшей иллюзию универсального значения принятых на Западе темпоральных образов, сейчас рассматриваются специалистами по истории исторического знания и цивилизационных представлений как резко негативные[25]. С XVIII, но особенно в XIX и первой половине XX в. понятия «цивилизация» и «прогресс» стали использоваться для дистанцирования и сегрегации образа Европы от образов неевропейских и особенно колонизованных народов, которые рассматривались как анахронизм, лишенное истории *живое прошлое*, что позволяло не включать их в состав всеобщей истории и вытеснять их образы за границы эмпатии и морали, игнорируя их человеческий статус[26].

Формы темпоральной дискриминации

Ментальная карта Земли в условиях Нового времени оказалась разделенной. Ее регионы иерархически подразделены согласно отношению к доминирующему (прогрессистскому) темпоральному режиму и ценностно не равны, так что универсальные принципы реализуются в них по-разному. Она расчленена на хронотопы, территориальные границы которых более или менее произвольно определяются носителем гегемонии как более или менее соответствующие историческому идеалу (границы цивилизации Запада, деспотического и застойного Востока и неисторических народов). Внутри этих границ время течет не одинаково, поэтому каждый темпоральный режим имеет разные территориальные проекции, обозначаемые ментальными картами течения времени в локальном хронотопе. Футуризм и прогресс объявлялись в XIX в. универсальным идеалом, но наряду с ним история Просвещения и Романтизма рисует области Земли с застойной политической историей на Востоке или природно-циклическим течением времени на Юге. На основе таких пространственно-временных ментальных карт создаются причинно-следственные и детерминистские картины истории.

Детерминизм играл ключевую роль в механизме развертывания гегемонического дискурса о времени, позитивной самоидентификации Запада и деформации универсалистского характера футуристского темпорального режима. Он перекидывал мостик от культурной гегемонии к колониализму и, по видимости воплощая просвещенческие идеалы свободы и гуманизма, на деле противостоял им. Кондорсе (1794), пытаясь предвидеть влияние просвещения на население Востока и Юга, предупреждал «великодушных освободителей», что они могут встретить как «народы, которые, по-видимому, ждут того, чтобы мы их *цивилизовали*», так и жертв деспотизма или просто дикарей. Прогресс в каждом

[25] Osterhammel 2000. S. 81-84, 133, 206, 238.
[26] Ионов 2014.

из хронотопов имеет свою цену. «Прогресс народов этих двух последних категорий будет более медленным, будет сопровождаться большими бурями; может быть даже, что, *все более уменьшаясь численно по мере наступления цивилизованных наций, они в конце концов незаметно исчезнут или растворятся в среде последних*». Идеал Просвещения, даже очищенный от колониализма, рабства и своекорыстия, не столько свободно распространяется, сколько целенаправленно *вытесняет* варварство и дикость, порой вместе с их носителями. Разделяются страны, где прогресс органичен и означает возвышение духа, смягчение нравов и улучшение жизни, и другие – где он неорганичен и предполагает ту или иную форму геноцида. Такова цена «момента, когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми»[27].

Об этом же через 30–35 лет прямо говорил Гегель, для которого «незрелость» некоторых культур означает их обреченность. При этом важную роль приобретает бинарная оппозиция «природа–культура» и критика «естественного состояния» с точки зрения идеи прогресса. Для народов Мексики и Перу свойственна «совершенно натуральная» культура, т.е. время природных циклов, которое должно исчезнуть под давлением прогресса и духа свободы. По этой же причине «едва европейцы прибыли в Америку, туземцы стали мало-помалу гибнуть от дуновения европейской деятельности». Природный хронотоп вытесняется прогрессивным темпоральным режимом, воплощенным в этой деятельности. Порабощение негров, в гегелевском контексте, «способствовало развитию гуманности», так как вовлекало их в культурный хронотоп, воплощающий прогрессивное содержание темпорального режима. В зону, «лежащую за пределами истории», попадали и народы Сибири[28]. Задача распространения цивилизации, по Гегелю, настолько важна, что организует вокруг себя иную темпоральность, представляет собой «истину момента» и подчиняет все другие силы, в т.ч. мораль, а потому она оправдана полностью, во всех своих дискриминационных формах, «включая все то в ней, что кажется “варварским” нравственному сознанию»[29].

Универсальное представление о времени и истории для Гегеля не противоречит, а предполагает отсутствие единого глобального хронотопа, наличие противоречий между пространством и временем, что означало, в частности, несравнимость культурных достижений различных народов, таких как древнеиндийские и древнегреческие эпосы. Они принадлежат разным хронотопам. Если разум «направлен единственно на сознание понятия свободы и его выражения в индивидуумах», то сходство уровня творческой силы, живости образов, красоты

---

[27] Цит. по: Старобинский 2002. С. 129-130.
[28] Гегель 1935. С. 77-78, 93-94.
[29] Старобинский 2002. С. 142-143.

изложения, эстетической формы «Бхагавадгиты» и «Илиады» лишается значения. Сегрегацию оправдывает введение в исторический дискурс изощренных метафорических представлений. Маркируя исключения из нормативной модели истории, существующие в противоречии с доминирующим темпоральным режимом, а значит и историей как целым, Гегель вводит для характеристики некоторых хронотопов понятие «неисторическая история». Оно применяется, например, к Китаю, где история сводится к политическим циклам, «не обнаруживая никакого прогресса». К подобным исключениям из темпорального режима причисляются и славяне, которые «до сих пор не выступали как самостоятельный момент в ряду обнаружения разума в мире»[30].

Не менее важной привилегией гегемонического дискурса было размещение наций, регионов, классов на границах цивилизации и «варварства». Им приписывали противоречивую идентичность, что давало возможность манипулировать их образами, повышая свою самоидентификацию вопреки всему (в частности, военным поражениям). Пограничные общества оказывались внутренне разделенными между современностью и древностью. Типичным проявлением пограничной цивилизации была Россия. В Петербурге и Москве европейцы, преодолевая границу цивилизации, как бы выпадали из своего времени в парадоксальный хронотоп, «представляющий одновременно… различные века». Образы людей в нем были не стабильны, а как бы осциллировали: трудно было понять, «где кончается современный русский и начинается древний московит». Пространственная граница между Россией и Европой была переопределялась каждым наблюдателем (вплоть до радикальных утверждений о том, что «за Вислой начинается Сибирь»)[31]. Но она была не единственной. Внутри Россия разделялась на более мелкие хронотопы, характеризовавшиеся разным уровнем цивилизации и «современности»: прослеживались различия между царским двором, светом и рядовым дворянством, дворянами и крестьянами, жителями столиц и провинции, бедными и богатыми, русскими и этническими меньшинствами[32].

Ответственность за противоречивость самоидентификации, вторичный и показной характер российской цивилизации XIX в. всецело возлагалась на русских. А. де Кюстин в 1839 г. обнаружил в России *две страны*, «две противоборствующие нации»: «Россию как она есть и… существующую лишь на словах... Россию, какой ее желают представить перед Европой». Эта «вторая» страна порождена *зависимым сознанием* «нескольких самых влиятельных родов», которых «преследует призрак… злочастного мнения Европы», из-за чего «цивилизация сводится

[30] Гегель 1935. С. 67, 100-101, 330.
[31] Кюстин 2008. С. 159.
[32] Вульф 2003. С. 35, 47, 57, 60, 62, 77.

для них к какому-то более или менее ловко исполненному фокусу». Россия – двуличная «страна мнимостей, где все вызывает недоверие», страна-оборотень, страна лицемеров, в которой «внешняя цивилизованность направлена на то, чтобы тщательно скрыть варварство и тем самым продлить его». Раздвоение и тем самым — растление России начал Петр I, навязавший ей обязанность «обезьяничать, копируя европейскую цивилизацию», а продолжила Екатерина II, принудившая Россию «выглядеть пристойно… во мнении» Запада[33]. На этом основании делались странные заявления, отрицавшие право русских самим бороться за изменение идентичности, подражая европейцам, двигаться из прошлого в настоящее, от застоя к прогрессу. Гегемонический дискурс проявлялся в отказе любой другой культуре в самоидентификации, в самостоятельном движении в будущее. Европа маркировалась как единственная легитимная «машина времени» для всего мира. Поэтому Кюстин делает эпохальное заявление, которое, как отмечал Л. Вульф, надолго определило отношение к России на Западе: «“Я не виню русских в том, что они таковы, каковы они есть, я осуждаю в них притязания казаться такими же, как мы”. Он ссылался на Дидро и Вольтера, ставя проблему пограничного состояния людей, которые “разучились жить как дикари, но не научились жить как существа цивилизованные”»[34].

Пограничность не просто констатировалась, но ставилась в вину как попытка узурпации гегемонии цивилизованной Европы. Россия была для западных соседей анахронизмом, темпоральной ловушкой, обманом присосавшейся к современному миру, строившей из себя его подобие, а на деле жившей в иной темпоральной реальности. Не случайно Кюстин сожалел, что у «этих дикарей есть огнестрельное оружие» и требовал Россию «уничтожить и пересоздать заново»[35]. Фактически Россия получила от Кюстина двойное, внутренне противоречивое предписание: она должна стать цивилизованной под влиянием Запада, но она не должна пытаться стать цивилизованной, уподобляясь Западу, в показной, а значит ложной форме. Тем самым гегемония распространялась им не только на определение цивилизации и «варварства», современности и «древности», но и на определение легитимного способа перехода к цивилизации, к нормативному для Запада темпоральному режиму.

В итоге трансфер идей прогрессизма и цивилизации в Россию оказался противоречивым. Из-за его гегемонического контекста он во многом негативно нагружен эмоционально, а коммуникация России и Европы неразрывно связана с отчуждением. Если коммуникация Европы и колониальных стран, а также познание истории последних (в т.ч. исто-

---

[33] Кюстин 2008. С. 159-161, 219-220, 259, 303, 307.
[34] Вульф 2003. С. 527-536.
[35] Кюстин 2008, с. 253, 260, 304-306.

рии их отношений) рисовались как по определению односторонние (субалтерн не имел права голоса)[36], в данном случае ситуация была гораздо сложнее, но не менее патогенной. Фон восприятия Европы в России, в т.ч. темпоральных представлений и эпистемологии всеобщей истории, был изменчив, эмоционально нагружен, неразрывно связан с идеологическими предпочтениями и проблемами идентичности. Он трансформировался от восхищения и подражания, как у западников, до фрустрации и агрессии, как у националистов, что в обоих случаях разрушало обоюдность коммуникации с Западом и культурный трансфер, как его понимает М. Эспань. В области исторической памяти и мемориальной политики возникала тяга к созданию метафорических альтернативных историй в широком диапазоне от «политики самоутверждения» до «политики покаяния». Формировался замкнутый круг, превращающий коммуникативную систему в фабрику когнитивных искажений[37].

Природу и последствия такой формы коммуникации позволяет оценить концепция «двойного послания» (*double bind*) Г. Бейтсона, который связывал невротизацию поведения детей с хроническими противоречиями между предписаниями родителей и категорическим запретом обсуждать контекст этих противоречий. Политологи применяют эту концепцию для анализа коммуникативных истоков политической гегемонии[38]. Такие послания, став нормой, систематически отстаиваемой значимыми для субъекта фигурами, закрепляют у субъектов коммуникации неспособность нормально взаимодействовать. Возникает трансконтекстуальный синдром, мешающий правильно определять контекст сообщения, «последовательная дискредитация» сообщений как «не представляющих ценности», взаимоисключающие оценки сообщений и запрет на их обсуждение. В результате в процессе коммуникации субъекты не сближаются, а отстраняются и маскируются друг от друга, описывают реальность не прямо, а при помощи скрытых метафор, ставят под сомнение наличие стабильных отношений между собой, обращаются в описании истории отношений к конспирологии и теориям заговора, пытаются «исказить или скрыть любую пространственно-временную привязку»[39].

В рамках цивилизационных и темпоральных представлений, которые европейцы транслировали в Россию, сочетались несочетаемые контексты и оценки ее населения и культуры, как их обозначают Г. Бейтсон и М. Болетси. Русские одновременно соответствовали концептуализируемому (известному) и неконцептуализируемому (варварство – мир непонятного), воспринимаемому в модусе реальности и модусе воображе-

[36] Спивак 2001.
[37] Бейтсон 2000. С. 237, 240; Ионов 2015. С. 112-117, 142.
[38] Поцелуев 2008.
[39] Бейтсон 2000. С. 232-233, 240, 260-261, 299; Ионов 2015. С. 111-117.

ния (метафоры), имели место в политической истории (как исторический народ) и не имели места в истории разума (как неисторический народ), отвечали позитивному стандарту (цивилизация) и негативному стандарту (мнимая цивилизация, варварство и прямая дикость), были пригодны для общения (как современники) и непригодны для общения (как пережитки прошлого)[40]. Это типичный трансконтекстуальный синдром, сопровождающий «двойное послание», необходимые составляющие которого, как уже было сказано, «разрыв в ткани контекстуальной структуры сообщений», «последовательная дискредитация» сообщений как «не представляющих ценности», взаимоисключающие внушения (оценки) и запрет на их обсуждение[41].

Следствием подобного рода коммуникации было сопротивление большой группы стран, оказавшихся в межеумочном положении на дрейфующих границах цивилизации и современности. Политика темпоральной сегрегации оказывалась направленной против местного истеблишмента, который в стремлении восстановить позитивную самоидентификацию постепенно проникался ненавистью к глобальному истеблишменту. Для таких ситуаций характерна инверсия от первоначального стремления стать цивилизованными, заимствуя достижения Запада – к сопротивлению западным идеалам, в т.ч. вооруженному, что вело порой к мировым войнам, и некоторые из них обозначались как «войны за цивилизацию» (Первая мировая война с французской стороны именовалась «*la guerre pour la civilisation*», а с немецкой – «*Kulturkrieg*»)[42]. Вообще история Германии типична в этом отношении.

Германия: рождение и тупик контргегемонии

Цивилизационный статус Германии в XVIII–XX вв. был выше статуса России. Тем не менее, в 1740 г. Э. де Мовийон находил немецкий язык «грубым и варварским», а цивилизацию заемной, так как немецкие поэты по большей части переводили английских, французских и итальянских. Это мнение в 1780 г. поддерживал прусский король Фридрих II, который, по словам Элиаса, в угоду вкусам «хорошего общества» Европы, т.е. глобального истеблишмента того времени, называл немецкий язык «полуварварским», а в пьесах находил «варварские неправильности». Правда, Фридрих, в отличие от иностранцев, связывал это не с природой немецкой культуры, а со случайными обстоятельствами истории, которые поможет преодолеть подъем благосостояния страны. Однако это не отменяло темпорального дистанцирования современной ему культуры Германии от французских идеалов[43].

---

[40] Boletsi 2013. P. 4.
[41] Бейтсон 2000. С. 232-233, 240, 261, 299.
[42] Ионов 2007[б]. С. 298.
[43] Элиас 2001. Т. 1. С. 66-70.

Становление национального сознания и позитивной самоидентификации потребовало от немецкой буржуазии дистанцирования от культурной гегемонии Франции и создания в рамках гегемонического дискурса системы *контргегемонии*. С ней связано, как указывал Элиас, переосмысление понятий «культура» и «цивилизация», им придавали «специфически немецкие черты и направленность», при помощи которых стремились обеспечить дискурсивную гегемонию Германии[44]. Это не укладывается в представления о франко-германском культурном трансфере, как его видит Эспань, отрицающий роль Парижа как культурного центра и гегемона на том основании, что это «глубоко чуждо философскому принципу Просвещения», и настаивающий на обоюдном характере трансфера как системы экспорта-импорта культуры[45]. Однако слова Элиаса раскрывают истоки описанной, но не объясненной Эспанем «враждебности» немецкой историографии к французской культуре и причин того, почему немцы оценивали французские сенсуалистские корни понятия *Bildung* как запретные для осознания и буквально «нечистые»[46]. Элиас прямо писал, что понятие «“Культура” служила для самоутверждения Германии и выражения ее противопоставления западным странам, выступавшим под флагом “цивилизации”». В философии истории К. Германна (1870) обнаруживалось противопоставление Франции как страны поверхностной и материальной цивилизации и Германии как страны духовного и эмоционального просвещения (*Bildung*)[47].

Но, в полном соответствии с представлениями Бейтсона, в контексте патогенной коммуникации, развивавшейся под влиянием гегемонического дискурса, подобное «самоуправство» было воспринято негативно, как признак нецивилизованности самих немцев. После Первой мировой войны новые «двойные послания» еще более невротизировали немецкое население. Бейтсон указывал, что в результате Версальского мира и Парижской мирной конференции Германия получила от победителей «двойное послание»: предписание идеального справедливого мира (В. Вильсон) и предписание реального грабительского мира (Ф. Фош). «Это было одно из величайших предательств в истории нашей цивилизации. Это поразительное событие прямо вело ко Второй мировой войне. – писал Бейтсон, – Но, возможно, гораздо более интересен тот факт, что оно вело к тотальной деморализации германской политики… после такого обращения деморализации нации следовало ожидать»[48].

Подобная ситуация непосредственно связана с вопросом о соотношении универсальных принципов (на которые напирает Эспань) и их

---

[44] Там же. С. 71.
[45] Эспань 2018. С. 40-41, 231, 379, 678, 695.
[46] Там же. С. 90, 285, 370.
[47] Элиас 2001. Т. 1. С. 90.
[48] Бейтсон 2000. С. 438.

локальных воплощений для пограничных народов. Политолог С.П. Поцелуев отмечает, что после Первой мировой войны имела место целая серия «двойных посланий»: Германию приглашали присоединиться к универсальным принципам (право наций на самоопределение), которые не распространялись на Германию. Одна карта послевоенных границ стран Восточной Европы постоянно заменялась на другую, трактовка договора как мирного – его интерпретацией как перемирия. «Германия, загнанная в тупик парадоксального побуждения к действию, не могла выбирать между миром и войной, ибо никакая из этих альтернатив фактически (в рамках Версальской системы) не допускалась. Германии как бы говорили: “Следуй миру, который… приглашает к новой войне”». К тому же, «Веймарской республике грозило наказание как в случае послушного, так и в случае строптивого поведения. И у нее не было возможности высказаться на каком-то равноправном для нее международном форуме по поводу противоречивой и несправедливой политики со стороны держав-победительниц… Имел место один из существенных элементов *double bind*, а именно – запрет на осознание (артикуляцию) содержащейся в нем противоречивости»[49].

Побежденные немцы лишались права на позитивную самооценку. Психолог Э. Эриксон отмечал, что «поражение Германии и Версальский договор вылились в широко распространенную травмирующую утрату идентичности». Был выбран путь «негативной конверсии» идентичности, нарочитой демонстрации свойств, которые считались на Западе «варварскими». Это был переход от *контргегемонии*, претендовавшей на более высокий нравственный уровень и победу в диалоге – к *псевдогегемонии*, разрывавшей с нравственностью и сосредоточенной на силе. В итоге страна оказалась «под предводительством банды подростков-переростков криминального склада». Немцы, ранее чувствительные к критике иностранцев, разорвали не только с западной идеей цивилизации, но и с немецким контргегемоническим идеалом *Kultur*[50].

Немецкий агрессивный комплекс неполноценности проявился в невротическом стремлении к господству и контролю, в расизме и антисемитизме как сверхкомпенсации чувства личной неполноценности, в магическом восприятии мира, производном от чувства незащищенности, как у описанных О. Маннони французских колонизаторов[51]. Арийский исторический миф был призван переместить границу гегемонии, дискредитировать как сомнительные и бесперспективные достижения западного общества[52].

---

[49] Поцелуев 2008. С. 18-19.
[50] Эриксон 1996. С. 121, 202, 326.
[51] Ср.: Mannoni 1956. P. 105, 118-121, 127-128, 148, 167.
[52] Эриксон называл это «псевдологическим извращением истории»: 1996. С. 327.

Непоследовательный универсализм обернулся своим отрицанием.

Какова логика возникновения контргегемонии и псевдогегемонии. Каково их воздействие на историческую картину мира и историческое знание, как возможно деконструировать гегемонический дискурс и каково в этом процессе желание историка – на эти вопросы я постараюсь ответить в последней статье этой серии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Пер. Б. Хлебникова. М.: НЛО, 2017. 272 с. [Assman A. Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna / Per. B. Hlebnikova. M.: NLO, 2017. 272 s.]

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. Д.Я. Федотова, М.П. Папуша. М.: Смысл, 2000. 476 с. [Bateson G. Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psihiatrii i epistemologii / Per. s angl. D.YA. Fedotova, M.P. Papusha. M.: Smysl, 2000. 476 s.]

Вернер М., Циммерманн Б. После компаратива: histoire croisée и вызов рефлексивности // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 59–90 [Werner M., Zimmermann B. Posle komparativa: histoire croisée i vyzov refleksivnosti // Ab Imperio. 2007. № 2. S. 59–90.]

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛО, 2003. 560 с. [Wolf L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu. Karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya / Per. s angl. M.: NLO, 2003. 560 s.]

Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Соч. в 18 т. Т. 8 / Пер. А.М. Водена. М.: Гос. Соц.-экон. изд-во, 1935. 470 с. [Hegel G.V.F. Filosofiya istorii // Gegel' G.V.F. Soch. v 18 t. T. 8 / Per. s nem. A.M. Vodena. M.: Gos. soc.-ekon. izd-vo, 1935. 470 s.]

Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // Герцен А.И. Соч. в 9 т. Т. 7. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1958. С. 263-308 [Gercen A.I. Russkie nemcy i nemeckie russkie // Gercen A.I. Soch. v 9 t. T. 7. M.: Gos. Izd-vo hudozh. literatury, 1958. S. 263-308]

Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Ст. 4 // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С. 123-140 [Ionov I.N. Global'naya istoriya i izuchenie proshlogo Rossii. St. 4 // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2014. № 6. S. 123-140]

Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2015. 464 с. [Mirovaya istoriya v global'nyj vek: Novoe istoricheskoe soznanie / Otv. red. L.P. Repina. M.: Akvilon, 2015. 464 s.]

Ионов И.Н. Образы пространства и времени в имперском/колониальном и постколониальном дискурсах // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., Кругъ, 2008. С. 337-370 [Obrazy prostranstva i vremeni v imperskom/kolonial'nom i postkolonial'nom diskursah // Dialogi so vremenem. Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoj. M., Krug", 2008. S. 337-370]

Ионов И.Н. Стратегии деисторизации // Образы времени и исторические представления. Россия-Восток-Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2010. С. 48-65. [Ionov I.N. Strategii deistorizacii // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya. Rossiya-Vostok-Zapad / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug, 2010. S. 48-65.]

Ионов И.Н. Феномен мультитемпоральности // Время–История–Память. Историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007а. С. 14–37 [Ionov I.N. Fenomen mul'titemporal'nosti // Vremya–Istoriya–Pamyat'. Istoricheskoe soznanie v prostranstve kul'tury / Pod red. L.P. Repinoj. M.: IVI RAN, 2007[a]. S. 14–37]

Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Наука, 2007[б]. 499 с. [Ionov I.N. Civilizacionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodejstviya / Otv. red. L.P. Repina. M.: Nauka, 2007[b]. 499 s.]

Кюстин А де. Россия в 1839 году. В 2 т. Т.1. СПб.: Крига, 2008. 704 с. [Custine A de. Rossiya v 1839 godu. V 2 t. T.1. SPb.: Kriga, 2008. 704 s.]

Морозов В.Е. Россия и другие. Идентичность и границы политического сообщества. М.: НЛО, 2009. 656 с. [Morozov V.E. Rossiya i drugie. Identichnost' i granicy politicheskogo soobshchestva. M.: NLO, 2009. 656 s.]

Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. 528 с. [Popper K.R. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V 2 t. T. 2. M.: Feniks, Kul'turnaya iniciativa, 1992. 528 s.]

Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: АСТ; Ермак, 2004. 638 с. [Popper K.R. Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya. M.: AST; Ermak, 2004. 638 s.]

Поцелуев С.П. *Double Binds* или Двойные ловушки политической коммуникации // Полис. Политические исследования. 2008. №1. С. 8-32 [Poceluev S.P. Double Binds ili Dvojnye lovushki politicheskoj kommunikacii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2008. №1. S. 8-32]

Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с. [Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Istoriya i vremya. V poiskah utrachennogo. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1997. 800 s.]

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говоруна. СПб.: Русский Міръ, 2006. 638 с. [Said E.V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka / Per. s angl. A.V. Govoruna. SPb.: Russkij mir, 2006. 638 s.]

Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования / Под ред. С.В. Жеребкина. В 2 ч. Ч. 2. СПб.: Алетейя; Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 2001. С. 649-670 [Spivak G.CH. Mogut li ugnetennye govorit'? // Vvedenie v gendernye issledovaniya / Pod red. S.V. ZHerebkina. V 2 ch. CH. 2. SPb.: Aletejya; Har'kov: Har'kovskij centr gendernyh issledovanij, 2001. S. 649-670]

Трельч Э. Историзм и его проблемы / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 719 с. [Troelch E. Istorizm i ego problemy / Per. s nem. M.: YUrist, 1994. 719 s.]

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. 332 с.; т. 2. 382 с. [Elias N. O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya. V 2 t. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. T. 1. 332 s.; t. 2. 382 s.]

Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис / Пер. с англ. А.В. Толстых. М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. 352 с. [Erikson E. Identichnost': YUnost' i krizis / Per. s angl. A.V. Tolstyh. M.: Flinta, MPSI, Progress, 2006. 352 s.]

Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с франц. Под ред. Е.Е. Дмитриевой. М.: НЛО, 2018. 816 с. [Espagne M. Istoriya civilizacij kak kul'turnyj transfer / Per. s franc. Pod red. E.E. Dmitrievoj. M.: NLO, 2018. 816 s.]

Boletsi M. Barbarism and its Discontents. Stanford: Stanford University Press, 2013. 328 p.

Castro-Gómez S. The Missing Chapter of Empire: Postmodern Reorganization of Coloniality and Post-Fordist Capitalism // Cultural Studies. Vol. 21. №.2-3. March/May 2007. P. 428-448.

Elias N., Scotson J.L. The Established and the Outsiders: A Sociological Enquiry Into Community Problems Theory, Culture & Society. L.: Sage 1994.

Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. L., N.Y.: Verso, 2001. 198 p.

Mannoni O. Prospero and Caliban. The Psychology of Colonization. L.: Methuen, 1956. 218 p.

Maslow A. The Psychology of Science. A Reconnaissance. N.Y.; L.: Harper & Row, 1966. 186 c.

Morozov V.E. Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 209 p.

Osterhammel J. Geshichtswissenschaft jenseits des Nationalsstaat. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. 384 S.

Säävälä M. Occidentalism and Asian Middle-Class Identities: Notes on Birthday Cakes in an Indian Context // Identity in Crossroad Civilisations: Ethnicity, Nationalism and Globalism in Asia / Ed. by E. Kolig a.o. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. P. 133-146.

***Ионов Игорь Николаевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; cih@igh.ras.ru*

Correction of the temporal regime and problems of the theory of history. Part 2

The article deals with the problems of historical consciousness and historical knowledge of Modernity in the context of the theory of «the process of civilization» by N. Elias and his followers. To interpret it, the ideas of discursive hegemony by E. Laclau and Ch. Mouffe, cultural transfer by M. Espagne, double bind by G. Bateson are also involved. It is shown that discursive hegemony is related to a temporal hegemony, which uses notions of time as «empty signifiers». During the process of civilization not only a new temporal regime, but also a number of local images of time are formed, and the temporal hierarchy is built. On the basis of this hierarchy the ideology of temporal segregation is created, embodied in foreign and especially in the colonial policy of the West. It determines the boundaries of Metropolitan areas and colonial world, settlements and ghetto, malls and outskirts of cities, and also the policy of social hygiene. Psychological phenomena related to temporal hegemony are analyzed: cognitive biases of historicism and double binds in the communication of world establishment and border civilizations. Their role in the formation of phenomenona of counter-hegemony and pseudo-hegemony within the hegemonic discourse is shown.

Keywords: process of civilization, temporal regime, hegemony, counter-hegemony, pseudo-hegemony, empty signifier, cultural transfer, double bind, cognitive bias

Igor Ionov, *Ph.D. in History, senior research fellow, Department of Historical and Theoretical Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; cih@igh.ras.ru*

Э. Г. Задорожнюк, И. Е. Задорожнюк

ФЕНОМЕН СУГГЕСТИИ И КОНТРСУГГЕСТИИ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЕЙ*

Доказывается востребованность понятий *суггестия* и *контрсуггестия*, введенных в дискурс общественных наук Б.Ф. Поршневым; дается их расширенное определение в русле междисциплинарного подхода. Обосновывается настоятельность новых моментов в оценивании событий Отечественной войны 1812 г. и Октябрьской революции 1917 г. Дана трактовка романа «Война и мир» Л. Толстого и трилогии М. Алданова «Ключ», «Бегство», «Пещера» как исторических источников в ракурсе диалектики суггестии и контрсуггестии. Эта трактовка, в частности, базируется на концепте постнеклассического типа научной рациональности (В.С. Степин), предполагающем привлечение всех видов знания к объяснению природы и сути исторических феноменов, не схватываемых уже устоявшимися познавательными процедурами.

***Ключевые слова*:** *исторический феномен, социальные процессы, суггестия, контрсуггестия, революционаризм, провокация, войны, революции*

Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые
Ф.И. Тютчев

Романы «Война и мир» Л. Толстого и «Ключ», «Бегство», «Пещера» М. Алданова можно считать полноценными историческими источниками, не только исходя из того, что многие читатели воспринимают 1812 год по творению Толстого, а революцию 1917 г. – по трилогии Алданова, но и с опорой на концепт постнеклассического типа научной рациональности, предполагающий привлечение всех разновидностей знания к объяснению природы и сути феноменов, не схватываемых познавательными процедурами классического и постклассического ее типов. Данный концепт введен в общенаучный оборот философом В. Степиным и его школой. В его арсенал входят, к примеру, художественное воображение, нравственные ценности, даже мифы и верования[1].

Что касается понятий «суггестия» и «контрсуггестия», то их смело и обоснованно ввел в научный дискурс историк Б. Поршнев. Суггестия *(лат.* внушение) рассматривалась им как результат словесных или эмоциональных воздействий, исходящих от одного (нескольких) субъектов к другим и влияющих на их восприятие, чаще всего некритическое. При этом «суггестия в чистом виде тождественна полному доверию к внушаемому содержанию, в первую очередь к внушаемому действию. Это полное доверие, в свою очередь, тождественно принадлежности обоих участников данного акта или отношения к одному “мы”, то есть к чистой и полной социально-психической общности, не осложненной пере-

* Памяти ушедших из жизни ученого-естественника Ивана Николаевича Андронова и ученого-обществоведа Анатолия Васильевича Дмитриева посвящается.

[1] Степин 2003.

сечениями с другими общностями, а конструируемой лишь оппозицией по отношению к “они”. Поскольку речь идет о тождестве, закономерна и обратная формулировка: психическая общность (“мы”) в ее предельно чистом случае это есть поле суггестии, или абсолютной веры. Отсюда еще одно тождество: полная суггестия, полное доверие, полное “мы” тождественно внелогичности (принципиальной неверифицируемости)»[2]. Контрсуггестия указывала на психические механизмы недоверия к воспринимаемому, а затем на неприятие общепринятого, что, по Поршневу, как раз и задает векторы собственно исторического развития, преодолевая во многом биологические механизмы суггестии. Понятия суггестии и контрсуггестии многое могут прояснить в анализе смены установок в массовом сознании и в доминирующих настроениях в ходе исторических событий. Механизмы их переключения очень сложны, но выявляемы, в т.ч. через анализ произведений искусства, если осуществлять его с учетом приемов постнеклассического типа научной рациональности. Мы обратимся к их рассмотрению, ни в коем случае не претендуя на окончательность оценок. Отметим лишь, что они все же бросают дополнительный свет на самые массовидные и неоднозначно трактуемые события, в первую очередь войны и революции.

Как известно, многие воспринимали и воспринимают события 1812 года по роману «Война и мир» Л. Толстого, а не по историческим источникам, суждениям (военных) историков и даже свидетельствам очевидцев. Одна из причин – объемное описание суггестии, охватившей «міръ», т.е. множество отечественных сообществ: как отдельных слоев, так и народа в целом, поднявшего «дубину войны». Этот роман о том, какая сила потрясает «міры» и производит войну – самое страшное преступление, порождающее тысячи и тысячи других – шаг в художественном развитии всего человечества (на что указывал в своих статьях будущий вождь революции). Но не менее важно другое: он, можно сказать, эмпирически и проникновенно описывает силы, двигающие тем же человечеством на ключевых пунктах его истории.

Что же это за силы? Они отнюдь не благостны, а часто деструктивны, а главное – трудно постигаемы. Вот одно из объяснений самого Толстого в заметке «Несколько слов по поводу “Войны и мира”», отдающее звериной жестокостью, но, по убеждению писателя, – трудно опровергаемое. «Зачем, – пишет он, – миллионы людей убивали друг друга, тогда как с сотворения мира известно, что это и физически и нравственно дурно? Затем, что это так неизбежно было нужно, что, исполняя это, люди исполняли тот стихийный, зоологический закон, который исполняют пчелы, истребляя друг друга к осени, по которому самцы животных истребляют друг друга. Другого ответа нельзя дать на этот страшный во-

[2] Поршнев 1972. С. 13.

прос»[3]**.** Более конкретный вопрос – а какая сила стимулировала в 1812 г. движение людских масс на Восток? Неужели только воля одного человека – Наполеона? Почему вчерашние обыватели из Франции и Баварии, Голландии и Швейцарии приняли участие в этом движении, одев военные мундиры? Обыватели, которые представлены писателем достаточно зримо – и люди, вроде, неплохие. Как и те, кто их встретил в России – в военных мундирах и без, зато с топором и дубиной… Ведь упомянутые силы в людях, а не только в вождях. Но на эту силу нашлась другая: под ее воздействием уже русские под водительством, по видимости, пассивного своего вождя Кутузова погнали неприятеля с востока на запад. И те же баварцы и голландцы, не говоря уже о большинстве французов, начали именовать Наполеона «узурпатором», а не «императором».

Толстой пытался понять войну по-новому, чего многие истолкователи-современники ему не прощали. Одни – историки – ловили его на ошибочном описании сражений, другие ерничали над «каратаевщиной», третьи отказывали в способности к научному анализу. Даже единомышленник Н. Страхов не мог не то что защитить – понять писателя. Разве только Ф. Достоевский на примере тщательного анализа не столько «Войны и мира», сколько «Анны Карениной» подчеркнул, что Толстому удается детально и убедительно описывать, говоря языком современной науки, сдвиги в массовом сознании в моменты его переформатирования.

Многие трактовали смерть Толстого как предвестие конца устоявшегося «міра» и его тотальное озверение – что и произошло. И мало кто выходил за объяснения в рамках самого разного – социального, политического, экономического и т.п. – детерминизма, присущего самому Толстому. Ему же пришлось грубо, но с искренней прямотой объяснять причины наращивания злобной суггестии в годы войн и – косвенно – причин нарастания суггестии революционаризма. И он задавал домашнее задание исследователям XX века: показать нахождение за тонкой цивилизационной коркой темных веществ некой магмы суггестии, всеми силами прорывающейся на поверхность социума в разные исторические времена. «12 июня, – читаем в романе, – силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые, в этот период времени, люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления»[4]. Причины нашествия сводятся совсем не к честолюбию его предводите-

[3] Толстой 1963. Т. 7. С. 390.
[4] Толстой 1962. Т. 6. С. 7.

ля: их, считает Толстой, насчитывались буквально миллионы, поскольку в жизни каждого его участника были стороны личная и роевая, стихийная, бессознательная. Для объяснения протекания которой термин «суггестия» подходит как никакой иной.

Это сила трудно постигаемого разумом, но ощущаемого всеми сплочения «мы» против «они», преодолевающая любые личные устремления абсолютная вера, тождественная внелогичности[5]. Вот как она манифестируется в кульминации Бородинского сражения. «Измученным, без пищи и без отдыха, людям той и другой стороны начинало одинаково приходить сомнение о том, следует ли им еще истреблять друг друга, и на всех лицах было заметно колебанье, и в каждой душе одинаково поднимался вопрос: “Зачем, для кого мне убивать и быть убитому? Убивайте, кого хотите, делайте, что хотите, а я не хочу больше”. Мысль эта к вечеру одинаково созрела в душе каждого. Всякую минуту могли все эти люди ужаснуться того, что они делали, бросить все и побежать куда попало. Но хотя уже к концу сражения люди чувствовали весь ужас своего поступка, хотя они и рады бы были перестать, какая-то непонятная, таинственная сила еще продолжала руководить ими…»[6].

Это сила суггестии, которая побуждает достигать бессмысленной в сложившейся ситуации победы любой ценой; сила сплочения общности, приводящая ее на грань самоистребления; сила, тайну которой объяснить, опираясь лишь на рациональные доводы, невозможно.

Условно говоря, контрсуггестор Лев Толстой своим романом не только объяснял природу и характер проявления этой силы, но стремился показать ее деструктивный для судеб человечества характер. Под его осуждение попадает любая война – вчера, сегодня и завтра; в частности, и поэтому «Войну и мир» читают и почитают во всем мире.

Описание суггестии Л. Толстым можно назвать – крайне условно – эпическим, у М. Алданова же оно характеризуется некой надрывностью. Надрывно ожидание революции в романе «Ключ», надрывен – уход от (и из) нее в романе «Бегство», надрывна – с элементами самоубийства – адаптация с новой родиной, западом в романе «Пещера». Если Толстой, изображая войну 1812 г., охватывал события с 1805 г. по 1825 г., то временной диапазон романов Алданова – конец 1916 г. – 1920 г. Ткань истории и в то, и в другое время – как редко когда – полно выявляла кровавую и непонятную свою изнанку. Нужны были новые способы ее схватывания (аллюзия на немецкое der Begriff – понятие, производное от begreifen – понимать, схватывать, познавать как Адам Еву, не случайно слово *понятие* в немецком мужского рода, как и латинское *концепт*). Это было просто не под силу, к примеру, историку 1812 г. О. Тьеру или

[5] Поршнев. 1972. С. 13.
[6] Толстой 1962. Т. 6. С. 297.

хронографу революции Н. Суханову, но писательские трактовки часто вызывали едва ли не возмущение пытливых и мыслящих специалистов, особенно людей, перед которыми вырисовывалась необходимость развенчания многих иллюзий. Действительно, многие герои и Толстого, и Алданова не сдерживались в своих суждениях о, казалось бы, незыблемых истинах. Так, Николай Болконский в диалоге с Пьером Безуховым указывает на это с полной определенностью относительно иллюзии вечного мира – замените-де для этого кровь водой. Остается – в продолжение – привести слова А. Блока в поэме «Возмездие» о том же: «И черная, густая кровь / Сулит нам, разрушая межи/, Все разрывая рубежи/ Невиданные перемены,/ Неслыханные мятежи».

Конечно, о мощи разрушительных сил в истории знали и знают многие ученые и мыслители. Это знал К. Маркс, а затем В. Ленин, когда утверждали, к примеру, что привычка масс – страшная сила. Правда, к аргументам социобиологического характера они прибегали нечасто. Внимательнее всматривался в природу этих феноменов психиатр В. Бехтерев, трактуя их как коллективные рефлексы. Однако социальная мысль того и нашего времени, причем не только соотносимая с философским направлением позитивизма или неопозитивизма, смотрела на них едва ли не с презрением и присловьем «Чур меня!».

(Квази)контрсуггестором в романах Алданова выступает не он сам, как Лев Толстой в «Войне и мире», а два его протагониста: именно ученый-естественник и юрист фиксируют нарастание напряжения, связанного с тем, что условно можно назвать суггестией революционаризма. Употребим этот термин для обозначения не столько революционных действий, сколько иллюзорных ожиданий и оценок, с ними связанных; соответственно можно считать правомерным разделение на революционеров и революционаристов[7]. Книги Алданова в качестве исторического источника в данном ракурсе практически не рассматривались. А ведь они являют собой своеобразную запись сейсмографа революционных настроений на их пике и спаде. Романы освещают исторически явленную в указанные времена суггестию с такой полнотой, которая недостижима пока средствами социологического, психологического и тем более политологического анализа. И даже если применить к ее рассмотрению комплексный социальный анализ – чего-то будет недоставать.

Первый роман «Ключ» (1930) описывает горячечные ожидания революции. Особо суггестивно это «нетерпение» (слово Ю. Трифонова, характеризующее настроения небольшой группы революционеров 1870-х гг.; их передал и сам Алданов в романе «Истоки») в России перед февралем 1917 года охватило все слои общества. Примечателен на этом фоне диалог ученого-естественника Александра Брауна и сотруд-

[7] См.: Задорожнюк 2010.

ника тайных служб полиции юриста Сергея Федосьева, в котором затрагиваются и глубинные причины такого нетерпения.

В беседе неизбежно возникает вопрос: долго ли так можно прожить? И констатация со стороны представителя власти: «Все мы смутно чувствуем, что дело плохо. И заметьте, большинство очень радо: грациозно этак, на цыпочках в пропасть и спрыгнуть». А далее он же выводит складывавшуюся ситуацию из некоего ущербного качества отечественной жизни: чаще всего сомневаются в пригодности своего дела как раз профессионалы: «У нас военные по настроению чужды милитаризму, юристы явно не в ладах с законом, буржуазия не верит в свое право собственности, судьи не убеждены в моральной справедливости наказания…»[8]. Это, можно сказать, архетипическое наблюдение, с которым вынужден согласиться ученый-естественник, «деликатно» склоняющийся к революционаризму – но с максимальным дистанцированием от присущей таковому суггестии. Оба согласны, что в процессе фатального приближения революции некоторые идеи и связанные с ними образцы поведения приобретают черты навязчивости.

В этой мгле суггестии обнаруживаются и очаги вряд ли одобряемой контрсуггестии: «Революция – недурная карьера, разумеется, революция осторожная. В среднем, немного опаснее ремесло, чем, например, военная служба, зато настолько же и выгоднее, ведь повышение идет куда быстрее»[9]. Подобной глубины суждения редко обнаруживаются даже у самых проницательных социальных аналитиков – у писателя конкурентов не обнаруживается в констатации такой амбивалентности.

Если бы Браун с Федосьевым и пересказывающий их взгляды Алданов были бы знакомы с основами социобиологии, они прибегли бы к ее аргументам – как это сделал Толстой, допуская возможность самоистребляющего «зоологического закона» в поведении людей. Отметим, что понятие «социобиология» ввел в 1975 г. энтомолог Э. Уилсон для объяснения феноменов альтруизма и – позже – агрессии в человеческом поведении, выводя их из биологических инстинктов[10]. Это междисциплинарное исследовательское поле разрабатывалось и ранее, социобиологию, например, сопоставляют с социал-дарвинизмом, довольно беззубым по сравнению с ней: в нем ведь «овцы поедали людей», как в Британии в канун Нового времени, или люди поедали своих ближних по внятным – экономическим – причинам. Социобиология же анализирует причины этого самоистребитель-ного взаимопоедания куда глубже.

Ученый-естественник Браун, объясняя нарастание суггестии революционаризма, замечает, что революционер Герцен за революционари-

[8] Алданов 1991. Т. 3. С. 91.
[9] Там же. С. 93.
[10] См.: Wilson 1975.

стов-адвокатов не отвечает. Поэтому не столь страшна пропасть между русской интеллигенцией и народом, сколь таковая между вершинами русской культуры и ее золотой серединой. Так, на вершинах русский либерализм замечательное, может даже, явление мировое, на упомянутой же середине он отдает пошлостью… Как оперное либретто «Фауста» (или «Пиковой дамы»), уточняет его собеседник-охранитель. И добавляет: «Что до низов… Волей судьбы вершины нашей мысли сейчас указывают то самое, чего хотят низы, и это наше счастье. Но, может быть, так будет недолго, связь ведь, в сущности, случайная, и это наше несчастье. Иными словами, вполне возможно, что в один прекрасный день низы нас с нашими идеями пошлют к черту. А мы их.

– Непременно так и будет. Только вы их пошлете к черту фигурально, а они вас без всяких метафор»[11], – резюмирует Браун.

Что в этом диалоге проясняется относительно суггестии революционаризма? Во-первых, идентификация революции с неотвратимым праздником, в ходе которого для радости разрушения годится любой повод – в данном случае юбилей адвоката (не без аллюзий на А. Керенского?). Во-вторых, то, что «публика» – и верхи, и низы – все принимает всерьез: как пустые слухи, так и расходящиеся с устоявшимся порядком намерения и поступки, в том числе преступления. В-третьих, это мобилизующее единение тех же верхов и низов, когда представители царствующих династий ходят по улицам с красными бантами (так было не только в России 1917 года, но и во Франции в конце XVIII века, да и практически в начале любой революции); отрезвление наступает быстро, что и показывает опыт каждой революции.

Конечно, можно сказать: легко-де Алданову было описывать и оценивать уже произошедшее. Нет, дьявол, как говорят, в деталях. Писатель с таким мастерством в данном диалоге, да и во всем романе, выявляет и группирует праздник горячки революционаризма, так анатомирует соответствующую суггестию, что его анализ приобретает черты одновременно первичности и классичности.

Остается добавить: празднество в честь юбилея и сопутствующие бал и благотворительный вечер как предвестники обострения указанной горячки описывались и до Алданова. Наиболее ярко – в «Бесах» Достоевского и «Петербурге» Андрея Белого, причем у последнего – с еще большим сарказмом. Хозяин бала, естественно, либеральствующий чиновник, танцевал с детства, на этом выстроил карьеру и приобрел богатство, которое протанцевал: «Танцевалось все это легко, незатейливо, радостно. Он теперь дотанцовывал себя сам». Кстати, мрачно звучавшим фоном указанных танцев был звук: «Уууу-ууууу-ууу: так звучало в пространстве; звук – был ли то звук? Если то и был звук, он был звук несо-

[11] Алданов 1991. С. 216.

мненно иного какого-то мира; достигал звук этот редкой силы и ясности: “ууууу-ууууу-ууу” раздавалось негромко в полях пригородных Москвы, Петербурга, Саратова: но фабричный гудок не гудел, ветра не было; и безмолствовал пес»[12]. Был это, по нашему соображению, звук суггестии революционаризма. Затем все о тех же политизированных танцах писал М. Булгаков в «Мастере и Маргарите»…

И вот – начало реального обострения горячки революционаризма глазами третьего не столь проницательного героя: следователя Яценко, почувствовавшего, правда, сразу же ее издержки. На улицах необыкновенное оживление, собираются толпы народа, который идет по мостовой, хотя достаточно места и на тротуарах, улицы ярко освещены. «Одни шли, как на сцене статисты во время победного марша, другие – так, точно неслись куда-то на крыльях. Восторженное волнение выражалось на всех лицах. У многих было даже **молитвенное** выражение, которое показалось Николаю Петровичу неестественным»[13]. Остается вспомнить Манежную площадь 1990-х – и послевкусие более позднего времени.

Алданов фиксирует в оценках своего героя и элементы контрсуггестии. События по-прежнему переполняют его душу радостью, но уже меньше, чем дома, и не так убеждающе после пожара в здании суда, а главное – вид толпы, горячечно приветствующей революцию: хоть немного, да изменить настроение думающего юриста (пытливого и честного, как видно из предшествующего содержания романа) она все-таки может. Контрсуггестия на личностном уровне даже профессионала в таких условиях рождается с трудом. «Он еще неясно сознавал эту перемену и несколько ее стыдился. “Нельзя быть впечатлительным, как нервная дама! – сказал себе Яценко. – Все радуются освобождению страны и совершенно правы. Сбылась мечта декабристов, мечта десятка поколений… И все-таки что-то не то… Вот и после взятия Перемышля такая же была радость на улицах – искренняя и не совсем искренняя. Собственно, настоящий восторг может быть только от событий личных”, – нерешительно подумал он. Загораживая дорогу Николаю Петровичу, два человека заключили друг друга в объятия. Он раздраженно на них взглянул, пытаясь короткими шажками обойти их то справа, то слева.

– …Да как же, у казарм войска **братаются** с народом! – восторженно сказал господин в котиковой шапке. – Я сам видел!..

– Господи, неужели это окончательно? Довелось же дожить!.. Из тюрем выпустили **узников**, которые там **томились**…

“Как, однако, неестественно стали говорить люди, – подумал Яценко, проходя”»[14]. Обратим еще раз внимание на выделенные самим

[12] Белый 1981. С. 77, 153.
[13] Алданов 1991. С. 252.
[14] Там же. С.252.

Алдановым в тексте слова – они составляли основу мобилизующих речей наступающих времен «освобождения».

И дальнейшее продолжение праздника: «Казачий отряд проехал легкой рысью, разрезая проход на улице. Отшатнувшаяся к тротуарам толпа смотрела на казаков с тревожным чувством, как бы еще не выяснив своего отношения к этому явлению. У казаков вид был тоже странный, чуть растерянный и вместе молодцеватый более обычного, словно и они еще не решили, что нужно делать: не то **брататься** с толпою, не то взяться за нагайки. Николаю Петровичу показалось, что и то, и другое одинаково возможно. Казаки свернули в боковую улицу и скрылись. Все вздохнули свободнее»[15].

Амбивалентность групповой суггестии людей с нагайками схвачена в этом психологически выверенном наблюдении с выделенными мобилизующими словесами, с редким мастерством. В нем зафиксировано то, что позже начало называться точкой бифуркации – понятием, введенным еще одним эмигрантом, химиком, обрусевшим евреем (как и Алданов, кстати, тоже химиком по первому образованию) И. Пригожиным. Были ли они знакомы – пока неизвестно, но теория случая, исповедуемая естественником Брауном, протагонистом Алданова, и теория бифуркации имеют много общего.

Описанием приступа горячки революционаризма и соответствующей ему суггестии заканчивается роман «Ключ». Его – с определенными уточнениями и оговорками – можно трактовать как репортаж с Манежной – или той же Дворцовой – площадей немногим более 70 лет спустя.

В романе «Бегство» тоже примечательны в плане объяснения уже состоявшейся революции, прежде всего, диалоги, постоянным участником которых является Браун. Первый из них – стремление партийного функционера убедить Брауна, чтобы он – великий ученый ранга И. Павлова и К. Тимирязева – остался в России: второй ведь революцию поддержал и позже даже выпустил книгу «Наука и демократия» (1920). Позиция инициатора диалога – деятеля большевистской партии и профессиональной революционерки – в чем-то схожа с позицией А. Луначарского и даже В. Ленина. Действительно, почему не работать для науки в России, если здесь будут созданы условия хотя бы на началах постепеновства; так и произошло с тем же Павловым. Ведь если любишь родину крепко – оставайся с нею и в беде с правом критики, как профессор из пьесы «Кремлевские куранты». Альтернатива – гибель, которую как раз и избрал значительно позже через самоубийство тот же Браун.

Идет еще один обмен репликами – как ранее в разговоре с руководителем охранки – весьма осмысленными, но от этого не менее ядовитыми. Неучастие в революции трактуется Ксенией Фишер как мещанст-

[15] Там же. С. 253.

во с его принципиальной невосприимчивостью к новому человека, придерживавшегося ранее установок революционаризма. В большей степени контрсуггестор Браун парирует: «Глупое есть такое слово, которому очень повезло в нашей литературе: “мещанство”. Господи, какое мещанство вы породите в “самой революционной стране мира”! Ну, просто европейским лавочникам смотреть будет любо и завидно. А тогда вы все свалите на перспективу: посмотрим, мол, что люди скажут через пятьсот лет? Это очень удобно, и вы, вдобавок, будете правы, ибо и через пятьсот лет много будет дураков на свете»[16]. На что звучит ответ, которому не откажешь в некой логике: «…это характерно: бесстрашие философской мысли и отвращение к политическому действию. Безошибочный признак житейского дилетантизма, забвение всего того, чему вы служили…»[17].

Что же касается брауновского обличения – во многом справедливого – коммунистического мещанства (которое практически одновременно осуждали внутри новой России почти все писатели и поэты революции, прежде всего В. Маяковский), то его можно было бы скорректировать известным суждением И. Сталина: других обитателей у меня нет. С оговоркой, что “недругих”, выступавших против коммунистов, он безжалостно уничтожал, не считаясь с их социальным статусом. Пострадали и те, кто, по меткому замечанию Федосьева, делали ставку на «революционную карьеру». Но для профессора Брауна таких альтернатив нет: он безоговорочно требует заграничный паспорт. А его критика большевизма – страстная контрсуггестия, если можно использовать такой оксюморон. «Самое характерное для большевиков – плоскость… Среди вас есть люди очень неглупые, но загляни им в ум – в трех вершках дно; загляни им в душу – в двух вершках дно. А если еще добавить глубокое ваше убеждение в том, что вы соль земли и мозг человечества!.. Спорить с вами совершенно бесполезно и так скучно!.. Большевистская мысль опошляет и тех, кто с ней спорит…»[18]. А тем более попутчиков, к которым стремится отнести его собеседница.

До такой глубины обличения (не во всем справедливого) большевизма не доходили многие интеллигенты и мыслители России, включая пассажиров «философского парохода» – за редкими исключениями: тот же И. Ильин и П. Струве, а не в меньшей мере друзья писателя – И. Бунин и В. Набоков – обличали его еще доказательнее и яростнее. Но вот моменты разоблачительной контрсуггестии Браун представил очень рельефно. Правда, надо учесть, что этот протагонист Алданова высказывал свои мысли на определенной исторической дистанции: «Бегство» было написано к началу 1930-х гг. Но опять-таки, – дело в деталях. Уж

[16] Там же. С. 279.
[17] Там же.
[18] Там же. С. 255.

в чем в чем, а в пошлости убедительно обвинять большевизм тогда – в годы индустриализации и раскрестьянивания – надо было суметь.

Болевую точку Браун нащупал, но своего противника не переубедил: суггестия революционаризма не поддается критике принципиально. Ведь охваченным ею хоть что-то надо искать, в данном случае – собирать государство. Более того, Алданов устами Брауна генерализирует свою критику: «…большевистская партия – это гигантское общество по распространению пошлости на земле, – вроде американского кинематографа, только неизмеримо хуже. Людям свойственно творить гнусные дела во имя идеи, – здесь и вы, быть может, не побьете рекорда. Но иногда идея бывала грандиозной или хоть занимательной. А у вас и самой идее медный грош цена»[19]. Уж что-что, а стилистика Брауна оказалась весьма востребованной более чем 70 лет спустя. Логического блеска ей, может, и не хватало, но суггестия антибольшевизма просматривалась в ней тоже с высоким градусом пошлости.

В диалоге с экс-сыщиком Федосьевым реплики Брауна не менее ядовиты, а в чем-то убийственны: «Государство наше рухнуло, а наша жизнь, в которой было много истинно прекрасного, такого, чего я нигде в мире не видел, наша жизнь даже не разрушилась, а просто расползлась. Так, на моих глазах, теперь расползаются вполне порядочные люди, еще вчера не подозревавшие, что и они кандидаты в зверинец… И, разумеется, то, что случилось с нами, могло случиться с Францией, Англией, Германией, – теоретические выводы мои имеют очень общий характер. Народы становятся чистыми объектами истории (простите косноязычные слова), именно тогда, когда они объявляют, что наконец-то стали ее субъектами. Или, точнее, когда им это объявляют. Самые совершенные формы рабства создаются, конечно, революциями»[20].

Отечеству Брауна пришлось еще раз испытать в конце века «атмосферу зверинца» – и еще раз потерять много «истинно прекрасного», что было приобретено за время одной человеческой жизни: с 1917 по 1991 гг. Достаточно вспомнить бесплатную медицину и образование – ведь они не упали с неба, а создавались. Но во имя же «борьбы с коммунизмом» их отправили в преисподнюю... Контрсуггестия антикоммунизма, тем самым, приобрела столь же горячечный характер, как и суггестия революционаризма.

Непонятно следующее: приводит к своего рода мизантропии Брауна его антибольшевизм – или первая подпитывает второй? Ведь сам Алданов видел в Европе уже новых рыцарей «зверства, тупости и хамства» и предвидел, что они могут натворить там, куда устремились «беглецы» из России еще до того, как Муссолини и Гитлер стали пол-

---

[19] Там же. С. 278.
[20] Там же. С. 315.

новластными вождями в своих странах (писатель одним из первых еще до 1930-х создал их психополитические портреты в своих очерках).

Завершается «Бегство» еще одним диалогом Брауна и Федосьева, который можно символично назвать антиапологией суггестии революционаризма и полного нигилизма. Ему, по мнению ученого, предшествовало состояние суггестивного характера – латентная мизантропия, как бы автоматически спихивающая (да простится это неблагозвучное слово) человечество в пропасть Первой мировой войны, так и не закончившейся в 1918 г. Все шло как бы мимо разумения человечества и отдельных людей, плодя провокации, неизбежным концом которых и стал разлом цивилизации[21], причем шел он как раз с запада. Разочарование в ней – предмет размышлений десятков писателей «потерянного поколения»: англичанин Р. Олдингтон и немец Э. Ремарк, француз А. Барбюс и американец Э. Хемингуэй были талантливы не меньше Алданова.

«Мы точно спросонья говорили… Или под наркозом: так не проснувшимся или пьяным людям кажется, будто они говорят дело, но слова их ничего не значат и бессмысленно виснут в пустоте. Такие у нас были слова: свобода, самовластие, гуманность, деспотизм, родина, человечество и много, много других звонких слов… Что не было обманом, то было самообманом. С какой легкостью на смену “человечеству” пришли и “Gott strafe England” (Боже, покарай Англию) и “les sales boches” (грязные боши), и Козьма Крючков, насадивший на пику сразу тринадцать швабов. С какой легкостью горячие русские патриоты оказались на наших глазах независимыми украинцами, независимыми литовцами, независимыми грузинами. И как незаметно-благозвучно тюрьма превратилась в изолятор, а “Столыпинский галстух” в “высшую меру”…». Последние реплики уже о революции и ее плодах…

Трудно найти более горькие слова о распаде/развале отечественной государственности. Но этот тотальный нигилизм корректируется собеседником-охранителем, манифестирующим: «Что ж так валить в одну кучу, без логических разграничений, без политического анализа! В этом есть неуважение к чужой вере… А человек, неизлечимо больной демократическими взглядами, пожалуй, вам скажет: “Parlez pour vous” (говорите за себя) – и по-своему он тоже будет прав: у них ведь строго по части либерального мундира и знаков отличия за беспорочную службу демосу. Демос их послал к черту, но они беспорочную службу продолжают. Казалось бы, теперь слепому ясно, что демосу наплевать и на чужое право, и на чужую свободу. Может быть, ему наплевать даже и на свою собственную свободу, но уж на чужую наверное. Иными словами, демократия сама себя укусила за хвост»[22].

---

[21] Задорожнюк 2017. С. 67-85.
[22] Алданов 1991. С. 516.

А уж что творилось во имя ее в конце XX века?! Причем оправдывалось самыми что ни на есть последовательными “демократами”… Достаточно вспомнить апологию “гуманитарных бомбардировок” Югославии, а затем агрессии в других странах на всём земном шаре. С учетом нарастания потенциала новейших средств массовой информации, дублирующей многократно самые нелепые слухи и обвинения.

И – обмен заключительными репликами в духе Армагеддона (книгу под таким названием Алданов выпустил еще в 1918 г., из-за нее он и был вынужден покинуть страну уже в 1919 г.). «На землю надвигается тьма, – не слушая Федосьева, говорил Браун, – густая тьма, мрак, подобного которому история никогда не знала. Мрак не реакционный, а передовой и прогрессивный в точном смысле слова. Теперь, кажется, и сомнений быть не может: большая дорога истории шла именно сюда, мировой прогресс подготовлял именно это! История прогрессивно готовила штамп прогрессивной обезьяны, и мы стали свидетелями великого опыта полной обезьянизации мира.

– Нет уж на историю, пожалуйста, не взваливайте. История, как нотариус, она любой акт зарегистрирует, ей что! Это вы, господа, готовили злую штампованную обезьяну, для которой мы, грешные, держали про запас клетку»[23]. Последние слова, говоря языком психоанализа, наиболее прожективны, т.е. основываются на механизме психологической защиты, когда кто-то приписывает свои мысли, намерения, представления кому-то другому. Заодно они апеллируют к аргументам в духе социобиологии. Диалог шел непосредственно перед тем, как его участники покидали революционный Петроград. Чтобы попасть в новую «клетку», даже «Пещеру» (название третьего романа). Ибо, как говорил поэт, повсюду страсти роковые, и от судеб защиты нет, а победителей в непрестанной «великой борьбе», по Алданову, не может быть в принципе…

Многие герои «Ключа» в итоге «Бегства» (если прибегнуть к нелюбимой Алдановым метафоричности) попали из огня да в полымя, особенно те, у которых было – как у Алданова – еврейское происхождение. Для них желанный Запад оказался не столько пещерой, сколько, если использовать древнерусское выражение, «пещью огненной». Алданов этой темы как раз не педалировал: воздействие на них суггестии революционаризма, идущего из Германии, ощущается, так сказать, по касательной – без ставшего в дальнейшем модного отождествления двух видов тоталитаризма. Остается добавить, что Алдановым были созданы исторические портреты современных ему диктаторов, в первую очередь, Сталина (1927) и Гитлера (1931), причем очерк о Гитлере на два года опередил выход классического политологического труда Н. Устрялова «Германский национал-социализм».

---

[23] Там же.

В «Пещере», в частности, описывается горячка революционаризма, которая вслед за Россией охватила Германию. Но здесь болезнь протекает по-своему – другие и суггестия, и контрсуггестия. В первую очередь, революция в Германии трактуется как возмущение «мальчишек»-спартаковцев против устоявшихся слоев, в отличие от России, где бунтовал все же взрослый солдат – мужик или рабочий, хотя молодежь и здесь жаждала описываемой Алдановым карьеры революционера. Фактически обнаженнее виделся и сдвиг к переформатированию распределительных отношений, что часто выступает, по утверждению социолога Ф. Шереги, первопричиной и войн, и революций[24]. Вторая специфическая особенность событий в Германии в ноябре 1919 года – похожесть революции на контрреволюцию. Наконец, третья особенность – в целом буржуазия, причем не только крупная, но в основном мелкая, понимала, чего хочет и не заигрывала с любого вида революционаризмом, а образовывала такие структуры “гражданского общества”, которые были инкорпорированы в национал-социализм.

В очередном диалоге дается оценка политического процесса в современной Алданову Европе в целом – с аллюзиями на аргументы в духе социобиологии, тогда еще не возникшей: «У обезьян нет политической истории, – если б она у них была, то очень походила бы на человеческую. Социалисты, по крайней мере, некоторые, в свое время пытались преодолеть в истории обезьянье начало – и, очевидно, теперь в этой попытке раскаялись. Надо их поздравить: им вполне удалось загладить свою вину… Они теперь и похожи на героев – страшных сходством обезьяны с человеком… Произносят необыкновенно благородные слова – по памяти, по долгой привычке, совершенно автоматически… Вы думаете, мне легко это говорить? Вы думаете, мне легко смотреть на то, что здесь происходит? Не с одной иллюзией я расстался в последние пять лет. Я сам разделял когда-то *их* надежды и настроения»[25].

Умеренный англичанин в своих репликах пытается сгладить острые оценки Брауна, замечая, что говоренное о социалистах может быть сказано о всех людях, а заодно упрекает эмигрантов в тенденции думать, что все ненавидят Россию и обижают ее по каким-то «маккиавелическим» соображениям. Браун же оправданно жестко в данном случае отвечает: «Никакой ненависти к России у вас нет. Правда, вам очень трудно поверить, что *на русском горизонте* (он подчеркнул эти слова) могут быть явления покрупнее и поважнее европейских, – все равно, положительные или отрицательные… Но это другой вопрос, я его не касаюсь… Скажу вам больше: если б, вместо России, была, например, Англия, то все социалисты, – тогда кроме англичан, – отнеслись бы к этому делу

[24] Шереги 2016. С. 7 -20.
[25] Алданов 1991. Т. 4. С. 139.

точно так же. Нет, дело простое. Где-то далеко происходит “великий опыт”, которого они у себя устроить не хотят, да и не могут. Но расшаркаться перед опытом необходимо, и тут внутренняя борьба ведется на том, насколько грациозно и почтительно будет это расшаркиванье. Правые социалисты готовы уделить великому опыту одну унцию сочувствия, – меньше не возьмем. А центральные примирительно предлагают: давайте, сойдемся на двух унциях, черт с ней, с Россией!..»[26]. Если вспомнить еще один «опыт», внушенный не столь мощным революционаризмом – перестройку уже в конце XX века, то «лестные» оценки Алданова его суггестии (высказанные его протагонистом Брауном), окажутся не столь уж неуместными.

Еще одна аллюзия на пока не возникшую социобиологию, высказанная оппонентом Брауна: «…вы классифицируете людей, как энтомолог Фабр, писавший чудесные книги, классифицировал насекомых. Но он их, по крайней мере, любил… Сочувствую вам: должно быть, вам очень нелегко жить на свете. Что можно делать в жизни с взглядами, подобными вашим? …Вижу в вас живое доказательство тщеты и сухости рационализма». И ответ Брауна – в чем-то и самохарактеристика Алданова: «…вы меня стилизуете под какого-то провинциального демона. Если хотите, я рационалист: слово не очень ясное. Но рационалист я без подобающего рационалисту энтузиазма и, главное, без малейшей веры в торжество разума. Как было бы хорошо, если б разум торжествовал везде и во всем! Но не торжествует он почти ни в чем и нигде»[27].

Нечто подобное отразилось в неоднократно повторяемых суждениях писателя, которые можно считать архетипическими для суггестии любого революционаризма: всё – торжество случая, даже торжество грабежа, вредного самому грабителю. Поистине, революция есть реакция, как утверждал, опираясь на глубокие исторические выкладки и обширную интерпретацию экономических показателей и социологических данных ее современник П. Струве. Он писал: «Социалистическая революция XX века есть грандиозная реакция почвенных сил принуждения против таких же почвенных сил свободы в экономическом и социальном развитии России и ее народов»[28].

Вернемся к суждению Брауна в еще одном ракурсе: отношений отцов и детей. Современные Брауну/Алданову «дети» составляют духовное добро из того, что считали отбросами их «отцы», в основном из агрессивного национализма; кризис в отношениях между ними – вечное состояние человечества; все умственные и моральные ценности распродаются за гроши. «Недолгое царство свободы кончилось: люди не ува-

[26] Там же. С. 140.
[27] Там же. С. 141-142.
[28] Струве 1952. С. 7.

жают тех, кто обращается с ними не как с лакеями, – все народы сейчас находятся en état de liberté provisoire (в состоянии временной свободы). Народоправство стало именно “ненужностью” – и даже ненужностью не очень умной… Вожаки, работающие под *великанов революции*, в душе себе цену знают, но от своих балаганных слов пьянеют и они сами. Ничего “дьявольского”, ничего от “великого инквизитора”, от всей той бутафории, которую им подкидывают враги, у них нет. Мелкий жулик прикидывается фанатиком, так как репутация фанатика чрезвычайно нравится жулику, да еще и полезна ему, ибо эта проклятая “дымка таинственности” действует на воображение балаганной публики; недаром в каждом чемпионате цирковой борьбы есть обязательно “Черная Маска”…»[29]. Горчайшие характеристики экс-социалиста Брауна (и в чем-то Алданова) – скорее, проекция лидеров социализма в его тоталитарных вариантах. В своих психопортретах вождей нового призыва, Алданов особо подчеркивал их склонность к провокациям – в памфлетах «Сталин» и «Гитлер», а до этого – в психопортрете суперпровокатора Азефа. Но дело не в личностях самих по себе: именно таковые были востребованы толпой, которая предпочитала синие или коричневые рубашки.

В итоговом письме Брауна своему исконному оппоненту Федосьеву сначала дается взгляд на природу любой государственности, корреспондирующий с социобиологией. Глубину социального анализа Брауна (Алданова) можно считать беспрецедентной и в чем-то трансцендентной. «История государственной власти – смена одних видов саранчи другими. И мы с Вами не для того разошлись по пещерам, чтобы обсуждать, какая саранча лучше. Но уж если обсуждать, то, по-моему, гораздо лучше и безвреднее наша. В демократии мне нисколько не дорога сущность: чувствую себя в состоянии обойтись без народного голосования; но зато мне очень нужны и дороги ее “аксессуары”. Мне дорога свобода мысли (этого подарка я Вам, простите, не сделаю). Дал бы ее царь, принял бы его с благодарностью: так же, если б дал ее диктатор, – хоть мне диктаторы, в отличие от царей, в большинстве очень противны просто как люди. Что ж делать, у царей и диктаторов ее не получишь»[30].

Дальше идут мысли, по сути, того же самого Алданова, выраженные практически во всех его романах: в жизни нет ничего, кроме случая, чаще скверного, убеждение же в существовании направляющей силы в мире – разумной и даже доброй – ничем не обосновано. И – заключительные слова письма Брауна: «Все то, что привилегированные люди могли отдать без кровопролития, они уже отдали. В остальное они вцепятся зубами – и будут правы, ибо на смену им идут дикари под руководством прохвостов. Уголовный кодекс прав: грязь лучше крови, жу-

[29] Алданов 1991. Т. 4. С. 352.
[30] Там же. С. 400.

лики лучше бандитов, тем более, что жулик сидит и в бандитах. А выбирать из разных шаек надо все-таки наименее опасную. Внешнему хаосу соответствует хаос внутренний: распад душ, j'en sais quelque chose (об этом я кое-что знаю). Распалась и моя душа, – что ж мне жалеть о жизни! Большое, очень большое явленье медленно выпадает из мира, заменить его нечем, и пустоту скорее всего заполнит дрянь, которую, после некоторой давности, назовут гораздо вежливее, – как вековую грязь называют патиной времени. Появятся, уже появились новые идеалисты. Идеализм их наглый и глупый, зато у них твердая вера в себя, у них душевная целостность, в своей мерзости еще невиданная в истории, – будущее принадлежит идеалистам хамства»[31].

В данных пророчествах гораздо больше правды, чем кажется на первый взгляд, хотя высказывающий их признает себя больным физически и душевно, готовясь к самоубийству (казус подобного рода Алданов описал в отдельном романе под таким названием). А то, что указанное хамство обладает не только своим идеализмом, но и присущей только ему суггестией, доказать нетрудно: достаточно бросить взгляд на русофобскую суггестию сегодня. Алданов же это делал не только в художественных, но и в публицистических своих произведениях.

В заключение подчеркнем: к нему и к Толстому как ни к кому из всех других писателей можно отнести перефразированные знаменитые слова поэта-философа: Блажен, кто постигал сей мир/В его минуты роковые. В равной степени это касается и историка Б. Поршнева. Анализ других их работ под этим углом зрения – дело недалекого будущего.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алданов М.А. Собрание сочинений в 6-ти томах. М.: Изд-во «Правда», 1991. Т. 3. 543 с. [Aldanov M.A. Sobranie sochinenij v 6-ti tomax. M.: Izd-vo «Pravda», 1991. T. 3. 543 s.]

Алданов М.А. Собрание сочинений в 6-ти томах. М.: Изд-во «Правда», 1991. Т. 4. 576 с. [Aldanov M.A. Sobranie sochinenij v 6-ti tomax. M.: Izd-vo «Pravda», 1991. T. 4. 576 s.]

Белый Андрей. Петербург, М.: Наука. 1981. 696 с. [Belyj Andrej. Peterburg, M.: Nauka. 1981. 696 s.]

Задорожнюк И.Е. Постоянство постепеновства или пароксизмы революционаризма // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 89-102. [Zadorozhnyuk I.E. Postoyanstvo postepenovstva ili paroksizmy revolyucionarizma // Voprosy filosofii. 2010. № 6. S. 89-102]

Задорожнюк И.Е., Задорожнюк Э.Г. Неусвоенные уроки преддверия Первой мировой войны // Свободная мысль. 2017. № 5. С. 67-84 [Zadorozhnyuk I.E., Zadorozhnyuk E.G. Neusvoennye uroki preddveriya Pervoj mirovoj vojny // Svobodnaya mysl'. 2017. № 5].

Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в истории человечества) // История и психология. Сб. статей. М.: Мысль. 1972. С. 7-35 [Porshnev B.F. Kontrsuggestiya i istoriya (Elementarnoe social'no-psixologicheskoe yavlenie i ego transformacii v istorii chelovechestva) // Istoriya i psixologiya. Sbornik statej. M.: Mysl'. 1972. S. 7-35].

Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. М., 2003. № 8. С. 5-18 [Stepin V.S. Samorazvivayushhiesya sistemy i postneklassicheskaya racional'nost' // Voprosy filosofii. M., 2003. № 8. S. 5-18].

[31] Там же. С. 402.

Струве П.Б. Социальная и экономическая истории России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж: YMCA-Пресс, 1952. 386 с. [Struve P.B. Social'naya i ekonomicheskaya istorii Rossii s drevnejshix vremen do nashego, v svyazi s razvitiem russkoj kul'tury i rostom rossijskoj gosudarstvennosti. Parizh: YMCA-Press, 1952. 386 s.]
Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 20 томах. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 6. 448 с. [Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij v 20 tomax. M.: GIHL, 1962. T. 6. 448 s.]
Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 20 томах. М.: ГИХЛ, 1963. Т. 7. 494 С. [Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij v 20 tomax. M.: GIHL, 1963. T. 7. 494 s.]
Шереги Ф.Э. Политика как социальный институт // СОТИС. 2016. №5. С. 7-20 [Sheregi F.E. Politika kak social'nyj institut // SOTIS. 2016. № 5. S. 7-20].
Wilson Edward O. Sociobiology: The New Synthesis. Harvard University Press, 1975. 697 p.

Задорожнюк Элла Григорьевна*, доктор исторических наук, заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, elzador46@mail.ru*

Задорожнюк Иван Евдокимович, *доктор философских наук, зам. заведующего Отделом социально-гуманитарных журналов, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», zador46@yandex.ru*

Phenomenon of a suggestion and countersuggestion of wars and revolutions in the eyes of writers

The article explores the urgency of new moments in evaluating the events of the Patriotic War of 1812 and the October Revolution with the use of the potential of the concepts of "suggestion" and "counter-aggression" that has not been used to the full. With this in mind, the interpretation of the novel "War and Peace" by L. Tolstoy and M. Aldanov's trilogy "The Key", "Flight", and "The Cave" are given as full-fledged historical sources from the perspective of the dialectic of suggestion and counter-suggestion. In particular, this interpretation is based on the concept of a post-non-classical type of scientific rationality (V. Stepin), which implies the involvement of all types of knowledge to explain the nature and essence of historical phenomena that are not grasped by established cognitive procedures, including such a source as works of fiction. The demand for the concepts of "suggestion" and "countersuggestion", which the historian B. Porshnev brought into the discourse of social sciences, is demonstrated; given their extended definition in line with the interdisciplinary approach.

Keywords: historical phenomenon, social processes, suggestion, countersuggestion, revolutionism, provocation, wars, revolutions

Ella Zadorozhnyuk*, Dr.Sc. (History), Head of the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies RAS, elzador46@mail.ru*

Ivan Zadorozhnyuk, *Dr.Sc. (Philosophy), Deputy Head of the Department of Social and Humanitarian Magazines, National Research Nuclear University, zador46@yandex.ru*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

В. А. Куприянов

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ И ИДЕЯ ПУБЛИЧНОСТИ РАЗУМА В НАУКЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ[1]

Статья посвящена рассмотрению в контексте философии Нового времени истории ранней научной периодики, зародившейся в Западной Европе во второй половине XVII в. Идейным основанием института научной периодики следует считать идею публичности разума. Эпистемологический статус журнальной коммуникации в науке Нового времени заключался в обращении в публике как репрезентации внешней инстанции познания, суждение которой понималось как необходимое средство верификации научного знания. Такой смысл журнальной коммуникации нашел философское осмысление в учении Канта о суждении Другого как «пробном камне истины».

***Ключевые слова*:** *научная коммуникация, Кант, научные журналы, история периодики, историческая эпистемология, философия Нового времени*

Современная научная коммуникация характеризуется наличием разветвленной сети журналов, конференций и издательств, которые выполняют роль посредников при общении между учеными. Однако нельзя сказать, что они выступают лишь в качестве незаметных медиаторов; скорее наоборот, средства коммуникации задают коммуникативные практики и определяют стандарты научной работы. Поэтому из пассивного посредника инструменты коммуникации превращаются в активных участников научного творчества[2]. В большей мере данная особенность касается публикационной деятельности ученых, поскольку современная система организации науки признает публикацию основным результатом научной деятельности и главной единицей информационного обмена в науке[3]. По преимуществу публикационная активность в современной науке связана с журналами, которые конституируют группы научного сообщества, определяют тематическое поле наук, а также задают норму научности для соответствующих областей знания. Научные карьеры, утверждение научного лидерства и профессионального признания неразрывно связаны сегодня с журналами.

Данная статья ставит цель проследить зарождение института научного журнала и выявить то философское содержание, которое обусловило возникновение и развитие журнальной коммуникации в Новое

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ проект № 17-03-00171-ОГН «Ученые в социальных сетях: способствуют ли академические медиа профессиональной карьере?».

[2] О медиальном статусе научных публикаций см.: Шиповалова, Душина. 2018.

[3] См.: Прайс 1976. С. 94.

время. Исследование позволяет, во-первых, выявить «идею» научной периодики, которая столь активно развивалась в XVII–XVIII вв. и, во-вторых, в историческом контексте проблематизировать вопрос как социальной, так и эпистемологической сущности журнальной коммуникации в науке, что может послужить базой для осмысления проблем научной коммуникации. Методология исследования отталкивается от программы исторической эпистемологии, направленной на выявление исторических корней научных норм, концептов и понятий.

Зарождение научной периодики в процессе институциональной трансформации науки в XVII в.

Процесс формирования науки нового типа в эпоху раннего Нового времени неразрывно связан с выработкой новых форм ее социального бытия. На смену старой институциональной структуре науки, центром которой были университеты, приходят такие организационные формы как академии и научные общества, которые наряду с новыми образовательными институциями оказываются точками сборки новой науки. Среда, которая создавалась в рамках академий и научных обществ, является сложным и многогранным социальным феноменом. Ее можно понимать как особое коммуникативное пространство, в котором происходили обмен знаниями и совместная выработка научных концепций и теорий. Процесс создания академий и научных обществ историки науки обоснованно считают частью научной революции XVI–XVII вв. Принято говорить об «организационной революции» в науке XVII века. Вершиной этого процесса стало создание *The Royal Society of London* (1660) и *Académie des sciences* (1666) во Франции[4].

Тем не менее академии, общества и образовательные организации нового типа оказались не единственными институтами, обеспечивающими функционирование коммуникативной среды науки. Тип коммуникации, который присутствовал в рамках указанных социальных институтов науки, следует, используя современную науковедческую терминологию, называть *неформальным*[5]. Помимо книгоиздания, научная коммуникация в раннее Новое время концентрировались в основном вокруг *частных* контактов ученых: это *переписка* и *личное общение*. Именно личные связи имели в данном случае важнейшее значение и формировали те коммуникативные каналы, которые пересекались в академиях, обществах и университетах.

В Новое время наука создала коммуникативную инфраструктуру, которая опиралась на иное понимание научности. Эта форма – *научный журнал и научная статья.* В истории научной коммуникации можно увидеть, как в течение периода с XVII по начало XXI в. журнальная ста-

[4] См.: McClellan 2003.
[5] См. классификацию типов коммуникации: Мирский, Садовский 1976.

тья постепенно становится превалирующей единицей обмена научной информации. Роль книг (что в особенности касается естествознания) постепенно отходит на второй план. Книги начинают выполнять функцию хранения того знания, которое впервые сообщается и даже формируется на страницах журналов. Таким образом, исторически коммуникация посредством журнальной публикации приходит на смену неформальной коммуникации. Важно прояснить, в чем смысл этой трансформации и какое понимание разума ее обусловливает. Для этого мы обратимся непосредственно к ранней истории европейских научных журналов.

Первые научные журналы возникают в 1665 г., когда с интервалом приблизительно в два месяца вышли издания *Journal des sçavans*[6] («Журнал ученых», первый выпуск датирован 5 января 1665 г.) и *Philosophical transactions* («Философские записки», первый номер, или как это называлось тогда, «tract» с датировкой от 6 марта 1664/1665 г.). Хотя в весьма немногочисленной российской литературе по этой теме первым журналом принято считать указанное французское издание[7], в целом среди исследователей данной тематики можно обнаружить дискуссию на предмет того, какое из них следует считать первым собственно научным журналом: несмотря на то, что *Journal des sçavans* возникает раньше, ряд исследователей указывает, что поскольку французский журнал содержал также и литературные новости, научным его считать нельзя. В частности, крупный специалист по истории научной периодики Д. Кроник указывал, что хотя *Journal des sçavans* служил средством научной информации, он «с самого начала был и затем оставался общим литературным периодическим изданием, в то время как *Philosophical transactions* сразу же были нацелены на распространение научного знания»[8]. Тем не менее позже Ж.-П. Виттю продемонстрировал несостоятельность подобного рода утверждений: за первые пятьдесят лет сообщения о *belles lettres* ни разу не формировали основного содержания журнала, стабильно составляя лишь меньшую его часть[9]. В целом же, содержание этого журнала было сконцентрировано на том, что сегодня образует область гуманитарных наук и естествознания, поэтому прославленное французское издание более правильно называть «всеобщим научным журналом». В противовес же такого рода «научной всеобщности», *Philosophical transactions* были сосредоточены на естественнонаучной тематике и, учитывая очевидную распространенность журналов образца *Journal des sçavans*, рассматриваемый английский журнал скорее стоит признать исключением. Все же трудно отрицать тот факт, что функции и, главное, цели обоих журналов оказались во многом общими.

---

[6] Здесь и далее название приводится в орфографии XVII в.
[7] См.: Копелевич 1974. С. 32–40.
[8] Kronick 1990. P. 243. См. также: Kronick 1962.
[9] См.: Vittu 2002. № 2. P. 355.

При определении причин возникновения первых научных журналов историки науки чаще всего указывают на комплекс условий социально-экономического плана, которые сформировали необходимость создания нового средства научной коммуникации. В основном указывают, что изначальная интенция определялась задачей научного информирования и упрощения передачи информации. Так, говоря о возникновении *Journal des sçavans*, Р. Бирн верно отмечает, что в начале XVII в. французские ученые прекратили получать каталоги ярмарки во Франкфурте, которые давали представление о публикуемых новинках, что формировало потребность в новых средствах получения информации. Также большое значение имело постепенное (на протяжении XVII–XVIII вв.) уменьшение роли латинского языка как международного языка науки[10]. «Очевидно, – продолжает в этой связи М.Б. Холл, – что поскольку серьезные работы на национальных языках становились все больше распространенными, все ученые, если представлялся случай, стремились читать на своих родных языках»[11]. Дополнительным стимулом к поиску новых средств общения, были трудности в распространении книг и необходимость контактировать с издателями, не всегда заинтересованными в печати литературы, возможность выгодной продажи которой не была очевидной. В этой связи европейское научное сообщество начинает ощущать потребность в новых способах коммуникации.

Возникавшие во Франции новые средства научной коммуникации отталкивались от уже существовавших – газет и литературных журналов. Именно поэтому таким новым средством научной коммуникации стал журнал, основывающийся по форме на уже существующих образцах прессы. Первую французскую газету *la Gazette* 30 мая 1631 г. при протекции Ришелье начал издавать Теофраст Ренодо (1586–1653) – один из родоначальников европейской прессы. В его издании печатались новости политики, светской жизни, религии, международных отношений и сообщения об общественно значимых событиях. *La Gazette* сталf центром распространения информации и превратилась впоследствии в главный информационный орган правительства «старого режима». Не заставило себя ждать и издание светского типа – с 1652 г. стала издаваться *La Muse Historique*, la petite presse, по выражению Э. Атена[12]. В контексте таких форм распространения новостей, которые, по сути, представляли собой разновидность аристократических *divertissements*, шел также поиск новых средств передачи научной информации. Еще с конца XIX в. исследователи связывают начало научной периодики во Франции с проектом королевского историографа Ф.Э. де Мезере (1610–1683). Ш.-О. де

[10] Birn 1965. P. 15–16.
[11] Hall 1965. P. 283.
[12] См.: Hatin 1839. T. 1.

Сент-Бёв датировал прошение о привилегии на издание *Journal Littéraire Général* («Всеобщей литературной газеты») 1663 годом[13]. Проект Мезере отличается широтой охвата. Основной смысл предлагаемого им журнала состоял в регистрации и архивировании знания, репрезентированного в книгах, открытиях, изобретениях. Причем естествознание в его проекте играет второстепенную роль. Х. Браун очень точно пишет, что в программе Мезере виден скорее образ гуманиста и гуманитарного ученого (humanist and scholar)[14]. В центре – стремление к целостности знания, его всесторонности, в сочетании с пониманием журнала как, прежде всего, *средства информирования,* каким была и *la Gazette.*

В обращении к читателю цель информирования достаточно ясно выражена («faire savoir ce qui se passe de nouveau dans la République des lettres»[15]): ставится задача сообщения об открытиях и изобретениях, новых книгах, экспериментах и необычных находках, могущих вызвать интерес среди *sçavans.* Журнал публиковал также решения судов, похвальные заметки об ученых и некрологи. Первый номер, увидевший свет 5 января 1665 г., включал в себя в основном обзоры книг (*extraits*), например, обзор трактата Р. Декарта «О человеке» с приложением его же работы о формировании зародыша в издании К. Клерселье 1664 года, обзор работы М. Шоока «О чихании», издания раннехристианских авторов (Виктора Витенского и Вигилия Тапсенского) и др. (всего рассмотрено семь книг). Столь широкий тематический охват говорит об универсальности журнала. Заканчивается первый выпуск выдержкой из письма из Оксфорда, сообщающей о рождении вблизи Солсбери урода: человека с двумя головами и четырьмя руками, который был женского пола, прожил два дня и по смерти был забальзамирован; данное событие ставится в связь с другим аналогичным, которое имело место ранее и было зафиксировано в книге Жака Рюефа. Именно в такого рода сообщениях и обзорах нашла выражение информативная функция журнала, которая доминировала в течение первых пятидесяти лет его существования[16].

Однако при столь значимой информативной задаче журнал имел и другую в конечном счете более важную программу, которая выходила за пределы первоначальных намерений его создателей и формировала особую роль журнала как центрального института научной коммуникации республики ученых. На уровне тенденции данную программу (цель) можно выявить уже при рассмотрении содержания журнала за первые месяцы его существования: хотя журнал стремился играть информационную роль, а внимание к жанру обзора книг свидетельствует, казалось

---

[13] Vittu 2002. № 1. P. 181-182.
[14] Brown 1972. P. 367.
[15] Journal des Sçavants. L'Impremeur au Lecteur. 1665.
[16] Как пишет Ж.-П. Виттю, обзоры книг в этот период, «занимали по меньшей мере две трети объема журнала». – Vittu 2002. № 2. P. 352.

бы, о вторичности журнальной коммуникации по отношению к книгам, он быстро превратился в своего рода *публичную трибуну* для высказывания новейших идей и открытий, что обеспечивало авторам не только быстрое распространение их исследований, но также и путь к научному признанию и известности. Журнал публиковал заметки, побуждающие к дискуссиям и полемике, которые имели место непосредственно на его страницах, превращая его, таким образом, в своего рода «форум разума», или «парламент ученых», в котором сталкиваются противоречащие друг другу позиции. Следовательно, той более фундаментальной идеей научного журнала была идея публичности, которая предполагала, что научный журнал является дискуссионной площадкой, на которой обсуждаются новейшие достижения науки, и живой процесс научного творчества получает таким образом публичную репрезентированность. Именно эта идея возводила первый научный журнал с уровня простого информационного бюллетеня в статус голоса научного сообщества.

В *Journal des sçavans* и в многочисленных журналах, следовавших его образцу, данный аспект нашел отражение в *mémoire*. *Mémoire* в основном представляли собой письма редактору, которые содержали сообщения о научных исследованиях отправителя. Как пишет Ж.-П. Виттю, научная периодика в этом случае предлагала «рассказ о наблюдениях, опытах или о научной работе»[17]. Предполагалось, что редактор воздерживается от суждения, сохраняя беспристрастность и независимость, что, однако, не всегда было возможно. Примером таких писем можно считать сообщение в номере от 19 января 1665 г. (№ 3) о двухкорпусном корабле (double-hulled vessel) «Эксперимент», сконструированном и испытанном Уильямом Петти. К этому жанру принадлежат и сообщения об исследованиях Х. Гюйгенса, которые появляются в журнале в 1665 г., начиная с восьмого номера (датирован 23 февраля). Этот номер журнала оканчивается выдержками из двух писем: одно письмо (из Лондона) представляет собой отчет об использовании маятниковых часов (Les Pendules) для определения долготы во время путешествия капитана Роберта Холмса (1622–1692) по Атлантическому океану от острова св. Фомы к западному берегу Африки; вторая же выдержка относится к письму Гюйгенса, который восхищается столь успешным, по его мнению, применением данного механизма. Далее в одиннадцатом номере (от 16 марта) опубликовано следующее письмо от Гюйгенса, в котором автор рассказывает о явлении, когда двое маятниковых часов, повешенные рядом друг с другом, бьют в унисон, в связи с чем великий ученый представляет свои размышления, которые он развивает затем в *Observations*, опубликованных в предпоследнем, двенадцатом номере журнала (датирован 23 марта 1665 г. Репрезентативным для идеи публичности разума

[17] Vittu 2005. P. 536.

является также сюжет, связанный с отзывом Гюйгенса на новый телескоп-рефлектор И. Ньютона, опубликованный в номере от 29 февраля 1672 г. (Гюйгенс сообщает, что именно он направил в *Journal des sçavans* изображение и описание телескопа, к которым он и приложил свою оценку данного изобретения). Сообщение в *Journal des sçavans* перекликается с отчетом о новом телескопе Ньютона, опубликованном в мартовском номере *Philosophical transactions* (№ 81). Таким образом, два выдающихся ученых перенесли дискуссию о новом изобретении на страницы журналов, представив его на обсуждение публики. Затем последовала более развернутая дискуссия о телескопе, изобретенном Ньютоном, когда в следующем номере Ньютон опубликовал ответ на возражения А. Озу, а в номере 83 сделал замечания относительно аналогичного телескопа, сведения о котором были опубликованы в журнале *Recueil des mémoires et conférences concernant les arts et les sciences,* который издавался Ж.-Б. Дени и был имитацией *Journal des sçavans* (в нем приводилась выдержка из письма де Берсе о том, что некий господин Кассегрен (теперь идентифицируемый в качестве Лорана Кассегрена) изобрел аналогичный телескоп). В тесной связи с дискуссией о телескопе находится полемика вокруг ньютоновской теории света и цвета, которая развернулась с 1672 по 1676 г. на страницах *Philosophical transactions* после публикации Ньютоном в этом журнале (№ 80) письма о его исследованиях в этой области. В публичной дискуссии приняли участие И.Г. Парди, Ф. Линус, Р. Морей, Р. Гук, Х. Гюйгенс, А. Лукас. Данный пример свидетельствует о роли научного журнала не просто как канала информирования ученых и базы для регистрации научных знаний, а как средства для ведения публичной полемики и открытых дискуссий.

Г. Ольденбург, создатель второго по времени возникновения научного журнала и одного из важнейших изданий в истории европейского естествознания – *Philosophical transactions,* сформулировал цель формирования публичной трибуны для научных дискуссий более ясно, чем организатор *Journal des sçavans* (Дени де Салло, *conseiller* Парижского парламента), хотя, по всей видимости, этот журнал задумывался Ольденбургом как средство получения финансовой выгоды[18] и оставался долгое время не более, чем частной инициативной редактора[19].

Как и на материке (проект Мезере), идея информативного издания имела место также в Англии[20]: в этой связи упомянем проект Р. Гука, который, возможно, в 1663 г. предложил печать периодического издания, сообщающего о новейших достижениях науки и информацию об ученых занятиях Королевского общества[21]. Тем не менее коммуникация

[18] Andrade 1965. P. 13.
[19] См.: Moxham 2016.
[20] См.: Wigelsworth 2010. P. 17–40.
[21] Kronick 1990. P. 244.

имела для Ольденбурга важное эпистемологическое значение, которое придавало идее информирования, также подразумеваемой при организации первого английского научного журнала, более глубокий смысл. Как пишет М.Б. Холл, Ольденбург стремился посредством переписки способствовать продвижению знания, для чего, как он полагал, необходимо одному ученому сообщить о занятиях другого[22]. Соответственно, этот смысл перетекает и в организуемый Ольденбургом журнал: уже во введении к первому выпуску (6 марта 1665 г.) он поясняет, что сообщение открытий является наилучшим путем «продвижения и улучшения философских знаний», для чего лучше всего подходит печать (*Press*), и что исследования «на основе крепкого и полезного знания могут быть дальше продвинуты, могут быть совершены выдающиеся достижения и инициативы, <…> что может сделать вклад в Великий План улучшения естествознания, усовершенствования философских искусств и наук»[23].

Итак, можно заключить об идее коммуникативности научной истины как об основании новой научной институции – научного журнала. Если в основании *Journal des sçavans* данная идея лежала имплицитно, то в программе *Philosophical transactions* она была высказана достаточно определенно. Помимо процитированного выше обращения к читателю, о значимости идеи о коммуникативности истины при создании французского журнала свидетельствует сообщение Г. Ольденбурга в письме к Р. Бойлю от 24 ноября 1664 г.: видимо, на основе сообщения А. Озу, он проинформировал своего корреспондента о проекте первого французского научного журнала (*Journal des sçavans*), в цели которого входило, согласно его сведениям, предоставление сведений о спорах и дискуссиях среди ученых[24]. Именно понимание истины как необходимо предполагающей плюрализм суждений обеспечило статус первых научных журналов в качестве публичных дискуссионных площадок, что хорошо видно на примере полемики вокруг исследований И. Ньютона и публикационной активности Х. Гюйгенса в *Journal des sçavans*.

Первые научные журналы, задуманные исходя из потребности информирования ученых и регистрирования знания, оказались выразителями идеи коммуникативности истины, платформой для столкновения позиций и точек зрения, форумом, предоставлявшим возможность для свободной дискуссии наподобие парламентских прений. Научные журналы превратились в институционализированные структуры республики ученых, которая, продолжая существовать в виде сети ученой переписки, значимость каковой отнюдь не упала с появлением журналов[25], стала концентрироваться в научных журналах как своего рода точках сборки и

---

[22] Hall 1965. P. 286–288.
[23] The Introduction. Philosophical Transactions. Vol. 1. 1665. Pp. 1–2.
[24] The Correspondence of Henry Oldenburg. 1966. Vol. II. 1966. P. 320.
[25] Kronick 2001.

«зонах обмена»[26]. Журналы обеспечили платформу, которая сводила в единое целое все основные формы научной коммуникации: письма, книги, отчеты; причем, поскольку журналы предлагали выдержки из других журналов, между ними формировалась незримая связь, которая создавала, по сути, внепространственное и вневременное научное поле.

Научные журналы стали концентрированным выражением знания, сообщаемого в разных формах. Именно поэтому, несмотря на огромную значимость переписки вплоть до XIX в., журналы превратились в главный орган международной республики ученых[27].

Публичность разума как основание идеи научной периодики в классической науке

Важнейшим аспектом журнальной коммуникации оказался феномен читающей публики, суждение которой понималось в качестве важной составной части научного познания. В качестве же публики выступала как раз «республика ученых», поэтому журналы служили для нее средством самопознания[28].

Что представляла собой эта Республика ученых, в отличие от других социальных общностей, которые тоже концентрировались вокруг журналов? П. Бейль, говоря о республике ученых в предисловии к издаваемому им журналу, писал: «здесь совсем не идет речь о Религии: речь идет о Науке: следует, поэтому, опускать все термины, которые разделяют людей на различные партии, и рассматривать их только с точки зрения, которая их объединяет, что есть качество выдающегося Человека в Республике ученых. В этом-то смысле всех ученых следует рассматривать в качестве братьев, или что одни ничуть не хуже других»[29]. В этих словах заметен протест против любых различий, которые бы были внешними по отношению к науке: сословные; религиозные и имущественные барьеры не должны иметь значение для определения критериев принадлежности к ученому сообществу. Более четко высказывается К.М. Виланд во вводной статье к журналу *Der Teusche Merkur*. Издатели книг и редакторы журналов должны, по его замыслу, заключить союз ради развития вкуса публики и всеобщего просвещения. В предполагаемом уставе этого союза Виланд писал: «Каждый ученый и каждое ученое сообщество имеют только по одному голосу; самый безвестный из жителей земли, если у него есть, что сказать умного, имеет такое же право голоса, как и президент академии»[30]. Таким образом, публика научных журналов представляет собой идеальное объединение мыслящих и разумных субъектов, в котором не действуют обычные в реальном со-

---

[26] Об эпистемологическом смысле понятия «зона обмена» см.: Галисон 2004.
[27] См.: Vittu 2013.
[28] См.: Словарь основных исторических понятий 2014. С. 329.
[29] Nouvelles de la République des lettres. № 1. Preface. P. A6.
[30] Цит по: Словарь основных исторических понятий 2014. С. 335.

циуме механизмы контроля и признания[31]. Ученая публика образует духовное пространство, служащее средой для рациональной коммуникации. Причем рациональность играет в данном случае определяющую роль, ведь единственным основанием бытия в республике ученых является разум, сущность которого основывается на всеобщих и необходимых законах логики, значимых вне зависимости от условий пространства и времени. Все обычные социальные различия в данном случае отменяются и формируется когнитивное равноправие на основе разума.

Равноправие в республике разума не означает, однако, отмену статусов и иерархии; наоборот, они сохраняются, но приобретают иное обоснование. Статусные роли и ценностные позиции в этой идеальной среде определяются исключительно разумом и, говоря о журналах XVIII в., просвещенностью. Последняя же, в свою очередь, формируется в процессе *публичной* коммуникации, поэтому в данном случае имеет место реципрокность: журналы формируют читателя, но и читатель, в свою очередь, определяет содержание журнала, поэтому для ученого сообщества научный журнал оказывается институтом саморепрезентации.

Признание в качестве члена республики ученых и определение своего места в ней предполагает публикационную активность через научные журналы. Журнал таким образом выполняет функцию института легитимации в науке. Место в структуре науки – это место в интернациональном пространстве, репрезентируемом в журнальных публикациях и печатных трактатах. В отличие от межличностных контактов, осуществление публикации оказывается не просто абстрактным коммуникативным действием, направленным на обмен информацией, а актом *признания* со стороны научного сообщества. В этом заключается собственно социальная функция публикации. Сама по себе формальная коммуникация, осуществляемая в том числе и посредством журналов, создает идеальное сообщество ученых. В этом отношении научное сообщество классической науки представляет собой не только и не столько сеть межличностных коммуникаций, сколько идеальную целостность, основанием бытия которой является общее понимание *разумности*. Особая роль при этом отводится именно научному журналу как своего рода главному модератору между книжными публикациями и перепиской.

В этом контексте мы сталкиваемся с проблематикой эпистемологического статуса коммуникации в классической науке и эпистемологической ролью научных журналов. Общее представление об этом опирается на убеждение, что теория познания классической науки основывается на том, что обычно называют «гносеологической робинзонадой»[32]. В эпоху Просвещения эта концепция находит выражение в идее само-

---

[31] См.: Daston 1991. P. 367–386.

[32] См., напр.: Декарт 1994. Т. 2. С. 3–72; Кант 1964. Т. 3. С. 682–683.

стоятельности разума и идее борьбы с предрассудками, которые Н. Хинске определил как программные в целом для всей этой эпохи[33]. С этой точки зрения, идея автономии разума является основой познавательной активности в классической науке.

Казалось бы, идея автономии субъекта познания и замысел, который прослеживается в деятельности первых научных журналов (Journal des sçavans и Philosophical transactions) и в целом в европейской научной периодике – создание коммуникативной среды как условия постижения истины – противоречат друг другу. Однако на самом деле нет противоречия между идеей автономии субъекта познания – важнейшей идеей классической науки – и пониманием публикационной активности как важнейшего условия достижения истины. Классическая наука, разумеется, опирается на признание факта фундаментальности автономии разума, но второй важной характеристикой классического разума является его *публичность*. И именно это обстоятельство обусловливает возможность научной коммуникации через публикационную деятельность: признание публичности разума изначально заложено в идее печатной книги и, прежде всего, журнала. Тем не менее рефлексия на эту тему обнаруживается в философии относительно поздно.

Наиболее последовательным и ярким выразителем идеи публичности разума выступил И. Кант. Кантовская позиция при этом не столько характеризует его собственную концепцию, сколько служит зеркалом некоего общего понимания науки. Кант как бы резюмировал то, что было имплицитно заложено в деятельности европейской системы научной периодики. Здесь, однако, важно сразу сказать, что обращение к публике для установления истины выполняет в гносеологическом смысле подчиненную роль в процессе научного познания. И тем не менее обращение к другому оказывается неотъемлемой инстанцией научного познания. В «Критике способности суждения» Кант выделяет три максимы «обыденного человеческого рассудка»: максима свободного от предрассудков мышления, широкого мышления и «последовательного образа мыслей»[34]. Первое место он отводит самостоятельности мышления, но далее следует способность «мысленно ставить себя на место каждого другого». Приведем более репрезентативную, выдержку из Канта:

> «Суждение других, это не особенно надежное подспорье, в котором одобрение рассматривается как признак истины, большинство людей спокойно использует, высказывая свои суждения; ибо, если бы мы захотели утверждать, что истинно то, что говорят все люди, нам пришлось бы всегда следовать примерам других. Однако, несмотря на то, и самый проницательный человек не может признать излишним пример других людей; ведь сколь бы убедительно ни было для него его собственное суждение, ему все-таки не может быть безразлично, что говорят

[33] Хинске 2007.
[34] Кант 1966. Т. 5. С. 307–308.

о нем другие, и эта наклонность заложена в нашем рассудке. А потому склонность к изданию своих сочинений есть не просто следствие суетности, но призвание природы; ибо, поскольку человек мог бы сильно заблуждаться в своем частном суждении и жить в воображаемом блаженстве великих познаний, природа поставила публику подлинным судьей наших мыслей, и в особенном употреблении разума индивида приговор должен вынести общечеловеческий разум. Быть может, суетность тоже имеет здесь влияние, но природа воспользовалась подобными влияниями для достижения своей цели; ибо для установления истины нет иного пути, как только если один человек выскажет суждение о ней и сообщит это свое суждение другим людям, к чему удобный случай предоставляет ему станок печатника, тем самым совершается просвещение публики. // Говорят, будто нехорошо, что сегодня всякий имеет право думать и писать по теологическим вопросам. Но сообщение есть природное влечение; ибо как же будет установлена истина, если мы замкнем наше мнение только на нас самих? Итак, это природное влечение, очевидно, имеет целью определение человеческого рода посредством общедоступной истины; ведь одно суждение исправляет другое, и потому наклонность проверять наши суждения разумом других есть такое средство, которого не может отвергнуть и самый мудрый человек»[35]. (Человековедение или всеобщая антропология (конспект лекций)).

В рукописных заметках Канта можно обнаружить интересное уподобление ученого, который опирается только на свои силы Циклопу. Циклопу не хватает второго глаза в виде критики, поэтому его восприятие мира односторонне и не застраховано от ошибок. Кант пишет: «Такого ученого [который излишне доверяет собственным силам] я называю Циклопом. Он – эгоист науки, и ему надобен еще один глаз, который даст ему рассмотреть свой предмет и с точки зрения других людей. На этом основывается гуманность наук, т.е. общительность суждения, силою которой мы подвергаем его также суждению других» (XV 395)[36].

Эгоизму Кант противопоставляет плюрализм, эпистемологический статус которого он объясняет в «Антропологии с прагматической точки зрения» таким образом: «Эгоизму можно противопоставить только плюрализм, т.е. образ мысли, при котором мы рассматриваем себя и ведем себя не как заключающие целый мир в своем Я, но только как граждане мира»[37]. Кант понимает суждение другого в качестве, как он выражается, «пробного камня истины». Обращение к широкой читающей публике служит в данном случае средством внешней проверки знания, без которого познание истины оказывается неполным.

То есть смысл научного познания хотя и заключается в самостоятельной выработке знания, но это предполагает обращение к научному сообществу с целью проверки полученных выводов. Почему же, однако, межличностная коммуникация оказывается в данном случае недостаточной? При обращении к публике как к внешнему судье добытого зна-

[35] Цит. по: Хинске 2007. С. 101.
[36] Цит. по: Хинске 2007. С. 113.
[37] Кант 1966. Т. 6. С. 360.

ния ученый апеллирует к всеобщей инстанции, тем самым предоставляя полную свободу для критики своих выводов. Собственно, публикация как акт проверки знания через всеобщность разума превращает некое частное мнение в общее знание. Поскольку стремление к истине является имманентным разуму, а обязательным средством для достижения этой цели служит обращение к суждению публики, то, во-первых, публичность понимается в данном случае как сущностная характеристика разумности и, во-вторых, она оказывается отражением всеобщности разума. Репрезентацией же всеобщности разума является республика ученых, точками сборки для которой как раз и являются научные журналы. В таком смысле знание, не признанное научным сообществом (республикой ученых) через верифицированные им социальные институты (журналы), не является знанием в точном смысле этого слова. Именно такого рода внешнего признания и не позволяют достичь никакие формы межличностной коммуникации. Причем журнал оказывается наиболее динамичной и действенной трибуной для перевода частного мнения на уровень всеобщего знания, поскольку, хотя знание представляется по преимуществу в напечатанной книге, где его можно развернуть во всей полноте аргументации, борьба за его признание и его распространение ведется прежде всего на страницах журналов. Защита знания предполагает его обсуждение в научном сообществе, которое представлено, прежде всего, научным журналом. Кант по-разному объясняет мотивацию к публикационной деятельности. В целом в его опубликованных работах и в рукописном наследии можно выделить три труппы причин, которые, по его мнению, мотивируют ученого на публикацию своих исследований. Во-первых, это запрос на то, что Кант называет *votum consultativum* в познании, во-вторых, публикация понимается им как моральное обязательство, и, в-третьих, как естественная склонность к этому. В любом случае проверка своих суждений разумом других и обращение для этого к публике оказывается необходимым инструментом достижения истины.

***

Журнальная коммуникация, возникнув изначально, прежде всего, исходя из потребности информирования о новинках и продиктованная эмпирическими условиями в виде трудностей распространения знания традиционными на тот момент средствами, превратилась в итоге в особый институт науки, который стал обеспечивать легитимацию знания и, соответственно, определять социальный статус ученых. Однако в основе журнальной коммуникации лежала также и более фундаментальная потребность ученых в публичности как средстве, обеспечивающем прогресс знания и являющимся условием истины. Данное обстоятельство оспаривает тезис о том, что гносеологический идеал науки Нового времени основывается на редуцировании процесса познания исключитель-

но к самостоятельности разума, который может и должен продуцировать истину только лишь из себя самого. Как реальная практика научной работы в период XVII–XVIII вв., так и философская теория показывают, что познание истины является для классической науки коллективным мероприятием, в рамках которого проявляется коммуникативная природа научной рациональности, не мыслящей никакого Я независимого от Другого, который оказывается непременным участником процесса познания. Журналы можно считать формой бытия Другого, который понимается в виде, прежде всего, выразителя всеобщности разума.

Таким образом, понимание разума как инстанции, укорененной в публичном пространстве в виде сети журналов, привело науку Нового времени к установлению журнальной публикации в качестве основного средства ведения полемики и научной коммуникации. Именно благодаря этой особенности понимания разума публикация в журнале постепенно вытесняет другие виды научной коммуникации, становясь основой инфраструктуры научного общения. Книга оказывается устаревшей, фактически средневековой формой сообщения результатов исследования. Обнаруживается постепенная трансформация ее функций и статуса: от основного инструмента коммуникации к подчиненному средству сообщения уже ранее публично представленных исследований. Публикация же в научных журналах, хотя и вытесняет старые формы межличностной коммуникации, но не отменяет их полностью.

Кризис научных журналов в современной науке, выражающийся в резком увеличении их количества, коммерциализации и в росте значимости социальных связей для осуществления публикаций, ставит вопрос о поиске новых форм научной коммуникации. Можно утверждать, что если для классической науки коммуникация через научный журнал оказывается основной, то наука постнеклассическая пока не имеет своих собственных коммуникативных форм, выработка которых оказывается насущной потребностью науки на современном этапе ее развития. Сложно сказать, способны ли различные формы интернет-общения в социальных сетях заменить традиционные научные журналы, поскольку важные элементы журнальной коммуникации в виде редакционной политики, института рецензирования, постоянной читательской публики, в современных интернет-сетях отсутствуют. Тем не менее, как показало наше исследование, формы коммуникации и в целом социальные институты, обеспечивающие функционирование науки, могут возникать и успешно развиваться только в случае, если они основываются на когнитивных потребностях ученых, а переформатирование социальных институтов науки возможно только как следствие радикальных изменений в понимании научной рациональности, что как раз прекрасно демонстрирует история первых научных журналов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действия // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–92 [Galison P. Zona obmena: koordinaciya ubezhdenij i dejstviya // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2004. № 1. S. 64–92]

Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 3–72 [Dekart R. Razmyshleniya o pervoj filosofii, v koih dokazyvaetsya sushchestvovanie Boga i razlichie mezhdu chelovecheskoj dushoj i telom // Dekart R. Sochineniya v 2-h tt. T. 2. M.: Mysl', 1994. S. 3–72]

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 350–588 [Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoj tochki zreniya // Kant I. Sochineniya v 6 t. T. 6. M.: Mysl', 1966. S. 350–588]

Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 1966. С. 162–542 [Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya // Kant I. Sochineniya v 6 t. T. 5. M.: Mysl', 1966. S. 162–542]

Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с. [Kant I. Kritika chistogo razuma // Kant I. Sochineniya v 6 t. T. 3. M.: Mysl', 1964. 799 s.]

Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Середина XVII - середина XVIII в. Л.: Наука, 1974. 267 с. [Kopelevich YU.H. Vozniknovenie nauchnyh akademij. Seredina XVII - seredina XVIII v. L.: Nauka, 1974. 267 s.]

Мирский Э.М., Садовский В.Н. проблемы исследования коммуникации в науке // Коммуникация в современной науке. М.: Прогресс, 1976. С. 5–24 [Mirskij EH.M., Sadovskij V.N. problemy issledovaniya kommunikacii v nauke // Kommunikaciya v sovremennoj nauke. M.: Progress, 1976. S. 5–24]

Прайс Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // Коммуникация в современной науке. / под ред. Э. М. Мирского, В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 93–109 [Prajs D. Dzh. de S. Tendencii v razvitii nauchnoj kommunikacii – proshloe, nastoyashchee, budushchee // Kommunikaciya v sovremennoj nauke. / pod red. EH. M. Mirskogo, V. N. Sadovskogo. M.: Progress, 1976. S. 93–109]

Словарь основных исторических понятий: избранные статьи в 2-х т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 736 с. [Slovar' osnovnyh istoricheskih ponyatiya: izbrannye stat'i v 2-h t. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 736 s.]

Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта. М.: Культурная революция, 2007. 296 с. [Hinske N. Mezhdu Prosveshcheniem i kritikoj razuma: ehtyudy o korpuse logicheskih rabot Kanta. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2007. 296 s.]

Шиповалова Л.В., Душина С.А. Эпистемологическое осмысление статуса научной публикации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 165–176 [Shipovalova L.V., Dushina S.A. EHpistemologicheskoe osmyslenie statusa nauchnoj publikacii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. 2018. T. 34. Vyp. 2. S. 165–176]

Andrade da C. E. N. The Birth and Early Days of the Philosophical Transactions // Notes and Records of the Royal Society of London. 1965. Vol. 20. №1. P. 9–27.

Birn R. Le Journal des Savants sous l'Ancien Régime // Journal des Savants. 1965. №1. P. 15–35.

Brown H. History and the Learned Journal // Journal of the History of Ideas. 1972. Vol. 33. № 3. P. 365–378.

Daston L. The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment // Science in Context. 1991. Vol. 4. № 2. P. 367–386.

Hall M. B. Oldenburg and the Art of Scientific Communication // The British Journal for the History of Science. 1965. Vol. 2. № 4. P. 277–290.

Hatin E. Histoire politique et littéraire de la presse en France. T. 1. Paris: Poulet-Malassis et de Broise, 1859. 475 p.

Journal des Sçavants. L'Impremeur au Lecteur. 1665.

Kronick D. A. Notes on the Printing History of the Early «Philosophical Transactions» // Libraries & Culture. 1990. Vol. 25. № 2. P. 243–268.

Kronick D. A. A History of Scientific And Technical Periodicals: the Origins And Development of the Scientific And Technological Press, 1665-1790. New York: Scarecrow Press, 1962.
Kronick D. A. The Commerce of Letters: Networks and «Invisible Colleges» in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe // The Library Quarterly: Information, Community, Policy. 2001. Vol. 71. № 1, 2001, pp. 28–43.
McClellan J. Scientific Institutions and the Organization of Science // The Cambridge History of Science / R. Porter (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 87–106.
Moxham N. Authors, Editors and Newsmongers: Form and Genre in the Philosophical Transactions under Henry Oldenburg // News Networks in Early Modern Europe / ed. by N. Moxham and J. Raymond. Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 465–492.
Nouvelles de la République des lettre . № 1. Preface.
The Correspondence of Henry Oldenburg / Ed. and transl. by A. Rupert Hall & Marie Boas Hall. Vol. II: 1663-1665. Madison, Milwaukee, and London: The University of Wisconsin Press, 1966. 678+XXVI p.
The Philosophical Transactions. The Introducation. Vol. 1. 1665. P. 1–2.
Vittu J.-P. Du Journal des savants aux Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux-arts: l'esquisse d'un système européen des périodiques savants // Dix-septième siècle. 2005/3. № 228. P. 527-545.
Vittu J.-P. La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714. Premier article : d'une entreprise privée à une semi-institution // Journal des Savants. 2002. № 1. P. 179-203.
Vittu J.-P. La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714. Second article. L'instrument central de la République des Lettres // Journal des Savants. 2002. № 2. P. 349-377.
Vittu J.-P. Un système européen d'échanges scientifiques au XVIIIe siècle: les journaux savants // Le Temps des médias. 2013. Vol. 20. № 1. P. 47–63.
Wigelsworth J. R. Selling Science in the Age of Newton. Advertising and the Commoditization of Knowledge. Farnham: Ashgate, 2010. xiii+203 p.

Куприянов Виктор Александрович*, кандидат философских наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; nonignarus-artis@mail.ru*

The first scientific journals and the idea of public reason in the modern science

The article considers of the early scientific periodicals, which appeared in the Western Europe in the second half of the 17th century, in the context of the Modern philosophy history. The author points out that ideological basis for the institute of scientific periodical should be found in the idea of pubic reason. It is shown that epistemological status of the journal communication in the Modern science consisted in the addressing to public, which was understood as an indispensable means of the verification of scientific knowledge. Such an understanding of journal communication found its reflection in I. Kant's doctrine of the other's judgement as «a touchstone of truth».

Keywords: scientific communication, Kant, scientific journals, history of periodicals, historical epistemology, Modern philosophy

Victor Kupriyanov*, PhD in philosophy, scientific researcher, the Saint-Petersburg branch of the S.I. Vavilov Institute for the history of science and technology of the RAS; nonignarus-artis@mail.ru*

С. В. Кондратьев

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И РИТУАЛЫ В СУДЕБНЫХ ПОДВОРЬЯХ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ АНГЛИИ

Статья описывает судебные подворья предреволюционной Англии – самоуправляющиеся сообщества юристов, которые занимались юридической практикой в судах, и правовые школы, где передавали знания студентам, вступившим в корпорации. Это были сообщества с иерархической вертикальной структурой, связанные чувством сопричастности, единства, общей судьбы, организационно, обычаями, празднествами, ритуалами и церемониалом. Вступив в подворье и связав с ним жизнь, человек не только набирался знаний и практического опыта, но и медленно продвигался внутри него по иерархической лестнице. Система подготовки юристов сложилась эмпирически в течение веков: мастера передавали практики ученикам в ходе упражнений. Передача опыта осуществлялась орально-слуховым способом, не имела тьютерства, зависела от мотивации студента, трудолюбия, упорства и связей. Мотивированным студентам приходилось нанимать наставников из числа опытных юристов. Студенты в обязательном порядке должны были владеть юридическим французским и латинским языками, поскольку на этих языках было написано большое число юридических источников, а французский язык использовался в судопроизводстве. Тексты и юридический французский были трудны для восприятия: источники содержат много жалоб на «темноту» права. Период XVI – первой половины XVII в. стал временем создания печатной юридической литературы. Таинство передачи правового опыта было потеснено печатным станком. Однако попытки создать достаточно компактные и ясные произведения большого успеха не имели. Предложения по систематизации и кодификации права поддержки в юридическом сообществе не находили.
Ключевые слова*: *Англия, право, юристы, подворье, образование, ритуалы

Судебные и канцлерские подворья, или инны (inns of court и inns of chancery) – сугубо английское явление. В отличие от континентальной Европы, где правоведов обучали в университетах, в Англии возникла своя традиция подготовки юристов. Английское общее право, где главным была не норма, а прецедент и отточенный в ходе прений и многочисленных фиксаций в судебных отчетах и трактатах принцип, преподавалось в подворьях. Современники эту инаковость объясняли тем, что университеты используют для обучения латынь, а в английском общем праве задействованы три языка – латынь, французский и английский[1].

Ранняя история судебных и канцлерских подворий не поддается реконструкции. Известно, что западные пригороды Лондона уже к XIV в. были довольно плотно застроены доходными домами и постоялыми дворами, которые заполнялись чиновниками, официалами и юристами во время пребывания в столице. Чаще всего это были периоды заседаний парламента и судебных сессий. Если судьи и сержанты обычно жи-

[1] Fortescue 2002. P. 66–67.

ли в собственных домах, то клерки и «подмастерья» снимали комнаты, нередко деля их. Согласно общепринятой гипотезе, выдающиеся правоведы у себя дома готовили учеников. С ростом численности профессии, юристы начинают совместно снимать дома на время судебных сессий, где могли жить, спать и работать с клиентами. Они вскладчину оплачивали повара, вместе принимали пищу в общей зале. Часть этих домов затем превратилась в предоставляющие правовое образование судебные (старшие) и канцлерские (младшие) подворья[2].

Судебные подворья представляли из себя профессиональные, связанные традицией, образовательными и ритуальными практиками корпорации, в которые можно было вступить, получить определенный уровень образования и в котором можно было продвинуться. В судебные подворья вступали, как правило, представители дворянской молодежи, уже ряд лет проучившиеся в Оксфорде и Кембридже или даже совершившие путешествие на континент. Иногда эти молодые дворяне год или чуть больше постигали азы права в одном из канцлерских подворий, а затем уже перемещались в судебное подворье[3].

Еще в XV в. стало очевидно, что в Лондоне возник центр образования, который Джон Фортескью назвал «академией»[4], а в XVII в. его окрестили «третьим», или «правовым университетом» (Lawyers University)[5]. Фортескью писал о существовании 4 судебных – Линкольн-инн (Lincolnes-Inne), Миддл-темпл (Middle temple), Иннер-темпл (Inner Temple) и Грейз-инн (Gray's Inn) – подворьях и 10 канцлерских. К началу XVII в. осталось 8 канцлерских подворий[6]. По мнению Дж. Фортескью и Эдварда Уотерхауза, «Афины права» возникли в столице, во-первых, потому, что здесь сосредоточены судьи, юристы (сержанты, «подмастерья», барристеры) и «расфуфыренные студенты (ingenious and florid Students)», во-вторых, столица ежедневно привлекает «потоки людей и вещей», т.е. массу потенциальных клиентов, в-третьих, подворья дают не только правовое, но и широкое образование. Они «есть настолько же школы воспитания и рыцарства, насколько и школы права»[7]. Очевидно, непосредственная близость судебных, административных учреждений, служб королевского двора, судов и служб Лондона добавляли привлекательность иннам, были их конкурентным преимуществом.

Джон Фортескью писал, что уже в 1477 г. в каждом судебном подворье обучалось по 200 студентов[8]. В начале XVII в. Джеймс Уайтлок

---

[2] Baker 2000. P. 3–28; Idem. 2007. P. 159–162; Brooks 1986. P. 159.
[3] Prest 1972. P. 21–29.
[4] Fortescue2002. P. 68.
[5] Buc 1614. P 965–978; Dugdale 1680. P. 142; Stow 1908. P. 76.
[6] Fortescue 2002. P. 68; Stow 1908. P. 77; Brooks 1986. P. 158.
[7] Fortescue 2002. P. 68; Waterhouse 1660. P. 131–134.
[8] Fortescue 2002. P. 68.

усомнился в правильности приведенных данных. По его словам, даже сейчас нет «у нас общины», которая могла бы собрать больше 220-ти человек, и что Дж. Фортескью, вероятно, имел ввиду не только студентов, но всех «резидентов» подворья[9]. Данные Эдварда Кока несколько выше. «Каждое судебное подворье включает свыше 20 лекторов, или бенчеров, свыше 60-ти полных барристеров и около 160-180 молодых джентльменов, которые проводят время, изучая право и в похвальных занятиях, подобающих джентльменам»[10]. Вильфрид Прест полагает, что для XV в. Дж. Фортескью сильно завысил число студентов, и согласен с Джеймсом Уйтлоком, что речь следует вести обо всех «резидентах» подворья. Эдвард Кок, по его мнению, рисует для начала XVII в. «разумную и точную картину». Студенты вступали в подворье, но кроме них членами общины были управляющие инном юристы (бенчеры и барристеры), которые когда-то вступили в подворье, жили либо в нем, либо в других частях Лондона. Последние часто практиковали в провинции и появлялись в подворье на короткое время, когда дела призывали их в столицу. Единолично покоями (chamber) в подворьях владели бенчеры. Остальные могли арендовать покои или их часть до конца жизни. Сплошь и рядом арендаторы помещений, несмотря на существующие в подворьях запреты, сдавали их свои знакомым и землякам. Приведенные В. Престом данные показывают, что в среднем на каждых двух членов приходилось менее одного покоя, свыше половины членов подворья никогда в нем покоев не арендовало, предпочитая снимать жилье по соседству. Сопоставив сохранившиеся записи регистров с прямыми и косвенными свидетельствами, признавая определенную искусственность своих подсчетов, он приходит к выводу, что во времена Дж. Фортескью каждое подворье могло иметь 60 (включая студентов) резидентов. Между 1500 и 1600 гг. число резидентов увеличивается вчетверо, достигая 240–250 чел. Пик численности приходится на вторую декаду XVII в., когда членство в иннах доходило до 300 человек[11].

Выдающийся историк права Фредерик Мэтленд в начале XX в. назвал судебные подворья структурами, похожими одновременно на клубы, колледжи и тред-юнионы[12], подчеркнув тем самым корпоративное единство подворий и наличие среди их членов общих интересов, ценностей и ритуалов. Образование и обучение были только одной из сторон деятельности подворий. Практикующие и не преподающие юристы оставались их членами, они покидали подворья, только приобретя более высокий статус и должность – сержанта (юриста самого высокого статуса), королевского атторнея или судьи. Например, Джеймс Уайтлок

[9] Whitlock 1771. P. 79.
[10] Coke 1826 Vol. II, Pt. 3. P. XXXVII.
[11] Prest 1972. P. 5–17, 47.
[12] Maitland 1957. P. 125.

вступил в Миддл-темпл в 1592 г.в качестве студента, а покинул его только в 1620 г., получив звание сержанта[13].

Структура подворья и уровни продвижения

Подворье имело трехчленную структуру. Вершину ее занимали бенчеры (benchers), или лекторы (readers), которые изначально читали лекции, но «сейчас, – сообщает источник, – на них главным образом возложено управление и поддержание подворья». На год они из своей среды избирают казначея, в некоторых подворьях его называли «пенсионером», который собирает деньги с членов подворья и отвечает за расходование средств. Ниже бенчеров стояли полные барристеры (Utter-Barresters), которые получали это звание, набравшись за годы обучения «знания и опыта». Студентов допускали к стойке (делали полными барристерами) после экзамена, им был испытательный, проводимый по-французски, судебный процесс (Mote, moote)[14]. Студенты подворья могли называться младшими барристерами (Inner-Barresters), или джентльменами. «Юные люди, у которых нет знаний и опыта, которые не способны приводить и опровергать аргументы в постановочном судебном процессе». Они изучают действия и слова полных барристеров во время постановочных процессов, запоминают их, затем воспроизводят, выступая – один – от имени истца, второй – от имени ответчика[15]. Все студенты подворья в течение первых двух лет входили в младшее сообщество, называемое «сообществом клерков» (Clerks Commons), а затем, через два года, переходили в старшее сообщество – мастеров (Masters Commons). Оба сообщества делали еженедельные взносы на свое содержание. В середине XVI в. еженедельное содержание клерка составляло 2 шилл. 2 пенса, а мастера – 2 шилл. 8 пенсов[16]. Подворье, следовательно, состояло из разрядов и представляло иерархическую пирамиду. Во время трапез столы занимались и обносились в соответствии с рангом за ними сидящих. Бенчеры, барристеры и студенты сидели отдельно. Стол бенчеров возвышался над остальными. Бенчеры получали вино от подворья, а барристеры оплачивали его сами. Каждый ранг был соответственно одет: бенчеры восседали в мантиях до колен с кистями из шелка и вельвета, барристеры – в черных платьях с длинными, окаймленными вельветом, свисающими рукавами и студенты в скромных черных длинных одеждах без рукавов с черными шапочками на головах[17].

Современники рисуют стандартную карьеру юриста так: год или два лицо, поступившее в инн, считалось младшим студентом, накапливало опыт, участвуя в упражнениях, затем семь или восемь лет студент

---

[13] Liber Famelicus. 1858. P. 14, 79–83.
[14] Denton, Bacon, and Cary 1663. P. 544.
[15] Ibidem; Buc 1615. P. 974.
[16] Ibid. P. 546; Dugdale1680. P. 193-194; Buc 1614. P. 974–975.
[17] Prest 1972. P. 48.

считается мутменом, изучает право, участвует в учебных постановочных процессах, задает вопросы и участвует в прениях во время лекций, после чего допускается к стойке[18]. Уильям Дагдейл пишет, что в Иннер-темпле для того, чтобы быть допущенным к стойке мутмен должен был провести в канцлерском инне 12 «больших» и 24 «малых» учебных тяжб[19]. Став полным барристером, он получал право читать лекции в младшем инне. Барристерам «разрешается публично заниматься своей профессией, иметь правовую практику в судах и оказывать помощь клиентам, и из-за этого их называют юрисконсультантами (cancellors at the law). После еще ряда лет и после того, как еще возрастут их познания и доверие к ним, они подходят к следующей высокой степени…, им дозволяется прочесть лекцию о праве в зале… и называться лекторами, а после того, как они прочтут повторно, их называют «подмастерьями», которые могут становиться бенчерами… и иметь власть управлять делами своих подворий». Обычно не менее, чем после 12 лет занятий практикой в качестве полного барристера и, читая лекции в инне, юрист мог быть избран бенчером подворья или признавался старейшиной (ancient). Старейшины – это опытные барристеры, занимающие среднее положение между бенчерами и барристерами. Начинающие бенчеры допускались к чтению лекции в летнюю вакацию, а старшие бенчеры – в зимнюю вакацию. Из числа лекторов король назначает генерального атторнея (прокурора), генерального солиситора (стряпчего), атторнея в Суд по делам опеки, сержантов, а из числа сержантов – судей[20].

Корпоративное единство поддерживалось ритуально и символически. Все члены подворья должны были под страхом различных штрафов принимать участие в организуемых вскладчину совместных празднованиях и праздничных трапезах. Главные празднования приходились на день Всех святых (1 ноября) и Сретение (2 февраля). На тех, кто проживал в городе, а не в подворье и не участвовал в празднествах, тоже налагался штраф. Исключения делались только для престарелых и немощных членов подворья[21].

Практики и ритуалы юридического образования

Учебный год в подворье делился на три части: семестры (Term-times), промежуточные вакации (mean-vacation) и образовательные вакации (learning-vacations)[22]. Посмотрим, какие приемы и инструменты использовались в подворьях для обучения праву. Знание права, которое «состоит из множества почти не определяемых частностей», по Э. Коку, приходит к студенту в результате «чтения (reading), слушанья (hearing),

---

[18] Coke 1826, Vol. II, Pt. 3. P. XXXVI; Dugdale 1680. P. 159.
[19] Dugdale 1680. P. 159.
[20] Coke 1826, Vol. II, Pt. 3. P. XXXV–XXXVI; Dugdale 1680. P. 144; 202–203.
[21] Dugdale 1680. P. 204, 206.
[22] Prest 1972. P. 48, 238.

обсуждения (conference), размышления (meditation) и записывания (recordation)»[23]. Основным способом овладения знаниями были «упражнения» (exercises). Существовало три типа «упражнений» – диспут, или разбор юридического казуса (case-putting), учебный постановочный судебный процесс (moot) и прослушивание лекций (readings)[24].

В разборе казуса мог принимать участие любой член подворья, независимо от статуса. Их устраивали для развития «ума и памяти». «Ежедневно в ходе семестра, после обеда… один из бенчеров… ставит на обсуждение придуманный им казус, который касается двух или трех сложных вопросов права». После обмена мнениями, за столом формируются «три команды», устраивающие диспут. Команда, в которую входит поставивший на обсуждение казус бенчер, приводит аргументы последней. До этого по возрастному принципу – сначала младшие, потом старшие – выступают две другие команды[25].

Учебный постановочный процесс организовывался двумя полными барристерами по вторникам и четвергам после ужина. В верхнем конце залы выстраивались бенчеры. К ним обращались два студента, излагая по-французски условия тяжбы, и «почтительно» справлялись, будут ли их слушать. Дав утвердительный ответ, бенчеры выбирали из своей среды двоих, которым предстояло приводить аргументы. Сами они тоже делились на две группы. Стоя группа против группы, бенчеры обсуждали тяжбу и приходили к согласованному решению. Затем происходил учебный процесс, который переносился в нишу залы (cupboard). Старший бенчер садился на скамью перед столом, а справа и слева от него садились два ранее отобранных бенчера, имитируя судей. Напротив садились студенты и барристеры, изображавшие адвокатов истца и ответчика (mootmen). Обе стороны приводили свои аргументы по-французски, цитировали по памяти судебные решения, воспроизводили правовые принципы и максимы. Последними выступали бенчеры, которые выносили решение по-английски. После окончания учебной тяжбы студенты и барристеры одаривали бенчеров пивом и хлебом[26].

Учебный процесс в младших подворьях кратко описывает Саймон Дьюс. Его там проводил опытный барристер, являвшийся лектором. Стороны представляли два студента[27]. Условия процесса далеко не всегда придумывались барристерами. Обычно их извлекали из имеющихся в наличии собраний. Самым ходовым для начала XVII в. было собрание Эдмунда Плоудена[28]. В учебном судебном процессе были задействова-

[23] Coke 1826. Vol. I., Pt. I. P. XXVII–XXVIII.
[24] Prest 1972. P. 117.
[25] Dugdale 1680. P. 208.
[26] Ibid. P. 208-209.
[27] D'Ewes 1845. P. 218.
[28] Plowden 1662.

ны представители всех разрядов подворья: старшее поколение транслировало опыт и традицию младшему. Диспут и разбор юридического казуса (case-putting) и учебный постановочный судебный процесс (moot) – в эти учебные практики студенты были вовлечены постоянно. С. Дьюс в «Автобиографии» упоминает более чем о двух десятках постановочных процессов в судебных и канцлерских иннах, в которых он участвовал и «аргументировал по-французски», или наблюдал за ними[29].

Время лекций (readings) наступало в т.н. образовательные вакации. Лекции, читаемые в подворьях, изначально были образовательными мероприятиями, но с течением времени превратились в ритуал со своим церемониалом, торжественностью и подчеркнутой иерархичностью. Семантика церемониала образовательных вакаций призвана была подчеркнуть корпоративное единство подворья. Образовательные вакации приходились на периоды больших праздников. Первая (зимняя) – начиналась в первый понедельник Великого поста (Lent-Vacation), т.е. в феврале, летняя вакация – начиналась в понедельник, следующий за праздником урожая (Lammas-day, 1 августа). Обе вакации продолжались три недели и три дня[30]. Рутинные «упражнения» во время вакаций превращались в представления. Это была обязательная практика для тех, кто хотел продвинуться в подворье. Лекция посвящалась одному из парламентских актов, занимала примерно два часа и сопровождалась диспутами, которые могли продолжаться за последующими совместными трапезами[31]. Зимняя вакация, приходящаяся на Великой пост, считалась более значимой, чем летняя. Из числа тех, кто уже ранее читал лекции летом, выбиралось несколько – им предстояло прочесть лекции зимой. Э. Кок говорит, что лекторами в зимнюю сессию становятся бенчеры и старейшины, которые до этого читали лекции 9-10 лет назад. В XVI в. только допущенные к чтению «повторных» лекций полные барристеры могли становиться бенчерами. Из их же числа отбирались будущие сержанты[32]. В первые десятилетия XVII в. произошли существенные сдвиги: от повторных лекций отказались, все чтение сократилось до двух недель, а бенчерами становились уже после первой лекции[33].

Подробное описание лекционного ритуала оставил У. Дагдейл. Лекции в ходе образовательных вакаций читались по понедельникам, средам и пятницам[34]. В последнюю пятницу (перед Днем Всех Святых) парламент (собрание членов) подворья избирал из числа опытных барристеров (cup-board men) на грядущий год двух лекторов (readers). На

---

[29] D'Ewes 1845. P. 218, 221, 224, 229, 232, 239, 242, 254, 256, 261, 302, 304.
[30] Prest 1972. P. 48, 238.
[31] Denton, Bacon and Cary 1663. P. 544-545; Coke 1826. Vol. II., Pt. 3. P. XXXV.
[32] Coke 1826. Vol. II., Pt. 3. P. XXXV.
[33] Dugdale 1680. P. 276; Prest 1972. P. 127-131.
[34] Dugdale 1680. P. 207, 270.

следующий день, во время обеда, оба лектора приглашались за возвышающийся над всеми другими столами стол бенчеров, где «в качестве первого чествования» преподносили бенчерам и небольшому числу опытных барристеров «некоторые количество вина». С этого времени лекторы больше не сидели за столом барристеров, но и за стол бенчеров они не приглашались. Теперь их место было за столом старшин (ancient table), которых они тоже «приветствовали» подношением вина. Они освобождались от организации учебных судебных процессов и прочих «упражнений», а также от всех обязанностей по подворью, поскольку им следовало сосредоточиться на подготовке лекции[35].

До конца января лекторы, как арбитры, присутствовали еще на учебных судебных тяжбах. За неделю до начала произнесения лекции лектору запрещалось появляться в общей зале. Он должен был оставаться в своей комнате и покинуть ее уже в обновленном статусе. В воскресный день, накануне лекции, лектор молился в часовне подворья. Это был торжественный акт: его сопровождали бенчеры, два специально назначенных помощника и «12 или 14 одетых в ливреи слуг»[36]. Во время ужина лектора сажали во главе стола бенчеров. Он сидел в кресле, а они располагались на лавках. Встав утром, лектор выбирал себе из числа студентов помощника (sub-lector), который должен был носить его «книги и бумаги». После завтрака, лектор спускался в залу, где его ожидало уже все подворье. Остановившись в нише посреди залы, лектор приносил присягу верности королю, и шел к столу бенчеров, заняв там в этот раз скромное («низкое») место. Его помощник оглашал тему лекции, посвященную какому-то статуту, и лектор начинал говорить. Сценарий и композиция были выработаны веками. Лектор произносил «серьезную речь», просил извинить его за «слабости» и выражал желание услышать замечания собравшихся, а также приводил резоны, заставившие его избрать данный статут. Он останавливался на частях статута, разбирал «10 или 12 положений» первой части. Затем один из молодых студентов из ниши выступал с опровержением по одному из его выводов. После говорили, начиная с самого младшего, 4 «человека из ниши» (cup-broad men). Все они были опытными, с большим стажем барристерами. Двое из четырех затем избирались следующими лекторами[37]. За ними предъявляли свои доводы бенчеры. Наконец, сам лектор приводил дополнительные аргументы в поддержку своей позиции. Часто на лекцию приходили судьи или сержанты в «пурпурных мантиях и красных капюшонах». Тогда они выступали после лектора, но в его поддержку, оппонируя бенчерам. Затем лектор давал обед всем участникам дискуссии, по окончании которого дискуссия продолжалась. Так, по три дня

[35] Ibid. P. 204.
[36] Liber Famelicus 1858. P. 74.
[37] D'Ewes 1845. P. 304–305.

в течение трех недель подряд лектор произносил речи и парировал возражения оппонентов. Заканчивалось все в последнюю неделю «празднеством и пиром», на которые приглашались знатные гости, послы иностранных государств, епископы. Поскольку все расходы по организации лекции, обедов и празднеств нес сам лектор, то все действо стоило «великих затрат»[38]. Так, Дж. Уайтлок (его чтения состоялись в 1619 г.) потратил на подарки и кормление присутствующих и гостей 369 фунтов, 12 шилл. и 9 пенсов (среди прочего были съедены 83 оленьи туши)[39]. Заканчивалось все для лектора в ходе первого парламента следующей сессии. Один из его помощников произносил перед бенчерами полную восхвалений искусства лектора речь. Потом выступал сам лектор, хвалил и благодарил за науку своих оппонентов, возносил слова благодарности студентам за терпение к его словам. Затем его благодарили бенчеры. Он садился с бенчерами ужинать за один стол, и с этого времени «лектор становился полным, непререкаемым бенчером»[40].

О композиции чтения можно судить по опубликованным текстам лекции Френсиса Бэкона. Чтение Бэкона пришлось на зимнюю вакацию 1600 г. В Грейз-инн в течение двух недель он читал лекции, посвященные «Статуту о доверительном пользовании недвижимостью» (Statute of Uses) Генриха VIII (1535). Открывалось чтение свойственным философу витиеватым введением, в котором он специально подчеркнул, что в своей лекции следует сложившемуся канону (ancient form of reading). При структурировании лекции он исходил «из текста статута и его контекста», руководствуясь тремя принципами: 1) показать, как институт пользования трактуется в общем праве, 2) рассмотреть вред (mischief), который устраняется этим статутом, 3) обозначить «максимы общего права», лежащие в основе статута[41]. Лекции студенты записывали в свои тетради. Потом эти конспекты могли ходить в списках.

Долгая и трудная дорога к праву

Эдвард Уотерхауз воспроизвел, со слов своего «друга», бенчера Грейз-инн, мистера Лэнгфорда (Langford), распорядок дня «юного джентльмена». Просыпался студент в 5 час. утра. Один час (между 5 и 6 час.) посвящал чтению Священного Писания и молитве. С 6 до 9 – «прилежно» изучал право. С 9 до 11 – «играл» оружием, фехтовал, танцевал. С 11 до 12 час. наступало время «искусств» – занятие риторикой и логикой. С 12 до 2 часов дня студент обедал и «переваривал» съеденное. С 2 до 5-ти после полудня, наносил визиты друзьям и «воздавал должное». В 5 час. возвращался к «искусствам» – читал книги по исто-

[38] Dugdale 1680. P. 206–207.
[39] Liber Famelicus. 1858. P. 70–73.
[40] Ibid. P. 208.
[41] Bacon 1864. Vol. XIV. P. 285–287.

рии, прозу и поэзию. С 6 до 8 – ужинал. С 8 до 9 – повторял пройденное за день и молился. С 9 до 5 — спал[42].

На деле картина была далека от идиллии. В подворьях не было тьютерства, что, как отмечал в конце XVII в. генеральный атторней Англии Роджер Норт, отличало не лучшим образом подготовку юристов общего права[43]. Не существовало какой-то четкой системы занятий. Подворья никак не мотивировали молодых людей. Обучение здесь не предполагало каких-либо санкций. Тот, кто не собирался становиться барристером, мог себя особенно не утруждать. Родители были вынуждены нанимать бенчеров или барристеров для преподавания молодым людям права и присмотра за ними. Нередко эту миссию несли родственники или друзья. Например, в начале XVII в. некий студент со стажем Чарльз Трипп (Charles Tripp) в Миддл-темпле опекал своих соседей по Вингэму (Wingham) (графство Кент), только поступивших в подворье, братьев Ричарда и Джона Оксинденов[44]. О варварском языке общего права, который никому, кроме юристов, не понятен, писал в 1531 г. Томас Элиот. Он же сетовал на то, что наука права тяжело дается студентам, многие-большая часть которых находит ее «занудной» и либо «сторонится законов, либо не признается друзьям, что предается играм или праздности»[45]. В начале XVII в. так продолжали думать многие. Поэт Ричард Брайтвейт был немало опечален, когда родители решили прервать его «сладостные академические занятия» в Кембридже и переместить «в места терний и мутных луж закона» (those thorny places and plashes of the Law) (в подворье Грейз-инн) изучать право. Знание, которое он там нашел, «сильно отличалось… от обычного», требовало, несмотря на владение многими языками, освоить «новый диалект». «Я, – продолжает он, - пробыл здесь долго, но приобретение мое состояло лишь в том, что я оброс здесь скорее знакомствами, чем знаниями. Я не был единственным… кто со временем вошел на эту территорию и затуманил глаза законничанием. Я видел многих, кто не мог возместить своим родителям оплаченные годы даже прочтением одной полки книг»[46].

Историк Дж. Хоуэлл констатировал: «Никакая другая наука не требует сколько терпения и упорства, как общее право»[47]. Для современников постижение правовой премудрости – это медленный, тяжелый, полный препятствий путь в гору. Уильям Стэнфорд, обращаясь к студентам, писал: «Знание… права лежит за дальней далью, путешествие к нему кажется бесконечным и мучительным, приходится уныло та-

[42] Waterhous 1663. P. 151–152.
[43] North 1824. P. 1.
[44] Oxinden Letters 1933. P. 7.
[45] Elyot 1883. P. 133–136.
[46] Brathwaite 1638. P. 426 –429.
[47] Howell 1892. P. 33.

щиться по путям и дорогам, преодолевая завалы»[48]. Как иронично замечал Роджер Норт, студент только тогда «пожнет плоды» учения, если будет «двигаться к цели без перерыва. Ему надлежит не только читать и говорить о праве, но и есть, пить и спать с правом»[49].

Книги и печатные пособия

В конце XVI – начале XVII в. традиционное обучение, основанное на орально-слуховом (через лекции и упражнения) способе, было потеснено книгой. Печатный станок существенно облегчил доступ к знанию, в т.ч. правовому. Многие юридические тексты, хранившиеся в частных руках, в XVI в. стали публиковаться. Будущий юрист должен был прочитать, проработать значительное количество «больших юридических книг», изучить судебные отчеты и «Ежегодники» (Year books) – фиксации судебных прецедентов (в конце XIII–XV в. на пергаменте, затем печатались), сделать многочисленные выписки и конспекты. Среди списков рекомендованных к прочтению и изучению текстов, выделяется своей длиной список Роджера Норта: он состоял из 10 обязательных книг и 16 дополнительных[50]. Отсутствие порядка при обучении и систематизации самого права, действительно, осложняло подготовку юристов. Собственно говоря, каждый студент сам, собирая, компилируя

---

[48] Staunford 1568. P. A.IIII.

[49] North 1824. P. 22.

[50] Обязательный список включал Томаса Литтлетона, Джона Перкинса, Эдмунда Плоудена, Роберта Кейлвея, судебные отчеты елизаветинских и раннестюартовских судей Уильяма Леонарда (William Leonard) (1658), Эдварда Кока, Джеймса Дайера (James Dyer, на французском – 1585, краткое изложение на английском – 1651), сержанта Френсиса Мура (Francis Moore) (1663), генерального атторнея Джеффри Палмера (Geoffrey Palmer) (1678, французский язык). – North 1824. P. 41. К дополнительным книгам отнесены «Интерпретатор» Джона Коуэлла (Joon Cowell. Interpreter. 1607), «Разделение судов» (Diversite de courtz et lour jurisdictions, 1561, фр. изд., Diversity of courts, and their jurisdictions, 1646, анг. изд.), Энтони Фитцхеберта, «Старые держания» (Olde tenures, безымянный трактат, написанный по-французски в XIV в., служил источником Т. Литтлетону, неоднократно переиздавался в XVI–XVII вв.), далее перечислены: «Новая природа приказов Энтони Фитцхеберта, «Полномочия и юрисдикция судов» (L'authoritie et iurisdiction des courts de la Maiestie de la Roygne, фр. изд. 1594) Ричарда Кромптона (Richard Crompton), «Тяжбы короны» (Les plees del coron diuisees in plusors titles and common lieux, фр. изд. 1583) Уильяма Стэнфорда, III часть («Тяжбы короны), IV часть («Юрисдикция судов») «Институций» Эдварда Кока, его же «Комментарии на Литтлетона» и «Комментарии к Великой хартии вольностей» (ими открывается II часть «Институций», и отдельные издания), «Маленький Брук» (Brooke's New Cases, Petit Brook or Bellewe Temp. Henry VIII, 1578) – собрание избранных судебных дел, подготовленное Робертом Бруком, сокращенный вариант его же “La Graunde Abridgement, Collect & escrie per le Iudge tresreuerend Syr Robert Brooke, Chiualier”. Londini, 1568, за первую половину XVII в. переиздано 6 раз), «О законах и обычаях Англии» Генри Брактона (XIII в), «О законах и обычаях королевства Англии», XII в. Ранульфа Глэнвилла (Ranulf de Glanvill), «Бриттон» (Britton, 1530) – запись английского права XIII в. и «Флета» (Fleta, 1594, 1647) – анонимный правовой трактат конца XIII в. (последние четыре – на латыни). – North 1824. P. 3.

прецеденты и цитаты, выстраивал «из многочисленных и почти неопределяемых частностей» какую-то систему. Эдвард Кок подчеркивал, что знание приходит через «упорядоченное записывание» частностей[51].

Думается, что мало, кто из намеревавшихся стать юристом, был способен осилить весь список Р. Норта. Поэтому юристы и антикварии стали готовить что-то вроде пособий, или суммированных дайджестов права. Вероятно, главными среди них следует назвать 4 тома «Институций» Эдварда Кока (печатались в 1628–1644 гг.), который полагал, что они окажут существенную помощь изучающему право[52]. Но этот перегруженный комментариями объемный труд не облегчил жизнь студента. Роджер Норт ставил «Комментарии на Литтлетона» Кока не очень высоко, говоря, что автор хотел «принести объяснения», но добился «плохого результата», поскольку его пространные пояснения «мешают и уводят внимание от самого текста»[53].

Идея как-то систематизировать, упорядочить право, облегчить его изучение студентами и сделать более доступным для непосвященных возникала все чаще. Эбрахам Франс, получивший образование в Кембридже и допущенный к стойке в Грейз-инн, поклонник логики Пётера Рамуса, и Джон Доддридж, судья суда Королевской скамьи, надеялись упорядочить общее право с помощью логики и предлагали свести его к ясным формулам, подобных формулам римского права[54]. Но оба написанных текста, полные отвлеченных рассуждений и советов, оказались невостребованными и не имели практического применения.

В 1600 г. было издано сочинение Уильяма Фулбека «Руководство, или Приготовление к изучению права», который заявлял о том, что хорошо бы свести общее право к некоторому количеству разделов (heads). Сочинение Фулбека, в котором порядка было все-таки не много (в начале автор посвятил несколько страниц разбирательству, в какое время суток лучше овладевать ремеслом юриста[55]), выгодно отличалось от работ Эбрахама Франса и Джона Додриджа тем, что его автор оставался в правовом поле, сторонясь их методологической отвлеченности. Из работы Уильяма Фулбека можно было получить практическую пользу.

Отсутствие системы и порядка в праве удручала не только студентов. Выдвигалась идея провести кодификацию и систематизацию права, которую предлагал, в частности, Френсис Бэкон[56]. Предложение встретило противодействие и реализовано не было, системного, упорядочен-

[51] Coke 1826. Vol. I, Pt. P. XXVII.
[52] Coke 1853. P. XXXVIII.
[53] North 1824. P. 11.
[54] Fraunce 1588. To the Learned Lawyers of England, especially the Gentlemen of Grays Inne, P. 119; Doddridge 1631. P. 33–36, 40–48, 52, 62–63, 107.
[55] Fulbecke 1829. P. 44–50.
[56] Jardine, Stewart 1999. P. 61.

ного и понятного изложения общего права так и не появилось. В начале XVIII в. Роджер Норт горько констатировал: «Из всех профессий мира, которые заявляют о системном образовании, ни одна не нуждается в нем столь сильно, как общее право»[57].

***

Судебные подворья являлись сообществами юристов, которые занимались юридической практикой в английских судах и передавали знания студентам, вступившим в корпорации. Судебные подворья представляли сообщества с иерархической вертикальной структурой, связанные чувством сопричастности, единства, общей судьбы, организационно, обычаями, празднествами, ритуалами и церемониалом. Внутри подворье состояло из нескольких сообществ – бенчеры, барристеры, студенты – с определенными обязанностями и привилегиями. Вступив в подворье и связав с ним жизнь, человек набирался не только знаний и практического опыта, но и медленно продвигался внутри него от широкого основания к вершине корпоративной пирамиды. Система подготовки юристов складывалась эмпирически в течение веков. Внутри нее мастера должны были передавать практики ученикам в ходе упражнений. Передача опыта осуществлялась орально-слуховым способом, не имела тьютерства, зависела от мотивации студента, трудолюбия, упорства и связей. Мотивированным студентам приходилось нанимать наставников из числа опытных юристов, чтобы овладеть необходимым опытом и традицией. Студенты в обязательном порядке должны были владеть юридическим французским и латинским языками, поскольку на этих языках было написано большое число юридических источников, а французский язык использовался в судопроизводстве. Тексты и юридический французский оказывались трудны для восприятия, и источники содержат большое число жалоб на «темноту» права. Образование в корпорациях одновременно может считаться «либеральным», поскольку в них поступали учиться лица, не собирающиеся посвящать себя юридической профессии. В кругу других студентов они овладевали здесь минимальными правовыми знаниями и зачатками разных наук. Церемониальные и ритуальные практики являлись не просто празднествами, но и передачей правового опыта, способом поддержания корпоративного единства и возможностью встретить и услышать самых известных юристов, политиков и придворных.

XVI – первая половина XVII в. стали временем создания печатной юридической литературы. Помимо новых правовых произведений, ориентированных на увеличивающееся число потребителей правовых знаний, издавались работы, которые ранее ходили в списках. Таинство передачи правового опыта было потеснено печатным станком. Однако

[57] North 1824. P. 1.

попытки создать достаточно компактные и ясные произведения большого успеха не имели. Предложения по систематизации и кодификации права поддержки в юридическом сообществе не находили.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Autobiography of Sir John Savile, of Methley, knight, baron of Exchequer, 1546–1607 // Yorkshire Archeological Journal. Leeds, 1900. Vol. XV.

Bacon F. Reading of Statute of Uses // Works of Francis Bacon / Ed. by J. Spedding. Boston: Houghton, Mifflin and company, s.d., Vol. XIV. P. 277–359.

Baker J.H. Common Law Tradition. Lawyers, Books and Law. London: Hambleden Press, 2000.

Baker J.H. Introduction to English Legal History. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Brathwaite R. A spiritual spicerie containing sundrie sweet tractates of devotion and piety. London: Printed by I. Haviland for George Hutton, 1638.

Brooks C.W. Pettyfoggers and Vipers of the Commonwealth. The "Lower Branch" of Legal Profession In Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Buc G. Tried University of England. Or, a Treatise of Foundations of All Colledges, Ancient Schools of Priviledges, and of Houses of Learning, and Liberall arts, within and about most Famous Cities of London // Stow J. Annales, or, A General Chronicie of England / Ed. by E. Howes. Londin1, 1615: Impensis Thomae Adams. P. 965–988.

D'Ewes S. Autobiography and Correspondence / Ed. by J.O. Halliwell. London: Richard Bentley, New Burlington Street, 1845. Vol. I.

Denton T., Bacon N. and Cary R. To the most High and most Excellent Prince our most Gracious and most Redoubted Sovereign Lord and King Henry the Eight // Fortescutus illustratus, or, A commentary on that nervous treatise, De laudibus legum Angliæ, written by Sir John Fortescue, Knight ...The Heroique Design of whose Excellent Judgment and Loyal Addiction to his Prince, is humbly endeavoured to be Revived, Admired, and Advanced by Edward Waterhous, Esquire. London: Printed by Tho. Roycrost for Thomas Dicas, 1663. P. 543–546.

Doddridge J. English lawyer describing a method for the managing of the lawes of this land. London: Printed by Assignes of I. More, esq. 1631.

Dugdale W. Origines Juridicales; Or Historical Memorials of the English Laws, Courts of Justice, Forms of Tryal, Punishment in Cases Criminal, Law-Writers, Law-Books, Grants and Settlements of Estates, Degree of Serjeant, Inns of Court and Chancery. London: Printed for Christop. Wilkinson, Tho. Dring, and Charles Harper, 1680.

Coke E. Reports / Ed. by J.H. Thomas. London: Joseph Butterworth and son, 1826. Vol. I-VI.

Coke E. Institutes of Laws of England; or, a Commentary on Littleton. Philadelphia: Robert H. Small, Minor Street, 1853.

Elyot T. Book named Gouernour / Ed. by H.H.S. Croft. L.: Kegan Paul, Trench &Co, 1883. Vol. I.

Fortescue J. On Law and Governance of England / Ed. by S. Lockwood. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Fraunce A. Lawiers logike exemplifying the præcepts of logike by the practise of the common lawe, by Abraham Fraunce. L.: by William How, for Thomas Gubbin and T. Newman, 1588.

Fulbecke W. A direction or preparative to the study of the law wherein is shewed, what things ought to be observed and used of them that are addicted to the study of the law, and what on the contrary part ought to be eschued and avoided. London: Printed for J. and W.T. Clarke, Law booksellers and publishers, 1829.

Harvey D.J. Law Emprynted and Englysshed: Printing Press as an Agent of Change in Law and Legal Culture 1475–1642. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Howell J. Epistolae Ho-Elianae: The Familiar Letters of James Howell, Historiographer Royal to Charles II / Ed. by J. Jacobs. London: Published by David Nutt in the Strand, 1892. Vol. I.

Jardine L., Stewart A. Hostage to Fortune. Troubled Life of Francis Bacon. N.Y.: Hill & Wang Pu, 1999.

Liber Famelicus of Sir James Whitelocke, a Judge of Court of King's Bench in Reigns of James I and Charles I / Ed. by J. Bruce. London: Printed for Camden Society, 1858.

Maitland F.W. English Law, 1300-1600 // Selected Historical Essays of F.W. Maitland. Chosen and Introduced by H. M. Cam. Cambridge: Cambridge University Press, 1957. P. 122– 134.

North R. Discourse on Study of Law. London: Printed for Charles Baldwyn, 1824.
Plowden E. Plowden's quaeries, or, A moot-book of choice cases useful for the young students of the common law. L.: Printed for Ch. Adams, J. Starkey, and Tho. Basset, 1662.
Prest W. Inns of Court under the Elizabeth I and the Early Stuarts 1590-1640. L.: Longman, I972.
Oxinden Letters, 1607-1642: Being the correspondence of Henry Oxinden of Barham and his circle / Ed. by D. Gardiner. London: Constable & Co LTD, 1933.
Staunford W. An exposicion of the kinges prerogatiue collected out of the great abridgement of Iustice Fitzherbert and other olde writers of the lawes of Englande by the right woorshipfull sir William Staunford Knight, lately one of the iustices of the Queenes maiesties court of comon pleas. London: Imprynted at London: In flete strete within temple Barre at the signe of the hand & starre. by Rychard Totte, 1568.
Stow J. A Survey of London. Oxford: Clarendon Press, 1908. Vol. I.
Waterhouse E. A discourse and defence of arms and armory, shewing the nature and rises of arms and honour in England, from the camp, the court, the city: under the two later of which, are contained universities and inns of court. L.: Print. by T.R. for Samuel Mearne in Little Britain, 1660.
Waterhous E. Fortescutus illustratus, or, A commentary on that nervous treatise, De laudibus legum Angliæ, written by Sir John Fortescue, Knight... The Heroique Design of whose Excellent Judgment and Loyal Addiction to his Prince, is humbly endeavoured to be Revived, Admired, and Advanced by Edward Waterhous, Esq. L.: Printed by Th. Roycrost for Th. Dicas, 1663.
Whitlock. Of Antiquity, Use and Privilege of Places for Students, and Professors of common Laws of England // A Collection of curious written by the eminent antiquaries upon several heads in our English Antiquities / Ed. by T. Hearn. L.: Printed for T. Evans, 1771. Vol. l. P. 78–82.

Кондратьев Сергей Витальевич*, доктор исторических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики, Тюменский государственный университет; s.v.kondratev@utmn.ru*

Learning Practices and Learning Rituals in the Inns of Court of the pre-revolutionary England

The article describes the Inns of Court in the pre-revolutionary England. They were self-governing communities of lawyers who practiced law in English courts as well as law schools that educated students who belonged to corporations. The Inns of Courts were communities with a hierarchical order, connected by a sense of belonging, unity, a common destiny and a similar structure, customs, celebrations, rituals and ceremonies. After entering an Inn of Court and associating his life with it, one not only started acquiring knowledge and practical experience, but also slowly climbing its hierarchical ladder. The system of lawyer training had been developed empirically over the centuries; it implied that benchers and utter-barristers were supposed to share their experience with students through exercises. They did it orally. There was no tutoring. A lot depended on a student's motivation, hard work, perseverance and connections. Motivated students had to hire mentors from among experienced lawyers to receive necessary experience. Students were required to know the legal French and Latin because a large number of legal sources were written in these languages; moreover, French was used to write down court proceedings. Texts and the legal French were difficult to comprehend and sources contained a large number of complaints about the "darkness" of the law. In the 16th – the first half of the 17th centuries, first printed legal literature came out. The mystery of transferring legal experience was degraded by the printing press. However, attempts to create fairly compact and clear works did not have much success. Proposals to systematize and codify the law were not upheld by the legal community.

Keywords: England, common law, lawyers, learning, rituals

Sergey Kondratiev, *Dr.Sc. (History), Professor, Department of Modern History and World Politics, Tumen State University; s.v.kondratev@utmn.ru*

А. П. Богданов

ПОЧЕМУ «ТРЕТИЙ РИМ»? АРСЕНИЙ СУХАНОВ О МЕСТЕ РОССИИ В МИРОВОМ ПРАВОСЛАВИИ

Статья раскрывает содержание и идейно-историческое обоснование концепции первенства России в мировом православии, сформулированной в 1650 г. русским послом Арсением Сухановым. Указаны истоки этой концепции и ее соотношение с политической реальностью. Исследование основано на тексте посольского отчета, реконструированного по авторским рукописям. Памятник, известный в старообрядческой рукописной традиции как «Прения с греками о вере», впервые прочтен так, как написал его автор за несколько лет до реформ Никона и Раскола Русской Церкви.

Ключевые слова: *Арсений Суханов, Московский патриархат, Восточные патриархии, папство, Новый Израиль, Третий Рим*

В рассуждениях о государственной концепции Московского, затем Российского царства, неизменно присутствует уподобление его Риму, Новому или Третьему, учитывая, что Новым Римом уже называли второй Рим – Константинополь. Но почему именно Рим, если в духовном плане Русь с XI в., с легкой руки митрополита Илариона, это Новый Израиль, а Москва в текстах ее книжников – Новый Иерусалим? Неужели россиянам было так дорого наследие язычника Августа, «обладавшего всею Вселенною»? Ведь все образованные люди понимали, что вселенной он не обладал, а длинная череда великих «царств» восходила к библейским временам.

Коллегами высказано немало интереснейших мыслей о том, почему Москва в общественном сознании россиян выступала как Третий Рим в XVI–XVII вв., когда Рим был ее первым конфессиональным противником. Я предлагаю ознакомиться с мнением русского книжника, текст которого только что восстановил по авторским рукописям[1]. Объясняя оппонентам систему русских воззрений, он сосредоточил внимание на том, что Москва по праву заняла место двух предшествующих благочестивых Римов в качестве центра мирового православия. Именно

[1] До настоящего времени текст издавался трижды, по сильно поврежденной авторизованной рукописи Статейного списка Арсения Суханова, поданного им в Посольский приказ 9 декабря 1650 г. Каждый раз отсутствующие части (более четверти текста) заполнялись рассказами по отдельным рукописям конца XVIII в., выпадающим из рукописной традиции, редакторы которых домысливали то, что не понимали: Белокуров 1883; Проскинитарий, с. 327–359; Белокуров 1894, с. 25–101. Восстановить авторский текст помог черновой автограф сочинения: Богданов 1989. Три авторских редакции, очищенные от позднейших наслоений рукописной традиции староверов, показывают, что Суханов писал и дорабатывал не публицистическое произведение, а отчет по правилам Посольского приказа: Богданов 2019. С. 156–210.

эта позиция русского посла и ученого была развита во второй половине XVII в. в государственных документах[2].

Официальный взгляд на первенство Русской Церкви в православном мире изложил летом 1650 г. Арсений Суханов – посланник в Святую землю, отправленный туда из Москвы «для описания святых мест и греческих церковных чинов». Сделал он это в ходе споров с представителями греческого духовенства о сравнительном благочестии Русской и Восточных церквей. Дипломат не спешил развертывать свою позицию, обидную для оппонентов. Однако вынужден был дать ясный ответ на заявления греков, будто четыре Восточных патриарха, согласившись между собой, могут указывать царю и Московскому патриарху, что есть истина в православии, потому что именно греки являются для всех, включая русских, «источником веры». Подчеркну: русский посол обязан был сделать это по долгу службы, а не из соображений публициста, как полагали до сих пор.

Дворянин в монашеской рясе (рубеж XVI–XVII вв. – 1668) был страстным книголюбом, видным администратором и дипломатом, служил управляющим делами патриархов Филарета и Иоасафа, ведал хозяйствами Московского Богоявленского и Троице-Сергиева монастырей, возглавлял Печатный двор. Как дипломат, исполнял миссии в Кахетии,[3] Малороссии, Молдавии и Валахии, затем в Святой земле[4], по поручению патриарха Никона ездил за древними книгами на Афон[5].

В 1649 г. Суханов был послан с Иерусалимским патриархом Паисием с официальной миссией: по указу царя и благословению патриарха. Как посол, он был обязан опровергнуть любое покушение на суверенитет России, Русское православие и честь его хранителя – самодержавного государя. Арсений это сделал и представил в Посольский приказ, обеспечивавший его миссию, отчет[6], впоследствии прославленный в публицистике под названием «Прения с греками о вере». Суть позиции посла была изложена в отчете столь внятно, что крупный церковный историк конца XIX – начала XX в. Н.Ф. Каптерев поставил это сочинение в центр своего фундаментального исследования отношений России с Православным Востоком, назвав его самым полным и систематическим выражением русских воззрений на греческое и русское благочестие[7].

---

[2] Исследование сочинения с полной реконструкцией авторского текста, обстоятельств его создания и источников, а также места в исторической традиции XI–XVII вв. и государственной практике XV–XVII вв.: Богданов, 2019.

[3] Статейные списки посольства в Кахетию; Белокуров 1884; 1891, с. 123, XVII–XXX.

[4] Статейный список 1651–1653; Проскинитарий, с. 301–326.

[5] Белокуров 1891.

[6] Статейный список 1649–1650, л. 1–71. Сохранилось и дело о посольстве Суханова: Приказное дело.

[7] Каптерев 1885. С. 12, 288–293, 324–325.

Дипломат с уважением отнесся к древности греческого благочестия. Он не раз признал, что греки приняли христианство прежде русских и сохраняют в православном мире достаточный авторитет, чтобы мнение четырех восточных патриархов вызывало благожелательный интерес в России. Но в качестве совета, а не указания. Если патриархи станут писать в Москву «добро» (правильно, обоснованно), то их «послушают», а если не «добро», то «на Москве и четырех патриархов не послушают, знают у нас древнее предание святых апостол и святых отец и без четырех патриархов». Греки не приняли это предложение мира. Они настаивали, что «невозможно не послушать четырех патриархов, как отпишут о чем». По их словам, солидарная воля восточных патриархов есть указание для Московского патриарха и царя: «Да как вам не послушать четырех патриархов? Кого же вам слушать?»

В ситуации упорного отрицания духовного суверенитета Российской державы, Суханов был вынужден объяснить грекам, как на самом деле обстоят дела в мировом православии с официальной московской точки зрения. Арсений долго старался удержать спор в рамках конкретных вопросов, таких как перстосложение при крестном знамении, предлагая обсуждение авторитетности письменных источников для их решения. Но каждый раз, проигрывая в знании источников, его оппоненты ссылались на исторически сложившийся греческий авторитет. И в итоге, несмотря на мягкость Суханова, добились от него заявления, что в исторической ретроспективе авторитет, благочестие и власть восточных патриархий изжили себя. Теперь Россия является центром мирового православия, а Московский патриарх – его законным главой.

Греки «старее» в вере, чем русские, объяснил Суханов, но их вера, как старая одежда или ветхое каменное здание, требует «подкрепления» или починки – тогда «снова нова будет и крепка». У греков же со временем многое «развалилось». В самых разных вопросах веры они стали творить не по учению апостолов и отцов Церкви. Так они отказались от двоеперстного крестного знамения, которое свято хранят на Руси, где его, между прочим, подкреплял своим авторитетом пришедший в XVI в. с Афона Максим Грек. Греки лишь недавно изменили этот обычай и последовали учению некоего иподьякона Дамаскина в его новой печатной книге, изданной в Венеции. В этой ошибке нет ничего удивительного, ведь на Православном Востоке нет своих типографий и училищ.

Греческие богословы, утверждал Арсений, получают образование в Венеции и Риме и пользуются книгами венецианской и английской печати. В результате они перешли на обливание и даже «покропление» при крещении, по католическому обычаю, вопреки древнему православному. А в их учебнике греческой грамматики (венецианского издания) напечатана «самая головная римская ересь» об исхождении Святого Духа от Отца и Сына. Это знаменитое филиокве («и от Сына») –

еретическое с точки зрения православия добавление к Символу веры, принятому на Никео-Цареградском соборе; отрицание, что все в мире, в том числе Бог Слово (Сын) и Бог Дух Святой, имеет одно начало: Бога Отца. Не желая «починить» явные отступления от веры и вернуться к древнему преданию, восточные иерархи только «гордостью надувшись ходят и называются всем источником веры».

Да могла ли Русь получить веру от греков, вопрошал Суханов, если в России доселе не отступили от древних канонов истинного православия? Разумеется, нет. И сами греки не получили веру от Христа и Якова, брата Божия, как они утверждают. Христос и Яков учили вере в Святой земле, где жили и до сих пор живут евреи и арабы. Греки же, уточнил Суханов, испокон веков обитают в Греции, Македонии севернее Царьграда, на берегах и островах Эгейского моря, в районе Солоник и горы Афон. Они познакомились с христианством лишь после Вознесения Христа, от апостола Андрея. Того самого, что принес христианство на Русь. Здесь оппонентам нечего было возразить, потому что Арсений опирался на легенду о путешествиях Андрея Первозванного, в которую сначала греки внесли добавление о крещении апостолом еще не возникшего в его время Византия, а затем русские – не существовавшей при нем Руси[8]. Чудесная легенда о путешествии св. Андрея вокруг Европы была в том же духе использована и другими народами.

Как посол, Суханов обязан был хорошо ориентироваться в географии, как глубоко образованный книжник – в истории. Первоначально избранным Богом был народ Израиля, констатировал Арсений. Он первым получил и учение Христа. Однако Бог отверг этот народ и предал его в запустение, избрав вместо него «греков и прочих верующих». Храмы Израиля были разорены, вместо них созданы христианские церкви. Затем уже греки возгордились над другими народами и стали называть себя «источником вере всем». За эту гордыню Бог отринул их, отдав царство греков и их самих в неволю басурманам. Храмы их превращены в мечети, детей насильно делают янычарами, жен их «басурмане за себя берут». В этих условиях, говорил Суханов, «какие вы нам учителя и источник? И сами у темной власти живете под началом у басурман, и сами себя просветить не можете, а называетесь всем вы источник! Скажите мне: кого вы своим учением просвещаете? Уже от вашего учения мало вы не все обасурманились». От прежнего величия греков «только лишь след мало знать».

Что касается восточных патриархов, то они живут в нищете, не имея ни величественных храмов, ни многочисленной паствы, ни подчиненных им митрополитов, архиепископов и епископов. Не имеют они и элементарных прав. Например, Константинопольскому патриар-

[8] Чичуров 1990.

ху запрещено носить крест на головном уборе, ставить крест на храме, ходить с крестом вне храма, звонить в колокола, отпевать покойника у церкви и нести его по городу. Даже ездить на осле – и то ему нельзя, вспомнил Суханов обряд «шествия на осляти», один из самых торжественных в Москве, когда патриаршего осла вел в поводу царь, во главе роскошно облаченного церковного клира, бояр, дворян и всего народа. По своему значению Константинопольский патриарх, первый среди четырех восточных – меньше русского епископа, заключил Суханов. Но и этого мало. Сами греки своих патриархов душат, топят и переменяют с помощью турок: «ныне у вас в Цареграде 4 патриарха».

Не так задумывалась и строилась императорами Православная Церковь! – Говорил посол. – Главой православия был «царь благочестивый, единый под солнцем». Именно император «*учинил* (учредил) 4-х патриархов, да папу в первых; и те патриархи были в одном царствии под единым царем, и на соборы собирались патриархи *по его царскому изволению*. А ныне, – утверждал Арсений, – *вместо* того царя на Москве государь царь благочестивый, во всей Подсолнечной един царь благочестивый, и *царство христианское у нас Бог прославил*. И государь царь *устроил* у себя в своем царстве вместо папы патриарха в царствующем граде Москве, идеже (где) и сам царь, а вместо ваших четырех патриархов *устроил* на государственных местах четырех митрополитов; ино (поэтому) нам можно и без четырех патриархов ваших править закон божий, занеже (потому что) у нас *глава православия — царь православный*» (выделено и пояснено в скобках мной. – *А.Б.*)

Первоначально, объяснял Суханов, под властью благочестивого римского императора, первым в Церкви был папа Римский, за ним вторым по чести и роскоши – патриарх Константинопольский. Именно папе Сильвестру император Константин Великий пожаловал «вместо царского венца» белый клобук, знак его первенства в Церкви. Великий князь Владимир Святой принял веру не от греков, а именно ту, что осталась в наследство от благочестивых пап. Ведь равноапостольный князь крестился в Корсуни, «еже ныне зовется Крым». Корсунь крестил сосланный туда Нероном первый папа римский Климент, ученик апостола Петра, брата апостола Андрея. Его учение Владимир Святой и принес на Русь. Поэтому русские держатся апостольских правил, от которых отступили греки, делающие многое «по новому римскому уставу». В то время как русские хранят веру первого благочестивого Рима. Когда Рим отпал от правой веры, первым при благочестивом царе и в Церкви стал Константинопольский патриарх. – Продолжал Суханов. – Но ненадолго. Греки тоже отпали от правой веры, покорившись впавшим в ересь римским папам. Так и было в результате захвата Царьграда крестоносцами в начале XIII в. и присоединения греков к Флорентийской унии в начале XV в. Отринув Бога, греки погубили свое царство, попавшее

под власть мусульман, и Церковь, разоренную точно так же, как были разорены храмы народа Израильского.

Однако Бог милостив к верным, оптимистично уверил Суханов. Вместо императора, Господь воздвиг в Москве благочестивого царя. «И ныне у нас государь царь великий князь Алексей Михайлович всея России самодержец, во всей подсолнечной своим благочестием сияет, как солнце посреди земли, и во всем ревнует первому благочестивому царю Константину Великому, церковь Христову чисто снабжает и от всяких ересей защищает»[9]. Под благодетельным покровительством русского царя, место древнего благочестивого римского папы занимает теперь патриарх Московский и всея Руси, утверждал дипломат. В знак этого он носит на главе белый клобук римского папы Сильвестра. Папа возвышался в Церкви над четырьмя патриархами: Константинопольским, Антиохийским, Александрийским и Иерусалимским. Но ныне, как показал в диалоге Арсений, самый знатный из них меньше русского епископа. Поэтому место восточных патриархов заняли в Православной Церкви четыре русских митрополита. А помимо них, Московский патриарх имеет под собой многих архиепископов и епископов.

Все благое, чем некогда гордились греки, перешло на Русь. Первое – благочестивое царство. Второе – несравненная по чести, богатству и многолюдству Церковь. Греки повержены, а Русь просияла святыми, украшена древними монастырями и бесчисленными храмами, святительским и монашеским чином. Вместе с благочестием и церковные святыни с Востока перешли в Москву. Все, как было предсказано в Повести о белом клобуке. «Благодать и слава и честь православия» шли от Рима к Константинополю, а затем к Москве, и «все святое предано от Бога великой Русской земле», в том числе римский папский и цареградский патриарший чин. «Слышьте, греки, и внимайте, и не гордитесь, и не называйте себя источником, – заключил Суханов, – ибо вот ныне Господне слово евангельское сбылось на вас. Были вы первые, а ныне стали последние. А мы были последние, а ныне первые».

Это убеждение было продолжением большого пути, пройденного русской мыслью от начала книжности в середине XI в., через богатую историю летописания и хронографии, где идейные комплексы «Святой Руси» и «Нового Израиля» развились в представления о «православном великом самодержавстве» и священности Русского царства. Во времена Суханова уже ни один летописец не сомневался, что Святорусская земля есть Удел Богородицы, что Москва – центр мира, что в русском благочестии заключена надежда на спасение человечества[10]. В этом трудно

---

[9] Здесь Арсений настолько не оригинален, что примеряет к царю наследие, которое первый русский митрополит Иларион приложил к Владимиру Святому в 1051 г.
[10] Богданов 2015.

было сомневаться, когда на глазах Арсения в Успенском соборе, на царском венчании Алексея Михайловича в 1645 г. Московский патриарх объявил, а государь подтвердил, что страна наша суть Святая Русь, что народ российский, благодаря истинной христианской вере и неколебимому благочестию, есть богоизбранный Новый Израиль, святой язык, царское священство и т.д., что Москва – Новый Иерусалим (это утвердил в конце XV в. Иван III в чине венчания своего внука Дмитрия, а не изобрел патриарх Никон), а заодно Новый Рим и Новый Царьград[11].

Во времена Н.Ф. Каптерева, на которого мы до сих пор ссылаемся в суждениях о предыстории идеи первенства России в мировом православии, сформулированной Сухановым, не были изучены два комплекса источников, тексты внутри которых строились один на основе другого: русского летописания и хронографии XI–XVII вв., а также чинов венчания великих князей и царей XV–XVII вв. Первый комплекс не мог быть проанализирован вне текстологической парадигмы А.А. Шахматова, которую тот создавал как раз во времена Каптерева. Но колоссальность объемов сравниваемых текстов позволила представить историю их развития до времен Арсения только к настоящему времени. Второй комплекс был оставлен без внимания по недосмотру, заставлявшему ученых изучать государственные идеи по отдельным публицистическим памятникам вместо того, чтобы проследить их развитие по чинам венчания государей, каждый из которых строился путем изменения и дополнения текстов с четко выраженными идеями, объявленными народу в предыдущих чинах. Его исследование также было завершено недавно[12].

Новые знания изменили как идейную предысторию «Прений с греками о вере», так и оценку идеологических последствий реформ Никона, которые превратили посольский отчет Суханова в едва ли не самый яркий памятник публицистики староверов. Настолько аргументированный, что не мог быть признан подлинным. Ведь историкам было понятно, что полнота и значение доказательств, приведенных в «Прениях», «далеко опережает» сочинения староверов XVII в. и «не во многом чем уступает «Поморским ответам» XVIII в.[13] «Несомненная подложность» сочинения Арсения оставалась таковой в публицистике и науке до митрополита Макария, который, обратившись к Статейному списку, обрел в нем, хоть и неполным, этот спорный текст, и восстановил авторство Суханова, не убоявшись опровергнуть собственные суждения.[14]

Признание Макарием подлинности сочинения мало помогло Каптереву, вдохновленному текстом Арсения, даже в неполном виде, в ка-

[11] Богданов 1995.
[12] Оба комплекса подробно рассмотрены: Богданов 2019, с. 238–406.
[13] Ржевский 1867.
[14] Макарий 1882, с. 148–158. Его прежнее мнение: Макарий 1855, с. 153–154.

ком он его имел, на две докторские диссертации[15]. Обе были последовательно запрещены лично К.П. Победоносцевым,[16] с поразительным даже для того времени запретом печатать продолжение работы впредь[17]. Обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода, надо признать, верно оценил значение выводов Каптерева о том, что раз текст Суханова передает позицию русского общества по отношению к вселенскому православию, то реформы Никона, опиравшиеся на авторитет греков (как и последовавшие деяния царя против Никона), выглядят в высшей мере сомнительными. С другой стороны, и пересматривать конкретные заключения историка, жестоко пострадавшего за правду, более столетия никто не решался. Но сейчас это необходимо.

Каптерев, опираясь на отдельные исторические памятники, полагал, что идея духовной и церковной независимости Московской Руси от греков родилась в XV в. в связи с уклонением Константинопольского патриархата в унию с католиками и последовавшей гибелью остатков Ромейской державы под ударами турок. А до этого церковное подчинение Русской митрополии Константинопольскому патриарху равнялось духовному подчинению Руси грекам. Мое исследование показало, что представление о духовной независимости Руси непрерывно развивалось с начала русской книжности в контексте идеи государственной независимости. Эти взаимосвязанные идеи уходили корнями и в более раннюю, дописьменную эпоху Древнейшего сказания конца X в., реконструированного летописеведами.[18] Уже в нем Русь ничем не была обязана Царьграду, у которого княгиня Ольга вырвала веру хитростью, посмеявшись над надеждами греков подчинить Русь.

Первый русский митрополит Иларион выражал *существующие* в его время идеи, говоря, что из всех народов, обратившихся к Христу, русский народ никому не уступает, а по исконной славе, пожалуй, и превосходит. Илариону и в голову не пришло сравнить великого князя Владимира Святого с Константинопольским басилевсом. Князь в «Слове о законе и благодати» 1051 г. равен величием, умом и заслугами перед Церковью только римскому императору Константину Великому. Также и бабушка Владимира, княгиня Ольга, равна на земле и небесах матери Константина Елене. Одни утвердили христианство в Римской империи, другие – на Руси, которая не уступает Риму.

Константин и Елена – равноапостольны. И Владимир в «Слове» равен апостолам: Петру и Павлу, крестившему римлян, Иоанну Богослову – Азию, Фоте Индию, Марку – Египет. Тут Иларион сделал важ-

---

[15] Имеются в виду работы: Каптерев 1885; Каптерев 1887.
[16] Богданов 1991.
[17] Издано только после смерти К.П. Победоносцева: Каптерев 1909–1912.
[18] Тихомиров 1979, с. 57–66.

нейшее добавление по Древнейшему сказанию, напомнив о величии языческой Руси. Владимир – не только креститель, он «внук древнего Игоря, сын славного Святослава, которые … мужеством и храбростью прослыли во многих странах, победами и крепостью поминаются и славятся ныне. Ибо не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли». Не забыл Иларион и об Израиле, не зря упомянутом Арсением. Ведь князь Владимир – это второй Соломон, а его сын Ярослав – второй Давид[19].

Представления о центральном месте Руси в мире развивали в Начальной летописи и Повести временных лет Никон Великий, Нестор и Сильвестр, углубившие тему духовного противостояния Руси, как Нового Израиля, православному царству ромеев. Далее, традиция летописания и хронографии формировала концепцию «православного великого самодержавства» Святорусской земли *раньше* XV в., когда идея единственного во вселенной русского «царства христианского» (говоря словами Арсения) вполне утвердилась в величественных московских сводах. В XVI в. идейная основа воззрений Суханова была насыщена богатейшим материалом в Русском хронографе Досифея Топоркова и столь же хорошо известной Арсению Никоновской летописи, в еще более популярной Воскресенской летописи и сверхпопулярной Степенной книге.

Хронограф самого Суханова, созданный на основе Хронографа Русского редакции начала XVII в. и Никоновской летописи Троицкой редакции с богатейшими дополнениями[20], показывает, что историческая мысль в его время, как и прежде, опережала державную концепцию.

Идеей предшествующих редакций Хронографа было равенство всемирной и русской историй с постепенным превращением истории России в центральную часть истории мира. К середине XVII в. эта центральность истории Святорусской земли не вызывала сомнений. Летописец мог смело довести древнюю историю до Успения Богородицы и начать современную принесением ее чудотворного образа во Владимир (а то и сразу в Москву – все летописи, даже городские и провинциальные, были москвоцентричны). Но ряд авторов в Новгороде, а затем в Москве усомнились в самой последовательности всемирной истории, в которой царство Израиля идет прежде Русского государства. В споре с греками Арсений не отступает от этой последовательности, освященной авторитетом митрополита Илариона и старца Досифея. Однако во второй редакции своего Хронографа начинает русскую историю Сказанием

---

[19] Памятники 1978.

[20] Хронограф 2. О нем: Клосс 1980, с. 274–276. Более ранняя версия Хронографа Суханова, 1650-х гг., не привлекла внимания исследователей, хотя именно к ней он приложил черновой автограф первых двух редакций «Прений с греками о вере»: Хронограф 1, л. 348–360.

о славене и русе, доказывающем, что великая славянская держава на территории Руси была создана прежде царства Израильского. Всемирная и русская истории остаются параллельными, однако вторая превосходит первую не только в итоге, но изначально.

Эти исторические размышления Суханова относятся к 1660-м гг., когда он завершил свои путешествия на Православный Восток и привез в Москву бесценную библиотеку древних и старинных греческих книг[21]. Но обращает на себя внимание то, что он не сказал в полемике 1650 г. Арсений не мог оспаривать родовые основания власти русских самодержцев, постепенно накопленные в чинах их венчания и в полном виде аккумулированные в чине Алексея Михайловича. Посол просто *не упомянул* о происхождении Рюриковичей от римского императора Августа и их родстве с ромейскими императорами через принцессу Анну Багрянородную, завоеванную мечом Владимира Святого вместе с верой. Только пересказывая Повесть о белом клобуке[22], он упомянул о царском венце Константина Мономаха, присланном великому князю Владимиру Мономаху, в контексте перехода на Русь еще более почетного (по Повести и Суханову) «царского венца» – белого клобука главы православия[23].

Родовые основания царской власти выглядели бледно по сравнению со священностью Российского православного царства, выдвинутой Сухановым на первый план. И дипломат оказался прав. Уже после его кончины, венчаясь на престол в 1676 г., царь Федор Алексеевич сделал священность царства первой основой самодержавия. Он не мог отказаться от традиции, поэтому старые родовые основы царской власти в его чине присутствуют как фон. Но над всем торжествует впервые публично заявленная концепция *Российского самодержавного православного царства*, в которой каждый идейный компонент поддерживает непревзойденное в мире целое. Концепция эта была усилена в чине венчания Ивана и Петра Алексеевичей в 1682 г., а затем стала фундаментом власти российских императоров[24].

Такое развитие событий противоречит концепции Каптерева. Он полагал, что идея превосходства русского православия над греческим, пережив взлет с середины XV до середины XVII в., после нелицеприятно описанных им реформ Никона (1653–1658) и его свержения царем с помощью наемных греческих патриархов (1666–1667)[25] вновь канула

---

[21] Библиотека Суханова сохранилась. Основная часть книг находится в Синодальном собрании ГИМа, небольшая часть, взятая в XVII в. на Печатный двор, в РГАДА.

[22] По пространной редакции второй половины XVI в.: Розов 1985.

[23] Текст читается в автографе: Хронограф 1, л. 259 об. В авторизованном списке, сданном Сухановым в Посольский приказ, столбец в этом месте оборван: Статейный список, л. 71.

[24] Богданов 2018, с. 294–355.

[25] Каптерев 1909–1912.

в лету. Действительно, хотя Никон на суде против него открыто отказался от своей грекофилии, посольский отчет Суханова под именем «Прения с греками о вере» стал знаменем староверов. Официальная Церковь теперь отрицала верность защищаемых Арсением древних русских обрядов, начиная с двуперстного крещения, с которого в 1650 г. и начался спор. Но на представлениях о Святорусском царстве как духовном центре мира и первенстве Русской Церкви во вселенском православии деяния Никона и Алексея Михайловича не сказались никак. Отступление Никона и даже царя от складывавшейся веками и официально утвержденной Земским собором 1649 г. идеи, что «глава православия – царь благочестивый»[26], прошло незамеченным. Летописцы и публицисты продолжали писать так, как будто никакой вспышки грекофилии со свойственной Православному Востоку мыслью, что священство превыше царства, в России не было[27]. И на государственном уровне помыслов об обращении к авторитету восточных патриархов больше не возникало.

Решение о передаче Киевской митрополии Московскому патриархату от Константинопольского (1686), с одобрительными грамотами всех восточных патриархов, было получено правительством царевны Софьи, как показал сам Каптерев, строго за деньги и с использованием власти турок. Таков был реальный итог грекофильских экспериментов Никона и Алексея Михайловича. К восточным патриархиям относились с тех пор как к ветхим декорациям спектакля о былом величии, а к их главам – как к наемным актерам, редко имеющим ангажемент. Русская Церковь воспринималась согласно убеждению Суханова, как центр вселенского православия, цветущего под скипетром российского самодержца. Даже замена патриархата Синодом не вызывала идейного потрясения, поскольку укладывалась в глубокие представления русского общества, выраженные Арсением.

Содержание впервые изданного по всем трем авторским редакциям сочинения Суханова[28], которое было написано им в столице Валахии Тырговиштах между 6 июля (последняя дата первой редакции текста) и 23 сентября 1650 г. (когда Арсений отправился на сложнейшие переговоры с Богданом Хмельницким в Чигирин[29]), вносит яркий штрих и в понимание случившейся позже трагедии Раскола. Арсений, как и большинство людей его служилого круга, не поддержал очевидно справедливые по содержанию возражения староверов против церковных реформ Никона. Он продолжал служить до, во время и после этих ре-

[26] Соборное уложение 1987.
[27] Богданов 2001, с. 40–75.
[28] Богданов 2019, с. 432–500.
[29] Статейный список 1649–1650, л. 10–34; Самая доступная публикация: Воссоединение 1953, с. 180–193.

форм, не выдвигая никаких претензий к утвердившей их власти. По его собственному убеждению, высказанному грекам: «У нас государь царь благочестивой, ереси никакой не любит, и во всей его государевой земле ереси нету». Все исправления, вносимые в русские церковные книги, делаются «избранными людьми» с ведома царя и патриарха. В них не может быть ничего неверного, потому что «те книги печатаны его царским изволением»[30]. Действительно, если «у нас глава православия – царь православный», то все утвержденное его властью свято.

Так Суханов и возглавил в конце карьеры Государев Печатный двор, хотя историкам казалось, что за свое ходившее по рукам сочинение он должен был шествовать с протопопом Аввакумом по снежным просторам Сибири. Но Арсений не был фанатиком. Его позиция на посту посла, защищающего честь России, не означала, что он будет так же резко выражаться в кругу ученых друзей. Казалось бы, мы не можем об этом судить, потому что не знаем авторских сочинений, написанных Сухановым не на службе. Но и здесь помогает восстановленная история создания его служебного текста.

Аргументы в защиту двуперстного крестного знамения, которые сделали его отчет знаменем староверов, Арсений привел в ходе обыска – следствия путем опроса свидетелей о сожжении греческими монахами на Афоне книг Государева Печатного двора по обвинению в пропаганде «ереси» двуперстия. Для страстного книжника Суханова такое обращение с книгами было преступным, для дипломата – оскорблением чести царя, от имени которого книги были изданы. Расследовав дело и найдя виновных, которые могли теперь лишиться государевой милостыни, посол добился, чтобы греки прекратили называть русский обряд еретическим. Иначе им грозил костер за оскорбление Русского Православия – ужаснейшее преступление, о котором могли помыслить русские законодатели, страшнее убийства царя и его детей[31]. По иронии истории отчет посла об успешной миссии миротворца стал растопкой для костров, вспыхнувших в России после его смерти.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Приказное дело о посольстве Суханова 1649–1650 гг.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Стлб. 7157/1649 г. № 22.

Статейные списки посольства в Кахетию: РГАДА. Ф. 110. Сношения с Грузией. Оп. 1. Д. 3. 1635–1641 гг. (светское посольство); д. 4. 1637–1640 гг. (духовное посольство).

Статейный список Суханова 1649–1650 гг.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Стлб. 7157/1649 г. № 8. Политический отчет: л. 1–34. Церковный отчет: л. 37–71. На л. 35–36 авторский перевод «Пророчения над гробом Константина Великого».

Статейный список Суханова 1651–1653 гг.: Российская национальная библиотека (РНБ). Собрание Санкт-Петербургской духовной академии. № 317.

[30] Хронограф 1, л. 354 об.; Статейный список 1649–1650 гг., л. 60.

[31] Соборное уложение 1987, гл. 1, п. 1.

Хронограф Суханова первый, 1650-х гг.: РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. Оп. 1. № 659. «Прения с греками о вере» приплетены после окончания текста чистыми листами: л. 348–360.

Хронограф Суханова второй, с его редактурой начала 1660-х гг.: РНБ. F.XVII.17.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Белокуров С.А. «Статейный список» и «Прения с греками о вере» Троицкого Сергиева Богоявленского монастыря строителя старца Арсения Суханова // Христианское чтение. 1883. № 11–12. Отд. оттиск: СПб., 1883 [Belokurov S.A. «Stateynyy spisok» i «Preniya s grekami o vere» Troitskogo Sergiyeva Bogoyavlenskogo monastyrya stroitelya startsa Arseniya Sukhanova // Khristianskoye chteniye. 1883. № 11–12. Otd. ottisk: SPb. 1883]

Белокуров С.А. Арсений Суханов. Изследование. Ч. I. Биография Арсения Суханова. М., 1891 [Belokurov S.A. Arseniy Sukhanov. Izsledovaniye. Ch. I. Biografiya Arseniya Sukhanova. M. 1891].

Белокуров С.А. Арсений Суханов. Изследование. Ч. II. Вып. 1. Сочинения Арсения Суханова. М., 1894 [Belokurov S.A. Arseniy Sukhanov. Izsledovaniye. Ch. II. Vyp. 1. Sochineniya Arseniya Sukhanova. M. 1894].

Белокуров С.А. Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637–1640 гг.) // Христианское Чтение. 1884. № 3–4 [Belokurov S.A. Poyezdka startsa Arseniya Sukhanova v Gruziyu (1637–1640 gg.) // Khristianskoye Chteniye. 1884. № 3–4].

Богданов А.П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей за 1989 г. М.: Наука. 1989. С. 175–205 [Bogdanov A.P. Avtograf «Preniy s grekami o vere» Arseniya Sukhanova // Istochnikovedeniye otechestvennoy istorii. Sbornik statey za 1989 g. M. Nauka. 1989. S. 175–205]

Богданов А.П. Москва – центр мира по кратким летописцам конца XVII в. // Мир и империя: Материалы международных семинаров исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», 2003, 2005, 2006. М., ИРИ РАН. 2015. С. 200–218 [Bogdanov A.P. Moskva – tsentr mira po kratkim letopistsam kontsa XVII v. // Mir i imperiya: Materialy mezhdunarodnykh seminarov istoricheskikh issledovaniy «Ot Rima k Tretyemu Rimu». 2003. 2005. 2006. M. Institut rossiyskoy istorii RAN. 2015. S. 200–218]

Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М.: ИРИ РАН. 2001 [Bogdanov A.P. Moskovskaya publitsistika posledney chetverti XVII veka. M.: IRI RAN, 2001].

Богданов А.П. Прения с греками о вере в русском державном самосознании. М.: Академический проект. 2019 [Bogdanov A.P. Preniya s grekami o vere v russkom derzhavnom samosoznanii. M.: Akademicheskiy proyekt. 2019].

Богданов А.П. Судьба профессора духовной академии // Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М., Политиздат. 1991. С. 493–517 [Bogdanov A.P. Sudba professora dukhovnoy akademii // Buganov V.I.. Bogdanov A.P. Buntari i pravdoiskateli v Russkoy pravoslavnoy tserkvi. M. Politizdat. 1991. S. 493–517]/

Богданов А.П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академический проект, 2018 [Bogdanov A.P. Tsar-reformator Fedor Alekseyevich: starshiy brat Petra I. M.: Akademicheskiy proyekt, 2018].

Богданов А.П. Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы. М., Наука. 1995. С. 211–224 [Bogdanov A.P. Chiny venchaniya rossiyskikh tsarey // Kultura srednevekovoy Moskvy. M. Nauka. 1995. S. 211–224].

Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3-х т. М., Изд-во АН СССР. 1953. Т. 2 [Vossoyedineniye Ukrainy s Rossiyey. Dokumenty i materialy. V 3 t. M.: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR. 1953. T. 2]

Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриарха Иосифа. М., 1887 [Kapterev N.F. Patriarkh Nikon i ego protivniki v dele ispravleniya tserkovnykh obryadov. Vremya patriarkha Iosifa. M. 1887].

Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1–2. Сергиев-Посад, 1909–1912 [Kapterev N.F. Patriarkh Nikon i tsar Aleksey Mikhaylovich. T. 1–2. Sergiyev-Posad. 1909–1912].

Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII веках. М., 1885 [Kapterev N.F. Kharakter otnosheniy Rossii k pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII vekakh. M. 1885].

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., Наука. 1980 [Kloss B.M. Nikonovskiy svod i russkiye letopisi XVI–XVII vekov. M. Nauka. 1980].

Макарий (Булгаков), епископ Винницкий (при 2-м изд. епископ Тамбовский и Шацкий, при 3-м митрополит Московский и Коломенский). История русскаго раскола. СПб., 1855 [Makariy (Bulgakov). episkop Vinnitskiy. Istoriya russkago raskola. SPb. 1855].

Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Т. IX. М,, 1882 [Makariy (Bulgakov). mitropolit Moskovskiy i Kolomenskiy. Istoriya Russkoy tserkvi. T. IX. M. 1882].

Памятники литературы Древней Руси. В 12 кн. Т. 1. М., Наука. 1978 [Pamyatniki literatury Drevney Rusi. V 12 kn. T. 1. M. Nauka. 1978].

Проскинитарий Арсения Суханова с рисунками и планом: 1649–1653 гг. / Подгот. текста Х. М. Лопарева. Ред. и предисл. Н. И. Ивановского // Православный палестинский сборник. Т. 7. Вып. 3 (21). СПб., 1889 [Proskinitariy Arseniya Sukhanova s risunkami i planom: 1649–1653 gg. / Podgot. teksta X. M. Lopareva. Red. i predisl. N. I. Ivanovskogo // Pravoslavnyy palestinskiy sbornik. T. 7. Vyp. 3 (21). SPb. 1889].

Ржевский А.А. Арсений Суханов // Православное обозрение. 1867. Сентябрь. С. 34-77; Октябрь. С. 121–160; Ноябрь. С. 225–252; Декабрь. С. 367–387 [Rzhevskiy A.A. Arseniy Sukhanov // Pravoslavnoye obozreniye. 1867. Sentyabr. S. 34-77; Oktyabr. S. 121–160; Noyabr. S. 225–252; Dekabr. S. 367–387].

Розов Н.Н. Повесть о белом клобуке // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.–Л., Наука. 1985. С. 198–233 [Rozov N.N. Povest o belom klobuke // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Seredina XVI veka. M.–L.. Nauka. 1985. S. 198–233].

Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. Л., Наука. 1987 [Sobornoye ulozheniye 1649 goda: Tekst. kommentarii. L. Nauka. 1987].

Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979 [Tikhomirov M.N. Russkoye letopisaniye. M. Nauka. 1979]

Чичуров И.С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., Наука. 1990. С. 7–23 [Chichurov I.S. «Khozhdeniye apostola Andreya» v vizantiyskoy i drevnerusskoy tserkovno-ideologicheskoy traditsii // Tserkov. obshchestvo i gosudarstvo v feodalnoy Rossii. M. Nauka. 1990. S. 7–23].

Богданов Андрей Петрович*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН; bogdanovap@mail.ru*

Why the Third Rome? Arseny Sukhanov on the place of Russian Church in world Orthodoxy

The article reveals content, ideological and historical rationale for the concept of Russia's primacy in the world Orthodoxy, formulated in 1650 by a Russian ambassador Arseny Sukhanov. The author points to the origins of this concept and its relationship with the political reality. The study is based on text of the ambassadorial report, reconstructed from manuscripts. The text, known in Old Believers' manuscript tradition as the "Debate with Greeks on Faith," has been first interpreted in the way it was intended by its author who wrote it several years before the reforms of Nikon and the Schism of Russian Church.

Keywords: Arseny Sukhanov, Debates with Greeks about faith, Moscow Patriarchate, Eastern Patriarchates, Papacy, New Israel, Third Rome

Andrey Bogdanov*, Dr.Sc (History), Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; bogdanovap@mail.ru*

А. В. Малинов

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ
А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И В.И. ЛАМАНСКИЙ

В статье рассматриваются отношения двух ученых, относящихся к разным поколениям: слависта В.И. Ламанского и историка А.С. Лаппо-Данилевского. Отмечается, что они придерживались разных идеологических и философских установок: славянофильство, с одной стороны, западничество, с другой. В то же время ученых объединял обобщенный подход к истории. Философия истории Ламанского продолжала историософию славянофилов и отчасти предвосхищала историческую концепцию евразийцев. Лаппо-Данилевский, напротив, сосредоточился на разработке теоретико-методологических и гносеологических вопросов исторической науки, ориентируясь на философские учения позитивизма и неокантианства. Общей их темой стала русская история XVIII в. Сближению Ламанского и Лаппо-Данилевского способствовала совместная работа в комиссиях Академии наук. Приводится сохранившаяся переписка ученых, позволяющая отчасти проследить детали их взаимоотношений.
Ключевые слова*: *А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Ламанский, история, философия истории, университет, Академия наук, переписка, поколения, славянофильство

Отношения А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) и В.И. Ламанского (1833–1914) еще не становились предметом специального рассмотрения. В обширной библиографии работ о Лаппо-Данилевском Ламанский упоминается крайне редко. Создается впечатление, что этих двух деятелей русской науки мало что связывало, хотя это далеко не так. Конечно, Ламанский и Лаппо-Данилевский принадлежали к разным поколениям ученых и даже придерживались различных мировоззренческих установок. Ламанский в открытую называл себя славянофилом, а для поколения, к которому принадлежал Лаппо-Данилевский, культурно-историческая идентификация на западников и славянофилов не была уже столь актуальной. Характер мышления, образ жизни, даже внешность Лаппо-Данилевского выдавали в нем русского европейца, больше всего, вероятно, симпатизировавшего взглядам западников на пути развития русской истории и культуры. По крайней мере, он не отделял Россию от европейской (западноевропейской) цивилизации и всячески старался поддерживать связи русской науки с европейским ученым миром. Лаппо-Данилевский уже мог себе позволить смотреть на споры западников и славянофилов более отстраненно, как, например, на полемику между восточниками и западниками среди русских книжников XVII в.[1]

Можно сказать, что Лаппо-Данилевский, как М.М. Ковалевский или П.Г. Виноградов, был «лицом» русской исторической и в целом социальной мысли на Западе: по его работам европейские ученые во мно-

[1] Диянов 2011.

гом судили о состоянии русской исторической науки. Впрочем, надо признать, что известность Лаппо-Данилевского до сих пор ограничивается почти исключительно русскоязычным научным контентом. Иное дело Ламанский, прямо противопоставлявший русскую цивилизацию или, в его терминологии, греко-славянский мир миру германо-романскому. Его известность в научных кругах ограничивалась славистами, преимущественно восточно-европейскими и австрийскими. Лишь латино-франко-итальянское издание архивных документов по истории Венеции нашло отклики в европейской науке[2]. Однако, как и в случае с Лаппо-Данилевским, Ламанский упоминается почти исключительно в отечественных исследованиях. В основе теории Ламанского лежало не просто противопоставление, а конфронтация двух цивилизационных миров, не способных прийти к согласию. С этой стороны его взгляды вступали в противоречие даже с учением ранних славянофилов, например, А.С. Хомякова, полагавшего, что лишь знакомство с научными и культурными достижениями Европы является условием самобытного развития русской образованности и просвещения[3].

Можно сказать, что, хотя Лаппо-Данилевский и не относил себя к последователям Хомякова, но отчасти старался привести в реальность славянофильский идеал самостоятельной и оригинальной русской науки, согласованно развивающейся с наукой западноевропейской. Достичь этого было тем сложнее, что область научных интересов самого Лаппо-Данилевского ограничивалась русской историей XVII–XVIII в., в изучении которой преобладание европейских концепций было не столь очевидно. Оставаясь европейцем по складу мышления и методологическим приемам исследования, Лаппо-Данилевский вынужден был искать свой путь в науке. Не будет преувеличением сказать, что в ученых Лаппо-Данилевский больше всего ценил самостоятельность мышления, смелость обобщений в сочетании с работоспособностью источниковеда и архивиста. Всеми этими качествами в полной мере обладал Ламанский.

Знакомство двух ученых произошло в Санкт-Петербургском университете. В годы обучения Лаппо-Данилевского на историко-филологическом факультете Ламанский исправлял должность декана. Вероятно, тогда же были заложены основы того глубокого уважения, которое Лаппо-Данилевский испытывал к своему старшему товарищу. Уважение это базировалось, надо думать, в первую очередь на личных качествах Ламанского, человека принципиального и готового пожертвовать административной карьерой ради науки. В 1885 г. он покинул должность декана, не желая быть проводником министерской политики по

---

[2] «Secrets d'État de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV-e et au XVI-e siècle. Documents, extraits, notices et etudes» (1884). См., напр.: Hirsch 1884.

[3] Куприянов 2018b.

пересмотру положений университетского Устава 1863 г., а в 1899 г. окончательно оставил преподавание в Петербургском университете в знак протеста против увольнения Н.И. Кареева и И.М. Гревса.

Основной специальностью Ламанского была славистика, причем не столько славянская филология, сколько история славянских народов. Сам ученый считал себя больше историком, чем филологом. Многолетнее преподавание Ламанского в университете способствовало не только формированию научной школы, но и становлению истории славянства в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины.

Однако он проявил себя и на поприще русской историографии. Его ранние работы, преимущественно архивного характера, сосредоточились на русском XVIII в., в т.ч. истории Академии наук и М.В. Ломоносове. В фонде И.И. Срезневского в архиве РАН отложилось недатированное письмо Ламанского К.Н. Бестужеву-Рюмину, где он ссылался на свои работы по русской истории XVIII в.:

> «В записке, которая у Григорьева, – писал он, – указаны почти все мои статьи и документы, напечатанные мною в Чтен<иях>, Архиве, Летописях Тихонравова. Взятые вместе, они может быть при известных натяжках докажут, что и моего меду капля есть в новейшем движении Русской литературы относительно знакомства с 18 в. и что мои якобы голословные рассуждения о Петербургском периоде (в ст<атье> о Лом<оносове> и Акад<емии>) были основаны на непосредственном знакомстве с источниками. Можно указать, что и печатно обо мне вспоминали с благодарностью Пекарский (I том). Не знаю, говорил ли обо мне Чистович, которому я много сообщил и указал для Феофана»[4].

В письме упоминается список работ Ламанского, составленный К.Н. Бестужевым-Рюминым и В.И. Межовым. В том же фонде сохранился этот список, доведенный лишь до 1869 г.[5] По косвенным свидетельствам из письма Ламанского (ссылка на новое издание Ф. Палацкого 1869 г.) также следует, его можно датировать 1869 или 1870 г.

XVIII в. стал главной исследовательской темой и Лаппо-Данилевского, на протяжении двух десятков лет работавшего над докторской диссертацией «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики». В конце жизни, перейдя на службу в Академию наук, Ламанский вновь вернулся к изучению XVIII столетия, а после смерти М.И. Сухомлинова с 1902 г. редактировал готовившееся собрание сочинений М.В. Ломоносова[6]. К сожалению, старческие недуги уже не позволили ему представить крупное исследование. Однако можно не сомневаться, что Лаппо-Данилевский внимательно следил за ходом работ своего академического коллеги. Более скрупулезное исследование, возможно, обнаружит и больше содержательных сов-

---

[4] СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 209. Л. 1.
[5] СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 330. Л. 1–1об.
[6] Куприянов 2018а.

падений в изложении и интерпретации событий и личностей XVIII в., предпринятое Ламанским и Лаппо-Данилевским.

Уже первая, еще студенческая публикация Лаппо-Данилевского была откликом на издание Ламанским документов из венецианских архивов. Ламанский снабдил издание предисловием, написанным со славянофильских позиций, примечаниями и собственными исследованиями на французском языке. В рецензии на этот обширный труд Лаппо-Данилевский остановился лишь на тех его сюжетах, которые содержали сведения по «собственно русской истории». Вначале он кратко охарактеризовал архивные публикации известного византиниста Ф.И. Успенского – ученика Ламанского. Наибольшее внимание молодого историка привлекли те разделы книги Ламанского, в которых имелись упоминания о том, как венецианцы и римские папы искали союза с Москвой для привлечения ее к войне против турок, надеясь, что русские войска поддержит православное население Балкан и Кавказа. Рецензент также приводил сведения о существовании «умственного движения в западной Европе в пользу православия или греческой веры вообще»[7] и повторял факты торговли русскими рабами, которые приводил Ламанский.

Еще одной точкой сближения двух ученых была философия истории. Оба они тяготели к теоретическим обобщениям. Впрочем, философия истории хорошо показывает и то, в чем они расходились. Философско-историческое учение Ламанского начало формироваться в первой половине 1860-х гг. и нашло законченное выражение в докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871) и трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Это учение Ламанского имеет содержательные параллели с теорией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, оно может считаться развитием славянофильской историософии. Ламанский относил свою концепцию к области политической географии, показывая влияние природно-климатической среды на становление цивилизаций и ход исторического развития. Ключевым фактором формирования самобытной культуры он считал богатый литературный язык, а современную цивилизационную борьбу воспринимал как соперничество языков. В трактате Ламанского можно найти не только зачатки геополитики, но и идеи, которые позднее стали разрабатывать евразийцы.

Подход Лаппо-Данилевского к философии истории был иным. Если концепцию Ламанского следует отнести к области историологии (теории исторического процесса), то Лаппо-Данилевский, напротив, сосредоточился на разработке вопросов исторической гносеологии (методологии истории), что отчасти объяснялось необходимостью читать курс «Методологии истории» на историко-филологическом факультете. Од-

[7] Лаппо-Данилевский 1884. С. 31.

нако, вероятно, Лаппо-Данилевский и сам тяготел к изучению, прежде всего, теоретико-методологических вопросов исторической науки. Ламанский, скорее всего, уже не мог оценить первые философско-исторические опыты Лаппо-Данилевского, которые были опубликованы, когда престарелый академик практически полностью отошел от дел.

Сочинения Лаппо-Данилевского и его переписка не содержат оценок славянофилов и их учения. Нет в них и рассуждений в славянофильском духе. Тем не менее, к славянофильствующей университетской профессуре он относился уважительно. Так, еще будучи студентом, Лаппо-Данилевский неоднократно посещал К.Н. Бестужева-Рюмина и, пожалуй, первым оценил его философско-теоретические наклонности. Необходимо также упомянуть убежденного славянофила О.Ф. Миллера: по его инициативе и под его руководством в университете было основано Научно-литературное общество, в котором во многом проходило интеллектуальное становление Лаппо-Данилевского. С почтением относился он и к Ламанскому – ближайшему другу Миллера еще со студенческих времен. В мае 1891 г., т.е. вскоре после начала преподавания, Лаппо-Данилевский писал М.А. Дьяконову: «на нашем факультете из старых профессоров – Ламанский человек хороший и стойкий. Васильевский тоже симпатичен кое в чем. С остальными не хочется иметь дела»[8].

Избрание Ламанского в Академию наук в 1900 г. проходило уже при непосредственном участии Лаппо-Данилевского. Вероятно, это было первое голосование в Общем собрании АН, в котором он принимал участие. Голосование проходило 15 января 1900 г. Приказ же об утверждении Лаппо-Данилевского адъюнктом (с 4 декабря 1899 г.) вышел только 8 января 1900 г., а отношение министра народного просвещения на имя Августейшего Президента АН, согласно протоколу общего собрания АН, появилось лишь 15 января 1900 г., т.е. в день голосования[9]. Записку об ученых трудах Ламанского составлял академик А.А. Шахматов. Избрание Ламанского во многом соответствовало планам Лаппо-Данилевского по русификации Академии наук, т.е. избранию на освобождающиеся кафедры в первую очередь русских ученых вместо немецких. Сразу после голосования в Академии наук по кандидатуре Ламанского Лаппо-Данилевский первым приехал его поздравить, что отметил в своем дневнике новоизбранный академик. Подчеркнем еще раз, Лаппо-Данилевский не разделял славянофильских взглядов Ламанского, поэтому помимо личного уважения основой для такого поступка могло быть признание научных заслуг старого профессора.

С избранием Ламанского ординарным академиком начался наиболее плодотворный и тесный, хотя и не продолжительный, период их со-

[8] Цит. по: Ростовцев 2004. С. 61.
[9] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101. Л. 18 об.–19.

трудничества. Фонды Ламанского и Лаппо-Данилевского в Петербургском филиале архива РАН отчасти позволяют проследить хронологию их общения. К сожалению, переписка носила исключительно деловой характер, поскольку содержательные контакты сводились к личным беседам и обсуждениям в Отделении АН. В записках Лаппо-Данилевский чаще всего пытается согласовать даты заседаний различных академических комиссий, в которых он состоял вместе с Ламанским. Однако та же переписка показывает, что их сотрудничество началось значительно раньше избрания обоих в Академию наук, а именно в связи с участием в археологической комиссии. Письма были отправлены с домашних адресов Лаппо-Данилевского (10 линия В.О., д. 17, кв. 8 – 1893 г.; 9 линия В.О., д. 44 – 1904 г.; Николаевская набережная, д. 1 – после 1904 г.) на домашний адрес Ламанского – ул. Звенигородская, д. 32, кв. 1.

Первое из дошедших до нас писем не датировано. «Заседание Русского отделения можно назначить на четверг, 21-го января, – писал Лаппо-Данилевский. – Надеюсь, что этот день не окажется для Вас неудобным. 15-е число, которое Вы указывали мне при свидании, оказалось неудобным для второго референта: А.В. Половцова; он просил переместить заседание на неделю, на что согласился и наш председатель»[10]. Вскоре он вновь сообщал Ламанскому: «Опять без вины виноват перед Вами. Гр. Бобринский не располагает вечером 21-го, поэтому придется собраться 25-го января, в понедельник, если у Вас этот вечер будет свободен. Будьте добры, известите меня об этом возможно скорее»[11]. В этом же послании он сетует на то, что не застал Ламанского в университете. Скорее всего, упомянутое заседание состоялось только в начале февраля 1903 г., о чем Лаппо-Данилевский извещал Ламанского 1 февраля 1903 г.: «Собрание Отделения Русской и Славянской Археологии назначено на пятницу 5-го февраля, о чем я уже говорил и Вам с неделю тому назад при случайной встрече. Начало собрания в 8 часов, причем надеюсь Вам не трудно будет читать *первому*, т<ак> к<ак> не хотелось бы давать первое место представлению с волшебным фонарем, которым Половцев думает открыть археологическую масляницу»[12].

Десятилетие спустя Лаппо-Данилевский привлек Ламанского к работе в академической комиссии по архивной реформе. 14 октября 1903 г. он отправил Ламанскому «открытое письмо» следующего содержания: «Вы просили напомнить Вам, что завтра 15-го в среду в 1½ д<ня> назначено заседание Комиссии об архивной реформе (до заседания Историко-Филологического Отделения, назначенного на 2 часа)»[13]. Вероятно к этому же заседанию может быть приурочено и недатированное пись-

[10] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 10.
[11] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 1.
[12] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 2.
[13] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 3.

мо, в котором Лаппо-Данилевский обращался с просьбой: «Будьте добры пришлите с подательницей моего письма бумаги, касающиеся проекта архивной реформы. Если позволите, я принесу их завтра на заседание, назначенное Вами в 2 часа»[14]. В скором времени в «Известиях Академии наук» появилась «Записка А.С. Лаппо-Данилевского о деятельности губернских ученых архивных комиссий»[15].

В письме от 16 марта 1904 г. он обращался к Ламанскому за консультацией: «Если позволите, я зайду к Вам в четверг между 3–5 или раньше 3-х с тем, чтобы воспользоваться Вашими указаниями относительно исторической Галиции в XIV в.; за них я буду Вам очень благодарен»[16]. Ламанский не оставил крупных и даже отдельных сочинений о Галиции, хотя неоднократно бывал там и поддерживал отношения с галицийскими москвофилами. Одна из первых публикаций Ламанского – компилятивный обзор статьи Циммермана из «Известий Венского географического общества», помещенный в 1859 г. в «Известиях Русского географического общества» без указания имени автора[17]. В скором времени (1861) Ламанский вступил в полемику с Н.Г. Чернышевским о литературном языке галицийских русинов[18]. В лекциях по истории славянских народов, которые Ламанский читал в университете, он также касался исторической судьбы русской Галиции. Безусловно, Лаппо-Данилевский мог рассчитывать воспользоваться не только знаниями, но и уникальной библиотекой Ламанского. Скорее всего, сведения о Галиции XIV в. были необходимы Лаппо-Данилевскому в связи с началом работы над изданием сборника «Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси» (СПб., 1907), включавшего статью историка «Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников» и ряд «заметок»[19]. Ламанский и сам прибегал к познаниям своего молодого сослуживца: в одном из недатированных писем Лаппо-Данилевский, отвечая на просьбу Ламанского, сообщал ему библиографию о «древнем янтаре», рекомендуя, в т.ч., исследование Р. Клебса[20]. Интерес к русскому XVIII в. сближал двух историков, отчасти сглаживая мировоззренческие противоречия, но в опубликованном первом томе докторской диссертации Лаппо-Данилевского[21] нет ссылок на работы Ламанского.

Одной из форм их совместной деятельности в Академии наук были заседания различных комиссий.

---

[14] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 9.
[15] Лаппо-Данилевский 1905.
[16] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 4.
[17] Ламанский 1859.
[18] Малинов 2018.
[19] Лаппо-Данилевский 1907.
[20] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 8.
[21] Лаппо-Данилевский 2005.

20 марта 1909 г. Лаппо-Данилевский писал Ламанскому:

Предлагаемую Вами тему, конечно, желательно иметь в виду для одной из премий; но на премию имени Шубинского мы можем только предлагать уже вышедшие в свет за последние 5 лет сочинения, преимущественно касающиеся рус<ской> истории XVIII-го века. Нет ли у Вас на примете такого сочинения?

В субботу мы поджидали Вас; заседание не состоялось, но мы решили предварительно частным образом навести справки о вышедших за последнее время трудах по рус<ской> истории, а затем уже собраться еще раз для окончательного решения.

Жалею, что в ближайшие дни не успею зайти к Вам, а потому и пишу Вам сегодня[22].

Отголоском обсуждений в комиссии на премию С.Н. Шубинского, возможно, является и единственное письмо Ламанского, отложившееся в фонде Лаппо-Данилевского. Приведу его полностью.

«16 м[ая] 1909.

Многоуважаемый

Александр Сергеевич.

Не согласитесь ли Вы и Дьяконов М.А. на следующую тему: “Деятельность Прав<ительственного> Сената в царств<ование> Елис<аветы> Петровны” или просто “Пр<авительственный> Сен<ат> в ц<арствование> Ел<изаветы> П<етровны>”. Эта последняя Романова была ленива, правда, и мало образована, но умна и добрая сердцем. Семилетняя война, уничтожение или отмена смертной казни, Московск<ий> Унив<ерситет>, покровительство Ломоносову, которого по настоянию Св. Синода и немецкой партии (за члена борьбы и за борьбу в ак<адемии> с Шумахером и др.) чуть было не сослали в Сибирь или не предали казни (докум<ент> напечатан мною в Русск<ой> Бес<еде>). О насильственной смерти Ел<изаветы> П<етровны> я привел несколько указаний в моих Вам известных Secrets d’Etat de Venise стр. 425–6. Покойный В. Гр. Васил<ьевский> мне говорил, что в одном засед<ании> съезда историк<ов> в Берл<ине> на предложен<ный> вопрос Мин<истерству> (каф<едры?>) Нар<одного> Просв<ещения> (Прусск<ого>) отчего Правит<ительство> не продолжает издан<ие> писем Фридр<иха> II, был дан ответ: остановлено продолжение во избежание возможного недовольства и огорчения дружественной <неразб.> державы. Болотов в св<оих> зап<исках> (в моей кн<иге> стр. 425) и II т. Бартеневск<ого> Арх<ива> гр. Воронцова) довольно ясно указал на насильственную смерть Ел<изаветы> П<етровны> (Фридр<их> II и Екат<ерина>).

Как бы то ни было, но царствование Елис<аветы> Петров<ны> и по внешним и по внутренним делам (Фон Визин, Болтин, Десницкий – воспитались и образовались при Елис<авете>).

Наконец отмена смертной казни – чего то стоит. Да и к Радищеву (он сам отнесся бы иначе к Елис<авете>, чем к Екат<ерине>) Елис<авета> отнеслась бы иначе, чем Екатерина. Она не любила и Ломоносова, но отнеслась к нему потом любезно, благодаря лишь настояния Орлова, человека не образованного, но как цельного и не глупого русского человека, умевшего ценить Ломоносова.

Как бы то ни было, но деятельность Сената при Елис<авете> Петр<овне> была самостоятельнее, чем при Ек<атерине> II.

Простите старческую болтовню.

Ваш В. Ламанский»[23].

---

[22] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 5–5 об.

Письмо выдает непоследовательность и незавершенность мыслей Ламанского. Он явно предлагает исследовательскую тему на одну из академических премий, но тут же по ходу изложения дает свою характеристику Елизаветы Петровны и ее правления. Предложение Ламанского не содержит исследовательской программы, а, скорее, выражает отношение к исторической личности и ее эпохе. Любопытно, что он характеризует императрицу Елизавету почти в тех же выражениях, что и в письме М.П. Погодину, написанному полувеком ранее[24].

Последнее датированное письмо Лаппо-Данилевского относится к 30 октября 1910 г. и вызвано необходимостью назначить заседание очередной премиальной комиссии:

> «В Общем Собрании Академии 9 января с<его> г<ода> была образована комиссия для присуждения премии Симбирского дворянства, а 6-го ноября она должна представить доклад Общему же собранию о результатах конкурса.
>
> Вы состоите членом этой комиссии, а потому я и решаюсь побеспокоить Вас просьбою сообщить, когда устроить нам собрание (до 6-го ноября). На будущей неделе 3-го ноября (в среду) назначено м<ежду> пр<очим> “Соединенное Собрание Отделений – Рус<ского> яз<ыка> и Слов<естности> и Историко-Филологического”. Не устроить ли нам заседание нашей комиссии в этот день в $1^1/_2$, т.е. до соединенного Собрания? Если Вы согласны, я уведомлю и других членов комиссии (они также должны быть 3-го). Если в ближайшую среду Вам неудобно, не откажите сообщить, когда нам собраться? М.А. Дьяконов, тоже член комиссии, к сожалению, живет за городом, и не всегда может быть; но на этой неделе он был в другой комиссии в пятницу.
>
> Вернее было бы, однако, иметь в виду среду.
>
> Во всяком случае, ожидаю от Вас указаний и жалею, что не могу лично побывать у Вас для того, чтобы сговориться: до среды еще много дел»[25].

Впрочем, были и менее формальные поводы для переписки. В одном из недатированных посланий Лаппо-Данилевский выражал благодарность «за присланные мне билеты и жалею, что не могу воспользоваться ими, т<ак> к<ак> поймал бронхит и избегаю пока посещать людные вечерние собрания. Билеты отослать не успел, ибо получил их в четверг днем»[26]. Можно предположить, что живое общение двух ученых давало и другие примеры не только формальных и деловых отношений. На один из них указывал А.Е. Пресняков. По субботам на квартире Ламанского проходили собрания, в которых участвовали университетские ученые, приезжавшие в Петербург славянские политические деятели и ученые, музыканты. Субботние вечера нередко превращались в импровизированные концерты. В ближайший круг общения Ламанского входили М.А. Балакирев и Н.А. Римский-Корсаков, а пасынок Ламан-

---

[23] СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 209. Л. 2.
[24] Барсуков 1904. С. 373.
[25] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 6, 6об., 7, 7об.
[26] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 11.

ского Н.М. Штруп считался женихом дочери Римского-Корсакова (свадьба не состоялась из-за болезни Штрупа). Яркое описание «суббот» у Ламанского оставил его зять В.П. Семенов-Тян-Шанский[27]. А.Е. Пресняков был дружен с Семеновым-Тян-Шанским, Штрупоми с В.В. Ламанским (сыном Владимира Ивановича). По свидетельству Преснякова, Лаппо-Данилевский также посещал эти вечера[28].

В отечественную историографию оба историка вошли как основатели собственных научных школ[29]. При этом Лаппо-Данилевский оказывал поддержку ученикам Ламанского как в университете, так и в Академии наук, добиваясь выделения им стипендий и т.п. В качестве примера приведу несколько выдержек из писем последнего университетского ученика Ламанского Н.В. Ястребова, узнавшего о решении своего учителя оставить преподавание и его избрании в Академию наук, находясь в заграничной командировке. Уже 8/20 февраля 1900 г. он сообщал ему из Вены: «телеграфировал, как было условлено, А.С. Лаппо-Д<анилевско>му; но пока из Академии ничего нет»[30]. Речь шла о материальной поддержке молодого ученого, который был направлен университетом за границу для подготовки диссертации по славянской истории. Письмо Ястребова Ламанскому из Праги 10/23 июля 1901 г. дает представление о противостоянии на историко-филологическом факультете:

> «То, что слышу от Ильинского о верховодстве в факультете Платонова и его близких (Форстена, Введенского и др.), не особенно утешает, принимая во внимание отношения Платонова ко мне, как человеку, близко стоящему к Вам и Л<аппо>-Данилевскому (к слову, последний недавно писал мне, что приедет из-под Дрездена в Прагу). А как Вы думаете, нужно будет мне обращаться к Платонову при ходатайстве о продлении командировки еще на ½ года? или довольно будет, чтобы Вы один и сами о том хлопотали? Ильинский рассказывает, Платонов сказал ему при отъезде: “Смотрите, помните: кто нас забывает, так тех и мы забываем”»[31].

Ламанский не был антагонистом С.Ф. Платонова, но в борьбе факультетских партий числился на одной стороне с Лаппо-Данилевским. Н.В. Ястребов признавал, что обязан «всемерной поддержкой» В.Г. Васильевскому, А.С. Лаппо-Данилевскому и В.И. Ламанскому[32].

Последним крупным издательским начинанием Лаппо-Данилевского в Академии наук стал сборник «Русская наука»[33], публикация которого растянулась на целое столетие[34]. Интересно, что идея аналогич-

---

[27] Семенов-Тян-Шанский 2009. С. 265–270, С. 442–443.
[28] Александр Евгеньевич Пресняков. 2005. С. 129.
[29] Лаптева 2005. С. 375–431; Ростовцев 2004. С. 295–297.
[30] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 1606. Л. 12 об.
[31] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 1606. Л. 84.
[32] СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 1606. Л. 204 об.
[33] Смагина 2016; Малинов 2016; Корзун, Колеватов 2018.
[34] Судьба проекта «Русская наука». 2016.

ного проекта была высказана Ламанским в одной из его первых статей «О распространении знаний в России», опубликованной в журнале «Современник» в 1857 г. Ламанский сформулировал целую просветительскую программу, в т.ч. предложил создать «Общество Распространения Знаний», главную цель которого он видел в «издании полной русской энциклопедии наук, быть может, первой значительной лепте народа русского в сокровищницу общечеловеческого просвещения»[35]. Ламанский не смог реализовать свой проект. Уже после его смерти, Лаппо-Данилевский возглавил в 1916 г. академическую подкомиссию комиссии по подготовке сборника «Русская наука», идеология (в частности, восприятие науки как формы национального самосознания) и отчасти структура которого восходила к мыслям Ламанского. Было ли это совпадение сознательным выбором или следствием объективных потребностей отечественной науки, однозначно сказать трудно. Возможно, переписка Лаппо-Данилевского способна прояснить детали его замысла. Так же можно надеяться, что эпистолярное наследие ученого содержит дополнительные оценки личности и творчества Ламанского, реакцию на его работы или отклики на кончину старшего товарища.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 209.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 830.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 1606.

Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники 1889–1927. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. 968 с. [Aleksandr Evgen'evich Presnyakov. Pis'ma i dnevniki 1889–1927. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2005. 968 s.]

Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XVIII. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 555 с. [Barsukov N. ZHizn' i trudy M.P. Pogodina. Kn. XVIII. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1904. 555 s.]

Диянов К.С. А.С. Лаппо-Данилевский о борьбе восточников с западниками // Вестник Омского университета. 2011. № 3 (61). С. 81–85 [Diyanov K.S. A.S. Lappo-Danilevskij o bor'be vostochnikov s zapadnikami // Vestnik Omskogo universiteta. 2011. № 3 (61). S. 81–85].

Корзун В.П., Колеватов Д.М. Сборник «Русская наука»: к вопросу о причинах неудач великого замысла // Мир историка и пространство истории. Сб. статей к юбилею проф. Н.Н. Алеврас / Под ред. Н.В. Гришиной, Т.А. Андреевой. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 118–132 [Korzun V.P., Kolevatov D.M. Sbornik «Russkaya nauka»: k voprosu o prichinah neudach velikogo zamysla // Mir istorika i prostranstvo istorii. Sbornik statej k yubileyu professora N.N. Alevras. Pod red. N.V. Grishinoj, T.A. Andreevoj. CHelyabinsk: EHnciklopediya, 2018. S. 118–132].

Куприянов В.А. Ломоносоведение в творчестве В.И. Ламанского // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2018a. Вып. 30. С. 218–234 [Kupriyanov V.A. Lomonosovedenie v tvorchestve V.I. Lamanskogo // Veche. ZHurnal russkoj filosofii i kul'tury. 2018a. Vyp. 30. S. 218–234].

Куприянов В.А. Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2. С. 21–33. [Kupriyanov V.A. Rossiya i Evropa v rannem i pozdnem slavyanofil'stve (A.S. Homyakov i V.I. Lamanskij) // Solov'evskie issledovaniya. 2018b. № 2. S. 21–33.]

[35] Ламанский 1857. С. 39.

Ламанский В.И. О распространении знаний в России // Современник. Литературный журнал. 1857. Т. LXIII. С. 1–46. [Lamanskij V.I. O rasprostranenii znanij v Rossii // Sovremennik. Literaturnyj zhurnal. 1857. T. LXIII. S. 1–46.]

[Ламанский В.И.] Этнографический очерк восточной Галиции. Статья г. Циммермана // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Ч. XXVI. Отд. V. С. 83–92 [[Lamanskij V.I.] EHtnograficheskij ocherk vostochnoj Galicii. Stat'ya g. Cimmermana // Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1859. CH. XXVI. Otd. V. S. 83–92].

Лаппо-Данилевский А.С. Записка А.С.Лаппо-Данилевского о деятельности губернских ученых архивных комиссий // Известия Императорской Академии наук. V серия. Т. XXII. 1905. № 1. С. OIII–OVII [Lappo-Danilevskij A.S. Zapiska A.S. Lappo-Danilevskogo o deyatel'nosti gubernskih uchenyh arhivnyh komissij // Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk. V seriya. T. XXII. 1905. № 1. S. OIII–OVII].

Лаппо-Данилевский А.С. Из старинных сношений России с западною Европой // ЖМНП. Ч. CCXXXIII. 1884. Май. С. 21–38. [Lappo-Danilevskij A.S. Iz starinnyh snoshenij Rossii s zapadnoyu Evropoj // ZhMNP. 1884. Maj. S. 21–38.]

Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag Gmb&Cie, 2005. 462 с. [Lappo-Danilevskij A.S. Istoriya politicheskih idej v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim hodom ee kul'tury i politiki. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag Gmb&Cie, 2005. 462 s.]

Лаппо-Данилевский А.С. Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 211–308 [Lappo-Danilevskij A.S. Pechati poslednih Galichsko-Vladimirskih knyazej i ih sovetnikov // Boleslav-YUrij II, knyaz' vsej Maloj Rusi. SPb., 1907. S. 211–308].

Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: «Индрик», 2005. 848 с. [Lapteva L.P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke. M.: «Indrik», 2005. 848 s.]

Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский и проект издания сборника «Русская наука» // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. № 2. С. 269–282 [Malinov A.V. A.S. Lappo-Danilevskij i proekt izdaniya sbornika «Russkaya nauka» // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2016. № 2. S. 269–282].

Малинов А.В. В.И. Ламанский vs Н.Г. Чернышевский: из истории забытой полемики // Русин. 2018. № 2. С. 41–59 [Malinov A.V. V.I. Lamanskij vs N.G. CHernyshevskij: iz istorii zabytoj polemiki // Rusin. 2018. № 2. S. 41–59].

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НИИР, 2004. 352 с. [Rostovcev E.A. A.S. Lappo-Danilevskij i peterburgskaya istoricheskaya shkola. Ryazan': NIIR, 2004. 352 s.]

Семенов-Тян-Шанский В.П. То, что прошло. В 2 т. Том первый 1870–1917. М.: Новый хронограф, 2009. 678 с. [Semenov-Tyan-SHanskij V.P. To, chto proshlo. V 2 t. Tom pervyj 1870–1917. M.: Novyj hronograf, 2009. 678 s.]

Смагина Г.И. «Достойным образом представить русскую науку». К 100-летию создания комиссии по изданию сборника «Русская наука» // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 1. С. 9–22 [Smagina G.I. «Dostojnym obrazom predstavit' russkuyu nauku». K 100-letiyu sozdaniya komissii po izdaniyu sbornika «Russkaya nauka» // Sociologiya nauki i tekhnologij. 2016. T. 7. № 1. S. 9–22].

Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы / Отв. ред. чл.-корреспондент РАН Ю.М. Батурин: ред.-сост. В.М. Орёл, Г.И. Смагина. СПб.: М., 2016. 848 с. [Sud'ba proekta «Russkaya nauka». 1916–1920 (K 100-letiyu Komissii po izdaniyu sbornika «Russkaya nauka»): Stat'i i dokumenty / Otv. red. chl.-korrespondent RAN YU.M. Baturin: red.-sost. V.M. Oryol, G.I. Smagina. SPb.: M., 2016. 848 s.]

Hirsch F. Secrets d'État de Venise. Documents, extraits, notices at études servant à éclaircir les rapports de la seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte ottomane à la fin du XVe et au XVIe siècle by Vladimir Lamansky // Historische Zeitschrift. Bd. 52, H. 2 (1884), pp. 373-379. (Review)

Малинов Алексей Валерьевич, *доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; a.v.malinov@gmail.com*

Dialogue of generations: A. S. Lappo-Danilevsky and V. I. Lamansky

The article analyses the relationships between two scholars belonging to different generations: V.I. Lamansky, a Slavic Scholar, and A.S. Lappo-Danilevsky, a historian. It is emphasized that they supported two different ideological and philosophical movements: Slavophilism, on the one hand, and Westernizm, on the other. At the same time, a general philosophical approach to history was the fact which united both scholars. Lamansky's philosophy of history continued Slavophile historiosophy and partly anticipated Eurasianist historical conception. Lappo-Danilevsky was rather focused on dealing with theoretical-methodological and epistemological issues of historical scholarship by taking into consideration philosophical ideas proposed by Positivism and Neo-Kantianism. Russian 18th century history became a common research topic of both scholars. The collaboration in the Academy of Sciences Commissions also contributed to the friendship between Lamansky and Lappo-Danilevsky. The author quotes the preserved correspondence of two scholars which allows to trace partly the details of their relationships.

Keywords: Lappo-Danilevsky, Lamansky, history, philosophy of history, university, Academy of Sciences, correspondence, Slavophilism

Alexey Malinov, *Dr. Sc. (Philosophy), Professor, St. Petersburg State University; a.v.malinov@gmail.com*

И. В. Воронцова

АНТОН ВЛАДИМИРОВИЧ КАРТАШЕВ КАК РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕФОРМАТОР (1903–1910-е гг.)[1]

Статья предваряет публикацию писем А.В. Карташева, датировка которых охватывает первую часть его интеллектуальной биографии: от вступления в ряды адептов «нового религиозного сознания» до становления как церковного реформатора. Его интеллектуальные искания иногда обобщают под не конкретизирующими их философскими понятиями, или же покрывают пиетическим флером. Действительные мотивы его «реформаторства» можно определить через системный анализ источников 1903–1910-х гг., и главные из них – его корреспонденция. Сопоставление ее с позицией, высказанной в печати и Петербургском религиозно-философском обществе, дает полноту картины исканий и творчества А.В. Карташева как историка Русской и вселенской церкви, принадлежность к которым он остро ощущал.

Ключевые слова*: *Антон Владимирович Карташев, религиозный реформатор, «неохристианство», церковь и государство

Антон Владимирович Карташев (1875–1960) остается самым малоизвестным участником движения религиозной интеллигенции за церковную реформу в начале XX в. Его интеллектуальная биография делится на три части: первая связана со временем пребывания в составе участников, а затем и в числе лидеров реформистского «нового религиозного сознания». Вторая включает переосмысление параметров церковной реформы в свете новых исторических реалий 1914–1918 гг., деятельность на посту товарища и последнего обер-прокурора Синода Русской православной церкви. Третья часть его биографии – время жизни в эмиграции и переоценки прежних мировоззренческих доминант, интенсивная творческая работа церковного историка и профессорство в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже. И если второй и третий периоды довольно известны, и работа над ними в последнее время ведется[2], то его позиция церковного и религиозного деятеля в начале XX в. остается не проясненной из-за отсутствия системного подхода к теме «А.В. Карташев как религиозный реформатор».

Системный подход требует анализа статей А.В. Карташева в первый период его интеллектуальной биографии (шаги на этом пути сделаны нами ранее[3]), выступлений в Петербургских религиозно-философских собраниях (далее – ПРФС) и Религиозно-философском обществе (далее – ПРФО), и, наконец, его корреспонденции, часть которой опуб-

[1] Подготовлено при поддержке РФФИ. Проект № 18-09-00172 «В поисках Святой Руси: биография А. В. Карташева (1875–1960)».

[2] Антощенко 2019, 2017. Пешков. 2014.

[3] Воронцова 2006, 2019.

ликована в виде полных текстов писем Карташева к Д.С. и З.Н. Мережковским[4], а другая частично цитировалась в ряде работ и требует полнотекстовых публикаций вместе с новыми биографическими данными.

Начало XX века оказалось сопряжено с экстатическим подъемом в мироощущении части творческой интеллигенции, обратившейся к поиску своего места в Русской церкви. Выходя из позитивизма 1860-х гг., часть интеллигенции в конце 1880-х распрощалась с иллюзиями народнического движения, но не с самой мечтой о возрождении России, главным условием которого она считала возрождение религиозного мировоззрения и доверия Русской церкви как хранительнице христианской культуры. Будущее страны виделось в форме новой симфонии церкви и государства. Религиозное возрождение гарантировало духовный подъем, который должен был помочь России избежать западно-христианского пути развития, сохранив свою самобытность.

Благородная и многообещающая задача вдохновила не одну интеллектуально развитую личность влиться в небольшой кружок занятых ее решением литераторов и журналистов (Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Минский (Н.М. Виленкин), В.В. Розанов, позже Д.В. Философов и братья Успенские). Эта группа в 1901 г. была поддержана творческой интеллигенцией, интересующейся религией и реформами в Русской церкви, и с помощью чиновника особых поручений при обер-прокуроре Синода В.М. Скворцова начала Религиозно-философские собрания с представителями церкви и уполномоченными (миссионерами и академическими профессорами). На собрания в числе профессоров СПбДА был направлен и А.В. Карташев. Ему было 26 лет. Тремя годами раньше он окончил академию и был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию; он начал читать лекции по церковной истории и неожиданно для себя после смерти профессора Н.К. Николаевского был назначен на место скончавшегося заведующего кафедрой.

Начало его профессиональной карьеры было вполне органично началу его жизненного пути: с детства он пел на клиросе, в 8 лет был посвящен в стихарь. В 1894 г. после окончания с отличием Пермской семинарии даровитого юношу отправили на казенный счет в СПбДА. Первый интеллигент в своем роду, А.В. Карташев в 1890-е гг., когда будущие лидеры нового религиозного сознания (далее – НРС) уже формулировали задачи религиозного возрождения России, получал духовно-академическое образование, а в 1900 г. стал кандидатом богословия. Начало его преподавательской деятельности совпало с возрождением интереса русской интеллигенции к церковности. К тому же, на ПРФС в 1901–1903 гг. прозвучали вопросы, действительно волновавшие российское общество, и среди них тема приниженности церкви, подчиненности

[4] Pachmuss 1972.

ее государственной власти. По выражению митрополита Евлогия (Георгиевского), «обер-прокурор, не считаясь с голосом Церкви, направлял деятельность Синода… Синод не имел лица, голоса подать не мог и подавать его отвык»[5]. Второй животрепещущей темой была свобода совести в России, затем – связь православия с самодержавием, тема освящения культуры как «плоти» мира и части богочеловеческого процесса, «засилия» на административных должностях в церкви монашества, поддерживавшего в церковной жизни аскетизм. ПРФС показали, что мирская и церковная интеллигенция говорят на разных языках, в т.ч. в области религиозных истин и символов. В итоге сложилось движение общественных и культурных деятелей, заинтересованных в радикальном реформировании Русской церкви. Попав из церковно-академической среды в среду творческой светской интеллигенции, молодой Карташев был увлечен идеей о «новой религиозной эпохе», в которую вот-вот должно вступить человечество, проходя через созревание богочеловеческого организма в истории. Свой неординарный взгляд на отечественную историографию Карташев проявил в работе 1903 г.[6]

Преподаватели СПбДА были приглашены для участия в ПРФС (1901–1903), чтобы вести диалог с интеллигенцией. Русская церковь пришла учить интеллигенцию азам религиозной грамотности и православной этики. Молодой доцент академии не без интереса наблюдал свободу религиозного поиска околоцерковной и внецерковной интеллигенции, ее, может быть чрезмерную, творческую активность на этом пути, и схоластическую скованность тех, кто должен был интеллигенцию наставлять. А.В. Карташев (и не он один из церковных представителей) заинтересовался тезисом «нового религиозного сознания» о развитии христианства и догматов, о новых откровениях, и проникся пафосом «пророческого служения» России. В 1903 г. он с интересом вошел в атмосферу розановских воскресных встреч, которая отличалась от привычной ему академической серьезности – мечтательностью, поощрением литературного творчества и новых религиозных идей. В сущности, мимоходом набросанный В.В. Розановым в «Мире искусств» отзыв о картине «Три бабы» одного из художников журнала, Ф.А. Малявина, получил отклик в душе Карташева. Писатель увидел в «малявинских бабах» не только этнокультурный образ России, но и отображение ее настоящего и будущего, что восхитило историка[7]. В.В. Розанов, в начале века воспринимавшийся в ореоле учителя теоретиками движения Д.С. и З.Н. Мережковскими и Д.В. Философовым, по-видимому, имел в 1902–1906 гг. определенное влияние и на молодого историка, вовсе не рас-

[5] Евлогий. 1994. С. 180–181.
[6] Карташев.1903.
[7] См.: Письмо 1.

сматривавшего, как это ни странно сегодня звучит, свою профессиональную деятельность всерьез: история церковная еще не составляла для него исключительного интереса[8]. Вначале они отнеслись к церковному интеллигенту Карташеву с недоверием. Во-первых, он был из среды академических профессоров, готовивших в ПРФС встречные рефераты, а, значит, «староцерковен» (З. Гиппиус). Во-вторых, он был влюблен в сестру З. Гиппиус, и Д.В. Философов предположил[9], что молодой доцент только от этого стремится стать своим в кругу Мережковских.

Не сохранилось протоколов с выступлениями Карташева на заседаниях ПРФС в 1902–1903 гг., но известно, что «неохристиане» привлекли его к сотрудничеству в своем журнале «Новый путь», где он писал под псевдонимом статьи, отвечавшие на критику НРС и «новопутейства». Вскоре ему представилась возможность высказать свое видение учения НРС о «духе и плоти»; его вовлекли в т.н. «ближний круг», создав по примеру первой «троицы»[10] «неохристиан» (Мережковский-Гиппиус-Философов), вторую – сестры Т.Н. и Н.Н. Гиппиус и А.В. Карташев. В 1905 г. супруги Мережковские уехали за границу, и переписка Карташева с первой «троицей» составила основной массив корреспонденции[11], раскрывающей его личную жизнь и духовные поиски в это время. Из нее мы знаем, что Карташева возле Мережковских держала привязанность к Т.Н. Гиппиус и надежда, что удастся убедить «неохристиан» (Мережковских, Философова, В.В. Кузнецова, С.П. Ремизову, позднее А.А. Мейера и К.А. Половцеву) и придерживавшихся схожих с ними взглядов «мистических анархистов» (В.И. Иванова, Г.И. Чулкова) установить евхаристическую связь с исторической Русской Церковью.

При этом Карташев был убежден в правильности выбранного «неохристианами» пути по возрождению религиозного сознания в России через введение (и принятие существующей Церковью) учения об обоженности культуры человечества и общественного прогресса в истории: «Мы должны признать, что плоть есть такой же вечный принцип космического бытия, как и дух. Пусть даже плоть и дух ноуменально, für sich[12], сводятся к одному началу, но мы этого никогда не узнаем, и для нас они – вечные основные феномены космического существования. Допустимо ли при таком равновеликом качестве духа и плоти в строе бытия, предположение о назначении одного начала быть “лишь органом” другого?». Традиционное христианское отношение к «плоти» «недоста-

[8] См.: Письмо 2.
[9] Взыскующие Града. 2019. С. 307.
[10] «Троицы» представляли из себя религиозную общину-ячейку, жившую своим кругом и совершавшую молитвенное общение.
[11] Архив был сохранен, а переписка опубликована исследовательницей творчества Д. С. Мережковского Т. Пахмус. См.: Pachmuss.1972. P. 652 и сл.
[12] Нем., – по существу, «для себя».

точно мотивирует творческий акт создания материи» и не исчерпало «всей многознаменательности и содержательности страшного акта боговоплощения». Творение материи в христианском учении оставалось непонятным и неоправданным, как «творение чего-то, не имеющего в самом себе цели», а «таинство соединения с плотью Самого Божества», не может оставаться в философском пренебрежении[13]. Таково было его кредо религиозного реформатора на протяжении 1902–1918 гг.

С 1906 г. Карташев вернулся к занятиям церковной историей и историей религии, преподавал на Высших женских курсах. Он дискутировал в письмах с отъехавшими за границу Мережковскими и Философовым, часто адресуя свои рассуждения по тому же вопросу всем троим: достойно ли причащаться в Церкви, которую «неохристиане» признали не исполнившей своей роли в истории богочеловечества. Первая «троица» нацелилась на создание новой церкви и настаивала на причащении внутри их общин и на их молитвенных собраниях. Карташев, как человек, вышедший из глубоко верующей семьи, любивший красоту православных церковных служб, которые составляли часть его детской жизни, фактически выросший при храме и получивший академическое богословское образование, понимал иллюзорность «новой» христианской Церкви вне метафизической преемственности с Церковью исторической, вселенской, апостольской. Он предпринимал попытки объяснить Мережковским, что Тело Христово уже существует в христианской Церкви и истории, и метафизически невозможно создание еще одного. «Я писал о моем отношении к Телу Христову… Оно уже есть, уже создалось в мире и в частности совоплотилось с Церковью, следовательно, ее нельзя обойти… Почему, спрашиваю, вы этого не ощущаете, почему забываете и идете мимо?»[14]. Непонимание или нежелание лидеров НРС понять метафизическую невозможность новой церкви и продолжительное отсутствие их в Петербурге (в 1906–1907 гг. они жили в Париже, затем уезжали туда периодически) сближало Карташева с теми, кто придерживался мысли о Царстве Божием как имеющем возможность воплотиться на земле: это были «христианские социалисты» Христианского Братства Борьбы и либеральные священники К.М. Аггеев, В.Я. Колачев, Г.С. Петров, архимандрит Михаил (Семенов). Постепенно у него складывалось свое видение Царства Божьего в реальной истории.

В 1906–1907 гг. Карташев остро критиковал Русскую церковь и епископат за неспособность развернуться навстречу освободительному движению и включиться в него ради внутренней церковной реформы[15].

---

[13] Романский 1903. С. 270–271, 273.
[14] Pachmuss 1972. P. 702.
[15] Карташев 1906. Двигатели… С. 5; «Ревность»… С. 6; К вопросу... С. 1; Депутаты-священники... С. 2.

Из-за привязанности к Мережковским и Т.Н. Гиппиус, он балансировал на грани, считая возможным посещать церковь, причащаясь Святых Таин, и оставаться верным «грандиозной ереси»[16] НРС. Принимавшаяся им идея «новой симфонии» парадоксальным образом отталкивала его от Русской церкви, он с трудом переносил мысль о сотрудничестве в *церковно*-общественном журнале («гадательный церк[овно]-общ[ественный] журнал С.Н. Булгакова и Аггеева К° будет для меня, по внутренней неприятности второй Академией. И я буду смотреть волком оттуда, пока не найду убежища в органе, верном ценнейшим заветам “новопутейства”», – признавался он Г.И. Чулкову 5 марта 1905 г.[17] Карташев тяготел к Церкви вселенской, масштабы которой не совпадали с границами государства. Синодальная Русская церковь, как «историческая», воспринималась как связавшая себя с реакцией[18] и этим бросившая тень на православие. Он хотел «очистить» ее от ассоциаций с реакцией, связать ее с общественностью и культурой. Вероятно, строя в своем представлении будущую «вселенскую церковь», он не хотел оставлять вне ее культурный опыт православия. Это была та точка зрения на «эволюционное действие изнутри церкви», от которой после 1905 г. отказались Мережковские, и которая служила точкой разлада с ними. Допустить в будущем метафизическую связь православия с «плотью мира» означало для них «взвалить на себя весь церковный багаж… взять все до глубины, бывшее и данное… и затем двигаться вперед вместе…»[19].

Статьи 1907–1910-х гг. показывают, что Карташев считал религиозную реформу в исторической Русской церкви необходимой[20]. Продолжительное время после 1905 г. он находился в двойственном состоянии. Он признавал важность «религиозного вопроса», который возвращал его к «мережковщине», а там все оставалось[21] неопределенно, расплывчато и бездеятельно, и он не мог ничего изменить в церкви суще-

---

[16] Карташев 1906. Близорукость… С. 2.

[17] РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 2.

[18] «Религия и реакция – это вечные близнецы в истории. К сожалению, не избежала этой судьбы и высшая религия – христианство». Карташев. 1906. Синодальная... С. 1.

[19] Pachmuss 1972. С. 159.

[20] Только накануне революции допустил реформу внешнюю, признав, что она может стать началом для внутренней. В 1916 г. Карташев в ПРФО провозгласил желательность внешних («полуполитических») реформ. Наступал этап российской истории, который возрождал надежду на «новый догматический свет», на христианство, которое вобрало бы в себя «все проблемы человеческого духа и человеческого общества». Карташев 1916. Реформа… С. 51, 26, 32.

[21] С 1907 г. Карташев переживал «жгучий неотложный вопрос о Христовом откровении, и космической жизни» и стремился прояснить для себя все тонкости «нового религиозного сознания», а из Парижа ему советовали читать сочинения Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева, что воспринималось им болезненно: «В плоскости человеческой, религиозной, я в чем-то чувствую себя всех вас старше, всех зрячее и всех тверже», – писал он в ответ. Pachmuss 1972. P. 702.

ствующей. Он хотел собрать свой круг людей религиозного сознания, динамичного и творческого, но учитывающего мистический опыт православия, в 1911 г. предпринимал попытки организовать у себя собрания известных ему людей, интересовавшихся НРС и заняться изучением основ христианства, рассмотреть содержание «Православного исповедания кафолической и апостольской церкви восточной», ряд отделов «Догматического богословия» митрополита Московского Макария (Булгакова). С.П. Каблуков прокомментировал собрание Карташева как «устраиваемое… для окончательного и полного выяснения своего (т.е. Карташева, – *И.В.*) отношения к православной Церкви»[22].

Возможно, неудача этих собраний заставила его, при всей занятости на Высших женских курсах, согласиться в 1912 г. стать официальным председателем ПРФО[23], которое с его приходом получило «второе дыхание» и приобрело «ярко выраженную идейную направленность»[24]. На заседаниях были возрождены дискуссии о взаимоотношениях церкви и государства, о Царстве Божием на земле как главной вести Евангелия о «новом порядке бытия в истории и во всем мире», при котором мир «принят под опеку церкви, как подлежащий преображению». Отодвинутое историей, Царство Божие, по Карташеву, ожидает своей реализации во вселенском христианстве и церкви, при которых государство лишится «языческого достоинства высшей ценности», и «не религии снисходительно отводится место в государстве… но государству дается место в Царстве Божием и оно есть служебный орган этого Царства»[25].

Публикуемые письма показывают высокую мотивацию увлечения молодого А.В. Карташева «неохристианством» в 1903–1905 гг. и причину отдаления его в зрелые годы от Д.С. и З.Н. Мережковских.

Из писем А.В. Карташева 1902–1911 гг.
А.В. Карташев – В.В. Розанову

1

5 марта 1903. СПб.

«Вы прокомментировали их гениально, с дух захватывающим, тончайшим, ясновидящим прозрением в великую значимость несомненно полубессознательного творения художника[26]. Ваш волнующий сердце комментарий воз-

---

[22] Ермичёв. 2007. С. 119.

[23] Согласно «Дневнику» бывшего секретаря ПРФО и члена его Совета С.П. Каблукова, избран общим собранием 29 октября 1912 г. – Ермичёв. 2007. С. 128.

[24] Ермичёв. 2007. С. 22.

[25] Религиозно-философское общество… 2009. Т. 3. С. 175.

[26] Карташев выражает свое восхищение розановской заметкой о картине «Три “Бабы”» (1902) художника Ф. А. Малявина. В статье В. В. Розанов сразу же оценил и выделил идею картины заключенную в названии: «Три… не “крестьянки”, не “русские”, но именно “бабы” – до такой степени выразительны, что могут поспорить с известными “Богатырями” Васнецова, как символ “святоотечественного”… “Три

нес этих Баб на самую высшую точку подобающей им высоты, пророчески точно охватил их, обессмертил …[27] <…>

Я часто восхищаюсь психологической и эстетически жизнерадостной тонкостью многих из ваших новейших писаний (прежних почти не читал), и не раз порывался признаться вам в этом письменно, но сковывающая меня дисциплинарность (как и в других отношениях) обычно сдерживала мои порывы. Теперь же не хочу терпеть… мож[ет] б[ыть] потому, что задета глубочайшая почва моих основных, кровных и давно мной сознанных идеалистических симпатий и антипатий…

Сердечно преданный вам Антон Карташев

РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 1–1 об. Автограф.

2

16 октября 1904 г.

Дорогой Василий Васильевич!

Вы даже прочитали мою брошюрку!

Ведь это первые мои доцентские лекции, написанные еще в 1900 г., намеренно сухо, в подражание обычной профессорской «важности». Теперь я бы написал несколько иначе: живее и литературнее.

О «философии ист[ории] р[усской] ц[еркви]» я пока еще не в состоянии говорить по моей необразованности и малой начитанности (говорю серьезно и точно), да едва ли и буду способен вникнуть в суть русской церковн[ой] истории, потому что мало понимаю и не умею любить вообще все русское (а так называемое «истиннорусское»[28] даже положительно ненавижу). Юный революционер и «космополит с горя» перевешивают во мне спокойствие «философа». Чтобы понять что-либ[о], надо это любить. А я русскую историю никогда не любил и никогда, конечно, не полюблю. Мож[ет] б[ыть] в этом заключается моя легковесность и анемичность. Я еще не прилагал своих сил к предмету любви, да и не нащупал еще его окончательно. А хочется найти, служить и «пророчествовать» <1 слово нрзб.>.

Простите меня, дорогой Василий Васильевич, я не могу собраться к Вам в это воскресенье. У меня теперь до ноября ряд совершенно новых лекций; а тут еще примешалось экстренное дело: надо к 22-му представить два отзыва о кандид[атских] сочинениях. Должен спешить и сидеть по возможности дома.

Дозвольте прийти к Вам в следующее воскресенье, и если угодно, то именно днем же.

Будьте благополучны. Привет всему дому вашему.

Искренне преданный – Ант[он] Карташев

РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 2–3. Автограф.

бабы” Малявина выражают Русь не которого-нибудь века, а всех веков, – но выражают ее не картинно, для сложения “былины”, а буднично, на улице, на дворе, у колодца, на базаре, где угодно». Розанов. 1903. С. 33–35.

[27] Здесь и далее многоточие Карташева, если оно не заключено к угловые скобки.

[28] А.В. Карташев испытывал стойкую неприязнь к «Союзу русских людей».

3

14 марта 1907 г.

Дорогой Василий Васильевич.

Спасибо за известие о предстоящем собрании. Я, конечно, постараюсь быть на нем. И доклад Ваш[29] прочитать предварительно я считал бы для себя интересным и целесообразным. Но самому пойти к Бердяеву[30] на этой неделе уже некогда: все досуги истратил, и нужно готовиться к субботним лекциям. Не думаю только, что смогу быть полезным для прений. Как-то теперь рассуждать о религии у меня нет вдохновения, ибо мучусь вопросом, как жить по религии, или уж, если это нельзя, то совсем оставить ее. Такая полоса…

Искренне ваш – Ант[он] Карташев.

Мой поклон Варваре Дмитриевне[31].

РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 11. Автограф.

4

Не ранее 13 апреля и не позднее 20 апреля 1908 г.[32]

Дорогой Василий Васильевич.

Посылаю Вам два интересных (умных) сочиненьица гимназистки 5-го класса какой-то Проховщиковой. Взял их на время у моего товарища по семинарии Пушина[33], педагога… <…>

Мне кажется, тут есть материал для многих проблем: 1) замечательная характеристика женщин, 2)…ошибки воспитания, 3) объяснено кое-что из нигилизма, беспринципности современного подрастающего поколения. <…>

А статью в «Слово» ведь я написал слишком для себя неожиданно[34]. В субботу, в постели получаю письмо от Адрианова[35], подвизающегося теперь в

---

[29] ПРФО открывало свои собрания докладом В.В. Розанова «Отчего падает христианство?».

[30] Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – религиозный философ, в 1904–1915 гг. придерживался идей «нового религиозного сознания», построил свое видение НРС, изложив в книге «Новое религиозное сознание и общественность». ПРФО в 1907 г. было организовано силами Бердяева и С.Н. Булгакова. А.В. Карташев считал себя не менее убежденным знатоком НРС, чем Бердяев. См.: Pachmuss. P. 702.

[31] Розанова (урожд. Руднева, по первому мужу Бутягина) Варвара Дмитриевна (1864–1923) – вторая жена В.В. Розанова. Тайное венчание (поскольку первый брак Розанова с А.П. Сусловой не был расторгнут) состоялось в мае 1891 г. в г. Ельце.

[32] Установлено по публикациям.

[33] Пушин Валентин Михайлович (1872 – после 1931) – педагог, историк русской и западноевропейской литературы. Окончил Пермскую духовную семинарию (1894), Казанскую духовную академию со званием кандидата богословия (1898). С 1898 г. учился в Берлинском, Лейпцигском и Страсбургском университетах. С 1902 г. преподавал в средних учебных заведениях Петербурга. Позже вместе с Карташевым был сотрудником Публичной библиотеки.

[34] Речь о статье в пасхальный номер: Карташев. 1908. С. 1.

[35] Адрианов Сергей Александрович (1971–1942) – писатель, журналист, в 1905 г. приват-доцент Петербургского университета, участвовал в работе Совета ПРФО. Карташев сотрудничал в редактируемых им газетах «Страна» (1906), «Слово» (1908).

«Слове». Просит о товарищеской услуге – накатать что-либ[о] «отвлеченное» для пасхального № и представить к 12 ч. дня. Поругался я крепко, но встал и действительно намахал. Намеренно был неясен в главном, потому что слишком было бы обременительно объясняться в передовице[36]. Кроме того в конце допустили еще одно фразеологическое искажение – вышло еще темнее.

Насчет «отвлеченности» догмати[ки] думаю, что это ее неотъемлемое свойство. Потому уместно искать ее и в «праздничных» богослужебных словах.

Благодаря тому, что писал статью, купил № «Слова» и попал на ваш фельетон об Антонине[37]. Стоит, стоит о нем доброе слово сказать.

В первый день[38] хотел быть у вас, но устал, лег спать рано.

Кланяюсь всей Вашей семье. А. Карташев

РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 19–20. Автограф.

А. В. Карташев – В. И. Иванову

5

30 марта 1911 г.

Дорогой Вячеслав Иванович.

Не покажется ли Вам благовременным мое желание, чтобы все мы, любящие церковь, и в то же время верящие в пророческое движение в ней [Мейер[39], Тернавцев[40], Вы, я, еп. Михаил – несчастный[41], Философов[42], Мережковские[43],

---

[36] В статье А. В. Карташев написал о том, что пафос Воскресения оскудел в церковном сознании, это заметно на безразличии Церкви к «усталой и болеющей родине».

[37] Упоминалась статья В. В. Розанова «Один из упокоенных архиереев» с похвальными отзывами о направленном в монастырь епископе Антонине (Грановском), занявшая подвал 3-й и часть 4-й полос газеты. В. В. Розанов отозвался о нем, как об «одном из ученейших русских иерархов», благодаря цензорству которого протоколы ПРФС шли в печать в «Новом пути» «в нетронутом виде».

[38] Видимо, речь шла о первом дне пасхальной седмицы.

[39] Мейер Александр Александрович (1875–1939) – религиозный философ, единомышленник Д. С. и З. Н. Мережковских и Д. В. Философова, в конце XIX в. увлекался марксизмом, был арестован; присоединился к НРС в 1905 г., несмотря на то, что занимался вопросом церковной модернизации и интересовался христианством, крестился только в начале 1920-х гг.

[40] Тернавцев Валентин Александрович (1866–1940) – чиновник для особых поручений при обер-прокуроре Синода, один из инициаторов РПФС, близкий знакомый Карташева и частый посетитель встреч интеллигенции на квартире Мережковских.

[41] Архимандрит Русской церкви, а в 1908 г. старообрядческий епископ Кападский Михаил (в миру – Павел Васильевич Семёнов; 1873–1916), «христианский социалист» и теоретик «голгофского христианства». В 1910 г. ему вторично запретили священнодействовать.

[42] Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – журналист, критик, публицист, сотрудник либеральных изданий. Знаком с супругами Мережковскими с конца XIX в., в 1902 они привлекли его к участию в молитвенных собраниях. Долгие годы составлял с Д.С. и З.Н. Мережковскими интеллектуально одно целое.

[43] Зинаида Николаевна (в дев. Гиппиус, 1869–1945) и Дмитрий Сергеевич (1865–1941) Мережковские – литераторы, основатели и теоретики НРС, инициаторы ПРФС и лидеры движения религиозной интеллигенции.

если согласятся, Каблуков[44], Знаменский[45] и несколько молчащих, но мудрых женщин – С.П. Ремизова[46], Т.Н. Гиппиус[47], Н.В. Власова[48]][49], встретили эту Пасху в церкви вместе, а затем где-ниб[удь] на нейтральной почве (т.е. не в семье), напр[имер], у меня в квартире, в складчину (ради принципа) разговелись вместе, вложив в это разговенье пророческий смысл.

Хлопоты по помещению нас в одной церкви я беру на себя.

Вот о чем я хотел с Вами переговорить.

Подумайте и ответьте. Последним премного обяжете.

Ваш А. Карташев[50].

НИ ОР РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 20. Л. 1–2. Автограф.

6

7 апреля 1911 г.

Дорогой Вячеслав Иванович.

Проводя все время теперь, и утрá, и вечера, в хождении по церквам, никак не нахожу момента совершить экскурсию к Вам.

Положение теперь такое. Мейер отказался пойти в церковь вместе. (Догадываюсь, что он тайно пойдет туда один). Но разговеться вместе согласен, хотя и не пылает жаждой. Мережковские и Философов не пойдут в церковь. По крайней мере, в этом году пойти не могут под давлением особых переживаний, налагающих на них, так сказ[ать], обязательство выразить всю силу своей верности «миру». Расходясь с ними в этих переживаниях, я не без ударения тяну к церкви, будучи вообще всегда (даже и в удалениях своих) верен ей, равно как и «миру», для выражения любви к которому у меня нет особой, сложной символики. Но они согласны прийти ко мне на символическое разговенье, ибо признают меня, пришедшего из церкви, как и я их, не ходивших. Также мы взаимно относимся и к Мейеру.

С М[ережковски]ми придет еще и Ольга Александровна Флоренская[51] (сестра духовн[ого] профессора), всецело, по-женски им преданная, и Татьяна

---

[44] Каблуков Сергей Платонович (1881–1919) – религиозный и общественный деятель, секретарь ПРФО в 1909–1913 гг., автор записей о работе Совета ПРФО.

[45] Знаменский Дмитрий Владимирович – действительный член ПРФО с 1909 г. и казначей Общества.

[46] Ремизова-Довгелло Серафима Павловна (1876–1943) – жена писателя А.М. Ремизова, оставившего воспоминания о встречах религиозной интеллигенции в квартире («башне») В.И. Иванова, у Мережковских, Н.А. Бердяева и В.В. Розанова.

[47] Гиппиус Татьяна Николаевна (1877–1957) – художница, сестра З. Н. Гиппиус.

[48] В 1910 г. установилась связь между Христианской секцией В.И. Иванова (ПРФО) и общиной «голгофских христиан» в Петербурге (руководила ею Антонина Викторовна Власова, в кругу «неохристиан» – Нина). В качестве руководителя был приглашен епископ Кападский Михаил (Семенов), так как теория «голгофства» сформировалась на основе его книг, Н.В. Власова старалась привлечь и Д.С. Мережковского.

[49] Квадратные скобки А. В. Карташева

[50] Строки из этого и следующего письма приводились в статье М. Цимборской-Лебоды и Н.А. Богомолова «Переписка Д.С. Мережковского с В.И. Ивановым». – Studia Rossica VII W kraju i na obczyznie. Literatura rosyjska XX w. Warszawa 1999. С. 78.

Гиппиус, согласная со мной[52], но примирительно остающаяся с ними. Со мной из церкви придут Наталья Гиппиус[53] и Сераф[има] П[авловна] Ремизова. Вот все лица. Каждое с установившимися связями с несколькими друзьями.

Как воспринимаете все это Вы?

Эту встречу пасхи я бы считал знаком взаимного обязательства твердо стоять на реальном теле церкви, хотя и в пророческом дерзновении. Словом, нужно это взять только с взаимным признанием друг в друге принадлежности к церкви.

Если этой уверенности нет, лучше ничего не делать. Я, по крайней мере, человек реальный и простой.

Постараюсь еще побывать у Вас.

Билеты (2) в духовн[ую] академическую церковь, если пожелаете, я могу достать Вам.

Мож[ет] б[ыть] найдете минутку ответить.

Ваш А[нтон] Карташев.

НИ ОР РГБ. Ф. 109. К. 27. Ед. хр. 20. Л. 3–4 об. Автограф.

ИСТОЧНИКИ

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 13; Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 482.

Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., вст. ст. и комм. И. Кейдана. СПб., 1997. 477 с.

Галич Л. Е. О религиозно-философском движении в русском обществе // Церковный вестник. 1907. № 45. 8 нояб. С. 1144.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. Электр. ресурс. Доступ своб. URL: https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=733

Карташев А.В. Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории // Христианское чтение. 1903. Июнь. С. 909–922; июль. С.77–93.

Карташев А. Синодальная политика // Страна. 1906. № 115. 4 июл. С. 1.

Карташев А. Близорукость церковников // Страна. 1906. № 183. 11 окт. С. 5.

Карташев А. Двигатели церковной реформы // Страна. 1906. № 10. 2 март. С. 5.

Карташев А. «Ревность» о Церкви // Страна. 1906. № 107. 24 июн. С. 6.

Карташев А. К вопросу о религиозной свободе // Страна. 1906. № 117. 6 июл. С. 1.

Карташев А. Депутаты-священники // Равенство. 1906. № 1. 18 июл. С. 2.

Карташев А. Близорукость церковников // Страна. 1906. № 183. 11 окт. С. 2.

Карташев А. Суд воскресения // Слово. 1908. № 431. 13 апр. С. 1.

Карташев А. О партиях в церкви // Русское слово. 1911. 1 дек. С. 2.

Карташев А. Собор без соборности // Русское слово. 1912. 11 март. С. 2.

Карташев А. Православие и жизнь // Русское слово. 1912. 2 июн. С. 2.

Карташев А. Грядущий клерикализм // Русское слово. 1912. 29 нояб.

Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. 1907–1917. В 3 т. М., 2009.

Розанов В. «Бабы» Малявина // Мир искусства. 1903. Т. 9. Хроника. № 4. С. 33–35.

Романский Т. [Карташев]. Не все же // Новый путь. 1903. Июль. С. 270–271.

---

[51] Флоренская (в замужестве Троицкая) Ольга Александровна (1891–1914) – сестра о. Павла Флоренского.

[52] Речь об отношении к исторической церкви.

[53] Гиппиус Наталья Николаевна (1880–1963) – сестра З.Н. Гиппиус, скульптор, реставратор.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Антощенко А.В. Историографический обзор исследований жизни и творчества А.В. Карташева // Ученые записки Петрозаводского государств. ун-та. № 4 (181). С. 26–33. [Antoshchenko A.V. Istoriograficheskij obzor issledovanij zhizni i tvorchestva A.V. Kartasheva // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstv. un-ta. 2019. № 4 (181). S. 26–33].

Антощенко А.В. Письма бывшего министра Временного правительства А.В. Карташева из Петропавловской крепости. 1917–1918 гг. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 217–307. [Antoshchenko A.V. Pis'ma byvshego ministra Vremennogo pravitel'stva A.V. Kartasheva iz Petropavlovskoj kreposti. 1917–1918 gg. // Vestnik arhivista. 2017. № 4. S. 217–307].

Воронцова И.В. Участие А.В. Карташева в религиозном движении «неохристиан» и эволюция его взглядов на «историческую» Церковь (по письмам 1906–1907 гг.) // Вестник ПСТГУ (II). 2006. Вып. 20. С. 27–46. [Voroncova I.V. Uchastie A.V. Kartasheva v religioznom dvizhenii «neohristian» i evolyuciya ego vzglyadov na «istoricheskuyu» Cerkov' (po pis'mam 1906–1907 gg.) // Vestnik PSTGU (II). 2006. Vyp. 20. S. 27–46].

Воронцова И.В. Тематика статей А.В. Карташева в газете «Страна» 1906–1907 гг. в свете программных аспектов движения религиозной интеллигенции за церковную реформу // Вестник ПСТГУ (II). 2019. Вып. 88. С. 11–24 [Voroncova I.V. Tematika statej A.V. Kartasheva v gazete «Strana» 1906–1907 gg. v svete programmnyh aspektov dvizheniya religioznoj intelligencii za cerkovnuyu reformu // Vestnik PSTGU (II). 2019. Vyp. 88. S. 11–24]

Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб.: РХГА, 2007. 329 с. [Ermichyov A.A. Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Peterburge (1907–1917): Hronika zasedanij. SPb.: RHGA, 2007. 329 s.]

Пешков А.А. Философия истории П.Н. Милюкова и А.В. Карташева: сравнительный анализ. Дисс. …канд. филос. наук. Н. Новгород: НГПУ, 2014 [Peshkov A.A. Filosofiya istorii P.N. Milyukova i A.V. Kartasheva: sravnitel'nyj analiz. Diss. …kand. filos. nauk: N. Novgorod: NGPU, 2014.]

Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius. München: Fink, 1972. 784 p.

***Воронцова Ирина Владимировна**, кандидат богословия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского государственного университета, irinavoronc@yandex.ru*

Anton Vladimirovich Kartashev as a religious reformer (1903–1910s)

The article precedes the publication of letters of A.V. Kartashev, dating of which covers the first part of his intellectual biography: from joining the ranks of adherents of the “new religious consciousness” to becoming a church reformer. His intellectual claims are sometimes generalized under philosophical concepts that do not specify them, or are covered with a pietic flair. The real motives of his “reformism” can be clarified through a systematic analysis of the sources of the 1903-1910s, and the main ones are his correspondence. A comparison with his views expressed in the press and the St. Petersburg religious and philosophical society provides a complete picture of the searches and creative work of A.V. Kartashev as a historian of the Russian and Ecumenical Church, of which he acutely felt belonging.

Keywords: Anton Vladimirovich Kartashev, religious reformer, “non-Christianity”, Church and state

***Irina Vorontsova**, candidate in Theology, candidate in History, Senior research fellow, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities; irinavoronc@yandex.ru*

А. В. Антощенко

А. В. КАРТАШЕВ И ЕВРАЗИЙЦЫ[1]

В статье рассматриваются взаимоотношения между известным историком Российской православной церкви А.В. Карташевым и основателями евразийского движения в среде пореволюционной российской эмиграции. Опираясь на анализ эго-документов (прежде всего, писем), автор показывает мотивы сотрудничества и причины расхождения, зависевшие в значительной степени от разногласий среди лидеров формирующегося евразийского движения. Обосновывается вывод о том, что А.В. Карташев сделал выбор в пользу объединившихся в Братство Святой Софии представителей старшего поколения религиозных мыслителей, которые, как это ни парадоксально, проявили большую склонность к творческому развитию православия, чем молодые евразийцы, вставшие на путь консервативного отстаивания религиозных догматов.

Ключевые слова*: *биография А.В. Карташева, евразийство, Братство Святой Софии

Антон Владимирович Карташев (1875–1960) принадлежит к плеяде тех российских историков, чье становление произошло еще до революционных потрясений в Российской империи, но раскрытие творческого потенциала проходило после прихода большевиков к власти, обусловившего изгнание их не только из родной страны, но и из отечественной историографии. Возвращение на родину их исследовательского наследия после крушения коммунистического режима создало благоприятные условия как для включения его в интеллектуальный контекст актуального исторического знания в России, так и для осмысления их жизненного пути, что верно и в отношении биографии А.В. Карташева[2], хотя она далека еще от завершения. Современное состояние ее изучения, в котором обозначены наиболее значимые моменты судьбы историка, позволяет ставить конкретные проблемы, связанные с детальным рассмотрением выборов, сделанных ученым на его жизненном пути. Этим определяется как предмет исследования – взаимоотношения с основателями евразийства, к числу которых его необоснованно относили в начальный период изучения евразийского движения и биографии А.В. Карташева, так и методологические принципы. Последние формируются на пересечении новой биографической истории и интеллектуальной биографии, о которых в последние годы создан ряд значимых работ[3]. Намеченный в них подход предполагает рассмотрение личности не в качестве результата

[1] Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00172 «В поисках Святой Руси: биография А.В. Карташева (1875–1960)».

[2] Подробный историографический обзор исследований о А.В. Карташеве будет представлен автором статьи в очередном номере журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Исторические науки и археология».

[3] См.: Репина 2006; Алипов 2011; Попова 2012; Базанов 2016 и др.

биографии, а как ее творца, поэтому значимыми событиями становятся «события-поступки», связанные с выбором, который осуществляет сама личность, исходя из собственных ценностных установок. Отсюда вытекает методологическое требование реконструкции таких событий и выборов, выявления их причинно-следствен-ной связи и определения их влияния на дальнейшую судьбу Карташева. Поскольку различия концептов «Евразия» и «Святая Русь», разрабатывавшихся евразийцами и Карташевым, уже рассматривались мною, основное внимание в данной статье будет сосредоточено на их межличностных отношениях[4], приведших к тому, что известный церковный историк сделал выбор не в пользу пореволюционного идейного течения евразийства, а связал свою судьбу с представителями старшего поколения, которые оказались верны своим идеалам предреволюционного Религиозного возрождения, творчески развиваемым ими в условиях эмиграции. Надежную основу для исследования составляют эго-документы, прежде всего, эпистолярное наследие, не только полно отложившееся в отечественных и зарубежных архивах, но и широко представленное в опубликованном виде.

***

После поражения белых войск и эвакуации остатков Добровольческой армии из Крыма осенью 1920 г. А.В. Карташев перебрался в Париж. Здесь ему нужно было обустраиваться житейски и определяться политически, чтобы продолжить борьбу с большевизмом, которая после военного поражения Белого движения для него переместилась в сферу духовную, сохраняя свою цель – преодоление безбожия коммунизма. Сближение с евразийцами на этом пути было кратковременным и случайным, ограничившись участием в ряде их изданий. Инициаторами его были сами евразийцы. Еще в конце 1920 г., до появления их первого, вызвавшего живую, хотя и неоднозначную, реакцию сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921), князь А.А. Ливен, не участвовавший в евразийских изданиях, но являвшийся, судя по переписке основателей евразийства, душой группы в период зарождения этого идейного течения, писал П.Н. Савицкому: «Где Карташев? <...> Помимо “евразийского” материала нам интересно все то, что связано с возрождающимся религиозным движением. Связь с Евразией сама собой понятна. Отсюда интерес к Карташеву. Есть ли у него материал? Нельзя ли получить его: “Реформа, Реформация и исполнение церкви” для перепечатания?»[5]. Однако полученная евразийцами статья А.В. Карташева, написанная на основе его устного выступления в Религиозно-философском обществе еще в начале 1916 г.,

---

[4] На важность именно этого аспекта становления евразийства в свое время справедливо указал А.В. Соболев. См.: Соболев 1992.

[5] Записки 2011–2012. С. 15.

не вызвала одобрения у идейного лидера формирующегося течения князя Н.С. Трубецкого. Оценивая возможности выпуска второго сборника после выхода в 1921 г. нашумевшего «утверждения евразийцев», он писал своему другу П.П. Сувчинскому: «…[Н]и материалов, ни ясного замысла для этого сборника нет, а есть статья Карташева, из-за которой весь сыр-бор и загорелся. Между тем мне эта статья представлялась весьма спорной, особенно для помещения во *второй* сборник, как я его себе представлял. Если бы можно было записать ту лекцию, которую К[арташев] читал в Софии, это было бы совсем то, что нужно: ярко, конкретно, актуально и совершенно безупречно с точки зрения ортодоксального евразийства. Но “Исполнение Церкви” совсем не то: как ни переделывать, чувствуется, что написано давно, в применении к “моменту” – расплывчато и не связано с нами ясным и наглядным способом»[6].

Затруднительную ситуацию разрешил «полный энергии и задора» П.Н. Савицкий, приехав в Софию и убедив Н.С. Трубецкого и Г.В. Флоровского в возможности завершить подготовку второго евразийского издания. В результате «сильно урезанная» статья Карташева была включена в сборник «На путях», а Савицкий написал к ней предисловие[7]. В нем были оговорены отдельные расхождения во взглядах. Среди них наиболее значимым Савицкий считал не свойственный евразийцам хилиастический пафос Карташева. Однако именно этот пафос будет одним из мощных стимулов переосмысления историком его теократической концепции в годы эмиграции. Не стал Савицкий акцентировать внимание, а, возможно, просто не уловил то, что критика иудейства, протестантизма и католичества была для Карташева аргументом для обоснования необходимости нового решения вопроса об отношении христианства к истории, а не самоцелью, как у евразийцев. Главным для одного из основателей евразийства было подчеркнуть не различие, а близость их взглядов.

Указание П.Н. Савицкого на ценность «схождения» с А.В. Карташевым «в вопросах богословско-идеологических» отражало стремление евразийцев заручиться поддержкой известного деятеля предреволюционного религиозного возрождения в России. В середине февраля 1922 г. еще один из участников сборника «Исход к Востоку» Г.В. Флоровский, выражая созвучное настроениям А.А. Ливена желание усилить религиозный акцент в евразийстве, обратился в письме к нему и Н.С. Трубецкому с предложением издать «ярко-религиозный» сборник. На первом месте в списке авторов, включавшем не только евразийцев, но и ряд представителей предреволюционного религиозного возрожде-

---

[6] Глебов 2010. С. 177.

[7] Савицкий 1922. С. 27–29. Первоначально предисловие было написано Г.В. Флоровским. См.: Савицкий 2018. С. 255. О ходе подготовки статьи к печати в сборнике см.: Савицкий 2018. С. 259–260, 262–263.

ния, он упоминал Карташева[8]. Отрицавший возможность какого-либо сотрудничества со «старыми грымзами», как он называл дореволюционных идеологов из среды интеллигенции, Трубецкой с явным подозрением отнесся к этому предложению. При этом его смущали не столько религиозные идеи Карташева, сколько участие последнего в деятельности Русского национального комитета («Национального центра», как называл его князь), созданного еще в 1919 г. и утвержденного в июне 1921 г. на съезде Русского национального объединения, декларировавшего приверженность идеалам белого движения. «Я сильно боюсь, что Карташев есть фактическая ошибка, – замечал Трубецкой в ответном письме Флоровскому от 17 февраля 1922 г. – После второго сборника со статьей Карташева и к нам приклеят ярлык “Национального Центра”, и это даст возможность раз навсегда от нас отмахнуться и нас игнорировать»[9]. Не разделявший стремления Трубецкого размежеваться со старшим поколением религиозных мыслителей Флоровский попытался разуверить князя. Явно преувеличивая свою способность и возможности евразийцев влиять на них, он убеждал его, что публикация в евразийском сборнике позволит Карташеву, близкому якобы к выходу из комитета, окончательно «выскочить оттуда». Однако повлиять на идейного лидера евразийцев ему не удалось. Размышляя о возможных «тактических союзах» с эмигрантскими политическими группировками и их лидерами в доверительном письме П.П. Сувчинскому от 26 февраля 1922 г., Трубецкой еще раз подчеркнул, что «в смысле компроментантности Карташев куда хуже», чем даже В.И. Гурко[10], который был известен своими националистическими взглядами.

Однако то, что не удалось Флоровскому, сумел сделать Савицкий. По его просьбе Трубецкой все же написал Карташеву письмо, в котором приглашал его принять участие в антикатолическом сборнике, готовившемся к печати евразийцами. Этот сборник, задуманный как разоблачительный ответ на установление контактов представителей католической церкви с «советами» и на попытки перекрещивания православных в католичество на территориях, отошедших к Польше от советской России по Рижскому договору, предполагалось выпустить без «евразийской марки», что открывало туда дорогу Карташеву, который так же негативно реагировал на указанные факты. Считавший его участие «желательным», хотя и не «непременным условием» издания сборника Савицкий сам написал письмо Карташеву. В нем он посетовал, что «по целому ряду вопросов богословской мысли и церковной политики мы не имеем руководителя», и попросил от имени «небольшого кружка православ-

[8] Записки 2011–2012. С. 58.
[9] Там же. С. 62.
[10] Глебов 2010. С. 187.

ных людей, в настоящий момент оказавшихся в Праге», помочь им в этом качестве[11]. Савицкий просил и Сувчинского написать письмо Карташеву, заметив, что «Г.В. Флоровский уже написал ему с чисто личным подходом»[12]. Более того, судя по контексту письма Савицкого Сувчинскому, он считал возможным участие Карташева не только в этом сборнике, но и в евразийском «соборе», намечавшемся на лето 1922 г. В качестве важного направления дальнейшей работы евразийцев он считал содействие «возникновению в разных местах тесно сплоченных православных кружков, из людей, и, прежде всего, из молодежи, готовой активно вести тяготы борьбы, идеологической и всякой иной, во имя, прежде всего – Православия и затем Родины»[13]. Эта идея вполне могла найти отклик у Карташева, считавшего важным средством содействия укреплению православия духовно сплоченные организации мирян (в т.ч. молодежные), построенные по типу православных братств. Правда, долгая задержка ответа Карташева раздражала энергичного Савицкого, заявившего в письме Сувчинскому по вопросу подготовки антикатолического сборника о своей готовности «выбросить [историка] за борт»[14].

Под влиянием достаточно резких суждений о Карташеве лидера евразийцев князя Трубецкого Флоровский постепенно перешел от поддержки Карташева к его игнорированию, а затем и критике при обсуждении плана издания религиозного журнала «Устои»[15]. Разделяя антисемитские взгляды князя, Флоровский даже обвинил Карташева в том, что тот впал «в чертовщину», ссылаясь на его предисловие к «разоблачению сказок о “жидомасонах” г. Ю. Делевского»[16]. Именно так назвал книгу Я.Л. Юдилевского «Протоколы сионских мудрецов (история одного подлога)» (Берлин, 1923) один из основателей евразийства, теряющий свои позиции в движении, явно надеясь на понимание Трубецкого. Стремясь заручиться поддержкой князя, Флоровский, которому первоначально планировалось поручить написать для сборника статью «Единая Церковь и соединение церквей», выступил с критикой рукописи статьи Карташева на аналогичную тему[17]. Не получив поддержки, он стал проявлять отсутствие интереса к изданию, так что Савицкому пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться от него обещанной статьи.

Не знавший содержания рукописи Карташева до момента редактирования сборника, Трубецкой, настаивая на «боевом» характере изда-

---

[11] См. об этом: Голлербах 2000. С. 442–443.
[12] Савицкий 2018. С. 272.
[13] Там же.
[14] Там же. С. 274.
[15] Следует отметить, что к идее периодического религиозного издания евразийцев достаточно скептически относился Савицкий.
[16] Записки 2011–2012. С. 105.
[17] Там же. С. 86, 93, 97.

ния, сомневался, не будет ли она написана в «примиренческом духе». Своими опасениями он делился с Сувчинским[18] и Флоровским, прося последнего в письме от 1 января 1923 г. переговорить с Савицким о возможности в случае ее примиренческого характера вернуть текст автору. «Если статья Карташева в примиренческом духе, то она к сборнику не подходит и ее надо просто вон. Теперь Бердяев в Берлине будет издавать журнал “София”, религиозно-толерантного направления (его жена уже перешла в католичество, а он *пока* нет), вот там и можно напечатать статью Карташева, если она не подходит к нам. Я, во всяком случае, не вижу, почему нам за эту статью непременно держаться. А ведь можно ее вернуть в такой форме, что Карташев не сможет обидеться»[19]. Однако по получении текста статьи он отбросил свои опасения, списав их возникновение на склонность Савицкого к оговоркам, и в результате предложил переделать написанное последним предисловие к сборнику, убрав из него упоминания о разногласиях между евразийцами и Карташевым[20]. Савицкий согласился с этим, заметив, что «статья Карташева, в общем смысле, развивает последние фразы статьи князя»[21].

Основания для отсылки статьи А.В. Карташева в журнал «София» были вполне реальными. Задумавший его издание Н.А. Бердяев, незадолго до этого высланный из советской России и ориентировавшийся на диалог с западноевропейскими мыслителями, предусматривал в числе сотрудников, наряду с о. С. Булгаковым, В.В. Зеньковским, И.А. Ильиным, Н.О. Лосским, П.И. Новгородцевым, и А.В. Карташева[22]. Тем самым последний оказывался среди «старых грымз», с которыми не хотел иметь дела Н.С. Трубецкой. В письме от 25 сентября 1923 г. П.П. Сувчинскому, который планировал свое участие в журнале, П.Н. Савицкий солидаризировался с князем, указывая в пику взглядам своего бывшего друга, а теперь оппонента Г.В. Флоровского, установившего прочные связи с С.Н. Булгаковым, что «Новгородцев, Булгаков и Карташев – как таковые – нам ничего не прибавят и ничего у нас не убавят»[23]. Более того, он указывал на личные черты Карташева, которые затруднили бы постоянное сотрудничество с ним: «Он неустойчивый (хотя и вовсе иной, по сравнению с Флоровским); сегодня будет соглашаться с Вами, а завтра с другим, говорящим прямо противоположное». «Перефразируя наше новое “утверждение”, скажу о Булгакове, Новгородцеве, Карташеве (также Бердяеве, Франке и прочих!); будем уважать их идейное, учебно-административное и иное прошлое и настоящее, но не их мы видим

[18] Глебов 2010. С. 206.
[19] Записки 2011–2012. С. 97–98.
[20] Там же.
[21] Савицкий 2018. С. 294.
[22] Братство 2000. С. 172–173.
[23] Савицкий 2018. С. 320.

в будущем, к которому стремимся»[24], – несколько поспешно отмежевывался от возможных соратников в идейной борьбе Савицкий, непоколебимо уверенный в перспективности и преимуществах евразийства.

О поспешности таких оценок свидетельствовал следующий факт. Пятеро из предполагаемых сотрудников издания «София», которые должны были «определить физиономию журнала», а именно: Бердяев, Булгаков, Зеньковский, Карташев и Новгородцев приняли участие в первом съезде Русского студенческого христианского движения (далее – РСХД), который состоялся 1–7 октября 1923 г. в г. Пшеров в Чехословакии. На съезде были прочитаны доклады о. С. Булгаковым «Пути и формы христианской деятельности», Н.А. Бердяевым «Русский религиозный тип», А.В. Карташевым «Русское религиозное движение XIX–XX веков», В.В. Зеньковским «Психология религиозных кризисов» и А.И. Никитиным «Миссионерская задача христианина»[25]. В.В. Зеньковский, избранный на нем председателем РСХД, ясно запомнил выступления Бердяева, Булгакова и Карташева, определившие характер съезда и его значение. Бердяев выступил против «интерконфессионального метода» организации движения[26], а Булгаков и Карташев раскрыли значение православия, как его духовного основания. «Помню, что после доклада Булгакова, который зачаровал аудиторию так, что она словно не в силах была прийти в себя и молчала, – встал Карташев и сказал молодежи, взяв слова Спасителя к самарянке: “Если бы ты знала, кто перед тобой”», – вспоминал Зеньковский. «Доклад Карташева, – продолжал он, – поразил другим. Он говорил о назревшей необходимости организации церковных сил, о выявлении полноты и богатства Православия в жизни. Всем известно “магическое” красноречие Карташева, обаянию которого поддаются все, и старые, и молодые. Но здесь, на фоне все более раскрывающегося богатства Православия, – эта задача, которую он ставил – “нести всему миру икону Православия”, – казалась не только сияющей, как бы свыше намеченной для русских людей, но непосильной. <…> Речь Карташева потрясла не тем, что говорила о полноте Православия, а тем творческим призывом, который звучал в ней. Для нас, старших, было только чуждо сильное звучание католических образов (Карташев говорил, например, о возможности появления “орденов” в Православии и т.п.), но и нас она волновала»[27].

Во время неформального «профессорского собрания» на съезде Карташев предложил возродить деятельность Братства Святой Софии, учрежденного в России еще в 1918 г. и утвержденного патриархом Ти-

[24] Там же.
[25] См.: Аржаковский 2000. С. 116.
[26] Зеньковский 1993. С. 24.
[27] Там же. С. 25-26.

хоном[28], но так и не сумевшего развернуть свою работу из-за начавшейся Гражданской войны. Он же подготовил новый устав братства на основе Временного устава 1918 г., сократив его и изменив в соответствии с новым, эмигрантским положением его членов[29]. Вскоре устав был утвержден митрополитом Евлогием, возглавлявшим с благословения патриарха Тихона русские православные приходы в Западной Европе. Так образовалось духовное сообщество, члены которого видели свою задачу «в обращении на служение православной Церкви преимущественно мирянских культурных сил двумя путями: 1) путем собирания в единый братский союз активных работников церковно-богословского просвещения и церковно-общественного делания и 2) путем объединения и организации их труда на ниве церковно-общественной»[30]. При этом консолидация православных мирян, представленных в братстве известными еще до революции религиозными мыслителями, вовсе не предполагала их резко отрицательного отношения к католицизму или протестантизму. Скорее, наоборот, большинство из них выступало за диалог с представителями иных христианских конфессий для создания единого фронта против безбожия коммунизма.

На этом фоне становится понятным постепенное изменение отношения евразийцев к тем различиям во взглядах, на которых не захотел акцентировать внимание Савицкий в предисловии к статье Карташева во втором сборнике евразийцев «На путях». Еще в сентябре 1923 г., до «смотрового съезда» РСХД, при обсуждении вопроса о философской статье для «Евразийского временника» № 1 в письме Сувчинскому Трубецкой отмечал, что «хорошо бы» было получить статью Карташева, без которой, «пожалуй, придется обойтись совсем без философии»[31]. После съезда Савицкий встретился с Карташевым в Праге, чтобы обсудить возможность его дальнейшего участия в евразийских изданиях. В письме Сувчинскому 18 октября 1923 г. он отмечал, что Карташев не видит противоречия между своим участием в братстве, объединявшем «старшее поколение», к которому по духу (названному историком к удовольствию евразийцев «поповской “пресностью”») он отнес Флоровского, и своим сотрудничеством с ними. Хотя Савицкий с иронией отзывался о центристской, по сути, тактике Карташева, готового «обнять всех, и нас, и других – единым дружеским объятием», но с удовлетворением отмечал, что тот обещал зимою написать для евразийского издания маленькую статью о «гносеологии догмата», а в течение весны – большую ру-

[28] Там же. С. 6, 21.
[29] Ср.: Братство 1997. С. 97–113. Предположение редакторов о том, что устав написал Булгаков (С. 100), не обосновано. Ср. ясное указание на авторство Карташева самого Булгакова в его письме Бердяеву от 10/23 декабря 1923 г.: Братство 2000. С. 187.
[30] Братство 1997. С. 110.
[31] Глебов 2010. С. 227.

копись «о русской церкви под цезарепапизмом». Казалось, что намеченные перспективы укрепят связи Карташева с евразийским движением. Но уже через полтора месяца (26 ноября) в письме Флоровскому Трубецкой отмечал по этому поводу: «С именем евразийцев, по существу совершенно правильно, связывают “Россию и латинство”, т.е. не только проповедь православия, но и активно-боевой, оборонительный тон против латинства. В этой области мы ни на какие уступки идти не можем: максимум был дан в статье Карташева, да и то лишь при условии общего контекста других статей»[32]. Тем самым лидер евразийцев вынужден был признать, что взгляды Карташева скорее диссонировали, нежели гармонировали с их отношением к католицизму. Эту оценку он повторил в отправленном в тот же день письме Сувчинскому[33]. А примерно через месяц в другом письме к нему же добавил: «Мои впечатления от “России и латинства” несколько двоятся. Откровенно говоря, нельзя считать сборник удачным. Статья Карташева положительно слаба <…>, но главное, это совсем не то, что требовалось»[34].

Действительно, реализацию собственного идеала новой теократии Карташев еще в 1916 г. видел лишь в рамках вселенской церкви, и он продолжал придерживаться этой точки зрения после революции, что отразилось в его работах и обусловило его участие в экуменическом движении. Он определенно сделал выбор в пользу диалога с католиками и протестантами, который был инициирован Бердяевым, предполагавшим активное участие Карташева в своих начинаниях[35]. Им не свойственны были резко негативные оценки католичества и отрицание возможности какого-либо диалога с его представителями, характерные для лидера евразийцев Трубецкого[36]. Расхождение во взглядах постепенно вынужден был признать и Трубецкой, хотя по-прежнему понимал, что Карташев являлся признанным авторитетом в изучении прошлого Российской православной церкви и его участие в евразийских изданиях усилило бы позиции евразийцев. Даже обвинивший Карташева в «чертовщине» Флоровский полагал, что в планируемом им периодическом издании по религиозно-философской тематике под названием «Устои», «о трагизме русской церковно-общественной жизни надо дать статью, и

[32] Записки 2011–2012. С. 132.
[33] Глебов 2010. С. 239.
[34] Там же. С. 251.
[35] Аржаковский 2000. С. 111–112, 169–170.
[36] Эти разногласия не замечены в обстоятельной монографии Отто Бёсса, поэтому его утверждения, основанные на изложении взглядов Карташева и Трубецкого, звучат противоречиво: «...евразийцы верили в возможность объединения церквей и надеялись, что инициатива будет исходить от русского православия» и «мнение же о невозможности объединения, унии с западным христианством для евразийцев основывалось на необоснованном убеждении, что истинное объединение церквей не может быть достигнуто человеческими средствами». См.: Böss 1961. S. 72.

Карташев ее хорошо напишет»[37]. Эта идея, дошедшая до Трубецкого через Сувчинского, получила также поддержку князя[38], хорошо знавшего отрицательное отношение историка к синодальному периоду в истории Российской православной церкви и все еще надеявшегося на свои способности оказать влияние на Антона Владимировича. В общем-то, характер обсуждения историко-церковных тем в переписке между Трубецким и Флоровским, в которой первый настаивал на национальном начале, а второй – на вселенском, позволяет заключить, что предложенный позже Карташевым «синтез» исторического и изменчивого национального и вечного и неизменного вселенского начал в прошлом Русской церкви мог бы сгладить противоречия между ними.

Однако полученное в канун нового, 1924-го, года известие о вступлении «дяди Гриши (Г.Н. Трубецкого. – *А.А.*) и Карташева в Орден св. Софии» заставило Н.С. Трубецкого заключить: «Карташев, пожалуй, для нас погиб. На него можно действовать только при непосредственном общении, а в Париже наших никого нет, и там действуют на него другие, совсем в ином направлении. Впрочем, я уверен, что и сейчас, если его случайно поймать и припереть к стенке, от него можно получить статью для “Временника”. Но только где его поймать?»[39]. Лелеять надежду «уловить» Карташева евразийцы могли только до того момента, когда князь в ответ на предложение войти в Братство св. Софии подверг резкой критике от имени «евразийской тройки» (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий и П.П. Сувчинский) его устав[40]. И хотя опровержение этих инвектив взял на себя о. С. Булгаков[41], Карташев также сделал для себя необходимые выводы. После того как под влиянием критики устава евразийцами из братства вышел их сторонник Г.В. Вернадский, Антон Владимирович в письме В.В. Зеньковскому от 17 марта 1924 г. заметил:

> Психология Вернадского, евразийцев и вообще “молодого” поколения показательна. “Грядет примитивная реакция” – как месть за “муки” революции.
> Упокоение в ней соблазнительно, как *отдых* после муки и как сладкий пафос.
> Нам нельзя смущаться. Молодые увлекаются этим от обеднения их души. Нам, отложив грехи революционизма, нужно помнить о высшей норме – не только “хранения”, но и “раскрытия” “залога веры”.
> Время великое и страшное. Пред лицом его нельзя “прибедниваться”. Наоборот, и всего нашего “богатства” мало. Еще надо больше и широты, и “новизны”, и творчества»[42].

---

[37] Записки 2011–2012. С. 226.
[38] Глебов 2010. С. 246.
[39] Там же. С. 256.
[40] Братство 2000. С. 196–203.
[41] Там же. С. 204–206. До написания своего ответа лидеру евразийцев С.Н. Булгаков детально изложил претензии Н.С. Трубецкого к уставу в письме В.В. Зеньковскому и А.В. Карташеву (см.: там же. С. 192–196).
[42] Там же. С. 206–207.

Тем самым историк не только подтверждал свою принадлежность к «старым грымзам», но и приверженность к их, по сути, модернистскому подходу к православию, которое требовало творчества и оказывалось противоположным охранительным устремлениям евразийцев. Поэтому, несмотря на попытки примкнувшего к евразийцам А.В. Ставровского подтолкнуть их лидеров к установлению взаимодействия с «софианцами»[43], дальнейшее сотрудничество между евразийцами и Антоном Владимировичем Карташевым стало уже невозможно.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алипов П.А. Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого. Материалы всероссийской научной конференции, Москва, 15–16 июня 2011 г. М.: РГГУ, 2011. С. 7–20. [Alipov P.A. ZHanr intellektual'noi biografii v rossiiskoi istoriografii // Budushchee nashego proshlogo. Materialy vserossiiskoi konferentsii. Moskva, 15–16 iiunia 2011 g. M.: RGGU, 2011. S. 7–20]

Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925–1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. К.: Феникс, 2000. 656 с. [Arjakovsky A. ZHurnal «Put'» (1925–1940): Pokolenie russkikh religioznykh myslitelei v emigratsii. K.: Feniks, 2000. 656 s.]

Базанов М.А. Интеллектуальная биография: контуры нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 221–233. [Bazanov M.A. Intellektual'naia biografiia: kontury novogo zhanra v rossiiskoi i ukrainskoi istoriografii // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 55. S. 221–233]

Братство святой Софии. Документы (1918–1927) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997. СПб.: Алетейя, 1997. С. 97–113. [Bratstvo sviatoi Sofii: Dokumenty (1918–1927) // Issledovaniia po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik za 1997. SPb.: Aleteia, 1997. S. 97–113]

Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / Сост. Н.А. Струве, Т.В. Емельяновой. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2000. 336 с. [Bratstvo Sviatoi Sofii: Materialy i dokumenty. 1923–1939 / Sost. N.A. Struve, T.V. Emel'ianovoi. M.: Russkii put'; Paris: YMCA-Press, 2000. 336 s.]

Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Новое издательство, 2010. 632 с. [Glebov S. Evraziistvo mezhdu imperiei i modernom: Istoriia v dokumentakh. M.: Novoe izdatel'stvo, 2010. 632 s.]

Голлербах Е.А. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1918) в поисках новой русской идентичности. СПб.: Алетейя, 2000. 560 с. [Gollerbakh E. K nezrimomu gradu: Religiozno-filosofskaia gruppa «Put'» (1910–1918) v poiskakh novoi russkoi identichnosti. SPb.: Aleteia, 2000. 560 s.]

Ермишина К.Б. «Любовь нужна пламенная…». Материалы к истории братства св. Софии: письма Н.С. Трубецкого и прот. С. Булгакова // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2008. Вып. 1 (21). С. 95–99. [Ermishina K.B. «Lubov' nuzhna plamennaia…». Materialy k istorii Bratstva sv. Sofii: Pis'ma N.S. Trubetskogo i prot. S. Bulgakova // Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiia. 2008. Vyp. 1 (21). S. 95–99]

Записки русской академической группы в США. Т. 37. Нью-Йорк, 2011–2012 / Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the USA. Vol. XXXVII. N.Y., 2011–2012.

Зеньковский В.В. Зарождение Р.С.Х.Д. в эмиграции (из истории русских религиозных течений в эмиграции) // Вестник РХД. 1993. № 168 (II–III). С. 5–40. [Zen'kovskii V.V. Zarozhdenie R.S.KH.D. v emigratsii // Vestnik RKHD. 1993. № 168 (II–III). S. 5–40]

Попова Т.Н. Персональная история vs интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия // Человек в истории и культуре. О.: ОНУ, 2012. С. 540–563.

[43] Голлербах 2000. С. 429–430; Ермишина 2008. С. 95–99.

[Popova T.N. Personal'naia istoriia vs intellektual'naia biografiia, bioistoriografiia: podkhody i poniatiia // CHelovek v istorii i kul'ture. O.: ONU, 2012. S. 540–563]

Репина Л. П. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. 2006. Вып. 32. Ч. 2. С. 101–108. [Repina L.P. Biograficheskii podkhod v intellektual'noi istorii // Filosofskii vek. 2006. Vyp. 32. Ch. 2. S. 101–108]

Савицкий П.Н. Предисловие к статье А.В. Карташева «Реформа, Реформация и исполнение Церкви» // На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. М.-Берлин: Геликон, 1922. С. 27–29. [Savitskii P.N. Predislovie k stat'e A.V. Kartasheva «Reforma, Reformatsiia i ispolnenie TSerkvi» // Na putiakh. Utverzhdenie evraziitsev. Kniga vtoraia. M.-Berlin: Gelikon, 1922. S. 27–29]

Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Вико-М, 2018. 680 с. [Savitskii P.N. Nauchnye zadachi evraziistva. Stat'i i pis'ma. M.: Dom russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna; Viko-M, 2018. 680 s.]

Соболев А.В. Своя своих не познаша. Евразийство: Л.П. Карсавин и другие (конспект исследования) // Начала. 1992. № 4. С. 49–58. [Sobolev A.V. Svoia svoikh ne poznasha: L.P. Karsavin i drugie (konspekt issledovaniia) // Nachala. 1992. № 4. S. 49–58]

Böss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961.

***Антощенко Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета, antoshchenko@yandex.ru*

A.V. Kartashev and the eurasianists

The article discusses the relationship between the famous historian of the Russian Orthodox Church A.V. Kartashev and the founders of the Eurasian movement among the Russian emigrants after the Revolution in 1917. Based on the analysis of ego-documents (first of all, letters), the author shows the motives for their cooperation and the reasons for the discrepancy that depended largely on disagreements among the leaders of the emerging Eurasian movement. As a result of a detailed review of the materials, he substantiates the conclusion that A.V. Kartashev made his choice in favor of the older generation of religious thinkers, who united in the Fraternity of Saint Sophia and, paradoxically as it sounds, manifested a greater inclination towards the creative development of Orthodoxy than the young Eurasianists who embarked on the path of conservative upholding religious dogmas.

Keywords: biography of Anton V. Kartashev, Eurasian movement, Fellowship of St. Sophia

***Aleksandr Antoshchenko,** Dr. Sc. (History), Professor of the Department of Russian history in Petrozavodsk State University; antoshchenko@yandex.ru*

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С. Б. Крих

УНИФИКАЦИЯ НАРРАТИВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА[1]

В статье обсуждаются основные проблемы использования наработок нарративного анализа для изучения истории советской исторической науки. В первой части статьи автор даёт обзор ведущих тенденций в современной отечественной истории науки последних лет, отмечая возрастающее внимание в ней к истории учёных (антропологический поворот) и сравнительную слабость интереса к истории текстов (нарративный поворот). Вторая часть статьи посвящена возможностям применения наблюдений исследователей исторического нарратива к истории советской историографии. В третьей части статьи автор обозначает основные проблемы в исследовании советского исторического нарратива, предлагая разделить их на вопросы технического формирования текста и на вопросы его содержания.

Ключевые слова*: *нарративный поворот, советская историография, история науки

1. Ускользающая унификация

Обращаясь к изучению советской исторической науки, исследователь довольно скоро осознаёт несложный парадокс: в целом очевидное упорядочение её языка на протяжении всего периода ее существования почти постоянно оборачивается исключениями, как только мы обращаемся к частностям. Если не учитывать тех моментов, когда советские историки, собираясь (под воздействием внешних обстоятельств) выразить не научную мысль, а политическую лояльность, переходили к языку плаката, то они писали по-разному, как с точки зрения стиля, так и с точки зрения расположения материала. Наконец, талантливые авторы всегда писали интереснее, чем посредственные – что случается во все эпохи. Тем самым, вроде бы не нуждающееся в доказательствах единообразие начинает таять при обращении к конкретному материалу, ускользая от исследовательской оптики и превращаясь в некое абстрактное представление о «других» авторах (вариант: «большинство авторов»), более зашоренных или более конъюнктурных, чем тот, что попал в поле зрения историка науки. Подобная метаморфоза происходит и при обращении практически к любому из этих «других». Унифицированный нарратив в советском историописании оказывается идеальным врагом, образ которого удобен для оживления современных историографических работ: существуя везде и нигде, обладая максимально общими и подвижными

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-09-00125А) «Унификация нарратива в советской историографии всеобщей истории: трансформация взглядов и научное творчество».

характеристиками, очевидный всем и никем не пойманный, он всегда может быть использован как фон, на котором избранный исследователем науки герой выглядит более рельефно, человечно, оригинально. Такое положение вещей говорит о том, что наши исследовательские механизмы как минимум не идеальны, если мы сталкиваемся с ситуацией, при которой очевидность становится синонимом неисследованности. Как чаще всего бывает в гуманитаристике, причина не в том, что на эти вопросы не хватило сил или времени, а в том, что при их решении не работают распространённые методики. Полагаю, вначале нужно предложить объяснение (пусть и небесспорное) того, почему так произошло.

Советская историческая наука начала собственное изучение с юбилейных отчётов о достигнутых вершинах: ранняя советская культура действительно нуждалась в осознании таких достижений (а поздняя уже не могла отказаться от установившегося ритуала). Это заложило советскую традицию историографического обзора: при отдельных критических замечаниях, речь должна была идти о количественной и качественной эволюции марксистской науки, в рамках которой достижения отдельных историков были лишь иллюстрацией общего неизбежного движения к уже известной истине, а отступления от этого пути – частными заблуждениями[2]. Советский взгляд на собственную историческую науку предполагал первичную роль объективной силы преобразующей идеи (марксизма-ленинизма) и подчинённую роль исследователя (историка-марксиста)[3]. Субъективное начало в советской истории науки не отрицалось, но в общем было ослаблено, и отсылки к нему чаще использовались для обоснования ошибок учёного, в то время как его успехи объяснялись просто адекватным постижением марксистско-ленинского учения. Общая специфика советской культуры с однозначно позитивным «Мы» против имманентно негативного «Я» подталкивала к соблюдению этих правил игры как со стороны «проигравших» учёных (которым следовало покаяться в слишком оригинальном, т.е. неправильном понимании теории), так и со стороны «победителей» – безопаснее и спокойнее было приписать успех не себе, а объективной (истинной) идее.

---

[2] Классический образец – IV и V тома «Очерков истории исторической науки в СССР»: Очерки… 1966; Очерки, 1985. Симптоматично при этом, что история создания самого многотомника вошла в противоречие с изображённой в нём историей науки. См. об этом: Иллерицкая 1996. С. 181–182; Яркова 2009.

[3] Известное восприятие науки как службы на «историческом фронте» было в сущности милитаризированной формой марксистского отношения к науке как форме трудовой деятельности, что получило наименование «тезиса Гессена – Гроссмана» (Freudenthal, McLaughlin 2009. P. 1). Здесь сейчас нет необходимости обсуждать вопрос о том, была ли мысль Б.М. Гессена понята адекватно (Гессен 1933) или же представления о его подходе как о примитивизирующем являются преувеличенными (Столярова 2017). Версия, что свой доклад Гессен старался сделать именно в идеологически выверенном духе, кажется наиболее подходящей: Бажанов 2007. С. 155.

После окончания советского периода система координат должна была неизбежно смениться. Историк вышел из тени теории, и оказался той самой очевидностью, которой до этого специально не интересовались. Если в советское время было достаточно определить классовую принадлежность учёного, а особенности его личности выносились за скобки, становясь предметом ностальгии, но не анализа, то постсоветский период поднял те вопросы, которые благодаря этому и оказались лучше всего разработаны за последние четверть века: «историк и власть» и «мир историка». Постепенно, но решительно в штудиях по истории исторической науки их герои перестали изображаться по преимуществу как представители течений, направлений и школ, более того, сами школы и направления начали рассматриваться не только как идейные круги, но как прежде всего коммуникативные площадки; формы и типы научной коммуникации теперь считаются одними из центральных факторов, организующих научную жизнь. Историография стала в значительной мере наукой об историках, и эта смена подходов получила название «антропологического поворота».

Таким образом, антропологизация истории науки в России вызвана не только и даже не столько общемировыми тенденциями, сколько внутренней логикой развития. Хорошей иллюстрацией этого тезиса является разность того, как происходили в отечественном интеллектуальном пространстве «антропологический поворот» и «поворот к нарративу»[4]. Если первый стал не просто декларацией, а рабочей парадигмой истории исторической науки, реализовавшись в многочисленных вариантах конкретных исследовательских стратегий, то второй был более или менее надёжно аппроприирован только философией науки. Не говоря о том, что отечественные работы в этой сфере чаще всего представляют выборочный пересказ (иногда перетекающий в систематический анализ) важнейших работ Ф. Анкерсмита, факультативно дополняемый отсылками к другим значимым авторам (от П. Рикёра до Ж. Женетта), они фактически никак не связаны с использованием концепта исторического нарратива при предметной работе с историографическим материалом[5].

Между тем, успехи антропологической парадигмы более остро обрисовали те вопросы, которые нуждаются в решении в использовании

---

[4] Kreiswirth, 2005. Иногда речь ведётся о трёх поворотах: в литературоведении, историографии и социальных науках, впрочем, они всё равно сосредоточены в промежутке 1960–1980-х гг. См.: Hyvärinen 2008. P. 449. В контексте этого исследования также не имеет значения вопрос о постклассической нарратологии: Postclassical Narratology 2010. P. 1 ff.

[5] Исключения, конечно, есть. Ранний пример применения нарративистской методики при анализе советской историографии абсолютизма: Кондратьев, Кондратьева 2003. Интересный опыт анализа основ советского исторического нарратива, к которому мы обратимся ниже: Шатин 2002.

методов нарратологии. Если мы признаем, что между индивидуальным творчеством историка (а шире, всей его научной карьерой) и идеологическими импульсами политической подсистемы редко реализуется прямая связь и гораздо чаще действует опосредованная, то в таком случае именно анализ советского исторического нарратива как точки пересечения этих векторов позволит восстановить механизм означенного опосредования. Ниже я постараюсь показать потенциальные возможности применения нарративных исследований в отношении именно советской историографической традиции, а также выделить проблемы изучения ключевых особенностей советского исторического нарратива.

2. Теория исторического нарратива и практика советской историографии

Здесь нет необходимости давать общий очерк теории исторического нарратива, какой она сформировалась за последние полвека. Её основные аспекты достаточно раскрыты ведущими философами науки[6], а отдельные интересные моменты рассмотрены в ряде частных исследований[7]. Гораздо важнее сосредоточиться на том, какие из наблюдений философов науки могут оказаться полезными для её историков не с точки зрения общей теории, а с позиций непосредственно научной работы.

Стоит, однако, кратко обозначить те положения общей теории нарратива, которые необходимо разделять или хотя бы принимать как вероятную основу для дальнейшего процесса исследования, и которые играют для данной работы роль аксиом. Это, прежде всего, различение дискурса и нарратива – естественно, при понимании первого как намного более широкого явления, чем второй; представление о структуре нарратива как об отдельном факторе, который не сводим ни к особенностям языка, ни к особенностям мышления конкретного автора, но при этом находится под их влиянием и сам воздействует на них; тезис, согласно которому исторический нарратив является пусть и своеобразным, но типом научного высказывания, а потому обладает характеристиками только отчасти роднящими его с литературным нарративом[8].

Последний тезис имеет интересный поворот в изложении П. Рикёра, который достаточно подробно обосновывал опосредованную связь между историографией и повествовательной компетенцией, причём как в том смысле, что «история не может порвать всякую связь с рассказом, не утратив своего исторического характера»[9], так и в том, что история при этом стремится к объективности и не просто объясняет в процессе рассказа, но проблематизирует само объяснение, по крайней мере, для

---

[6] Анкерсмит 2003а; 2003б; Рикёр, 1998; следует также указать на работы филологов: Женетт 1998; Шмид 2003.
[7] Например: Сыров 2009; Горман 2010; Лехциер 2013; Силантьев 2013.
[8] Помимо указанных выше работ, см. Genette 1990. P. 766.
[9] Рикёр 1998. С. 206.

той аудитории, которая обладает достаточной компетентностью, чтобы оценить это устремление историка[10]. Фактически Рикёр говорит о взаимосвязи и – можно предположить – о взаимозависимости между объяснительной (проблематизирующей) и повествовательной компетенциями историка. Логично заключить, что в конкретной историографической традиции существенные проблемы в реализации одной из функций должны будут компенсироваться усилением действия другой, и эта мысль имеет непосредственный выход к опыту изучения советской науки. Так, с её помощью можно объяснить внутреннюю неизбежность «поворота к фактам» при утверждении сталинского видения исторической теории.

Осуждение «социологизаторства», которое было открыто инициировано политиками[11] и стало одним из важнейших пунктов высказываний об истории (и её преподавании) начиная с середины 1930-х гг., соблазнительно трактовать – вслед за современниками – как некоторое послабление со стороны властей. Как это свойственно языку той эпохи, он выражает позитивную повестку через негативную формулировку (не столько *за* конкретику, сколько *против* схематизма[12]), которая обладает большим мобилизующим эффектом[13]. Тем более, что заявка на обращение к фактам не была пустым лозунгом, и можно действительно увидеть, как в советской научной и образовательной исторической литературе 1930-х гг. возрастает объём рассказов о прошлом вместо изложения схемы, открывающей суть прошлого. Однако возрастание удельного веса повествовательной составляющей может означать нечто совсем иное: не отказ от «социологизаторства», а победу максимально примитивного (из возможных) варианта марксистской социологии. И на мой взгляд, это объяснение намного лучше согласуется с ходом развития советской исторической науки (хотя совсем не согласуется с эволюционной его схемой, сформированной самой советской традицией): проект «сильной» социологической марксистской теории, которая бы удовлетворительно объясняла наличествующие исторические факты (т.е., следуя уточнению Рикёра, не просто объясняла их, а компетентно проблематизировала), потерпел поражение, и ему на смену пришёл сталинский про-

---

[10] Рикёр 1998. С. 203–204.

[11] О преподавании гражданской истории в школах СССР 1934.

[12] Главным виноватым в итоге оказался уже покойный М.Н. Покровский, а критика его обрела символические черты демонстрации лояльности новому курсу партии.

[13] На уровне личного восприятия, однако, это могло вызывать даже протест. Академик И.А. Орбели отметил в 1939 г. во время одного из заседаний: «Я считаю, что нам надо отказаться от системы издания сборников, озаглавленных против чего-либо потому, что доводы «за» могут быть неисчерпывающими, а доводы «против» должны быть исчерпывающими. Если мы выпускаем сборники против фашистской науки, доводы должны быть исчерпывающими. Лучше как-нибудь иначе назвать это, а то получается впечатление, что Академия Наук СССР всё что могла сказать против, она сказала…». Стенограмма… 1939. Л. 23–24.

ект минималистической социологии истории, при которой элементарный характер объяснений компенсировался, а скорее даже камуфлировался увеличением фактического материала – последний, конечно, не просто пересказывался (хотя можно найти и такие примеры), но объяснялся *без* проблематизации.

Здесь следует сделать одно пояснение: проблематизация не является характеристикой с неизменными составляющими и будет своей для каждой конкретной исследовательской парадигмы. То есть, если советский историк в духе позитивистского подхода обсуждает вопросы атрибуции источника, это не *проблематизированное* объяснение для марксистской парадигмы (в отличие от позитивизма) – по сути, это лишь техническое дополнение к изложению фактов. Это, кстати, объясняет и то, как в советской традиции могли относительно комфортно существовать элементы позитивистского историописания.

Когда в послесталинское время вошли в активную деятельность поколения, которые не знали сути компромисса 1930-х гг., они заново прошли тот же цикл: от попыток обновить объяснительный потенциал советской исторической науки, создав («возродив») «сильную» социологию истории в 1960-е гг. (на деле, процесс начался раньше) до перехода к «сильной» фактологии при минимизации содержательных споров в последующие десятилетия. Если дальнейшие исследования подтвердят наличие двух подобных циклов, это может свидетельствовать о нахождении некой базовой характеристики советской историографии.

Тезис Рикёра перекликается с наблюдением Анкерсмита, который обращал внимание на то, что нарратив должен обладать качествами рискованного высказывания, чтобы получить привлекательность в глазах читателей. «Повествование, легко распадающееся на свои буквальные составляющие, устроит нас в меньшей степени, чем повествование, успешно преодолевающее буквальность. И мера этого успеха определяется тем, насколько удалось достичь такого понимания прошлого, которое нельзя свести к тому, что буквально говорится о прошлом в этом повествовании»[14]. Когда историк в своём произведении выходит за пределы буквального (очевидного) знания, он выходит в пространство риска, поскольку потенциальное несогласие читателей с неочевидными (проблематизированными) объяснениями резко возрастает; но именно этот шаг привлекает внимание к самому произведению.

Применительно к истории советской науки это замечание может быть развёрнуто в следующем наблюдении: советская историография периода своего становления обладала, может быть, на сторонний взгляд довольно своеобразной, но сильной притягательностью, имевшей корни в том вызове, который бросали историки-материалисты своим коллегам

[14] Анкерсмит 2003б. С. 11.

в «буржуазных» странах (включая дореволюционную Россию). Это было принципиально иное прочтение истории, причём редко с точки зрения обнаружения новых данных, зато всегда с позиций иного толкования уже известных. К тому же, этот подход не скрывал своей субъективности, называя её классовым сознанием, тем самым отрицая возможность объективного исторического знания для всех и каждого и признавая объективным лишь то, что соответствует интересам пролетариата.

Такого рода радикально рискованные нарративы обязательно привлекают внимание (интеллектуалов и не только), но логика работы социальных институтов вынуждает авторов платить за это высокую цену (цензура, шквал критики, увольнение с работы – это ещё сравнительно мягкие последствия), что ограничивает количество готовых нести эти риски. Но так как в русской революции победила идеология, основанная на рискованных трактовках, это привело к тому, что одновременно возросла её привлекательность и снизилась социальная плата за следование ей. Даже приток новых сил (переход «старых» учёных на «марксистские рельсы») в первые десятилетия советской власти не произвёл эффекта нормализации, поскольку происходил постепенно и поскольку первоначально сохранялась высокая степень конкуренции уже внутри советско-марксистского нарратива. И только унификация самого этого нарратива катастрофически понизила рискованность высказываний. Причём, если в сфере проблематизации нарратива советская наука, согласно выдвинутому выше предположению, прошла два цикла, то тенденция к снижению рискованности высказывания была, при незначительных колебаниях, постоянной – это можно проиллюстрировать тем, что после 1930-х не то что принципиального, но даже сколько-нибудь глубокого пересмотра базовой терминологии так и не произошло. А это означает, что творческий потенциал второго цикла был заведомо ниже первого.

Все высказанные здесь идеи пока не имеют достаточного обоснования как с точки зрения охвата фактов, так и с позиций целостного взгляда на предмет, но вполне рельефно обрисовывают возможности для понимания советской исторической традиции при использовании наработок нарратологии. Теперь следует сказать и об основном круге проблем, который открывается перед нами в этом случае.

3. Советский исторический нарратив: перспективы и проблемы

Попытка характеристики базовых особенностей советского исторического нарратива была предпринята Ю.В. Шатиным. Исследователь исходит из уже заявленного выше тезиса, согласно которому «историографическое письмо может быть понято как дискурсивная практика, имеющая собственную имманентную логику развития»[15].Он выделяет в советском нарративе следующие характеристики: а) агрессивность

[15] Троицкий, Шатин 2002. С. 93.

(выражаемая прежде всего в противостоянии классическому историческому нарративу, получившему обозначение «буржуазной историографии»); б) повышенная аксиологичность («оценка событий превалирует над их связным изложением»[16]); в) редукционизм («отбор фактов осуществляется исключительно по мере их значимости для семиологической системы, благодаря чему удельный вес каждого факта возрастает, причём сам факт становится своего рода примером, образцом; с другой стороны, факт ослабляет аргументацию, превращая текст в мифологическое образование»[17]). Конечно, критику этой гипотезы очень легко было бы основать на том факте, что подробного исследования самого советского исторического нарратива, т.е. хотя бы некоего относительно представительного корпуса советских исторических сочинений, до сих пор не было произведено, поэтому любые общие построения базируются скорее на общем впечатлении, чем на полноценном анализе. Но именно поэтому никакая развёрнутая, претендующая на переоценку сложившихся взглядов критика и невозможна. В настоящее время важнее обозначить те проблемы, решение которых позволило бы создать базу для нового уровня представлений о советском историческом нарративе. Предложу разделить эти проблемы на два типа: *технические* и *содержательные*, памятуя о том, что в действительности выяснение технических вопросов проясняет содержательные характеристики, и наоборот.

К *техническим* вопросам следует отнести исследование взаимосвязи между внешним вмешательством (редактурой, цензурой, самоцензурой) и авторской реакцией на него. В идеале, стоило бы получить обоснованное представление о том, чем отличается текст книги или статьи, доступной в виде публикации, от того текста, который первоначально подавался к печати, причём существенно важно, какие изменения вносили в него другие люди, кроме автора. До сих пор мы имеем об этом только разрозненные сведения[18]. Вопрос, между тем, не праздный: авторы часто говорят, что редактура «испортила» их книгу, но реальность и масштаб этих вмешательств остаются за пределами научной проверки.

---

[16] Шатин 2002. С. 102.

[17] Эти характеристики перекликаются с теми двумя, которые предложил я, не будучи знаком тогда с работой Шатина (апелляция к абсолютной истине и ортодоксальность): Крих 2014. В свою очередь, моя классификация была вдохновлена идеями А.В. Гордона (Гордон 2009. С. 72–119), хотя формальное расхождение с ним в терминах и было принято некоторыми читателями за принципиальное (Тихонов 2016. С. 22–23). Так или иначе, шатинские характеристики представляются более удобными в плане анализа структуры повествования.

[18] См.: Гордон 2018. С. 128–132; Копржива-Лурье 1987. С. 143–144. Подчеркну: недостаточно собрать упоминания из мемуаров о вмешательстве редакторов в содержание исторических работ, необходимо ещё и по возможности верифицировать эти данные, а также дополнить их пока неизвестными случаями. Самый общий взгляд на проблему цензуры: Markwick 2013.

Другой технический вопрос – какова была генетика текста на той стадии, на которой он создавался самим историком (или историками). Имели ли советские исторические тексты особую генетику, сходную даже у авторов с различными установками, или речь должна идти об исключительно индивидуальных методах работы, в которых общее начало проявлялось лишь на завершающих стадиях?

Например, при работе с архивами советских авторов можно наблюдать, как в ткань исторического рассказа инкорпорировались цитаты из «классиков марксизма-ленинизма» – часто для них оставлялось некоторое «пустое» пространство, а сама точная цитата вписывалась после создания авторской основы. Из этого наблюдения вовсе не следует делать простой вывод, что «цитатничество» было для серьёзных учёных исключительно связано с овнешвлением собственных исследовательских интенций и производилось с целью придать «изначально научному» произведению черты идеологически приемлемого материала; по крайней мере, неуклюжие попытки поступать подобным образом навлекали на историков критику уже начиная с 1920-х гг. Более того, очевидно, что ответ на этот вопрос может лежать только в сфере конкретизации: авторам было свойственно различное отношение к материалу, и поэтому важно разобраться, кто, когда и почему использовал «руководящие указания классиков» уже на стадии формулирования идей исследования, а кто инкорпорировал отсылки к легитимирующим высказываниям лишь на его завершающих этапах. Опять же, простой ответ, что в первом случае речь идёт об исключительно ортодоксальных в теоретическом плане исследователях, а во втором – о более оригинальных, вовсе не обязательно подтвердится при работе с конкретными примерами[19].

Первостепенное значение для *содержательного* исследования советского исторического нарратива представляет вопрос о том, насколько корректна его характеристика через понятие унификации. Не является ли представление о советском нарративе как о в высокой степени унифицированном – мифом, преувеличением или неточным обобщением? Можно ли считать унификацию нарратива постоянным и постоянно значимым фактором, влиявшим на творчество советских историков в заметно большей степени, чем в других научных или национальных традициях историописания[20]?

---

[19] Примеры: опирающийся почти исключительно на первоисточники И.М. Дьяконов, возражающий критикующему его взгляды с позиций «чистой» теории М.О. Косвену (Косвен 1963; Дьяконов 1964), а с другой стороны – К.К. Зельин, который, предлагая достаточно заметные коррективы для классовой теории при изучении рабовладения, показывает – конечно, с защитными целями – тончайшее владение базовой теоретической литературой (Зельин 1967).

[20] О том, что исключительность советского опыта не следует преувеличивать см.: Фетисов 2017.

В плане предварительной критики стоит выделить те особенности унифицированного нарратива, которые проявляются в любой научной традиции при упорядочивании высказываний и установлении единых стандартов повествовательных структур, и обнаруживая их в советской традиции, не следует основывать на этом вывод о её уникальности.

Позитивные моменты для работы историка, который унифицирует свои научные высказывания сообразно существующей (или формирующейся) традиции, можно кратко выразить в нескольких тезисах. Во-первых, унификация упрощает формулирование идей, экономя силы на необходимости обосновывать терминологию, методики работы, начальные идеи. Соответственно, этим она облегчает и ускоряет восприятие текста для научного сообщества, делая его более доступным. Во-вторых, она позволяет идентифицировать автора высказывания, сравнительно точно (хотя чаще всего и без деталей) определить его базовые установки, круг союзников и противников. Этот фактор сплачивает учёных, понимающих язык друг друга, но также позволяет выстраивать защитные барьеры от внешней и внутренней критики. Исследователь, не уверенный в том, как удачно структурировать свою книгу или статью, или в том, какие употребленные им слова и выражения, будут поняты адекватно (например, будет колебаться в том, имеет ли он право написать «историки понимают язык друг друга» или же эта фраза будет воспринята буквально и вызовет недоумение), будет находиться в состоянии творческого стресса и окажется вынужден для каждой работы фактически переизобретать выразительные средства. Унификация нарратива не только экономит силы и время, но и создаёт условия психологического комфорта, доходящие вплоть до того, что исследователь уже не думает, *как* он пишет, сосредоточиваясь лишь на том, *что* он хочет сообщить.

Соответственно, можно говорить и о негативных моментах унификации, которые неизбежно проявляют себя с большей силой при нарастании её элементов в научном нарративе. Прежде всего, унификация снижает индивидуальность высказываний, и потому научный труд начинает в меньшей мере соответствовать условиям рискованности, о которых говорилось выше. По той же причине может возрастать уязвимость для критических замечаний: недостатки, замеченные у одних авторов, могут автоматически переноситься на работы других (не всегда справедливо). Во-вторых, полноценная, многоуровневая унификация уже не облегчает, а затрудняет коммуникацию – адресату требуется прилагать специальные усилия по дешифровке общеразделяемых установок для того, чтобы разобраться, есть ли в высказывании данного конкретного автора собственно научная новизна. Наконец, широкая унификация может служить как минимум дополнительным фактором в кризисе мировоззрения: разочарование в типе высказываний может перерасти в разочарование в теории, которая этим типом высказываний легитимируется.

В динамическом плане унификация нарратива проходит те же стадии, которые можно видеть при любом описании истории восхождения и пересмотра научных доктрин[21]. Вначале, когда плюсы от унификации обладают наиболее притягательным эффектом, историки стремятся освоить элементы нарратива, позволяющие использовать её позитивные характеристики. На стадии же максимальной унификации предпочтение отдаётся переосмыслению унифицирующих элементов – открытию новых возможностей для распространённых структур повествования, новым комбинациям терминов и метафор. На поздней стадии, когда унифицированный нарратив начинает восприниматься уже как ограничение, на первый план выходят попытки превзойти существующие возможности высказываний: ещё не отвергнуть их полностью, но уже показать, что автор способен на большее – больший риск, большую проблематизацию.

Опять же, первоначальный ответ на вопрос о том, как эти общие характеристики были усилены или преобразованы в советской традиции, видится в конкретизации наших данных с точек зрения биографической и хронологической. В плане хронологического аспекта исследований уместно поставить вопрос о том, какие маркеры позволяют определить степень унифицированности нарратива в историографической традиции в целом (структура оглавления, общераспространённые цитаты и логические связки и т.д.) и по возможности отследить её колебания во времени. Кажущийся очевидным ответ, что наиболее активная унификация происходила в 1930-е гг., может подвергнуться серьёзной переоценке: многие работы тех лет носили «боевой» характер, будучи направлены «против» других подходов и теорий (повышенная агрессивност, по Ю.В. Шатину)[22]; близкий к публицистическому характер этих работ обусловил их восприятие в советской традиции как проходящих, хотя в итоге они остались в нарративе как элемент историографического введения к труду, в котором даётся критический обзор работ зарубежных историков, но для этого публицистический градус пришлось последовательно снижать. На мой взгляд, классическая структура советской научной монографии формируется на протяжении 1940-х гг., и это как раз признак нормализации нарратива: появляется набор тех повествовательных приёмов, которые можно повторять, не рискуя при этом получить обвинение в немарксистском характере работы.

Биографический аспект предполагает установление связи между индивидуальными способностями нарратора (историка) и унифицированными элементами нарратива. В первом приближении можно сказать, что здесь сразу складывается представление о двух основных направле-

[21] Кун 2001, С. 9–268.

[22] Против исторической концепции Покровского 1939; Против антимарксистской концепции Покровского 1940; Против фашистской фальсификации истории 1939.

ниях деятельности: движению к унификации и бегству от неё, что, в сущности, можно сформулировать и как проблему свободы индивидуального творчества внутри унифицированного нарратива. Тем не менее, если подойти к вопросу не столь прямолинейно, то можно увидеть, что попытка выделения двух простейших векторов – явление сугубо субъективное, неважно, порождённое ли оценкой современного историка науки или самоощущением конкретного советского историка. Оценочный характер суждения, правда, не означает отсутствия в нём познавательной ценности в принципе, но она будет гораздо выше, если удастся раскрыть, чем были инициированы такие оценки.

Более полезным подходом при анализе связки «нарратор – (унифицированный) нарратив» является тот, при котором мы помним о составной природе нарратива и – что не менее желательно – о сложной натуре нарратора[23]. Историки в силу индивидуального характера и жизненного опыта обладают разной склонностью к усвоению и воспроизведению тех или иных элементов доминирующего нарратива. Какие-то из них могут восприниматься совершенно естественно – например, послевоенное поколение воспринимало установившуюся терминологию как вполне нормальную (или даже единственно возможную) для социальных наук, – а другие, напротив, требовать дополнительных усилий к их полному или частичному освоению; в итоге отдельные стилистические обороты, те или иные термины или образы могут оказаться даже отвергнуты. Однако скептическое отношение к ряду элементов совершенно не следует автоматически принимать за стремление к пересмотру нарратива в целом. Логично предположить, что минимизация унифицированных элементов в индивидуальном труде будет означать ту самую большую степень творческой свободы, но количество не всегда идентично качеству – выше я приводил примеры, когда многочисленные цитаты служили защитой нового и рискованного высказывания. Следовательно, должны быть изучены разнообразные индивидуальные траектории взаимодействия с нарративом, для чего важно обращаться не только к формальным характеристикам использования/неиспользования тех или иных его элементов, но и реконструировать причины, по которым историк отводил этим элементам определённую роль в своих трудах.

Разработка указанных направлений, результатом которой должны стать уточнение или даже переоценка наших общих представлений об

---

[23] Следует уточнить, что раскрытие того и другого может быть достигнуто только при учёте фактора читательского восприятия. Так, если читатели того времени, когда появилось произведение, оказываются неспособны воспринять содержащихся в нём повествовательных новаций – смены позиции рассказчика (диегетический и недиегетический нарратор), изменения в характере метафор и аналогий, перестройки структуры, – то такая работа остаётся «вещью в себе; иногда подобные произведения становятся актуальными через одно или два поколения.

историческом повествовании в советский период, представляется многообещающей перспективой дальнейших исследований. Конечно, представленный здесь набросок далёк как от всеобъемлющего описания этих перспектив, так и от теоретической безупречности в изложении, поэтому может вызвать справедливую критику. Уверен, что и она в итоге послужит прогрессу наших знаний о прошлом.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Стенограмма заседания совета отделения общественных наук по вопросу «Против лженауки или фальсификации на этнографическом фронте» (13 февраля 1939) // АРАН. Ф. 394. Оп. 13. Д. 1. 103 л.

Анкерсмит Ф. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с. [Ankersmit F. Istorija i tropologija: vzljot i padenie metafory. Moscow: Progress-Tradicija, 2003. 496 p.]

Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с. [Ankersmit F. Narrativnaja logika. Semanticheskij analiz jazyka istorikov. Moscow: Ideja-Press, 2003. 360 p.]

Бажанов В.А. Социальный климат и история науки. Парадоксы марксистской теории и практики // Эпистемология и философия науки. Т. 1. № 1. С. 146–156. [Bazhanov V.A. Social'nyj klimat i istorija nauki. Paradoksy marksistskoj teorii i praktiki // Jepistemologija i filosofija nauki. Vol. 1. № 1. P. 146–156]

Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л.: Государственное технико-теоретическое изд-во, 1933. 79 с. [Gessen B.M. Social'no-jekonomicheskie korni mehaniki N'jutona. M.; L.: Gosudarstvennoe tehniko-teoreticheskoe izd-vo, 1933. 79 p.]

Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 380 с. [Gordon A.V. Velikaja Francuzskaja revoljucija v sovetskoj istoriografii. Moscow: Nauka, 2009. 380 p.]

Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с. [Gordon A.V. Istoriki zheleznogo veka. Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018. 448 p.]

Горман Дж. Грамматика историографии // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 45–53 [Gorman Dzh. Grammatika istoriografii // Voprosy filosofii. 2010. № 3. P. 45–53].

Дьяконов И.М. К проблеме общины на Древнем Востоке (реплика М. О. Косвену) // Вестник древней истории. 1964. № 4. С. 74–80 [D'jakonov I.M. K probleme obshhiny na Drevnem Vostoke (replika M. O. Kosvenu) // Vestnik drevnej istorii. 1964. № 4. P. 74–80].

Женетт Ж. Фигуры. В 2 тт. М.: Изд-во Сабашниковых, 1998. 469 с.; 469 с. [Zhenett Zh. Figury. V 2 tt. M.: Izdatel'stvo Sabashnikovyh, 1998].

Зельин К.К. Принципы морфологической классификации форм зависимости // Вестник древней истории. 1967. № 2. С. 7–31 [Zel'in K.K. Principy morfologicheskoj klassifikacii form zavisimosti // Vestnik drevnej istorii. 1967. № 2. S. 7–31].

Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 162–190 [Illerickaja N.V. Stanovlenie sovetskoj istoriograficheskoj tradicii: nauka, ne obretshaja lica // Sovetskaja istoriografija / Ed. Ju.N. Afanas'ev. M.: RGGU, 1996. P. 162–190]

Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х годов XX века. Тюмень: Мандра К, 2003. 272 с. [Kondrat'ev S.V., Kondrat'eva T.N. Nauka «ubezhdat'», ili Spory sovetskih istorikov o francuzskom absoljutizme i klassovoj bor'be: 20-e – nachalo 50-h godov XX veka. Tjumen': Mandra K, 2003. 272 p.]

Косвен М.О. К вопросу о древневосточной общине // Вестник древней истории. 1963. № 4. С. 30–34 [Kosven M.O. K voprosu o drevnevostochnoj obshhine // Vestnik drevnej istorii. 1963. № 4. P. 30–34].

Копржива-Лурье Б.Я. История одной жизни. Paris: Atheneum, 1987. 270 с. [Koprzhiva-Lur'e B.Ja. Istorija odnoj zhizni. Paris: Atheneum, 1987. 270 p.]

Крих С.Б. Язык советской историографии: основные характеристики // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 214–222 [Krikh S.B. Jazyk sovetskoj istoriografii: osnovnye harakteristiki // Uchjonye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki. 2014. Vol. 156. Iss. 3. P. 214–222].

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001. 605 с. [Kuhn T. Struktura nauchnyh revoljucij. Moscow: AST, 2001. 605 s.]

Лехциер В. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 5–8 [Lehcier V. Narrativnyj povorot i aktual'nost' narrativnogo razuma // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. 2013. № 1 (10). P. 5–8].

О преподавании гражданской истории в школах СССР [O prepodavanii grazhdanskoj istorii v shkolah SSSR] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3989.htm

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4 / Под ред. М.В. Нечкиной, Г.Д. Алексеевой, М.А. Алпатова. М.: Наука, 1966. 854 с. [Ocherki istorii istoricheskoj nauki v SSSR. Vol. 4 / Eds. M.V. Nechkina, G.D. Alexeeva, M.A. Alpatov. Moscow: Nauka, 1966].

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5 / Под ред. М.В. Нечкиной, М.А. Алпатова, И.Б. Берхина. М.: Наука, 1985. 606 с. [Ocherki istorii istoricheskoj nauki v SSSR. Vol. 5 / Eds. M.V. Nechkina, M.A. Alpatov, I.B. Berhin. Moscow: Nauka, 1985. 606 p.]

Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Сб. статей. Ч. 2 / Под ред. Б. Грекова, Ем. Ярославского, С. Бушуева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 500 с. [Protiv antimarksistskoj koncepcii M.N. Pokrovskogo. Sb. statej. Part 2 / Eds. B. Grekov, Em. Jaroslavskii, S. Bushuev. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1940. 500 s.]

Против исторической концепции М.Н. Покровского. Сборник статей. Часть 1 / Под ред. Б. Грекова, С. Бушуева, В. Лебедева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 518 с. [Protiv istoricheskoj koncepcii M.N. Pokrovskogo. Sbornik statej. Part 1 / Eds. B. Grekov, S. Bushuev, V. Lebedev. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1939. 518 p.]

Против фашистской фальсификации истории. Сборник статей / Под ред. Ф. И. Нотовича. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 450 с. [Protiv fashistskoj fal'sifikacii istorii. Sbornik statej / Eds. F. I. Notovich. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1940. 450 p.]

Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с. [Ricœur P. Vremja i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskij rasskaz. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaja kniga, 1998. 313 p.]

Силантьев И.В. Факт и мотив: об одном существенном отличии литературного нарратива от исторического // Критика и семиотика. 2013. № 1 (18). С. 138–144 [Silant'ev I.V. Fakt i motiv: ob odnom sushhestvennom otlichii literaturnogo narrativa ot istoricheskogo // Kritika i semiotika. 2013. № 1 (18). P. 138–144].

Столярова О.Е. Идеи Б.М. Гессена и отечественная философия // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 3. С. 112–132 [Stoljarova O.E. Idei B.M. Gessena i otechestvennaja filosofija // Filosofskij zhurnal. 2017. Vol. 10. № 3. P. 112–132].

Сыров В.Н. К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3(7). С. 39–52 [Syrov V.N. K voprosu o narrativnoj prirode social'noj real'nosti i jepistemologicheskom statuse istoricheskogo narrativa // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2009. № 3(7). P. 39–52].

Троицкий Ю., Шатин Ю. Историографическое письмо как дискурсивная практика // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. С. 92–99 [Troickij Ju., Shatin Ju. Istoriograficheskoe pis'mo kak diskursivnaja praktika // Kritika i semiotika. 2002. Iss. 5. P. 92–99].

Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с. [Tikhonov V.V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaja istoricheskaja nauka (seredina 1940-h – 1953 g.). Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istorija, 2016. 424 p.]

Фетисов М. Нарратив и теория в исследованиях советского: значение исследований Н.Н. Козловой для современной политической теории // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 1. С. 227–246 [Fetisov M. Narrativ i teorija v issledovanijah sovetskogo:

znachenie issledovanij N.N. Kozlovoj dlja sovremennoj politicheskoj teorii // Sociologicheskoe obozrenie. 2017. Vol. 16. № 1. S. 227–246].

Шатин Ю. Исторический нарратив и мифология XX столетия // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. С. 100–108 [Shatin Ju. Istoricheskij narrativ i mifologija XX stoletija // Kritika i semiotika. 2002. Iss. 5. P. 100–108].

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с. [Shmid V. Narratologija. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 312 p.]

Яркова К.П. «Очерки истории исторической науки в СССР» в развитии советской историографии // Наука и школа. 2009. № 2. С. 67–68 [Jarkova K.P. «Ocherki istorii istoricheskoj nauki v SSSR» v razvitii sovetskoj istoriografii // Nauka i shkola. 2009. № 2. P. 67–68]

Freudenthal G., McLaughlin P. Classical Marxist Historiography of Science: The Hessen-Grossman-Thesis // The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution. Dordrecht: Springer, 2009. P. 1–40.

Genette G. Fictional Narrative, Factual Narrative // Poetics Today. Vol. 11. №. 4. 1990. P. 755–774.

Hyvärinen M. Analyzing Narratives and Story-Telling // The Sage Handbook of Social Research Methods / Eds. P. Alasuutari, L. Bickman, J. Brannen. London, 2008. P. 447–460.

Kreiswirth M. Narrative turn in the humanities // Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / Eds. D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan. London; New York: Routledge, 2005. P. 377–382.

Markwick R.D. Censorship and Fear: Historical Research in the Soviet Union // Groniek: Historisch Tijdschrift. Vol. 46. Iss. 201. 2013. P. 371–385.

Postclassical Narratology: Approaches and Analyses / Eds. J. Alber, M. Fludernik. Columbus: The Ohio State University Press, 2010. 328 p.

Крих Сергей Борисович*, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского; krikh@rambler.ru*

Unification of narrative in Soviet historiography as a research problem

The author discusses the main problems of using methods of the narrative analysis to study the history of Soviet historical scholarship. In the first part he gives an overview of basic trends in Russian history of science in last decades noting the increased attention to the history of scholars (anthropological turn) and to the relative weakness of the history of texts (narrative turn). The second part of the article is devoted to the possibilities of applying the observations of researchers of historical narrative to the history of Soviet historiography. In the third part of the article, the author identifies the main problems in the study of the Soviet historical narrative, proposing to divide them into questions of the technical formation of the text and into questions of its content.

Keywords: narrative turn, Soviet historiography, history of science

Sergey Krikh*, Dr. Sc. (History), Professor, Department of World History, Omsk State University named after Dostoevsky; krikh@rambler.ru*

В. Ю. Волошина, В. П. Корзун

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ОСМЫСЛЕНИИ А. В. ФЛОРОВСКОГО (1920-1930-е гг.)[1]

Статья посвящена осмыслению процесса становления советской исторической науки в трудах эмигрантского историка А.В. Флоровского (1884–1968). Исследование выполнено на основе как опубликованных, так и неопубликованных источников, большую часть которых составляют рукописи Флоровского, хранящиеся в личных фондах А.В. Флоровского в архиве РАН (Фонд 1609) и в рукописном отделе Славянской библиотеки в Праге (F-Flor). Широко использовались также библиографические работы историка, выходившие в различных зарубежных изданиях в 1920–1930-е гг. В статье определены мотивы обращения Флоровского к отечественной, в т.ч. советской, историографии, выявлены метаморфозы историографического нарратива.

Ключевые слова: *историография, исторический источник, советская историческая наука, эмигрантская историческая наука, научное сообщество, научные коммуникации, историографический нарратив*

Мы не в изгнании, а в научной командировке…

В современном научном сообществе заметен пристальный интерес к советской историографии периода ее становления. Довольно интенсивно развивается и изучение эмигрантской историографии в тех же хронологических рамках (1920–1930-е гг.). Но, к сожалению, направления этих исследований развиваются параллельно, и взгляды эмигрантских историков практически не инкорпорированы в процесс осмысления феномена советской историографии. В связи с этим важной задачей представляется исследование восприятия советской историографии представителями эмигрантского научного сообщества, одним из ярких представителей которого является А.В. Флоровский. В своем интересе к историографии он был не одинок. Проблемы становления советской исторической науки волновали большинство эмигрантских историков. А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков, Г.В. Вернадский, И.И. Гапанович, Е.Ф. Максимович и др., несмотря на принадлежность к различным поколениям русских историков, были либо участниками, либо свидетелями бурного процесса институционализации историографии как дисциплины в отечественной научной традиции конца XIX – начала XX в. Некоторые из них прошли непосредственную выучку у классиков русской историографии, некоторые сами выбились в классики – например, П.Н. Милюков. Вписывание себя в эту традицию было в условиях изгнания и разрыва прежнего коммуникационного поля способом самоидентификации

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00397) в рамках научного проекта «Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.)».

в профессиональном плане. Историографический дискурс был серьезным инструментом внутренней консолидации историков, поддерживая корпоративную память и историческое сознание эмигрантского сообщества. Наконец, историографические штудии стали естественной реакцией на раздражающее чужое – советскую историографию, ее методологические и институциональные эксперименты. Нельзя забывать и о житейской прагматике – хлебе насущном. Рецензии и библиографии являлись важным для эмигрантов способом заработка.

Историографическое творчество Флоровского представлено в различных жанрах – биографических статьях, библиографических обзорах, многочисленных рецензиях, вводных разделах к монографиям, некрологах, лекционных курсах, которые читались историком в Русском педагогическом институте им. Каменского и позже в Карловом университете в Праге. В фокусе нашего внимания – оценки Флоровского советского историографического процесса, участником которого (до 1922), а позднее внимательным наблюдателем-аналитиком он был. Этот сюжет вписывается в проблему «Историк на сломе эпох», в рамках которой, как правило, анализируются мировоззренческие поиски историков и проблематика исследований. Но не менее важно выяснить влияние социального экстрима на историографический нарратив, и под этим углом зрения мы попытаемся рассмотреть творчество Флоровского, опираясь на на историографические работы ученого, как опубликованные[2], так и неопубликованные, хранящиеся в личных фондах Флоровского в архиве РАН (Фонд 1609**)** и в рукописном отделе Славянской библиотеки в Праге (F-Flor), а также на библиографические работы, выходившие в различных зарубежных изданиях в 1920–1930-е гг.

Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) известен как историк России XVIII в., преимущественно как специалист по петровской эпохе и екатерининской Законодательной (Уложенной) комиссии 1767–1768 гг. Как историограф он востребован гораздо меньше, предметом специального рассмотрения стали лишь несколько его наиболее известных историографических работ[3]. Контактам Флоровского с советскими учеными в послевоенный период посвящена работа М.В. Ковалева «Зигзаги судьбы: профессор А.Ф. Флоровский и его советские коллеги[4] В литературе уже достаточно подробно описан эмигрантский период жизни А.В. Флоровского[5]. Мы сосредоточимся лишь на его историографическом наследии, разумеется, имея в виду жизненный контекст нашего героя в 1920-1930-е гг. Что же касается военного и после-

[2] Флоровский 1932.
[3] О них в самом общем виде см.: Аксенова 1994; 1997; Цепилова 2009(а), 2009(б).
[4] Ковалев 2016.
[5] Аксенова 2009; Ковалев 2017.

военного периодов, ставших очередным зигзагом в его жизни, и, можно предположить, в миросозерцании и научном творчестве, то их содержание пока выходит за хронологические рамки нашей статьи.

Интерес к историографии проходит у Флоровского через весь его творческий путь. Еще в «одесский» период его научной жизни (1910–1922) он стал признанным специалистом по древнерусской истории и русской исторической географии, и уделял серьезное внимание историографическим вопросам этих дисциплин[6].

В эмигрантском научном сообществе мотивация обращения к вопросам историографии имела многоплановый характер, но определяющим было стремление сохранить его былое (идеализируемое) единство, восстановить разорванное коммуникативное поле, «собрать осколки и склеить черепки». Именно об этом говорил Флоровский в апреле 1923 г. на собрании русских историков в Праге. Преодолеть разрыв коммуникативного поля русской и мировой исторической науки, начало которого, кстати, он видел с первой мировой войны, а не с революции 1917 г., по его мнению, можно было за счет регистрации всей литературы, вышедшей и выходящей «в период от 1914 по вопросам истории России в самом широком смысле этого понятия»; и составления «обзоров и сводок по разнообразным вопросам истории нашей страны на основании научной литературы, вышедшей в 1914 и последующих годах»[7]. В этом выступлении он обращался ко всем русским академическим организациям за границей с предложением подготовить библиографическое издание, в котором был бы отражен весь срез работ русских ученых за этот период. Для ученых-эмигрантов такая деятельность, «не только легкая и почетная возможность, но и суровый и неотвратимый долг. Русские ученые за границей не только представители русской науки, которым привелось выполнить высокую роль ознакомления западного ученого мира с плодами русского научного труда, но они – и орудие нормального и интенсивного питания русской научной деятельности»[8], для которой условия в России на протяжении 1920-х гг. существенно изменились. Как и многие его коллеги, он не сомневался тогда в скором возвращении на родину. Именно в этом выступлении историк прибегает к метафоре командировки: «русские ученые в эмиграции находятся как бы в командировке, о которой каждый должен дать и давать соответствующий отчет»[9] и затем ее использует в последующих историографических текстах и

---

[6] В эти годы его лекции в Новороссийском университете слушал Н.Л. Рубинштейн, в будущем известный советский историограф. Впоследствии они сохраняли интеллектуальные связи и вели переписку даже тогда, когда Флоровский оказался в эмиграции. См.: Ковалев 2016. С. 91-92.

[7] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

[8] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 .

[9] Там же.

даже в более поздний послевоенный период в переписке с коллегами[10]. Уверенность во временности пребывания вдали от родины являлась одним из основных конструктов эмигрантского дискурса, провоцирующего постановку проблемы особой духовной миссии русской эмиграции. По существу, максима Флоровского «мы не в изгнании, а в научной командировке» – это своеобразный сциентистский парафраз Д.С. Мережковского: «мы не в изгнании – мы в послании».

Историографический нарратив: деконструкция

Новый экзистенциальный опыт сказывается в историографическом нарративе Флоровского. В структуре исторического нарратива, и историографического в том числе, большую роль играет конфигурация «которая предполагает приоритет авторского замысла над фактическим материалом, соединяющего фрагментарные исторические знания в единое сюжетное повествование»[11]. Особая миссия историка в эмиграции – это своего рода сверх-идея, авторский замысел, который прописывается автором и ориентирует на рефлексию о базовых ценностях профессии.

Наконец, отметим еще одну новацию, характеризующую жанровую особенность эмигрантского историографического нарратива Флоровского. С середины 1920-х библиографические издания были поставлены практически на поток, что было связано со становлением институциональной структуры науки Русского зарубежья. Для некоторых историков работа в этом жанре становилась чуть ли не основной, наметился явный крен в сторону сближения историографии и библиографии, библиографическую деятельность рассматривали как одну из форм организации научной мысли и исследования, как способ проблематизации, которая является важным атрибутом научности и, соответственно, академической культуры. Это являлось свидетельством продолжения дореволюционной академической традиции, что дает нам возможность говорить о библиографии как способе формирования и сохранения норм интеллектуальной культуры и сближает социокультурное предназначение историографии и библиографии. Последняя принимает на себя, помимо свойственной ей задачи профессиональной фиксации исторических публикаций, дополнительную историографическую нагрузку – показать в первом приближении динамику проблематики, реальные приоритеты и проблемы советской историографии. Именно в таком ключе Флоровский начинает активно работать[12]. К этому времени у него уже имелся опыт, причем связанный не только с использованием библиографии как лоции для собственных исследований, что было обязательным атрибутом профессионализации: в одесский период он сотрудничал

[10] Флоровский 1930. С. 484; Пашуто 1992. С. 366.
[11] Лубский 2016. С. 311.
[12] Florovskij A. (BHEO), 1928; (SLR) 1928; 1930; 1934; 1935; Флоровский 1931.

с Одесским библиографическим обществом при Новороссийском университете[13]. Впоследствии, в 1921-начале 1922 гг., занимая пост директора Одесской городской библиотеки, затем библиотеки Высшей школы (бывшей библиотеки Новороссийского университета), он был непосредственно включен в организацию библиографической работы.

Для Флоровского библиография должна нести довольно значительную нагрузку – выполнять роль фиксатора/закрепителя научных достижений русского зарубежья, создавать целостное представление о процессе развития отечественной зарубежной историографии и, более того, исходя из тенденций развития историографического процесса, ставить задачу (хотя бы декларативно) планировать его. Идея научного планирования, как видим, носилась в воздухе – весьма популярная в советском научном сообществе, она не была чужда и научным кругам эмигрантского зарубежья – «временно командированные» не исключались из общего процесса развития. Библиографические штудии Флоровского преследовали и еще более масштабную и амбициозную задачу – создать целостную картину состояния отечественного историографического поля в его эмигрантской и советской ипостасях, способствовать органическому соединению этих двух вариантов научного развития после неизбежного возвращения на российскую почву принципа свободы научного исследования что, судя по контексту высказываний Флоровского, должно было явиться результатом смены политического режима.

Таким образом, Флоровский отстаивает идею органической связи двух искусственно разделенных частей исторической науки. Отсюда неизбежно обращение к научно-библиографическим обзорам советской исторической литературы и их дрейф в сторону традиционной историографии. Историк осознает серьезность преград на этом пути: в условиях работы в эмиграции «многих книг и изданий, вышедших в Советской России (особенно провинциальных), автору не привелось видеть и держать в руках»[14]. Стоит иметь в ввиду и когнитивный диссонанс, возникающий при коммуникативном взаимодействии двух антагонистических мировоззрений: «Марксистско-ленинское построение русской истории страдает режущей глаз и мысль односторонностью, – отмечает Флоровский в конспекте лекции «Предмет и содержание русской истории», – в Советской России, нет подходящих условий для свободного развития исторических построений и формулировки иного, чем марксистское, понимание русского исторического прошлого. Очевидно, приходится обращаться к тем опытам истории России, которые написаны и изданы вне

---

[13] «Это общество было своего рода лабораторией, в которой ученики профессора Линниченко отрабатывали навыки рецензирования и научной критики исследований» (Ковалев 2017. С. 126). И.А. Линниченко – один из университетских учителей Флоровского.

[14] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 32.

России в условиях свободы научного исследования и свободы и независимости научной мысли и печати»[15]. Решающим обстоятельством, повлиявшим на условия бытования исторической науки в Советской России, стало, по Флоровскому, уничтожение свободы научного творчества как обязательного условия развития науки. Эта мысль рефреном проходит в его работах. Повторы, воспринимаемые современным читателем, как клише, для него являются фиксацией и уяснением, прежде всего для себя, несущих конструкций советской науки. В рукописи 1934 г. он воспроизводит аналогичные формулировки: в Советской России марксизм «признается сейчас единственно научной исторической теорией, причем всякое иное историческое мировоззрение, претендующее на признание научного и объективно-исторического, отметается и осуждается и как неосновательное, и как элементарно ненаучное, и часто как явно враждебное единственно истинному учению». Способом преодоления когнитивного диссонанса стало для него признание уникальности «совершенно особой и исключительной по своему характеру эпохи» и своеобразия переживаемого исторического момента, к которому следует осторожно подходить с привычными мерками. Соответственно, Флоровский делает акцент не столько на оценке советского историографического процесса (хотя оценочные суждения, неприятие «духа отрицания свободы научной мысли, стихии свободного научного творчества, неоднократно повторяются в его текстах), а на научно-корректном, профессиональном описании. В силу специфики конструируемого им «синтетического нарратива», описание носит эскизный, тезисный характер. Но, тем не менее, Флоровский фиксирует сложный, противоречивый характер марксистской индоктринации на почве советской историографии – амальгаму научного и политического, когда одновременно «присутствуют не только законная доля критики и осуждения одного мировоззрения другим, но и всепобеждающий момент политического обвинения и принуждения»[16].

Когда историческая наука становится советской?

Наиболее полно советская историческая наука в довоенный период представлена в работе Флоровского «La literature historique sovietiqie russe. Compte-rendu 1921–1931»[17] В процессе становления советской исторической науки и ее политизации он выделяет несколько этапов. Начальный приходится на первые годы советской власти (до нэпа), но его, по мнению Флоровского, вряд ли можно считать собственно советским[18]. Он подчеркивал, что этот этап тесно связан с традицией истори-

---

[15] Slovanska knihovna v Praze.T-Flor. Krab. XXXVII. Rukopisy.

[16] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

[17] Издана в Варшаве в 1935 г., но написана была, судя по рукописи «Историческая наука в советской России (1921–1932)», в 1933/1934 г. (Оп. 1. Д. 41).

[18] Эту мысль разделяли и другие эмигранты. Так, в 1924 г. С.И. Варшавский отмечал, что «советской книги» в настоящем значении этого слова еще не существует, «есть

описания, сложившейся еще до первой мировой войны: «Многое из подготовленного уже в <…> военные и отчасти предвоенные годы увидело свет только в послеоктябрьский период»[19], так что далеко не все изданное в это время может быть отнесено к советской историографии. Здесь «проявилась с полной ясностью огромная сила былой традиции русской исторической науки, поколенные ее творческие возможности и длительное живительное ее влияние»[20]. Флоровский полагает, что в этот период свободная наука еще ряд лет жила, преодолевая политические и материальные сложности, испытывая лишь отчасти давление власти. Реформирование высшего образования, реорганизация научных институций и издательского дела существенно изменили жизнь научного сообщества. Следующий этап характеризуется установлением монополии марксистской методологии и усилением борьбы на идеологическом фронте. Часть представителей «старой буржуазной науки» – среди них были «крупные ученые с большими творческими силами и с огромным организующим влиянием», – добровольно уехали за границу или были высланы на «философских пароходах». То было время активного становления и первой пробы пера молодого поколения историков-марксистов, вытеснявших представителей «старой буржуазной науки». Флоровский выделил 1929 год как особую веху: «Разгром 1929 года и последующих годов[21] оторвал от научного труда длинный ряд научных сил в их высшем или полном развитии. В связи с этим возникает проблема смены поколений на череде служения исторической науке»[22].

Флоровский как историограф развивает дореволюционную, академическую позитивистскую традицию (известный современному науковедению эффект «колеи»). Для историографического нарратива данного вида характерно рассмотрение процесса развития исторической науки в единстве научных, культурных и экзистенциальных факторов, причем научная традиция выступает в роли связующего звена. В результате в пространстве его историографического анализа – концептуальные построения, схоларность и институциональность науки, поколенческий срез научного сообщества. В большей или меньшей степени

книга, созданная русскими культурными силами, несмотря на существование Советской власти». – Варшавский С. 1924. С. 7.

[19] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

[20] Там же. Л. 555.

[21] Речь идет о т.н. «Академическом деле». Жертвами этих полностью сфабрикованных обвинений стали свыше 115 сотрудников академических и учебных учреждений, архивов и музеев, в т.ч. академики С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, 5 членов-корреспондентов АН СССР. Всем им предъявили обвинение в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и восстановления монархии. См.: Академическое дело 1929-1931 гг. 1993. С. V.

[22] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1 Д. 46. Л. 2.

эти элементы присутствуют в его библиографических трудах, которые все больше напоминают историографические тексты.

Свой нарратив текущего историографического процесса в советской России Флоровский выстраивает сообразно обозначенной выше модели исследования, включая в него как общий обзор отдельных отраслей исторической науки (археологии, этнографии, историографии), так и изучение отдельных, наиболее значимых с его точки зрения научных проблем отечественной и зарубежной истории.

В следующем разделе мы более подробно представим взгляды Флоровского на проблемы изучения истории России в советской историографии на протяжении 1920-1930-х годов и на источниковедческие и историографические практики советских историков.

«Дисквалифицированы с точки зрения марксизма-ленинизма…»

Историография для Флоровского – история науки русской истории, это, прежде всего, люди, ученые-профессионалы, которых в советских реалиях оценивают, как с точки зрения ценности их вклада в науку, так и соответствия марксизму «последнего извода». Он считает показательными работы М.Н. Покровского и его учеников по Институту Красной профессуры. В книжке Покровского (так снисходительно он определяет работу «Борьба классов и русская историческая литература») дается «своеобразное, обостренное толкование классовых основ и тенденций крупнейших представителей русской исторической науки XIX века»[23]. Флоровский называет ее программой для младшего поколения историков-марксистов, «которое осуществило более широкий и обширный опыт классовой и марксистской историографии XIX – начала XX века»[24]. Молодые авторы «дисквалифицировали с точки зрения марксизма-ленинизма» Г. Эверса, Н.М. Карамзина, славянофилов, Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева, А.П. Щапова, В.О. Ключевского, Н.А. Рожкова и др., «каждому из них дан… вслед за Покровским определенный ярлык классового и социально-политического характера»[25]. «Беспримерной критике с пристрастием» подвергаются, указывает Флоровский, и историки-современники старшего поколения – С.Ф. Платонов и Е.В. Тарле. Целая серия статей акцентированно-классовой направленности на страницах журнала «Историк-марксист» за 1928 и 1932 гг. была посвящена научной деятельности и историческим взглядам Покровского – еще не низвергнутого классика советской историографии[26]. Флоровский подчеркивает роль «руководящего марксистского журнала «Историк-

[23] Архив РАН. Ф. 1609. Д. 41. Л. 150-151.
[24] Там же. Л. 151. В этой рукописи Флоровский ссылается на сборник под редакцией М.Н. Покровского «Русская историческая литература в классовом освещении».
[25] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л 152.
[26] Шестаков 1928; Кин 1928; Горин 1928; Рубинштейн 1928; Биография М.Н. Покровского. 1928; Библиография работ М.Н. Покровского. 1928.

марксист»» в агрессивном насаждении новых стандартов исторического мышления. Экспансия марксистской теории происходит «энергическими методами» в область археологических и лингвистических исследований – и внимательный наблюдатель Флоровский отмечает сложный характер этого взаимодействия, включение в поле формирующейся марксистской научности существующих теоретико-методологических построений – примером этого он считает яфетическую теорию Н.Я. Марра.

Стремясь к полноте библиографического описания, Флоровский отмечает появление в начале рассматриваемого периода обобщающих историографических текстов, написанных представителями старой, «домарксистской» генерации историков. Он ссылается на работы В.И. Пичеты «Введение в русскую историю (источники и историография)»[27] и А.С. Лаппо-Данилевского «Очерк развития русской историографии»[28]. Эти труды представляли «старшую (по контексту – уходящую) эпоху» развития историографии. К числу обобщающих работ он относит и историографические обзоры по отдельным отраслям знаний «важных и для честной работы историка» – на этом уровне комфортнее чувствует себя привычный профессионализм. Работами такого плана историк считает «Введение в археологию» С.А. Жебелева[29], «Очерк истории русской географической науки Л.С. Берга[30], историографические обзоры в «Финоугорском сборнике»[31]. Историографическая конкретика (дистанцирование от широких теоретических обобщений) вообще любима Флоровским, в наибольшей степени это верно в отношении знаковых фигур отечественной исторической науки, на присвоение которых претендуют как марксистские новаторы, так и профессора-традиционалисты. Изучение персоналий, помимо почтения к классикам, отцам-основателям, имеет дополнительную печальную мотивировку – уход из жизни в годы гражданской войны и последующий период созвездия блистательных ученых, что ставит задачу оценить их вклад в развитие отечественной и мировой науки, хранить память о них. В черновом варианте рукописи Флоровского «Историческая наука в Советской России (1921–1932)» встречаем краткий мартиролог выдающих ученых (А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Шахматов, М.А. Дьяконов, Б.А. Тураев, Н.А. Рожков и др.) и литературу о них, которая фиксирует некрологи, воспоминания, статьи[32]. Для Флоровского одним из доказательств живущей традиции, не прерывающейся пульсации профессиональной мысли в советской России является обращение к творческому наследию, жизненному пути

---

[27] Пичета 1922.
[28] Лаппо-Данилевский 1920.
[29] Жебелев 1923.
[30] Берг 1929.
[31] Финоугорский сборник. 1928.
[32] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 161-163.

«великих старых историков» (В.Н. Татищева, Е.А. Болховитинова, знаменитого археографа П.М. Строева, С.М. Соловьева и в наибольшей степени В.О. Ключевского). Библиографический обзор свидетельствует о значительном исследовательском интересе к классикам, формирующим научную традицию, принадлежащим к прогрессистскому мейнстриму. Таких «правильных классиков» признает и часть марксистского научного сообщества. Они изучаются представителями старой и новой науки, идет борьба за присвоение их наследия, и к ним, безусловно, относятся С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. В особую группу Флоровский выделяет исследования, посвященные историческим взглядам недавних властителей дум, не принадлежащих к корпорации историков деятелей освободительного движения Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского. Такое расширение проблемного поля историографии неоднозначно воспринималось научным сообществом, даже внутри марксистского лагеря. И Флоровский дает ссылку на дискуссию по этому поводу на страницах журнала «Историк- марксист»[33].

Проанализированные тексты Флоровского позволяют реконструировать «взгляд извне» на дисциплинарное поле историографии в новых социально-политических условиях. Автор фиксирует оформление нового образа историографии, с ярко выраженным классовым подходом и утилитаризмом / презентизмом, что коррелируется с определенным типом рациональности классического образца с элементами модерна. Вместе с тем, он не редуцирует этот процесс, а отмечает продолжение прежней историографической традиции, позитивистской в своем основании, носителями которой выступают представители старой генерации историков. Рассматривая историографию как важнейший элемент профессионализации, Флоровский констатирует и в марксистских опытах интерес к историографической аналитике. Внимание к коммеморативным практикам (историкам, институциям и др.) выступает как сохраняющийся фактор конституирования научного сообщества, как поле борьбы / взаимодействия старой и новой генераций историков. Продолжающаяся традиция публикации историографических источников имела еще более фундаментальные последствия. Во-первых, поддерживалась и даже усиливалась источниковая ориентированность историографических исследований. Работа с источником сохранялась как часть исследовательской культуры. Во-вторых, постоянная публикация новых источников, необходимость / неизбежность их осмысления поддерживает интеллектуальное напряжение в сообществе, происходит постоянный вброс в историографическое пространство «научных шумов» – людей, идей и ситуаций, которые с трудом, чем дальше, тем больше, вписывались в прокрустово ложе официального марксизма.

[33] См.: Покровский М.Н. 1932.

«Накоплен огромный и определенный материал…»

В течение XIX века в рамках классической модели науки источниковедение оформилось «в качестве неотъемлемой составляющей исторического метода, его задача – помогать историку в вовлечении в историческое исследование добротного исторического материала»[34]. Конец XIX – начало XX в. в отечественной традиции ознаменованы взлетом интереса к проблемам интерпретации исторического источника, попытками преодоления позитивистского подхода к нему, опытами конструирования феноменологической концепции источниковедения, это время создания масштабных публикаторских проектов. Флоровский прошел хорошую школу источниковедческого ученичества, еще до эмиграции был известен в научных кругах как знаток летописания и, в особенности, «Русской правды». В эмиграции, на заседаниях Русского исторического общества он выступал с докладами источниковедческой направленности[35]. В это время он активно занимается розысками документов по петровской эпохе в зарубежных архивах.

Естественно, что, анализируя советскую историографию, ученый обращается к публикаторской деятельности советских историков и введению в научный оборот новых источников, рассматривая это как важнейший критерий профессионализма. Он положительно оценивает реорганизацию архивного дела, осуществленную в 1918 г., создание нового «огромного архивного фонда по истории Октябрьской революции». В то же время Флоровский отлично сознает классовую заданность деятельности данных институций: «Архивы в глазах официальных историков-марксистов – арсеналы оружия для политической борьбы с классовыми врагами новой власти»[36]. Советская историография, отмечает он, принципиально актуализирована, приоритетность ее тем определяется марксистскими доктринальными установками (социально-экономические и классовые сюжеты) и «текущим политическим моментом» – свершившейся совсем недавно Великой Российской революцией, и стимулирующей интерес к недавней политической истории. Эта актуализированная приоритетность своеобразно просматривается в источниковедческо-публикаторской деятельности, где также наличествует сложное наложение политически актуального и научно значимого.

Историк констатирует и положительно оценивает бум публикаций исторических источников нового и новейшего времени, эпохи масштабных социальных трансформаций и великих революций (издаются акты

---

[34] Источниковедение. 2015. С 41.

[35] В 1927 г. он прочитал два доклада: «Отзыв о книге Г.М. Барац. «О составителях “Повести временных лет” и ее источниках, преимущественно еврейских» и «Известия о древней Руси арабского писателя Мискавейхи X–XI вв. и его продолжателя». – Записки Русского исторического общества в Праге. 1927. С. 31-32.

[36] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 64.

судебных процессов, переписка, дневники, мемуары). В поле исследовательских приоритетов советских историков попадают, как он указывает, два наиболее значительных проявления социального протеста в XVII–XVIII вв. – крестьянские движения, связанные с именами Разина и Пугачева. Для их изучения «привлечен большой новый материал, дающий возможность… показать события и отношения с новых сторон и в новом освещении»[37]. «Пугачевщина, – пишет Флоровский, – отразилась в документальном запасе архивных материалов конечно более значительно, чем движение Разина <…> в особенности, что касается местных, локальных подробностей движений. Он выделяет наиболее значимые подборки документальных свидетельств, позволяющие расширить источниковую базу исследования русского бунта, показать его действительно с новых сторон[38]. Им выделяются наиболее значимые подборки документальных свидетельств, позволяющие расширить источниковую базу исследования русского бунта, показать его действительно с новых сторон. К таковым Флоровский относит ряд публикаций[39].

Массив документальных публикаций, посвященных освободительному движению и революционным событиям в России, очень велик и не может быть воспроизведен полностью, считает Флоровский. Эти публикации способствуют, с его точки зрения, получению объективного знания в «известных областях прошлого», к которым он относит восстание декабристов, политические процессы XIX – начала XX в. и пр. К значимым новациям в публикаторской деятельности он относит появление биографических и биобиблиографических словарей, представляющих полную картину исторической литературы по указанной проблематике. В словаре «Восстание декабристов. Библиография»[40], отмечает Флоровский, «зарегистрирована 4451 публикация о декабристах, в том числе более 800 в советское время, в связи со столетним юбилеем восстания!»[41] Восклицательный знак, которым он завершает эту ремарку – свидетельство его восхищения масштабами исследования проблемы.

В целом Флоровский дает высокую оценку публикаторской деятельности историков в обозначенный период, отмечая введение в научный оборот «громадного материала исторических источников» и полагает, что это будет способствовать формированию «объективного взгляда на русский исторический процесс»[42].

---

[37] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 337.
[38] Там же. Л. 339.
[39] Греков 1927; Крестьянство и националы… 1931; Из архива Пугачёва… 1926; Из следственных материалов и официальной переписки. 1929; 1931.
[40] Ченцов Н.М. 1929.
[41] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 243.
[42] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 41. Л. 554.

Проблематика: «между молотом и наковальней»

Одной из значимых научных проблем для современного этапа развития российской исторической мысли, была, по мнению Флоровского, проблема предметно-объектного содержания понятий «русская история» и «история России» и четкого обозначения того, «что представляла собою Россия как историческое явление» и «что такое ее история, как объект научного изучения и целостного изображения». Ученый фиксирует отличия в решении этой проблемы в советской и эмигрантской (традиционной) историографии. В России в условиях, «когда оказалось возможным строить в широких рамках новое понимание исторических путей России, понимание, которое было бы свободно от “устарелых” и враждебных новой пролетарской власти и идеологии классовых “буржуазных” предпосылок и установок», в центр исторического процесса была поставлена классовая борьба, ставшая «осью, вокруг которой двигались все иные процессы русского прошлого»[43]. Безусловно, это в значительной мере сужало проблематику исторической науки, делало основой всей исторической конструкции и периодизации русской истории социально-экономические отношения и классовые противоречия и конфликты. Такая модель была представлена в работах М.Н. Покровского («Русская история в самом сжатом очерке») и Н.А. Рожкова («Русская история в сравнительно-историческом освещении» в 12 томах). С позиций советской «официозной историографии» русская история «есть история русских классовых отношений на базе экономических явлений, таков общий смысл торжествующей ныне в Советской России победу историографической школы». Сравнивая эту модель с воззрениями представителей эмигрантской науки, продолжавших традиции дореволюционной историографии (Е.Ф. Шмурло, П.Н. Милюков и Г.В. Вернадский), Флоровский, не углубляясь в предметно-содержательную сторону и историософскую проблематику их общих курсов русской истории, применяет «инвентарный» подход, фиксирующий лишь перечень явлений и процессов, которые, по его мнению, следует включать в схему общих курсов по русской истории. При этом он отмечает, что «с точки зрения инвентаря подлежащих учету исторических явлений названные авторы явно оставляют в стороне многие исторические процессы». Согласно Флоровскому, общий курс русской истории должен раскрыть «историческое явление России» как исторически цельный мир, «сложный клубок явлений, из коих ни одно (и политическая жизнь страны) не исчерпывает существеннейших особенностей и организующих сил ее бытия». «Россия–страна, вот подлинный объект исторического изучения, не «история государства Российского» и не «история русского народа», но история России–мира со стороны историко-географической,

[43] Slovanska knihovna v Praze.T-Flor. Krab. XXXVII. Rukopisy.

геополитической, собственно политической, социальной и социально-экономической и духовно-материально-культурной»[44].

Это свое понимание целостности истории России он экстраполирует на анализ проблемного поля советской историографии. Ученый пытается создать общую картину движения проблематики исследований в избранных им хронологических рамках. При этом он выявляет следующие проблемные блоки изучения России в советской традиции: история государственности; социальная и экономическая история России; промышленность и рабочие в России; история земельного строя России и русского крестьянства; история русского города, торговли и промысла; история русской церкви; история отдельных регионов России; история русского права; история русской культуры и духовного развития русского народа. Он фиксирует иерархию сложившейся в советской историографии проблематики. Преимущественное внимание уделяется изучению рабочего класса и крестьянства. Эти социальные элементы интенсивно изучаются и в исторической ретроспективе, и в социологическом ракурсе настоящего времени. Вторая тема по интенсивности изучения связана с этапами освободительного движения в России, особенно рабочего движения «в связи с историей русской социал-демократии и большевистской ее фракцией», поскольку история РСДРП/б/ – ВКП/б/ рассматривается как «предыстория Советской власти – ее автобиография»[45]. Он отмечает почти полное отсутствие литературы по истории церкви и религиозной культуры, а то, что публикуется, с его точки зрения, носит обличительный и антинаучный характер. История права и правовой культуры также занимает в литературе «весьма малое место». В то же время, в качестве положительного явления им отмечается публикация и введение в научный оборот актов архива Троице-Сергиевой лавры[46]. Флоровский подчеркивает, что, несмотря на давление власти, историческая наука в России живет и развивается «и то, что публикуется в области исторического знания, значительно и серьезно расширяет круг объективных данных, служит и объективному познанию исторических явлений и процессов»[47]. Носителями этой положительной тенденции он считает как представителей «старой буржуазной традиции» (С.Ф. Платонов, Ю.В. Готье, А.Е. Пресняков, С.Б. Веселовский, М.А. Полиэвктов, Р.Ю. Виппер), так и некоторых историков среднего (приват-доцентского) и молодого поколения, включая в эту генерацию Б.Д. Грекова, А.И. Андреева, А.Н. Сперанского, М.В. Нечкину, Н.М. Ченцова, К.В. Базилевича, С.В. Бахрушина, А.А. Савича, А.А. Введенского. Как видим,

---

[44] Slovanska knihovna v Praze.T-Flor. Krab. XXXVII. Rukopisy.
[45] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1 Д. 46. Л. 8.
[46] Речь идет о работе «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV-XVII вв. 1929.
[47] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.

в один ряд поставлены историки, принадлежащие к различным методологическим направлениям.

Из внутренних процессов русской жизни значительное внимание, по мнению Флоровского, уделено вопросам социально-экономического развития России и колонизации, преимущественно севера европейской части России, Урала и Сибири. При этом он особо выделяет труды об освоении Сибири русскими колонистами «выдающегося историка» С.В. Бахрушина[48]. В области социально-экономической проблематики он обращает внимание на складывание нового направления по изучению истории заводов и фабричного труда.

Подводя итог рассмотрения проблемного поля, Флоровский отмечает, во-первых, фактическое отсутствие обобщающих работ по истории России историков-немарксистов, поскольку «собственно синтетическая работа становится уделом по преимуществу предводителей официальной исторической идеологии – историков-марксистов»[49]. Во-вторых, он отмечает укрепление позиций марксистской школы. В-третьих, признает, «значительные успехи советской исторической науки в изучении прошлого России», по его словам, «историческая литература в советской России обильна и богата полноценными плодами»[50].

***

В ситуации историографического разлома, когда происходит столкновение / смена исследовательских парадигм, личностный выбор историка и историографа (разумеется, не на декларативном, а на профессионально-деятельном уровне) особенно значим. Выбор Флоровского – это творчески интерпретированная, видоизмененная научная традиция. Чтобы отразить незавершенные, мировоззренческо чуждые процессы, он огрубляет собственный инструментарий историографического анализа, возвращается к «инвентарному» – регистрационно-библиографическому методу. Привычный историографический нарратив разбалансируется, происходит его архаизация. Перед нами, своего рода, научный парадокс – именно такой уровень научной аналитики (библиография, инкорпорирующая определенные элементы историографического анализа) оказывается в конечном счете плодотворным, позволяющим представить содержательную сложность внутренней структуры советской исторической науки. Флоровский видит то, что видит: он фиксирует не только жесткие и ужесточающиеся нормативно-регулятивные рамки развития советской исторической науки, но и существование внутри этих рамок ниш и островков, архипелагов полуавтономного ее развития, и даже, судя по контексту, вероятность преодоления этих рамок. Такая

[48] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1 . Д. 46. Л. 7.
[49] Там же. Д. 41. Л. 548.
[50] Там же. Д. 46. Л. 11.

позиция историка несла в себе потенцию расширения коммуникативного поля между эмигрантскими и советскими историками.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Архив Российской Академии Наук (РАН). Фонд 1609.

Slovanska knihovna v Praze.T-Flor.

Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб.: БАН, 1993. 295 с. [Akademicheskoe delo 1929-1931 gg. Vyp. 1. Delo po obvineniyu akademika S.F. Platonova. SPb. 1993].

Аксенова Е.П. Восприятие в СССР науки русского зарубежья в 1920-1930-е годы // Славянский альманах. 1997. № 3/13. С. 130-142 [Aksenova E.P. Vospriyatie v SSSR nauki russkogo zarubezh'ya v 1920-1930-e gody // Slavyanskij al'manah. 1997. № 3/13. S. 130-142].

Аксенова Е.П. Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940. Т. II. М. 1994. С. 95-100 [Aksenova E.P. Istoricheskaya nauka SSSR i russkogo zarubezh'ya v ocenke A.V. Florovskogo // Kul'turnoe nasledie rossijskoj ehmigracii 1917-1940. T. II. M. 1994. S.95-100]

Аксенова Е.П. Жрец «Клио» (к научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. XI. № 1. С. 32-47 [Aksenova E.P. ZHrec «Klio» (k nauchnoj biografii A.V. Florovskogo) // Vestnik slavyanskih kul'tur. 2009. T. XI. № 1. S. 32-47].

Берг Л.С. Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.) Л., 1929. 150 с. [Berg L.S. Ocherk istorii russkoj geograficheskoj nauki (vplot' do 1923 g.) L., 1929].

Библиография работ М.Н. Покровского // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 216-224. [Bibliografiya rabot M.N. Pokrovskogo // Istorik-marksist. 1928. T. 9. S. 216-224].

Биография М.Н. Покровского. // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 79-83 [Biografiya M.N. Pokrovskogo. // Istorik-marksist. 1928. T. 9. S. 79-83].

Варшавский С. Комитет Русской книги (очерк задач и деятельности) // Русская зарубежная книга. Ч. 1. Библиографические обзоры. Прага: «Пламя», 1924. 142 с. [Varshavskij S. Komitet Russkoj knigi (ocherk zadach i deyatel'nosti) // Russkaya zarubezhnaya kniga. CH. 1. Bibliograficheskie obzory. Praga. «Plamya», 1924].

Горин П. М.Н. Покровский как историк первой русской революции // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 34-57 [Gorin P. M.N. Pokrovskij kak istorik pervoj russkoj revolyucii // Istorik-marksist. 1928. T. 9. S. 34-57].

Греков Б.Д. Новые материалы о движении Степана Разина ЛЗАК, Вып. 1(34) Сборник документов. Издание Центрархива Л. 1927 [Grekov B.D. Novye materialy o dvizhenii Stepana Razina LZAK, Vyp. 1(34) Sbornik dokumentov. Izdanie Centrarhiva L. 1927].

Жебелев СА. Введение в археологию. В 2-х тт. Петроград: «Наука и школа», 1923. [ZHebelev SA. Vvedenie v arheologiyu. V 2-h tt. Petrograd: «Nauka i shkola», 1923]

Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 1. 1927. Прага. [Zapiski Russkogo istoricheskogo obshchestva v Prage. Kn. 1. 1927. Praga]

Из архива Пугачёва (манифесты, указы и переписка). М.-Л.: Государственное издательство РСФСР, 1926. Т. I. 292 с. [Iz arhiva Pugachyova (manifesty, ukazy i perepiska). M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo RSFSR, 1926. T. I.]

Из архива Пугачева. М.-Л.: Соцэкгиз, 1931. Т. III. 528 с. [Iz arhiva Pugacheva. M.-L.: Socehkgiz, 1931. T. III].

Из следственных материалов и официальной переписки. М.-Л.: Государственное издательство РСФСР, 1929. Т. II. 494 с. [Iz sledstvennyh materialov i oficial'noj perepiski. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo RSFSR, 1929. T. II]

Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. / отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2015. 702 с. [Istochnikovedenie: ucheb. posobie / I.N. Danilevskij, D.A. Dobrovol'skij, R.B. Kazakov i dr. / otv. red. M.F. Rumyanceva. M.: Izd. dom. Vysshej shkoly ehkonomiki, 2015].

Кин Д. М.Н. Покровский как историк Октябрьской революции // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 18-33 [Kin D. M.N. Pokrovskij kak istorik Oktyabr'skoj revolyucii // Istorik-marksist. 1928. T. 9. S. 18-33].

Ковалев М.В. А.В. Флоровский (1884-1968). Пражская жизнь одесского профессора. // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 123-140 [Kovalev M.V A.V. Florovskij (1884-1968). Prazhskaya zhizn' odesskogo professora. // Novaya i novejshaya istoriya. 2017. № 6. S. 123-140].

Ковалев М.В. Зигзаги судьбы: профессор А.Ф. Флоровский и его советские коллеги // Россия. XXI век. 2016. № 4. С. 82-105. № 5 С. 84-97. № 6. С. 98-113 [Kovalev M.V. Zigzagi sud'by: professor A.F. Florovskij i ego sovetskie kollegi // Rossiya. HKHI vek. 2016. № 4. S. 82-105. № 5 S. 84-97. № 6. S. 98-113]

Крестьянство и националы в революционном движении. 1666-1671 гг. Разинщина / Центрархив. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931 [Krest'yanstvo i nacionaly v revolyucionnom dvizhenii. 1666-1671 gg. Razinshchina / Centrarhiv. M.-L.: Gos. soc.-ehkon.izd-vo, 1931]

Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 5-29 [Lappo-Danilevskij A.S. Ocherk razvitiya russkoj istoriografii // Russkij istoricheskij zhurnal. 1920. Kn. 6. S. 5-29].

Лубский А.В. Нарратив исторический / Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / 2 изд., испр. и доп. / отв. ред. А.В. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016. С. 311 [Lubskij A.V. Narrativ istoricheskij / Teoriya i metodologiya istoricheskoj nauki. Terminologicheskij slovar' / 2 izd., ispr. i dop. / otv. red. A.V. CHubar'yan, L.P. Repina. M.: Akvilon, 2016. S. 311].

Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV-XVII вв. / под ред. С.Б. Велеловского и А.И. Яковлева. М.: Центрархив РСФСР, 1929. 397 с. [Pamyatniki social'no-ehkonomicheskoj istorii Moskovskogo gosudarstva XIV-HVII vv. / pod red. S.B. Velelovskogo i A.I. YAkovleva. M.: Centrarhiv RSFSR, 1929. 397 s.]

Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 401 с. [Pashuto V.T. Russkie istoriki-ehmigranty v Evrope. M. 1992]

Пичета В.И. Введение в русскую историю (источники и историография). М. 1922 [Picheta V.I. Vvedenie v russkuyu istoriyu (istochniki i istoriografiya). M. 1922].

Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. М.: Прибой, 1927. [Pokrovskij M.N. Bor'ba klassov i russkaya istoricheskaya literatura. M.: Priboj, 1927. 138 s.]

Покровский М.Н. По поводу некоторой путаницы. // Историк-марксист. 1932. №1-2. С. 13-25 [Pokrovskij M.N. Po povodu nekotoroj putanicy. // Istorik-marksist. 1932. №1-2. S. 13-25].

Покровский М.Н. Русская историческая литература в классовом освещении. Труды института Красной профессуры. М. Т. I. 1927. Т. II. 1929 [Pokrovskij M.N. Russkaya istoricheskaya nauka v klassovom osveshchenii. Trudy instituta Krasnoj professury. M. T. I. 1927. T. II. 1929].

Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке (от древнейших времен до конца XIX столетия) М.: ГИЗ, 1920. 276 с. [Pokrovskij M.N. Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke (ot drevnejshih vremen do konca XIX stoletiya) M.: GIZ, 1920. 276 s.]

Рубинштейн Н. М.Н. Покровский – историк внешней политики // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 58-78 [Rubinshtejn N. M.N. Pokrovskij – istorik vneshnej politiki // Istorik-marksist. 1928. T. 9. S. 58-78].

Финоугорский сборник. Л. 1928. 349 с. [Finougorskij sbornik. L. 1928].

Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920-1930) // Труды V съезда Русских Академических организаций за границей. Ч. 1. София. 1932. С. 467-484 [Florovskij A.V. Russkaya istoricheskaya nauka v ehmigracii (1920-1930) // Trudy V s"ezda Russkih Akademicheskih organizacij za granicej. CH. 1. Sofiya. 1932. S. 467-484].

Цепилова В.И. Из историографического наследия российской эмиграции (1920-1939 гг.) // Вестник Челябинского гос. ун-та 2009(а). № 16 (154). История. Вып. 32. С. 133-138

[Cepilova V.I. Iz istoriograficheskogo naslediya rossijskoj ehmigracii (1920-1939 gg.) // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstv. un-ta 2009. № 16 (154). Istoriya. Vyp. 32. S. 133-138].

Цепилова В.И. Историографическая наука русского зарубежья в историографии 1920-1930-х гг. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009(б). №. 4-1 (64). С. 224-226 [Cepilova V.I. Istoriograficheskaya nauka russkogo zarubezh'ya v istoriografii 1920-1930-h gg. // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. №. 4-1 (64). S. 224-226]

Ченцов Н.М. Восстание декабристов. Библиография. М.-Л.: Госиздат, 1929. 792 с. [CHencov N.M. Vosstanie dekabristov. Bibliografiya. M.-L.: Gosizdat, 1929].

Шестаков А.М. М.Н. Покровский – историк-марксист // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 3-17 [SHestakov A.M. M.N. Pokrovskij – istorik-marksist // Istorik-marksist. 1928. T. 9. S. 3-17]

Florovskij A. La literature historique russe d'emigration. Compte-rendu 1921-1926 // Bulletin d`information de la Societe d`Ethnograpie. (BHEO) Paris, 1928. T. I/I/2. P. 81-121.

Florovskij A. The Work of Russian Emigres in History (1921-1927) // Slavic Review (SLR). 1928. Vol. XIX.

Florovskij A. La literature histjrique russe d`emigration. Compte-rendu 1927-1929 // BHEO. 1930. T. III/1/2. P. 25-79.

Florovskij A. Recent Surveys of Russian History // SLR, 1934/ AVR. Vol. XII. № 36. P. 734-742.

Idem. Historical Studies in Soviet Russia // SLR, 1935, Jan. Vol. XIII. № 38. P. 457-469.

Florovskij A. La literature historique sovietiqie russe. Compte-rendu 1921-1931 // BHEO. 1935. T. VI-VII.

Волошина Валентина Юрьевна, *доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; valvoloshina@rambler.ru*

Корзун Валентина Павловна*, доктор исторических наук, профессор, кафедра современной отечественной истории и историографии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru*

Soviet historical science in the understanding of A.V. Florovsky

The article is devoted to understanding the process of formation of the Soviet historical discipline in the works of the emigrant historian A.V. Florovsky (1884–1968). The study was carried out on the basis of both published and unpublished historiographical sources, most of which are manuscripts by A.V. Florovsky stored in personal funds of A.V. Florovsky in the archives of the Russian Academy of Sciences (Fund 1609) and in the manuscript department of the Slavic Library in Prague (F-Flor). The bibliographic works of the historian published in various foreign publications in the 1920s and 1930s were also widely studied. The article identifies the motives of Florovsky's appeal to Russian, including Soviet, historiography and identifies the metamorphosis of the historiographical narrative.

Keywords: historiography, historical source, Soviet historical science, emigrant historical science, scientific community, scientific communications, historiographic narrative

Valentina Voloshina, *Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Modern Russian History end historiography, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky, valvoloshina@rambler.ru*

Valentina Korzun*, Dr.Sc. (History), Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky, korzunv@mail.ru*

Е. А. Долгова

КОНСПЕКТ СЛУШАТЕЛЯ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ ПО ИСТОРИИ, ИЛИ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ДИАЛОГА В УЧЕБНОЙ АУДИТОРИИ В 1930-е гг.

Анализируя лекционный конспект слушателя Института Красной Профессуры за 1935-1936 учебный год (конспекты лекций В.В. Струве, В.С. Сергеева, Е.А. Косминского, П.С. Дроздова, С.А. Пионтковского, С.В. Бахрушина), автор исследует саму возможность диалога в студенческой аудитории («икаписта» и «буржуазных профессоров») и делает вывод о том, что хотя исторический нарратив, созданный преподавателями ИКП, соответствует идеологическим требованиям власти и написан в рамках марксистской методологии, с некоторым (незначительным) использованием цитат классиков марксизма-ленинизма, «полемически заострен» против представителей буржуазной историографии, а тематика исследования выбрана с учетом классового подхода, в исследовательской методике, подходе к объекту изучения, а также в организации и атрибутике дидактических текстов преподаватели Института Красной Профессуры отчасти воспроизводят классический позитивистский вариант науки.

Ключевые слова: *Институт Красной Профессуры, «буржуазные» профессора, лекция, коммуникация, исторический нарратив, позитивизм, марксизм*

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) сохранился любопытный источник личного происхождения – лекционный конспект слушателя Института Красной Профессуры Истории Сергея Никифоровича Круглова за 1935-1936 учебный год[1]. Две студенческие тетради с подробными записями лекций профессоров и преподавателей Института красной профессуры оказались доступны благодаря карьерным позициям автора: Сергей Никифорович Круглов в 1950-е гг. стал одним из руководителей органов государственной безопасности СССР, наркомом (министром) внутренних дел СССР, сменив на этом посту Л.П. Берию. Объем выявленного источника значителен – он составляет 206 архивных листов, в пересчете на редакторские знаки – 8 п.л.: слушатель усердно посещал занятия, тщательно конспектируя лекции по специальности. В обнаруженном документе – записи лекционных курсов за 1935/1936 учебный год по истории Востока (лектор – Василий Васильевич Струве), истории Древних веков (Владимир Сергеевич Сергеев), истории Средних веков (Евгений Алексеевич Косминский), истории народов СССР в Древние и Средние века (Петр Степанович Дроздов), истории СССР в Новое время (Сергей Андреевич Пионтковский) и этнографии народов СССР (Сергей Владимирович Бахрушин). Этот част-

[1] ГАРФ. Ф. 10146. Оп. 1. Д. 5. Тетради с записями Круглова С.Н. лекций профессоров и преподавателей Института Красной профессуры. 1935-1936. Авторизованный автограф, подлинник, чернила, карандаш, авторская пагинация, на 206 л.

ный студенческий конспект, отличающийся от отредактированных стенограмм лекций, характеризуется полнотой (за год слушатель пропустил всего одну лекцию по курсу Е.А. Косминского, зафиксировав при этом ее отсутствие в конспекте); синхронностью написания (конспект фиксирует логику лекций, передавая уникальную авторскую манеру их чтения, речевые обороты, ошибки и неточности письменного воспроизведения устной речи); аккуратностью, почти педантичностью его ведения (записи подробны, при заполнении конспекта слушатель ставил дату лекции, указывал имя лектора, название темы, тщательно записывал рекомендованную литературу). Важно, что конспект принадлежал слушателю I года обучения: курсы первых двух лет были общими для всех обучающихся, более узкая специализация начиналась позднее. Указанные особенности позволяют рассматривать конспект как источник по организации учебного процесса в Институте красной профессуры, а также – в силу научного авторитета лекторов – как интересный историографический источник середины 1930-х гг.: он содержит любопытные трактовки исторических событий с глубокой древности до 1730 г.

Обладая безусловным информационным потенциалом исторического и историографического источника, выявленный студенческий конспект интересен и в антропологическом ракурсе – с точки зрения ответа на вопрос об особенностях профессионального, идейного, межпоколенческого диалога в Институте Красной Профессуры. О чем говорили в своих лекциях «старые» и «новые» профессора? В какой степени они привлекали формулы марксизма для иллюстрации лекционных тезисов? Отмечалась ли преемственность их курсов с дореволюционным преподаванием (в т.ч. с точки зрения методики)? И напротив – как воспринимали слушатели «буржуазных» профессоров? не превращались ли лекции последних в монолог в силу низкой академической подготовки студенческой аудитории и, в этом случае, могло ли быть качественным и глубоким профессиональное образование в ИКП? Наконец, стремились ли к диалогу обе стороны образовательного процесса? И где обнаруживаются болевые точки аудиторных соприкосновений?

Поиск ответов на эти вопросы сопряжен с тщательным источниковедческим анализом документа. Подчеркнем, что поставленная исследовательская задача увязана с выводами более широкого исследования комплексной истории Института Красной Профессуры (1921–1938), одного из элитарных учебных заведений, созданных после Революции 1917 г. для подготовки «новых» преподавательских и научных кадров по общественно-экономическим дисциплинам [Козлова 1994]. Внимание к формализованным индикаторам, зафиксированным в делопроизводственной и статистической документации, характеризующим финансовое и инфраструктурное обеспечение работы ИКП, его кадровый состав, результативность работы как научно-образовательного центра и

т.д., а также установка на преимущественное изучение материалов делопроизводства, обработка их методами социальной статистики[2] позволили скорректировать ряд суждений об ИКП (об идеологической однородности научных и педагогических кадров; специфике их социального происхождения, условиях профессионального становления и трудоустройства), основанных на привычной трактовке роли учреждения как «боевого участка коммунистической науки». Однако на заключительном этапе исследования возникла необходимость привлечь источники личного происхождения – документов человеческой жизни и личной памяти, позволяющих рассмотреть за формализованной статистикой субъективное и частное. Таким источником и стал для нас выявленный конспект слушателя одного из отраслевых Институтов Красной Профессуры – ИКП истории – за 1935–1936 учебный год. Прежде всего, охарактеризуем участников диалога – слушателя и его преподавателей.

Автор конспекта Сергей Никифорович Смирнов был зачислен в ИКП истории с 1 сентября 1935 г. и обучался до 23 января 1938 г. [ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 385. Л. 33]. Пришел на студенческую скамью он не вполне обычным путем – перевелся из японского отделения особого сектора Московского института востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК СССР. Он был не единственным переведенным слушателем в тот год. Динамика наборов 1931–1937 гг. представлена в табл. 1.

Табл. 1. Количество слушателей, поступивших в ИКП истории: 1931-1937 гг.

Учебный год (набор)	Количество поступивших слушателей
1931–1932	123
1932–1933	22
1933–1934	6
1934–1935	34
1935–1936	68
1936–1937	64

ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Докладная записка о работе ИКП истории с 1931 г. Л. 3.

Набор слушателей в ИКП истории в 1935 г. был шире, чем в предшествующие годы отчасти за счет открытия Отделения истории Востока. Набор на эту специализацию был произведен из состава студентов особых секторов Московского и Ленинградского Институтов востоковедения. Всего на первый курс было зачислено 24 чел. (21 японист, 3 китаиста) [Оп. 4. Д. 2. Л. 20]. Их выпуск должен был состояться в 1938 г. Важно отметить, что слушатели восточного отделения пришли в ИКП, минуя проверку мандатной комиссией и процедуру вступительных испытаний, простым академическим переводом. Это обстоятельство сняло проблему наличия обязательного 10-летнего (для рабочих 8-летнего)

[2] Напр., однолинейный статичный анализ профессорско-преподавательского состава ИКП в 1937 г., реализованный с помощью «Statistical Package for the Social Sciences».

партстажа, не вполне благонадежного социального происхождения, возможно, отличавшего анкетные листы некоторых слушателей.

Табл. 2. Распределение слушателей ИКП истории наборов 1934-1937 гг.: партстаж

Набор, учебный год	Итого	1917	1918-1920	1921-1924	1925-1930
1934–1935	34	3	13	7	11
1935–1936	68	3	7	10	48
1936–1937	64	1	5	5	53

ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Докладная записка о работе ИКП истории с 1931 г. Л. 3.

Слушателей с давним партстажем было меньшинство. Особенно это заметно в год поступления С.Н. Круглова и следующий за ним: несмотря на аккуратную формулировку статистической сводки, нам представляется, что у многих слушателей партстаж не дотягивал до искомых 10 лет. Дело в том, что подходящих под этот формальный критерий кандидатур слушателей для поступления в ИКП было не так много, даже учитывая мобилизованных с мест [ГАРФ. Ф. Р-5146. Оп. 1. Д. 9. Л. 43]. К Сергею Никифоровичу это не относилось: он вступил в партию в 1928 г., до этого же с 1923 г. состоял в ВЛКСМ [Оп. 1. Д. 385. Л. 2].

Второй важный аспект – социальное положение слушателей:

Табл. 3. Распределение с наборов 1934-1937 гг.: социальное положение

Набор, учебный год	ИТОГО	Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих
1934–1935	34	11	15	6	2
1935–1936	68	24	15	29	
1936–1937	64	22	9	33	

ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Докладная записка о работе ИКП истории с 1931 г. Л. 4-5.

Обращает на себя внимание невысокое количество рабочих и, напротив, значительное число «служащих» среди слушателей ИКП. На деле первых было еще меньше: в отличие от партстажа, этот критерий мог фальсифицироваться: так, указание на социальное «происхождение» часто подменяли «социальным положением». Поставленную задачу «орабочения» состава слушателей в какой-то мере помогло решить снижение партстажа для рабочих. Однако при всех усилиях процент выпускников из социально благонадежных категорий «рабочих» и «крестьян» был не столь высок. Сергей Никифорович в этом отношении был в ИКП на хорошем счету: согласно автобиографии, он происходил из семьи «бедных крестьян», с 1913 г. его отец был рабочим в Ленинграде [Л. 4], а сам Круглов работал подпаском, слесарем-ремонтником, старшим инструктором-механиком учебно-опытного зерносовхоза (Кустанай, 1930), служил в РККА, был парторгом и пропагандистом [Л. 2].

Наконец, ответим на вопрос – какой была академическая подготовка слушателя? был ли он готов слушать лекции профессоров в ИКП?

ИКП был третьим вузом в академической судьбе Круглова. С ноября 1931 г. он учился в Московском индустриально-педагогическом институте им. К. Либкнехта (окончил три курса экономического отделения) [Л. 3]. В 1934 г. «был мобилизован ЦК ВКП(б) на учебу в особый сектор Московского института востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК СССР» [Л. 5], отучившись там год, оказался в ИКП истории. Несмотря на перерывы в обучении, стаж академической работы слушателя на момент зачисления в ИКП составлял 4 года: учебная аудитория была для него привычна. Посмотрим, как обстояло дело с его однокурсниками.

Табл. 4. Распределение слушателей 1934-1937 гг.: академическая подготовка

Набор, учебный год	ИТОГО	Высшее	Среднее	Комвуз
1934–1935	34	8	4	22
1935–1936	68	15		55
1936–1937	64	22		40

ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Докладная записка о работе ИКП истории с 1931 г. Л. 4.

Итак, анкетные данные С.Н. Круглова выглядели очень пристойно: социальное происхождение, ранний партстаж, полученное «кавалерийской атакой» высшее образование в объеме комвуза. Чистота анкеты будущего работника НКВД и студента особого сектора Московского института востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК СССР настолько безупречна, что даже вызывает сомнения в ее подлинности. Круглов посещал занятия аккуратно, хотя обзорные курсы по истории не являлись предметами по специальности и не входили в число тех, по итогам которых держались переводные испытания при переходе на второй год обучения. Данные ему характеристики свидетельствуют, что слушатель производил положительное впечатление на профессорско-преподавательский состав: Круглова описывали как «способного», по всем дисциплинам он шел «ровно», стабильно занимался на «хорошо» и «при большей работе дома мог бы заниматься еще лучше» [Л. 24]. Таким образом, слушатель был знаком с принципами академической работы, был готов слушать профессоров, хотя, вероятно, в силу обрывочности образования и не вполне мог понимать какие-то детали лекций.

Обратимся к другой стороне диалога: кто учил будущего «красного профессора»? кем были его преподаватели? Согласно записям, с сентября 1935 г. по май 1936 г. слушателю были прочитаны курсы следующих преподавателей. В первом семестре занятия вели П.С. Дроздов, В.В. Струве и В.С. Сергеев. П.С. Дроздов прочитал с сентября 1935 г. по февраль 1936 г. 12 лекций по истории народов СССР в Средние века, завершив их событиями Люблинской унии[3]. Академик В.В. Струве (основным местом его работы был Ленинград, в Москве он находился в ко-

[3] Там же. Ф. 10146. Оп. 1. Д. 5. Л. 3-54об., 200-204об.

мандировке) прочитал всего пять лекций по истории Древнего Востока в сентябре-октябре 1935 г. [Л. 55-70об.]. Его курс продолжили (до февраля 1936 г.) 18 лекций В.С. Сергеева по истории Древнего мира от Греко-персидских война до падения Римской империи [Л. 70об.-124, 128-132об.]. Второй семестр открыли 17 лекций профессора Е.А. Косминского по феодализму, продолжавшиеся все второе полугодие (февраль – конец мая 1936 г.) [Л. 124об, 133-166об.]. Курс истории России Нового времени читал в это же время С.А. Пионтковский, завершив последнюю, 15-ю лекцию Кондициями Анны Иоанновны [Л. 168-171, 173-200]. Кроме того, в середине апреля были прочитаны две лекции С.В. Бахрушина о народах Сибири в XV–XVII вв. [Л. 171об-172об.].

Кем были эти преподаватели, стоявшие за профессорской кафедрой в ИКП? Выявленные в составе фонда ИКП истории в ГАРФ анкетные листы отмечают любопытные факты их биографий[4]. Так, из шести читавших курсы преподавателей в партии ВКП(б) состояли лишь двое – С.А. Пионтковский и П.С. Дроздов. Безукоризненное социальное происхождение было только у П.С. Дроздова; В.В. Струве в анкете открыто записал происхождение «из дворян», С.В. Бахрушин происходил из московской купеческой династии, С.А. Пионтковский – из семьи профессора, заведующего кафедрой уголовного права в Казанском университете, Е.А. Косминский – из семьи учителя, позднее – директора гимназии. Не вполне корректна отметка о социальном происхождении В.С. Сергеева: отметив происхождение «из крестьян» (по матери), он не упомянул, что его отцом был Константин Станиславский. Что касается академической квалификации, она была более чем высокой: почти все указанные преподаватели имели ученые степени и звания (порой полученные до Революции), знали несколько иностранных языков, являлись выпускниками известнейших alma-mater. Лишь П.С. Дроздов был молод на их фоне (1900 г.р.) – он пришел в ИКП в 1934 г. и являлся одним из его выпускников. Все указанные преподаватели работали в ИКП по совместительству, совмещая преподавание с работой в журнале «Историк-марксист» (П.С. Дроздов), в Академии наук и Ленинградском государственном университете (В.В. Струве), Московском государственном университете (Е.А. Косминский и В.С. Сергеев) и т.д.

Таким образом, пять из 6-ти преподавателей были теми, кого в речевой практике тех лет именовали «буржуазными профессорами»[5]. Как

---

[4] Там же. Ф. Р-7668. Оп 1. Д. 2401. Л. 18-19.

[5] Об употребимости дефиниции см., напр., воспоминания А.Г. Авторханова о попытке слушателей обратиться с жалобой в учебную часть, апеллируя к политической неблагонадежности проф. П.Ф. Преображенского. На это им был дан неожиданный ответ: «что профессор Преображенский не марксист, а буржуазный ученый, ЦК знает и без вас, но что вы такие простофили – мы узнаем впервые. Учитесь у Преображенских фактическим знаниям до тех пор, пока не будете сильнее их и в буржуазных

относились к ним слушатели, возникали ли проблемы в коммуникации? Как вспоминал А.Г. Авторханов, трудности были: «Косминский читал лекции на тургеневском языке и в оксфордском стиле бывшим комсомольцам, которые еще вчера кричали “дадим лордам по мордам”! В его лекциях, разумеется, марксизм и не ночевал, но он был доподлинный плюралист англосаксонской школы: у него все научные гипотезы имели право на гражданство, в том числе и марксизм, но едва ли он когда-нибудь заглядывал в «Капитал» Маркса или «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, совсем уже не говоря о Ленине»[6]. Где же была точка коммуникации столь разных слушателей и преподавателей? Безусловно, ею стало лекционное пространство. Сразу оговоримся, что с лекциями в ИКП дело обстояло не просто: эта форма аудиторной работы на тот момент еще не устоялась, на протяжении многих лет основным методом преподавания была работа в семинариях. Как правило, они носили тематический характер: действовали семинары А.Н. Савина и Е.А. Косминского, посвященные Английской революции; семинар Н.М. Лукина по изучению Великой французской революции и др. Курс проблемных лекций появился только в 1932/33 г., очень часто они имели постановочный, историографический характер; основной же акцент делался на самостоятельную исследовательскую работу слушателей. Ситуация изменилась в 1935 г., когда проверка знаний слушателей и наличия учебных программ показала, что система учебы в Институте не обеспечивала серьезного изучения исторических дисциплин (как отмечалось в периодике того времени, наиболее полно была представлена история революций, рабочего движения и совершенно неудовлетворительно давалась гражданская история, в итоге «весь курс строился слишком методологически, пренебрегая хронологией и знанием фактов»). В связи с этим ранняя специализация была заменена на получение систематического общеисторического образования: с 1935 г. I курс посвящен целиком изучению древней и средней истории, II – новой и новейшей истории; а с III курса слушатели специализировались по соответствующим их специальности разделам истории[7]. Поэтому конспект интересен и как историографический факт, фиксирующий практику введения новой формы аудиторной работы в ИКП – лекции.

В какой степени могли преподаватели в этих лекциях отразить собственное видение исторического процесса? В каких рамках они были ограничены учебной программой? В документации 1935 г. был выявлен проект организации педагогического процесса в ИКП истории [там же].

науках. Вот тогда мы вышибем Преображенских, а вас поставим на их место. Но ни днем раньше. Вернитесь в Институт и продолжайте семинар!». Авторханов 1983.

[6] Там же. О возникающих время от времени конфликтах между слушателями и профессорами «старой» школы см. также: Берендт 2002.

[7] ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 8.

В нем давались установки по упорядочению отдельных элементов педагогического процесса – вводной лекции, обязательного вступительного слова руководителя, обязательной коллективной консультации, индивидуальной добровольной консультации, проверочной конференции и переводного зачета (с 1934 г.), но отметим главное – вопросами качества и информационного наполнения лекций кафедры никогда не занимались, сосредотачиваясь лишь на составлении проектов программ и учебных планов. При этом, как отмечено в документе, «за все годы не было случая, чтобы проекты программ превратились в настоящие программы» [там же, Л. 13]. Косвенно этому способствовала постоянная перекройка образовательного процесса в ИКП. В конечном итоге, информационное наполнение курса оставалось за конкретным преподавателем, чему способствовала их высочайшая квалификация. Итак, о чем говорили в своих лекциях «старые» и «новые» профессора? Выделим основные характеристики построения исторического нарратива в ИКП Истории.

Анализируя содержание конспекта С.Н. Круглова, можно заметить преимущественно хронологический, повествовательный принцип построения лекции. Лекции максимально фактографичны и описательны, за основу исторической периодизации лекторами берутся конкретные события (Греко-Персидские войны, Падение Римской империи, Люблинская уния и т.д.). Изобилуют нюансами и яркими акцентами лекции В.С. Сергеева. Конкретны, близки к сжатому этнографическому описанию лекции С.Ф. Бахрушина. Выделяются лекции Е.А. Косминского: историк иллюстрировал богатым фактологическим материалом феодализм как отдельный исторический этап, апеллируя к данному ему определению в трудах марксизма-ленинизма; он единственный и выстраивал периодизацию курса не от фактологии, а в соответствии с марксистским пониманием исторического процесса (хотя А.Г. Авторханов и укорял его в незнании основных положений марксизма).

В чем причина подобной описательности без методологии? При нехватке аудиторных часов, фактологической насыщенности курсов и невысокой (во всяком случае, узкопрофессиональной) подготовке слушателей лекции имели целью в короткое время закрыть лакуны в их знаниях. Косвенно об этом свидетельствуют попытки лекторов ввести в повествовательный нарратив основные понятия других курсов, знание которых было необходимо для «красных профессоров», экстренно овладевающих профессией историка. Так, элементы курсов источниковедения, археографии и археологии присутствуют в лекциях по истории Древней Руси П.С. Дроздова. Усложнял лекции, характеризуя историографию той или иной проблемы (включая зарубежную) В.С. Сергеев. К историографии обращался и Е.А. Косминский, рекомендуя слушателям дополнительную литературу для прочтения. Другой причиной методологических умолчаний была неустойчивость исторических трактовок

и терминов – давать им жесткие и четкие определения в аудитории было опасно (ниже мы скажем о приемах, с помощью которых лекторы обходили «трудные» места). Третью причину мы обнаруживаем в некотором сохранении дореволюционной методики чтения лекций.

Преемственность лекционных курсов с дореволюционным преподаванием особенно ярко выражена в списке литературы, который рекомендовали В.В. Струве, Е.А. Косминский и В.С. Сергеев[8]. В список по истории Средних веков включены работы Д.М. Петрушевского (учителя Косминского), Дж.Р. Грина («История Англии и английского народа»), Э. Лависса и А.Н. Рамбо («Эпоха крестовых походов»), Б. Куглера («История крестовых походов»), Ф.И. Успенского («История Византийской империи»). Привлекла внимание лектора и проверенная временем «Хрестоматия по истории средних веков» М.М. Стасюлевича. Однако не все работы были из курса дореволюционных университетов, например, «Капитал» Маркса. В списке В.С. Сергеева по истории Античности – труды Б. Низе, Т. Моммзена, Г. Ферреро, К.В. Нича, Р.Ю. Виппера, М.М. Хвостова, С.А. Жебелева и даже эмигранта М.И. Ростовцева; с ними соседствуют работы Маркса и Энгельса (сборник под ред. С.И. Ковалева «Об античности» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства»). Список В.В. Струве был краток: он включал указанный сборник «Маркс и Энгельс об античности» и «Маркс и Энгельс о религии», а также труды Б.А. Тураева, Р.Ю. Виппера, Д.Г. Брестеда и Г. Масперо. Собственные работы рекомендовали к прочтению В.В. Струве («Очерки социально-экономической истории Древнего Востока») и В.С. Сергеев («История Древнего Рима (империи)»). Таким образом, марксистская литература для прочтения была предложена минимально.

Однако обойти марксизм в ИКП едва ли было возможно. Зададимся вопросом – в какой степени профессора привлекали его формулы для иллюстрации лекционных тезисов? Сознательно или невольно лекторы путали студенческую аудиторию и играли с ней в риторические игры: так, о скифах П.С. Дроздов говорил: «Характер скифского захоронения говорит о том, что широко развито рабство, ибо они больше связаны с греками, у которых было рабство. Но по отношению к своим народам вожди выступали как феодалы» [Л. 11об.]. В другом месте он отмечал: «В городе преобладали рабские отношения, в сельском хозяйстве отношения для нас не ясные» [Л. 12]. Интересна трактовка С.А. Пионтковским исторического образа Петра I: «Петр в бытовом и идеологическом отношении революционер. Но он поддерживался феодальной верхушкой – здесь противоречия. Объясняется тем бытом, в котором воспитывался Петр (как обычный средний землевладелец» [Л. 174об.]. Порой забывался В.С. Сергеев: подробно охарактеризовав классовый характер

[8] Сохранился в виде отдельного машинописного листка-перечня: Ф. 10146. Оп. 1. Д. 5.

«грандиозного восстания рабов» на Сицилии [Л. 115], в рассказе о восстании Спартака он проговаривался: «программа рабского движения – не быть рабом» [Л. 120].

Наиболее явно к марксизму апеллировали (кроме Е.А. Косминского) С.А. Пионтковский и В.В. Струве. Подробно говоря о рабовладении, Струве делал акцент на важности формирования ирригационной сети как ключевого для сформулированного им «азиатского способа производства»: «Родовая знать сгоняет много рабов для регулировки реки и создания ирригационной сети. Основная работа рабов – переноска тяжестей и землекопная работа. Рабов было так много, что они не могли управляться только знатью. Требовалась помощь народных масс, и родовая знать управляет рабами при помощи народа. Но сам народ угнетается знатью, ибо она владеет ирригационной сетью» [Л. 57]. В лекциях Пионтковского встречаем характерные для 1930-х гг. неожиданные трактовки: так, говоря о расколе XVII в., Пионтковский отмечал, что «уход из мира в пустыни, уход из жизни (самосожжение) мы имеем как форму классовой борьбы с феодализмом» [Л. 181]. К марксизму Пионтковский логично обращался и для объяснения экономических терминов, например, мануфактуры («понятие мануфактуры Маркс связывает с вопросом в какой форме происходит эксплуатация рабочего, как происходит присвоение прибавочного продукта, организация самого труда и концентрация средств производства в одних руках» [Л. 185]. Легко марксизм было обнаружить и в социальных движениях: например, Пионтковский характеризовал социально-политическую программу восстания Болотникова (в записи слушателя) так: «холопы должны убивать бояр, передача имущества бояр, феодалов-эксплуататоров уничтожить, уничтожить крупных купцов. Движение антифеодальное» [Л. 189].

Новыми были некоторые трактовки исторических событий и характеристики исторических персонажей. В лекции П.С. Дроздова доказывалась несостоятельность норманнской теории и недостоверность летописного рассказа о призвании варягов [Л. 20]. Необычна оценка Куликовской битвы: «Поражение татар дорого стоило русским. Мамай скоро убит своим противником Тахтамышем. Тахтамыш укрепил Золотую Орду, консолидировал ее и объединил все районы» [Л. 204-204об.]. Ранним, по мнению лектора, было становление Московского государства как колониального со времени присоединения зырян, остяков и мордвы в правление Ивана III [Л. 203]. Порой высказывания лекторов были резко оценочными, но не вполне понятно, кому принадлежат некоторые формулировки – лектору или записывающему слушателю. Так, о развитии археологии в XIX в. записано: «*в качестве археологов выступают помещики, скучающие от бездельничества*», а ее прорыв, согласно записям слушателя, оказался возможен только после Революции 1917 г., когда «был создан ряд археологических учреждений», главным

из которых был ГАИМК (лекция П.С. Дроздова) [Л. 4об.]. На лекции В.С. Сергеева записано, что «*социальное ядро сената – подонки римской аристократии*» [Л. 128]. Цицерон обозначен как «*типичный выразитель идей рабовладельческого мира, консерватор*» [Л. 121]. В лекции Е.А. Косминского записано определение феномена Жанны Д´Арк как «*знамени реакции и фашизма (монархических партий)*» [Л. 163об.]; первое было особенно актуально в 1935 г. Негативные, но корректные оценки встречались в отношении работ зарубежных историков (Т. Моммзена, К.Ю. Белоха, К. Майгера [Л. 73-74]. Напротив, приветствовались разработки отечественных ученых. Так, П.С. Дроздов подробно остановился на марризме, отметив: «в последнее время в науке академик Марр произвел переворот. Марр доказал, что гипотеза праязыка не научна. Его теория состоит в том, что язык развивается параллельно развитию человеческого общества. Подобно человеческое общество, род, племя, нация, так и язык от языка рода, племя переходил в язык нации. Мелкие языки сливались в язык широкой группы. Развитие языка связано с производственным процессом. Рефлекс производства. Классовый характер языка в классовом обществе» [Л. 6].

Наиболее проблемным для лекторов стало отношение к концепции М.Н. Покровского. Для некоторых из них это было тем сложнее, что ранее они выступали его сторонниками. В лекциях прослеживаются оговорки: так, критикуя трактовку установления Табели о рангах («Покровский считал как уступка дворянству, а на самом деле это оформление бюрократического аппарата» [Л. 169]), Пионтковский часто упоминал семантически на-груженное понятие «торговый капитал» («Сдвиги в хозяйстве – растет торговый капитал… Торговые фактории Строганова. Отсюда стремление к захвату колоний» [Л. 194]). Методологически Покровского критиковал и Косминский: он единственный напрямую использовал дискурсивные практики эпохи («Покровский – абсолютизм господства торгового купеческого капитала. Сталин, Киров и Жданов – разъяснили – говорится о феодальной природе абсолютизма»[9]). Особой критике он подвергал теорию «торгового капитализма»: со ссылкой на Маркса Косминский обосновывал, что «торговый капитализм не создает новой формации, а лишь содействует разложению старой» [Л. 166].

Вместе с тем, насыщенные лекции производят крепкое, добротное, в хорошем смысле слова позитивистское впечатление. Однако были ли готовы слушатели воспринимать их? Не превращались ли лекции профессоров в монолог в силу низкой академической подготовки студенческой аудитории? Здесь нужно упомянуть о двух особенностях коммуникативного процесса в аудитории. Во-первых, мы видим ошибки в тетради слушателя: так, при записи лекции С.А. Пиотнковского упомина-

[9] Там же. Л. 166. Это единственное упоминание указанных имен в источнике.

ется «Екатерина с меньшевиком» [Л. 168об.] (Екатерина с Меншиковым), встречаются и неправильное транскрибирование устной речи лектора, например, «Ерская династия» (Йоркская), «бредоры» (преторы). Порой мы встречаем записи очевидно неверно истолкованных мыслей лектора: например, «законодательство Дракона написано “кровью и мечом”. За частную собственность смертная казнь, за убийство человека штраф. Это говорит, что в этот период много лишних людей» [Л. 81об-82]. Однако привлекает внимание неравномерность распределения ошибок в терминах: так, их почти нет в записях лекций Е.А. Косминского. Очевидно, лектор понимал стоявшие перед слушателями трудности и диктовал или записывал на доске непонятные для аудитории слова. Напротив, «поточными» были лекции В.С. Сергеева. Во-вторых, заметно в речи лекторов нарочитое «снижение», объяснение отдельных сюжетов из истории понятным слушателям языком. Так, в лекциях Пионтковского о Петре Первом упоминаются его обращения за помощью к «иностранным специалистам» [Л. 170об.]. В лекции Сергеева говорится о решении «квартирного вопроса» Цезарем; римские всадники характеризуются как «финансисты», а публикаты как «теперешние акционерные общества» [Л. 116]. Безусловно, если диалог в аудитории и оказывался затруднен, то к нему стремились обе стороны. Любопытно встретившееся нам в личном деле Круглова указание комиссии по чистке 1934 г.: в аудитории Московского индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта Круглов высказался о том, что «не реализовали постановление ЦК о высшей школе. Профессорско-преподавательский состав у нас хороший, но в основном молодой. Надо бы побольше солидных преподавателей»[10]. То есть слушатель был готов и хотел слушать профессоров – об этом свидетельствует и полнота конспекта.

Вопрос – насколько был успешен этот диалог? Однозначного ответа на этот вопрос не позволяет дать различие критериев, предъявляемых к указанным дидактическим текстам. Так, синхронная докладная записка об итогах обследования учебной работы, составленная К. Милоновым в январе 1937 г., отмечала невысокую результативность учебного процесса в ИКП: «лекции проф. Сергеева, блестящие по форме и интересные по охвату разнообразных фактов, представляют из себя голое описание, даже без попытки классового анализа событий. Я не против исторических анекдотов, нужно всячески приветствовать изложение живых исторических фактов и характеристики крупнейших политических деятелей, но неправильно понимать историю, как это делает проф. Сергеев, как простой перечень мало связанных между собой событий», лекции же профессора Дроздова «в противоположность этому почти не имеют живых исторических фактов, представляя из себя если не по со-

[10]Там же. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 385. Л. 15.

держанию, то по форме восстановление “социологизирование” школы Покровского»[11]. То, что не понравилось комиссии, на деле можно охарактеризовать как крепкую фактологическую подготовку слушателей, имевших до этого порой самые обрывочные представления об истории.

По итогам обучения на первом курсе слушатель Круглов был аттестован на «отлично», высокий бал он получил за усвоение курсов по истории СССР (общая отметка за курс) и по Всеобщей истории (отдельные отметки за историю Древних и Средних веков)[12]. Второй курс был не так успешен – будучи аттестованным по историческим дисциплинам, слушатель получил оценку «хорошо» по японскому языку. Осенью 1937 года Сергей Круглов был принят на работу в ИКП преподавателем истории Японии, совмещая эту должность с обучением на третьем курсе[13]. Таким образом, автор конспекта прошел путь от слушателя до преподавателя за довольно короткий срок – это было обычно для успевающего в усвоении академических дисциплин «икаписта». Но преподавателем Сергей Никифорович проработал недолго. Выпуск восточного отделения должен был состояться в 1938 г. Однако приказом от 1 января 1938 г. Институт красной профессуры был ликвидирован. С.Н. Круглов же исчез еще раньше – в декабре 1937 г. он перешел на работу в Отдел руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП(б), откуда менее чем через год был переведен в НКВД. На этом этапе его биографии полученные знания по истории ему уже не пригодились, тем более, что и часть профессоров, лекции которых он слушал, например, С.Н. Пионтковский и П.С. Дроздов, были репрессированы в 1937 г.

Частный студенческий конспект, отличающийся от отредактированных и «вычищенных» стенограмм лекций, представляет собой уникальную фокусную точку исследования Института Красной Профессуры как образовательной институции (с точки зрения организации учебного процесса, его кадрового состава, характеристик и академической успеваемости слушателей) и дает яркий пример практической реализации одного из «государственных» проектов в сфере науки и элитарного образования в 1920–1930-е гг. Хотя исторический нарратив, созданный преподавателями ИКП, соответствует идеологическим требованиям власти и написан в рамках марксистской методологии, с некоторым (незначительным) использованием цитат классиков марксизма-ленинизма, «полемически заострен» против представителей буржуазной историографии, а акценты расставляются порой с учетом классового подхода, в исследовательской методике, подходе к объекту изучения, а также в организации и атрибутике дидактических текстов преподавате-

[11] Там же. Оп. 4. Д. 4. Л. 126-126об.
[12] Там же. Оп. 1. Д. 385. Л. 30-30об.
[13] Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 30.

ли Института Красной Профессуры отчасти воспроизводят классический позитивистский вариант науки. Анализ лекционного конспекта позволяет говорить о сохранении в 1920–1930-е гг. матрицы научной работы – пусть и обрывочных, во многом подвергшихся рецепции в советское время представлений о «научности» исторического знания.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 2401. Списки руководящего, научного и профессорско-преподавательского состава институтов Красной Профессуры по состоянию на май 1937 года.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 385. Личное и академическое дело слушателя ИКП истории С.Н. Круглова.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Докладная записка о работе ИКП истории с 1931 г.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 4. Переписка [ИКП Истории] с Комитетом по заведыванию учеными и учебными заведениями об открытии новых кафедр, об итогах обследования учебной работы.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10146. Оп. 1. Д. 5. Тетради с записями Круглова С.Н. лекций профессоров и преподавателей ИКП. 1935-1936.

Авторханов А.В. Мемуары. Frankfurt/M., 1983. [Avtorhanov A.V. Memuary. Frankfurt/M.: Posev, 1983] URL: https://www.litmir.me/br/?b=52751&p=83.

Берендт Л.-Д. Институт красной профессуры: "кузница кадров" советской партийной интеллигенции (1921–1938). // За железным занавесом: мифы и реалии советской науки. СПб., 2002. С. 166-197. [Berendt L.-D. Institut krasnoj professury: "kuznica kadrov" sovetskoj partijnoj intelligencii (1921–1938). // Za zheleznym zanavesom: mify i rea-lii sovetskoj nauki. SPb., 2002. S. 166-197]/

Козлова Л.А. Институт Красной Профессуры (1921-1938): историографический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96-112 [Kozlova L.A. Institut Krasnoj Professury (1921-1938): istoriograficheskij ocherk // Sociologicheskij zhurnal. 1994. № 1. S. 96-112].

***Долгова Евгения Андреевна**, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, dolgova-evg@rambler.ru*

The notes of lectures by student of the Institute of Red Professors (in History) or about the possibilities of dialogue in the classroom in the 1930s

The article explores a curious source of personal origin such as the notes of lectures by student of the Institute of red professors (in History) for the 1935-1936 academic year. Analyzing the lectures of Vasiliy Struve, Vladimir Sergeev, Evgeniy Kosminsky, Petr Drozdov, Sergey Piontkovsky, Sergey Bakhrushin, the author examines the possibility of a dialogue in IKP (between the "Icapists" and "bourgeois professors") and concludes that although the historical narrative created by the teachers of the IKP was written in the framework of Marxist methodology, inside the citations of the classics of Marxism-Leninism, its metodological approach, as well as the organization and attributes of didactic texts partly reproduce the classic positivist version of science.

Keywords: Institute of Red Professors, "bourgeois" professors, lecture, communication, historical narrative, positivism, Marxism

***Evgeniya Dolgova,** PhD (in History), associate professor, Russian State University for the Humanities, dolgova-evg@rambler.ru*

В. П. Золотарев, А. А. Кутузова

Я.М. ЗАХЕР В ИСТОРИОГРАФИИ

Жизненный путь выдающегося советского историка Я.М. Захера (1893–1963) был наполнен как яркими событиями и научными достижениями, так и тяжелейшими испытаниями. Несмотря на многочисленные преграды, Я.М. Захер отдавал все свои силы освещению столь сложной и малоизученной на тот момент темы, как движение "бешеных" в период Французской революции конца XVIII в. Вопрос о роли Я.М. Захера в развитии советской исторической науки освещен, на наш взгляд, недостаточно. В статье предпринята попытка рассмотреть, какую оценку получило наследие историка в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых.

***Ключевые слова*:** *русская историческая школа, историография, Великая французская революция, "бешеные", Яков Михайлович Захер*

В современном мире, наполненном информационными технологиями, позволяющими хранить огромные массивы данных, все чаще начинают говорить о необходимости сохранения культурного и научного наследия. Если с культурным наследием все достаточно ясно, существует множество программ по его сохранению, то с научным наследием не все так просто. Научное наследие присутствует в каждом учебном и научно-исследовательском институте, большом или малом, от университетов до музеев, от научных обществ до исследовательских лабораторий. Однако российским образовательным и научным учреждениям часто не хватает осведомленности, соответствующих внутренних процедур, квалифицированных сотрудников для обеспечения сохранности и доступности научного наследия. Более того, законодательство, защищающее культурное наследие, обычно не имеет никакого отношения к наследию науки. Нетрудно сделать вывод, что задача сохранения научного наследия лежит исключительно на представителях научного сообщества. Но и здесь существует проблема – человеческий фактор предполагает наличие предвзятости, необъективности относительно того, что должно быть сохранено для будущих поколений. Особенно этим страдает историческая наука. С одной стороны, историческая наука полна выдающихся произведений, которые стали поворотным моментом в развитии той или иной темы, с другой, многие выдающиеся ученые и их вклад в развитие науки неоправданно забыты.

В качестве примера можно привести имя Якова Михайловича Захера (1893–1963). Захер выступает знаковой фигурой для ученых таких стран как Англия, Франция, Германия, Италия, США, Австралия, Китай, но никак не России. На родине лишь немногочисленные публикации и личные свидетельства его родных и учеников позволяют приоткрыть завесу над именем Я.М. Захера. В связи с этим обратимся к электронной

библиотеке «Научное наследие России». Приведем сухие факты: в разделах, относящихся к исторической науке, размещен 1381 документ. Ни в одном документе Захер не упоминается. И это не единичный случай. На сайте Санкт-Петербургского государственного университета, как в разделе «Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в.)», так и в разделе «Словарь историков Санкт-Петербургского университета (XVIII–XX вв.)» нет ни одного упоминания о Я.М. Захере, хотя с этим учебным заведением связаны годы его учебы и преподавательской работы. Возникает вполне логичный вопрос - почему Яков Михайлович Захер мало известен в России? И почему к нему привлечено столь пристальное внимание зарубежных историков?

Прежде всего имя Я.М. Захера ассоциируется с исследованием такой эпохи мировой истории, как Великая французская революция конца XVIII в. Крупные события, радикальные изменения государственного строя, революции, перевороты привлекают внимание историков. Многие исследователи в своих трудах обращались к событиям, ставшими знаковыми как для Франции, так и для всего мира: Ф.В.А. Олар, А. Матьез, А. Собуль, П.А. Кропоткин, Н.И. Кареев, Е.В. Тарле, Я.М. Захер, А.З. Манфред, А.В. Адо, В.Г. Ревуненков, А.В. Гордон и мн. др. Почему же имя Якова Михайловича Захера требует столь пристального внимания? Именно ему принадлежит заслуга комплексного и системного исследования леворадикального движения «бешеных». Здесь мы ненадолго отступим от личности Захера и обратимся к сути движения.

Началом движения «бешеных» принято считать весну 1792 г. Первоначально они состояли в тактическом союзе с якобинцами. Основную цель сотрудничества двух значимых общественно-политических сил революционной Франции составляла борьба с жирондистами[1]. Однако уже с лета 1973 г. начинается противостояние со вчерашними соратниками, уже осенью окончившееся удовлетворением требований «бешеных», к которым относились реквизиция хлеба и продажа его потребителям по «максимальным» ценам. Петиция Жака Ру, одного из лидеров этого движения, провозглашала: «Свобода не что иное, как пустой призрак, когда один класс может безнаказанно морить голодом другой. Равенство – пустой призрак, когда богач благодаря монополиям пользуется правом жизни и смерти над себе подобными. Пустой призрак и республика, когда изо дня в день действует контрреволюция, устанавливая такие цены на продукты, платить которые три четверти граждан могут, только обливаясь слезами… В течение четырех лет одни только богатые пользуются выгодами революции… Лишь прекращением разбоя торговцев…, лишь предоставлением санкюлотам продовольствия вы привлечете их на сторону революции и объедините их вокруг кон-

[1] Подробнее см.: Кареев 1894; Чудинов 2008.

ституционных законов» [Захер 1962: 317]. «Бешеные» привлекли в общественно-политическую жизнь женщин, дав им возможность активно высказывать свои мысли, желания, требования [Серебрякова 1929].

Историографическая судьба «бешеных» характеризуется неоднозначностью и прерывностью. Изначально внимание к ним было привлечено трудом П.А. Кропоткина «Великая французская революция» (Лондон, 1909), в котором он называет их «народными коммунистами» и «предшественниками анархистов» [Кропоткин 1979]. Среди основных вопросов – место и роль «бешеных» в истории Великой французской революции, восприятие представителей движения как проводников социалистических и коммунистических идей. Французские же историки долгое время обходили эту тему стороной. Как отметил Клод Гильон, опубликовавший в 1993 г. сборник биографий и полные тексты работ двух представителей данного движения (П. Леон и Т. Лекларк), именно советские историки Я.М. Захер и Н.П. Фрейберг [Фрейберг 1927] совершили прорыв в изучении «бешеных» в первой трети XX в., и лишь затем в 1960-х гг. к ним присоединились англосаксонские исследователи [Les Enragés…]. Советские историки, представители молодого революционного поколения 1917 г. были крайне заинтересованы в изучении мало освещенных вопросов Великой французской революции, таких как движение «бешеных». Советская историография народных движений революционной Франции прошла длительный и сложный путь. Еще в 1920–1930-е гг. были сформированы те основные направления в изучении темы, которые можно проследить и сейчас в научной литературе, посвященной Великой французской революции [Ревуненков 1967]. Однако впоследствии наступило некоторое затишье. Только после Второй мировой войны стали появляться работы, свидетельствующие о возрастающем интересе к движению санкюлотов и «бешеных»[2]. В конце 1950–1960-е гг. наблюдается всплеск исследований, посвящённых отдельным вопросам истории XVIII в., в т.ч. «бешеным»: работы норвежского историка К.Д. Тённессона на французском языке, А. Собуля, А.З. Манфреда [Манфред 1956][3], С.В. Сытина и др. Появляются работы выдающегося немецкого историка Вальтера Маркова[4]. Через четыре года пос-

[2] Во Франции издаются две работы: в 1946 г. – «La Lutte de classes sous la Première République» Д. Герена («Классовая борьба в Первой Республике») и в 1948 г. – «Jacques Roux, le curé rouge et le “Manifeste des Enragés”» М. Домманже (Жак Ру, красный священник и манифест «Бешеных»).

[3] Труд советского историка А.З. Манфреда «Великая французская буржуазная революция XVIII века» был издан также на французском языке («La Grande Révolution française bourgeoise du XVIIIe siècle») в 1961 г.

[4] «Рукопись Жака Ру «Речь о причинах несчастий французской республики» 1959, «Дореволюционный период Жака Ру» 1964 г., «Жак Ру и Карл Маркс (Как появились «бешеные» в «Святом семействе»)» 1966 г.

ле французского издания труда Манфреда, английский историк Р.Б. Роуз издал монографию «The Enragés, Socialists of the French Revolution?» («Бешеные, социалисты французской революции?»), и это издание было подготовлено при помощи Я.М. Захера. М. Славин, американский исследователь, выходец из Одессы, также обращался к санкюлотам и деятельности «бешеных» [L'autre Enragé…]. Затем в советской историографии по известным причинам внимание к проблематике радикальных движений Французской революции сходит на нет. В дальнейшем публикуется несколько статей советских исследователей, по данной тематике [напр.: Солтановская 1983], сегодня же интерес к «бешеным» угас.

Небольшой экскурс в историографию «бешеных» заставляет сконцентрироваться на одном имени, ярко выделившемся среди прочих историков. Это Яков Михайлович Захер (1893–1963), представитель русской исторической школы, ученик Н.И. Кареева, автор трудов, охвативших не только Великую французскую революцию и движение «бешеных», но и революционные события в Англии, вопросы внешней политики России, отношения государства и церкви и т.д. Его вклад в развитие исторической науки неизбежно вызывает вопрос о признании изысканий Захера отечественными и зарубежными исследователями.

Рассматривая оценку научного наследия советского историка, целесообразно выделить этапы его изучения, критики и признания заслуг: [1] 1921–1938 гг.; [2] 1956–1963 гг.; [3] 1963–1993 гг.; [4] 1993–2018 гг.

Первый этап связан с оценкой работ Я.М. Захера его современниками в период от первой его публикации «Парижские секции 1790–1795 гг. и их политическая роль и организация» (1921) до ареста и заключения (1938). Первым отзывом стала рецензия Н.И. Кареева. Именно Николай Иванович предоставил своему ученику необходимые документы и иные материалы, помог в написании и публикации работы, а потом опубликовал на нее рецензию, подчеркнув, что автор касался малоисследованных проблем Великой французской революции и продемонстрировал знание источниковой базы. Так Кареев передал молодому исследователю тему о «народных секциях» [Золотарев 2000: 334-345].

В 1925 г. выдающийся французский историк Альбер Матьез опубликовал отзыв о биографических брошюрах Я.М. Захера (о Робеспьере, Сен-Жюсте и др.). Он писал: «Эти популярные, но основательно документированные брошюры свидетельствуют об интересе, который проявляют теперь русские к нашей великой революции» [Письмо А.В. Гордона]. Эта оценка способствовала усилению внимания к бешеным, к тому же приближался 140-летний юбилей Французской революции. На XV партийной конференции (1926) и XV съезде партии (1927) особое внимание уделялось интерпретации истории термидора. Захер выпускает специальную работу «9 термидора», которая не осталась незамеченной научным сообществом и в центральной прессе. В ней также чув-

ствуется влияние Н.И. Кареева на стиль, методы анализа и выводы автора. В этой работе представлено комплексное и подробное освещение событий 9 термидора, ее отметили как отечественные историки, так и зарубежные. Несмотря на неоднозначность оценок, важно, что именно Захер стоит у начала дискуссии о сущности «термидора», которая была в скором времени прекращена, но инициатива Захера была замечена: он получил право на научную командировку в Париж для работы в Национальном архиве и библиотеке на летний период в 1927 г. Командировка была предоставлена Наркомпросом РСФСР по ходатайству Ленинградского университета. Захер был хорошо подготовлен к поездке. Еще до нее был выпущен перечень брошюр, связанных с деятельностью движения «бешеных», в т.ч. и о Жаке Ру. Захер писал, что он «специально посвятил себя… изучению роли крайне левых течений этой эпохи (так называемых “бешеных” и эбертистов)… В настоящее время мной полностью исчерпаны все имеющиеся в СССР источники, и для продолжения этой работы, чрезвычайно важной для марксистской историографии Революции, необходим доступ в Национальный архив и Национальную библиотеку в Париже и Британский музей в Лондоне. Результатом моей работы там является исследование по массовой истории французской революции и о роли “бешеных” как идеологов рабочего класса» [цит. по: Золотарев 2000: 336]. Но изучение крайне левых движений периода Великой французской революции не было единственной целью этой командировки. В «Плане работы проф. Я.М. Захера во время зарубежной командировки» (II часть) указано: «Занимаясь уже в течение ряда лет предысторией войны 1914–1918 г. (результатом этой работы явилась моя статья «Константинополь и проливы», напечатанная в № VI и VII «Красного Архива» и отмеченная в ряде органов западноевропейской печати), я исчерпал источники, имеющиеся в СССР. Для продолжения работы необходим доступ в Архив Великой войны в Париже и Архив Министерства иностранных дел в Берлине».

Разрешение на командировку было получено, но только на работу в Париже, где Захер изучил все имеющиеся документы о «бешеных», просмотрел новейшие издания о них, исследовал периодическую печать того времени. В поездке профессор не только смог значительно пополнить свои материалы, но также пообщаться с некоторыми французскими историками, в частности, с А. Матьезом. Вернувшись в Ленинград, он привез обширные выписки, сделанные в Париже. Ему необходимо было уединение для максимального погружения в работу, и он уехал на свою дачу. Результатом труда стала монография «Бешеные».

Почти сразу после публикации книги вышла критическая рецензия в журнале «Историк–марксист» [Рец.: Я.М. Захер «Бешеные»]. Ее автор предпочел скрыться под псевдонимом «С-ий» . Рецензент отметил несоответствие объема книги и ее содержания: «От книги таких размеров

ожидаешь больше нового материала, а от автора, так долго работавшего над темой, – более ясных постановок вопроса и более осязательных выводов». Рецензент не удержался от «иронии»: «Охват темы у Я.М. Захера определен материалами из вторых рук, – убеждение в истинности этого факта не может быть поколеблено даже ошеломительными размерами его “аппарата”, которые могут только заставить воззвать к более экономному обращению с советской бумагой». В то же время рецензент соглашается с выбранными историком методами, в частности: «Биографический метод изложения конечно вполне законен. Он даже имеет специальные достоинства кроме удобства изложения, когда дело идёт о таких личностях, как Робеспьер, Марат, даже Шометт: это личности и сами по себе достаточно значительные и главное в них персонифицируется целое движение, эпоха, стиль». Далее отмечается верность основных выводов Захера, хотя с оговоркой: «…единственный его общий вывод, на котором стоит остановиться, сводится к тому, что бешеные не были ни коммунистами, как некогда утверждал Кропоткин, ни ординарными якобинцами левого крыла, как устанавливалось в советской литературе. И этот вывод был бы ценен, базируйся он на детальном классовом и экономическом анализе движения; однако именно здесь работа Я.М. Захера и оставляет читателя наиболее неудовлетворенным» [с. 206]. Обращается внимание на логичную структуру монографии: «Автор аккуратно подразделяет часть книги, посвященной “идеологии” бешеных, на главы об их философских, экономических, политических и социальных “воззрениях”», но опять же с оговоркой: «внутри этих подразделений дела у него оказывается немного, несмотря на самое искреннее желание зарегистрировать всё, что только можно, и подать в наиболее выгодном свете значение зарегистрированного». Но все же амбициозный критик был вынужден признать достоинства работы Захера и подчеркнул главное из них: «*книга советского историка – это первая монографическая работа о бешеных* (курсив наш. – авт.)» [с. 207].

Яков Михайлович был на пике своих жизненных сил и научных изысканий и был способен сделать многое, если бы не трагические события 1938 г., когда его научная работа была прервана обвинением в контрреволюционной деятельности и осуждением на 15 лет. Нахождение Захера в Красноярском лагере требует специального исследования, основанного на разных источниках, некоторыми из них авторы настоящей статьи располагают. Здесь мы лишь упомянем об этом трагическом этапе в жизни Захера, чтобы соблюсти логику изложения. В 1956 г. Захер решением Верховного суда РСФСР был полностью реабилитирован.

Второй этап связан с последним десятилетием жизни Я.М. Захера и его взаимодействием с отечественными и зарубежными историками. Несмотря на длительный срок заключения, после возвращения он приложил все силы, чтобы вернуться к своей проблематике. У него возни-

кали все новые вопросы, связанные с движением «бешеных». Следует сказать, что работы Захера легли в основу исследований историками ряда проблем, связанных с революционной Францией конца XVIII в. Неоднократно Яков Михайлович получал персональные приглашения на симпозиумы и конференции во Франции.

Но если французские, немецкие и английские исследователи благодарили советского ученого за его помощь и горели желанием продолжить работу с ним, то советские исследователи не спешили следовать примеру своих европейских коллег. В трудах советских историков, рассматривающих специализированные вопросы (как например, проблему церкви и революции [Домнич 1957; 1960]), присутствуют ссылки на Захера, но без оценок. Кроме того, на тех научных семинарах, в которых Захеру удавалось принимать участие, чаще всего, он встречал критические отзывы. Благодаря воспоминаниям его ученика, ныне доктора исторических наук А.В. Гордона, были изучены оценки доклада Захера о деятельности Жака Ру на заседании группы по истории Франции 19 декабря 1957 г., состоявшемся в Институте истории Академии наук. По мнению А.З. Манфреда, несмотря на значение разработок Я.М. Захера, «тон докладчика в отношении якобинской диктатуры неверен». Критику поддержал Далин, не согласившись с оценкой политической платформы «бешеных» докладчиком и заявив, что она была «ошибочной». Однако отношения между Захером и коллегами из Института истории сохраняли взаимную благожелательность и развивались по восходящей. Большую роль здесь играл Далин, благодаря которому эти отношения приобрели особую душевную теплоту [Гордон, 2002].

Однако время, проведенное в заключении, подорвало здоровье Я.М. Захера и в 1963 г. он скоропостижно скончался.

Третий период оценки наследия ученого включает годы после его смерти вплоть до появления первой крупной статьи о советском историке. Смерть Захера вызвала волну публикаций в зарубежной научной периодике. Немецкий историк В. Марков в посвященном Я.М. Захеру некрологе утверждал, что он открыл редкую специальную область для советской и мировой исторической науки, от которой не отходил в течение всей своей жизни, но в которую за ним не пошли его соратники. Захер увидел в «бешеных» спонтанный ход народного движения. Ситуацию, в которой оказался Жак Ру, вольнодумец Захер отнес к проблемам революции и церкви, которой он посвятил двухтомную работу «Великая Французская революция и церковь» [Марков 1963].

Благодаря А.В. Гордону стали известны и другие некрологи, написанные зарубежными историками. Захер давал оценки работам своих младших коллег Кобба, Рюде и Роуза, отличавшиеся «не всегда заслуженной благожелательностью, критическими замечаниями о Кропоткине и дружескими советами своим молодым корреспондентам». Б. Ро-

уз, изложив свое видение «бешеных» (он подготовил книгу о них на основе своей диссертации), просил Захера высказать свое мнение о нем, даже если оно будет отрицательным [Гордон 2007].

Весьма показателен следующий абзац некролога, написанного зарубежными коллегами: «Пусть другие оценят научный вклад одного из первых советских специалистов по истории французской революции. Мы хотим только вызвать в памяти образ далекого друга, который относился к своим английским корреспондентам, можно сказать, по-отечески. (Между прочим, в 20-х годах он состоял в переписке с учителем одного из нас Дж.М. Томпсоном). Если бы нам удалось совершить ту поездку, о которой так часто говорилось в наших письмах, мы бы смогли устно выразить свое восхищение деятельностью и энергией этого старого революционера, который после многолетнего перерыва имел мужество возобновить свои занятия на том самом месте, где вынужден был оставить их. …Наш друг с улицы Аврова обогатил нас не только своей эрудицией, но и своим расположением. Он был для нас как бы дядюшкой, снисходительным и доброжелательным, и в то же время представителем героического поколения, который почтил нас своей дружбой»[5]. А.В. Гордон приводит информацию о размещении в том же номере журнала биографического очерка А. Собуля, который открывается словами: «Наш друг профессор Я. Захер из Л[енингра]да умер 14 марта 1963 г. В его лице ушел один из наиболее выдающихся советских историков поколения 1917 г.», говорится в нем и о знакомстве с Матьезом в 1927 г. Приводится отзыв последнего 1925 г. о биографических брошюрах Захера (о Робеспьере, Сен-Жюсте и др.): «Эти популярные, но основательно документированные брошюры свидетельствуют об интересе, который проявляют теперь русские к нашей великой революции». «В Захере наши исследователи потеряли одного из лучших специалистов, наше Общество и журнал – друга. Для тех, кто мог знать его благодаря регулярной переписке, он остается образцом, который постоянно будет вызывать наши воспоминания и привязанность» [Письмо А.В. Гордона].

Одним из первых посмертных отзывов в СССР о научной деятельности и наследии Захера стало эссе доктора исторических наук, профессора В.Г. Ревуненкова. В нем он обращает внимание на то, что в своей книге «Движение “бешеных"» (1961), в которой «дан наиболее полный в нашей литературе анализ социально-экономических и политических взглядов Жака Ру и его единомышленников, ярко обрисована их роль в революции, Захер подчеркивает двойственный и противоречивый характер якобинской диктатуры» [Ревуненков 1967].

Оценку вклада Я.М. Захера в исследование Великой французской революции наиболее полно представил А.В. Гордон в своей кандидат-

[5] Annales Historiques de la Revolution Française 1963. P. 398-399.

ской диссертации: «следуя замечательным традициям, заложенным в ранней советской историографии, …наши ученые в последние десять лет создали ряд интересных и содержательных работ, посвященных формированию мировоззрения и деятельности вождей якобинской диктатуры Робеспьера, Марата, Сен-Жюста, виднейшего представителя левых якобинцев Шометта и группы “бешеных”, долголетние исследования Я.М. Захера… и других позволили нам не заниматься специальными исследованиями таких важных вопросов, как обоснование якобинскими вождями политической системы революционно-демократической диктатуры или отношение к ней Жака Ру и других “бешеных”» [Гордон 1968]. Гордон солидарен с мнением Маркова и Ревуненкова относительно вклада Якова Михайловича Захера в развитие исторической науки и изучение движения «бешеных», как автора самой первой монографии о представителях крайне левых течений эпохи Французской революции конца XVIII века [Гордон 2002].

В 1970 г. на симпозиуме в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР В.М. Далин упомянул о значительном вкладе и высоком уровне научных работ Я.М. Захера. Представители советской исторической науки стремились максимально широко охватить проблематику революционных событий во Франции. Однако впоследствии число научных трудов, посвященных этой проблематике резко сократилось. Далин считал, что это было связано с отсутствием истинной заинтересованности в изучаемом предмете: «И мне кажется, что причиной некоторого застоя в изучении проблем якобинской диктатуры явилось то, что было “не модно” рассмотрение нисходящей линии в истории революции. Изучение проблем Термидора в основном было закончено в 30-х годах. В последние годы я могу вспомнить только работу Я.М. Захера «Плебейская оппозиция накануне Термидора», – отмечал В.М. Далин [Проблемы якобинской диктатуры…].

Минуло еще почти два десятка лет и Е.В. Киселева в 1987 г. констатировала, что лишь в трудах Н.И. Кареева и Я.М. Захера среди всего многообразия книг о Французской революции тщательно и подробно рассмотрены деятельность Парижских секций во время конфликта Конвента и Коммуны [Киселева 1989]. Спустя год В.Г. Ревуненков вновь упоминает имя Захера в связи с трактовками основных проблем истории революции и показывает определенную эволюцию взглядов Захера по рассматриваемым им вопросам в сторону некоторого совершенствования выдвигаемой исследователем концепции [Ревуненков 1988].

Имя Я.М. Захера присутствует в ряде зарубежных работ, посвященных Французской революции. На него ссылаются, упоминая вместе с В. Марковым, как на авторитет мирового уровня, европейские, американские, китайские историки. В сборнике, посвященном историкам-марксистам и международным исследованиям в области Французской

революции (1969), особо отмечаются статьи Захера, посвященные Жаку Ру, Варле и Леклерку и монография «Бешеные» как труды, представляющие огромную ценность[6]. В монографии М. Славина «Создание восстания: парижские секции и жиронда» присутствует множество ссылок на работы Я.М. Захера, вышедших в разные годы [Slavin 1986: 212]. Исследования Захера и Маркова, по мнению Славина, полностью восстановили «бешеных» как полноценный предмет исторических исследований [Bouloiseau 1972]. Отмечается, что исследование движения «бешеных» стало визитной карточной советских историков, и в первую очередь Захера [Walter 1970]. Известен Я.М. Захер, как видим, не только на Западе, но и на Востоке. Китайский исследователь Чжан (1989) считает, что статьи Захера и его труды «Бешеные» (1930) и «Движение “бешеных”» (1961) открыли совершенно новую область в изучении истории Французской революции [Zhang 1990].

Четвертый этап изучения жизни и творчества Я.М. Захера самый плодотворный (1993–2018). В 1993 г. была опубликована объемная статья В.П. Золотарева в журнале «Новая и Новейшая история» [Золотарев 1993]. Спустя 7 лет текст статьи был дополнен и представлен в международном сборнике «Портреты историков. Время и судьбы» [Золотарев 2000]. Развитие данная тема получила в 2006 г., в связи с публикацией переписки Захера с А.В. Адо, для которого Яков Михайлович стал учителем и наставником [Восемь писем…][7]. В дальнейшем, интерес к работам Я.М. Захера постепенно сходит на «нет». Незначительные упоминания о нем присутствуют в статьях С.Ф. Блуменау (2002), Е.Ю. Лыковой (2005), А.В. Чудинова (2007), О.И. Зезеговой (2012). В 2012 г. выходит статья В.С. Брачева «“Дело” Я.М. Захера»[8], основанная на публикациях В.П. Золотарева. В последние годы в России вышло из печати лишь несколько работ, посвященных научному наследию Я.М. Захера. Это труды А.В. Гордона (2014, 2018) и статьи А.А. Кутузовой (2015, 2018).

Своего рода обобщающим становится вывод французского историка К. Гильона – многие состоявшиеся и признанные исследователи, в т.ч. и Вальтер Марков, обращались к научному наследию Я. Захера, без которого комплексные исследования леворадикального движения периода Великой французской революции невозможно [Guillon 2009].

***

Сохранение научного наследия – одна из самых больших культурных проблем современного общества. Это касается не только органов государственной власти, курирующих вопросы образования и науки, но предполагает активное участие множества субъектов, образовательных

[6] Recherches Internationale à la Lumière du Marxisme. № 61-66. 1969. P. 99.
[7] Восемь писем….
[8] Брачев 2012.

организаций и научных центров, архивов и музеев. Хотя многие страны включают сохранение научного наследия в свое законодательство о культурном наследии, на практике оно не реализуется. Советская система образования и науки давала возможность проявить себя, сформировать собственную позицию уникальным личностям. Проводниками просвещения становились люди, посвятившие жизнь научным изысканиям, методическим разработкам и воспитанию новых поколений.

Пример Якова Михайловича Захера наглядно демонстрирует, в каком состоянии на сегодняшний день находится его научное историческое наследие. Многие научные достижения дореволюционного и советского периодов забыты. Сегодня перед научным сообществом стоит задача возрождения имен тех ученых, благодаря которым историческая наука развивалась, получила широкое международное признание.

История науки должна быть беспристрастной в отношении оценки и сохранении наследия ученого, иначе это ведет к игнорированию заслуг исследователей, акцентированию внимания на «удобных героях» и «удобных интерпретациях». В этом трудном деле надо следовать заветам Марка Туллия Цицерона: «первый закон истории – ни под каким видом не допускать лжи; затем – ни в коем случае не бояться правды; не допускать ни тени пристрастия, ни тени злобы» [Об ораторе].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Письмо А.В. Гордона от 29.12.1992 В.П. Золотареву // Личный архив проф. В.П. Золотарева

План работы проф. Я.М. Захера во время зарубежной командировки. Отдел личного состава ЛГУ. Дело № 430б. Захер Як. Мих. – профессор ист. фак-а по кафедре Новой истории Лен. Гос. Ун. Начато: 1 мая 1921 г. Окончено: 9 октября 1938 г. Ф. 1. 1917-44 г. ок. №1 п/п №1089-1119. Св. 34. Лист 12 // Личный архив профессора В.П. Золотарева

Блуменау С.Ф. Французская революция и гражданское устройство духовенства // Всеобщая история: современные исследования. Вып. 11. Брянск. 2002. С. 19-32 [Blumenayu S.F. Francuzskaya revolyuciya i grazhdanskoe ustrojstvo duhovenstva // Vseobshchaya istoriya: sovremennye issledovaniya. Vyp. 11. Bryansk. 2002. S. 19-32].

Брачев В.С. «Дело» Я.М. Захера // Общество. Среда. Развитие: научно-теоретический журнал. 2012. № 2 [Brachev V.S. «Delo» Ya.M. Zahera // Obshchestvo. Sreda. Razvitie: nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2012. № 2].

Восемь писем Я.М. Захера А.В. Адо (Вступ. ст., коммент. В.П. Золотарева, С.С. Канашкиной) // Мир историка: историографический сборник Вып. 2. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. С. 326-341 [Vosem' pisem Ya.M. Zahera A.V. Ado (Vstup. st., komment. V.P. Zolotareva, S.S. Kanashkinoj) // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik. Vyp.2. Omsk: Izd-vo OmGU. 2006. S. 326-341]

Гордон А.В. Личность и судьба ученого: Яков Михайлович Захер // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Gordon A.V. Lichnost' i sud'ba uchenogo: Yakov Mihajlovich Zaher // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2014. T. 5. Vyp. 9 (32).]. // URL: http://history.jes.su/s207987840000855-9-1

Гордон А.В. Встречи с В.М. Далиным // Французский ежегодник. 2002. М., 2002 [Gordon A.V. Vstrechi s V.M. Dalinym // Francuzskij ezhegodnik. 2002. M. 2002]. URL: http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Gordon-2002.html

Гордон А.В. Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада (история с Ричардом Коббом) // Французский ежегодник. 2007. М., 2007 [Gordon A.V. Sovetskie istoriki i «progressivnye uchenye» Zapada (istoriya s Richardom Kobbom) // Francuzskij ezhegodnik. 2007. M., 2007. URL: http://annuaire-fr.narod.ru./statji/Gordon-2007.html]

Гордон А.В. Установление якобинской диктатуры: автореферат дисс. канд. истор. наук. М.: Институт истории АН СССР. 1968. 26 с. Gordon A.V. Ustanovlenie yakobinskoj diktatury: avtoreferat diss. kand. Istor. nauk. M.: Institut istorii AN SSSR. 1968. 26 s.

Гордон А.В. Историки железного века. М. СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2018. 448 с. [Gordon A.V. Istoriki zheleznogo veka. M. SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ. 2018]

Домнич М.Я. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь. М.: Изд-во АН СССР. 1960 [Domnich M.Ya. Velikaya francuzskaya burzhuaznaya revolyuciya i katolicheskaya cerkov'. M.: Izd-vo AN SSSR. 1960] URL: http://istmat.info/node/28910

Домнич М.Я. К истории секуляризации церковных имущество во Франции // Французский ежегодник 1958. М, 1959. С. 127-152 [Domnich M.Ya. K istorii sekulyarizacii cerkovnyh imushchestvo vo Francii. // Francuzskij ezhegodnik 1958. M., 1959. S. 127-152]

Домнич М.Я. Народные массы Франции в борьбе с клерикальной контрреволюцией XVIII в // Из истории общественных движений и международных отношений: сб. статей в память акад. Е.В. Тарле. М.: Изд-во АН СССР, 1957 [Domnich M.Ya. Narodnye massy Francii v bor'be s klerikal'noj kontrrevolyuciej XVIII v // Iz istorii obshchestvennyh dvizhenij i mezhdunarodnyh otnoshenij: sb. statej v pamyat' akad. E.V. Tarle. M.: Izd-vo AN SSSR. 1957]. URL: http://istmat.info/node/33500

Захер Я.М. Жак Ру до падения Жиронды // Под знаменем марксизма. 1928. № 12. С. 160-178 [Zakher Ya.M. Zhak Ru do padeniya Zhirondy // Pod znamenem marksizma. 1928. № 12. S. 160-178]

Захер Я.М. Жак Ру. Пг.: Государственное изд-во. 1922. 35 с. [Zakher Ya.M. Zhak Ru. Pg.: Gosudarstvennoe izd-tvo. 1922. 35 s.]

Захер Я.М. К истории русской политики по вопросу о проливах в период между русско-японской и триполитанской войнами // Из далекого и близкого прошлого. М.: Мысль, 1923. С. 300-309 [Zakher Ya.M. K istorii russkoj politiki po voprosu o prolivah v period mezhdu russko-yaponskoj i tripolitanskoj vojnami // Iz dalekogo i blizkogo proshlogo. M.: Mysl'. 1923. S. 300-309].

Захер Я.М. Очерки по истории «бешеных» эпохи Великой французской революции: (Жак Ру – Доливье – Л'Анж). Л.: Прибой. 1925. 92 с. [Zakher Ya.M. Ocherki po istorii «beshenyh» epohi Velikoj francuzskoj revolyucii: (Zhak Ru – Doliv'e – L'Anzh). L.: Priboj. 1925].

Захер Я.М. Революция 1848 года в Германии. Л.: Прибой. 1927. 180 с. [Zakher Ya.M. Revolyuciya 1848 goda v Germanii. L.: Priboj. 1927. 180 s.]

Захер Я.М. Социальные взгляды «бешеных» // Под знаменем марксизма. 1928. № 9-10. С. 151-163 [Zakher Ya.M. Social'nye vzglyady «beshenyh» // Pod znamenem marksizma. 1928. № 9-10. S. 151-163].

Захер Я.М. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г. // Из истории якобинской диктатуры (1793-1794). Одесса: Одесский университет. 1962. С. 317-344 [Zakher Ya.M. Zhak Ru i yakobinskaya konstituciya 1793 g. // Iz istorii yakobinskoj diktatury (1793-1794). Odessa: Odesskij universitet, 1962. S. 317-344].

Захер Я.М. (под псевдонимом Я. Михайлов) Великая французская революция и церковь. В 2 т. М.-Л., 1930-1931. 274 с. 184 с. [Zakher Ya.M. (pod psevdonimom Ya. Mihajlov) Velikaya francuzskaya revolyuciya i cerkov'. V 2 t. M.-L. 1930-1931. 274 s. 184 s.]

Захер Я.М. Варле в эпоху термидорианской реакции // Под знаменем марксизма. 1928. №6. С. 157-170 [Zakkher Ya.M. Varle v epohu termidorianskoj reakcii // Pod znamenem marksizma. 1928. №6. S. 157-170].

Захер Я.М. Великая Французская революция. Учебник и хрестоматия. Изд-е 4-е. Серия «Всеобщая история». Л.: Прибой. 1927. 146 с. [Zaher Ya.M. Velikaya Francuzskaya revolyuciya. Uchebnik i hrestomatiya. Izd-e 4-e. L.: Priboj. 1927. 146 s.]

Захер Я.М. Клара Лакомб и клуб революционных республиканок 1793 г.// Проблемы марксизма. Л. 1928. Сб.1. С. 219-241 [Zakher Ya.M. Klara Lakomb i klub revolyucionnyh respublikanok 1793 g.// Problemy marksizma. L. 1928. Sb.1. S. 219-241].

Захер Я.М. Лекции по истории великой Французской революции // Записки Высшей военно-политической школы им. тов. Толмачева. 1923. №. 1(4). С. 59-110 [Zakher Ya.M. Lekcii po istorii velikoj Francuzskoj revolyucii // Zapiski Vysshej voenno-politicheskoj shkoly im. tov. Tolmacheva. 1923. №. 1(4). S. 59-110].

Захер Я.М. Парижские секции 1790-1795 г. Л.: Государственное издательство. 72 с. [Zakher Ya.M. Parizhskie sekcii 1790-1795 g. L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 72 s.]

Захер Я.М. Сен-Жюст (жизнь, деятельность, идеология). Пг.: Гос. изд-во. 1922. 78 с. [Zakher Ya.M. Sen-Zhyust (zhizn', deyatel'nost', ideologiya). Pg.: Gos. izd-vo. 1922. 78 s.]

Зезегова О.И. Стратегии выживания ученых переломной эпохи (на примере выходцев из «Русской исторической школы») [Zezegova O.I. Strategii vyzhivaniya uchenyh perelomnoj epohi (na primere vyhodcev iz «Russkoj istoricheskoj shkoly»)]. URL: http://www.granta.net/materials/3/2012/7-2/15.html

Золотарев В.П. Яков Михайлович Захер (1893–1963) // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 180-204 [Zolotarev V. P. Yakov Mihajlovich Zaher (1893–1963) // Novaya i novejshaya istoriya. 1993. № 4. S. 180-204]

Золотарев В. П. Яков Михайлович Захер (1893–1963) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история / отв. ред. Г.Н. Севостьянов и др. М.: Унив. кн. Иерусалим: Gesharim, 2000. С. 334-345 [Zolotarev V. P. Yakov Mihajlovich Zaher (1893–1963) // Portrety istorikov. Vremya i sud'by. T. 2. Vseobshchaya istoriya / otv. red. G.N. Sevost'yanov i dr. M.: Univ. kn. Ierusalim: Gesharim, 2000. S. 334-345].

Кареев Н.И. Жирондисты // Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XII (Жилы - Земпах). СПб., 1894. С. 14-16 [Kareev N.I. Zhirondisty // Encikloped. slovar' Brokgauza i Efrona. T. XII (Zhily – Zempah). 1894. S. 14-16].

Киселева Е.В. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора // Французский ежегодник, 1987, посвященный 200-летию Великой французской революции. М.: Наука. 1989 [Kiseleva E.V. Rol' parizhskih sekcij v perevorote 9 termidora // Francuzskij ezhegodnik, 1987, posvyashchennyj 200-letiyu Velikoj francuzskoj revolyucii. M.: Nauka. 1989]. URL: http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Kiseleva-87.doc

Кропоткин П.А. Великая Французская Революция 1789–1793 / Прим. А.В. Гордона, Е.В. Старостина, статьи В.М. Далина, Е.В. Старостина. М.: Наука, 1979. 576 с. [Kropotkin P.A. Velikaya Francuzskaya Revolyuciya 1789–1793 / Prim. A.V. Gordona, E.V. Starostina, stat'i V.M. Dalina, E.V. Starostina. M.: Nauka, 1979. 576 s.]. URL: http://aitrus.info/node/941

Кутузова А.А. Два российских интеллигента: Я.М. Захер и Н.И. Кареев // Интеллигенция и мир. 2015. № 4. С. 98-108 [Kutuzova A.A. Dva rossijskih intelligenta: Ya.M. Zaher i N.I. Kareev // Intelligenciya i mir. 2015. № 4. S. 98-108].

Кутузова А.А., Русанова В.С. Питирим Александрович Сорокин и Яков Михайлович Захер: университетские годы жизни // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. Т. 160. кн. 3. С. 772–785 [Kutuzova A.A., Rusanova V.S. Pitirim Aleksandrovich Sorokin i Yakov Mihajlovich Zaher: universitetskie gody zhizni // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. 2018. T. 160. kn. 3. S. 772–785].

Лыкова Е.Ю. Исследователи истории Франции и власть (по материалам «Французского ежегодника» 2002 г.) // ЕВРОПА: международный альманах, 2005. Вып. 5. С. 198-212 [Lykova E.Yu. Issledovateli istorii Francii i vlast' (po materialam «Francuzskogo ezhegodnika» 2002 g.) // EVROPA: mezhdunarodnyj al'manah, 2005. Vyp. 5. S. 198-212]. URL: http://annuaire-fr.narod.ru/recen-fe2002.html

Манфред А. Великая французская буржуазная революция XVIII века. 1789–1794. М. 1956. 285 с. [Manfred A., Velikaya francuzskaya burzhuaznaya revolyuciya XVIII veka. 1789-1794. M. 1956. 285 s.]

Марков В. Жак Ру и Карл Маркс (Как появились «бешеные» в «Святом семействе») // Французский ежегодник 1965. М.: Наука. 1966. С. 66-75 [Markov V. Zhak Ru i Karl Marks (Kak poyavilis' «beshenye» v «Svyatom semejstve») // Francuzskij ezhegodnik 1965. M.: Nauka. 1966. S. 66-75]

Марков В. На смерть Якова Михайловича Захера / Zum Tode von Jakov Michailovic Sacher // Sonderdruck der Zeitschrift fur geschichtswissenschaft. XI Jahrgang. 1963. Heft 7. 1350-1352.

Марков В. Рукопись Жака Ру «Речь о причинах несчастий французской республики» // Французский ежегодник 1959. М.: Наука. 1960 [Markov V. Rukopis' Zhaka Ru «Rech' o prichinah neschastij francuzskoj respubliki» // Francuzskij ezhegodnik 1959. M.: Nauka. 1960]. URL: http://istmat.info/node/29021

Марков В. Дореволюционный период Жака Ру. М.: Наука. 1964. С. 22-40 [Markov V. Dorevolyucionnyj period Zhaka Ru. M.: Nauka. 1964. S. 22-40].

Проблемы якобинской диктатуры: Симпозиум в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР 20-12 мая 1970 г. // Французский ежегодник. 1970. М. 1972. С. 278-313 [Problemy yakobinskoj diktatury: Simpozium v sektore istorii Francii Instituta vseobshchej istorii AN SSSR 20-12 maya 1970 g. // Francuzskij ezhegodnik. 1970. M. 1972. S. 278-313. URL: http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Jacobine-70.html

Ревуненков В.Г. Проблема якобинской диктатуры в новейших работах советских историков / Проблемы всеобщей истории: историографический сборник. Л.: изд-во ЛГУ. 1967. С. 83-92 [Revunenkov V.G. Problema yakobinskoj diktatury v novejshih rabotah sovetskih istorikov / Problemy vseobshchej istorii: istoriograficheskij sbornik. L.: izd-vo LGU. 1967. S. 83-92]. URL: http://istmat.info/node/29222

Ревуненков В.Г. Современные интерпретации Великой французской революции // От старого порядка к революции: межвузовский сборник к 200-летию Великой французской революции / под ред. В.Г. Ревуненкова. Л.: Изд-во ЛГУ. 1988 [Revunenkov V.G. Sovremennye interpretacii Velikoj francuzskoj revolyucii // Ot starogo poryadka k revolyucii: mezhvuzovskij sbornik k 200-letiyu Velikoj francuzskoj revolyucii / pod red. V.G. Revunenkova. L.: Izd-vo LGU. 1988]. URL: http://istmat.info/files/uploads/29289/1988_ancien-regime_revolution_revunenkov.pdf

Рец. на: Я.М. Захер, «Бешеные» // Историк-марксист. 1930. Т.18-19. С. 206-207 [Rec. na: YA.M. Zaher, «Beshenye» // Istorik-marksist. 1930. T.18-19. S. 206-207]/

Серебрякова Г. Клара Лакомб, союзница «бешеных» // Новый Мир. 1929. Вып. 04 [Serebryakova G. Klara Lakomb, soyuznica «beshenyh» // Novyj Mir. 1929. Vyp. 04]. URL: http://larevolution.ru/Serebryakova.html

Серебрякова Г.И. Женщины эпохи французской революции. М.: ГИХЛ, 1958. 158 с. [Serebryakova G.I. Zhenshchiny epohi francuzskoj revolyucii. M.: GIHL, 1958. 158 s.]

Солтановская Т.Г. Ж.-П. Марат и «бешеные» весной 1793 г. // Вопросы новой и новейшей истории. Вып. 29. Киев: изд. при КГУ «Вища школа». 1983. С. 71-77 [Soltanovskaya T.G. Zh.-P. Marat i «beshenye» vesnoj 1793 g. // Voprosy novoj i novejshej istorii. Vyp. 29. Kiev: izd. pri KGU «Vishcha shkola». 1983. S. 71-77. URL: http://istmat.info/node/29406]// URL: http://istmat.info/node/29406

Сытин С.В. Политическая программа и тактика «бешеных» (Жака Ру и Леклерка) летом 1793 г. // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С. 345-385 [Sytin S.V. Politicheskaya programma i taktika «beshenyh» (Zhaka Ru i Leklerka) letom 1793 g. // Iz istorii yakobinskoj diktatury. Odessa, 1962. S. 345-385]. URL: http://istmat.info/node/39743

Фрейберг Н.П. Декрет 19 вандемьера и борьба «бешеных» за конституцию 1793 года // Историк-марксист. 1927. Т. 6. С. 111-142 [Frejberg N.P. Dekret 19 vandem'era i bor'ba «beshenyh» za konstituciyu 1793 goda // Istorik-marksist. 1927. T. 6. S. 111-142] // URL: http://istmat.info/node/33503

Чудинов А.В. Жирондисты // Большая российская энциклопедия. Т. 10. М., 2008. С. 98 [Chudinov A.V. Zhirondisty // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. T. 10. M., 2008. S. 98].

Чудинов А.В. На руинах памяти: о новейших российских изданиях по истории Французской революции XVIII в. // НЛО. 2007. № 86. С. 395-409 [Chudinov A.V. Na ruinah pamyati: o novejshih rossijskih izdaniyah po istorii Francuzskoj revolyucii XVIII v. // NLO. 2007. № 86. S. 395-409]

Цицерон Об ораторе // Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972 [Ciceron Ob oratore // Tri traktata ob oratorskom iskusstve / Pod red. M.L. Gasparova. M.: Nauka, 1972. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423777002

L'autre Enragé, Jean-François Varlet // Eine Jury für Jacques Roux. Berlin. 1981. pp. 34-67.

Annales Historiques de la Revolution Française. Paris. 1963. №1/73. P. 398-399

Bouloiseau M. La République jacobine: 10 août 1792. 9 thermidor an II. Éditions du Seuil. 1972. 288 p.

Guillon C. Notre patience est à bout: 1792-1793, les écrits des Enragé(e)s. Imho, 2009. 174 p. P. 16-18. URL: https://unsansculotte.wordpress.com/

Les Enrangés dans la revolution: Posted by Claude Guillon in «Articles». Fév. 2013 // URL: https://unsansculotte.wordpress.com/

Recherches Internationale à la Lumière du Marxisme. 1969. № 61-66. P. 99
Slavin M. The Making of an Insurrection: Parisian Sections and the Gironde. Harvard University Press. 1986. 236 p. P. 212
Walter M. Markov Exkurse zu Jacques Roux. Berlin: Akademie-Verl. 1970. XIV. 371 p.
Zhang Z. China and the French Revolution: Proceedings of the International Conference. Shanghai. 18-21 March 1989. Elsevier Science Limited. 1990. 367 p.

Василий Павлович Золотарев, *доктор исторических наук, профессор, Институт истории и права, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина; oleg-zolotarev@mail.ru*

Кутузова Анастасия Александровна*, аспирантка кафедры истории России и зарубежных стран, Институт истории и права, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина; azzazell-x@mail.ru*

Y.M. Zakher in historiography

The life path of the outstanding Soviet historian J.M. Zakher (1893–1963) was filled with bright events and scientific achievements, as well as with the most severe tests for will and character. Despite numerous obstacles, Zakher devoted all his strength to covering such problematic and poorly studied issues as the movement «les Enragés» during the French revolution of the end of the XVIII c. However, the question of the role of Zakher in the development of Soviet historical science is not sufficiently illuminated compared with the legacy he left. The article attempts to consider the assessment of the heritage of the historian in the works of both domestic and foreign scientists.

Keywords: Russian historical school, historiography, Great French Revolution, «les Enragés», Jakov Mikhailovich Zakher

Vassiliy Zolotarev, *Doctor of Historical Sciences, Professor of the History of Russia and Foreign Countries Department, the Institute of History and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pitirim Sorokin Syktyvkar State University»; oleg-zolotarev@mail.ru*

Anastasiya Kutuzova. *postgraduate student, Department of History of Russia and Foreign Countries, the Institute of History and Law, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; azzazell-x@mail.ru*

А. Ю. Перетятько

ТРИ «ГЛАВНЫХ ОСНОВАНИЯ КАЗАЧЕСТВА» (КНЯЗЬ А.М. ДОНДУКОВ-КОРСАКОВ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ О ВАЖНЕЙШИХ ТРАДИЦИЯХ ДОНСКИХ КАЗАКОВ)

Статья посвящена анализу известного исторического документа, «Записки о Войске Донском» князя А.М. Дондукова-Корсакова, как источника о традициях донских казаков. Дондуков-Корсаков выделял три важнейшие традиции Донского Войска: «поземельное начало», «замкнутость» и «выборное начало». Автор, сопоставляя его утверждения с другими источниками, приходит к выводу, что указанные три традиции действительно играли большую роль в существовании донского казачества, однако их безоговорочно положительная оценка, характерная для донских консерваторов в прошлом и настоящем, противоречит многим историческим фактам.

Ключевые слова*: *донское казачество, казачьи традиции, А.М. Дондуков-Корсаков, система землевладения, сословная замкнутость, выборность в Донском Войске

Традиции казачества.… Эта тема в последние десятилетия приобрела популярность. Возрождение казачьих войск, появление в России и сопредельных странах тысяч людей, позиционирующих себя в качестве казаков, неизбежно поставили вопрос о том, какими были казаки прошлых веков, каких традиций они придерживались. Попытки ответить на этот вопрос привели к появлению целого вала научной, околонаучной и псевдонаучной литературы, в которой «исторические традиции казачества» рассматриваются как некий вневременной идеал. К сожалению, немалой популярностью у людей, ищущих «исконные» традиции казачества пользуются не выдерживающие никакой исторической критики мифы. В серьезных работах также отведено немало места традициям донских казаков[1], однако в них не уделялось внимания одному тексту, известному историкам, но рассматриваемому обычно в рамках изучения общественных движений на Дону в 1860 гг. Между тем, этот текст представляет собой любопытнейшую попытку анализа донских традиций второй половины XIX в. их современником, к тому же популярным в казачьей среде и занимавшим высокую должность на Дону.

Речь идет о «Записке о Войске Донском», написанной в 1861 г. князем А.М. Дондуковым-Корсаковым[2] Уже сама история этого текста заслуживает внимания. Дело в том, что в эпоху Александра II российское правительство приступило к серьезным реформам казачества, реформам, которые, по мнению современного историка Р.Г. Тикиджьяна,

[1] Водолацкий и др. 2005; Рыблова 2001; 2002; 2016.
[2] Карасев 1896.

знаменовали начало процесса «модернизации самого казачьего сообщества»[3]. Инициатор этих реформ, военный министр Д.А. Милютин, довольно критически относился к казачьим войскам как к государственному, военному и социальному институту и писал о необходимости «устранить все те устаревшие особенности казачьего быта, которые, не принося пользы в военном отношении, только задерживали гражданское преуспеяние и способствовали отчуждению казачьего населения»[4]. Такой подход вызвал серьезные опасения как у чиновников, так и среди общественных деятелей Земли Войска Донского. Показательна в этом отношении позиция старого донского атамана М.Г. Хомутова, который в личной переписке колебался между абсолютной поддержкой предстоящих реформ («мы можем быть покойны и уверены, что все будет к лучшему»[5]) и опасением перед ними («предстоит огромный переворот <…> дай Бог, чтобы все уладилось на счастье войска»[6]). Более решительные представители донского общества оказались расколоты на два лагеря, «прогрессистов», сторонников государственной политики, и «казакоманов», ее противников, причем накал страстей порой разрушал самые близкие отношения: например, два донских писателя и генерала, И.И. Краснов и И.С. Ульянов, из-за принадлежности к противоположным лагерям прекратили длившуюся много десятилетий дружбу[7]. Ситуацию на Дону накануне написания Дондуковым-Корсаковым его текста ярко описал один из современников событий, А.А. Карасев: «Сильная и многочисленная в то время партия «казакоманов», считавшая в своих рядах много членов из местного аристократического общества и интеллигенции, встрепенулась довольно заметно и увлекла за собою все общество, не считая немногих протестантов (имеются в виду немногочисленные «прогрессисты» – *А.П.*). Громкие разговоры в гостиных, канцеляриях и на улицах и резкие газетные статьи местной и отчасти столичной печати требовали «ненарушимости» существующего строя»[8]. В начавшемся конфликте между большинством донской элиты и правительством А.М. Дондуков-Корсаков, начальник штаба Донского Войска, неожиданно встал на сторону противников государственной политики и даже стал идейным лидером казакоманов, сформулировав суть их идей следующим образом: «невозможно без некоторого риску, уничтожить в народе его исторические воспоминания, его вековые обычаи и преимущества, составляющие его гордость и благосостояние»[9]. Исходя из

[3] Тикиджьян 2013. С. 80-92
[4] Volvenko 2016. S. 403.
[5] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117. Л. 12об-13.
[6] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117. Л. 19-20об.
[7] Королев 1991. С. 231.
[8] Карасев 1896. С. 570.
[9] Там же. С. 580.

этого тезиса, казакоманы, не протестуя в принципе против реформ казачества, призывали правительство при их проведении исходить из традиций конкретных казачьих войск, а не из западных либеральных идей. Соответственно, важнейшей задачей казакоманов стало формулирование казачьих традиций, их донесение до российского общества и имперского правительства. И неудивительно, что Дондуков-Корсаков начал свою «Записку о Войске Донском», адресованную военному министру Милютину, с перечисления «главных оснований казачества», т.е. наиболее важных и общих традиций казачьего населения Дона[10]. В чем же он видел эти традиции? Насколько это согласуется с другими источниками? В чем было значение этих традиций для казачьего общества?

Первым из «главных оснований казачества» Дондуков-Корсаков считал особое «поземельное начало», в соответствии с которым «все земли войска составляют войсковую принадлежность»[11]. Дело в том, что традиционно на Дону не было частной собственности на землю. Даже богатейшие донские дворяне выступали только пользователями своих поместий, не имеющими права продавать их. Попытки изменить такое положение дел натыкались на сопротивление основной массы казачества, выступающей против нарушения традиций землепользования. Приведем характерное обращение к войсковым и имперским властям, сделанное депутатами от хоперских станиц в 1863 г.: «По праву гражданства Войска Донского мы считаем обязанностью так же заявить, что мнение помещиков, желающих продавать иногородним земли, полученные ими от войска в виде дара, с таким же ограничением, которое положено и теперь, основано на одних видах личной их выгоды, и противоречит общему праву на владение землями Войска Донского»[12]. Дондуков-Корсаков весьма положительно оценивал такое отношение к частной собственности на землю, до 1860 гг. закрепленное в российском законодательстве. Князь сравнивал его с майоратом, «сохраняющим значение известного рода», и утверждал, что «продажа земель иногородним ввела бы в войско новый, независимый от его учреждений, элемент», а поэтому запрет на владение землей «имеет целью сохранение принципа казачества»[13]. Однако подобная точка зрения находила поддержку далеко не у всех государственных деятелей Российской империи. В частности, министр внутренних дел эпохи Великих Реформ, П.А. Валуев, возмущался тем, что казачьи традиции землепользования «противоречат понятию собственности (подчеркивание автора. – *А.П.*)»[14].

---

[10] Там же. С. 573.
[11] Там же.
[12] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 16об.
[13] Карасев 1896. С. 573.
[14] Волвенко 2006. С. 20-24.

Отсутствие частной собственности на землю имело большое значение для других казачьих традиций. Прежде всего, отметим характерное для Дона середины XIX в. неуважительное отношение к собственности вообще. В воспоминаниях В.Д. Новицкого, служившего на Дону как раз в 1860–1870 гг. так объясняется взаимосвязь этих двух явлений:

«Громадные рыбные ловли, нескончаемые задонские степи и кочевья были приведены в известность, и право владения этими землями не на глаз, как это было, определялось с точностью и законностью; станичные юрты стали тоже в определенные границы, и право пользования казака 35 десятин земли строго определялось, хотя и отдаленным законом 1865 года, но все-таки законом, а не *произволом* (т.е. до 1865 г. наблюдалась обратная ситуация. – *А.П.*). Хотя казаки и мирились с этими законодательными нововведениями, но туго, тяжело; на войсковую казну и собственность смотрели легко, и зачастую приобретали право на эту собственность всевозможными незаконными путями и способами».

«В г. Новочеркасске десятки лет строился в центре города собор, стоивший войсковой казне миллионы и неоднократно обрушивавшийся от дурной постройки, а, может быть, и от умышленных ошибок инженеров, архитекторов, строителей; от обрушивавшегося собора была масса миллионов кирпича, который свободно разбирался, расхищался, на глазах властей и комиссии, и свозился прямо в иные усадьбы для постройки домов; конечно, смотритель собора существовал, место обвалившегося собора было ограждено забором, но это отнюдь не отстраняло расхищение кирпича, каковой увозили, говоря, что это – *войсковое имущество, принадлежащее каждому казаку*. Были назначаемы атаманом следствия по хищению кирпича, но таковые делу не помогали, и кирпич продолжали раскрадывать и расхищать самым бесцеремонным образом (курсив наш. – *А.П.*)»[15].

Впрочем, немногим лучше обстояло дело и с личной, а не войсковой собственностью. В 1876 г. в «Донских областных ведомостях» была описана следующая совершенно дикая ситуация:

«А. запахал загон; В., не обращая внимания на его загонку, запахал ниву, добавив к ней непахотной земли обмежки, и уехал. Но А., приехавши чуть не вслед за ним, засеял ниву пшеницей. Через три дня приехал В., и, рассердившись на поступок А., посеял сверх пшеницы овес. Летом на ниве выросли овес и пшеница. Два раза к этому месту сходилась община, но ни на чем не порешила. Затем А. в лунную ночь скосил хлеб зеленцом, а В. успел на заре перевезти скошенное на свое гумно». В других случаях казаки «производили бой чужих свиней, телят, гусей» или портили сельскохозяйственный инвентарь друг другу[16].

Нам остается констатировать, что для донских казаков, как и для русских крестьян, было характерно общинное владение землей. Однако у этого владения была своя специфика: во-первых, до 1860-х гг. на Дону в принципе не было частной собственности на землю, а, во-вторых, исторической особенностью этого региона было крайнее многоземелье и проистекающая из него свободная запашка участков. В результате институт собственности должным образом не уважался, и в том случае, если казак захватывал государственное или войсковое имущество, дру-

[15] Новицкий 1991. С. 53-54.
[16] Харузин 1885. С. 16.

гие казаки вовсе не считали это преступлением. Довольно спокойно казаки относились и к уничтожению чужой собственности, и к попыткам тем или иным путем захватить дополнительные земли из юртовых наделов для личного пользования. Точнее, результатом подобных действий мог стать конфликт между несколькими казаками, но он обычно разрешался при помощи физической силы, а не обращения в соответствующие инстанции. Другой известный донской исследователь XIX века, И.В. Тимощенков, писал, что нередко «жители какого-либо поселка, стесненные в своих довольствиях, подъезжали к другому поселку и начинали пахать, а те тоже выезжали сюда же с плугами и начинали пахавших опахивать кругом, чтобы помешать им продолжать работу. Дело обыкновенно кончалось и тут тем, что многие возвращались домой с порубленными плугами и пробитыми головами»[17].

Но вернемся к «Записке о Войске Донском» Дондукова-Корсакова. Следующей важнейшей традицией, «основным началом» донского казачества, князь считал «замкнутость его», «воспрещение выписываться из войскового сословия, а равно запрещение записываться в войско лицам других сословий государства»[18]. Нужно сказать, что уже у современников Великих Реформ эта традиция часто вызывала удивление. Широко известно, что исторически значительную часть донских казаков составляли беглые крестьяне, и в прежние века казачье сословие не было замкнутым. Пожилой донской генерал И.И. Краснов в 1862 г. выражал удивление по поводу того, что казакоманы, вопреки этому, считали именно замкнутость важнейшей традицией казачества. Генерал напоминал, что не только согласно летописям «всяк, кто желал, поступал в казаки», но и он сам в прежние годы служил с «многими генералами, штаб и обер-офицерами, которые не только не происходили от казачьих фамилий, но вовсе не были донцами, не только на Дону не родились, но даже не имели там никаких родственников и в казачью службу поступили сами». По его мнению, только в 1819–1821 гг. имперское правительство по каким-то причинам решило ограничить свободный доступ всех желающих в донское казачество, и навязать сверху принцип замкнутости, совершенно чуждый прежним донским традициям[19]. Подобная аргументация была хорошо известна казакоманам, но, соглашаясь с тем, что в прежние века в казачье сословие принимались иногородние, они подчеркивали: «Совершенной свободы вступления в Войско, в звание казака, никогда не было. …Войско принимало к себе, в число своих членов, только того, кого оно само хотело принять; давало звание казака тому, кому оное можно было дать и кого оно считало достойным того»[20].

---

[17] Там же.
[18] Карасев 1896. С. 574.
[19] Краснов 1862. С. 343-344, 345-346.
[20] Volvenko 2015. S. 197.

Вопрос о том, как давно в Донском войске сложилась традиция замкнутости, к 1860 гг. имел чисто историческое значение. А.М. Дондуков-Корсаков подчеркивал, что основой для нее была казачья гордость: «Войско Донское имеет свою историю, чего другие казачьи войска, исключая бывшего Черноморского, не имеют. <…>. Имена Ермака и некоторых популярных атаманов еще очень свежи в памяти народной; нет зажиточного казака, в доме которого не встретилось бы изображения покорителя Сибири или других известных войсковых лиц. Все воспоминания эти, вместе с заслугами войска в Отечественную войну и определенными подвигами частей и лиц оного в других кампаниях, заставляют казака гордиться своим военным значением. Как гражданин, каждый донской казак считает себя с некоторым основанием несравненно выше всех прочих податных сословий России». Далее князь напоминал, что и в экономическом отношении казаки находились в существенно лучшем положении, чем русские крестьяне[21]. Утверждения о гордости казаков по поводу своего сословного статуса встречаются и в архивных документах, созданных станичными депутатами. Вот ответ представителей хоперских станиц на предложение разрешить им выход из казачьего сословия: «Казаки дорожат правами и привилегиями, приобретенными долговременными заслугами, особенно же военным призванием своим, выработанным веками, и никогда не желали и не желают переменить своего звания. Следовательно, при таком общем направлении народа, изменение существующего запрещения выхода из казачьего сословия решительно никакой надобности не представляет». Хоперские депутаты выражали опасение, что, если замкнутость казачьего сословия будет уничтожена, то «безнравственные» и «бесполезные» казаки, чтобы облегчить свое положение, начнут выходить из него, и их дети окажутся лишены заслуженного поколениями предков высокого статуса[22].

Таким образом, даже если до 1820 г. замкнутость и не была характерна для донского казачества, последующие четыре десятилетия законодательного запрета на вступление в казачье сословие наложились на специфическую казачью гордость, сформировав в итоге традицию казачьей замкнутости, которая, как и отношению к земле и собственности, оказалась устойчивой к правительственным реформам: хотя в 1869 г. был принят универсальный для всех казачьих войск закон, регламентирующий принятие в казачье сословие, на Дону он практически не применялся. Если в Семиреченском казачьем войске с 1871 по 1879 г. прием иногородних обеспечил 32% от общего прироста казачьего населения, то на Дону – только 3% (ниже он был только в Терском войске)[23].

---

[21] Карасев 1896. С. 574-575.
[22] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 5- 5об.
[23] Волвенко 2012. С. 139.

Замкнутость донского казачества была по сути ксенофобской, чего не отрицал даже казакоман А.М. Дондуков-Корсаков. Он по этому поводу отмечал следующее: «Общепринятое у простых казаков название “москаль” и “хохол” для именования жителей Российских губерний и Малороссии суть выражения хотя и не враждебные, но далеко не дружелюбные»[24]. О степени этого недружелюбия можно судить по свидетельствам М.Н. Харузина, сделанным на основе личного изучения станиц: «Завидя, например, казака, иногородний еще издали обязан был поклониться ему; если же он этого не сделает, то “самый последний казачишка” мог совершенно безнаказанно побить его. Даже и в настоящее время, при решении тяжбы “русского” с казаком в станичных судах нередко применяется правило: “казака на мужика менять не приходится”»[25]. Харузин приводил и прямую речь казака, «обосновывавшего» подобное отношение к крестьянам: «Вы – мужики, а мы – казаки, царские, значит, слуги»[26]. Это отношение было типичным не только для простых казаков, но и для многих донских чиновников. В.Д. Новицкого жаловался: «Служба на Дону была нелегкою; нелегкость ее усугублялась еще тем, что я по происхождению не был казаком, хотя и был <…> переведен в лейб-гвардии казачий его величества полк. Казаки-донцы неохотно принимали в свою среду лиц, по происхождению не из казаков, относились к ним враждебно, называли их “иногородними” и в лице их видели своих недоброжелателей»[27].

Наконец, третьей важнейшей традицией донского казачества Дондуков-Корсаков считал «выборное начало», подчеркивая, что «простой казак гордится на станичных выборах и сборах своим правом голоса наравне с прежним своим командиром полка, офицерами, генералами, если они граждане одной с ним станицы»[28]. Об устойчивости «выборного начала» в среде донского казачества сохранилось немало свидетельств. Во второй половине XIX – начале XX в. едва ли не каждая комиссия, в которой были представлены выборные депутаты от станиц, требовала расширения демократических элементов в управлении донским регионом. В 1860-е гг. представители от Черкасского и Хоперского округов призывали Военное Министерство вносить серьезные изменения в законоположения о донском казачестве только после утверждения этих изменений депутатами от всего войска, чтобы казаки были уверены, что их права не будут нарушены[29]. В 1880-е гг. выборные от станиц рекомендовали Военному Министерству создать Хозяйственное Выбор-

[24] Карасев 1896. С. 575.
[25] Харузин 1885. С. XXVII.I
[26] Там же. С. XXIX.
[27] Новицкий 1991. С. 52.
[28] Карасев 1896. С. 577.
[29] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 2; ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 79-79об.

ное Гражданское Управление, а при нем «Войсковой Круг, состоящий из представителей от каждой станицы по одному человеку, которые и должны обсуждать и утверждать все дела самого управления и предъявлять правительству наши нужды»[30]. В 1890-е гг. уже не малообразованный станичный депутат, а А.А. Донецкий, будущий член Государственного совета Российской империи, выступил с инициативой «передавать на предварительное заключение областного войска Донского дворянского собрания те возникающие на Дону вопросы, которые подлежат разрешению в законодательном порядке», чтобы правительство «всегда знало сущую о Донском крае правду, в ее неприкрашенном виде»[31].

При этом нельзя не согласиться с Дондуковым-Корсаковым в том, что «выборное начало» донского казачества, в отличие от его «поземельного начала» и «замкнутости» было по своей сути близко западным либеральным идеям. Князь доказывал, что уважение к этому началу будет означать «сохранение привилегии самоуправления, пользования либеральными учреждениями»[32]. Однако парадоксальным образом даже в эпоху Великих Реформ Военное Министерство боролось с этой традицией, и в 1867 г. выборность большинства чиновничьих должностей на Дону была ликвидирована[33]. Одна из формальных причин – большое число злоупотреблений, совершаемых донскими чиновниками[34]. Впрочем, важнее то, что руководство Российской Империи не было готово к казачьей демократии, к тому, что малообразованная масса простых станичников, получив право голоса, может навязать правительству свою повестку реформ, как это произошло в 1863 г. на Дону, когда депутаты от станиц были допущены к разработке новых законоположений[35]. Показательна реакция на идущие снизу предложения депутатов одного из лидеров либералов в правительстве, военного министра Д.А. Милютина: он заявил, что эти предложения «проникнуты духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества» и составлены «без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве», после чего прекратил демократические эксперименты при подготовке реформ в казачьих войсках, обосновывая это тем, что «вести столь важное дело на местах в среде самого казачества было невозможно без общего руководительства центральной власти»[36]. Если даже наиболее либеральные российские министры выступали против реальной демократии, при которой местные депутаты не адаптировали правительственные предло-

[30] Сватиков 1924. С. 383-384.
[31] Донецкий 1899. С. 10.
[32] Карасев 1896. С. 578.
[33] Волвенко 2017. С. 116.
[34] Столетие 1902. С. 275-276.
[35] Перетятько 2018. С. 100-110.
[36] Милютин 2005. С. 184-185.

жения к местным реалиям, но пытались выступать с позиций защиты своих интересов, то что было говорить о консерваторах?

В результате на Дону традиционализм тесно сплетался с демократией, и консерваторы-казакоманы порой выступали с более демократических позиций, чем либералы. В ответ на статью, пропагандирующую либеральные реформы донского казачества казакоман Х.И. Попов писал: «Навязывать <реформы> насильно, да еще ценою нарушения коренного порядка, значит следовать убеждению, что народ не понимает своих выгод. А в самом ли деле не понимает? И не пора ли увериться в противном? Сам автор проповедует, что не должно “терять связи со своим временем”, а в нынешнее время многие государства отказались от подобного обидного мнения о народе, и не только не потеряли ничего от такой перемены, а, напротив, приобрели новую силу и прочность»[37]. С другой стороны, логичным следствием существования демократических традиций была своеобразная «естественная демократичность» казаков, причудливо сочетающаяся с преданностью престолу. Даже среди донских дво-рян доминировал «либерализм консервативного типа, дистанцировавшийся от “леваков” и противостоящий правоконсервативному движению», причем этот политический либерализм (проявлявшийся в первую очередь в тяге к выборному началу) не мешал крайнему консерватизму в социальных вопросах[38]. К удивлению российских консерваторов, и на выборах в Государственную Думу после 1905 г. на Дону нередко побеждали либералы и левые разного толка[39].

Большую часть интересующего нас периода государственный аппарат Российской империи препятствовал проявлению казачьего демократизма на государственном и региональном уровнях. В этих условиях основным органом казачьей демократии становились станичные сходы. Ничего удивительного, что достаточно долго казаки с большим уважением относились к этим органам и просили о расширении их полномочий. До 1892 г. станичный сход представлял собой архаичный орган, на котором каждый домохозяин имел право голоса[40]. Но в глазах казаков это было плюсом, а не минусом. Так, в 1860 гг. станичные депутаты выступили с инициативой полностью упразднить промежуточную между атаманом и станицами военную инстанцию, окружные дежурства, а вместе с ними и сами округа, на которые в военном отношении была поделена Земля Войска Донского. Часть из них особенно возмущалась тем фактом, что окружные дежурства вмешиваются во внутренние дела станиц[41], а другая часть обращала внимание на то, что руководители

[37] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 5об.
[38] Братолюбова 2014. С. 66.
[39] Корниенко 2013. С. 65.
[40] Козлов, Козлов 2000. С. 121-122.
[41] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 7.

окружных дежурств, окружные генералы, лишали станичные общества влияния на военную службу[42]. Но все станичные депутаты считали архаичную демократию средством против возможных злоупотреблений и нарушений закона: по их мнению, станичные сходы лучше всего справлялись бы с определением того, кому из казаков пришел срок прийти на службу, поскольку в случае нарушения пострадавший домохозяин, имеющий голос на сходе, не стал бы молчать[43]. Увы, и на этом уровне отношение властей к казачьей демократии было неоднозначным: если в эпоху Великих Реформ станичное самоуправление оставалось демократичным, то при Александре III эта демократия оказалась фактически ликвидирована. С 1892 г. к участию в сходах допускались только выборные от десяти дворов, полномочия атаманов по «обеспечению порядка» на сходах были расширены, стал даже возможен арест десятидворного, и в итоге «порядочные, дельные и развитые домохозяева» часто отказывались участвовать в станичном самоуправлении[44].

Помимо трех «главных оснований» Донского войска Дондуков-Корсаков выделял еще три важнейших особенности донских казаков, отличающих их уже от казаков других войск. Из них только первая, которой князь уделил меньше всего места, была связана с «главными основаниями». Она заключалась в «своей истории» донского казачества, в существовании на Дону воспоминаний о «прежней самобытности»[45]. Результатом был характерный для донских казаков взгляд на Россию – скорее внешний, чем внутренний. Даже в 1899 г. новочеркасский прокурор А.А. Чигринцев, анализируя доклады донских депутатов в одной из правительственных комиссий, отмечал: «В докладах господ Донецкого, Мордвинцева и особенно Бирюкова довольно явно сквозит та мысль, что войско донское как бы совершенно особая часть государства, присоединившаяся к нему на известных условиях и долженствующая находиться в исключительном положении»[46]. Подобных примеров немало: уже упоминавшийся П.А. Валуев в 1864 г. жаловался, что идущие с Дона проекты будущего устройства казачества содержат мысли о «неприкосновенности границ между составными частями всего государства» и об «обособлении страны»[47]. Тут уместно вспомнить о феномене казачьего национализма и актуальном доныне вопросе о том, были ли казаки особым этносом, субэтносом или сословием. Б.С. Корниенко, посвятивший донским казачьим националистам дореволюционного периода монографическое исследование, отмечал отсутствие массовой поддержки у

[42] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 37-37об.
[43] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 7об-8; ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 38.
[44] Протоколы 1899. С. 119.
[45] Карасев 1896. С. 585.
[46] ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 3.
[47] Волвенко 2014. С. 18.

данного политического движения[48]. Однако, как видно из приведенных выше цитат, для донских казаков было характерно обособление от русского этноса, усиленное традицией замкнутости. В результате этого многие казаки одновременно и относили, и не относили себя к русскому народу. Харузин приводил в качестве характерного для казаков следующее утверждение: «Мы Расея, да не то, что вы»[49].

Следующей уникальной особенностью донского казачества Дондуков-Корсаков считал существование в его среде многочисленного и влиятельного дворянства. Фактически он обвинял правительство в том, что оно не всегда продуманными реформами последних десятилетий раскололо некогда однородное казачье сословие на две части, интересы которых все больше противоречили друг другу. Князь жаловался: «Казаки всеми средствами стараются выживать оставшихся в юртах их помещиков и офицеров, получивших пожизненные участки, с целью пользования большим количеством земли. Помещики, с своей стороны, совершенно равнодушны к общественным нуждам казаков». Впрочем, еще более опасным симптомом он считал выделение в среде дворян узкой аристократической прослойки, члены которой «преимущественно не знакомы совершенно с краем, народным бытом, остаются равнодушны к общим интересам массы». По словам князя, именно эти люди, благодаря своему влиянию, в значительной степени формируют общепринятый образ казачества, и поэтому «странно слышать в обществе выражение, что казаки “хотят того-то” или “тяготятся тем-то”, когда знаем, что мнения эти подчерпнуты из слов какого-нибудь богатого помещика или служащего, никогда не живущего на Дону, или молодого офицера, считающего лучшим средством доказать свое образование и современные понятия порицанием идеи казачества»[50].

Хотя нам не удалось обнаружить в дореволюционной литературе и архивных документах случаев влияния этой особенности донского казачества на местные традиции, нам показалось не лишним подробно остановиться на ней. Дело в том, что характерный для массового сознания образ казачества был сформирован в значительной степени текстами представителей критикуемой А.М. Дондуковым-Корсаковым части донской элиты, достоверность которых вызывает серьезные вопросы. Так, известнейшим (и популярным среди многих современных казаков) дореволюционным казачьим автором является П.Н. Краснов, пропагандировавший в своих книгах образ казака как «лихого конного воина»[51]. На наш взгляд, П.Н. Краснов, как и ряд других официозных дореволю-

[48] Корниенко 2013. С. 46-73.
[49] Харузин 1885. С. XXIX.
[50] Карасев 1896. С. 585-587.
[51] Краснов 1909. С. 521.

ционных авторов, сильно преувеличивал значение военных традиций казачества, но его казачье происхождение и авторитет в определенных кругах заставляют отдельных современных деятелей возрождения казачества без должной критики относиться к работам этого писателя.

А последняя особенность донских казаков, указанная в «Записке о Войске Донском», была связана как раз с военными традициями. Князь писал: «Находясь на мирном положении, посреди других губерний Империи, казаки не несут у себя никакой пограничной службы, не стоят глаз на глаз с неприятелем и в домашнем быту своем имеют возможность пользоваться всеми выгодами гражданской жизни»[52]. Далее он пытался доказать неправоту тех людей, которые связывали с описанными им фактами падение боеспособности донских полков, подчеркивал «сметливость и другие военные качества казака», но ни словом не упомянул о существовании каких-то военных традиций в станицах[53]. Зато на эту тему писал И.И. Краснов: «Служебное приготовление и развитие их <донских казаков> зависели некоторым образом только от домашних военных игр, которые, как утверждали старики, в старину существовали по станицам в значительных размерах, а потом, с началом настоящего столетия, стали ослабевать и, наконец, совершенно исчезли»[54]. Его сын Н.И. Краснов в 1864 г. выражался так же определенно: «При всех врожденных способностях казака, он все-таки лишен военного воспитания до поступления своего на службу»[55]. И.И. Краснов считал важнейшей задачей правительства как раз возрождение военных традиций в станицах, и посвятил первым опытам в этом направлении целую статью[56].

Таким образом, к 1860-х гг. военные традиции донского казачества находились в упадке, а воинские игры в станицах (шермиции) сохранились только в памяти стариков. В дальнейшем, судя по всему, ситуация несколько улучшилась благодаря попытке сверху возродить эти традиции. Во всяком случае, в 1871 г. Д.А. Милютин писал после смотра молодых казаков в Новочеркасске: «Я был приятно удивлен, увидев пред собой вместо ожидаемых неловких юношей, только что посаженных на коней, отличных наездников, которые не только проделали полковое учение, но почти все проскакали мимо меня с джигитовкой, не хуже знаменитых “линейных” казаков кубанских и терских. Вообще я вынес заключение, что принятые в последнее время меры для обучения молодых казаков принесли заметные плоды и поддержали в донских казаках воинственную выправку, привычку к коню и молодцеватость»[57]. Одна-

[52] Карасев 1896. С. 587.
[53] Карасев 1896. С. 587-591.
[54] И.К. 1865. С. 73.
[55] Краснов 1864. С. 229.
[56] И.К. 1865.
[57] Volvenko 2016. S. 406.

ко успехи в этом направлении были не так велики, как хотелось Военному министерству, и, вопреки представлениям о казаках как о «лихих конных воинах» некоторые донцы даже не умели сносно ездить верхом. Так, в 1897 г. при проверке казачьих новобранцев 18 человек из 36-ти показали неудовлетворительные и слабые навыки верховой езды, а 10 из 28 – неудовлетворительные и слабые навыки владения оружием. Немногим лучшую картину содержали и данные за другие годы[58].

Подведем итоги. В отличие от некоторых других дореволюционных (П.Н. Краснов) и современных (А.П. Кашкаров) авторов А.М. Дондуков-Корсаков считал важнейшими традициями казачества традиции не религиозные (их он не упоминал вовсе) и не военные (которым он отвел в своем тексте минимум места), но традиции социально-правовые. Он выделял три «главных основания казачества», причем, по его мнению, два из этих оснований являлись причинами исторической устойчивости Донского Войска. Речь идет о традиции особого «поземельного начала» на Дону, в рамках которого вся территория Земли Войска Донского находилась в войсковой собственности, и традиции «замкнутости казачества», не позволяющей казакам смешиваться с другими сословиями государства. Князь считал, что благодаря законодательному закреплению этих традиций на Дон не допускался «новый, независимый от учреждений войска, элемент», что обеспечивало изоляцию региона от остальной России и сохранение в нем статус-кво, в условиях которого хорошо работали имеющиеся институции Донского Войска. Третьей важнейшей традицией донского казачества Дондуков-Корсаков считал «выборное начало», хотя и не играющее стабилизирующей роли, но зато соответствующее актуальным либеральным идеям.

Другие источники второй половины XIX – начала XX в., хотя и не выделяют наиболее важные традиции казачества, подтверждают существование тех трех традиций, на которые обращал внимание Дондуков-Корсаков. Различна только их оценка: далеко не все авторы считают «главные основания казачества» и проистекающие из них менее значительные традиции благом. В частности, В.Д. Новицкий связывал отсутствие у казаков частной собственности на землю с принятым в их среде неуважением ко многим видам собственности. А.А. Чигринцев критиковал «донской патриотизм», представление об особом статусе Донского Войска в Российской империи, считая его вредным и осложняющим отношения с имперской властью. Даже демократические традиции донских казаков, по свидетельству А.И. Чернышева, вели порой к избранию на чиновничьи должности «не имеющих общего к себе доверия людей».

Более того, традиции войсковой собственности на землю и замкнутости казачьего сословия, а также проистекающие из них последствия,

[58] Протоколы 1899. С. 7-8.

которые обеспечивали стабильность казачества в первой половине XIX века, во второй его половине вступили в явное противоречие с изменившимися условиями. Из-за роста населения постепенно исчезали свободные земли и, в отсутствие уважения к земельной собственности, начались попытки сбора урожая с чужих участков и конфликты из-за земли, доходящие до кровопролития. Проникнутые «донским патриотизмом» казаки откровенно ксенофобски относились к пришлому населению, численность которого быстро росла. В особенно тяжелом положении оказались русские, принадлежность к которым стала поводом к унижениям и оскорблениям. Все это завязывало узел социальных противоречий, который был разрублен только кровавой Гражданской войной.

Те «главные основания казачества», которые выделил А.М. Дондуков-Корсаков в своей «Записке о Войске Донском», вопреки желанию самого автора показывают, что донские казачьи традиции не стоит идеализировать. Эти традиции – порождение определенных социально-политических условий, и они были эффективным инструментом обеспечения стабильности казачества, только пока эти условия существовали. Когда же они изменились, то, что было некогда полезным, начало приносить вред. Поэтому традиции донского казачества должны изучаться, но никак не рассматриваться в качестве вневременных заветов предков, или обязательных правил «настоящего казака».

Об опасности культивирования устаревших казачьих традиций свидетельствует и дальнейшая ситуация вокруг «Записки о Войске Донском». Сама она едва ли могла повлиять на государственную политику: по крайней мере, в своих воспоминаниях Д.А. Милютин не только не упоминал о данном документе, но и описывал Дондукова-Корсакова как беспринципного интригана, образовавшего «около себя партию, которая, под видом охранения старинных казачьих привилегий и обычаев, оказывала сопротивление всем предпринимаемым Военным министерством нововведениям»[59]. Тем не менее, даже после удаления князя с Дона в 1862 г. недовольство этой политикой в казачьей среде продолжало возрастать, и осенью 1863 г. Войску Донскому была дарована высочайшая грамота, гарантирующая «ненарушимость существующего образа казачьего служения». Уже упоминавшийся А.А. Карасев, бывший тогда одним из казакоманов, усматривал в этом если не победу идей Дондукова-Корсакова, то, по крайней мере, серьезную уступку им со стороны властей[60]. Однако в старости он же считал, что для будущего казачества было бы куда лучше, если бы казакоманы тогда полностью проиграли в своем конфликте с Военным министерством и прогрессистами, и наиболее архаичные традиции донского казачества были бы уничтожены

[59] Милютин 1999. С. 376-377.
[60] Карасев 1896. С. 571.

сверху. В 1900 г. один из последних живых сторонников А.М. Дондукова-Корсакова с сожалением писал: «Из прежних «казакоманов» мало осталось в живых, только одна тогдашняя молодежь, теперь в стариков обратившаяся… Ей теперь немного стыдно, что она ратовала за неотменимость старых устоев казачьего существования, за закрепощение казака, теперь так тяжело на нем отозвавшееся»[61].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Фонд 55. Личн. фонд Х.И. Попова

Братолюбова М.В. Общественно-политическая активизация донского дворянства в начале XX в. и «дворянский либерализм» // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 1. С. 62-69 [Bratolyubova M.V. Obshchestvenno-politicheskaya aktivizatsiya donskogo dvoryanstva v nachale XX v. i «dvoryanskii liberalizm» // Vestnik Volgogradskogo gos. universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 1. S. 62-69].

Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов-на-Дону. 2005 [Vodolatskii V.P., Skorik A.P., Tikidzh'yan R.G. Kazachii Don: ocherki istorii i kul'tury. Rostov-na-Donu. 2005].

Волвенко А.А. Нереализованный проект Положения о войске Донском // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 20-24 [Volvenko A.A. Nerealizovannyi proekt Polozheniya o voiske Donskom // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2006. № 1. S. 20-24].

Волвенко А.А. О праве на зачисление в войсковое казачье сословие (XIX-нач. XX в.) // Российское казачество. История, проблемы возрождения и перспективы развития. Краснодар, 2012. С. 138-140 [Volvenko A.A. O prave na zachislenie v voiskovoe kazach'e soslovie (XIX-nach. XX v.) // Rossiiskoe kazachestvo. Istoriya, problemy vozrozhdeniya i perspektivy razvitiya. Krasnodar, 2012. S. 138-140].

Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. Т. 16. №3. 2014. С. 12-20 [Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «Velikikh reform». (1860-1870 gg.) // Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. T. 16. №3. 2014. S. 12-20].

Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX в.). Ростов-на-Д., 2017 [Volvenko A.A. Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskii period (II pol. XIX – nach. XX v.). Rostov-na-Donu, 2017].

Донецкий А.А. Доклад члена Комиссии А.А. Донецкого по вопросу о причинах обеднения Донского казачьего войска и о мерах к восстановлению его благосостояния. Новочеркасск, 1899 [Donetskii A.A. Doklad chlena Komissii A.A. Donetskogo po voprosu o prichinakh obedneniya Donskogo kazach'ego voiska i o merakh k vosstanovleniyu ego blagosostoyaniya. Novocherkassk, 1899].

И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // Военный сборник. 1865. № 1. С. 73-89 [I.K. Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske // Voennyi sbornik. 1865. № 1. S. 73-89].

Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167-174 [Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862–1863 godakh // Istoricheskii vestnik. 1900. № 80. S. 167-174].

Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив, 1896. Кн. 12. С. 569-591 [Karasev A.A. Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo // Russkii arkhiv, 1896. Kn. 12. S. 569-591].

Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград, 2000. С. 95-125 [Kozlov A.A., Kozlov A.I. Imperskaya politika

[61] Карасев 1900. С. 173.

ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakreposhcheniya kazakov v XIX – nachale XX veka // Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee. Volgograd, 2000. S. 95-125].
Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013 [Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914). SPb., 2013].
Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с. [Korolev V.N. Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh. Rostov-na-Donu, 1991. S. 464].
Краснов И.И. О народности в Донском войске // Военный сборник. 1862. № 4. С. 343-356 [Krasnov I.I. O narodnosti v Donskom voiske // Voennyi sbornik. 1862. № 4. S. 343-356].
Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб, 1864 [Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Voiska Donskogo. SPb, 1864].
Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909 [Krasnov P.N. Kartiny bylogo Tikhogo Dona. SPb., 1909].
Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М., 1999 [Milyutin D.A. Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1860-1862. M., 1999].
Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865-1867. М., 2005 [Milyutin D.A. Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1865-1867. M., 2005].
Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991 [Novitskii V.D. Iz vospominanii zhandarma. M., 1991].
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Фонд 1055. Личный фонд Н.А. Маслаковца [Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB), Fond 1055. Lichnyi fond N.A. Maslakovtsa].
Перетятько А.Ю. К истории одного текста: «Положение об управлении Донского войска» 1860-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 2. С. 100-110 [Peretyat'ko A.Yu. K istorii odnogo teksta: «Polozhenie ob upravlenii Donskogo voiska» 1860-kh godov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. T. 23, № 2. S. 100-110].
Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899 [Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti. B.m., 1899].
Российский государственный исторический архив (РГИА), Фонд 932. Дондуков-Корсаков Алексей Михайлович [Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA), Fond 932. Dondukov-Korsakov Aleksei Mikhailovich].
Рыблова М.А. Кулачные бои у донских казаков // Дикаревские чтения. Краснодар, 2001. С. 83-88 [Ryblova M.A. Kulachnye boi u donskikh kazakov // Dikarevskie chteniya. Krasnodar, 2001. S. 83-88].
Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград, 2002 [Ryblova M.A. Traditsionnye poseleniya i zhilishcha donskikh kazakov. Volgograd, 2002].
Рыблова М. А. Стать воином: традиции социализации юношей и подготовки воинов в донской казачьей общине. Волгоград; Ростов-на-Дону, 2016 [Ryblova, M. A. Stat' voinom: traditsii sotsializatsii yunoshei i podgotovki voinov v donskoi kazach'ei obshchine. Volgograd; Rostov-na-Donu, 2016].
Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924 [Svatikov S.G. Rossiya i Don (1549–1917 gg.). Belgrad, 1924].
Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.2. СПб., 1902 [Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. T. XI. Ch.2. SPb., 1902].
Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. Саарбрюккен, 2013 [Tikidzh'yan R.G. Donskoe kazachestvo v kontse XIX – nachale XX veka. Istoricheskii portret. Saarbryukken, 2013].
Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М., 1885 [Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. M., 1885].
Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina. 2015. Vol.(15). Is. 3. P. 194-207.
Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // Bylye Gody. 2016. Vol. 40. Is. 2. P. 398-411.

***Перетятько Артем Юрьевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник совместной лаборатории Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований (Вашингтон, США) и Волгоградского государственного университета (Российская Федерация); ArtPeretatko@yandex.ru*

Three "main foundations of the Cossacks": the opinion of a Russian conservative Prince A.M. Dondukov-Korsakov and his contemporaries about the most important traditions of the Don Cossacks

The article is devoted to the analysis of the well-known historical document, "Zapiska o Voiske Donskom" by Prince A.M. Dondukov-Korsakov, as a source about the traditions of the Don Cossacks. A.M. Dondukov-Korsakov allocates the three most important traditions of the Don Host: land use system, closed nature and electivity. The author compares his statements with other sources and comes to the conclusion that these three traditions really played a big role in the existence of the Don Cossacks. They spawned other traditions (for example, closed nature of the Cossacks gave birth to a specific "Donskoy patriotism"). But the unequivocal positive assessment of these traditions, which was characteristic of the Don conservatives in the past and the present, contradicts many historical facts.

Keywords: Don Cossacks, Cossack traditions, A.M. Dondukov-Korsakov, land use system of the Don, closed nature of the Cossacks, electivity in the Don Host

***Artyom Peretyatko**, PhD (History), Leading researcher, the Joint Laboratory of the International Network Center for Fundamental and Applied Research (Washington, USA) and Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation); ArtPeretatko@yandex.ru*

Ю. Ю. Клычников

РУССКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РОССИЙСКОСТИ. ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА

В статье на примере русско-северокавказских отношений рассматриваются вопросы выстраивания исторического партнёрства. Показаны разные стороны сотрудничества-соперничества (как факты взаимной симпатии, так и негативные стороны взаимоотношений), определившие облик этого многогранного межэтнического симбиоза. Оценивается роль государства, общества, индивидов в данном процессе. Выводы автора опираются на ретроспективный анализ с выходом на события современности.

Ключевые слова*: *государство, горцы, сотрудничество, соперничество, самосознание, конфликт, культура, коммуникация

В процессе обретения южных рубежей Российская империя включала в свой состав сложные в политическом и социокультурном отношении регионы, к числу которых, безусловно, можно отнести Северный Кавказ. Для его адаптации к нормам жизни в составе государства приходилось решать многочисленные проблемы, связанные с разработкой приемлемой модели управления, т.е. совершать усилия, которые должны были сделать этот край органичной частью общего державного пространства. Эти меры имели комплексный характер и достигались разными способами, включавшими как ненасильственные шаги, так и жёсткие силовые акции, нередко провоцируемые спецификой местных реалий и неблагоприятной внешнеполитической конъюнктурой. Всё это предопределило неоднозначность оценок русско-северокавказских отношений в историческом дискурсе.

Введённый в научный оборот В.Б. Виноградовым термин «российскость» не имеет устоявшейся трактовки[1]. Сам исследователь впервые применил его, показывая прошлое Армавира: «единственным приоритетом в оценке истории складывания состава населения» этого города, «является приоритет российскости, российской государственной политики, которая державно охватывала и русских служилых солдат, и казаков, и армян, и любых других поселенцев в Армавире и его пригородах»[2]. В дальнейшем данное понятие распространилось на процессы, протекавшие на всём Кавказе. В итоге “российскость” стала восприниматься как тенденция «к равноправному историческому партнерству народов под эгидой России, как великой евразийской державы, выполняющей интегрирующую роль в социальных, культурных, политиче-

[1] Виноградов 2006. С. 4-12.
[2] Виноградов 1993. С. 26.

ских и иных процессах внутри своей этносферы»[3]. Такая трактовка, поддержанная рядом специалистов, со временем перестала удовлетворять сторонников этой формулировки, в т.ч. и ее автора С.Л. Дударева. И то не случайно, так как формализация сложного социокультурного и политического явления, как правило, является протяжённым во времени процессом, в немалой степени зависящим от накапливаемых эмпирических данных. Предложенное в рамках грозненско-армавирской кавказоведческой школы в качестве научной гипотезы понятие в дальнейшем неоднократно претерпевало коррективы и дополнения, о чём свидетельствует сформировавшаяся историография[4]. И хотя единого определения не выработано до сих пор, основные идеи данного подхода успешно реализуются в ряде научных изысканий. В частности, на эту концепцию опираются обобщающие работы В.А. Матвеева, изучающего финальный этап существования Российской империи, и Н.Н. Гаруновой, занимающейся проблемой российской политики на Кавказе сквозь призму функционирования городов-крепостей[5].

Термин «российскость» сочли удачным учёные, которые, не принадлежа к кавказоведческой Школе В.Б. Виноградова, считают возможным с его помощью формулировать собственные идеи. Так, для В.А. Никонова российскость стала квинтэссенцией «собственной сущности самой России» как «самодостаточного культурно-цивилизационного феномена»[6]. Неоднократно прибегал к этому термину и В.А. Тишков, который достаточно категорично замечает: «необходимо признать, что национальная идентичность, а значит, российская нация существует, а не есть просто мечта или задача для очередного “строительства”. Дальше отрицать и разрушать российскость недопустимо»[7].

Таким образом, можно утверждать, что понятие оказалось востребованным, и предложить следующую авторскую формулировку: «российскость является историческим партнёрством, обусловленным необходимостью решения жизненно важных проблем, дающим сторонам этого процесса определённые конкурентные преимущества и осуществляющимся в рамках единого политического, экономического и культурного пространства, которое они при этом совместными усилиями формируют»[8]. Основывается оно на принципах «совместничества» – сотрудничества-соперничества между участниками данного процесса[9]. Носителями идей, правил и образа жизни российскости выступают гос-

[3] Дударев 1994. С. 14.
[4] Великая, 2007. С. 74-84; Дударев, 2014. С. 25-35 и др.
[5] Матвеев, 2006; 2011; Гарунова, 2007.
[6] Никонов, 2014. С. 921.
[7] Тишков, 2013. С. 308.
[8] Клычников 2011. С. 125.
[9] Даль 1991. С. 255.

ударство, общество и отдельные индивиды, усилия которых дополняют друг друга, хотя это и не снимает периодически возникающих между ними противоречий в оценке и методах выстраиваемого диалога.

Особенностью российского варианта объединения стало межнациональное позиционирование культур при сохранении доминирующей роли русской культуры как принадлежащей государствообразующему этносу[10]. В результате формирующаяся «национальная идентичность предполагает присутствие у нации триединого чувства: 1) чувства общности исторического прошлого, коллективной веры в общность судьбы данной нации, 2) чувства общности настоящего и 3) чувства общности будущего»[11]. В обществе потребность в таком подходе и его поддержка, при одновременном сохранении этнического начала, весьма высоки[12].

В отечественной и зарубежной историографии существуют и иные концепции русско-северокавказских отношений, которые, как правило, группируются вокруг оценки последствий для народов региона их вхождения в состав Российского государства. Отсюда либо муссирование негативных моментов в общем прошлом, либо увлечение положительными сторонами в возникших взаимоотношениях. Не имея возможности дать анализ всего массива литературы, который требует отдельного монографического исследования, акцентируем внимание лишь на некоторых вышедших в последнее время трудах, демонстрирующих многообразие современных подходов к этому вопросу.

Апокалиптическую картину русско-северокавказским отношениям даёт В.В. Гудаков, для которого они явились примером «неблагоприятного межэтнического контакта», гибельного для народов региона[13]. На схожих позициях находится М. Ходарковский, утверждающий, что конечной целью российских властей была ассимиляция всех нерусских народов, а зарождение таковых «имперских амбиций России» относит к XV в.[14] Этот подход характеризует русско-северокавказские связи сквозь призму кризисных периодов совместной истории, оценки событий которых переносятся и на другие этапы общего прошлого.

К числу работ, не столь однозначно трактующих события прошлого, относится коллективное издание, подготовленное в рамках проекта по истории окраин Российской империи и посвящённое непосредственно Северному Кавказу. Авторы положили в основу предлагаемой ими концепции идею фронтира, творчески разработав и дополнив идеи Т.М. Баррета, и «стремились по возможности представить в ней сквоз-

---

[10] Скорик, Цыбульникова, Гарунова 2014. С. 8.
[11] Муртузалиев 2011. С. 275.
[12] Скорик, Цыбульникова, Гарунова 2014. С. 46.
[13] Гудаков, 2007. С. 8.
[14] Ходарковский, 2016. С. 197, 200.

ные, релевантные и для других регионов темы пограничья-фронтира, колонизации, косвенного управления, ориентализма»[15]. Для американского ученого Северный Кавказ являлся приграничной, порубежной зоной с зыбкими границами, а «российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание»[16]. Однако такой эвристически продуктивный подход всё же оставляет за рамками исследования побудительные мотивы, определявшие как взаимный интерес, так и взаимное неприятие и даже неприязнь сторон межкультурной коммуникации. За кадром остаются обстоятельства, вынуждающие официальные власти действовать на этой территории «неопределённости», колеблясь от практики «ласканий» до применения жёстких «репрессалий» в отношении местных народов.

Перспективным представляется взгляд на проблему с позиции исторической имагологии, что даёт возможность изучить конкретно-исторические условия возникновения образов в общественном сознании и раскрыть новые грани в русско-северокавказских отношениях[17]. Совместная деятельность предусматривает осуществление обоюдных усилий для достижения поставленной цели. В противном случае союз распадётся под грузом неблагоприятных внутренних и внешних факторов. В немалой степени предрасположенность к скоординированным усилиям зиждется на ментальной близости, когда существующие стереотипы и образ мышления, ценностные ориентации и установки как одного человека, так и общности людей совпадают по целому ряду параметров.

Возникший взаимный интерес первое время объяснялся общими усилиями по нейтрализации неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры. Так, необходимость противостоять Крымскому ханству и его сюзерену в лице Оттоманской Порты, угроза со стороны Персии толкали обе стороны навстречу друг другу. В процессе решения данной политической задачи происходило социально-экономическое и культурное сближение, в котором были заинтересованы все участники этого исторического диалога. На качественно новый уровень взаимное сближение выйдет с началом XIX века, когда после присоединения Грузии Российская империя должна будет предпринимать энергичные шаги по распространению своего контроля над Северным Кавказом. Здесь ей придётся столкнуться с весьма специфичным горским укладом, к числу особенностей которого относилась набеговая практика, ставшая камнем преткновения между империей и местными сообществами. Развернувшееся вооружённое противостояние ознаменовало тяжёлый кризис в русско-северокавказских отношениях, который, впрочем, не стал фа-

[15] Северный Кавказ, 2007. С. 15.
[16] Барретт, 2007. С. 165.
[17] Историческая наука сегодня… С. 403-418.

тальным тупиком и был преодолён, хотя и не без тяжёлых утрат для его участников. Даже в условиях военного противоборства имело место взаимное сближение, не лишённое обоюдной симпатии.

Психологический портрет русского жителя южного пограничья, который стоял у истоков выстраиваемого диалога, мы находим в отечественной литературе. В очерке М.Ю. Лермонтова «Кавказец» наиболее ярко были выделены особенности такого типа людей, которых автор мог наблюдать во время своей службы. Бросается в глаза, что «кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; наклонность к обычаям восточным берёт над ним перевес»[18]. Таким он стал далеко не сразу, а лишь по прошествии долгих лет, проведённых в крае. За это время он не понаслышке узнал жизнь местных народов, причём катализатором межкультурного сближения явилась не только его дружба с «мирными» горцами, но и участие в сражениях с их «немирными» сородичами.

Война стала для её участников способом межкультурной коммуникации. И это не литературное преувеличение, а вполне реальная картина. Примером может служить описанный в мемуарах К.К. Бенкендорфа случай, когда «в одном селении, в базарный день, возникла ссора между чеченцами и апшеронцами; куринцы не преминули принять в ней серьёзное участие. Но кому пришли они на помощь? Конечно, – не апшеронцам! «Как нам не защищать чеченцев, – говорили куринские солдаты, – они наши братья, вот уже 20 лет как мы с ними дерёмся!..»[19].

Заинтересованность во взаимном сближении демонстрировали и горцы. Мухаммед Тахира ал-Карахи, который был представителем враждебной империи силы, описал эпизод, когда Гази-Мухаммед обращался к жителям Унцукуля со словами: «Я знаю, что многие из вас в душе не сочувствуют нам. Вам по-прежнему хотелось бы сбывать русским чабу и яблоки»[20]. О выборе в пользу мира с русскими уставших от непрестанных лишений и тирании Шамиля жителей Дагестана говорит и другой близкий имаму автор, Абдурахман ал-Газигумуки: «…каждая личность из различных горских народов с их многочисленными языками, независимо от того, ра′ис он или простой, знатный или незнатный, - [все они] обращаются к русским, отказываясь от дела, которое было возложено на них первым имамом Дагестана, павшим в борьбе с русскими Газимухаммедом ал-Гимрави, [и которое было продолжено] третьим имамом Шамилём – его соучеником в знании, благородстве и священной борьбе…»[21]. Сюжеты, прославляющие дружбу и побратимство как предпочтительные альтернативы воинскому подвигу, можно

[18] Лермонтов 1990. С. 590.
[19] Бенкендорф 2000. С. 365, 367.
[20] ал-Карахи, 1926. С. 56.
[21] Абдурахман ал-Газигумуки, 2002. С. 46.

встретить в горском фольклоре, например, в «Илли об Ахмаде Автуринском», где казак станичный и чеченец «Кунаками стали / Два героя наши. / И за эту дружбу / Мы поднимем чаши – / Пусть живёт счастливо / Среди гор чеченских / Ахмад Автуринский!»[22].

Весьма любопытны размышления о наличии этнической комплиментарности. Впервые эту проблему обозначила не академическая наука, а русская литература. Один из персонажей довольно фотографичного в отражении северокавказских реалий произведения Е.П. Лачиновой «Проделки на Кавказе» черкес Пшемаф – «молодой горец, воспитанный в одном из кадетских корпусов и выпущенный в офицеры» – так объяснял свою симпатию к русским: «Русские для меня более чем родные: они меня воспитали, они меня кормят и не делают различия между мною и природными русскими»[23]. В свою очередь его визави А.П. Пустогородов не менее восторжен: «Возьмите черкеса, разберите его как человека – что это за семьянин! Как набожен! Он не знает отступничества, несмотря на тяжкие обряды своей веры. Как он трезв, целомудрен, скромен в своих потребностях и желаниях, как верен в дружбе, как почтителен к духовенству, к старикам и родителям! О храбрости нечего и говорить, она слишком известна»[24]. Автор этого произведения достаточно точно передаёт, пусть и не без преувеличений, определённые стереотипы этнического восприятия, которые существовали тогда в русском и горских обществах[25].

Конечно, в условиях военного противостояния отношения, основанные на взаимной симпатии, не могли доминировать, хотя и встречались достаточно часто. Возникали они преимущественно среди людей, порождённых пограничьем, для которых ситуация «мир-война» стала обыденностью. Ментальная раздвоенность, мировоззренческая гибкость людей фронтира вызывают интерес у исследователей[26].

Массовый исход значительной части горского населения с территории Кавказа в Турцию во второй половине XIX в. объясняется тем, что обе стороны не пожелали поступиться своим миропорядком[27]. Возможно, при благоприятных внешнеполитических факторах у державной власти был бы необходимый лимит времени для адаптации «горского мира» к своим порядкам, как это уже было с народами (например, татарами), которые первоначально выступали в качестве геополитических соперников, но потом достаточно органично влились в «россий-

---

[22] Антология, 1981. С. 48.
[23] Хамар-Дабанов 1986. С. 77, 144.
[24] Там же. С. 131.
[25] Вейденбаум 1901. С. 308, 315.
[26] Ходарковский 2016; Дударев 2016.
[27] Тихомиров 2000. С. 130.

скую семью». Но в ожидании новой европейской войны такой вариант развития событий не был реализован. Оценить перспективы, которые предоставляла им российскость, горцы-мухаджиры просто не успели.

В ходе вооружённого противостояния было немало поводов, чтобы, опираясь на коллективный исторический и личный опыт, обзавестись этническими фобиями. Но ситуация в пограничье, при всём трагизме развернувшегося здесь противоборства, никогда не разводила его участников в непримиримые лагеря, оставляя возможность приобщиться к миру «иного». Абстрактный образ народа-врага не распространялся на конкретного его представителя, с которым могли завязаться дружеские отношения. И если на уровне групповых интересов разногласия нередко не позволяли выстраивать диалог, то в личной социальной практике межкультурная коммуникация сохранялась постоянно, причём социокультурный код одного этноса переводился на культурный код другого[28]. «Другой» мог быть представителем иного этноса, но по своим культурно-нравственным приоритетам оказывался «своим»[29].

По мере прекращения вооружённого противостояния и появления в регионе новых переселенцев из других частей империи открывались перспективы для культурного сближения между ними и автохтонными народами. В воспоминаниях Н.С. Семенова, который, посетив по долгу службы немало горских селений на Северо-Восточном Кавказе, завёл кунаков среди чеченцев, имеется много примеров конструктивных и взаимовыгодных контактов. Его очерк «День в ауле» (1869) наполнен картинами мирной и размеренной жизни, хотя сам автор и далёк от идеализации таких отношений, им показаны также примеры откровенной неприязни и даже враждебности. Недавнее вооружённое противостояние не могло не оставить свой след в характере взаимных восприятий сторонами межкультурного диалога[30]. Аналогичные размышления мы видим и у другого автора, чеченца У. Лаудаева, который постарался показать изменения, произошедшие с его сородичами в результате выстраивания взаимовыгодного диалога с русскими[31].

Такие наблюдения можно экстраполировать и на другие народы региона. Схожие изменения мы видим у осетин, активно включившихся в модернизационные процессы, которые переживал не только Кавказ, но и вся Россия[32]. Налицо была «революция потребностей», которая повлекла за собой и изменения в мировоззренческих особенностях местных жителей. Но интерес к «роскошествам», на благотворное вли-

---

[28] Булыгина 2011. С. 60-61.
[29] Репина 2012. С. 17.
[30] Виноградов 2002.
[31] Лаудаев 1872. С. 3-8.
[32] Айларова 1990. С. 95-109.

яние которых на нравы туземцев так уповали мыслители второй половины XVIII – первой половины XIX в., оказался далеко не панацеей[33].

Находясь в едином пространстве в условиях мирной повседневности, русские и горцы узнавали друг о друге гораздо больше, особенно в городах, где процесс межкультурной коммуникации происходил гораздо интенсивнее[34]. Здесь причудливо переплетались этнические традиции и универсальные элементы модерна[35].

С каждым мирным десятилетием становилось всё очевиднее, что возможности государства по формированию «семьи народов» с общими ценностями и межэтническими симпатиями далеко не безграничны. Добившись прекращения вооружённой борьбы на Северном Кавказе, внешне могущественные институты власти были неспособны влиять на фобии, имевшиеся как между русскими и горцами, так и во внутригорских взаимоотношениях. «Левиафан» мог не допустить крайних форм неприязни, но пасовал перед накалом межэтнической конкуренции. Разместив по соседству самые разные народы, создав им условия для мирной деятельности, государство могло лишь надеяться, что со временем они сами сформируют социальную полифонию, а пока лишь пыталось пресекать то и дело возникающие конфликты.

Историческое партнёрство формировалось не только в позитивном, но и в негативном ключе. Новый мир нёс с собой ранее недоступные возможности и искушения. Горцы охотно усваивали «пороки» общества модерна, ломавшие привычные нравственные императивы не менее успешно, чем это делал материальный достаток[36]. Впрочем, схожие процессы наблюдали, например, в Алжире, где роль культуртрегера выполняла Франция[37]. Это были «интернациональные» недостатки, присущие процессу взаимодействия архаики и модерна.

При сильной государственной власти горцы активно осваивали мирные источники дохода, но, как только начались социально-политические потрясения начала XX в., часть из них вернулась к прежним методам, основанным на набегах и грабежах[38]. Новый хозяйственный уклад, который несла на Кавказ Россия, требовал, среди прочего, изменения мировоззренческих установок у местных жителей. Привычные нравственные императивы становились непреодолимым барьером на пути к успеху, а отказаться от них, даже вопреки очевидной выгоде, оказывалось по силам далеко не всем[39]. Анализируя суть природы насилия

---

[33] Виноградов, Шейха 1996.
[34] Дударев, Клычников 2014. С. 21.
[35] Туаева 2008. С. 52-53.
[36] Виноградов 2003. С. 85; Карпов, Капустина 2011. С. 58-59.
[37] В.А. 1857. С. 9.
[38] Клычников 2015. С. 190.
[39] Миллер, Ковалевский 1884. С. 543.

на Северном Кавказе в эпоху поздней империи, Л.С. Гатагова отмечает, что местные жители ранее проживали в сегментированном обществе, а в новых условиях кардинально изменилась его структура. Разрушение привычных форм социального взаимодействия было компенсировано усилением этнической солидарности. Данные процессы проходили на фоне обострившейся борьбы за источники существования, что, как представляется, и стимулировало эту трансформацию[40].

Современники отмечали, что «…горец сильно привязан к родине, подразумевая под этою родиной его родной аул, с его жителями», «своим» считался только сосед, живущий в непосредственной близости. Для формирующейся горской интеллигенции ситуация виделась в ином свете. Для неё образ «своего» имел более широкое толкование[41]. Роль местных интеллектуалов в выстраивании межкультурного диалога была неоднозначной. Справедливо подмечено, что, «родившись на «стыке культур», на «стыке эпох» (возникающих там, где имеют место контакты между человеческими обществами, находящимися на различных ступенях общественного развития), северокавказская интеллигенция уже в момент генезиса обнаружила многие черты интернациональной социокультурной среды, причём социальный компонент её был «почвен», национален, а культурный складывался в русле интернационализации общественной жизни»[42]. Но, расширив свой кругозор, горская интеллигенция одновременно принялась конструировать этническую историю и артикулировала концепцию национальной идеи, зачастую сводившуюся к необходимости бороться за компенсацию нанесённой в прошлом обиды и восстановление «исторической справедливости». Как подметил один из современников, даже «интеллектуальные дети гор никак не могут оторваться от жизни далёких аулов»[43]. На данном этапе формирования этнического самосознания конфликтные парадигмы превалируют, создавая впечатление доминирования в прошлом взаимной неприязни и враждебности в отношениях с другими народами. Впрочем, не отрицались и позитивные перспективы, общность интересов.

Очередной этап совместной истории был связан с установлением и развитием советской власти – сложного исторического феномена, оценка которого колеблется от идеализации до демонизации. Отмечая этно-иерархический характер ментальности населения северокавказской окраины, борющиеся за власть большевики разглядели и его готовность найти себя в рамках имперского мироустройства. Как следствие, «совпадение архаичных смыслов в политике большевиков и

---

[40] Гатагова 2016. С. 147.
[41] Амиров 1873. С. 58, 149.
[42] Айларова, Кобахидзе 2011. С. 105.
[43] Бутбай 1993. С. 22.

практике самоидентификации горских народов тоже стало одной из предпосылок утверждения советской власти на Северном Кавказе». Было предложено то, что по сути и явилось квинтэссенцией российскости – «…создание одинакового с другими народами статуса, единство целей дальнейшего развития, зависимость благополучия народов от сотрудничества, а не от соперничества, поддержка их законом и властью»[44]. Декларируемый идеал соответствовал представлениям об истинной справедливости, хотя на практике эта схема соблюдалась не всегда. Элемент соперничества сохранялся, но, как правило, реализовывался в рамках этатистских ценностей. Формировалась общность – советский народ, у которого явственно начинали обозначаться единые ценностные ориентиры. Впрочем, как показали дальнейшие события, их устойчивость была недостаточной, распад единого государственного пространства повлёк за собой и раскол на мировоззренческом уровне.

В советский период, при всех его издержках и перегибах, горцы получили много преференций. Они ценили российско-советское государство уже за то, что оно снижало градус внутрирегиональных противоречий, выступая в качестве третейского судьи по самым болезненным вопросам, без его участия справиться с имеющимся местечковым антагонизмом оказалось невозможно. Конфликты возникли даже среди сторонников одной коммунистической идеи, но представлявших разные народы. К государству апеллировали, когда речь шла, к примеру, о разрешении «земельного вопроса», традиционно болезненного для края и имевшего этническую специфику. Но для многих это была «любовь по расчёту». Автохтоны, пользуясь различными правами и возможностями, отнюдь не горели желанием мириться с издержками, присущими их новому положению. Латентная неприязнь сохранялась, время от времени прорываясь в виде вооружённого сопротивления и даже, как это было в годы Великой Отечественной войны, коллаборационизма[45].

В той или иной мере такие настроения сохраняются и поныне. При ослаблении государственных институтов и невозможности получать в прежнем объёме те преимущества, которые предоставлялись ранее, в горской среде начинают звучать идеи о самостоятельном пути развития, о размывании этничности по вине государства, чуждости русской культурной парадигмы и т.п. Отчасти это является элементом политического торга с федеральным центром, отнюдь не свидетельствующим о реальном желании добиться этнической автаркии, издержки от которой начинают ощущать, прежде всего, сами местные жители.

Определённую «усталость» от продолжающегося совместничества могут выражать не только «малые» народы, но и «старший брат».

---

[44] Суханова 2011. С. 404.
[45] Клычников 2015. С. 210-247.

Уже в XIX в. звучали слова о том, что «не следует доводить добродушие до забвения интересов русского народа и даже, как это сплошь и рядом на Кавказе бывало, отдавать во всём преимущество туземцам перед своими»[46]. В наши дни особенно заметны такие настроения у наиболее радикально настроенных в политическом плане слоёв населения, охотно откликающихся на лозунг «Хватит кормить Кавказ!», а то и выступающих за сецессию этого региона[47].

Отметим, что сейчас одной из проблем российской государственности на Северном Кавказе является наличие людей с «символическим капиталом», который даёт образование[48]. Самооценка таких людей высока. Их желания и потребности вступают в противоречие с реальными возможностями их удовлетворения, и это ведёт к нарастанию градуса конфликтности в регионе, справиться с которым власти не удаётся[49].

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и возрастную склонность к проявлению агрессии. Любопытно, что сейчас аналогичные процессы мы наблюдаем в Европе, которая столкнулась с массовой молодёжной миграцией с Ближнего Востока и из Африки[50]. И здесь как нельзя кстати пришлись идеи исламизма, с которым мы сталкиваемся и на Северном Кавказе. В отличие от российскости, он не приемлет компромисса и сотрудничества и направлен на полное уничтожение «мира иного». Как и мюридизм первой половины XIX века, он является конкурирующей идеологией в борьбе за умы, не останавливающейся перед призывом к физическому устранению оппонентов.

Нельзя отрицать сохранение у части общества открытой или латентной антикавказской позиции, что зачастую связано с неблаговидными поступками выходцев из этих мест. Оказавшись вдали от «малой родины» и выйдя из-под контроля общественного мнения своих сообществ, некоторые выходцы с юга позволяют себе модели поведения, которые были бы не допустимы и осуждаемы в среде «своих», но выглядят проявлением «молодчества», когда речь идёт о «чужих»[51]. И это касается не только отношений с русскими, но и с другими народами[52]. Есть основания говорить о трансформации привычной набеговой практики, которая пережила процесс «реинкарнации», не изменив своей сути[53]. В такой ситуации удивляться росту кавказофобии не приходится. Учитывая политическую и социокультурную турбулентность исламско-

---

[46] Зиссерман 1885. С. 280.
[47] Кавказ 2011… С. 62.
[48] Дерлугьян 2013. С. 134.
[49] Клычников 2016. С. 33-34.
[50] Heinsohn 2006.
[51] Карпов, Капустина 2011. С. 404-405.
[52] Там же. С. 386-387.
[53] Дударев 2011. С. 508-509.

го мира[54], частью которого являются и многие народы Северного Кавказа, дерусификацию региона, наличие криминальных сообществ, организованных на этнических началах, вероятность внутрироссийского раскола видится весьма вероятной. Сумеют ли власть и общество найти адекватный ответ на такие вызовы? Представляется, что нужно отказаться от механического калькирования опыта западных демократий, далеко не всегда приемлемого для российских условий.

Историческое партнерство, сложившееся за время многовековой совместной русско-северокавказской истории, было обусловлено, прежде всего, необходимостью приложить совместные усилия, направленные на обеспечение безопасности и купирование неблагоприятных внешних вызовов. Такие угрозы изменялись от эпохи к эпохе (от разрушительных набегов Крымского ханства до угроз международного терроризма), но оставались силой, способной повлечь серьёзное ослабление, а возможно, и физическое устранение его участников. Их эффективная нейтрализация была возможна лишь совместными усилиями. Помимо решения общих политических задач, возникла заинтересованность в хозяйственных связях, усилилось взаимовлияние в культурной сфере. Эти процессы имели позитивный синергетический эффект и были выгодны для всех участников взаимоотношений.

Но далеко не всегда побеждала готовность пойти на уступки, отказаться от некоторых элементов своей самобытности, неприемлемых для противоположной стороны. Это приводило к трагическим последствиям, например, к вооружённому противоборству части горских обществ с Россией в первой половине XIX в. и последовавшему вслед за этим мухаджирству. Но даже при всех потерях, понесённых участниками противостояния, эти события не свидетельствовали о неспособности к созданию жизнеспособного полиэтничного сообщества. Об этом говорит сохранившееся государственное единство, выдержавшее испытание социальными и военными катаклизмами прошлого столетия.

Предлагаемая российской государственностью форма объединения не предусматривала насильственную аккультурацию или ассимиляцию. В рамках возникшей общности сохранялась конкуренция, способная нести угрозу самому факту единства. Присутствовала и присут-ствует практика добиваться особых преференций для того или иного государственного субъекта, а фактически конкретного этноса. Эту неотъемлемую сторону партнёрства-совместничества необходимо учитывать при анализе дальнейших перспектив российскости. То, что народам России в значительной степени удалось преодолеть последствия катастрофического по своим результатам кризиса конца XX – начала XXI в., внушает оптимизм, но не даёт оснований для самоуспокоения.

---

[54] Сатановский 2012; Багдасаров 2016.

БИБЛИОГРАФИЯ

Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып.7. С. 1-80.

Антология чечено-ингушской поэзии. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1981. 464 с.

Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа. Воспоминания Участников Кавказской войны XIX века. СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С. 330-407.

Бутбай М. Воспоминания о Кавказе. Записки турецкого разведчика / Пер. с тур. З.М. Буниятова. Махачкала: журнал «Наш Дагестан», 1993. 67 с.

В.А. Очерки Алжирии. Из записок русского офицера // Современник. 1857. №11. С.1-24.

Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Тифлис, 1901. 320 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1-4. М.: Рус. Яз., 1989-1991. Т.4: P-V. 1991. 683 с.

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе // Русский архив. 1885. №2. С.273-298.

Лаудаев У. Чеченское племя // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. №6. С.1-62.

Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Правда, 1990. 704 с.

Миллер Вс., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Кн. 4. С. 540-588.

Мухаммед Тахир ал-Карахи. Три имама // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Махачкала, 1926. Вып.45. С. 53-192.

Саййд Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад Дагестани. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля / Пер. с араб., введ., коммент., указ. Н.А. Тагировой. М.: Восточная литература, 2002. 318 с.

Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания / Сост., вступ. ст. и примеч. М.Б. Смолин; Оформл. Д.Е. Бикашов. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 720 с.

Айларова С.А. Особенности социально-экономического развития горских народов в конце XIX в. и работа А.Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С. 95-109.

Айларова С.А., Кобахидзе Е.А. «Будущие дети России…»: Проблема интеграции в административной практике и общественном сознании (Центральный Кавказ конца XVIII – начала XX вв.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 391 с.

Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. М.: Изд-во «Э», 2016. 288 с.

Барретт Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд. «Самарский университет», 2000. С. 163-194.

Булыгина Т.А. Понятие границы и «Другого» в поликультурном пространстве в текстах Ю.М. Лотмана // Образ «Другого» в поликультурных обществах. Пятигорск – Ставрополь – Москва: ПГЛУ, 2011. С. 58-62.

Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. № 45. 2007. Посвящается 100-летию со дня рождения академика АН СССР А.Л. Нарочницкого / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов Н/Д, 2007. С. 74-84.

Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // Российский Северный Кавказ: факты, события, люди / Под ред. С.Л. Дударева. Москва-Армавир, 2006. С. 4-12.

Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 года / Под ред. С.Л. Дударева. Армавир, 2002. 24 с.

Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1993. 104 с.

Виноградов В.Б., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII – первая треть XIX вв.). Армавир-Грозный, 1996. 63 с.

Виноградов П.Б. Страницы истории развития здравоохранения Чечено-Ингушетии в 1917-1937 годах / Под ред. В.Б. Виноградова. Тверь: «РТС-Импульс», 2003. 192 с.

Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. 275 с.

Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1971. М.: Новый хронограф, 2016. 448 с.
Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 565 с.
Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во института Гайдара, 2013. 384 с.
Дударев С.Л. Ещё раз о российскости // Проблемы интеграции этнических сообществ в состав российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа). Армавир: Дизайн студия Б, 2014. С. 25-35.
Дударев С.Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России / отв. ред. Ю.Ю. Клычников // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 5. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 32 с.
Дударев С.Л. Трудными дорогами совместничества (книга-размышление) // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: Илекса, 2011. С. 466-512.
Дударев С.Л. Школа В.Б. Виноградова: истоки, этапы, идеи // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности Школы академика В.Б. Виноградова. Армавир, 1994. С. 8-15.
Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта / Под ред. С.Н. Ктиторова. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 73 с.
Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2012. 608 с.
Кавказ 2011. Русский взгляд. М.: Фонд РОД, 2011. 64 с.
Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 448 с.
Клычников Ю.Ю. О перспективах дефиниции «российскость» // Вопросы южнороссийской истории / Под ред. С.Н. Ктиторова. Армавир, 2011. Вып.17. С. 125-126.
Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI в.). М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.
Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (Историко-политологические очерки) / Под ред. С.Л. Дударева. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с.
Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX – 1917 г.) Ростов н/Д, 2011. 448 с.
Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов н/Д, 2006. 256 с.
Муртузалиев С.И. Кавказцы в контексте формирования национальной идентичности россиян // Образ «Другого» в поликультурных обществах. 2011. С. 274-278.
Никонов В.А. Российская матрица. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2014. 992 с.
Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9-19.
Сатановский Е.Я. Россия и Ближний Восток. Котёл с неприятностями. М.: Эксмо, 2012. 384 с.
Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: НЛО, 2007. 460 с.
Скорик А.П., Цыбульникова А.А., Гарунова Н.Н. Деконструкция межэтнического диалога студенчества: аналитика и материалы кросс-культурного социологического исследования. Махачкала: АЛЕФ, 2014. 134 с.
Суханова Н.И. Большевики на Северном Кавказе в 1917-1918 гг.: поиски рычагов вовлечения горцев в советскую государственность // Образ «Другого» в поликультурных обществах. Пятигорск – Ставрополь – Москва: ПГЛУ, 2011. С. 399-404.
Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе. Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. 265 с.

Туаева Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX в. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 204 с.
Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / авториз. пер. с англ. А. Терещенко. М.: НЛО, 2016. 232 с.
Heinsohn G. Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Berlin: PDF4eBook-Verlag, 2006. 189 s.

REFERENCES

Ajlarova S.A. Osobennosti social'no-ehkonomicheskogo razvitiya gorskih narodov v konce XIX v. i rabota A.G. Ardasenova «Perekhodnoe sostoyanie gorcev Severnogo Kavkaza» // Rossiya i Severnyj Kavkaz (problemy istoriko-kul'turnogo edinstva). Groznyj, 1990. S. 95-109.
Ajlarova S.A., Kobahidze E.A. «Budushchie deti Rossii…»: Problema integracii v administrativnoj praktike i obshchestvennom soznanii (Central'nyj Kavkaz konca XVIII – nachala XX v.). Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2011. 391 s.
Bagdasarov S.A. Blizhnij Vostok: vechnyj konflikt. M.: Izdatel'stvo «EH», 2016. 288 s.
Barrett T.M. Linii neopredelyonnosti: severokavkazskij «frontir» Rossii // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednih let. Imperatorskij period: Antologiya / Sost. M. Dehvid-Foks. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2000. S. 163-194.
Bulygina T.A. Ponyatie granicy i «Drugogo» v polikul'turnom prostranstve v tekstah YU.M. Lotmana // Obraz «Drugogo» v polikul'turnyh obshchestvah. Pyatigorsk – Stavropol' – Moskva: PGLU, 2011. S. 58-62.
Velikaya N.N. Rossijskost' kak paradigma izucheniya rossijsko-kavkazskogo edinstva // Aktual'nye i diskussionnye problemy istorii Severnogo Kavkaza. YUzhnorossijskoe obozrenie. №45. 2007. Posvyashchaetsya 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika AN SSSR A.L. Narochnickogo / Otv. red. V.V. CHernous. Rostov N/D, 2007. S. 74-84.
Vinogradov V.B. «Rossijskost'» kak paradigma severokavkazskogo istoriko-kul'turnogo edinstva v sostave Rossii // Rossijskij Severnyj Kavkaz: fakty, sobytiya, lyudi. Kniga regionovedcheskih statej, ocherkov i zarisovok / Pod red. S.L. Dudareva. M.-Armavir, 2006. S. 4-12.
Vinogradov V.B. N.S. Semenov i ego ocherk «Den' v aule» 1869 goda / Pod red. S.L. Dudareva. Armavir, 2002. 24 s.
Vinogradov V.B. Stranicy istorii Srednej Kubani. Armavir, 1993. 104 s.
Vinogradov V.B., SHejha A. Kavkaz v peredovoj obshchestvenno-politicheskoj mysli Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' XIX v.). Armavir-Groznyj, 1996. 63 s.
Vinogradov P.B. Stranicy istorii razvitiya zdravoohraneniya CHecheno-Ingushetii v 1917-1937 godah / Pod redakciej i s posleslov. V.B. Vinogradova. Tver': «RTS-Impul's», 2003. 192 s.
Garunova N.N. Rossijskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – pervoj polovine XIX v.: problemy politicheskoj, ehkonomicheskoj i kul'turnoj integracii. Mahachkala, 2007. 275 s.
Gatagova L.S. Severnyj Kavkaz v ehpohu pozdnej imperii: priroda nasiliya. 1860-1971. M.: Novyj hronograf, 2016. 448 s.
Gudakov V.V. Severo-Zapadnyj Kavkaz v sisteme mezhehtnicheskih otnoshenij s drevnejshih vremyon do 60-h godov XIX veka. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 565 s.
Derlug'yan G. Kak ustroen ehtot mir. Nabroski na makrosociologicheskie temy. M.: Izd-vo instituta Gajdara, 2013. 384 s.
Dudarev S.L. Eshchyo raz o rossijskosti // Problemy integracii ehtnicheskih soobshchestv v sostav rossijskogo gosudarstva i puti ih resheniya (na primere Severnogo Kavkaza). Armavir: Dizajn studiya B, 2014. S.25-35.
Dudarev S.L. Ob odnom primere zapadnogo vzglyada na istoriyu integracii Severnogo Kavkaza v sostav Rossii / otv. red. YU.YU. Klychnikov // Izvestiya nauchno-pedagogicheskoj Kavkazovedcheskoj SHkoly V.B. Vinogradova. Vyp. 5. Stavropol': Dizajn-studiya B, 2016. 32 s.
Dudarev S.L. Trudnymi dorogami sovmestnichestva (kniga-razmyshlenie) // Sbornik nauchnyh rabot Sergeya Leonidovicha Dudareva: stat'i, materialy, recenzii. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya. M.: Ileksa, 2011. S.466-512.
Dudarev S.L. SHkola V.B. Vinogradova: istoki, ehtapy, idei // Materialy zasedaniya, posvyashchennogo 30-letiyu nauchno-tvorcheskoj, pedagogicheskoj i obshchestvennoj deyatel'nosti SHkoly akademika V.B. Vinogradova. Armavir, 1994. S. 8-15.

Dudarev S.L., Klychnikov YU.YU. Goroda kak prostranstvo sociokul'turnoj adaptacii naseleniya Severnogo Kavkaza v processe osushchestvleniya rossijskogo modernizacionnogo proekta / Pod red. S.N. Ktitorova. Pyatigorsk: PGLU, 2014. 73 s.
Istoricheskaya nauka segodnya: Teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoj. M.: LKI, 2012. 608 s.
Kavkaz 2011. Russkij vzglyad. M.: Fond ROD, 2011. 64 s.
Karpov YU.YU., Kapustina E.L. Gorcy posle gor. Migracionnye processy v Dagestane v HKH – nachale XXI veka: ih social'nye i ehtnokul'turnye posledstviya i perspektivy. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2011. 448 s.
Klychnikov YU.YU. O perspektivah definicii «rossijskost'» // Voprosy yuzhnorossijskoj istorii / Pod red. S.N. Ktitorova. Armavir, 2011. Vyp.17. S. 125-126.
Klychnikov YU.YU. Rossijskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arhaika: V poiskah preodoleniya protivorechij (XVIII – nachalo XXI v.). M.: LENAND, 2015. 368 s.
Klychnikov YU.YU. Severnyj Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii (Istoriko-politologicheskie ocherki) / Pod red. S.L. Dudareva. Pyatigorsk: PGLU, 2016. 99 s.
Matveev V.A. Rossijskaya universalistskaya transformaciya i separatizm na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – 1917 g.) Rostov n/D, 2011. 448 s.
Matveev V.A.Rossiya i Severnyj Kavkaz: istoricheskie osobennosti formirovaniya gosudarstvennogo edinstva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Rostov n/D, 2006. 256 s.
Murtuzaliev S.I. Kavkazcy v kontekste formirovaniya nacional'noj identichnosti rossiyan // Obraz «Drugogo» v polikul'turnyh obshchestvah. PGLU, 2011. S. 274-278.
Nikonov V.A. Rossijskaya matrica. M.: OOO «Russkoe slovo – uchebnik», 2014. 992 s.
Repina L.P. «Nacional'nyj harakter» i «obraz Drugogo» // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 39. S. 9-19.
Satanovskij E.YA. Rossiya i Blizhnij Vostok. Kotyol s nepriyatnostyami. M.: Eksmo, 2012. 384 s.
Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 s.
Skorik A.P., Cybul'nikova A.A., Garunova N.N. Dekonstrukciya mezhehtniche-skogo dialoga studenchestva: analitika i materialy kross-kul'turnogo sociologicheskogo issledovaniya. Mahachkala: ALEF, 2014. 134 s.
Suhanova N.I. Bol'sheviki na Severnom Kavkaze v 1917-1918 gg.: poiski rychagov vovlecheniya gorcev v sovetskuyu gosudarstvennost' // Obraz «Drugogo» v polikul'turnyh obshchestvah. Pyatigorsk – Stavropol' – Moskva: PGLU, 2011. S.399-404.
Tishkov V.A. Rossijskij narod: istoriya i smysl nacional'nogo samosoznaniya. M.: Nauka, 2013. 649 s.
Tuaeva B.V. Goroda Severnogo Kavkaza: obshchestvenno-kul'turnaya sreda vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2008. 204 s.
Hamar-Dabanov E. Prodelki na Kavkaze. Stavropol': Kn. izd-vo, 1986. 265 s.
Hodarkovskij M. Gor'kij vybor: vernost' i predatel'stvo v ehpohu rossijskogo zavoevaniya Severnogo Kavkaza / avtorizovannyj per. s angl. A. Tereshchenko. M.: NLO, 2016. 232 s.

Клычников Юрий Юрьевич, *доктор исторических наук, профессор, Пятигорский государственный университет; klichnikov@mail.ru*

Russian and North-Caucasian relations through Russianness: peculiarities of a historical partnership

The article examines the issues of building a historical partnership on the example of Russian-North Caucasian relations. Different sides of cooperation-rivalry are shown (both facts of mutual sympathy and negative aspects of relationships) that determined the face of this multifaceted interethnic symbiosis. The role of the state, society, individuals in this process is evaluated. The author's conclusions are based on a retrospective analysis with access to contemporary events.

Keywords: state, highlanders, cooperation, rivalry, self-consciousness, conflict, culture, communication

Yriy Klyichnikov*, Dr. Sc. (History), Professor, Pyatigorsk State University; klichnikov@mail.ru*

И. И. Руцинская

«И.В. СТАЛИН ЧИТАЕТ ПИСЬМО В.И. ЛЕНИНА»: ВИЗУАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ В СОВЕТСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ 1930-1950-х гг.[1]

Миф о нерушимом единстве двух вождей был важнейшей составляющей советской культуры сталинской эпохи. Деятельное участие в его формировании принимало изобразительное искусство. Визуальные репрезентации различных эпизодов из истории взаимоотношений Ленина и Сталина требовали использования разных стратегий. В ситуации, когда изображаемый сюжет, например, сюжет «чтение письма», имел многовековую традицию художественных воплощений, использовались стратегии, призванные отсекать интертекстуальное восприятие, контролировать визуальную память, редуцировать смыслы произведения. Их анализу на примере известного сюжета о заочном (по переписке) знакомстве двух вождей посвящена данная статья.

Ключевые слова*: *советское искусство, визуальный нарратив, интертекстуальность, Сталин, мотив чтения письма

В списке формульных характеристик Сталина, постоянно используемых в советских пропагандистских текстах, значимое место занимали определения, построенные на акцентировании нерушимого единства двух вождей. Сталин представал как «Верный ученик Ленина. Соратник Ленина. Продолжатель дела Ленина. Ленин сегодня»[2]. Пропагандистская риторика адекватно отражала мифологию сталинской эпохи, для которой прочный союз двух вождей – один из основополагающих элементов существующей картины мира. В изобразительном искусстве данная идеологема была отражена с максимальной полнотой.

Визуальный нарратив, призванный дать наглядное представление об истории взаимодействий Ленина и Сталина, включал набор сюжетов, хронологически ограниченных 1905-м (первая встреча на Таммерфорской конференции) и 1924-м годом. Эта канонизированная история имела завязку и эпилог, иконографические схемы которых разрабатывались не менее тщательно. Однако они отличались от других сюжетов данной тематики тем, что Ленин присутствовал на них символически. Завязка представляла собой рассказ о заочном знакомстве двух революционеров. На картинах изображали Сталина, читающего письмо от Ленина. Эпилог призван был репрезентировать процесс перехода власти от умершего вождя к вождю живому и имел две иконографические схемы: «Сталин у гроба Ленина» и «Клятва Сталина на II съезде Советов СССР». В итоге вся история о вождях обретала драматургическую

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00540.

[2] Борев 1990. С. 26.

структуру и логическую завершенность, ее финал даровал зрителям запланированный катарсис: Ленин умер, но дело его живет.

История заочного знакомства двух вождей известна только со слов Сталина. У нее нет свидетелей и документальных подтверждений, что давало основание, например, Троцкому серьезно сомневаться в ее правдивости[3]. Для советских же авторов воспоминания вождя представляли собой бесспорный исторический источник (читай: канонический текст). Данный рассказ прозвучал 28 января 1924 г., через неделю после смерти Ленина на вечере кремлевских курсантов школы ВЦИК, посвященном памяти вождя. Участие Сталина в этом мероприятии было очередным продуманным шагом в процессе оформления его статуса «наследника и продолжателя дела Ленина». Если за два дня до того, на II съезде Советов СССР он выступал в роли государственного мужа и политика, торжественно декламировал обращенные к мертвому вождю слова клятвы, сопровождая их пафосными жестами и театрализованными позами, то на встрече с курсантами он задушевно рассказывал о личных впечатлениях, неформальном общении, пересыпая речь уменьшительными словами («письмецо») и национально окрашенными, выбивающимися из официальной партийной лексики определениями («горный орел»). Впоследствии эта речь вошла в 6-й том полного собрания сочинений Сталина и была много раз напечатана[4]. Изучая ее, Троцкий настаивал: «Мы имеем дело не со стенограммой, а с законченным продуктом сталинского пера»[5]. С этим тезисом трудно не согласиться. Сталинские воспоминания, действительно, представляют собой продуманный и тщательно выстроенный текст, призванный доносить до сознания слушателей, а затем читателей, набор важных для автора идей и схем.

Прежде всего благодаря рассказанной истории дата знакомства с Лениным отодвигалась с 1905-го на 1903-й год: «Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за все время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири в ссылке...»[6]. По словам Сталина, послание от Ленина было ответом на его письмо, отправленное какому-то неназываемому другу за границу. В этом письме он выражал полную поддержку и восхищение ленинской тактикой и стратегией. Друг показал письмо вождю, а тот решил на него ответить: «Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин

[3] Троцкий 1996. С. 78-80.
[4] Сталин 1947. С. 52-64.
[5] Фельштинский 1884.
[6] Сталин 1947. Т. 6. С. 52.

умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, – когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению». Конечная фраза данного мемуарного эпизода еще раз закрепляла важную для Сталина мысль: «С этого времени началось мое знакомство с Лениным»[7]. В последующие годы она будет доведена советской пропагандой до необходимого масштаба и доживет вплоть до наших дней: «С этого момента его [Сталина] духовная связь и политическое сотрудничество с вождём партии большевиков не прерывались»[8]. Текст, прозвучавший на вечере воспоминаний и якобы претендовавший на статус неофициального, превратился в первоисточник государственной идеологемы о нерушимом союзе двух вождей.

В своем рассказе Сталин умело акцентировал еще два важных для него аспекта данной истории: во-первых, факт получения письма, подтверждающего не просто его с Лениным обоюдную заинтересованность в налаживании личного общения, но и инициативу Ленина в процессе их знакомства (письмо от Сталина было адресовано третьему лицу и вовсе не предполагало ленинского ответа); во-вторых, обстоятельства получения письма – «в Сибири, в ссылке», указывающие на его, Сталина, активную и длительную революционную деятельность к моменту их с Лениным эпистолярного контакта. Эти акценты адекватно считывались современниками. Яркое тому подтверждение – произведения советского изобразительного искусства, посвященные данной теме. Полученное письмо, выступало на них смысловым центром. Место и обстоятельства его получения были предметом пристального внимания. Каждое произведение включало множество деталей, о которых, конечно же, не упоминал Сталин, но которые появлялись в работах в качестве маркеров сибирской ссылки. Никто из советских авторов не позволил себе написать просто портрет вождя с письмом, без конструирования окружающего – всегда интерьерного – пространства.

Рассказ Сталина задавал довольно ограниченный набор возможных художественных решений: однофигурная композиция (никаких свидетелей!), герой либо читает письмо, либо оторвавшись от него, многозначительно смотрит вдаль. Правда, в сталинском тексте было зафиксировано еще одно действие – сжигание письма (для его характеристики Сталин выбрал более высокопарную формулировку – «предал сожжению»), но его, конечно же, никогда не изображали. Вообще в советской живописи сами вожди никогда ничего не уничтожали, не ломали и не

[7] Там же. С. 53-54.
[8] Правда. 2014.

сжигали. Визуализируя описанный Сталиным сюжет, художники, отдавая себе в этом отчет или нет, вступали в диалог с богатой живописной традицией. Чтение письма – чрезвычайно популярный, детально разработанный мотив в истории европейской живописи, особенно часто к нему обращались голландские мастера XVII в.[9] В последующие столетия данный сюжет неизменно привлекал внимание художников, причем однофигурная композиция, в которой показан человек наедине с полученным посланием, количественно доминировала на фоне других возможных решений (двухфигурных и групповых). Героем подобных картин, точнее, героиней, как правило, становилась женщина, а полученное ею письмо было главным образом письмом любовным.

Композиционные схемы со всевозможными деталями и нюансами, вновь и вновь фигурировали в живописных работах: девушка стоит или сидит, развернута вправо или влево, держит письмо в руках или положила на стол. При этом для зрителя оставалось загадкой, от кого получено письмо, какие вести оно несет, какие отношения и события скрываются за текстом. Обо всем этом он мог только догадываться, пользуясь более или менее явными подсказками художника: «мы невольно вторгаемся в тайный мир пишущих и читающих персонажей, для которых письма становятся событием, нарушающим привычное, размеренное течение их жизни. Подобное вторжение приподнимает завесу над тайным содержанием происходящего действия, но при этом само действие становится еще более притягательным и загадочным»[10]. Действие, как правило разворачивалось в интерьере, предметы которого выступали не только иконическими, но и символическими знаками. Они визуализировали личное пространство героини, помогали заглянуть в ее мир.

В случае со сталинским сюжетом письмо также становилось событием, нарушающим размеренное течение жизни персонажа, но содержательное сходство на этом заканчивалось. Вместо девушки главным героем был молодой человек, вместо любовного письма – послание от товарища по партии, вместо непроявленности человеческих взаимоотношений – кристально-ясная, подробно объясненная история заочного знакомства двух революционеров. Этот ряд противопоставлений, казалось, должен быть продолжен: вместо сотни раз повторяющихся, банальных, а порой просто пошлых любовных историй (особенно в произведениях эпохи сентиментализма или в работах мастеров салонной живописи) – рассказ о событии, которое трактовалось как уникальное, исторически значимое; вместо фактов из жизни ничем рядовых персонажей – событие из биографии «лично товарища Сталина». Предполагалось, что эти особенности изображаемого события и контекст, в котором оно проис-

[9] О любви к малым голландцам в СССР послевоенной эпохи см.: Голубицкий 2012.
[10] Дмитриева 2013. С. 78.

ходило (революционная история России, повседневность сибирской ссылки), должны вызвать к жизни произведения, принципиально выделяющиеся из длинного ряда предшествующих картин.

Действительно, предметное содержание этих работ имело ряд особенностей. Стремясь к максимально правдоподобной визуализации слов вождя («в ссылке, в Сибири»), авторы наполняли картину множеством уместных, с общепринятой точки зрения, деталей. Из картины в картину перекочевывал интерьер крестьянской деревянной избы, керосиновая лампа или свеча, набор простой деревянной мебели, обязательно включавшей стол, табурет или лавку. На столе были разложены книги и листы бумаги, свидетельствующие о непрекращающейся интеллектуальной деятельности вождя в ссылке. К этому списку необходимо добавить изображение небольшого окна, с заиндевевшими от мороза стеклами. Самого Сталина часто изображали в теплом тулупе из овчины, а на переднем плане выстраивали натюрморт из брошенной на табурет меховой шапки-ушанки. Доведенное до визуального клише сходство представленных деталей не было результатом работы авторов на натуре, поскольку дом в селе Новая Уда, в котором в 1903 г. Сталин отбывал ссылку, до 1930-х гг. не сохранился[11]. Сконструированный антураж – плод художественных усилий, отражавший (и одновременно формировавший) массовые представления на тему «вождь в сибирской ссылке». Он представлял собой собрание визуальных стереотипов, объединенных одной темой и организованных по законам художественной композиции. В формировании стереотипов принимали участие разные вербальные и визуальные источники. Например, музейные экспозиции. На протяжении 1930-х гг. открывались многочисленные историко-революционные музеи, среди которых выделялась особая тематическая группа – места ссылки большевиков. В местах ссылок Сталина, функционировало, помимо Новой Уды, еще три мемориальных музея: в Вологде, Курейке и Сольвычегодске. Большинство из них экспонировали не подлинную обстановку, а т.н. музейную типологию – подбор мебели и вещей, собранных по принципу «так могло быть». На экранах страны демонстрировались документальные фильмы, в которых эта обстановка была зафиксирована на кинопленку, а дальше совершалась «незначительная» аберрация: все отснятое подавалось зрителю в качестве подлинного, трепетно охраняемого[12]. В СССР массовыми тиражами печа-

---

[11] Дом сгорел в годы Гражданской войны. Музей был создан в здании бывшей пересыльной тюрьмы. Правда, в его экспозиции был выставлен макет дома М.И. Литвинцевой, в котором жил Иосиф Джугашвили.

[12] Так, в 1940-м г. на студии «Мосфильм» был создан фильм «По Сталинским местам». Его авторы посетили все города и села, где вождь отбывал ссылку, и с невероятным пиететом, многократно усиленным пафосным закадровым текстом и музыкой В. Мурадели, показали зрителям похожие друг на друга музейные интерьеры.

тались наборы открыток с названиями «Сталинские места», «По Сталинским местам», в которых типовые музейные интерьеры стояли в одном ряду с уникальными пейзажными видами, в итоге различия между обобщенно-приблизительным и подлинным полностью стирались.

Из сказанного может сложиться впечатление, что именно музейные интерьеры были исходной точкой, главным источником формирования визуальных стереотипов. Но это не так. Для того, чтобы возникла типовая музейная экспозиция, необходимо было, чтобы оформилось некое общее представление о том, «как это могло быть». Усредненный тип «интерьера для ссылки» формировался с параллельным привлечением самых разных источников. Повторяя, подтверждая, легитимируя друг друга, они создавали хорошо узнаваемые, обобщенные знаки. Важное место в этом процессе принадлежало вербальной информации. Истпарты, а позже архивы разных уровней и музеи мемориальной направленности собирали и публиковали воспоминания местных жителей и соратников вождя, отбывавших с ним ссылку. Советские историки писали популярные книги с названиями «Сталин в Сибирской ссылке»[13], «Туруханская ссылка»[14] и т.д. Общероссийские и региональные путеводители обязательно содержали разделы типа «Дорогие сердцу места». Эти тексты не отличались разнообразием и индивидуальным характером описаний, фразы «трескучие морозы», «крестьянская изба», «деревянная мебель», «скромная обстановка» стали почти нормативными, задавали правила репрезентации сюжета «большевик в ссылке» и логику его интерпретации. Изобразительное искусство создавало визуальные аналоги вербальным клише. В итоге были сформированы, пользуясь определением У. Эко, «коды узнавания», которыми владело значительное число советских людей – потенциальных зрителей произведений этой тематики. Иконические знаки и их соединение в рамках единой композиции демонстрировали сходство не с конкретными объектами и пространствами, но с их усредненными типами, фигурировавшими в определенном контексте. Их адекватное узнавание обеспечивалось многократно повторенным и хорошо усвоенным визуальным опытом.

Однако в общий поток знаков, рожденных в пространстве советской культуры, вплетались порой «фигуры» (Иванов) иного порядка. Так, всегда изображавшееся в работах советских художников маленькое окно с замерзшими стеклами отсылало к картине В.И. Сурикова «Меншиков в Березове». Это произведение, как и другие работы мастера, было причислено к списку признаваемых и почитаемых, его постоянно экспонировали, часто тиражировали, оно, в итоге, участвовало в формировании визуального образа сибирской ссылки. Замерзшее окно избы

[13] «Сталин в Сибирской ссылке». 1942.
[14] Швейцер 1943.

в общем смысловом поле картины было важным знаком, указанием на неуютный холодный мир, окружавший эти бревенчатые стены. Ассоциация с известным произведением была достаточно прямолинейной, но подавляющее большинство зрителей, в т.ч. «экспертов», знак не считывали: в искусствоведческих текстах никогда даже вскользь не упоминалось о перекличках с выдающимися и притом высоко оцениваемыми произведениями русского реалистического искусства. Подобные интертекстовые связи были избыточными, лишними для «правильного» понимания того или иного произведения. В пространстве тоталитарной культуры усложнение смыслов, расширение интерпретационного поля – не достоинство, а недостаток произведения. Его восприятие должно быть заключено в определенные пространственно-временные границы и само произведение не должно давать «поводов» для их нарушения.

Более того, существовала своеобразная система «защиты» от возможности расширения границ восприятия и вовлечения визуальной памяти в процесс интерпретации произведения. Как она работала можно рассмотреть на конкретных примерах.

В 1949 г. дважды лауреат Сталинской премии Н.Н. Жуков выполнил рисунок «И.В. Сталин в ссылке читает письмо В.И. Ленина. 1903 г.» (рис. 1), который демонстрирует удивительную композиционную близость с известной картиной Яна Вермеера «Дама в голубом, читающая письмо» (1662–1664, рис. 2). На рисунке в зеркальном отражении представлена часть фронтально скомпонованного интерьера. В центре композиции в полный рост, в профиль, с листом бумаги в руках изображен герой произведения: молодой человек – у Жукова, девушка – у Вермеера. Оба они стоят вплотную к квадратному столу, лицом к окну, которого не видно, но со стороны которого льется неяркий свет. На столе размещены предметы, призванные помочь в обрисовке контекста. Помимо нескольких мелких деталей, выделяется свисающая с переднего края стола драпировка. Вместо дорогих кожаных стульев Жуков изображает простые деревянные табуреты и лавки, но даже их поворот в пространстве (на переднем плане углом к зрителю, в глубине – параллельно стене) одинаков. И герой, и героиня полностью погружены в чтение письма, которое держат перед собой, согнув обе руки в локтях. Повторения слишком буквальные, чтобы можно было говорить о простом совпадении. Осознанно или нет, но для выстраивания собственного рисунка художник использовал удивительно гармоничное композиционное решение, однажды найденное Я. Вермеером.

«Цитирование» общей композиционной схемы предопределило ряд других особенностей произведения, которые сближали его с европейскими образцами, но отдаляли от образцов советских. В частности, камерность и даже интимность звучащих в нем интонаций.

Рис. 1. Н.Н. Жуков. «И.В. Сталин в ссылке читает письмо В.И. Ленина. 1903 г.»

Рис. 2. Ян Вермеер «Дама в голубом, читающая письмо»

Важное требование, предъявляемое ко всем советским художникам, обращавшимся к образу Сталина, – изменять очевидную жанровую принадлежность создаваемых работ. Любое изображение, будь то портрет или произведение бытового жанра, рассматривалось как решение «историко-революционной темы в целом, потому что образы Ленина и Сталина неотрывно связаны с героикой дел и дней многомиллионных масс»[15]. С этой точки зрения работы Н. Жукова шли в разрез с существовавшими нормами. Даже с учетом тех детерминант, которые устанавливала предполагающая б*о*льшую камерность техника рисунка, даже в контексте особой ситуации, сложившейся в советской графике конца 1940-х – начала 1950-х гг., исповедовавшей менее «формальное» решение темы, графические листы Жукова были «другими».

В советской графике Ленин мог отрешенно слушать музыку или водить хороводы с детьми, Сталин – никогда. Личностное, интимное, домашнее, камерное – все это недопустимые для него характеристики. Но в рисунке Жукова, если на минуту забыть идеологический контекст и просто посмотреть на него как на изображение события из жизни человека, проступают именно эти качества: автор подчеркнул романтическую взволнованность своего персонажа, его повышенную эмоциональность. Юноша статен и красив, мало похож на реального Сталина. Подобно голландским мастерам, советский живописец представил человека в своем мире, наедине со своими личными переживаниями. Рисунок вполне можно интерпретировать как бытовую зарисовку, не претендующую на значимость всенародного масштаба. Но увидеть работу в подобном ключе советскому зрителю было просто невозможно. Роль «настройщика восприятия» выполняло название, т.е. сопроводительный словесный текст. Практически все названия работ на данную тему представляли собой не слово, не словосочетание, а развернутое предложение с подлежащим, сказуемым и одним или несколькими дополнениями: «И.В. Сталин читает письмо В.И. Ленина», «И.В. Сталин в ссылке читает письмо В.И. Ленина». Иногда появлялись гротескные тексты: «Пламенный колхидец, находясь в ссылке, читает письмо, полученное им от Ленина». Н.В. Злыднева указывает, что в произведениях соцреализма «идентифицирующая функция распределяется между изображением и названием (словом) почти равномерно»[16], и в подтверждение этого приводит «Письмо с фронта» А. Лактионова (1947), «Опять двойка» Ф. Решетникова (1952). Очевидно, что в нашем случае ни о каком равноправии визуального и вербального текста не может быть речи. Именно вербальный текст предопределял, программировал, контролировал восприятие произведения. Многословная фраза представляет собой не

[15] Кравченко 1939. С. 6.
[16] Злыднева 2008. С. 49.

«свернутый комментарий», но текст, исчерпывающий содержание работы и не позволяющий его расширять или «искажать». Все «побочное» отсекалось. Визуальная память зрителя атрофировалась. Связи, аллюзии, переклички даже с разрешенными и почитаемыми произведениями мирового наследия не актуализировалась. От зрителя требовалось лишь установить соответствие между содержанием сопроводительного текста и изображения. Чтение названия и визуальное восприятие произведения почти уравнивались по количеству затраченного на них времени.

Чем больше вариантов для интерпретации предоставляла сама картина или рисунок (ни о какой фронде, речь, конечно, не шла: неожиданные ассоциации или сближения могли возникать случайно или даже как результат простого неумения художника убедительно воплотить задуманное), тем активнее «работало» его название. Вот почему сюжет «чтение письма», столь ярко и разнообразно представленный в европейской художественной традиции, а следовательно, имевший много оснований для его наделения «незапланированными» значениями, в советском искусстве сопровождался максимально развернутыми названиями. К тому же произведения данной тематики априори лишены динамики и активного действия. Визуальная статика компенсировалась обязательным употреблением глагола в сопровождающем словесном тексте. «Сталин читает» – эта формулировка, в отличие от европейских вариантов («За чтением письма», «Чтение письма», «Дама, читающая письмо»), добавляло изображению недостающий волевой посыл.

Репрессивную функцию словесного текста по отношению к изображению изучал Р. Барт, называя ее функцией «закрепления смысла»: «текст подобен тискам, которые зажимают коннотативные смыслы, не позволяют им выскользнуть ни в зону сугубо индивидуальных значений (тем самым текст ограничивает проективную силу изображения), ни в зону значений, вызывающих неприятные ощущения». При этом Барт подчеркивал: «Область, общая для коннотативных означаемых, есть область идеологии, и эта область всегда едина для определенного общества на определенном этапе его исторического развития»[17]. Соглашаясь с основными положениями концепции Барта, современные исследователи, тем не менее, считают, что она дает ответы не на все возникающие вопросы. Так, С.В. Санников пишет: «если коннотативные аспекты целиком обусловлены идеологией, имманентной соответствующему культурному хронотопу, вызывает вопрос повторяемость ряда образов / сюжетов / мотивов в различных культурах и эпохах, феномен, свойства которого подтолкнули Карла Густава Юнга ввести в пространство современного гуманитарного знания понятие “архетипа”»[18]. Данный вопрос

[17] Барт 1994. С. 306, 317.
[18] Санников 2017.

представляется не праздным и в контексте нашего исследования, особенно если согласиться с А.А. Леонтьевым, указавшим на непосредственную близость понятий «архетип» и «интертекст»: «Свойство архетипа к актуализации в художественном творчестве даёт основания признать его (архетип) основным элементом коллективного бессознательного, которое адекватно интертекстуальности, причём интертекстуальности в том значении, которое придавали термину представители школы постструктурализма, т.е. своего рода коллективного бессознательного, существующего до конкретного нового текста, в свою очередь, существующего вне личностной воли автора, который является скорее проводником архетипических образов из бессознательного уровня объективно-психологического бытия в сферу художественной реальности»[19].

С.В. Санников, изучая образы власти на примерах из раннесредневековой историографии, приходит к выводу, что «архетип трансформирует риторику образа». Советские произведения, разрабатывавшие повторяемый живописный мотив, – наглядное подтверждение сделанного исследователем вывода. «Исправить ситуацию», как раз был призван вербальный текст. При подобных условиях изображение выступает, по выражению У. Эко, «слабым кодом»[20], который нуждается в разъяснении и управлении. «Текст как бы ведет человека… среди множества иконических означаемых, заставляя избегать некоторых из них и допускать в поле восприятия другие; зачастую весьма тонко манипулируя читателем, текст руководит им, направляя к заранее заданному смыслу… поистине, текст – это воплощенное право производителя (и, следовательно, общества) диктовать тот или иной взгляд на изображение: “закрепление” смысла – это форма контроля над образом»[21]. Словесное сообщение позволяло обходить интертекстуальные интерпретации.

Переадресация функции «закрепления смысла» вербальному тексту не означала, что текст визуальный не должен «подводить» зрителя к нужным интерпретациям. Советский художник обязан был прилагать усилия к тому, чтобы содержание его произведения было предельно однозначным и доходчивым. Прежде всего, важно было вырвать сцену из бытового контекста, из пространства личных переживаний, в которые она была погружена всем опытом предшествующих воплощений. Данная задача требовала особых усилий, поскольку само по себе изображение такого действия, как чтение письма, не обеспечивало необходимый уровень «исторической значимости». Одна из проверенных стратегий коррекции визуального текста – создание обстановки предельной серьезности. Любые детали, указывающие на эмоциональность, задушев-

[19] Леонтьев 2001. С. 100.
[20] Эко 2006.
[21] Барт 1994. С.307.

ность, интимность интонаций (которые, тем не менее, проскальзывали в рисунке Н.Н. Жукова), подлежали изгнанию. Герой не мог и не должен был улыбаться, демонстрировать свои переживания. В советской живописи серьезность и сдержанность Сталина всегда отождествлялась со значительностью. Поэтому и письмо вождь читал с предельной сосредоточенностью, пристально всматриваясь в лист бумаги. Поза Сталина и его мимика, свидетельствовали о крайней степени внимания и напряжения. Он то низко наклонялся над ним, то поднимал письмо на уровень глаз. Все эти приемы должны были подсказать зрителю, что на картине происходит нечто, выходящее далеко за пределы личного, интимного события. Наивным, но действенным способом уйти от интимных интонаций было увеличение размеров ленинского «письмеца» до почти газетного масштаба, как это сделано, например, на рисунке П. Васильева.

Еще более значительным выглядел вождь, когда он отрывался от чтения и направлял взгляд вдаль. Живописные работы, в отличие от графических, тиражировали именно эту композицию. Подобный способ изображения – клише, однозначно истолковываемое современниками: «Взгляд товарища Сталина устремлен вдаль. В лице, озаренном глубокой мыслью, как бы отражено наше светлое будущее»[22]. В случае с данным сюжетом важно подчеркнуть изменение темпоральных характеристик нарратива: время, и без того неспешно протекавшее, когда герой читал письмо, полностью останавливалось, когда он направлял взгляд за пределы картины. Это позволяло вырвать вождя из бытового контекста, поместить его в другие временные координаты. На картине Н. Мариаша взгляд персонажа за пределы картины – это взгляд за пределы тесного интерьера. Сталин смотрит в окно, на открывающиеся дали (впрочем, не видные зрителю). Обозреваемое им физическое пространство зритель самостоятельно интерпретировал как символическое пространство «светлого будущего».

Н. Терпсихоров, напротив, не нуждался в окне, чтобы показать взгляд, «прорезающий пространство и время». Вождь смотрел «в светлое будущее» из темноты сибирской ночи, стены для него не были препятствием (рис. 3). Данный сюжет, как и все сюжеты, связанные с ссылками вождей, советские авторы любили «разыгрывать» поздним вечером или ночью. Изба далекой сибирской деревни, освещенная керосиновой лампой или свечой, обретала символическое звучание. Для интерпретации наготове была много раз повторенная формула: «Свет этой лампы был виден далеко-далеко. Его видели все, кто поднялся на борьбу за свободу и счастье трудового народа»[23].

---

[22] Правда 1946. Подробно об этом приеме см. в книге: Плампер 2010. (С. 168-170).
[23] Красноярский рабочий 1951.

Рис. 3 Н.Б. Терпсихоров «Первое письмо В.И. Ленина В.И. Сталину. Новая Уда»

В работах на данную тему Ленин обычно присутствовал незримо, его участие в развитии сюжета обнаруживалось лишь благодаря названиям работ. Однако советский опыт иллюстрирования сталинской истории знает примеры, когда художник не удовлетворялся таким положением вещей. Так, в 1940 г. издательство «Искусство» выпустило альбом «Ленин и Сталин» со статьей Е.М. Ярославского и рисунками известного графика, лауреата Сталинской премии П.В. Васильева[24]. В альбоме 22 полностраничные иллюстрации, отражающие разные этапы и разные аспекты сотрудничества двух вождей. Теме их заочного знакомства уделено особое место. Это не только канонический сюжет «И.В. Сталин читает письмо В.И. Ленина, полученное им в ссылке в Сибири», но и рисунок «В.И. Ленин пишет письмо И.В. Сталину, находящемуся в ссылке в Сибири» (Рис.4, 5). Так Ленин становился активным участником события. Художник додумывал сталинский рассказ, расширял его пространственно-временные рамки. Диалог двух вождей разворачивался на глазах у зрителей. В таком визуальном нарративе расставлены все акценты,показаны все действия. Ситуация интриги, тайны, которая на протяжении нескольких веков обязательно сохранялась при изображении сюжета «чтение письма», убрана окончательно.«Ленин пишет», «Сталин читает». Эпистолярная история из жизни вождей, полностью их уравнивавшая.

[24] Ленин и Сталин 1940.

Рис.4. П.В. Васильев «В.И. Ленин пишет письмо И.В. Сталину, находящемуся в ссылке в Сибири»

Рис.5. П.В. Васильев «И.В. Сталин читает письмо В.И. Ленина, полученное им в ссылке в Сибири»

Хотя в общей структуре нарратива о нерушимой дружбе двух вождей история о получении письма занимала важное место, тем не менее, .ее нельзя отнести к числу часто иллюстрируемых. Очевидно, мешал «архетип», с которым приходилось бороться художнику, мешала задаваемая им камерность, интимность интонаций, трудно преодолеваемая в визуальном поле. Это объясняет и то, почему сюжет гораздо чаще во-

площался в графике, чем в живописи. Причем граница между видами искусства была одновременно границей между двумя типами изображений: в графических работах Сталин, действительно, читал письмо, а в живописных – мечтал, размышлял, глядя вдаль. Страх остаться в пределах бытового жанра и быть обвиненными в приземленности, в отсутствии «обобщенного взгляда на образ вождя», заставлял живописцев убирать действие, и переводить работу в ранг исторического портрета. Одновременно отказ от мотива непосредственного чтения письма для советских авторов был способом разорвать «незапланированные» диалоги с европейским искусством, вырываться из интертекстуального поля. При таком подходе, живописное изображение обретало искомую однозначность при сохранении внешней многозначительности.

Однозначность прочтений (смысловая трафаретность и поверхностность) при имитируемой многозначительности – важнейшая черта советской официальной живописи, своего рода Сцилла и Харибда для любого художника, обращающегося к созданию образа вождя. Отзвуком того, что даже самые обласканные властью авторы размышляли на данную тему, можно считать слова народного художника СССР, лауреата двух Сталинских премий (1948, 1951) В.А. Серова. Выступая на тематическом вечере в Ленинградском отделении Союза художников (1944), он, «в порядке самокритики», признавался: «Зритель привык смотреть на нас мимоходом… наши вещи не выдерживают длительного смотрения. То, что думал художник, видно сразу, а если зритель будет дольше смотреть, то он разочаруется, потому что это самые элементарные мысли»[25]. Проблема становилась неразрешимой: чем последовательнее был советский художник в выполнении идеологических требований и норм, отсечении «излишних» и «вредных» ассоциаций, смыслов, параллелей, тем элементарнее оказывались мысли и значения, вложенные в работу.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

ЦГАЛИ СПб. Фонд Р-78. Опись 1. Дело 38. Стенографический отчет общих собраний членов союза, посвященного работе ленинградских художников над портретом.

Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избр/ работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 297-318 [Bart R. Ritorika obraza // Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. M., 1994. S. 297-318].

Борев Ю.Б. Сталиниада. М.: Советский писатель, 1990. 408 с. [Borev YU.B. Staliniada. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 408 s.]

Голубицкий Ю.А. Метафора в художественных артефактах, в профессиональной и научной лексике // Человек и культура. 2012. № 2. С. 15-62 [Golubickij YU.A. Metafora v hudozhestvennyh artefaktah, v professional'noj i nauchnoj leksike // CHelovek i kul'tura. 2012. № 2. S. 15-62. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_247.html]

Дмитриева А.А. Мотив письма в голландской жанровой живописи XVII века// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2013. № 3. Ч. 2. С. 77-80 [Dmitrieva A.A. Motiv pis'ma v gollandskoj zhanrovoj zhivopisi XVII veka// Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i is-kusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 3. CH. 2. S. 77-80].

[25] ЦГАЛИ СПб. Л.29.

Злыднева Н. В. Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. М.: Индрик, 2008. 304 с. [Zlydneva N. V. Izobrazhenie i slovo v ritorike russkoj kul'tury HKH veka. M.: Indrik, 2008. 304 s.]

И.В. Сталин в Сибирской ссылке. Красноярск: Краевое изд-во, 1942. 153 с. [I.V. Stalin v Sibirskoj ssylke. Krasnoyarsk. Kraevoe izdatel'stvo. 1942. 153 s.]

Кравченко К. Образ И.В. Сталина в советском изобразительном искусстве. М.-Л., Искусство, 1939. 159 с. [Kravchenko K. Obraz I.V. Stalina v sovetskom izobrazitel'nom iskusstve. M.-L., Iskusstvo, 1939. 159 s.]

Ленин и Сталин. М.-Л., «Искусство», 1940. 11 с. илл. [Lenin i Stalin. M.-L., «Iskusstvo», 1940].

Леонтьев А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 92-100 [Leont'ev A.A. Bessoznatel'noe i arhetipy kak osnova intertekstual'nosti // Tekst. Struktura i semantika. T. 1. M., 2001. S. 92-100].

Плампер Я. Алхимия власти. культ Сталина в изобразительном искусстве / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: НЛО, 2010. 496 с.: илл. [Plamper YA. Alhimiya vlasti. kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve / Per. s angl. N. Edel'mana. M.: NLO, 2010. 496 s.: ill.]

Санников С.В. Риторика образа между идеологией и архетипом: методологические аспекты потестарной имагологии // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2017. № 8(42) [Sannikov S.V. Ritorika obraza mezhdu ideologiej i arhetipom: metodologicheskie aspekty potestarnoj imagologii // Universum: Filologiya i iskusstvovedenie. 2017. № 8(42). URL: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5060]

Сталин И.В. О Ленине: Речь на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во политической литературы, 1947. С. 52-64 [Stalin I.V. O Lenine: Rech' na vechere kremlevskih kursantov 28 yanvarya 1924 g. // Stalin I.V. Sochineniya. T. 6. M.: OGIZ; Gos. izd-vo politicheskoj literatury, 1947. S.52-64].

Троцкий Л.Д. Сталин: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст. В. Козлова, А. Ненарокова / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. М.: Терра, 1996. 324 с. [Trockij L.D. Stalin: V. 2. t. T. 1 / Vstup. st. V. Kozlova, A. Nenarokova. Pod red. YU. G. Fel'shtinskogo. M.: Terra, 1996. 324 s.]

Фельштинский Ю. Троцкий о Сталине / Предисл. к главам из книги Л. Троцкого «Сталин». Нью-Йорк, 1984 [Fel'shtinskij YU. Trockij o Staline / Predisl. k glavam iz knigi L. Trockogo «Stalin». N.Y, 1984. URL: http://www.lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/s_stalin.txt.]

Швейцер В. Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания старого подпольщика. М., «Молодая гвардия», 1943. 68 с. [SHvejcer V. Stalin v Turuhanskoj ssylke. Vospominaniya starogo podpol'shchika. M., Izd-vo CK VLKSM «Molodaya gvardiya», 1943. 68 s.]

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с. [Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. SPb.: Simpozium, 2006. 544 s.]

***Руцинская Ирина Ильинична**, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры региональных исследований, МГУ имени М.В. Ломоносова; irinaru2110@gmail.com*

‘Joseph Stalin reads a letter from Vladimir Lenin’ visual narratives in the Soviet art of the 1930s-1950s

The myth of the unbreakable unity of the two leaders was an important component of the Soviet culture of the Stalin era. The fine art actively participated in its formation. Visual representations of various episodes from the history of the relationship between Lenin and Stalin required the use of different strategies. If the depicted plot had an established artistic tradition in the past, the artists used visual strategies that ruled out the intertextual perception and disambiguation, while controlling visual memory. The article analyses these strategies based on the example of a well-known plot of acquaintance by correspondence between the two leaders.

Keywords: Soviet art, visual narrative, intertextuality, Stalin, the plot ‘reading a letter’

***Irina Rutsinskaya**, Dr.habil, Professor at the Department of Regional Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; irinaru2110@gmail.com*

Г. В. Шпак

ЗАПИСКИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О РОССИИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА В КОНТЕКСТЕ БРИТАНСКОЙ ТРАВЕЛОГОГРАФИИ[1]

Тексты английских путешественников о России, начиная с записок Р. Ченслера (ок. 1553 г.), традиционно рассматривались исследователями в качестве иллюстраций отдельных исторических явлений. Наша задача – проанализировать эти тексты как самостоятельные нарративы, функционирующие в границах жанровой специфики британской травелогографии. Такой подход позволяет пролить свет на репрезентативные стратегии и особенности авторской рецепции, что способствует более цельному пониманию методов фиксации образов российской действительности конца XVI – начала XVII в., представленной на страницах британских травелогов.

Ключевые слова*: *травелог, россика, Россия и Британия, записки путешественников, репрезентация пространства, история естественнонаучного знания

Одним из первых печатных травелогов, распространенных в Англии, считается текст 1486 г. «Паломничество на гору Сион и в город Иерусалим» (Peregrination Montem Syonet Civitatem Hierusalem) Бернарда фон Брайденбаха[2]. И хотя к концу XV в. написано большое число паломничеств, данный текст имеет характерную особенность – наличие иллюстраций. Как пишет Х. Дэвис: «нарратив Бернарда фон Брайденбаха, декана Майнца, считается первым печатным травелогом, включающим в себя изображения посещаемых им мест. Эти места от Венеции до горы Синай, знакомые каждому паломнику, впервые были изображены «согласно Природе и Истине» способным художником, услугами которого благополучно удалось воспользоваться декану[3]». Издание Брайденбаха может считаться провозвестником нового отношения к изобразительным практикам XVI в., в доказательство которого часто приводят иллюстрированные издания Андреаса Везалия и Леонарда Фукса. Об особом влиянии визуального на формирование новых механизмов восприятия в раннее новое время написано немало работ, что связано и с т.н. «визуальным поворотом» в историографии[4].

Травелог в контексте новых практик выполняет разные функции – задает модель фиксации образов пространства и времени, т.е. обуславливает жаровые нормы описательных практик, вербализует поведенче-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII-XVIII вв.)»)

[2] Davis 1821. P. 8.

[3] Davies 1911. P. I.

[4] См.: Шпак 2019 (а).

ские характеристики путешественника, устанавливает связи между эмпирическими (обусловленными естественнонаучным знанием) и личностными (обусловленными опытом и традицией) стратегиями описания реальности. В то же время, травелог выступает в качестве нарратива, детерминирующего отношение к пространству: «Территория – ментальный конструкт, само конструирование которого является в онтологическом смысле территориальным процессом. Воображение, моделирующее какую-либо территорию, обладающую конкретными физико-, культурно-, политико-, экономико-географическими параметрами, также занимает территорию». Пространства являются идеологически нагруженными конструктами, существующими за счет мифов, для производства которых географическое воображение начинает тесно взаимодействовать с историческим. Механизм этого взаимодействия описан Д.Н. Замятиным[5]: сначала отбираются определенные полуосознанные знаки, символы, стереотипы и архетипы, посредством которых конструируются отдельные образы, затем происходит выстраивание этих образов в некие пространственные и временные последовательности и, наконец, – вытягивание этих цепочек на сознательный уровень и их репрезентация (создание истории, нарратива).

В книге «От паломничества к истории…» Дж. Демарей доказывает, что глобальный историзм как стремление утвердить объективное знание, полученное эмпирическим путем, т.е. принцип рациональности, берет начало не в XVIII в. в связи с антиклерикальной деятельностью Вольтера, Канта и французских энциклопедистов, а на полтора века раньше. Он связывает его появление с деятельностью религиозных космографов, натурфилософов, поэтов Европы и Англии, заявляя, что в трудах, сборниках и картах Уолтера Рэйли, Ричарда Хаклюйта, Френсиса Бэкона мы видим рождение «нового историзма»[6]. Нам важен его тезис, что «за считанные десятилетия происходит поразительный переход от духовного паломничества, основанного на библейской упорядоченности космоса, к путешествиям, опорой которым служит нестабильный, изменчивый, открытый мир». Можно спорить о длительности и характерных особенностях данного поворота, но в конкретном случае важно другое, а именно то, что мы можем признать, что травелог играет существенную роль в конструировании и трансляции образов пространства, а его понимание требует тщательного рассмотрения как авторских моделей восприятия, так и репрезентативных стратегий.

Ранее травелоги конца XVI–XVII в. как самостоятельные нарративы, функционирующие по своим законам, практически не рассматривались. Тексты Ченслера, Дженкинсона, Горсея и др. изучались в основ-

[5] Замятин 2014. С. 102.
[6] Hodgkins 2010. P. 21.

ном специалистами по геополитическим отношениям России и Британии в раннее новое время (в данном случае акцентировались темпоральные аспекты произведения), и региональными историками, акцентирующими спациальный характер путешествия. Здесь поставлена задача выявить травелогографические составляющие описаний России, составленных британцами в конце XVI – начале XVII в., и рассмотреть их в контексте более широкой традиции фиксации образов пространства и описания продвижения путешественника в этом пространстве.

К XVI в. в Британии формируется комплекс текстов, в которых описание пространства является основным сюжетообразующим фактором. Наиболее известным и показательным примером может служить текст У. Кемдена «Британия»[7] – всеобъемлющее полотно, на страницах которого чувствуется вера в возможность полного и окончательного описания пространства. Так, в обращении к читателю сказано: «Возможно, я был обманут моим доверием к авторам книг и тем, кому я верил более всего. Другие могут быть более опытны и более сведущи в особенностях определенных мест. Если они сообщат мне о неточностях, я буду благодарен и исправлю все ошибки. Если же они сообщат о фактах, которые я невольно упустил, я добавлю их. Если я не полностью изложил какой-нибудь аспект, я углублю его, если это кому будет угодно, по доброй воле, а не из желания поспорить, которое затеняет истину[8]». Стоит учитывать, что подобное стремление к полноте описания подразумевает сосуществование в одном тексте социально-политических и естественно-научных характеристик, включение в текст географических, лингвистических, историографических и прочих наблюдений.

Остановимся подробнее на компендиуме травелогов Ричарда Хаклюйта (1552–1616) «Путешествия и открытия…» (I изд. – 1589). Работа является собранием травелогов, писем и отчетов, призванных создать наиболее полное представление об открытых англичанами землях и достижениях английских мореплавателей. В посвящении сэру Фрэнсису Уолсингему, включенном в первое издание, Хаклюйт приводит показательную сцену общения со своим кузеном и теской:

> «По счастливой случайности я посетил комнату мистера Ричарда Хаклюйта, моего кузена, джентльмена из хорошо Вам знакомого общества Среднего Храма, где увидел несколько томов Космографии и карту мира. Заметив мое любопытство, он показал мне как согласно старым отчетам земля делится на три части, а, затем, опираясь на последние данные, показал и назвал мне все известные моря, заливы, бухты, проливы, мысы, реки, империи, королевства, герцогства и земли в каждой из частей земли, отмечая также особые товары, производимые там, и называя товары, потребность в которых существует в

[7] Первое латинское издание 1586 г. не содержало карт, издание 1607 г. содержало карты всех английских графств, в 1610 г. вышло издание на английском языке.
[8] Camden 1610 (The Author to the Reader).

этих землях и которая, в силу развития торговли, во многом удовлетворяется. Затем он подвел меня к Библии и обратился к 107 псалму, указав на 23 и 24 стих, где я прочитал, что отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах, видят дела Господа и чудеса Его в пучине. Слова пророка вместе с речью моего кузена произвели на мою юную душу неизгладимое впечатление. В тот же миг я решил, что, если я когда-нибудь мне доведется оказаться в университетских стенах, где найдется время и возможность для данных исследований, с божией помощью, я буду развивать те знания и тот род литературы, двери которого так благополучно открылись передо мной»[9].

Важно понимать, что тексты английских путешественников, описывающих свое пребывание в России, в собрании Хаклюйта являются только частью от всего собрания, призванного показать всесторонность британской торговли и дипломатических отношений. Из трех томов второго издания (1598–1600) тексты, связанные с деятельностью Московской компании, занимают только часть первого тома. Временные рамки травелогов, связанных с Россией, в собрании Хаклюйта охватывают вторую половину XVI в. От путешествия Хью Уиллоуби (1553) до четвертого путешествия Энтони Дженкинсона (1571) и небольшой заметки Джереми Горсея о возвращении из Москвы в Лондон (1584). Основной задачей торговых экспедиций Московской компании в этот период являлось установление торговых отношений с Китаем и Персией. Первый том включает в себя также путешествия в Норвегию, Данию, Пруссию. Второй том посвящен открытиям в южных водах, третий – поискам северного пути в Америку, а также путешествиям к землям центральной и южной Америки. Стоит учесть, что структура собрания строится по географическому принципу, а временные рамки являются весьма размытыми. Например, одним из самых ранних текстов является опубликованное во втором томе путешествие матери Константина Великого императрицы Елены в Иерусалим (337 г.). Вот что пишет сам Хаклюйт в предисловии ко второму изданию:

«В своих северо-восточных исследованиях на море и у берегов Колгуева, Печеры, Югории, Самоедии, Новой Земли и т. д., в прохождении и возвращении через проливы Вайгача, какие ужасные сугробы, горы льда даже в июне, июле и августе, какие страшные водопады, непредсказуемые течения, таинственные туманы и другие опасности подстерегали их на пути, но я надеюсь, вы скорее узнаете о них из путешествий сэра Хью Уиллоуби, Стефена Бэрроу, Артура Пэта и остальных, чем будете ждать здесь их перечисления. <…> Сейчас самое время вытащить якорь, поднять наши паруса, чтобы выбраться из этих бурных, туманных и морозных морей и со всей скоростью направить наш курс на спокойный и теплый Атлантический океан, через который столько способствовавших обогащению плаваний совершили Испанцы и Португальцы».

Для Хаклюйта история открытий Московской компании является важным, но только стартовым этапом распространения британского

[9] Hakluyt 1903. P. XVIII.

влияния по миру. Вспомним, что название «московской» компания торговцев получила только через четыре года после своего основания, после заключения Ричардом Ченслером торгового договора с Иваном IV и получения права на беспошлинную торговлю. Именно успешный пример Московской компании способствовал возникновению других торговых объединений, в т.ч. Ост-Индской торговой компании в 1600 г. Рассматривая тексты, связанные с деятельностью Московской компании, важно понимать, что их основным заказчиком является организация, заинтересованная в получении максимальной прибыли. Большие финансовые вложения требуют точности в передачи фактов. Отсюда основная цель заметок – фиксация информации, способствующей торговле и точное описание отдельных образов реальности.

В инструкции, составленной Себастьяном Каботом[10] для первой торговой экспедиции Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслера, прослеживается роль, которая будет отведена историко-политическим, социокультурным и естественнонаучным сведениям в травелогах английских мореплавателей. Естественнонаучные сведения представляют для купеческой компании не меньший, а по факту больший интерес, чем политические и историко-культурные заметки. Исторические заметки и сведения о политической ситуации служат подспорьем для установления дипломатических отношений и для создания выгодных условий для торговли. Социокультурные сведения сообщают о нравах, мировоззрении и потребностях населения, что позволяет организовать рынок сбыта выгодный для английской стороны. Естественнонаучные же сведения дают представление о качестве производимых товаров, о возможных перспективах добычи полезных ископаемых, выращивании ценных растений и о добыче или разведении ценных пород животных. В остальном естественнонаучные сведения, такие как сведения о географических и климатических особенностях регионов служат облегчению доставки грузов и поддержке сообщения среди британских факторий. Однако есть одна на первый взгляд излишня часть описаний – фиксация необычных явлений, чудес, преданий, описание религиозных обрядов и редких изделий, всего, что называется curiosities. Именно эта составляющая дает нам представление о мире, в котором жил мореплаватель второй половины XVI в., где божественная воля являлась основным фактором, детерминирующим естественнонаучные явления, а чудеса – закономерным проявлением этой воли. При этом вера в чудеса способ-

[10] За основу взяты переводы Ю.В. Готье. См.: Устав, инструкции и постановления для руководства предположенным путешествием в Китай (Cathay), составленные, сочиненные и изложенные весьма достопочтенным господином Себастианом Кабота, эсквайром, правителем мастерства (mysterie) и компании купцов-предпринимателей для открытая стран, владений, островов и неизвестных местностей мая 9-го дня лета господня 1553. – Английские путешественники 1937. С. 29-37.

ствовала накоплению знаний, т.е. признанию ограниченности человеческого разума, что, в свою очередь, превращало торговца из человека, занимающегося лишь обменом товаров, в исследователя божественных тайн, первооткрывателя истин, скрытых от человеческого глаза.

Кабот указывает, что все лица «искусные в писании» должны вести наблюдения, «описывать и запечатлевать в памяти плавание каждого дня и ночи». Однако им учитывается ограниченность человеческого разума, в силу чего командиры должны собираться раз в неделю и обсуждать записи. «После достаточного обсуждения, когда придут к общему заключению, весь материал должен записываться в общую постоянную книгу»[11]. Мы видим здесь одну из форм сообщества, критически относящегося к эмпирическим сведениям, анализирующего источник и стремящегося к объективному описанию действительности. Христианская вера выступает идентификационным элементом сообщества и надежным основанием в борьбе с переменчивыми условиями. При этом признается необходимость сотрудничества с народами иных религиозных воззрений, для облегчения которого в инструкции запрещается «сообщать какому бы то ни было народу сведения о нашей религии, но предлагается обходить этот вопрос молчанием и не высказываться о ней, делая вид, что мы имеем те же законы и обычаи, какие имеют силу в той стране, куда вы приедете». Кабот призывает не пугаться устрашающего вида чужеземцев, носящих «львиные или медвежьи шкуры» и длинные луки со стрелами, поскольку все это носится из «страха перед чужеземцами», в то же время он советует быть бдительными, поскольку дикари могут взять плохо охраняемые корабли приступом, «желая получить людские тела для еды». Таким образом британский путешественник изначально готов отбросить традиционное представление об устройстве Земли, ведь в инструкции сказано, что рвение подданных Карла V и португальских королей «обогатили их такими землями и островами, которые оставались неизвестными космографам и другим писателям и, по соображениям не имевшего опыта разума, считались непригодными для обитания из-за крайней жары и крайнего холода, а на деле признаны богатейшими, населенными, умеренными по климату и столь удобными, что Европа не может и сравниться с ними»[12]. Неслучайно Томас Грешем в письме 1553 г. первым назвал торговлю наукою, которую надобно изучать[13]. Роль торговли в развитии научного знания является отдельной темой, отметим только, что именно в здании лондонской биржи, открытой Грешемом, позднее собиралось Королевское общество и помещался музей естественных и художественных редкостей.

---

[11] Там же. С. 30.
[12] Там же. С. 34, 36-37.
[13] Гамель 1865. Ч. 1. С. 9.

Символическим мемориалом первых англо-русских отношений служит тетрадь Хью Уиллоби, возглавлявшего экспедицию по поиску северо-восточного пути в Китай в 1553 г. Тетрадь была обнаружена через год вместе со всей командой, погибшей от холода, и доставлена в Лондон. Сам по себе этот текст может быть отнесен к травелогу, в котором преодоление пространства является главным сюжетообразующим фактором. Описания сведены к минимуму – указание пройденных мест и географических особенностей, таких как направление ветра и глубина. «Гавань эта вдается в материк приблизительно на 2 мили, – пишет он, – а в ширину имеет пол-лиги. В ней было много тюленей и других больших рыб, а на материке мы видели медведей, больших оленей и иных странных животных и птиц, как например, диких лебедей, чаек, а также других, неизвестных нам и возбуждавших наше удивление»[14]. Столкновение с неизвестным и способы его описания являются важными документальными компонентами травелога, требующими пристального внимания историка. Весьма показателен в этом отношении спор о северо-восточном пути в Китай. Согласно Р. Хаклюйту, Антони Дженкинсон доказывал, что встречающиеся на берегах Тартарии рога единорогов, говорят о наличии водного пути в Китай, так как известно, что единороги водятся только в Китае и в Индии. Сам Хаклюйт называл это доказательство «весьма сомнительным», так как едва ли татары могли точно установить, что найденные ими рога принадлежат единорогам, к тому же волны не могли принести их так далеко, ведь известно, что рога единорогов по своей природе плавать не могут[15].

Интересно описание первого путешествия англичан в Россию, составленное Климентом Адамом на латыни и включенное в первое издание Хаклюйта 1589 г., а в двух последующих текст опущен. Начинается текст с обращения к королю Филиппу, не будем сейчас останавливаться на данном политическом аспекте, отметим только оборот, используемый Адамом: «западные Индийцы, за несколько пред сим годов открытые, составляют бессмертный памятник предков Ваших, кои, распространив там Христианскую веру, расширив пределы Государства и собрав несметные богатства, стяжали чрез то для потомков своих бессмертную славу и огромные сокровища; и тем оставили после себя доказательства знаменитости своей. Подобно им, и Ваше Величество, продолжив и утвердив навсегда дружественное сношение с Москвитянами, столь полезное и необходимое для подкрепления и возвышения торговли нашей, соорудите себе вечный памятник доблести Вашей[16]». В данном контексте Московская компания выступает продолжателем дела испанских

[14] Английские путешественники 1937. С. 46.
[15] Hakluyt 1886. P.55
[16] Адам 1826. С. 85.

конкистадоров. Далее Адам описывает путь в стиле преодоления, свое знакомство с Россией и путь Ченслера в Москву, после чего следует описание географического положения Московии, описание Москвы и царского приема, рассказ о военном деле, краткое описание других крупных городов с указанием товаров, на которые может быть спрос. Записки Адама также содержат естественнонаучные фрагменты, которые можно отнести к разряду «curiosities».

> Про Уральские горы Адам пишет: «оне покрыты вечным снегом, от чего всегда белеют, как седый Гигант. Древние все уверены были, что река Дон вытекает из сих гор, и мечтали, что в сих ущелинах живут все чудовища и страшилища природы, порожденные пламенным воображением Греков. Но соотечественники наши, недавно возвратившиеся из Московии, и имевшие случай часто разговаривать с Московитянами, ничего слыхали о сем». Описывая животного, называемого московитянами росомахой, он пишет: «Последния имеют редкую и удивительную сметливость и догадливость: ибо когда им нужно бывает родить, то оне ищут таких двух дерев, между коими бы находился самой малой промежуток; нашедши таковые, проходят между ими, и чрез то освобождаются от бремени своего, от коего не иначе, могут освободиться оне, как сим только способом». Во время бедствий «московитяне идолопоклонники» обращаются к идолу: «Повергшись пред истуканом, сперва приносят ему свои мольбы; потом ставят посредине барабан, который избранные по жеребью окружают и кладут на него золотую лягушку. После сего бьют по барабану палкою, и к кому упадет лягушка, того немедленно убивают до смерти. Умерщвленный, неизвестно каким очарованием идола, оживши, изъясняет причины постигших бедствий».

Схожий по сюжету обряд описан шкипером Ричардом Джонсоном, который он наблюдал у самоедов в 1556 г. Только в его случае роль чудесно воскресшей жертвы выполнял жрец. Когда автор хотел убедится в смерти жреца его остановили, сказав, «что если увидеть жреца плотскими глазами, то умрешь». Мы видим пример столкновения двух описательных практик – мифопоэтической и механистической, представляющей мир как сумму эмпирически познаваемых элементов[17].

Сопоставив тексты Адама и Ченслера, найдем немало общих черт. Дело не только в том, что путешествие было совместным, но и в общем жанровом контексте. В тексте Ченслера тоже присутствуют следующие элементы: краткое изложение географического положения городов и производимых товаров; описание Москвы; рассказ о представлении царю; описание царских палат и приема; рассказ о царе и его власти; о ведении войны; о судебном производстве; о религиозном устройстве. Среди отличий – обращение к королеве и отсутствие неоднозначных естественнонаучных замечаний. Если Ченслер и приводит сомнительные сведения, тем не менее он старается привести доказательства: «Я слышал, что убранство их стоит очень дорого; я отчасти имел случай сам в этом убедиться, иначе трудно было бы поверить[18]». В остальном тексты пре-

[17] О мифопоэтических практиках в травелогах см. Шпак 2019 (b)
[18] Английские путешественники 1937. С. 59.

дельно схожи. Достаточно сравнить описание первой встречи с Иваном IV. Адам пишет: «он сидел на возвышенном троне, в золотой диадеме и богатейшей порфире, горевшей золотом; в правой руке у него был золотой скипетр, осыпанный драгоценными камнями; на лице сияло величие; достойное Императора». В тех же красках дано описание царя у Ченслера: «Сам великий князь сидел много выше их на позолоченном сидении в длинной одежде, отделанной листовым золотом, в царской короне на голове и с жезлом из золота и хрусталя в правой руке; другой рукой он опирался на ручку кресла». Относительно отдельных фрагментов можно даже сделать предположение о заимствовании или существовании общего шаблона. Но описания, составленные путешественниками последующих экспедиций, структурно тоже весьма напоминают тексты Адама и Ченслера. Например, первое путешествие Дженкинсона из Лондона в Москву (1557) состоит из описания отплытия и пути в стиле преодоления с редкими зарисовками быта местного населения, фиксации царского приема, описания Москвы и царского двора и отдельных характеристик русского населения, таких как религия, нравы, повседневные потребности и одежда. Схож по структуре и стилистике и текст неизвестного англичанина из экспедиции А. Дженкинсона[19], и травелог Стивена Барроу, также включенный в собрание Хаклюйта. Сходство структуры и стилистическое единство позволяют сопоставлять тексты, анализируя описанную в них историческую действительность, но в контексте данной работы такая задача не стоит. Нам скорее важны общие репрезентативные стратегии и их эксплицитное выражение, своеобразная рефлексия письма. Обратимся к более позднему сообщению Уильяма Барроу (1598), составившему карту северных морей в 1558 г.:

> «Ни один человек до сего времени не сделал еще ничего подобного, да и не может человек достигнуть этого одной теорией, если только он не путешествует, как я. Ведь с полной истиной можно сказать о мореплавании и гидрографии, что не может человек быть искусным в одном, не зная другого. А так как ни одна из этих наук не может быть усвоена без помощи астрономии и космографии, а еще менее – без арифметики и геометрии, составляющих два устоя всех наук, то никто из знающих эти математические науки не может извлекать из них пользу без достаточной морской практики: так, необходимейшим образом наука и разум зависят от практического опыта. Много есть людей, ученых и неученых, мало опытных и совсем неопытных, которые много будут говорить об ошибках в мореплавании, не будучи в состоянии их исправить. <…> Я говорю об этом по опыту. Моя опытность и мои знания побуждают меня поэтому представить вашему величеству некоторый опыт в виде настоящего моего замысла»[20].

Картография – пример коллективного процесса, где опыту одного человека приходит на помощь опыт других: «Местности, показанные здесь, но которых я сам лично не видел и не обследовал, я нанес на кар-

---

[19] Известия англичан 1884.

[20] Английские путешественники 1937. С. 90.

ту на основании лучших авторитетов, какие только я мог найти, и если я ошибаюсь, то вместе с учеными Гергардом Меркатором, Абрагамом Ортелиусом и им подобными[21]». Однако А. Дженкинсон, составивший в 1562 г. карту восточного пути в Персию, не смог удержаться от добавления легендарных сюжетов. Так, он упоминает «собрание людей со стадами», которые «300 лет тому назад» превратились «вследствие удивительной метаморфозы» в скалы «ничем не изменив своей прежней формы». Механизмы фиксации и описания образов пространства будут складываться на протяжении XVII–XVIII вв. вместе с деятельностью научных учреждений, одна из задач которых – схематизация и упорядочивание образов действительности. Но в 1557 г. Стивен Барроу еще дает названия отдельным местам по собственному почину и создает новые метафоры. Об одном из островов он пишет: «он не похож на остров, но кажется точно на нем выстроен замок»; описывает отдаленное место так: «на нем возвышается нечто черное, похожее на пустую корабельную бочку, стоящую у моря», а, сообщая о пробе грунта, делает следующее сравнение: «лот дал что-то вроде коросты с паршивой головы». Любой язык по определению метафоричен, для описания ранее не встречаемых феноменов у путешественников было только два пути – использование слов из языка местных народов или изобретение метафор. В случае, когда коммуникация с местным населением отсутствовала, путешественникам приходилось полагаться на свою фантазию.

Далее рассмотрим три знаковых для российской истории конца XVI в. текста – Джереми Горсея, Джайлса Флетчера и Томаса Смайта.

Для начала разберемся насколько уместно относить эти тексты к травелогам. Травелог – это нарратив, фиксирующий передвижение героя в пространстве и составленный от первого лица. Однако на этом его характеристики не заканчиваются. Мы видим, что авторы, в зависимости от традиции, могут использовать разные репрезентативные стратегии. В уже рассмотренных текстах непосредственно травелографическая часть является сюжетным основанием, фиксирующим перемещение героя, но в то же время в текст добавлены заметки, вынесенные за рамки непосредственного путешествия, такие как замечания «о религии», «о нравах», «о делопроизводстве» и пр. Это говорит, что мы имеем дело не с травелогами в чистом виде, а с гибридными текстами, где травелографическая составляющая является только одним из компонентов. Личность автора в этих текстах отступает на второй план, текст предельно безличен. Единственное, что напоминает о существовании автора, местоимения: «я добрался», «мы выехали». Создается впечатление, что путешествие сугубо индивидуально, и эмпирическая фиксация образов пространства – единственное, что имеет значе-

[21] Там же. С. 89.

ние для авторов. Только позднее мы увидим травелоги, нацеленные на фиксацию переживаний автора, наполненные диалогами, психологическими характеристиками, описаниями размышлений, эмоций и снов.

В «О государстве русском» Дж. Флетчера[22] травелогографическая составляющая отсутствует, хотя структурно текст продолжает традицию травелогографических описаний. Первые главы посвящены естественнонаучным заметкам о географическом положении, климатических особенностях и произрастающих растениях, далее идет описание царского рода, традиции коронования, образа правления и политического устройства, описание судебной системы, военных дел и отношений с соседними государствами и народами. В последних главах приводится повествование о религиозных обрядах и традициях вероисповедания. Завершает произведение глава о домашней жизни и свойствах русского народа.

Текст «Извлечения из обзора сэра Джерома Горсея, посвященного семнадцатилетним путешествиям и деятельности в России и других примыкающих странах» был опубликован в сборнике С. Перчейса «По следам Хаклюйта, или Пилигримы…» (1625 г.)[23]. Перчейс продолжает труд Хаклюйта, частично основываясь на его рукописях. Представление о том, какое значение отводил Перчейс познанию пространства, можно получить из его обращения к читателям:

> «Естественные объекты, будучи божественными творениями, сохраненные божественным промыслом и рассеянные во всех частях мира как множество частей одного великого тела наиболее приличествуют изучению. Такова история людей во всем разнообразии оттенков, количеств и пропорций, история зверей, рыб, птиц, деревьев, кустарников, трав, минералов, морей, земель, метеоров, небес, проливов с их естественными влечениями, где и древнее и новое сотворено достойно; даже удаленные объекты увенчаны добродетелями истины и своеобразия (Verity and Varieties), особенно самые труднодоступные и редкие. Правда, что каждая часть общего тела имеет нечто уникальное, чем и служит общему. Каждый регион имеет свои потрясающие редкости, которые позволяют считать его уникальным, хотя в остальном он может быть самым обычным и ничем не примечательным. Все нужно рассматривать на своем месте. Мой гений восхищен скорее тропами, чем дорогами, и тем как тропы и трактаты (Tracts and Tractates) создают основания и пути. Путеводители для паломников (Pilgrime-Guides) позволяют путешествовать без страха в самые неизведанные страны и части мира и другими глазами смотреть на редкости природы и чудеса, которые не противоречат природе, но стоят выше нее и выходят за рамки обычного в удивительных вещах, сотворенных божественным промыслом и в удовольствие его[24]».

Далее он сообщает, что творения человека – политика, одежда, искусство и пр. – множество недоступное не одному коллекционеру, и его собрание попытка показать его во всем многообразии. «Я могу до-

---

[22] Публиковалось отдельным изданием в 1591 г., а также отрывочно во втором издании собрания Хаклюйта (1600) и Самюэля Перчейса (1625). См. Флетчер 1991.
[23] В полном виде эти записки были изданы только в 1856 г.
[24] Purchas 1905. P. XLIII (To the reader).

бавить, что работа подобная моей в наше время необходима, когда ученые (Scholers) так увлечены географией, познанием природных и мировых истин во всем разнообразии, которое даже Аристотель – лучший мыслитель (Scholer) в Натуральной школе и ее первый секретарь не смог бы увидеть ни в свое время, ни даже век назад[25]».

Вернемся к тексту Горсея. Основной повествовательной канвой служит дипломатическая деятельность Горсея и изложение актуальных политический событий вплоть до подробностей гибели Бориса Годунова и его сына, но в тексте дается описание передвижения в стиле преодоления, что говорит о его травелогографической природе. Помимо политических зарисовок в тексте присутствуют эпизоды, относящиеся к разряду «curiosities», в т.ч. знаменитая сцена в сокровищнице Ивана Грозного, которую Горсей зафиксировал «для собственной памяти».

> Царь демонстрирует «драгоценные» камни и рассказывает об их назначении: «Магнит, как вы все знаете, имеет великое свойство, без которого нельзя плавать по морям, окружающим землю…»; «Этот произошел от радуги, он враг нечистоты…»; «Все эти камни – чудесные дары божьи, они таинственны по происхождению, но раскрываются для того, чтоб человек ими пользовался и созерцал»[26].

По этим замечаниям можно судить о том, как путешественник воспринимал естественнонаучные контексты окружающего его пространства.

О гибели Бориса Годунова рассказывается и в анонимном тексте, описывающем визит к царскому двору британского дипломата Томаса Смита[27] (1604–1605), но для нас важнее, как фиксируются образы пространства. Описывая превратности морского пути, автор заключает:

> «…желая всего хорошего каждому, кому по сердцу море, сам я всегда предпочту оставаться на суше и оттуда уж созерцать “одно из трех красивейших зрелищ на свете – корабль на всех парусах”, то “вздымающийся” (по выражению моряков), подобно льву, ставшему на задние лапы, то привскакивающий и приседающий, словно русский медведь во время травли превосходными английскими псами».

Текст имеет ряд черт, отличающих его от предыдущих травелогов: «воображение» как ключевой инструмент рецепции образов реальности, диалог с читателем, рефлексия письма, наличие ссылок на других авторов и полемика с ними. Так, собираясь описать Волгу, автор сообщает:

> «…но мысль, что в драгоценных трудах стольких славных писателей, как, например, мистера Ричарда Гаклейта, уже говорилось о ней с достаточною подробностью, побуждает меня отказаться от описания как самой реки, так равно и города, сославшись на тех, которые уже делали подобного рода описания, в особенности же на правдивое описание доктора Флетчера, бывшего некоторое время послом при нынешнем царе».

---

[25] Ibid. P. XLV.
[26] Горсей 1990. С. 86.
[27] Первая редакция 1605 года, в виде изложения опубликована у Перчейса 1625 г. Цит. по Болдаков 1893.

Травелоги находятся в определенной системе отношений. И автор намеренно противопоставляет свой подход текстам других авторов, он открыто иронизирует над ними, рассуждая, чем бы развлечь читателя:

> «Или, наконец, я мог бы пуститься в описание разных мысов и песчаных отмелей, рифов и скал, островов и водоворотов и пр. Но все это предметы для чуждого мне языка, на котором люди не краснеют фантазировать, как истые поэты <…> Но я охотно воздерживаюсь от всякого подражания поэтам, хотя и вполне признаю их высокое значение, памятуя какими проклятиями осыпает достопочтенный автор “Apology for Poetrie” тех, кто не почитает поэтов».

Перед нами раскрывается репрезентативная стратегия автора. Заявляя о своей непричастности к поэтическому кругу, он в то же время отсылает нас к произведению Филипа Сидни «В защиту поэзии», в котором и постулируется используемая автором стратегия:

> «Лишь поэт, презирающий путы любого рабства, воспаряет на своем вымысле, создает, в сущности, другую природу. Он создает то, что или лучше порожденного Природой, или никогда не существовало в Природе, например Героев, Полубогов, Циклопов, Химер, Фурий и прочих. Так он идет рука об руку с Природой, не ограниченный ее дарами, но вольно странствующий в зодиаке своего воображения. Природа никогда не украсит землю столь богато, как это сделали поэты, ее реки не будут красивее, деревья плодоноснее, запах цветов нежнее, ей не сделать нашу безмерно любимую землю еще прекраснее. Ее мир – Это медь, которую поэты превращают в золото[28]».

Мы видели, как утверждалась традиция механистического описания с опорой на эмпирику и критический подход. Пространство должно было найти непосредственное отображение на страницах травелога. Традиция постулируемая Филипом Сидни, исходит из того, что именно текст, точнее – авторское воображение, является основой для фиксации реальности. Воображение, лежавшее в основе мифопоэтической рецепции, снова выступает в качестве адекватного инструмента восприятия и репрезентации. Вследствие распространения этой традиции происходит, с одной стороны, расширение творческого инструментария авторов художественных текстов, а с другой – формирование научных описательных норм, когда на первом месте в деле восприятия пространства стоит «изучение», а художественная составляющая сведена к минимуму.

Рассмотрим два текста, в которых «изучение» является основной формой взаимодействия с пространством. Первый – травелог Джона Традесканта, отправившегося в 1618 г. в Россию с целью изучения растительности, животных, сбора семян, шкур и пр. Уже то, что основной целью путешествия является не преодоление пространства, а пребывание в нем, выделяет этот текст на фоне предшествующих. И.Х. Гамелю удалось обнаружить и частично опубликовать этот уникальный источник в книге «Англичане в России в XVI–XVIII вв.». Традескант фикси-

---

[28] Сидни 1982. С. 153.

рует не только свое передвижение, но и встречу с неординарным, т.е. не известным, не изученным, не имеющим словесного обозначения:

> «Также в ночь на понедельник странная птица прилетела к нам и была поймана живой и отдана мне на сохранение, но умерла через два дня в 60 лигах от берега. Птиц подобных этой мне прежде встречать не доводилось, и я решил сохранить ее». Основное внимание в тексте обращено на мир живых существ, в который входят и самоеды со своими костюмами и обрядами. «Этой ночью на наш корабли ступили самоеды – жалкие люди небольшого роста. Я согласен с тем, что им вовсе необязательно иметь головы, поскольку у них короткие шеи, а одежда как правило скрывает их головы и плечи». Он описывает растения и животных, стараясь сохранять шкуры и семена, отправляя редкие экземпляры домой: «Я видел землянику, однако не на земле, а в продаже. Трижды она оказывалась на столе моего господина, но она ничем не отличается от нашей, вследствие чего я и не особо старался ее отыскать». «Мне уже не терпелось скорее пристать к берегу, хотя это было не просто. Когда мы пристали, я увидел множество ягод, похожих на землянику, но с янтарным отливом и другой формой листьев. <…> Несколько ягод я отправил показать домой. Несколько – высушил, чтобы получить семена, которые отправил Робиэнсу в Париж»[29].

Пространство теряет свою независимость. Исследователь получил право структурировать его, создавать новые классы наименований, отбирать идеальное, отбрасывая вторичное[30].

Очевидно в том же стиле фиксировал образы пространства и Ричард Джемс, находившийся в России в 1618–1619 г., но пять тетрадей его путевых записок были утрачены, осталась лишь записная книжка с переводом русских слов на английский и комментарии к некоторым словам и понятиям[31]. Комментарии естественнонаучного характера свидетельствуют о том, что фиксация и детализация образов живой природы виделись Джемсу важной задачей. Русские слова для него, как пойманные Традескантом и отправленные в Англию редкие звери. О сложности репрезентаций в отсутствие устойчивых описательных схем можно судить по тому, как Джемс описывает отдельные виды рыб и птиц:

> «Нельма – двинская рыба с раздвоенным хвостом, как у семги, схожая с нею и в других свойствах, но по вкусу она напоминает леща»[32]. Мы видим здесь важное естественнонаучное открытие – внешнее сходство не означает схожий вкус. «Житвенки – маленькие птички, обычно величиною с жаворонка; у них такой же длины коготок, на спине и животе оперенье одного цвета, а по бокам головы как бы рожки из черных перьев и черное пятно на шейке. Ноги и клюв черноватые. На голове и шее желтые полосы и пятна. По вкусу они напоминают жаворонков. Очень жирны. Мы съели 4 октября 18 штук, купленных в Колмограде за 4 копейки и 16 штук за 3 деньги 12 (октября)»[33].

---

[29] Гамель 1865. Ч. 1. С. 131, 134, 138, 135.
[30] См. Галисон, Дастон 2018.
[31] Словарь был впервые опубликован Гамелем в 1847 г.
[32] Ларин 1959. С. 94.
[33] Там же. С. 97.

Отсутствие устойчивых схем требует полноты описания. Мы видим указание на окрас, форму, вкус и цену. Но такая форма репрезентации не означает фиксацию только эмпирически проверенных сведений. Отдельные сообщения могут быть добавлены в разряд curiosities как, например, сообщение про сибирских карликов:

> «Рассказывают за правду, что около Сибири есть целый народ, ведущий войны с журавлями за свою жатву»; или про «Маймонтов»: их «никто никогда не видел» и они, «по объяснению самоедов, сами прорывают себе дорогу под землей, и потому они находят его зубы, рога и кости (под землей) на Печоре и на Новой Земле».

Мы видим, что текстуальные особенности травелога сильно привязаны к авторским репрезентативным моделям. Во второй половине XVI – начале XVII в. в Британии формируется новое понимание «объективности», а мифопоэтические и механистические модели описания получают свое вербальное выражение. О путешествии и его значении начинают писать эссе. В 1620 г. эссе «О путешествии» публикует Оуэн Фелтхам, в 1625 г. – Френсис Бэкон[34]. И именно вскрытие рецептивно-репрезентативных моделей позволяет нам в новом ракурсе взглянуть на описываемые события, в конкретном случае – на российскую действительность конца XVI – начала XVII в.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Адам К. Первое путешествие англичан в Россию, описанное Климентом Адамом, другом Чанселера, капитана сей экспедиции, и посвященное Филиппу, Королю Английскому // Отечественные записки. Часть 28. № 78. 1826. С. 84-103. [Adam K. Pervoe putesestvie anglichan v Rossiju, opisannoe Klimentom Adamom, drugom Chanselera, kapitana sej ekspedicii, i posvjasennoe Filippu, Korolju Anglijskomu // Otechestvennye zapiski. Chast 28. № 78. 1826. S. 84-103.]

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. Ю.В. Готье. М.: Соцэкгиз, 1937, 308 с. [Anglijskie putesestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke / per.. Ju.V. Gote. M.: Socekgiz, 1937, 308 s.]

Болдаков И.М. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России / пер. и прим. И.М. Болдакова. СПб., 1893 [Boldakov I.M. Sera Tomasa Smita putesestvie i prebyvanie v Rossii / per. i prim. I.M. Boldakova. SPb., 1893]

Бэкон Ф. Сочинения в двух томах / пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. М.: Мысль, 1972 т.1. 593 с., т. 2. 579 с. [Bekon F. Sochinenija v dvuh tomah / per. s angl. N. Fedorovoj, Ja. Borovskogo. M.: Mysl, 1972 t.1. 593 s., t. 2. 579 s.]

Галисон П., Дастон Л. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с. [Galison P., Daston L. Obektivnost. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 584 s.]

Гамель И.Х. Англичане в России в XVI–XVII вв. СПб., 1865–1869. ч. 1. 180 с. ч. 2. 128 с. [Gamel I.H. Anglichane v Rossii v XVI–XVII v. SPb., 1865–1869. ch. 1. 180 s. ch. 2. 128 s.]

Горсей Дж. Записки о России. XVI-начало XVII в. / под ред. В.Л. Янина; пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М.: Изд. МГУ, 1990. 288 с. [Gorsej Dz. Zapiski o Rossii. XVI-nachalo XVII v. / pod red. V.L. Janina; per. i sost. A.A. Sevastjanovoj. M.: Izd. MGU, 1990. 288 s.]

Замятин Д.Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Генадиевны Коноваловой. М.: Индрик, 2014. [Zamjatin D.N. V poiskah udaljajusihsja prostranstv: istoricheskaja geografija i ontologicheskie modeli voobrazenija // Kniga kartiny Zemli. Sbornik statej v chest Iriny Genadievny Konovalovoj. M.: Indrik, 2014]

[34] Faltham 1840; Бэкон 1972.

Известия англичан о России XVI в. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1884. № 4. [Izvestija anglichan o Rossii XVI v. // CHtenija v imperatorskom obsestve istorii i drevnostej Rossijskih. M., 1884. № 4]
Ларин Б.А. Русско-английский словарь - дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Ленинград: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1959. 350 с. [Larin B.A. Russko-anglijskij slovar – dnevnik Richarda Dzemsa (1618–1619). Leningrad: Izd-vo Leningradsk. un-ta, 1959. 350 s.]
Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии // под ред. Л.И. Володарской. М.: Наука, 1982. .377 с. [Sidni F. Astrofil i Stella. Zasita poezii // pod red. L.I. Volodarskoj. M.: Nauka, 1982. 377 s.]
Флетчер Дж. О государстве Русском / Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М.: Международные отношения, 1991. С. 25-139. [Fletcher Dz. O gosudarstve Russkom / Proezzaja po Moskovii (Rossija XVI-XVII vekov glazami diplomatov). M.: Mezdunarodnye otnosenija, 1991. S. 25-139]
Шпак Г.В. Визуальные источники в естественнонаучном знании XVI-XVII веков в свете современной историографии // Роль источников визуальной информации в информационном обеспечении исторической науки. М., 2019 (a) [Spak G.V. Vizualny istochniki v estestvennonauchnom znanii XVI-XVII v svete sovremennoj istoriografii // Rol istochnikov vizualnoj informacii v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki. M., 2019 (a)]
Шпак Г.В. «Дикари» и «Ученые». Столкновение репрезентативных стратегий на примере «ученых путешествий» XVIII в. // Россия в мире / под ред. О.В. Воробьевой. М., 2019 (b) [Spak G.V. «Dikari» i «Uchenye». Stolknovenie reprezentativnyh strategij na primere «uchenyh putesestvij» XVIII v. // Rossija v mire / pod red. O.V. Vorobevoj. M., 2019 (b)]
Camden W. Britain, or, a Chorographicall Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland. London: George Bishop and John Norton, 1610.
Davies Hugh Bernhard von Breydenbach and his journey to the Holy Land 1483-4: a bibliography. London: J. & J. Leighton, 1911. 232 p.
Davis W. A Journey Round the Library of a Bibliomaniac: Or, Cento of Notes and Reminiscences Concerning Rare, Curious, and Valuable Books. London, 1821. P. 8.
Faltham O. Resolves, Divine Moral and Political. London: Pickering, 1840. 334 p.
Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Glasgow, James MacLehose and Sons, vol. 1. 1903. 462 p.
Hakluyt R. Voyages in Search of The North West Passage. L.: Cassel and Company, 1886. 204 p.
Hodgkins C. Rev. work: From Pilgrimage to History: The Renaissance and Global Historicism. John G. Demaray. N.Y.: AMSPress, 2006 // Modern Philology. 2010. V. 108, N 1. P. 21-24.
Purchas S. Hakluytus posthumus, or Purchas his pilgrimes: contayning a history of the world in sea voyages and lande travells by Englishmen and others. Glasgow: Maclehose, 1905. V. 1. 505 p.

Шпак Георгий Владимирович, *кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, geo.shpak@gmail.com*

English travellers' notes about the 16th – 17th century Russia in the context of British travelography

Notes of English travelers about Russia (from R. Chancellor notes (1553) up to John Tradescant's diary (1618)) were considered by researchers as a source that to illustrate certain historical phenomenon. Our task is to consider these texts as independent narratives that function within the boundaries of the British travelography's genre. This approach allows to shed light on the representative strategies and the author's reception of reality.

Keywords: travelogue, Russia, Russia and Britain, travelers' notes, representation of space, history of s scientific knowledge

Georgy Shpak, *PhD (in history), Junior Research Fellow, Laboratory of Edition Archeography, Ural Federal University, Junior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Science, geo.shpak@gmail.com*

В. Ю. Апрыщенко, Е. К. Склярова

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ШОТЛАНДИИ И ИРЛАНДИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА[1]

В статье анализируется процесс выработки новых идей социального развития Шотландии и Ирландии в первой половине XIX в. Бентамисты обосновали необходимость социальных реформ. Следствием явилось изменение отношения общества к проблеме нищеты, здравоохранения и благоустройства городов. Новшеством стали выборы членов городских советов, общественных учреждений здравоохранения. Главной заслугой реформаторов является то, что они указали на пауперизм и здравоохранение, как центральные проблемы социального развития. Новые законы привели к унификации управления городов Шотландии и Ирландии.

Ключевые слова*: *Шотландия, Ирландия, урбанизация, пауперизм, муниципальная реформа, здравоохранение, Дж. Бентам, Э. Чедвик, социальная политика

Первая половина XIX в. вошла в историю, как период промышленного переворота и урбанизации Соединённого Королевства, вхождения в его состав Ирландии, становления социальной политики единого государства. Акт 1800 г. об унии с Ирландией, последовавший спустя столетие за унией с Шотландией 1707 г., регламентировал создание Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии, обозначив новый этап в истории страны. Все эти социально-экономические и политические процессы стали фактором выработки новых идей социального развития городов Англии и Уэльса, Шотландии и Ирландии. Каковы были особенности их формирования и влияния на становление социальной политики Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии?

Термин «социальная политика» рассматривается исследователями, исходя из разных концепций её определения, как деятельность реформаторов и социальных служб, общественных организаций и парламента, а также как идеология государства и соответствующая законодательная база. Социальная политика может исследоваться, как *форма*, *содержание* и *процесс*. Соответственно её структура разделена на: 1) *social polity* (деятельность парламента, партий, государственных и местных органов власти, общественных и научных организаций в принятии законов; 2) *social policy* (ответ общества на возникающие социальные проблемы; социальные программы, вырабатываемые с учётом потребностей, ценностей и целей общества, выражаемые в решаемых проблемах, целях и мотивах принятия решений); 3) *social politics* (интеллектуальный процесс выработки новых социальных идей, принципов и структуры управ-

[1] Публикация выполнена в рамках программы поддержки публикационной активности Южного федерального университета.

ления, изменение ценностей и потребностей общества, его отношения к усилению роли государства, проявление отношений разных социальных групп, организаций и индивидов).

Среди российских и зарубежных исследователей существуют полярные точки зрения в вопросе о пионерах социального реформирования стран Европы[2]. Однако среди разнообразных идей решения социальных проблем в эпоху урбанизации востребованными оказались идеи английского философа Дж. Бентама, который ещё в начале XIX в. разработал проект социальных реформ, а также социальных институтов Соединённого Королевства. Термин «социальный» последовательно развивался в 1830–1840 гг. при анализе старых и новых законов о бедных, проблем регистрации и заключения брака, «социального порядка» в Великобритании и Ирландии, «социального недовольства»[3], «социальных и санитарных условий» Ирландии»[4]. Термин «социальное государство» использовал в парламенте в 1830 г. премьер-министр Великобритании граф Грей (в контексте обсуждения проблем Соединённого Королевства после вхождения в его состав Ирландии)[5].

Дискуссия о влиянии бентамизма на проведение социальных реформ развернулась в британском парламенте ещё в XIX в. В 1811 г. депутат С. Ромили подчеркнул значение идей Бентама о необходимости изменения законов Великобритании[6]. В 1851 г. газета «Морнинг хроникл» указала на причастность теоретического наследия социального мыслителя Дж. Бентама к реформе существующих законов[7]. По мнению Ю.Е. Барловой, идеи Бентама, рассматриваемые в русле утилитаризма, моральной природы и личной обусловленности бедности, предопределили закон о бедных 1834 г.[8] Обосновав учение о пользе, Бентам подчеркнул, что «утилитаризм, как социальная теория, утверждает, что поступок правилен, если он способствует достижению наибольшего блага. Идея утилитаризма и морали общества постепенно становились критерием общественной пользы»[9]. Однако уничижительная характеристика К. Маркса повлияла на негативное отношение учё-

---

[2] Так, Т.Ю. Сидорина отмечала, что Великобританию называют «первопроходцем теории и практики социального реформирования» (Сидорина 2005. С. 38), но, по мнению Л.Н Кочетковой, впервые концепция социального государства оформилась в середине XIX в. в трудах немецкого историка, философа и экономиста Лоренца фон Штейна (Кочеткова 2009. С. 6–15).

[3] H.P.D. 3-rd Series. 1830. Vol. XXIII, c. 1401–1402; 1833. Vol. XVI, c. 629; 1843. Vol. LXX, c. 831.

[4] H.P.D. 3-rd Series. 1847. Vol. LXXXX, c. 597I.

[5] H.P.D. 3-rd Series. 1830. Vol. I, c. 30.

[6] H.P.D. 1-st Series 1811. Vol. XIX, c. 614–650.

[7] The Morning Chronicle. 1851. Dec. 22. P. 3.

[8] Барлова 2010. С. 166–186.

[9] Харламов 2014. С. 58.

ных России к идейному наследию Дж. Бентама: «Трезво-педантичный, тоскливо-болтливый оракул пошлого буржуазного рассудка XIX в.»[10]. Вслед за Марксом некоторые исследователи субъективно развивали «теоретическое убожество и классовую ограниченность Бентама»[11]. В английских исследованиях некорректно использовался термин «ранневикторианские утилитаристы» для характеристики социальных идей реформаторов, сформировавшихся ещё в довикторианскую эпоху[12].

В центре внимания Дж. Бентама были проблемы пауперизма и инспекции. Он предлагал сократить налог на бедных, заставив трудоспособных пауперов работать, перестать быть иждивенцами у налогоплательщиков. Его идеи предполагали укрепление частной собственности, морали, инспекцию социальных условий пауперов, работных домов, больниц, предприятий, утилитаризм государственных расходов[13]. В работе «Конституционный кодекс. Для пользы всех наций и правительств, утверждающих либеральное мнение», развив идеи утилитаризма, он разработал проект решения социальных проблем. Специальные разделы посвящались ведению инспекции и министерств, миграции и регистрации населения, коррупции[14]. Согласно его концепции, реформы должны осуществляться «для пользы всех наций», на основе профессиональной компетенции, инспекции всей системы управления, осуществляемой под контролем премьер-министра и министерств. Предлагалось разделить государственное управление на центральное и местное. Первое должно сосредоточиться в 13-ти министерствах, руководимых министрами, назначаемыми премьер-министром. Шесть министров должны заниматься вопросами: 1) здравоохранения, 2) предотвращения социальных проблем, 3) помощи неимущим, 4) недвижимости, 5) образования, 6) внутренних коммуникаций. Все министерства подлежат государственной инспекции, составляя новую систему управления. В компетенцию министерства здравоохранения должны входить: больницы, карантинная служба, работные дома, тюрьмы, школы, рынки, водоснабжение, дренаж, кладбища, шахты, фабрики и заводы, производство и хранение лекарств, медицинское обслуживание армии и флота.

Доктор Саутвуд Смит (1788–1861) был «одним из главных медицинских теоретиков социальных реформ». Близкий друг Бентама «сыграл определяющую роль в привлечении внимания британского парламента к социальным проблемам городов»[15]. Будучи священником, он поступил в 1812 г. на медицинский факультет университета Эдинбурга,

---

[10] Маркс 1969. С. 615.
[11] Кертман 1979. С. 137.
[12] Roberts 1979. P. 52.
[13] Bentham 2001. P. 3–259.
[14] Bentham 1983.
[15] Склярова 2006. С. 188–189.

который считался одной из лучших медицинских школ Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв. При университете действовало «Общество естественной истории», Музей естественной истории, «Философское общество», успешно развивались общественные науки, анатомия, химия, фармакология. Знаменитыми выпускниками университета Эдинбурга были премьер-министр Великобритании лорд Дж. Расселл, а также лорд Г. Бругэм. Лорд Бругэм в 1810 г. стал членом палаты общин, представляя партию вигов, в 1825 г. – лорд-ректором университета Эдинбурга, в 1830 –1834 гг. – лорд-канцлером и председателем палаты лордов Великобритании. Он был основателем журнала «Эдинбург Ревю» (1802) и «Общества по распространению полезных знаний» (1825), сторонником введения муниципальной реформы[16], бентамизма[17]. Лорд Расселл в правительстве лорда Мельбурна получил пост министра внутренних дел (1835–1839), стал лидером вигов и палаты общин (1836–1841), членом «Статистического общества Лондона», премьер-министром (1846–1852), санкционировал первые обследования Комитета по закону о бедных и принятие важнейших социальных законов в период пика урбанизации и споров парламента об их принятии.

Доктор Смит, после окончания университета в 1820-х гг. оставил пост священнослужителя, переехал в Лондон и стал членом группы радикалов, возглавляемой Бентамом. В 1824–1838 гг., работая в различных больницах столицы, и убедившись, что высокий уровень заболеваемости в трущобах Лондона связан с антисанитарными условиями, доктор Смит, развивая медицинские знания, полученные в университете, а также идеи бентамизма, начал свою социальную деятельность в сфере здравоохранения. Он подчёркивал практическую пользу для развития общества санитарных мер, отмечая, что болезни – это причины экономических потерь, так как приводят к повышенной выплате приходских пособий[18]. Российский исследователь истории медицины и здравоохранения Великобритании И.В. Венгрова отметила, что прогрессивные предложения о создании Министерства здравоохранения Великобритании были разработаны Бентамом благодаря идеям доктора Смита[19].

Доктор Н. Арнотт (1788–1874), шотландец по происхождению, член Королевского колледжа хирургов, Королевского научного общества, врач королевы Виктории, один из основателей университета Лондона, был выпускником медицинского факультета университета Абердина – старейшего университета Шотландии (основан в конце XV в.).

---

[16] H.P.D. 3-rd Series. 1835. Vol. XXX, c. 1070–1073.
[17] Finer 1972. P. 4–7.
[18] First Report of the Commissioners for Inquiring into the State of Large Towns and Populous Districts // P. P. 1844. Vol. XVII. P. 11–20.
[19] Венгрова 1970. С. 47. Однако впервые идея создания министерства здравоохранения реализовалась на практике в Соединённом Королевстве лишь в 1919 г.

Друг Бентама, он несколько лет работал морским врачом на кораблях британской империи в Индии и Китае. Он активно развивал идеи городского здравоохранения, указывал, что «санитарные меры будут дешевле, чем обходится приходу забота о больных, обеспечение сирот и вдов, кормильцы которых умерли от тифа»[20].

Либерал доктор Дж. Кей (1804–1877), выпускник медицинского факультета университета Эдинбурга с 1827 г. работал врачом больницы для бедных в ирландском квартале промышленного Манчестера. Сторонник утилитаристов привнёс научно-медицинский подход в становление социальной политики. В отчёте он отразил изменение условий жизни Манчестера в первые десятилетия XIX в., указал на их взаимосвязь с ростом пауперизма, преступности, миграции ирландцев, отметил необходимость введения института инспекции для контроля жилищных условий и здоровья населения, указав, что «нищета может стать вулканом, который разрушит британское общество»[21].

Значительную роль в выработке новых социальных идей сыграл Эдвин Чедвик (1800–1890), он занял «уникальное место в становлении здравоохранения и социальной политики не только Великобритании и России, но и всего мира»[22]. В середине 1820-х гг. он вошёл в группу утилитаристов, в 1831 г. стал секретарём Бентама, в 1834–1847 гг. – членом новой государственной Комиссии по закону о бедных, в 1848–1854 гг. – Генерального совета здравоохранения.

Исследователи подчёркивали прогрессивное влияние бентамизма. Э. Брандаж отмечал, что Бентам стремился «минимизировать нищету», а Л. Гольдман спустя столетия назвал утилитаризм – «великой идеей»[23]. Согласно Д. Робертсу, утилитаризм разделяли члены парламента, которых в 1830-е гг. назвали «философы-радикалы» (Дж. Юм, Дж. Роубак, Г. Уорбертон, Дж. Гроут, У. Молесворс, Ч. Буллер, Э. Стратт); редакторы газет (А. Фонбланк, Дж. Блак, Дж. Уилсон, Р. Ринтул, Дж. Грант); врачи (Дж. Кей, С. Смит, Н. Арнотт), юрист Э. Чедвик. Всех этих реформаторов (12 из них – парламентарии) учёный назвал «бентамистами». Среди них выходцы из Шотландии: Дж. Юм, Дж. Блак, Р. Ринтул[24].

В начале XIX в. столицы Шотландии и Ирландии стали центрами формирования идей социального развития городов. Газеты и журналы Эдинбурга и Дублина публиковали мнение редакции, членов парламента, мэров городов и местных жителей в поддержку или против социальных реформ. «Эдинбург Ревю», один из самых влиятельных журналов,

---

[20] The Builder. 1844. Vol. 2. Apr. 13. P. 187–188.
[21] Kay 1832. P. 19–71.
[22] Склярова 2010. С. 139.
[23] The London and Westminster Review. 1844. Sept. P. 101; Brundage 2002. P. 34; Goldman 2002. P. 274.
[24] Roberts P. 40–44.

выступил с требованием решения социальных проблем, на его страницах обсуждалась работа Бентама «Введение в принципы морали и законодательства», о которой упоминалось в парламенте при обсуждении новых законов[25]. Университет и научные журналы Эдинбурга координировали международные исследования, способствующие становлению социальной политики Шотландии, Англии, Уэльса и Европы. «Эдинбург ревю» анализировал растущий уровень смертности богатой и бедной части населения страны и Лондона, незаконное использование труда малолетних детей, а также новые законы о бедных Великобритании и Ирландии[26]. Исследования координировались совместно «Британской ассоциацией за продвижение социальной науки», университетом Кембриджа, Королевским научным обществом Великобритании, Институтом Франции, Академией наук Берлина[27]. «Дублинский журнал медицинской науки» (выходил с 1843 г.) освещал вопросы общественного здравоохранения и научной медицины, отчёты об уровне рождаемости и смертности населения, количестве заключённых браков и здравоохранении городов Великобритании[28]. Журнал «Строитель» освещал социальные идеи развития Англии и Уэльса, Шотландии и Ирландии, а также работу колледжа гражданских инженеров в Патни, где Э. Чедвик и доктор Л. Плейфеер подчеркнули общественную пользу научных знаний и профессионального образования для социальных реформ. Лорд Девон отметил значение «профессионально составленных» карт местности для проведения водоснабжения и дренажа, в том числе и для Ирландии[29].

Призрение пауперов было традиционным с XVII в. Налог в пользу бедных, впервые введенный ещё законом 1601 г., стал главным видом налогообложения, но в эпоху урбанизации проблема призрения пауперов приобрела новые черты: «пауперизм» воспринимался как принудительное бремя налогообложения, от которого нельзя освободиться, но необходимо сократить. Поддержка бедных, сохранив преемственность, сыграла определяющую роль в становлении социальной политики.

Идеи реформы призрения пауперов и их практическая реализация вызывают неоднозначные мнения в отечественной и зарубежной историографии. Британский историк-марксист А.Л. Мортон дал негативную оценку деятельности руководителей Комиссии по закону о бедных[30]. По мнению Л.Е. Кертмана закон о бедных 1834 г. формально сохранил систему общественной помощи бедным, но настолько «извратил и рефор-

[25] H.P.D. 1-st Ser. 1811. Vol. XIX, c. 629–663; The Edinburgh Review. 1845. Vol. LXXXI.
[26] McCulloch 1828. P. 303–330; Senior 1846. P. 267.
[27] The Edinburgh Journal of Science. 1832. Vol. XII. P. 340.
[28] The Dublin Journal of Medical Science. 1843. Vol. LXVII. P. 176; Vol. LXVIII. P. 288–300, 380.
[29] Mr. Chadwick on Want of Science… P. 362.
[30] Мортон 1950. С. 332.

мировал её», что она превратилась в «жестокое издевательство над миллионами тружеников. Отныне выдача пособия полностью прекращалась, а пауперы, обращавшиеся за помощью, помещались в специальные работные дома, где их содержали на грани голода, заставляя выполнять помногу часов бессмысленную работу… прислуживать деспотам-надзирателям… Сама идея нового закона требовала, чтобы жизнь в работном доме была невыносимой, чтобы бедняк предпочёл любые условия труда получению общественной “помощи”»[31].

Такая критика нового закона о бедных 1834 г., а также деятельности Э. Чедвика и Комиссии не вполне справедлива. Идеи реформ закладывались предшественниками Чедвика. Н. Эдсалл считал «духовными отцами» нового акта о бедных Бентама и Мальтуса, называя их «учителями Н. Сениора и Э. Чедвика»[32]. В 1817 г. был создан «Избранный комитет палаты общин по законам о бедных» под руководством С. Бурна. В итоге парламент утвердил закон о занятости бедных, который предусматривал обязательные расходы казначейства на обеспечение занятости бедных на общественных работах, в т.ч. в Ирландии[33]. С 1834 г. всё работоспособное население на территории Англии и Уэльса должно было трудиться на промышленных предприятиях, обеспечивая себя самостоятельно за пределами прихода[34]. Идеи закона о бедных 1834 г. вызвали разногласия в парламенте. Лорды Бругэм и Хатертон, виконт Мельбурн, граф ФитцУильям выступили за отмену приходских налогов на бедных, лорд Шефтсбери – против. Лорд Стенхоуп, представители приходов Лондона предлагали поддержать новый закон[35]. Обсуждался пример Шотландии в решении проблемы пауперизма. Депутаты парламента Буллер и Роске указали на позитивный опыт Шотландии в обучении детей пауперов за счёт приходов. Депутат от Шотландии Г. Эрскин подчеркнул, что использование налогов на бедных для обучения детей пауперов не является «тяжким бременем», поскольку направлено на образование и поддержание морали подрастающего поколения[36]. Отчёт Избранного комитета по закону о бедных 1819 г. отмечал пример Шотландии в решении проблемы нищеты для Англии и Уэльса[37]. В феврале 1832 г. была назначена специальная Комиссия для обследования

---

[31] Кертман 1979. С. 196.
[32] Edsall 1971. P.2.
[33] An Act to amend an Act made in the Present Session of Parliament, for authorizing the Issue of Exchequer Bills, and the Advance of Money for carrying on Public Works and Fisheries, and Employment of the Poor, 1817 // 57 Geo. III c. 34. P. 470–476.
[34] An Act for the Amendment and Better Administration of the Laws Relating to the Poor in England and Wales, 1834 // 4 & 5 Will. IV, c. 76.
[35] H.P.D. 3-rd Series. 1837. Vol. XXXVII, c. 147.
[36] H.P.D. 1-st Series. 1807. Vol. IX, c. 541.
[37] The Supplementary Report of the Committee of the General Assembly on the Management of the Poor in Scotland, 1820 // P.P. Vol. VII. P. 130.

применения на практике законов о бедных; ее отчёт был составлен экономистом Н. Сениором и юристом Э. Чедвиком[38].

В парламенте акт 1834 г. был обозначен как «новый закон о бедных»[39]. Э. Брандаж отмечал, что после утверждения акта 1834 г. в общественный оборот вошло понятие «старого» и «нового» законов о бедных, поскольку старая приходская система помощи бедным устарела[40]. Предлагалось создать новую систему облегчения участи малоимущих женщин, детей, мужчин, больных, вдов и сирот. И. Левит указал, что закон 1834 г. открыл эру «утилитаристского управления» (синтеза мальтузианского фатализма и идеологии laissez-faire), направленной на контроль «распределения благосостояния», который отчётливо проявился в годы наполеоновских войн, когда более 20% населения юга Англии получали приходскую помощь[41]. В 1838 г. новый закон о бедных был принят в Ирландии, в 1845 г. – в Шотландии[42], законы отменяли приходское пособие по бедности, создавая работные дома как новый вид социальной помощи. «Национальные и местные комитеты, начиная с 1845 г., осуществляли надзор за законодательством для бедных и создали настолько успешную модель управления, что она была не раз копируема в другие отрасли управления. Эти институты были промежуточным звеном между центральным правительством и народом на территории всей Шотландии. В органы местного самоуправления входили представители среднего класса, юристы, предприниматели, врачи»[43].

Попытки решения социальных проблем городов Ирландии начались уже в первые годы после унии. Появилась идея создать новую Комиссию по благоустройству улиц Дублина. Лорд де Блакуер, член Комиссии по мощению улиц Дублина, предлагал начать немедленные работы. Д. Браун отмечал, что предложения по мощению улиц Дублина поступили в парламент Соединённого Королевства ещё шесть лет назад, но в столице по-прежнему, грязно, темно и опасно. Решение вопроса затянулось, поскольку в тот период не было принято решение о государственном финансировании необходимых работ[44]. Позже были приняты

---

[38] Report from Commissioners for Inquiry into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws // P.P. 1834. Vol. XXVII. P. 7. Профессор политэкономии университета Оксфорда Н.У. Сениор, один из ведущих экономистов, стал советником партии вигов, содействовал становлению социальной политики. В дальнейшем Сениор занимался реформой законов о бедных в Ирландии. – Senior 1846. P. 267–314.

[39] H.P.D. 3-rd Series. 1847. Vol. LXXXX, c. 660, 896.

[40] Brundage. 2002. P. 7.

[41] Levitt 2003. P. 160.

[42] An Act for the More Effectual Relief of the Destitute Poor in Ireland, 1838 // 1 & 2 Vict. c. 56; An Act for the Amendment and Better Administration of the Laws Relating to the Relief of the Poor in Scotland, 1845 // Vict. 8 & 9 c. 83.

[43] Апрыщенко 2008. С. 152–153.

[44] H.P.D. 1-st Series. 1805. Vol. V. c.112–116; 1806. Vol VI. c. 484–485, 504, 536.

новые социальные законы, обусловившие создание госпиталей и больниц, предотвращение эпидемий, а также мощение дорог и улиц в Дублине[45]. В 1828 г. был принят специальный закон об освещении городов Ирландии[46]. Он был дозволительным, как и в Англии, но ему подчинились 65 городов этой части Соединённого Королевства.

Правительство под руководством премьер-министра лорда Грея начало подготовку муниципальной реформы. В ходе парламентских дебатов 1833 г. лорд Альторп поднял вопрос о нездоровом положении городов королевства, необходимости парламентских расследований существующих социальных проблем, настаивая на исследовании не только Англии и Уэльса, но и Ирландии. На запрос депутата парламента Уоллеса о необходимости включения Шотландии, лорд Альторп ответил, что по этой части Соединённого королевства предполагается принять отдельный билль. В итоге Уоллес, депутат от Шотландии, предложил заменить в документах слово «Великобритании» на «Англии и Уэльса». Дж. Юм, поддерживая Уоллеса, подчеркнул сложное положение корпораций Шотландии. Лорд-адвокат Шотландии отметил, что этим вопросом в Шотландии занимается лорд Гамильтон[47].

Бентамисты – Ч. Буллер, Дж. Гроут, Дж. Юм, Дж. Лидер, У. Молесворс Э. Стратт, П. Томпсон, Ч. Виллерс, Дж. Роубак, Г. Уорбертон поддержали билль о муниципальной реформе Ирландии[48], который последовал после соответствующего закона Англии и Уэльса 1835 г. Реформа управления городов Шотландии предшествовала муниципальной реформе Англии и Уэльса. В 1833 г. были приняты два закона о полиции и городских советах Шотландии[49]. Согласно последнему руководство совета королевских бургов должно было избираться каждые три года. Акты дали советам право осуществлять мощение, освещение, уборку, водоснабжение и были приняты на два года ранее «Акта о регулировании деятельности муниципальных корпораций Англии и Уэльса, 1835». Однако исследователи отмечали «Часто факт, что состоятельные горожане должны были платить налог на решение коммунальных проблем города,

---

[45] An Act to enlarge the Powers of the Governors of the Foundling Hospital in Dublin, 1820 // 1 Geo. IV. c. 29. P. 30–131; An Act to enable the Commissioners of His Majesty`s Treasury to advance out of the Consolidated Fund certain Sums for the Payment of Debts due from the Commissioners of Wide Streets, and for the erecting a Corn Exchange in the City of Dublin; and repeal certain Duties on License relating to Cards and Clubs in the City of Dublin, 1825 // 6 Geo. IV. c. 128.

[46] An Act to make Provision for the lighting, cleansing, and watching of Cities, Towns Corporate, and market Towns, in Ireland in certain Cases, 1828 // 9 Geo. IV c. 82. P. 526–558.

[47] H.P.D. 3-rd Series. 1833. Vol. XV. c. 645–655.

[48] H.P.D. 3-rd Series. 1836. Vol. XXXII. c. 653–747.

[49] An Act to enable Burghs in Scotland to establish a general system of Police, 1833 // 3 & 4 Will. IV. c. 46. P. 150–172; An Act to alter and amend the Laws for the Election of Magistrates and Councils of the Royal Burghs in Scotland, 1833 // 3&4 Will. IV c. 76. P. 387–394.

приводил к тому, что вместо обеспечения городского коммунального водоснабжения, городские власти устанавливали освещение в наиболее престижных районах, где проживала городская аристократия, аргументируя эти меры необходимостью борьбы с ночной преступностью»[50]. Все бурги имели независимую систему управления, и социальные реформы там зависели от собственника города.

В условиях урбанизации доиндустриальная система городского управления Соединённого Королевства устарела. В 1835 г. в палате общин министр внутренних дел лорд Расселл поднял вопрос о введении стандартных правил управления городов, отметив, что муниципальные советы должны стать предметом общественного контроля, а муниципальные корпорации – «полезным и эффективным инструментом местного управления». Лорд использовал статистические данные о численности населения, домов, пауперов, налогоплательщиков, отметив случаи коррупции, так как в некоторых городах всего «несколько человек правят по своему усмотрению, покупая голоса избирателей», указав на необходимость «демократизации управления городов» и «общественного контроля». Билль стал продолжением реформ вигов, предлагая унифицировать управление городов под единым руководством мэра и Городского совета. Дж. Юм выразил надежду, что все партии будут содействовать совершенствованию билля. У. Братертон отметил, что новый контроль корпораций будет способствовать удовлетворению нужд населения. Депутат О' Коннелл предлагал включить в название билля Ирландию, но министр финансов отметил, что отдельный отчёт по Ирландии скоро появится в парламенте. Депутаты подчёркивали также, что подобный закон уже принят в Шотландии три года назад[51].

В сентябре 1835 г. «Акт о регулировании деятельности муниципальных корпораций Англии и Уэльса,1835» стал законом[52], установив единую систему управления в городах. Каждый муниципальный город мог иметь оплачиваемого городского клерка и казначея. Счета совета должны были периодически проверяться. Дренаж и уборка улиц входили в компетенцию городских советов. Большие и малые города, в которых не было городских советов, могли сделать запрос об инкорпорации по своему усмотрению. Городские преобразования должны были стать открытыми, предполагая проверку отчётов Городского совета.

В Ирландии после принятия муниципального закона Англии и Уэльса 1835 г., муниципальная реформа Ирландии была одним из центральных объектов парламента Великобритании[53]. В итоге «Акт о регу-

[50] Апрыщенко 2016. С. 564.
[51] H.P.D. 3-rd Series. 1835. Vol. XXVIII. c. 541–576.
[52] An Act for the Regulation of Municipal Corporations in England and Wales, 1835 // 5 & 6 Will. IV. c. 76.
[53] H.P.D. 3-rd Series. 1836. Vol. XXXI. c. 1019–1030; 1840. Vol. XXIX. c. 290.

лировании муниципальных корпораций Ирландии, 1840» был принят после подобного акта Шотландии, Англии и Уэльса, заменив управление 68 неэффективных городских корпораций. Реформа коснулась первоначально лишь 10 городов (Белфаста, Корка, Дублина, Лимерика и др.), которые стали управляться избираемыми мэрами и олдерменами. Корпорации оставшихся 58 городов упразднили. Лишь города с населением более 3 тыс. чел. могли подать петицию о восстановлении статуса «города». Комиссии городов стали называться «муниципальными»[54].

В 1840-х гг. обсуждалась новая система управления и техническая реконструкция системы сточных вод. Подчёркивалось значение централизации управления и объединения комитетов сточных вод «в один централизованный совет». Такая система уже существовала в Эдинбурге, где каждое утро сторож открывал краны, и вода через решётки стекала под землю в резервуары. То же предлагалось делать в Лондоне, который, по мнению реформаторов, должен был стать чистейшим городом мира, где улицы будут мыться каждые 24 часа, а новшества приведут к благоустройству набережной Темзы и предотвращению болезней[55].

1 февраля 1844 г. при открытии сессии парламента королева Виктория официально провозгласила, что «социальная политика» (public policy) – важнейший вопрос для благосостояния всех классов» Соединённого королевства. Подчёркивалось, что в дальнейшем меры по улучшению «социальных условий Ирландии» будут продолжены[56]. Президент «Ассоциации здравоохранения городов» герцог Бакклейч сделал запрос о сроках реформы здравоохранения. Лорд Норманби поставил вопрос перед палатой лордов о необходимости распространить новый билль о здравоохранении городов на Ирландию. Отвечая на него, герцог Бакклейч сказал, что не видит причин, по которым правительственные меры не могли бы охватить Ирландию и Шотландию[57]. Однако предполагалось, что Ирландия и Шотландия не будут включены в сферу действия нового закона о здравоохранении городов[58]. Этот закон не распространялся и на Лондон. Но эпидемия холеры 1848 г. заставила правительство премьер-министра лорда Дж. Рассела 31 августа принять первый в истории Соединённого Королевства «Закон об обеспечении общественного здравоохранения, 1848 г.»[59].

Медицинская инспекция, профессионализм и оплата работы социальных служащих становились новыми элементами законов и социаль-

---

[54]An Act for the Regulation of Municipal Corporations in Ireland, 1840 // 3 & 4 Vict. c. 108. P. 913–1044.
[55] Rowed 1843. P. 444.
[56] H.P.D. 3-rd Series. 1844. Vol. LXXII. c. 1–5.
[57] Sanitary Regulations // The Builder. 1845. Vol. 3. Apr. 12. P. 173.
[58] H.P.D. 3-rd Series. 1848. Vol. XCVI. c. 420.
[59] An Act for promoting the Public Health, 1848 // 11 &12 Vict. c. 63. P. 721–784.

ного управления. Утилитаризм заставлял вводить новые медицинские должности для решения проблем водоснабжения, предотвращения эпидемий и смертности, расследований социальных проблем Англии и Шотландии, в периоды острой необходимости. После принятия «Акта об обеспечении общественного здравоохранения, 1848 г.» в городах появилось два типа инспекторов: медицинский и технический. В состав новых государственных органов постепенно входили врачи и медицинские инспектора. В Великобритании вводились новые термины и сферы государственного управления – «здравоохранение городов», на смену которому пришло «общественное здравоохранение».

***

Итак, в первой половине XIX в. следствием урбанизации стала выработка новых идей социального развития городов, обусловивших проведение социальных реформ в городах Англии и Уэльса, Шотландии и Ирландии. Новые социальные идеи разрабатывались научными и общественными организациями на основе бентамизма. Бентамизм, сформировавшись в начале XIX в. как проект социальных реформ, на практике развивался утилитаристами-реформаторами. Его составляющие заключались в радикальном решении проблем нищеты, введении инспекции, здравоохранении, централизации управления, оплаты работы служащих, в создании соответствующих министерств, в профессиональной компетентности, преодолении коррупции. Утилитаристы обосновали необходимость социальных реформ для стабильности государства, обеспечения благосостояния граждан, развития промышленности, уменьшения государственных расходов, соцзащиты (больных, беспомощных, подозреваемых в преступлениях, неработающих). Идеи реформ явились отправной точкой утилитаристского распределения налогов и государственных расходов, целенаправленной социальной политики, координируемой выборными государственными органами, а не приходами. Изменилось отношение общества к роли приходов и проблеме нищеты. Бедные стали синонимом бездельника, но женщины, вдовы, дети, больные, неработоспособные члены общества могли получить фиксированную социальную помощь. Акты об освещении городов, общественном здравоохранении, улучшении управления городов расширяли социальные функции местных властей. Муниципалитеты впервые получили административные права по уборке, водоснабжению, мощению и освещению улиц, назначению санитарного врача, инспектора, составлению сметы реформ и налогов. Новые власти городов получали право контроля санитарно-технических служб, торговли, строительства и др. Постепенно создавалась новая система общественного контроля и управления городов Англии и Уэльса, Шотландии и Ирландии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008. 288 с. [Apryshchenko V.YU. Uniya i modernizaciya: stanovlenie shotlandskoj identichnosti v XVIII – pervoj polovine XIX v. Rostov n/D, 2008. 288 s.]

Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время. В поисках идентичностей. СПб., 2016. 720 с. Apryshchenko V.YU. SHotlandiya v Novoe vremya. V poiskah identichnostej. SPb., 2016. 720 s.

Барлова Ю.Е. «Надзор и прибыль»: общественное призрение и социальная помощь в теоретических конструктах Иеремии Бентама // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 166–186 [Barlova YU.E. «Nadzor i pribyl'»: obshchestvennoe prizrenie i social'naya pomoshch' v teoreticheskih konstruktah Ieremii Bentama // Dialog so vremenem. 2010. № 33. S. 166–186].

Венгрова И.В. Из истории социальной гигиены Англии XIX в. М.: Медицина, 1970. 224 с. [Vengrova I.V. Iz istorii social'noj gigieny Anglii XIX v. M.: Medicina, 1970. 224 s.]

Гутиева М.А., Склярова Е.К. Сравнительный анализ социальных реформ России и Великобритании в первой половине XIX века / // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 14–24 [Gutieva M.A., Sklyarova E.K. Sravnitel'nyj analiz social'nyh reform Rossii i Velikobritanii v pervoj polovine XIX veka / // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2015. № 1. S. 14–24].

Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1979. 384 с. [Kertman L.E. Geografiya, istoriya i kul'tura Anglii. 2-e izd. M.: Vysshaya shkola, 1979. 384 s.]

Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 6–15 [Kochetkova L.N. Filosofskij diskurs o social'nom gosudarstve // Cennosti i smysly. 2009. № 3. S. 6–15].

Мортон А.Л. История Англии. М., 1950. 462 с. [Morton A.L. Istoriya Anglii. M., 1950. 462 s.]

Маркс К. Капитал. М.: Политиздат, 1978. Т. 1. 901 с. [Marks K. Kapital. M.: Politizdat, 1978. T. 1. 901 s.]

Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М., 2005 [Sidorina T.YU. Dva veka social'noj politiki. M., 2005].

Сидорина Т.Ю. К. Поланьи и Л. фон Мизес // “Великая трансформация" Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. М., 2007. 207 с. [Sidorina T.YU. K. Polan'i i L. fon Mizes // “Velikaya transformaciya" Karla Polan'i: proshloe, nastoyashchee, budushchee. M., 2007. 207 c.]

Склярова Е.К., Камалова О.Н. Философские аспекты викторианского здравоохранения // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 1. С. 103–108 [Sklyarova E.K., Kamalova O.N. Filosofskie aspekty viktorianskogo zdravoohraneniya // Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov. 2015. № 1. S. 103–108].

Склярова Е.К. Доктор Саутвуд Смит: санитарная идея и становление английской системы общественного здравоохранения // Человек второго плана в истории. Вып. 3. Ростов н/Д: РГУ, 2006. С. 188–200 [Sklyarova E.K. Doktor Sautvud Smit: sanitarnaya ideya i stanovlenie anglijskoj sistemy obshchestvennogo zdravoohraneniya // CHelovek vtorogo plana v istorii. Vyp. 3. Rostov n/D: RGU, 2006. C. 188–200.]

Склярова Е.К., Котова Т.А. Эдвин Чедвик – создатель системы здравоохранения. Подарок России или Великобритании? Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. 160 с. [Sklyarova E.K., Kotova T.A. Edvin CHedvik – sozdatel' sistemy zdravoohraneniya. Po-darok Rossii ili Velikobritanii? Rostov n/D: IPO PI YUFU, 2010. 160 s.]

Харламов Е.В, Киселёва О.Ф., Склярова Е.К. Деонтология жизни Ростов н/Д: Мини Тайп, 2014. 244 с. [Harlamov E.V, Kiselyova O.F., Sklyarova E.K. Deontologiya zhizni Rostov n/D: Mini Tajp, 2014. 244 c.]

Bentham J. Constitutional Code // The Collected Works of Jeremy Bentham / Ed. by F. Rosen, J.H. Burns. Oxford: OUP, 1983. Vol. 1. 612 p.
Bentham J. Writings on the Poor Laws. Vol. I / Ed. by M. Quinn. Oxford: OUP, 2001. 359 p.
Brundage A. The English Poor Laws, 1700–1930. N.Y.: Palgrave, 2002. 185 p.
Edsall N. The Anti-Poor Law Movement 1831 – 1844. Manchester: MUP, 1971. 285 p.
Finer S.E. The Transmission of Bentamite Ideas 1820–1850 // Studies in the Growth of Nineteenth Century Government / Ed. by G. Sutherland. L.: Routledge & Kegan Paul, 1972. P. 2–20.
Goldman L. Science, Reform and Politics in Victorian Britain. The Social Science Association 1857–1886. Cambridge: CUP, 2002. 430 p.
Kaufmann F. European Foundations of the Welfare State. N.Y., Oxford: Berghahn Books 2012. 400 p.
Kay J.P. The Moral and Physical Condition of Working Classes Employed in the Cotton Manufactures in Manchester. L.: Ridgway, 1832. 73 p.
Lewis R. Edwin Chadwick and the Public Health Movement 1832–1854. L.: Longman, Green & Co., 1952. 411 p.
McCulloch J. Poor Laws // The Edinburgh Review. Vol. 47. May. 1828. P. 303–330.
Mr. Chadwick on Want of Science in Our Public Work // The Builder. 1845. Vol. 3. Aug. 2. P. 362.
Roberts D. The Utilitarian Conscience // The Conscience of Victorian State / Ed. by P. Marsh. N.Y., 1979. P. 3–55.
Rowed R. Health of Towns // The Builder. 1843. Oct. 21. Vol. 1. P. 444.
Sanitary Regulations // The Builder. 1845. Vol. 3. Apr. 12. P. 173.
Senior N. Proposals for Extending the Irish Poor Law // The Edinburgh Review. 1846. № 84. P. 267–314.

Апрыщенко Виктор Юрьевич, *доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений ЮФУ; victorapr@sfedu.ru*

Склярова Елена Константиновна, *кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Ростовского государственного медицинского университета; affina18@mail.ru*

Shaping of ideas of social development in Scotland and Ireland in the first half of the 19th century

The article deals with the process of the shaping of new ideas of social development in Scotland and Ireland in the first half of the 19th c. The press of Edinburg and Dublin, universities of Scotland became the centers, which produces these ideas. Benthamists justified the need of social reforms for the reduction of poverty and state expenditure, public health and safety net of population. The result was changing of attitude of the society to the problem of poverty and the health of towns. The innovation was the election of town councils, public organs of health. The main merit of the reformers was that they indicated pauperism and public health as the main problems of social development. The new social ideas and laws led to the unification of management, improvement and health of towns of Scotland and Ireland.

Keywords: Scotland, Ireland, urbanization, pauperism, municipal reform, public health, J. Bentham, E. Chadwick, social politics

Victor Apryshchenko*, Doctor of History, Professor, Director of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University; victorapr@sfedu.ru*

Elena Sklyarova, *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History, Rostov State Medical University; affina18@mail.ru*

В. В. Прилуцкий

ИДЕОЛОГИЯ «ГРУПП НЕНАВИСТИ» В США ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ[1]

В статье рассматриваются особенности идеологии «групп ненависти», проявления расизма и расовые проблемы в американской истории. Проведены исследования «групп ненависти» и их роли в политическом процессе США, осуществлен анализ отношений между расами, расистских настроений, причин расовых бунтов. Показано, что сильные противоречия во взаимоотношениях между белыми гражданами, афроамериканцами и латиноамериканцами приводили к массовым беспорядкам и волнениям. В последние годы активизировались Ку-клукс-клан, неоконфедераты, анти-мусульмане, анти-иммигранты, «Христианская Идентичность», неонацисты, белые националисты и патриотическое движение (добровольческая милиция). Среди афроамериканских сепаратистов на лидирующих позициях остается «Нация Ислама». Радикальные организации не смогли достичь существенного влияния на реальную политику, которая опиралась на либеральные ценности, доктрину прав человека и толерантность. Однако курс на расовую интеграцию, осуществляемую властями, оказался недостаточно эффективным.

Ключевые слова: *идеология «групп ненависти» в истории США, политический экстремизм, расизм в США, расовые беспорядки, антиправительственные движения, «Нация Ислама», Ку-клукс-клан*

Возникновение в США в XIX в. многочисленных «групп ненависти», объединяющих преимущественно белых расистов, националистов и супрематистов, и многочисленные конфликты на расовой почве свидетельствуют о серьезных трудностях, с которыми в своей истории сталкивалась страна. В современных Соединенных Штатах действуют более 900 «групп ненависти» и экстремистских организаций[2]. Наиболее сильные радикальные движения – Ку-клукс-клан и неоконфедераты, «Христианская Идентичность», белые националисты, исламисты, черные и латиноамериканские сепаратисты и расисты. Большинство из указанных «групп ненависти» основывают свою идеологию на расизме, национализме и религиозной нетерпимости. Представления о превосходстве одной расы над другими имеют долгую историю. Зачатки расизма (проторасизм, этноцентризм) можно увидеть уже в античности (утверждения Аристотеля об исконном рабстве варваров) и средневековье (испанская доктрина «чистоты крови» в период Реконкисты). Большим толчком к развитию идеологии и практики белого (европейского)

[1] Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6. Проект: «Социальный протест, протестные движения, религиозные, расовые и этнические конфликты в США: история и современные тенденции» (соглашение 075-02-2018-404 от 15.11.2018 г.).

[2] Active hate groups 2016...

расизма стала колонизация других стран и континентов в эпоху Великих географических открытий. В XIX – первой половине XX в. наблюдался расцвет национализма, который нередко смешивался с расизмом, «нация» и «народ» часто отождествлялись с «расой». Видными теоретиками расизма в Европе были Ж.А. де Гобино, Ж.В. де Лапуж, Х. Чемберлен, Г. Гюнтер. Белый расизм нашел практическое воплощение в просуществовавшем почти столетие режиме расовой сегрегации в южных штатах США, в политике апартеида (апартхейда) в ЮАР и в практике геноцида, осуществлявшейся нацистами во времена Третьего Рейха.

В Америке расизм получил идейное обоснование в середине XIX в. в трудах апологетов рабовладения, видевших в «цветных» низшую, интеллектуально неразвитую и зависимую от белых расу, а практическое воплощение – в террористической деятельности Ку-клукс-клана и подобных организаций и групп[3]. Расисты заявляли о своем желании защитить привилегированный статус белых американцев-протестантов, составлявших большинство населения страны, «взять под контроль» и подавить политическую активность освободившихся от рабства афроамериканцев[4]. Нападения на негров происходили в основном с 1865 г. по 1968 г. Впоследствии к списку врагов куклуксклановцев были добавлены коммунисты, социалисты, либералы, нелегальные торговцы алкоголем, католики, евреи, гомосексуалисты, «новые иммигранты» из Южной Европы (прежде всего, из Италии). «Самобытный» американский расизм в XX в. испытал на себе влияние и зарубежных доктрин, в первую очередь, германского нацизма. В США наиболее сильны были расизм белых, черных и латиноамериканцев. Расизм препятствовал интеграции граждан страны в единую нацию. Периодически происходило обострение расовых проблем на фоне постепенного ухудшения условий жизни для некоторых категорий населения. Из-за массовой иммиграции белые граждане боятся превратиться в меньшинство к середине XXI в. Дело в том, что не-испаноязычные белые американцы насчитывают в настоящее время 61-65% населения, латиноамериканцы – до 17,6%, афроамериканцы – 12-13%, азиаты – около 5,6%, люди смешанного происхождения и коренные американцы – более 4%[5].

Белый национализм, супрематизм и расизм представлен множеством групп и организаций, отличающихся идеологическим разнообразием. Старейшей расистской организацией, совершившей наибольшее количество убийств и нападений, является Ку-клукс-клан, основанный в декабре 1865 г. Клан распадался и возрождался несколько раз, пережил серию расколов, был значительно ослаблен инфильтрацией прави-

[3] Gilje 1999. P. 87-108.
[4] Ku Klux Klan…; Jackson 1992; MacLean 1995; Chalmers 2007.
[5] Statistical Abstract… P. 9-16; Статистическая история США... С. 22.

тельственных агентов. Но до сих пор существуют несколько десятков групп кланистов, объединяющих от 5 до 8 тыс. чел. («Имперские Кланы Америки», «Белые Рыцари Ку-клукс-клана», «Рыцари Восточного побережья Истинной Невидимой Империи», «Церковь Национальных Рыцарей Ку-клукс-клана», «Христианские Американские Рыцари Ку-клукс-клана», «Рыцари Ку-клукс-клана Великих озер», «Конфедеративные Белые Рыцари Ку-клукс-Клана» и т.п.)[6].

Близки по идеологии к куклуксклановцам неоконфедераты, ориентированные на историческое наследие Конфедерации и «ценности» южных штатов. Для Америки Гражданская война 1861–1865 гг. стала крупнейшим вооруженным конфликтом по масштабу жертв за всю историю страны. На полях сражений погиб каждый пятый южанин. Они сражались не только за сохранение рабства, но и отстаивали право на создание своего государства, защищали родной штат, свою частную собственность. Южане умело воевали с северянами, в боях понесли меньше потерь. Мужество рядовых конфедератов и военный талант их полководцев пользовались уважением среди многих американцев. После войны в США существовал серьезный раскол между Севером и Югом, но спустя 30 лет были сделаны шаги к полному примирению. В стране стали устанавливаться памятники героям Конфедерации. Сохранившаяся историческая память о Гражданской войне иногда обращается в современную политику. В США консервативная часть общества по-прежнему чтит память предков-южан, хотя и понимает, что те сражались не совсем за правое дело (институт рабства современные американцы поддерживать не могут). Консерваторы защищают памятники генералам, офицерам и солдатам армии Юга. Их оппоненты из числа левых радикалов и леволиберального лагеря уже с 1960–1970-х гг. требуют снести эти мемориалы и запретить флаг рабовладельческой Конфедерации. Неоконфедераты исповедуют ультраконсерватизм, идеи о «превосходстве белых», говорят о возможной в будущем «расовой войне» и даже заявляют о сепаратистских устремлениях. Крупнейшей их современной группой является «Лига Юга», основанная в 1994 г.

Активно сотрудничали с Ку-клукс-кланом неонацисты, белые националисты, различные формирования добровольческих «ополчений» и «патрулей», противники иммиграции и ислама, активизировавшиеся после террористических актов 11 сентября 2001 г., а также немногочисленные группы «Христианской Идентичности», проповедующие расизм в религиозной форме. Организации белых экстремистов составляли 2/3 от общего числа «групп ненависти» в США. Наиболее известны из них «Национальный альянс», «Национальный авангард», «Движение за творчество» («Всемирная Церковь Создателя»), «Американская партия

[6] Wade 1998; McVeigh 2010.

свободы», «Нацистское движение» (бывшая «Американская нацистская партия», основана в 1959 г.), «Совет консервативных граждан», «Американский пограничный патруль», «Общество Джона Берча», «Конституционное ополчение Алабамы», «Гражданское ополчение Аляски», «Техасское ополчение», «Ополчение штата Аризона», «Конституционная партия», «Американская патриотическая партия», «Американские патриоты-трехпроцентники». Для большинства ультраправых группировок характерно стремление вооружаться, проходить военную подготовку (несмотря на желание властей законодательно ограничить подобную деятельность). Ультраправые организации отличает крайне негативное и подозрительное отношение к федеральному правительству, которое якобы стремится ограничить права граждан и вступает в сговор с некими наднациональными, глобалистскими силами.

Белые расисты, а также некоторые правые республиканцы были обеспокоены происходившими процессами («Мы теряем страну, в которой выросли»). Радикальные сдвиги наблюдаются не только в расово-этнической сфере, но и в образе жизни, традициях, культуре и в общественной морали. Известный палеоконсерватор и бывший крайне правый республиканец Патрик Бьюкенен (род. 1938) утверждал, что уже более полувека идет «культурная и социальная революция», изменившая облик Америки. По его мнению, «люди хотят от властей действий, но элита не предпринимает ровным счетом ничего». «Мы хвастаемся тем, что являемся «последней сверхдержавой», однако нам не хватает решимости защищать наши границы и требовать от иммигрантов обязательной ассимиляции в обществе. Возможно, общая любовь к доллару позволит преодолеть культурную пропасть, и в дальнейшем мы будем счастливо жить вместе – как граждане «первой универсальной нации» … Но Дядя Сэм очень и очень рискует, принимая на своей территории диаспору из десятков миллионов человек, принадлежащих к иной, нежели белые американцы, расе. Если мы допустим роковую ошибку, исправить ее уже не удастся – и наши дети ощутят на себе все сомнительные «прелести» балканизации»[7]. Бьюкенену вторил Самюэль Хантингтон (1927–2008), предупреждавший, что США могут превратиться в страну, по которой будет проходить «линия разлома» между цивилизациями. Больше всего его беспокоили миграционные волны латиноамериканцев в юго-западные штаты, которые привели к их «испанизации», распространению испанского языка и испаноязычной культуры. «Мирное вторжение» миллионов мексиканцев через границу является «прямой угрозой» для безопасности, культурной целостности и национальных интересов Америки. Этот вызов «доминирующему англо-протестантскому ядру», исторически сложившейся американской идентичности может привести,

[7] Бьюкенен 2003. С. 178-179.

если не к гражданской войне, то к усилению нелояльности. Так, в случае гипотетического вооруженного конфликта Соединенных Штатов с Китаем в регионе с «преобладающим испаноязычным населением» будет «особенно сильна оппозиция войне». «И жители, и правительства этих (населенных мексиканцами) штатов» заявят, что это «не наша война» и попытаются «устраниться по примеру Новой Англии в войне 1812 г.»[8].

Крайний «белый консерватор» и сторонник «расового реализма» Джаред Тэйлор (род. 1951) является де-факто одним из идеологов современного белого национализма и расизма, принявшего наукообразную форму. Вслед за Бьюкененом он заявил о «полном провале» политики расовой интеграции и политкорректности в США, а также о стихийно начавшейся на местах новой сегрегации. В современной Америке, по его мнению, происходит борьба между четырьмя «расовыми самосознаниями»: черным, латиноамериканским, азиатским и белым. Выход из кризиса Тейлор видит в изменении иммиграционной политики вплоть да запрета иммиграции, поскольку «совершенно неразумно – добавлять еще больше разнородных элементов к населению, уже разделенному разнообразием». Но американские политики «слишком боятся обвинения в расизме, чтобы сделать такой очевидный вывод». «Мы не можем сохранить прежнюю Америку с новыми людьми, ее населяющими». «Демографические силы, которые мы привели в действие, создали крайне нестабильные и потенциально провоцирующие насилие условия. Все расовые группы, кроме белых американцев, растут в численности и имеют четкую самоидентификацию. Только белые лишены расовой принадлежности, постоянно находятся в обороне и даже отступают. У них есть выбор: вновь обрести чувство расовой идентичности и решимость для поддержания своей численности, своих традиций, своего образа жизни – или кануть в Лету»[9].

Несмотря на то, что в 1964 г. Конгрессом был принят Закон о гражданских правах, запретивший расовую дискриминацию, проблемы сохранялись. Напряженность в отношениях между представителями разных рас неизбежно приводила к столкновениям. В новейший период истории США пережили три волны расовых бунтов: 1) первая половина XX в. (1906–1943), 2) 60–70-е гг. XX в. (1962–1973), 3) конец XX – начало XXI в. Крупнейшими расовыми беспорядками в последние десятилетия стал Лос-Анджелесский бунт 29 апреля – 4 мая 1992 г., в ходе которого волнения перекинулись на Сан-Франциско и еще несколько городов. В этих кровавых беспорядках и погромах участвовали черные и латиноамериканцы, затем к ним присоединились выходцы из Азии (корейцы) и белые. Погибли 53 чел., были сожжены тысячи зданий. Волне-

[8] Хантингтон 2016. С. 563.
[9] Тэйлор 2014. С. 392-393, 405.

ния американских негров имели место в апреле 2001 г. в Цинциннати, а в Новом Орлеане в августе 2005 г. во время разрушительного наводнения и в июле 2010 г. в Окленде (Калифорния).

Расовые волнения 2013–2017 гг. в США по некоторым параметрам были сравнимы с событиями 1960-х гг. Можно говорить даже о проявлениях перманентной расовой войны низкой интенсивности, переплетающейся с социально-политическим конфликтом, связанным с личностями и политикой президентов Барака Обамы и Дональда Трампа. Как правило, беспорядки с участием черного меньшинства в американских городах начинались после убийства белыми полицейскими молодого афроамериканца. В таких случаях протестующие полагали, что убийство происходило на расовой почве[10]. Но подобные события являлись скорее поводом для возникновения острого конфликта, а истинные причины волнений лежали глубже – в социальных и экономических проблемах, в неудовлетворенности своим положением представителей афроамериканской общины, уступающим по статусу и уровню доходов не только белым, но и выходцам из Латинской Америки и Азии. Негритянское население так и не смогло за полтора столетия, прошедшие после Гражданской войны, полностью интегрироваться в американское общество и получить равные с белыми возможности. Даже успешное движение за уравнение в гражданских правах под руководством Мартина Лютера Кинга в 1950–1960-е гг. не смогло переломить ситуацию. Бедность, низкий уровень жизни, слабое образование, безработица, криминализация, распад семьи, наркомания, вовлеченность в наркоторговлю и уличный бандитизм являются более серьезными проблемами для черных, чем для других расовых групп страны.

Исторически черный расизм в США, идеи о «превосходстве черных» имеют религиозную окраску и, как правило, опираются на антисемитизм, представления о всемирном еврейском заговоре, что характерно для «черных иудеев-израилитов» и «черных мусульман», с которыми также оказались связаны основанные в 1990-е гг. радикальные политические организации – «Новая партия черных пантер» и «Черные всадники свободы». Движение «черных иудеев» возникло в XIX в., относительно широко распространилось в 1980–1990-е гг. и в настоящее время насчитывает до 200 тыс. приверженцев. «Черные иудеи» раздроблены на множество сект и групп, вероучение которых представляет собой смесь иудаизма, христианства и африканских верований. Христа они считают чернокожим пророком, а американских негров и индейцев – «истинными потомками» двенадцати древних израильских племен. Схожие представления об избранности черной расы и ее торжестве над «белыми голубоглазыми дьяволами» («эдомитами», «исавитами», «по-

[10] Policing and race… P. 1-2, 17-29.

томками Исава») присущи группам исламистской направленности. Среди афроамериканского населения с 1913 г. получило распространение движение «черных мусульман», насчитывающее в настоящее время до 1,7 млн. участников. Негры принимали ислам как в знак протеста против белой христианской цивилизации, которая «угнетала и держала в рабстве черную расу в течение 400 лет», так и в качестве способа возвращения «к корням», к культуре предков, часть из которых были мусульманами. Ислам начал распространяться среди бедных и маргинальных слоев, недовольных своим положением, а также в тюрьмах. Возникло множество афроамериканских групп, течений и сект, которые исповедовали нетрадиционный ислам, смешанный с христианством, оккультными учениями «Нью Эйдж», верой в инопланетные цивилизации и расистскими представлениями о «превосходстве черных». Наиболее известная и влиятельная из подобных организаций «Нация Ислама», возникшая в 1930 г., насчитывает от 20 до 60 тыс. чел., в настоящее время ее возглавляет Луис Фаррахан (род. 1933)[11]. «Нация Ислама» организовала знаменитый протестный «Марш миллиона черных мужчин» на Вашингтон в 1995 г. Учение этой религиозно-политической организации основано на утверждении о том, что «Коран или Библию сотворил изначальный народ, который Аллах, Верховное Существо или Черный Человек Азии». Первочеловек Адам якобы был чернокожим и жил в Азии. Первой и избранной расой были черные, но злой гений-ученый Якуб или Яков создал «дьявольскую» белую расу[12]. По воле Бога в будущем «белая Америка будет беспощадно уничтожена»[13]. Американские негры должны «отделиться» от людей европейского происхождения. Черные сепаратисты выступают за создание в Северной Америке собственной автономии или же образование независимого афроамериканского государства на территории южных штатов и в анклавах на Севере и Среднем Западе, где преобладает негритянское население.

Латиноамериканский расизм менее заметен, чем проявления идеологии и практики «превосходства» или «идентичности» белых и черных, но он получил распространение в США. Члены латиноамериканской диаспоры плохо ассимилируются, пытаются сохранить родную культуру, традиции, религию и продолжают использовать испанский язык в повседневном общении. На бытовом уровне представители «латинской расы», «латинос», «испанцы» встречают неприязненное отношение к себе не только со стороны американцев европейского происхождения, но и негритянской общины[14]. По уровню доходов и социаль-

---

[11] The Nation of Islam Official Website…
[12] Elijah Muhammad 2009. P. 2-6, 9, 52-54; Malcolm X. 2011. P. 23-66.
[13] The divine destruction of America…
[14] Согрин 2015. С. 474-475.

ному положению латиноамериканские иммигранты близки или совпадают с афроамериканцами, составляя вместе с ними основную часть нижнего класса. Латиноамериканцы находятся ниже азиатов, которые успешно конкурируют с белыми гражданами в отдельных сферах.

Мексиканцы и выходцы из других стран Латинской Америки в последние десятилетия заселяют юго-западные штаты, исторически входившие до 1848 г. в состав Мексики. Массовая иммиграция привела к своеобразной «Реконкисте» и потенциальной угрозе сецессии, отделения этих территорий, образования на них «Республики Севера» или «Ацтлана» (легендарная древняя северная прародина ацтеков на «бронзовом континенте») с последующим объединением с Мексикой. Подобные идеи поддерживают латиноамериканские националисты, сепаратисты и ирредентисты из молодежной организации «MEChA» («Движение Ацтлан студентов чикано»), основанной в 1969 г. в Калифорнии. Ее лозунг: «Мы – нация. Мы – союз свободных селений. Мы – Ацтлан. Por La Raza todo. Fuera de La Raza nada» (исп. «Все для расы. Для тех, кто вне расы, – ничего»). На умеренных позициях находится «Национальный совет La Raza» (исп. «Раса», «Люди», иначе «UnidosUS») и другие группы, защищающие права мексиканских легальных и нелегальных иммигрантов, пуэрториканцев и других испаноязычных[15].

Каким образом дальнейшая иммиграция и демографический фактор (высокая рождаемость этнических меньшинств) окажет влияние на будущее развитие страны? В отечественной и зарубежной политологии существует мнение, что эти процессы приведут к углублению раскола между расами, трансформации Америки в страну «третьего мира». Исследователи пишут даже о вероятном распаде США на несколько государственных образований[16]. Но на практике вероятность такого развития событий остается минимальной. В современной Америке расовые конфликты снова заявляют о себе, но американцы стараются учитывать в своей политической деятельности опыт прошлого. Представляется, что раскол со временем будет преодолен. Америка трансформируется в «микрокосмос мира», в котором сохранятся слабо ассимилированные этнические анклавы и большое влияние приобретут не-англосаксонские национальные группы[17]. По всей видимости, в ближайшие десятилетия предстоит наблюдать эволюционный путь развития США на основе мультикультурализма, мультиэтничности и мультирелигиозности, без катастрофических социальных и политических потрясений. К середине XXI в. американское общество окончательно превратится в социум

[15] Muñoz 2013. P. 11-13, 16-18; García 2015. P. 7-10, 58-59; Hidalgo 2016. P. 8-11, 29-73, 138-170.
[16] Уткин 2008; Баталов 2014.
[17] Чертина 2015. С. 220-221.

с большой, если не преобладающей, долей латиноамериканского, афроамериканского и азиатского компонентов.

«Группы ненависти» в истории США, как правило, представлены крайне правыми, националистическими или расистскими организациями и движениями. Феномен «групп ненависти» оказался связан с распространенными в обществе проявлениями расизма, американской индивидуалистической культурой и культом насилия в медиапространстве. Важную роль играло существенное изменение расово-этнического состава населения США. Радикальные движения поддерживали люди излишне подозрительные, верящие в теории заговоров, одержимые иррациональными страхами, склонные к социальным иллюзиям, крайне эгоистичные и конфликтные. Идеология экстремистских групп претерпела эволюцию от постулатов, основанных на крайних проявлениях ненависти, иррациональности, фанатизма, неприязни к инакомыслию, либеральным ценностям, от откровенной пропаганды насилия и призывов к террору в XIX – первой половине XX в. до более «мягких» форм выражения враждебности к иным политическим взглядам и проявления нетолерантности сегодня. Но базовыми принципами «групп ненависти» всегда оставались ксенофобия, радикализм, нетерпимость, неприятие представителей определенной расы, этноса или религии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Баталов Э.Я. Нужна ли Америка миру и американцам? // Ситуационные анализы. Вып. 4: Америка в фокусе российских исследователей: история и современность. М.: МГИМО(У), 2014. С. 185-210 [Batalov EH.YA. Nuzhna li Amerika miru i amerikancam? // Situacionnye analizy. Vyp. 4: Amerika v fokuse rossijskih issledovatelej: istoriya i sovremennost' / Pod red. T.A. Shakleinoj. Moscow: MGIMO(U), 2014. P. 185-210]

Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М. – СПб: АСТ – Terra Fantastica, 2003. 444 с. [Buchanan P.J. The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization. Moscow-Saint-Petersburg: AST; Terra Fantastica, 2003. 444 p.]

Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015. 592 с. [Sogrin V.V. SSHA v XX–XXI vekah. Liberalizm. Demokratiya. Imperiya. Moscow: Ves' mir. 592 p.]

Статистическая история США XVII–XXI вв. / Отв. ред. В.В. Согрин. М.: ИВИ РАН, 2012. 234 с. [Statisticheskaya istoriya SSHA XVII–XXI vv. / Otv. red. V.V. Sogrin. M.: IVI RAN, 2012. 234 p.]

Тэйлор Дж. Белое самосознание: Расовая идентичность в XXI веке. М.: Икс-Хистори; Кучково поле, 2014. 496 с. [Taylor J. White Identity: Racial Consciousness in the XXI-st Century. Moscow: Iks-Histori; Kuchkovo pole, 2014. 496 p.]

Уткин А.И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ, 2008. 761 с. [Utkin A.I. Pod"em i padenie Zapada. Moscow: AST, 2008. 761 p.]

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. 640 с. [Huntington S. 2016. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Moscow: AST, 2016. 640 p.]

Чертина З.С. Иммиграционное законодательство 1965 года – новый вектор развития американской национальной идентичности // Вехи американской истории. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 205-220 [Chertina Z.S. Immigracionnoe zakonodatel'stvo 1965 goda – novyj vektor razvitiya amerikanskoj nacional'noj identichnosti // Vekhi amerikanskoj istorii. Moscow.: IVI RAN, 2015. P. 205-220].

Active hate groups 2016. URL: https://www.splcenter.org/fighting-hate/intelligence-report/2017/active-hate-groups-2016

Chalmers D.M. Hooded Americanism: The History of the Ku Klux Klan. Durham, N.C.: Duke Univ. Press, 2007. 477 p.
Elijah Muhammad. Message to the Blackman in America. Phoenix, AZ: Secretarius MEMPS Publications (1-st edition – 1965), 2009. 355 p.
García M.T. The Chicano Generation: Testimonios of the Movement. Oakland, California: Univ. of California Press, 2015. 352 p.
Gilje P.A. Rioting in America. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1999. 240 p.
Hidalgo J.M. Revelation in Aztlán: Scriptures, Utopias, and the Chicano Movement. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 314 p.
Jackson K.T. 1992. The Ku Klux Klan in the City, 1915-1930. Chicago: I.R. Dee (1-st edition – 1967). 326 p.
Ku Klux Klan. Its Origin, Growth and Disbandment / Edited by J.C. Lester, D.L. Wilson, W.L. Fleming. N.Y.- Wash.: Neale Pub. Co., 1905. 195 p.
MacLean N. Behind the Mask of Chivalry: The Making of the Second Ku Klux Klan. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1905. 292 p.
Malcolm X. The End of White World Supremacy: Four Speeches. N.Y.: Arcade Publishing, 2011. 148 p.
McVeigh R. The Rise of the Ku Klux Klan: Right-Wing Movements and National Politics. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 2010. 244 p.
Muñoz C., Jr. The Chicano Movement. Mexican American History and the Struggle for Equality. N.Y.: Rosa Luxemburg Stiftung, 2013. 24 p.
Policing and race in America: economic, political, and social dynamics / Edited by J.D. Ward. 2018. Lanham: Lexington Books. 334 p.
Statistical Abstract of the United States, 2010. Wash.: U.S. Census Bureau, 2010. 985 p.
The divine destruction of America: Can she avert it? (1996). By the Honorable Minister Louis Farrakhan. 2017. The Final Call. 12.09. URL: http://www.finalcall.com/artman/publish/Minister_Louis_Farrakhan_9/article_7595.shtml
The Nation of Islam Official Website. URL: https://www.noi.org
Wade W.C. The Fiery Cross: The Ku Klux Klan in America. N.Y. Oxford: OUP, 1998. 526 p.

Прилуцкий Виталий Викторович, *доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского; vitaliypr@yandex.ru*

The ideology of «hate groups» in the United States: history and current trends

The article examines the features of the ideology of «hate groups», manifestations of racism and racial problems in American history. Studies have been conducted on «hate groups» and their role in the American political process, the analysis of relations between races, racist attitudes, the causes of racial riots. It is shown that the strongest contradictions were observed in the relations between white citizens, African Americans and Latin Americans, which led to mass riots and unrest. In recent years the Ku Klux Klan, neo-Confederates, anti-Muslims, anti-immigrants, «Christian Identity», neo-Nazis, white nationalists and the Patriotic movement (volunteer militia) have become more active. Among the African-American separatists the «Nation of Islam» remains at the forefront. Radical organizations have not been able to make a significant impact on real policies which based on liberal values, human rights doctrine and tolerance. However, the course towards the racial integration which is carried out by the authorities was insufficiently effective.

Keywords: the ideology of «hate groups», political extremism, racism in the United States, race riots, anti-government movement, the Nation of Islam, Ku Klux Klan

Vitaliy V. Prilutskiy, *Dr.Sc. (History), Docent of the Department of General History, International Relations and International Law, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky; vitaliypr@yandex.ru*

С. А. Еремеева

“РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА В ОТЕЛЕ” И “ДОКУМЕНТ ЖИЗНИ” ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НЕКРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Статья продолжает анализ подходов к изучению некрологов в современной гуманитаристике[1]. Предметом интереса в данном случае являются *postcolonial studies* и *memory studies*. И тот, и другой подход к исследованию такой культурной практики как некрологи оказываются неизбежно связанными с кросс-культурной проблематикой. При этом становится очевидной корреляция между исследовательскими подходами и национальной поминальной практикой.

***Ключевые слова*:** *некролог, постколониальные исследования, коллективная память*

Попытки написать историю некрологов Нового времени стали появляться лишь недавно. Особых расхождений в хронологии событий нет.

Протестантский пастор Ханс Мадер[2] пишет, что первые объявления о смерти появились как деловые новости в экономической части газет и были обращены к партнерам, клиентам и кредиторам. Старейшее немецкоязычное объявление (январь 1753 г.) было опубликовано в “Ulmer Intelligenzblatt” в рубрике «Смесь новостей». Объявления о смерти широко распространились лишь после 1800 г., в течение всего следующего века демократизируясь и меняя свою экономическую природу на социальную. Традиционные христианские представления, поддерживаемые церковью, сопротивлялись подобной практике, считалось, что доверять газетам факты личной жизни непристойно. О регулярном появлении объявлений о смерти в печати можно говорить с 1830–1840-х гг.

Для Бриджит Фаулер[3] этот жанр восходит к британским изданиям XVIII в., состоявшим из коротких биографий умерших достойных людей, а первые некрологи в периодической печати появились в 1731 г. в лондонском “The Gentleman’s Magazine”, где редактор Джон Николс в 1778 г. «утвердил стандарт некрологов для современности». Мирские некрологи стали «первой попыткой биографии», и не случайно их появление совпало с появлением кофеен и новой читающей публики. Пресса постепенно трансформировала культуру поминания. “The Gentleman’s Magazine” в 1785 г. передал эстафету “The Daily Universal Register”. К 1835 г. эта газета, сменившая называние на “The Times”, предоставляла свои страницы многочисленным бесплатным поминаниям, сфокусированным на публичной жизни частного человека. В течение 1879 года

[1] См.: Еремеева 2019.
[2] Es ist echt zu bitter… 1990. S. 18, 34.
[3] Fowler 2007. P. 4-10.

было напечатано 515 некрологов, однако вплоть до XX в. они представляли лишь высшую буржуазию и низшую аристократию.

Принципиальные изменения случились уже ближе к концу XX в.: авторские некрологи (“The Independent”, основанная в 1985 г.) в отличие от преобладавших прежних анонимных и новый стиль – неформальный и непосредственный – своеобразное «замогильное веселье» (“The Daily Telegraph”, 1980-е). Власть традиционного некролога была поколеблена, произошла, по словам Фаулер, символическая революция: «некрологи вышли из тесного универсума истеблишмента “The Times” в открытый космос “The Independent”». Меняется список поминаемых, появляются новые практики (например, в Америке у знаменитостей берут специальные интервью, которые публикуют только посмертно). Однако, похоже, это не столько демократизация, сколько свидетельство новой сегментации общества.

Томас Лакер[4] упоминает как первую дату появления англоязычного объявления о смерти 1738 год, и называет характерной чертой нового жанра обращение именно к общественным заслугам покойного. Он считает, что практика вырастает из религиозной традиции поминания у протестантов (опубликованные похоронные проповеди), а также сборников примеров правильной смерти и жизни XVIII века, и развивается в XIX в. в значительной степени в квазирелигиозных объединениях (Odd Fellows, к примеру). Периодика, где появлялись некрологи, как он утверждает, могла быть и светской, и религиозной. К XX веку все чаще героями некрологов становились обычные люди (представители рабочего и нижнего сегмента среднего класса). Найджел Старк[5] описывает примерно тот же вариант событий, хотя возводит генезис современного некролога к XVII в., когда в Лондоне в 1620-х гг., за полвека до изобретения самого слова газета, начали печататься *coranto* (отдельные листки журнала, напечатанные с двух сторон листа). 2 июля 1622 года там был опубликован рассказ о жизни и смерти павшего в битве с португальцами капитана Эндрю Шиллинга из Ост-Индской компании.

Вопрос о том, что вызвало к жизни такую форму поминания умерших понятен, вопрос о том, что поддерживает эту культурную практику сегодня, становится предметом специальных исследований.

Постколониальные исследования

Первые работы, свидетельствующие об интересе к некрологу вне западной культуры, появились в Нигерии в 1990-е гг.[6] Лингвист и социолог Отвигбо сравнивал некрологи в нигерийских газетах с газетными некрологами Англии, Германии и Индии. Для него некрологи (объ-

[4] Laqueur 2015. P. 405-408.
[5] Starck 2006. P. 1-2.
[6] Nwoye 1992; Nwoye 1993.

явления о смерти: «извещения о смерти существуют в печатном виде, в частности, в газетах и журналах, /они/ относительно короткие: как правило, состоят всего из нескольких строк»[7]) были одним из возможных источников кросс-культурных исследований. По Нвое, текст объявления о смерти подобен регистрационной карточке в отеле или квитанции о возврате подоходного налога, где личными данными нужно заполнить только пропуски в тексте матрицы. У Нвое долго не было последователей, что не помешало ему стать классиком и упоминаться теперь в библиографии каждой работы исследователей из Африки.

В 2007 г. в Нигерии была написана диссертация (PhD), основанная на газетных некрологах и ориентированная на семиотический подход[8]. Исследовательница анализировала те же структурные части объявлений о смерти (общий корпус 525 объявлений 2000–2003 гг. из 4 нигерийских газет), что и европейские социолингвисты: заголовок, преамбула, обстоятельства смерти, место, информация об умершем, фотография, статусы (социальный, религиозный, академический), пол, возраст, должность; устройство и место похорон (для христиан, мусульман и приверженцев традиционной религии), сопровождение. Однако ее внимание было сконцентрировано не на связи языка и социума, а на самом феномене коммуникации. Лингивистического (денотативного) и структурного (коннотативного) анализа, с точки зрения достижения социальной коммуникации, по мнению исследовательницы, недостаточно. Только понимание контекста ситуации, статуса и расстановки действующих лиц позволяет интерпретировать объявления о смерти как особые тексты, представляющие взгляд на жизнь, смерть и умирание, за которыми могут быть прочитаны социокультурные коды традиции, табу, верований, религии и других подобных практик.

Семиотический подход оказался для исследователей некрологов маргинальным. Однако сами исследования в третьем мире в последнее десятилетие расцвели. Они проводятся социолингвистами (хотя некролог понимается часто как коммуникативное, а не только речевое событие), опираются на разработанную методологию и, с некоторыми вариациями, один круг ссылок (Fernández, Fries, Nwoye, Eid), обязательно тем или иным способом соотносится (особенно если они публикуются на английском языке в неанглоязычных странах) с аутентичными английскими образцами – и, преднамеренно или случайно, входят в круг кросскультурных исследований. Такие исследования проведены, на-пример, в Иордании, Гане, в Кении, в Иране, в Пакистане (малазийскими исследователями), в Шри Ланке[9]. Стратегии этих исследований лингвистиче-

[7] Nwoye 1992. P.18.
[8] Igene 2007.
[9] Al-Khatib, Salem 2011; Afful 2012; Ondimua 2014; Jalilifar, Varnaseri, Saidianc, Khazaied 2014; Chaudhry, Christopher, Hariharan, Krishnasamy 2014; Herat 2014.

ские, задачи культурно-антропологические. Алгоритм работы известен: некрологи (речь, как правило, идет о корпусах из сотен текстов: Иордания – 300, Гана – 636, Кения – 356, Пакистан – 601, Шри Ланка – больше 1300) проверяются на наличие-отсутствие структурных частей (последовательность «ходов»), затем считаются проценты и делаются выводы о важности тех или иных стоящих за этим представлений; после чего проценты (указывающие на значимость тех или иных структурных частей) сравниваются по местной и британской группе и различия интерпретируются как разность культур. Выясняется, что местный материал трансформирует структуру и язык. Сама возможность представления своей культуры на чужом (английском) языке оказывается значимой, заимствованная практика некрологов работает как медиум в социальном и лингвистическом пространстве. Выводы, как правило, оказываются связаны с констатацией самобытности местной культуры[10].

Если первые исследователи говорили когда-то о минимальности информации в некрологах, то на сегодняшний день те же тексты представляются источниками больших возможностей. Сегодня утверждение о том, что некролог больше, чем информация о смерти конкретного лица, – уже общее место. Перечень тех сведений, которые можно из него извлечь, становится все длиннее, а методы работы с поминальными текстами – все изощреннее. Причем если принять во внимание предложенное Фернандесом разделение на информативные и опинативные некрологи, то, несмотря на количественное преобладание исследований некрологов первого типа, все чаще проявляется интерес к некрологам, выражающим личное мнение (опинативным) – зачастую это означает переход от объявлений о смерти к полноценным пространным некрологам. Так, группа авторов из Ирана[11], кроме исследования чисто лингвистических проблем, ставит вопрос о том, как реализуются межличностные связи внутри определенного социума. Пересечение культурных и языковых стратегий и выбор дискурсивных авторитетов (Коран, персидская поэзия, имам, обещавший всем помочь после смерти или кодекс свободной личности), порождающих текст, имеет не только социальный (общий), но и личностный (индивидуальный) аспект. На стыке культурных и социальных влияний рождаются новые смыслы.

Этот корпус исследовательских текстов все больше осознается как целостный текст, что видно по ссылкам авторов друг на друга. Идет по-

---

[10] Интересно, при этом, что те черты самобытности, которые бросаются в глаза из культуры европейской (например, взаимозаменяемость, едва ли не конвертируемость Корана и Библии в арабском мире или социальные предписания по цвету траурной одежды в Гане), местными исследователями упоминаются походя, поскольку никак не соотносятся с разработанной на европейских примерах матрицей исследования, т.е. главное – показать особость, а уж ее исследование – дело другого раза.

[11] Jalilifar et al. 2014.

стоянно движение вглубь – выводы уточняются и наращиваются. Весьма показательна в этом отношении недавняя работа по некрологам Шри Ланки (выполнена исследовательницей из Шри Ланки, работающей в британском университете). Начав с апробации на местном материале уже известных методов, автор задается новой целью: раскрыть, как репрезентация умершего через демонстрацию желательных социальных и культурных ценностей ведет к манипулированию личной, социальной, религиозной и культурной идентичностью (как покойного, так и окружающих). Даже информативные (по Фернандесу) некрологи, оказывается, вряд ли можно при этом назвать объективными.

Последние исследования говорят о своей культуре уже не только относительно британского образца, но фиксируют характерные черты изнутри этой самой культуры. Например, Херат пишет: «В то время как буддистские ритуалы направлены скорее на благополучие усопших, ритуалы христиан и мусульман больше предназначены для оставшихся»[12]. Практика англоязычных некрологов в неанглоязычных странах становится общим языком, на котором можно сформулировать и, следовательно, сравнить представления о смерти в разных культурах. Сравнение с результатами Фернандеса (по наличию и частотности концептуальных метафор смерти) дают не только иную общую картину представлений о смерти на Шри Ланке, но и разное распределение у буддистов и у христиан. Имплицитно присутствовавшая в последних исследованиях мысль, что некрологи – текст не столько о мертвых, сколько о живых, эксплицируется, как в смысле коллективных представлений, так и на личностном уровне, представленном фигурой пишущего. «Возможность некрологов посредничать между выражением идентичности и в то же время обеспечивать комфорт, основана на факте, что тексты часто пишутся другими людьми нежели сам умерший (обычно членом семьи)»[13].

Недавнее южнокорейское исследование[14] построено по совершенно новому принципу – это сравнительный анализ коммеморативного дискурса медиа Южной Кореи, членов семей и общества в отношении 46 моряков, погибших в 2010 г. в результате торпедной атаки Северной Кореи. Складывается объемная картина взаимодополняемых дискурсов различных социальных групп, не только иллюстрирующая, но и аргументирующая разность с европейским миром.

Исследование коллективной памяти (memory studies)

Еще один подход к некрологам фокусируется на коллективной памяти. На эту проблематику периодически выходят исследователи медиа, но у них она не проблематизируется, а, скорее, декларируется. Сюда же

---

[12] Herat 2014. P. 121.
[13] Ibidem.
[14] Lee, Shim, Yoo 2014.

можно отнести исследования, связанные с аксиологией. Специально же посвящены коллективной памяти работы английской исследовательницы Бриджит Фаулер[15], определяющей себя как последовательницу Бурдье. Несмотря на почти полувековую традицию исследований некрологов, она называет это поле «академически девственной территорией» (что с точки зрения memory studies верно), и ставит своей задачей – разметить ее, правда, тут же оговаривает: поле быстро меняется (номенклатура героев, акценты описания), и потому исследования устаревают (они касаются уже истории, а не социологии). «Революция в некрологах» (во всяком случае, в Англии и Америке), по утверждению анонимных редакторов некрологов, к которыми постоянно апеллирует Фаулер, произошла после 1970-х, когда не осталось непоминаемых (исключенных) социальных групп. Фаулер доказывает обратное: общественное поминание по-прежнему ориентировано на доминантный ценностный дискурс (элитарные группы, евроцентричность, мускулинность). Однако уже это заставляет усомниться в ее собственном утверждении, что изменения в этой области происходят быстро и однозначно.

Б. Фаулер, пожалуй, единственный исследователь, кто последовательно и обоснованно применяет понятие коллективной памяти к анализу некрологов, опираясь на работы М. Хальбвакса, В. Беньямина, П. Нора, П. Рикера. По ее мнению, некрологи являются не только формой коллективной памяти, но могут быть отнесены к «местам памяти». Сегодня некрологи резюмируют прошлое, не просто углубляясь в подробности того, кто есть кто, но – в большей степени – через воспоминание об уникальном опыте субъекта, собранном через тех, кто составлял его сообщество. Они отражают одновременно индивидуальную и конкретную, действительно непредсказуемую жизнь и представляют определенный взгляд на прошлое. Некрологи дают возможность переисследования прошлого через привлечение взгляда Другого, при этом они могут работать как на воспоминание, так и на забвение – не через фальсификацию, а через замалчивание и интерпретацию фактов. «Я бы сказала, в отношении некрологов, что смерть тех, кого мы знаем, кристаллизует индивидуальные образы памяти в их настоящем, структурирует через групповые рамки (собственно – сами некрологи есть эта процедура)»[16]. Но на этом работа коллективной памяти не заканчивается: процесс воспоминания только запускается таким образом и через обратную связь формируется «контур публичных исторических оценок». Некролог оказывается формой свидетельствования. В современном мире, где возможен конфликт точек зрения, некролог представляет активный ресурс для формирования и демистификации коллективной памяти (Рикер).

---

[15] Fowler 2004; 2005; 2007; Fowler, Bielsa 2007.
[16] Fowler 2007. P. 28.

Книга Фаулер посвящена памяти П. Бурдье, у которого понятие коллективной памяти никогда не встречалось. Но, по мнению автора, оно внутренне родственно изучению некрологов, если исходить из цельной теории практик, направленных на вопросы социальной репродукции, доминирования, длительности и времени. Бурдье представлен и как читатель, и как писатель некрологов. Исходя из этой двойной оптики, он превратил некрологи в предмет исследования (эмпирический материал, кейс). Фаулер утверждает, что основные теоретические подходы и концепты анализа некрологов обозначены логикой Бурдье относительно самой практики, структурированности отношения к смерти и понятием коллективной памяти. Сегодня некрологи не предлагают теодицею – обоснование Бога, но они обеспечивают «социодицею» – обоснование общества. «Все проявления социального признания, которые составляют символический капитал, все формы воспринимаемого бытия, которые составляют социальное бытие, т.е. “известность”, “зримость”, славу, восхищение, привлекательность, любимость и т.д., также многие проявления благодати (харизмы), которые охраняют их, связаны с несчастием существования без оправдания»[17].

Бурдье дал «тройственную формулу» (капитал+поле+хабитус), определившую направление интеллектуального препарирования некрологических текстов. В ее кажущейся конкретности скрывается опасность вульгаризации, то, что Фаулер называет «незаконным присвоением Бурдье». Анализ Бурдье (по Фаулер – «реалистический конструктивизм») предполагает учет многих оговорок и условий действия конкретных инструментов. Человек не заложник хабитуса, хотя это долговременная и стойкая структура. Хабитус – не конкретное, обусловленное правилами действие, а порождающая матрица, которая может сработать и по предписанному сценарию, а может породить новый сценарий действий на индивидуальном уровне.

Относительная автономия индивидуума реализуется в цельном поле культурного производства. Это не поле исключительно единства и не поле исключительно борьбы, это поле общей работы. Для Бурдье более интересны некрологи, связанные со «временем вечности» (время потомства), чем те, что посвящены фигурам власти и связаны с рикеровским «монументальным» и «официальным временем». Смерть и жизнь отдельного (любого) человека есть свидетельство – это то, о чем можно говорить, через что говорит время, общество и культура. В некрологах потенциально заключена возможность на мгновенье приоткрыть герметичный космос фрагментарного профессионального и экономического существования человека модерности и, следовательно, противостоять отчуждающей тенденции.

---

[17] Bourdieu 2000. P. 241. Цит. по: Fowler 2007. P. 59.

Как уверяет Фаулер, при использовании концепта коллективной памяти «анализ некрологов как нового источника документов жизни может наглядно показать, как материя индивидуальной биографии может быть интегрирована в историю»[18]. Масштабный анализ некрологов дает современную картину формирования новой элиты, с одной стороны, и представляет конструкции стоящих за ней ценностей, с другой. Сейчас происходит переформирование социального поля, и Фаулер интересен этот мучительный процесс смены, процесс пересмотра границ и правил паблик-сферы. Фаулер показывает динамические связи между коллективным и приватным на примере некрологов, связывая измерение памяти с социальным измерением. Она проверяет, как работает коллективная память (кого мы соглашаемся поминать), и тут же демонстрирует, как участвуют некрологи в решении социальных задач (установление границ и правил нового рая и ада). Она все время показывает сочетание личного и социального на уровне отдельного человека. Некрологи представляют богатый пласт нарративов индивидуальностей, но также – и даже больше – это объективированные и проницательные способы социальной репрезентации, больше того – анализ некрологов разоблачает зависимость личной автономии от коллективных измышлений.

«В смерти мы – посреди жизни»

Казалось бы, уже столь развитая англоязычная практика должна оказать влияние на исследования в других странах. Но тут мы сталкиваемся еще с одной отличительной чертой этого типа текстов – исследования некрологов оказываются настолько тесно связаны с их предметом, что разные традиции поминания предполагают разные традиции понимания, и, следовательно, разные традиции изучения[19].

Попытка сравнения траурной культуры на материале некрологических текстов была представлена со стороны англоязычной традиции в статье «Насколько приватна смерть?». Сравнивая некрологи в Австралии (по мнению некоторых исследователей, по типу некролога занимающей промежуточное положение между США и Англией) и Германии[20], авторы (безосновательно) утверждают, что мир, говорящий по-английски, имеет хорошо устоявшуюся практику некрологов в несколько сотен лет, а Германия – нет. Аргументами служит то, что 1) англоязычные газеты имеют постоянную секцию некрологов, а в Германии

[18] Fowler 2007. P. 180.

[19] В этом смысле показателен пример исследования объявлений о смерти в газетах Северной Европы (Naumann A.-S. The Image of Obituaries in Some Nordic Morning Papers), выполненный в Jönköping University. Исследовательница пытается использовать выработанный в англоязычной традиции инструментарий к некрологическим текстам, которые, судя по описанию, принадлежат к традиции немецкоязычной. Результаты (в смысле какого бы то ни было нового знания) оказываются минимальны.

[20] Josephi, Müller, Friske 2006.

они появляются по случаю на разных полосах изданий; 2) в германских учебниках журналистики нет соответствующих разделов; 3) оплаченные некрологи близких занимают гораздо больше места в немецких газетах, чем некрологи знаменитых людей. То есть немецкоязычные некрологи были замечены в англоязычном мире и… вызвали недоумение. Разность культур опозналась как разность медиа.

Не пытаясь рассмотреть этот вопрос на уровне различия культурных практик, авторы ищут причину различий в законодательстве, касающемся медиа. Они отмечают, что в Австралии иск о клевете могут подавать только живые, а значит «смерть дает свободу писать о человеке то, что нельзя было сказать, когда он или она были живы»[21]. Законодательство же Германии о клевете в отношении мертвых прописано строже, их права расширены на семью, которая и определяет содержание поминания. Рассматривая разницу на конкретных примерах, авторы задаются вопросом, почему реакция на смерть солдат в Афганистане или Ираке в этих двух странах была такой различной? В Австралии на следующий день становились известны имена погибших, публиковались фотографии и подробности их жизни. В Германии же обстоятельства смерти становились известны, но имена не оглашались (официальный запрет), они не становилось публичными, оставались в круге приватного. Авторы объясняют это вариациями чувствительности аудитории (несмотря на принадлежность СМИ к одной западной традиции медиа).

Подробнее описать эту разницу помогают некрологи жертв террористических атак и национальных катастроф: в статье анализируются реакции газет разных стран на гибель соотечественников в террористических актах на Бали в 2002 г. (австралийские издания), взрыве на тунисском острове Джерба в 2002 г. и при крушении Конкордии в Париже в 2000 г. (германские издания). Исследование инспирировано чтением Джанис Юм и ее мыслями о том, что «систематичное исследование некрологов дало действенный инструмент для изучения ценностей времени», не прямое и ясное отражение общества, а небольшое окно, «через которое видны и лучше понимаются социальные ценности».

Эти ценности и «вытаскиваются» из англоязычных некрологов. Поскольку та же методика на германских некрологах не работает, авторы отказывают им в принадлежности традиции и сомневаются в их правильности представлений о мире. Причины «неправильности» немецких некрологов они находят во внешнем ограничении, заданном конвенцией немецких журналистов Press Council Codes (внутренний саморегулятор прессы, задающий этический стандарт и границы возможностей вторжения в личную жизнь людей). Отчасти, правда, признается, что сам этот свод – отражение немецких представлений о приватной сфере,

[21] Ibid. P. 32.

включающих в себя склонность к защите приватного от публичного (т.е. все-таки это описание внутренних норм культуры). Однако в конце концов «виновными» оказываются законы. «Это исследование проливает свет на роль медиа-законов в журналистике разных стран, которые касаются некрологов так же, как и любых других сообщений»[22]. Немецкие некрологические тексты исследователям не даются: они неэмоциональные, очень общие и сдержанные, разбросаны по локальным изданиям и к ним трудно применять количественные методы; к тому же сфокусированы на событии, а не на жертвах. Так интересно начинавшееся сравнение заканчивается банальностью: австралийцы оказались открытыми, немцы закрытыми, не доверяющими людям, да еще и кодифицирующими свое право на отдельность.

Такой опыт может служить предупреждением о применимости описанных методов в целом к российскому материалу. Но многие аналитические ходы вполне воспроизводимы и могут быть плодотворны и в отношении текстов на русском языке.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Еремеева С.А. “Окно в культуру” и “зеркало социума”: подходы к изучению некрологических текстов // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 129-145 [Eremeeva S.A. “Okno v kul'turu” i “zerkalo sociuma”: podhody k izucheniyu nekrologicheskih tekstov // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 67. S. 129-145].

Afful J.B.A. A Genre Analysis of Death Announcements in Ghanaian Newspapers // Language, Discourse & Society. 2012. Vol. 1. № 2. P.118-137.

Al-Khatib M.A., Salem Z. Obituary Announcements in Jordanian and British Newspapers: a Cross-cultural Overview // Acta Linguistica. 2011. Vol. 5. №2. P. 80-97.

Chaudhry S.M., Christopher A.A., Hariharan A.L., Krishnasamy N. Gender Discrimination in Death Reportage: Reconnoitering Disparities through a Comparative Analysis of Male and Female Paid Obituaries of Pakistani English Newspapers // Advances in Language and Literary Studies. 2014. Vol. 5. №. 2. P. 29-34.

Es ist echt zu bitter: Todesanzeigen / ges. und kommentiert von Mader H. // Hamburg: Germa-Press. 1990. 142 s

Fowler B. Collective Memory and Forgetting: Components for a Study of Obituaries //Theory, Culture & Society. 2005. Vol. 22. № 6. P. 53–72.

Fowler B. Mapping the Obituary: Towards a Bourdieusian Interpretation. // The Sociological Review. 2004. Vol. 52. № 2. P. 148–171.

Fowler B. The Obituary as Collective Memory. N.Y.: Routledge. 2007. 312 p.

Fowler B., Bielsa E. The Lives We Chose to Remember: a Quantitative Analysis of Newspaper Obituaries // The Sociological Review. 2007. Vol. 55. № 2. P. 203–226.

Herat M. Avoiding the Reaper: Notions of Death in Sri Lankan Obituaries // International Journal of Language Studies. 2014. Volume 8. №3. P. 117-144.

Igene S.O. A Semiotic Study of Nigerian Newspaper Obituaries Announcements. A PhD Thesis University of Benin. Benin. 2007. URL: https://ru.scribd.com/document/142762953/7

Jalilifar A.R., Varnaseri M., Saidianc S., Khazaied S. An Investigation into the Genre Features of Funeral Announcements: People’s View in Social Communications in Focus // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2014. № 98. P. 747–756.

Josephi B., Müller C., Friske H.-J. How Private a Death? Obituaries in Australia and Germany // Hungarian Journal of English and American Studies. 2006. Vol. 12. № 1/2. P. 31-45.

[22] Ibid. P. 41.

Laqueur T.W. The Work of the Dead: a Cultural History of Mortal Remains. Princeton and Oxford: Princeton university press. 2015. 710 p.
Lee W.S., Shim J.C., Yoo J. Reflecting Absence: Representing the Extraordinary Deaths of Ordinary Sailors in the Media. // Journal of Loss and Trauma: International Perspectives on Stress & Coping. 2014. 19(5). P. 416-425.
Naumann A.-S. The Image of Obituaries in Some Nordic Morning Papers. Jönköping University. URL: www.yasni.com/sophie+naumann/check+people
Nwoye O. Obituary Announcements as Communicative Events in Nigeria English // World Englishes. 1992. №11. P.15-27.
Nwoye O. The Information Load of Nigerian Death Notices // Archive Oriental. 1993. № 61. P. 195-205.
Ondimua J. A Socio-Cultural Understanding of Death: A Genre Analysis of Obituaries in a Kenyan Newspaper // Language Matters: Studies in the Languages of Africa. 2014. Vol. 45. № 1. P. 3-22.
Starck N. Life After Death: The Art of the Obituary. Carlton: Melbourne University Publishing. 2006. 256 p.

Еремеева Светлана Анатольевна, *кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации, Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; u5020@yandex.ru*

A “Hotel Registration card” and a “life document”: approaches to the studies of obituaries

There is the continuation of an analysis of approaches to obituaries study in modern humanitaristics (initiated by the article «"A Window into Culture" and "a Mirror of Society": approaches to obituary studies»). The attention, in this case, focuses on research in the field of postcolonial studies and memory studies. Both approaches to the study of such cultural practices as obituaries are inevitably connected with cross-cultural issues. At the same time, it became evident that there is an obvious correlation between research methods and national bereavement practice.

Keywords: obituary, postcolonial studies, collective memory

Svetlana Eremeeva, *Candidate of Culturology (PhD), Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Social Communications, School of Advanced Studies in the Humanities, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; u5020@yandex.ru*

ИСТОРИЯ – ПАМЯТЬ – ИДЕНТИЧНОСТЬ

А. Г. Васильев

“ГАБСБУРГСКИЕ РАМКИ” ПОЛЬСКОЙ ПАМЯТИ В АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА[1]

Целью статьи является анализ динамики польской национальной памяти в контексте Австро-Венгерской империи второй половины XIX - начала XX вв. на базе концепта «рамок памяти» М. Хальбвакса. Основной тезис заключается в том, что польская национальная память формировалась в диалоге традиционной рамки памяти исторической Речи Посполитой и габсбургской рамки памяти Австро-Венгерской монархии. Показано, что в этой период польская история была интерпретирована многими авторами заново, с целью поиска общих, польско-габсбургских, «мест памяти».

Ключевые слова: *культурная (коллективная) память, «рамки памяти», историография, политика памяти, Габсбурги, Австро-Венгерская империя, разделы Польши, федерализм, Оскар Халецкий, Люблинская уния*

Большинство работ, посвященных изучению динамики польской коллективной памяти периода разделов, сосредоточено преимущественно на активности польских интеллектуалов и их взаимодействии с более или менее неблагоприятной для их деятельности средой, создаваемой политикой государств-участников разделов на захваченных территориях бывшей Речи Посполитой. «…Интеллектуалам и элитам, – писал об этом Энтони Смит, – необходимо было рассказать польские воспоминания, символы, мифы… тем самым пробудив и усилив народные этнорелигиозные чувства миллионов поляков и таким образом реконструировав и по-новому истолковав польское культурное наследие применительно к современным условиям»[2]. При этом по умолчанию предполагается, что историческая Речь Посполитая двух народов Польши и Литвы выступает “трансцедентальной” рамкой их проектов национальной памяти, задающей ракурс рассмотрения современных вопросов. Между тем, следует учитывать и то, что ко времени, когда вопрос государственной независимости Польши в ходе Первой мировой войны вновь вошел

[1] Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 19-01-027, «Польская историография эпохи разделов: культурная память и формирование национальной идентичности») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2019-2020 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов РФ «5-100». Автор выражает признательность профессору Педагогического университета имени Комиссии национального образования в Кракове Мариушу Волосу, беседы с которым способствовали выработке теоретического ракурса данного исследования.

[2] Смит 2004. С. 244.

в повестку дня мировой политики, польское историческое сознание, проекты национальной памяти и идентичности уже более века формировались и существовали в рамках Российской империи, Пруссии (Германской империи) и Габсбургской монархии (Австро-Венгерской империи). Для осмысления возникавших при этом эффектов имеет смысл обратиться к концепции «рамок памяти» Мориса Хальбвакса с тем, чтобы рассмотреть процессы взаимодействия памяти давней Речи Посполитой и государств, в состав которых вошли ее земли.

В качестве источников исследования нами были привлечены несколько мало известных и не введенных до сих пор в научный оборот текстов историко-публицистического характера польских интеллектуалов «второго ряда», а также некоторые ранние работы Оскара Халецкого, редко привлекающие внимание исследователей творчества этого известного историка. Использование источников такого рода позволяет понять процессы, происходящие в коллективной памяти, гораздо лучше, чем в случае привлечения классических текстов выдающихся авторов.

«Рамки памяти» и «мнемонические означающие»

Концепция «рамок памяти» Хальбвакса говорит не только о том, что рамки памяти «служат орудием, которым пользуется коллективная память для воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества»[3], но также и о том, что рамки эти многообразны и между ними имеют место отношения взаимовлияния. Кроме того, и сами рамки не являются статичными, они меняются, «в зависимости от времени и обстоятельств общество поразному представляет себе прошлое; оно видоизменяет свои конвенции»[4]. На эти изменения влияет сам ход истории, накопление исторического опыта: «Каждый раз, когда мы помещаем одно из своих впечатлений в рамки своих нынешних понятий, эти рамки трансформируют впечатление, но и впечатление, в свою очередь, изменяет рамку. […] Отсюда – постоянная работа ре-адаптации, заставляющая нас в связи с каждым событием пересматривать всю совокупность понятий, выработанных в связи с прежними событиями»[5].

Опыт пребывания в составе государств-участников разделов, каждое из которых реализовывало определенные проекты политики памяти и идентичности создавал определенную рамку восприятия польского прошлого. Причем рамка эта на протяжении более чем векового периода разделов находилась в постоянной динамике и взаимодействии с памятью исторической Речи Посполитой. Эти соображения позволяют несколько иначе посмотреть на интеллектуальную историю периода, пред-

[3]Хальбвакс 2007. С. 30.
[4]Там же. С. 325.
[5]Там же. С. 174.

шествовавшего восстановлению Польского государства в 1918 г. Очевидно, что как политически активные интеллектуалы (например, О. Халецкий), которые консультировали политиков и старались оказывать влияние на общественное мнение, так и политики, которые опирались на мнения своих научных консультантов и сами имели определенные философские, исторические и историософские представления (например, Ю. Пилсудский или Р. Дмовский) были сформированы в социальных и мнемонических «рамках» империй, участвовавших в разделах. Опыт, полученный ими в ходе социализации (в т.ч. мемориальной) в контексте российской, немецкой, габсбургской социально-политических и культурных традиций должен был сформировать для них определенную перспективу видения польского прошлого и польской идентичности.

Именно в этом смысле речь в статье идет о «габсбургских рамках» того видения прошлого Польши. Память исчезнувшего с политической карты Европы в 1795 г. государства, говоря словами Хальбвакса, это – «старинные представления», которые «являются нам со всей властной силой, полученной ими от былых обществ, где они приняли коллективную форму. Чем они старше, тем шире были разделявшие их группы, тем они сильнее»[6]. Однако текущие исторические события, опыт жизни в новых государствах, идеи и образы политической культуры империй, в составе которых оказались польские земли, не могли не повлиять на эту память. «Сегодняшние идеи, – отмечал Хальбвакс, – потому способны сопротивляться воспоминаниям, бороться с ними и трансформировать их, что они соответствуют пусть не столь же старинному, зато более широкому коллективному опыту, потому что они разделяются не только членами данной группы (как и традиции), но и членами других современных групп. […] К тому же современные идеи новы лишь для членов той группы, куда они проникают извне. Всюду же, где они не сталкивались с такими традициями, как в этой группе, они могли свободно развиваться и сами принимать форму традиций. Группа противопоставляет своему прошлому не свое настоящее, а чужое прошлое […] прошлое других групп, с которыми она стремится отождествиться»[7]. Представляется, что эти положения основоположника memory studies достаточно точно описывают взаимодействие исторического сознания польского общества в государствах-участниках разделов с формами политики памяти в этих государствах. Для более адекватного понимания процессов, происходивших в польской исторической памяти и национальной идентичности периода разделов, следует учитывать динамику «рамок» польской памяти, взаимодействие общей «рамки», связанной с традицией Польского королевства и Речи Посполитой, уничтоженной

[6]Там же. С. 338.
[7]Там же.

в конце XVIII в. и ставшей постепенно историческим «образом-воспоминанием», и подвижных рамок, связанных с пребыванием польского населения, прежде всего польских интеллектуалов-творцов национальной идеи, в составе империй, захвативших польские земли.

Пользуясь терминологией, предложенной в одно из недавних работ о перспективах развития memory studies[8], историческую Польшу (в т.ч. Речь Посполитую) можно назвать «мнемоническим означающим», объективированным в качестве социальных фактов актами воспоминания (remembering). Причем это означающее содержат в себе не просто значимый для той или иной общности «общий смысл», а целый набор часто противоречивых и даже конфликтующих между собой смыслов: «различные интерпретации, отдаленные как во времени, так и в пространстве, одного и того же мнемонического означающего приписывают ему меняющиеся значения. В силу этого мнемонические означающие формируют пересечения различных *мнемонических означаемых*»[9]. Нас будет интересовать прежде всего то, какими именно означаемыми наполнялось мнемоническое означающее *Польша* в польской памяти в пределах Австро-Венгерской империи накануне ее падения и восстановления Польского государства. Мы рассмотрим *польскую коммеморацию* в «габсбургской рамке», созданной для польской памяти в части бывшей Речи Посполитой, вошедшей в результате разделов в состав Габсбургской (позднее – Австро-Венгерской) империи. Эта рамка соединяла «польскую память» с габсбургской исторической традицией, что порождало возникновение новых смыслов, новых означаемых в рамках прежнего «мнемонического означающего».

Австро-венгерский контекст в последний период существования империи создавал условия для нового обращения к династической истории Польши, событиям общей военно-политической истории, к «ягеллонской» идее, памяти о Польско-Литовской Унии и т.д., давая возможность проавстрийски ориентированным польским интеллектуалам осознавать габсбургскую монархию как продолжательницу исторической программы Речи Посполитой, особенно при условии превращения ее из дуалистической в более широкую федерацию (идея австро-венгерско-польского триализма), в которой Польша заняла бы подобающее место.

Основным носителем культурной памяти в этой ситуации становилась польская историография и связанная с ней политическая публицистика, широко использовавшая историческую аргументацию. На протяжении всего периода разделов польская интеллектуальная элита занималась формированием нарративов национальной памяти и идентичности в литературной, художественной и научной формах. Особенно важную

---

[8] Feindt, Krawatzek, Mehler, Pestel, Trimçev 2014.
[9] Ibid. P. 31.

роль играла при этом историография, так как, с одной стороны, период разделов совпал со временем превращения истории в профессиональную науку и резким повышением ее престижа как носительницы «подлинного» знания о прошлом, а с другой стороны, в политической культуре того времени ориентация на исторические аргументы, на принципы «исторических прав» и «исторической справедливости» еще пользовалась признанием. В период трансформации империи, который начался в 1860-х гг. и породил различные проекты ее федерализации, а особенно в начале XX в., непосредственно перед и во время Первой мировой войны, историческая мысль играла для польской идеи в «габсбургском контексте» особенно важную роль. Возникла реальная перспектива восстановления Польского государства, для которого вскоре могли потребоваться обоснование границ, та или иная концепция принадлежности к польскому народу, понимание места новой Польши в системе международных отношений. Сама Австро-Венгрия в это время также переживала кризис идентичности, искала основания культурной памяти, которая помогла бы спасти единство страны. Причем славянская и польская память играли в этих конструкциях далеко не последнюю роль.

Основными же акторами политики памяти выступали «автономно-ангажированные» интеллектуалы, сущность социально-политической позиции которых описана австрийским исследователем Й. Фейхтингером, предложившим для характеристики установки и форм деятельности ученых Центральной и Восточной Европы категорию «автономно-ангажированной» науки. Он показывает, что таким образом можно охарактеризовать «специфические установки и формы деятельности лучших ученых Центральной Европы около 1900 г. Автономно-ангажированные исследователи на самом деле строго разделяли науку и политику, инвестируя, однако, свои ноу-хау в такую научную деятельность, которая несомненно была политически релевантна. Это не была та разновидность науки, которая обычно определяется как «чистая наука», поскольку ее представители не отступались перед политической ангажированностью в рамках своих специфических компетенций»[10]. Классическим примером такого интеллектуала в контексте интересующей нас темы можно считать историка Оскара Халецкого.

Габсбургский контекст

Стимулом поиска новой политической модели для Габсбургской монархии стало военное поражение в Сардинской войне в 1859 г. от объединенных сил Франции и Сардинского королевства. 1859–1867 гг. были для Габсбургского правительства периодом дискуссий и поиска модели государственного устройства, способной обеспечить властям широкую базу социальной поддержки в лице элит народов Империи.

[10] Feichtinger 2013. S. 20.

В этот период федералистские проекты обсуждались[11], но в итоге на следующий год после поражения в войне с Пруссией в 1866 г. была реализована модель Австро-Венгерского дуализма. У проектов федерализации были влиятельные противники, прежде всего немецкие либералы, считавшие, что государство должно быть более централизованным и не допускать слишком большого влияния местных аристократий, а также венгерские политики, желавшие добиться венгерского доминирования на всех землях короны Святого Стефана, которое оказалось бы под вопросом в случае федерализации империи и придания прав автономии немадьярскому населению Венгерского королевства. В 1867 г. возникла Австро-Венгерская империя, но федералистские устремления и соответствующие им «мнемонические конструкты» у национальных элит других частей империи сохранились и они будут активизироваться по мере наступления кризиса монархии на рубеже XIX–XX вв. Основой новой системы в австрийской части империи был немецко-польский союз, точнее, как пишет известный польский историк Х. Верешыцкий, «в сущности это был союз не между немцами и поляками, а между династией и поляками, а точнее – галицийской шляхтой»[12]. Хотя польское общество и выступало в большинстве своем за то, чтобы в союзе с чешским и др. национальными движениями добиваться федерализации империи, тем не менее от этой идеи польской шляхте в Галиции в тот момент пришлось отказаться и согласиться на роль главного австрийского союзника в австрийской части империи.

На рубеже XIX–XX вв. идеи отказа от дуализма, создававшего особое положение для венгров, и перехода к федерализму как единственному средству спасения империи стали популярны в окружении наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда. В 1906 г. австро-венгерский политик румынского происхождения Аурел Поповичи опубликовал проект[13] преобразования Австро-Венгерской империи в Соединенные Штаты Великой Австрии, федерацию, состоящую из 15 регионов, выделенных по этническому принципу. Это был самый подробный проект федерализации империи накануне ее краха. 16 октября 1918 г. последний император уже исчезающей империи Карл издал манифест о преобразовании Австро-Венгрии в федеративное государство, который, среди прочего, предусматривал объединение Галиции с остальными польскими землями и возрождение Польского государства.

---

[11] В 1865 г. вышло чешское, а в 1866 г. – немецкое издание книги «отца чешского национального возрождения», либерального историка и политика Фр. Палацкого «Идея Австрийского государства», в которой он прямо назвал федерализм и равноправие всех народов монархии главной современной идеей (Palacký 1907. S. 75).

[12] Wereszycki 2015. S. 189.

[13] Popovici 1906.

Габсбурги и Польша: в поисках общей памяти

Польское королевство (Речь Посполитая) и Габсбургская монархия были соединены многими историческими связями. Династические браки, объединявшие оба государства, важные исторические события, самым ярким из которых стала победа над турками, одержанная войсками польского короля Яна III Собеского под Веной в 1683 г., наконец, в политической истории Речи Посполитой второй половины XVI в. было несколько эпизодов, когда избрание Габсбургов на польский трон и создание «Габсбургской унии», включающей в себя Испанию, итальянские и немецкие земли, Чехию, Венгрию, Польшу и Литву, не говоря уже о колониальных владениях, казалось почти решенным делом. Все это стало материалом для формирования «общих мест памяти» и рефлексий об общности исторической судьбы Австрии и Польши.

Проанализируем здесь несколько примеров польской исторической публицистики 1860–1980-х гг., хорошо показывающих, какой именно материал общей памяти при этом задействовался и как с ним работали для построения современных политических программ.

Марьян Хылиньский: «Польша – основа могущества Австрии»

В 1864 г. филолог и методист обучения иностранным языкам Марьян Хылиньский опубликовал во Львове брошюру «Австрия и Польша. Ч. I. Прошлое»[14]. Свои рассуждения он начинает с констатации уникальной ситуации, когда два соседних сильных государства, имеющие протяженную сухопутную границу, никогда не воевали друг с другом. Напротив, «всегда, как в более важных, так и в менее значительных вопросах, польские оружие и дипломатия помогали интересам Австрии»[15]. Объяснения автором причин исторического австрийско-польского единства лежат в русле популярных в то время географических (геополитических) подходов: оба государства – чисто континентальные, сухопутные, оба представляют собой крайние пределы распространения римской цивилизации, лежат на границах с Азией и имеют историко-географическое предназначение защищать Европу и обеспечивать продвижение на Восток «европейского духа»[16]. Таким образом Австрия присоединялась к старому польскому образу Речи Посполитой как передового рубежа обороны (*przedmurze*, *antemurale*) христианского (католического, европейского) мира и вводилась в контекст «ягеллонской идеи» цивилизационной миссии на Востоке. Затем, к материальным (географическим) факторам автор добавляет и факторы духовные – горячая приверженность католицизму, отсутствие «захватнического духа» и, напротив, наличие «либерального духа» у обоих государств. Так

[14] Chyliński 1864.
[15] Ibid. S. 2.
[16] Ibid. S. 4.

создавалась аналитическая конструкция близкая подходам Монтескье, объясняющая специфику «духа нации» уникальным сочетанием физических (географических) и моральных (духовных) факторов.

Географическое положение Австрии (исключительно континентальное, без защиты со стороны моря, протяженные открытые сухопутные границы) несколько раз в истории создавало для страны смертельную военную опасность. С другой стороны, и тут к географическому направлению добавляется другой популярный тогда в социальной мысли подход – биоорганицизм, Австрия – «сердце Европы». Марьян Хылиньский пишет так: «Как и к человеческому сердцу стремится вся движущаяся в жилах кровь… так и к Австрии должна стремиться, сюда должна прибывать вся интеллектуальная, моральная, материальная и дипломатическая жизнь Европы, оставляя тут частицы своих богатств»[17]. Неблагоприятные стороны географического положения Австрии были, по мнению автора, компенсированы тем, что она граничила с мирной, сильной и дружелюбно настроенной Речью Посполитой. Она выполняла по отношению к Австрии ту функцию, которую для других государств выполняет защита с моря. «Польша – основа могущества Австрии», так и называется обсуждаемый нами раздел брошюры[18]. В другом месте Польша называется автором «крестной матерью» государственности Австрии[19]. Марьян Хылиньский констатирует единство «природы» обоих государств, связь их исторических судеб: вместе Польша и Австрия шли по пути прогресса и вместе падали[20]. Шестой раздел[21] посвящен обсуждению четырех моментов в истории, когда Австрия и Польша спасали друг друга. Говоря современным языком, автор выделяет «общие места памяти», выявляет исторический материал, на основании которого можно формировать представления о характере отношений государств. Все они относятся к периоду выборной монархии в Речи Посполитой, последовавшему за пресечением династии Ягеллонов. Что же касается ягеллонского периода, то, как отмечает автор, «пока правили Ягеллоны сердечнейшая дружба связывала не только Австрию и Польшу как два соседних государства, но дружба соединяла также и две династии, Габсбургов и Ягеллонов. Семь австрийских принцесс находились тогда на польском престоле»[22].

Вот эти исторические моменты. Первый связан с отказом шляхты выбрать на освободившийся после угасания династии Ягеллонов польский престол одновременно и императора Священной Римской империи

---

[17] Ibid. S. 16.
[18] Ibid. V. Polska podstawą potęgi Austrii.
[19] Ibid. S. 22.
[20] Ibid. S. 25.
[21] Ibid. S. 27-31.
[22] Ibid. S. 36.

Максимилиана, и «чудовища и выродка рода человеческого», как его называет автор, царя Московии Ивана Грозного. Тогда, как отмечает автор, Максимилиан отверг предложение Ивана IV о совместной интервенции и разделе Речи Посполитой. Второй раз в середине XVII в., во времена шведского «Потопа», Священная Римская империя вновь сыграла ключевую роль в срыве на этот раз шведского плана раздела Речи Посполитой. Третье и четвертое события связаны с отказом Речи Посполитой присоединиться к антигабсбургской политике Людовика XIV с перспективой раздела Священной Римской империи и последующей победой Яна III Собеского под Веной в 1683 г., положившей конец экспансии Османской империи в Европе.

Основной пафос автора заключается в том, чтобы исторически обосновать взаимную выгоду польско-австрийского союза и гибельность отказа от него как для Польши, так и для Австрии. Он пишет: «Дружба и согласие, которые продолжались на протяжении веков между Польшей и Австрией имели бесчисленные последствия в виде успехов и величия обоих государств. Под сенью этого союза Польша неустанно отражала агрессию на свои границы, достигла значения и уважения в Европе, а Австрия из маленького княжества стала первостатейной и внушительной державой. …Таковы результаты длившегося веками согласия между Польшей и Австрией. И теперь этот союз прерван!»[23]. Начало упадка польско-австрийского союза автор видит в событиях, последовавших за прекращением династии Ягеллонов и неудачными попытками Габсбургов занять польский трон во второй половине XVI в. Окончательный же перелом в отношениях он видит в победе Яна Собеского под Веной в 1683 г., в результате которой Австрия почувствовала себя в полной безопасности и усматривала теперь свой государственный интерес в ослаблении Польши.

С историографической точки зрения, эта работа продолжает традицию сравнительной истории, одним из первых примеров которой в истории исторической науки была книга классика польской историографии Иоахима Лелевеля «Историческая параллель Испании и Польши»[24], опубликованная в 1820 г. Эти два сочинения как бы представляют два варианта сравнительной истории, выделенные Марком Блоком в его знаменитом докладе на VI Конгрессе исторических наук в Осло в 1928 г.[25] Это, во-первых, сравнение «дальнего действия», сравнение обществ, между которыми нет общности происхождения и постоянного взаимного влияния (Польша – Испания). Во-вторых, это «параллельное изучение» соседних, современных и постоянно влияющих друг на друга

[23] Ibid. S. 30-31.
[24] Lelewel 1845.
[25] Блок 2001.

обществ (Польша – Австрия). С точки зрения memory studies, работа Марьяна Хылиньского – «мемориальный нарратив», основанный на создании повествования о двух героях («Австрии» и «Польши») и их «исторической судьбе». История их прошлого должна объяснить настоящее и дать прогноз на будущее.

Важно иметь в виду, что эта работа была опубликована до создания дуалистической Австро-Венгерской монархии. Поэтому, видимо, среди исторических примеров, используемых автором не нашлось места для Унии и польской федералистской традиции. В опубликованной через несколько лет, в 1869 г., работе польского писателя и публициста, повстанца 1863 года, Стефана Бущинского (1821–1892) «Будущее Австрии»[26] уже говорилось о том, что Австро-Венгрию, подобно Речи Посполитой в свое время, ждет прусско-российский раздел, если она не преобразуется в федерацию славянских народов[27].

Михал Сухоровский: польский король Франц Иосиф

В 1880 г. во Львове была опубликована интересная работа польского литератора и филолога Михала Сухоровского (1802 – ок. 1890) под названием «Семья короля Яна III Собеского: да здравствует Франц-Иосиф I Габсбург-Лотаринг-Виттельсбах-Собеский!»[28]. Книга представляет собой причудливую смесь панегирических виршей скромного литературного качества, адресованных Францу-Иосифу и прославляющих его как нового воплощения Яна Собеского, исторических и генеалогических комментариев, рисунков и фотографий, дополненных обращением в галицийский сейм с предложением просить императора принять титул польского короля. Вся эта композиция приводит на память старопольские silva rerum. Основная идея помещенных в книге материалов заключается в обосновании прежде всего династической связи Габсбургов с Яном Собеским, вообще Габсбургского дома с польскими королями и права Габсбургов на основании этого называться королями Польши. Автору представляется особенно важным, что в Вене, за которую «как лев» бился Собеский, теперь на троне носитель «польской крови», «племя Собеского». «Польская кровь» в жилах Габсбургов – предмет особой гордости и надежд автора, он часто апеллирует к этому генеалогическому факту. Действительно, правящий австрийский дом имел по женской линии (от дочери Яна Собеского Терезы-Кунигунды) прямое родство с Яном III. Вообще, семейные связи Габсбургов и польских королей были к тому времени хорошо изучены польскими историками[29].

---

[26] Buszczyński 1869.
[27] Ibid. S. 5.
[28] Suchorovski 1880. Текст содержит богемизмы, а орфография далека от современной.
[29] См., напр.: Kozlovski 1866. В 1860-х гг. в Габсбургской монархии поддерживался культ Собеского. 22 марта 1862 г. в фарном костеле Жолкевских, в котором Ян Собески молился после победы под Веной, где были похоронены его последние прямые

Все свои аргументы в пользу исконных связей Габсбургов с польской короной и права Габсбургов присоединить к своим титулам польский королевский титул[30] Михал Сухоровский суммирует в обращении к Сейму. Их можно разделить на три группы: династические, исторические и культурно-политические.

Династические аргументы прежде всего заключаются в том, что Франц Иосиф I по матери является правнуком Терезы-Кунигунды, дочери Яна Собеского, а также потомком Баварского дома Виттельсбахов. По отцу же он вел свою линию от императрицы Марии Терезии и был представителем Габсбург-Лотарингской династии. Поэтому, утверждает Сухоровский, Франц Иосиф I должен именоваться Габсбург-Лотаринг-Виттельсбах-Собеским. Его жена, императрица Елизавета, тоже происходила от Собеских и Баварского дома. Итак: «В правящей ныне семье сливаются четыре потока самых благородных семейств мира… кровь Собеских… от Терезы Кунигунды, прабабки нашего императора льется без перерыва до сегодняшнего дня в жилах любимого монарха…»[31]. К числу династических аргументов также можно отнести старательно перечисляемые в документе многочисленные случаи, когда габсбургские принцессы оказывались на польском троне с XI до XVIII в. Аргумент «крови» играет в этом нарративе очень важную роль и наводит на мысль, что здесь мы имеем дело со смешением традиционных монархических аргументов с более новыми, характерными для времени возникновения этого сочинения расово-антропологическими доводами. Впрочем, новейший биологически обосновываемый расизм и традиционный аристократический элитизм тогда часто выступали вместе, и первый был своеобразным последним прибежищем и аргументом для второго.

В качестве исторических аргументов выступают три «места общей памяти». Во-первых, речь шла о соглашении между Людовиком I Венгерским и польским королем Казимиром Великим в 1355 г. о переходе польской короны к одной из дочерей Людовика в случае отсутствия у Казимира потомка мужского пола (что и произошло). В 1370 г. Казимир умер, с ним закончилась династия Пястов. Престол перешел к дочери Людовика Ядвиге, которая вышла замуж за литовского князя Ягелло, соединив Корону и Великое княжество Литовское. Вторая же дочь Людовика Мария вышла замуж за императора Священной Римской империи Сигизмунда, основав, таким образом, союз Австрии и Венгрии. По-

---

потомки, была проведена торжественная церемония памяти Яна III. 12 сентября 1867 г., в годовщину битвы под Веной, костел был торжественно освящен после обновления в присутствии многочисленных официальных лиц и гостей.

[30] Страну, королевский титул которой должен принять Франц-Иосиф, автор называет «Троепольшей», имея в виду три части Австро-Венгерской империи – Королевство Галиция и Лодомерия, Великое княжество Краковское и княжество Буковина.

[31] Suchorovski 1880. S. 70.

скольку Людовик Венгерский формально был усыновлен Казимиром Великим, возникала династическая связь Габсбургов с Пястами. Во-вторых, отмечает автор, три польских короля грудью защищали Австрию, Венгрию и весь христианский мир. Речь идет о Владиславе III Ягеллоне Варненчике, короле Польши и Венгрии, погибшем в битве с турками под Варной в 1444 г., Людовике II, сыне Владислава Ягеллона, внуке Ягелло, короле Венгрии и Чехии, погибшем в 1526 г. в битве с турками под Мохачем, а также, разумеется, и о победителе османов в 1683 г. под Веной, польском короле Яне Собеском[32]. Третьим «воспоминанием» является вассальная зависимость королей Пруссии (бывших Великих магистров Ордена) от польской Короны. Из этого акта делается вывод о том, что и сегодня король Пруссии (а на момент написания книги и император Германского рейха) должен признавать свою зависимость от императора Австро-Венгрии как наследника польских королей.

Третья группа аргументов относится к культурной политике Габсбургов, которые дали возможность свободного развития польского языка, поддерживают польскую культурно-историческую память и не стремятся ассимилировать поляков. «Наш мудрейший монарх, – пишет Сухоровский, – не уничтожает польский язык и национальность, не сносит польские школы и учреждения, не лишает польских детей последней памяти и самого дорогого для них воспоминания об их героических отцах. Он не желает утратить и изгладить из мировой истории бессмертные имена Мечиславов, Владиславов, Казимиров, Сигизмундов, Собеских, как это делается в России и в Пруссии. …Следуя голосу своей мудрости и благородным побуждениям, он открыл нам врата свободы и позволил использовать польский язык в учреждениях и в школах»[33].

Вся аргументация автора строится на общности династической памяти, памяти об объединяющих исторических событиях и на положительных чертах культурно-исторической политики Габсбургов на польских землях. Сказанное позволяет констатировать, что в период трансформации Габсбургской империи в дуалистическую монархию среди польских интеллектуалов достаточно заметна была тенденция к мобилизации культурно-исторической памяти для помещения польской истории, национальной памяти и идентичности в «габсбургский контекст».

Образ польского прошлого в перспективе Главного национального комитета в Кракове

Здесь мы обратимся к деятельности двух польских интеллектуалов в переломный момент поиска пути и выбора модели для восстановления Польского государства. Оба они являлись сторонниками австрийской

---

[32] Для увековечивания этой победы автор предлагает построить под Веной город Собескоград (или Собеславль). См.: Suchorovski 1880. S. 73.
[33] Ibid. S. 72.

ориентации для будущей Польши и политически были связаны с проавстрийским Главным национальным комитетом в Кракове.

Оскар Халецкий: «поляк по собственному желанию»

Ярким примером «автономно-ангажированного» интеллектуала был Оскар Халецкий (1891–1973), происходивший из семьи австрийского фельдмаршала и хорватки, овладевший польским языком (при родном немецком) и в сознательном возрасте сформировавшийся как поляк. Его отец, фельдмаршал Оскар Алоизий Халецки фон Норденхорст, обнаружил свои польские корни, только когда вышел в отставку и занялся историей своего рода. Он пожелал, чтобы сын выучил польский язык и окончил Ягеллонский университет. В годы учебы в Кракове Оскар фактически формирует свою польскую идентичность, постепенно начинает свободно говорить и писать по-польски, как бы «вспоминает» себя. «Казус Халецкого» интересен тем, что он позволяет проследить то, какую интерпретацию польская память могла приобрести буквально в «габсбургских рамках», т.е. во взглядах ученого – выходца из семьи, принадлежавшей к имперской австрийской элите, и ставшего поляком и польским патриотом в сознательном возрасте.

Объектом нашего интереса будет прежде всего ранний период научной и общественно-политической деятельности Оскара Халецкого (1909–1920 гг.), который совпал по времени с периодом возрождения Польского государства. Во время учебы в университете (1909–1913) его научные интересы были связаны преимущественно с геральдикой и генеалогией, историей польского протестантизма. Он начинает заниматься и будущей главной темой его творчества, темой Унии[34]. Его занятия генеалогией и геральдикой – интересный пример сочетания построения личной идентичности и восстановления идентичности и памяти страны. Специальные исторические дисциплины были важны для восстановления национальной памяти, ибо, по мнению, Халецкого, аристократия, шляхта – основа государства, а история знатных родов даёт ключ к пониманию истории страны. В львовском журнале «Геральдический ежемесячник» в 1908 и 1909 гг. были опубликованы первые тексты молодого исследователя. В 1913 г. как докторат он представил работу «Сандомирский договор 1570 г.»[35] (опубликована в 1915 г.), в которой рассматривал соглашение польских лютеран, реформатов и чешских братьев. Видно, что уже на самом раннем этапе обозначились основные темы научного интереса и общественно-политической активности автора – толерантность, уния (федерализм) и необходимость (ре)конструкции памяти и идентичности – себя, страны, а затем и всего региона Центральной и Восточной Европы на основе указанных выше двух топосов.

---

[34] Прежде всего: Halecki. Przyłączenie Podlasia… 1915.
[35] Halecki. Zgoda sandomierska… 1915.

М. Салмон, характеризуя научную деятельность Халецкого после 1913 г. пишет: «После получения докторской степени… на первый план… выходит проблематика, связанная с государством Ягеллонов и польско-литовской Унией. Можно предположить, что эта тема в научных работах потомка кресового шляхетского рода связана с уходящей корнями в годы молодости ученого заинтересованностью руско-литовскими корнями его семьи, в пользу чего говорит хотя бы то, что с I курса обучения он выбрал занятия по истории Ягеллонов, Унии, устройства Литвы и христианизации этой страны»[36]. К этому можно только добавить, что интерес к Литве также был помещен в «габсбургскую перспективу»[37]. Его хабилитация в 1915 г. была посвящена исторической роли князя Свидригайло[38], а хабилитационная лекция – Унии 1569 г.[39] В своей лекции, прочитанной 10 декабря 1915 г., Халецкий говорит так: «Сегодня, более, чем когда-либо еще, историческое исследование должно воскрешать в благодарной памяти народа именно самые прекрасные, самые возвышенные моменты его прошлого. Более чем когда-либо еще отечественная история стала для нас тем единственным источником… тем единственным сокровищем… откуда мы можем черпать то укрепление сердец, которое сегодня нам так необходимо»[40].

Во время войны Халецкий опубликовал в Кракове ряд работ, часть из них была издана Издательским бюро Главного национального комитета (Naczelny Komitet Narodowy)[41]. Публикации 1916–1918 гг. (на немецком языке) носили характер исторической публицистики, ориентированной на решение «польского вопроса» на основании союза с Габсбургской монархией[42]. Наиболее характерной чертой политической культуры Центральной и Восточной Европы Халецкий считал федерализм. Наивысшим его выражением он считал «ягеллонскую идею» и

---

[36] Salamon 2012. T. 1. S. 28. О состоянии польской историографии Люблинской унии в это время см.: Mackiewicz 2014.

[37] В 1915 г. молодой историк публикует работу об отношениях Габсбургов к высшей литовской знати (Halecki. Die Beziehungen der Habsburger… 1915).

[38] Halecki. Ostatnie lata Świdrygiełły… 1915.

[39] Halecki. Unia lubelska… 1916.

[40] Halecki. Unia lubelska… 1916. S. 1.

[41] Комитет был создан в августе 1914 г. в Кракове и был ориентирован на создание триалистической Австро-Венгерско-Польской монархии. Хотя лояльность Габсбургам не была столь уж бесспорной и повсеместной в Галиции. Достаточно сказать, что указанный Комитет постановил создать два Легиона – Западный со штаб-квартирой в Кракове и Восточный со штаб-квартирой во Львове. В итоге был создан только Западный Легион. Восточный же в массе отказался присягать императору Францу Иосифу. Начальник Военного департамента Комитета Владислав Сикорский поддерживал идею триализма, а комендант Юзеф Пилсудский отвергал ее, что привело его к аресту австрийскими властями. См.: Chwalba 2001. S. 571-572.

[42] Halecki. Das Nationaletätenproblem im alten Polen… 1916; Idem. Polens Ostgrenzen… 1918; Idem. Warum Polen unterging? 1916; Idem. Der politishe Werdegang… 1918; etc.

Люблинскую унию. «Основополагающим принципом ягеллонской системы было соединение двух идей: признание права свободного национального развития во всех этих странах, а также организация совместной обороны против восточного и западного империализма. Конечно, эти идеи не всегда бывали в полной мере реализованы, но они составляли наиболее конструктивную программу центрально-восточной европейской организации»[43]. Габсбургская монархия, по его мнению, стояла на пути трансформации в подобную федерацию после австро-прусской войны 1866 г. и преобразования империи в дуалистическую монархию. До конца этот путь пройден не был, но именно история Габсбургской монархии выступает у Халецкого как объект сопоставления с Ягеллонской Речью Посполитой. Особенно ясно это видно в его работе «Национальные вопросы в старой Польше», изданной на немецком языке в Кракове в 1916 г.[44] В ней Халеций пишет: «Как всякий политический союз – возьмем для сравнения, скажем, австрийско-венгерский – также и в польско-литовском, конституционные отношения обеих частей, «дуализм», прошел различные фазы в своем развитии. Не вдаваясь в излишние подробности, выделим здесь следующие моменты: во-первых, несмотря на все неизбежные трудности, он прошел лишь однажды, во времена Великого литовского князя Свидригайло (1430–1432 – ок. 1435) через кровавое столкновение, в то время как все остальные спорные вопросы… были решены на пути мирных переговоров; во-вторых, уже в 1440 г. реально было введено конституционное равенство литовцев и поляков, а с 1499 г. оно было признано юридически с польской стороны; в-третьих, окончательное урегулирование взаимных отношений стало бы гораздо более легким, если бы исчез вопрос о принадлежности русских областей. Несомненно, решение было бы найти проще, если бы ягеллонский польско-литовский дуализм был преобразован в польско-литовско-рутенский триализм. Однако этого не произошло в силу объективных обстоятельств, а не по причине актов насилия со стороны Польши или Литвы»[45]. Автономное же положение в Речи Посполитой Ливонии, со своим особым правом и самоуправлением, Халецкий сравнивает со статусом Боснии в Габсбургской монархии[46]. Здесь обнаруживается не только очевидное сравнение Австро-Венгрии и Ягеллонской Речи Посполитой, но и параллелизм с идеей «триалистической» монархии Главного национального комитета. Халецкий всячески подчеркивал мирный характер формирования Ягеллонской империи и сравнивал ее в этом отношении с Австро-Венгрией: «Подобно тому, как Ав-

[43] Halecki 1944.
[44] Halecki O. Das Nationaletätenproblem im alten Polen…
[45] Ibid. S. 20.
[46] Ibid. S. 24.

стрия благодаря вошедшим в пословицу счастливым бракам, Польша, благодаря мирной унийной политике, добровольным присоединениям иностранных государственных образований, а частично наследуя вымершим династиям… превратилась в многоязычную державу»[47].

Символическим финалом раннего периода творчества Халецкого является публикация фундаментальной двухтомной истории Люблинской унии[48]. В 1919 г. Халецкий получил в Варшаве кафедру Истории Восточной Европы, но вскоре стал экспертом польской делегации на Парижской мирной конференции.

Людвиг Кульчицкий: Габсбурги – законные преемники Ягеллонов

В это время многие публицисты находили все новые черты сходства Австро-Венгрии и Польши, прежде всего – Ягеллонской. Таким образом, Ягеллонская империя создала позитивную «рамку» видения Австро-Венгрии, а сама Габсбургская монархия стала не только своеобразной «рамкой памяти» о прошлом Речи Посполитой, но и основой видения будущего новой Польши.

В 1916 г. в Лозанне на французском языке, а в Кракове – на польском вышла публицистическая брошюра польского социолога и левого общественного деятеля Людвига Кульчицкого (1866–1941) «Польша и Австрия». Во время войны ее автор был членом того же Главного национального комитета в Кракове, к которому был близок и Халецкий.

В этой работе Кульчицкий пишет: «Между двумя государствами, и правда, существует глубокая аналогия как в смысле их положения на западе, так и в смысле их территориальной экспансии, равно как и в их социальной и политической организации»[49]. И далее: «С общей и интернациональной точек зрения, Австрия и Польша, каждая в своей сфере, осуществляла западное влияние, как политическое, так и цивилизационное. Каждая из них действовала схожим образом, увеличивая свою территорию, используя момент и ситуацию. Польша объединилась с Литвой, чтобы противостоять натиску Тевтонского ордена. Венгрия присоединилась к Австрии из-за турок, а Богемия, чтобы стать сильнее, сделала то же самое. Эти союзы придали своим государствам аналогичные формы, они соединились по схожим причинам и сохранялись, благодаря династической унии. Это территориальное расширение оказало большое влияние на внутреннюю политическую организацию. Различия обеспечивали им автономию. Внутреннее устройство Польши, связанной союзом с Литвой, очень напоминало аналогичный союз Венгрии, Богемии и Австрии, со своей стороны. Республика, так же, как и Монархия, вынесла суровую и тяжелую судьбу. Каждая из них выполнила

[47] Ibid. S. 26.
[48] Halecki. Dzieje Unii Jagiellońskiej… 1919–1920.
[49] Kulczycki 1916. P. 8.

свою историческую роль. К сожалению, с разным успехом»[50]. Поэтому, как полагает автор, «большинство из них [поляков в Австрии в конституционный период] рассматривали Габсбургов как законных преемников угасшей в 1572 г. Ягеллонской династии. Действительно, трактат 1515 г.[51] гарантировал этим двум династиям взаимное наследование их государств – Австрии, Венгрии и Богемии»[52]. В 1572 г. только своеволие польского дворянства помешало Габсбургам наследовать Ягеллонам и создать мощное Австрийско-Венгерско-Богемско-Польско-Литовское государство»[53].

В одной из современных работ о «посмертной судьбе» Австро-Венгрии, посвященной исследованию образа Австро-Венгерской империи в культуре межвоенного периода[54], эта работа Кульчицкого рассматривается как выражение «внешне кажущейся очевидной» идеи сходства Австро-Венгрии и Речи Посполитой, мобилизованной для целей военной пропаганды[55]. Однако для целей военной пропаганды в экстремальной ситуации имеет смысл мобилизовать только те «места памяти», которые могут получить широкий отклик. В данном случае необходимо было войти в резонанс польской и габсбургской форм коллективной памяти. Идеализированный образ Австро-Венгрии, какой она могла и должна была бы стать при правильном развитии федерализма, позволял посмотреть на Ягеллонскую Речь Посполитую как на более раннее (и, вероятно, более полное, воплощение этого идеала), а польская память позволяла Ягеллонской федерации взглянуть на «австрийскую идею» как на продолжение «идеи польской».

***

Формирование польской национальной памяти в Австро-Венгерской империи второй половины XIX – начала XX века происходило во взаимодействии традиционной рамки памяти исторической Речи Посполитой и «габсбургской рамки памяти», которая оказывала влияние на польское историческое сознание особенно после конституционной трансформации Габсбургской монархии в 1860-х гг. Польская история оказывалась, таким образом, тем «мемориальным означаю-

---

[50] Ibid. P. 9.

[51] Очевидно, здесь Кульчицкий имеет в виду т.н. «двойную свадьбу» в Вене в 1515 г. Фердинанд, внук императора Священной Римской империи Максимилиана, был обручен с Анной Ягеллонкой, дочерью Владислава II Ягеллона, короля Чехии и Венгрии, а сын Владислава II Людовик был обвенчан с внучкой императора Максимилиана Марией. В 1526 г. Людовик II Ягеллон погиб при Мохаче, и император Священной Римской империи Фердинанд унаследовал Венгрию и Чехию.

[52] Kulczycki 1916. P. 18.

[53] Ibid. P. 19.

[54] Kożuchowski 2009.

[55] Ibid. S. 102-103.

щим», которое наполнялось новыми означаемыми в результате новых актов коммеморации в меняющемся социально-политическом и историческом контексте.

В результате последовательного применения предложенного здесь подхода открывается новое, соединяющее подходы memory studies и «новой интеллектуальной истории», направление изучения динамики польской национальной памяти и идентичности в период разделов в контексте всех трех империй, разделивших Речь Посполитую в конце XVIII века. Помимо прочего, результатом этого может быть более глубокое понимание позиций акторов политического процесса в период восстановления Польского государства в 1918 г.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Блок М. К сравнительной истории европейских обществ//Одиссей. Человек в истории. 2001. М.: Наука, 2001 [Blok M. K sravnitel`noj istorii evropejskix obshhestv//Odissej. Chelovek v istorii. 2001. M.: Nauka, 2001].

Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М. Праксис, 2004 [Smit E`. Nacionalizm i modernizm. Kriticheskij obzor sovremenny`x teorij nacij i nacionalizma. M. Praksis, 2004].

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007 [Xal`bvaks M. Social`ny`e ramki pamyati. M.: Novoe izdatel`stvo, 2007].

Buszczyński S. Przyszłość Austrii. Rozwiązanie kwestii słowiańskiej, Kraków 1869.

Chwalba .A. Historia Polski. 1795-1918. Wydawnictwo Literackie, Kraków 2001

Chyliński M. Austrja a Polska. Cz. 1, Przeszłość. Kraków. 1864.

Feichtinger J. Intelektualiści-naukowcy: autonomiczno-zaangazowana nauka w Europe Środkowej pomiędzy «czystą» a «polotyczną»nauką 1848-1938 // Historyka. Syudia metodologiczne. T. XLIII. 2013.

Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimçev R., Entangled Memory. Toward a Third Wave in Memory Studies History and Theory 53, Issue 1. 2014.

Halecki O. Das Nationaletätenproblem im alten Polen. Krakau, Zentral Verlagsbureau Des Polonischen Obersten Nationalkomite. 1916.

Halecki O. Der politishe Werdegang der osteuropäischen Staatenbildung, 1918.

Halecki O. Die Beziehungen der Habsburger zum lituanischen Hochadel im Zeitalter der Jagellonen, Innsbruck: Verlag der Wagnerschen Universitäts-Buchhandlung 1915.

Halecki O. Dzieje Unii Jagiellońskiej». T. 1-2, Kraków: Akademia Umiejętności 1919-1920.

Halecki O. Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków: nakł. Akademii Umiejętności, 1915.

Halecki O. Polens Ostgrenzen in dem Lichte der Geschichte Ostgaliziens, des Chelmer Landes und Podlachiens. Wien, Perles. 1918.

Halecki O. Przyłączenie Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny do Korony w roku 1569. Kraków: nakł. Akademii Umiejętności, 1915.

Halecki O. The Historical Role of Central Eastern Europe, „Annals of the American Academy of Political and Social Scienc”, March 1944.

Halecki O. Unia lubelska: wykład habilitacyjny wygłoszony na Uniwersytecie Jagiellońskim 10 grudnia 1915 r.», Kraków: nakł. aut. 1916.

Halecki O. Warum Polen unterging? 1916.

Halecki O. Zgoda sandomierska 1570 r. Jej geneza i znaczenie w dziejach reformacji polskiej za Zygmunta Augusta. Warszawa: Gebethner i Wolff – Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1915.

Kozlovski K. O stosunkch rodzinnych królóv polskich z Austrją. Krakóv. 1866.

Kożuchowski A. Pośmiertne dzieje Austro-Węgier. Obraz monarchii habsburskiej w piśmiennictwie międzywojennym, Wydawnictwo Neriton. Instytut Historii PAN, Warszawa 2009.

Kulczycki L. La Pologne et l`Autriche. Lausanne. Imprimerie Hoirs Borgeaud, 1916.

Lelewel J. Historyczna paralela Hiszpanii z Polską. Poznań, 1845.
Mackiewicz M. Uwagi nad ideą jagiellońską w historiografii polskiej przełomu XIX i XX wieku // Folia Iuridica Wratislaviensis. Vol. 3 (2). 2014.
Palacký F. Idea státu rakouského. Praha. Ottovo nakladatelství v redakci Jaroslava Kvapila. 1907.
Popovici A.C. Die Vereinigten Staaten von Groß-Österreich. Politische Studien zur Lösung der nationalen Fragen und staatrechtlichen Krisen in Österreich-Ungarn. Leipzig, Verlag von B. Elischer Nachfolger, Ort.1906.
Salamon M. Oskar Halecki na Uniwersytecie Jagiellońskim (1909–1918) // Oskar Halecki i jego wizja Europy, Warszawa/ M.Dąbrowska [red.],-Łódź: IPN 2012. T. 1.
Suchorovski M. Rodzina króla Jana III Sobieskiego : niech żyje Frąciszek Józef I Habsburg - Lotaryng - Vitelsbach - Sobieski!. Lvov, 1880.
Wereszycki H. Pod berłem Habsburgów: zagadnienia narodowościowe. Kraków: Wysoki Zamek, 2015.

Васильев Алексей Григорьевич, *кандидат исторических наук, доцент, профессор Департамента общей и прикладной филологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; avasilev@hse.ru*

The 'Habsburg Frames' for Polish Memory in the Austro-Hungarian Empire of the second Half of the 19th – early 20th century

The paper is focused on analysis of dynamics of Polish national memory in the context of the Austro-Hungarian Empire of the second half of the 19th – early 20th centuries. The research is based on the concept of "frameworks of memory" introduced by Maurice Halbwachs. The idea is that Polish national memory had been developing in the dialogue between the historical Polish-Lithuanian Commonwealth's traditional frames of memory and the 'Habsburg frames of memory' of the Austro-Hungarian Monarchy. As we suggest, at that time many intellectuals tried to re-interpret Polish history in order to find common Polish-Habsburg "sites of memory".

Keywords: cultural (collective) memory, 'frameworks of memory', historiography, politics of memory, the Habsburgs, the Austro-Hungarian Empire, the Partitions of Poland, federalism, Oscar Halecki, the Union of Lublin

Alexey Vasilyev, *PhD in History, Professor of the Department of Theoretical and Applied Philology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); avasilev@hse.ru*

О. В. Головашина

“В БОРЬБЕ ОБРЕТЕШЬ ТЫ ПАМЯТЬ СВОЮ”: АНТОНОВЩИНА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТАМБОВЧАН[1]

В статье с опорой на процессно-реляционную методологию Дж. Олика, идеи К. Вульфа, А. Эрл и А. Ригни рассматриваются изменения образа крестьянского восстания под руководством А.С. Антонова. Основными источниками стали интервью с тамбовчанами и открытые материалы сети Интернет. Проанализировано влияние советского академического дискурса и трансформация образа антоновского восстания по мере расширения круга источников, изучения семейной памяти и действий, осуществляемых в рамках государственной политики памяти. Подчеркивается, что для современного образа антоновщины характерны: доминирование мифологем, эмоциональность оценок и зависимость от политических взглядов и конъюнктуры. Использование памяти об антоновщине в качестве символического ресурса и некритическое восприятие источников мешают формированию адекватного языка описания.

Ключевые слова*: *крестьянское восстание в Тамбовской губернии, антоновщина, культурная память, травма, символический ресурс

Исследование изменений, связанных с образами прошлого, а также факторов, влияющих на эти изменения, – одна из сложных задач, стоящих перед современными «memory studies». Работы Ф. Артога, А. Эрл и А. Ригни, Д. Олика показали, что культурная память о каком-либо событии не существует в сознании в виде стабильной, неизменяющейся картинки, а, скорее, представляет собой постоянно переписываемый сценарий, по которому, в лучшем случае, снято лишь несколько эпизодов. Но кто авторы этого сценария и почему они его переписывают? Кто режиссер и что зависит от актеров? В предлагаемой статье речь прежде всего пойдет о некоторых стратегиях государственной политики памяти, которые определили трактовки событий 1920–1921 гг. на Тамбовщине и о сложившихся способах репрезентации прошлого, детерминирующих современные представления об этих событиях в среде тамбовчан.

Основными источниками стали 20 неструктурированных интервью с тамбовчанами 1956–1988 гг. рождения, интересовавшихся ходом антоновского восстания, знакомых с некоторыми научными и публицистическими публикациями по этой теме. Среди них только четверо имеют историческое образование, однако антоновщина не является темой их исследований. Изначально планировалось социологическое исследование современных представлений о событиях 1920–1921 гг. с использованием метода сплошной выработки с корреляцией по возрастным группам, однако апробация показала, что большинство тамбовчан име-

*Исследование выполнено за счет средств гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-011-00658.

ют очень фрагментарные знания об антоновском мятеже или не имеют их вообще. Поэтому акцент был сделан на качественные методы работы с теми жителями области, которые сознательно посвятили часть своего времени выработке мнения о восстании. В качестве дополнительных источников использовались городские форумы, публицистическая и учебная литература, записи общественных дискуссий, конференций посвященных антоновщине («Взгляд на Антоновское восстание век спустя» 21 апреля 2017 г., «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии под руководством А.С. Антонова (1920-1921 гг.)» 20 мая 2017 г.).

Методологические рамки исследования были заданы процессо-реляционной методологией Дж. Олика, предлагавшего рассматривать память о прошлом в качестве деятельности, процесса, большое значение в котором имеют меняющиеся практики. Олик, в частности, отмечал: «целью исследования коллективной памяти должно быть понимание фигураций памяти, т.е. меняющихся отношений между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы»[2]. Причем динамику культурной памяти во многом определяют посредники, благодаря которым воспоминания становятся публичными[3]. Перформативная теория К. Вульфа, некоторое положения которой также использовались при проведении исследования, позволяет понять, как социальные практики, с одной стороны, воспроизводят стандартизированные исторические образцы, а с другой – вписываются в эти образцы. С опорой на указанные теоретико-методологические рамки в статье будет проанализирован эмпирический материал, позволяющий представить формирование и развитие образа антоновского восстания в памяти современных тамбовчан.

От «бандитского мятежа» к «народному восстанию»: современная историография антоновщины

Дж. Олик обратил внимание на то, что исследователи, в основном, анализируют то, что память делает для группы, но не обращают внимание на то, что группа делает для памяти[4]. Конечно, коллективные образы прошлого лежат в основе идентичности сообществ, однако коллективы, в свою очередь, также могут формировать эти образы, влияя на свою идентичность и память следующих поколений. Например, крестьянская война под предводительством Степана Разина в советской историографии оценивалась исключительно положительно, а крестьянская война под руководством Александра Антонова вызывала резко негативные оценки. Казалось бы, в обоих случаях речь идет о крестьянском выступлении, народном восстании против государства. Но если Разин якобы боролся с феодализмом за свободу и справедливость, то Антонов посяг-

[2] Олик 2012. С. 44.
[3] Erll, Rigny 2009. P. 2.
[4] Олик 2012. С. 42.

нул на самый передовой строй мира, а поступить таким образом, с позиции советской историографии, мог только бандит. Борьба осталась, но государство стало другим. Поэтому образ антоновщины в исторической литературе был напрямую связан с тем, как оценивалась власть, против которой было направлено восстание.

В 1920-е гг., когда методологические рамки советской историографии еще не были выработаны, термин «крестьянское восстание» в отношении событий 1920–1921 гг. сосуществовал с обозначением выступлений крестьян как бандитизма, иногда – даже на страницах одной публикации[5]. Идеологические рамки и язык описания антоновщины задавались работами партийных и государственных деятелей (В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого и др.), связанными с разработкой продовольственной политики и оценками крестьянского хозяйства. В ряде работ, носящих, в основном, публицистический и пропагандистский характер, уже в 1920-е гг. апробируется обозначение антоновщины как «эсеровского», «бандитского», «кулацкого» мятежа, расставляются акценты, часть которых получит потом распространение в научной литературе[6]. Последующее издание краткого курса «Истории ВКП(б)» предопределило трактовку взаимоотношений крестьян и государства и задало единственно возможную дискурсивную стратегию для последующих исследователей во времена СССР. Антоновщина (как и ряд других крестьянских восстаний) трактуется как «кулацкий мятеж», возникновение которого связывалось с деятельностью оппозиционных партии эсеров, церкви и др.[7] Несмотря на осуждение партией культа личности Сталина, являвшегося основным автором и редактором «Краткого курса», в работах 1950–1980-х антоновское восстание продолжает интерпретироваться как кулацкое, организованное контрреволюцией; внимание историков занимают партийные мероприятия, опыт подавления восстания, влияние эсеров, то есть, за редкими исключениями[8], взгляд со стороны государства, а не восставших; часто происходила определенная «подгонка» материала под идеологически выверенные общесоюзные концепции.

В 1990-е гг., в связи с социально-политическими трансформациями и публикацией новых источников, расширяется предметное поле исследований. Авторы изучают программу Союза трудового крестьянства[9], личность А.С. Антонова[10], демографические аспекты восстания[11]. Объявление антоновщины «тамбовской Вандеей», которое нашло отраже-

---

[5] Покровский 1921.
[6] Леонидов 1922; Антоновщина 1923; Какурин 1922.
[7] Михалев 1941.
[8] Донков 1972.
[9] Есиков, Канищев 1993.
[10] Самошкин 1994.
[11] Дьячков 2014.

ние в ряде научных публикаций[12] (несмотря на то, что параллели имели, скорее, эмоциональное, чем научное содержание), а также переосмысление некоторых аспектов советского прошлого задали новые теоретико-методологические рамки. События на Тамбовщине анализируются в контексте аграрной революции[13], крестьянской революции[14], «Большого Восстания»[15] и представляются как причина не только нэпа, но и отказа от продолжения революционного освободительного похода Красной Армии в Европу и самой идеи мировой революции[16]; восставшие, таким образом, оказываются спасителями не только крестьян от продразверстки, но и всей Европы от нашествия «красных». Если в советской историографии доминировали негативные оценки восстания, то в современных публикациях негатив, в основном, на стороне тех, кто подавлял антоновщину. Сегодня довольно мало качественных работ, в которых авторы смогли удержаться от однобоких эмоциональных оценок.

Распространение терминов «народное сопротивление», «антибольшевистское движение», «крестьянское повстанчество», частично перешедших в современные работы из дискурса Гражданской войны, эмигрантской историографии и западных публикаций, оказывается не только следствием переосмысления изучаемых событий, но и показателем смены политической обстановки. Но несмотря на обратную идеологическую заданность, можно констатировать преемственность некоторых выводов советских и современных историков. Так, Б.В. Сенников, объяснивший антоновщину «геноцидом, проведенным коммунистами в то время на Тамбовщине», как и советские исследователи, считает, что антоновщина была организована противниками большевиков, в частности, белым движением[17]. В современных работах продолжает встречаться трактовка крестьянских выступлений, в т.ч. антоновщины, «как наиболее яркого образца антисоветского бандитизма начала 1920-х гг.», в качестве одной из причин распространения восстания указывается высокий процент «кулацко-зажиточных хозяйств». Антоновщина, по мнению авторов, «явилась одной из многочисленных попыток российской контрреволюции и мировой буржуазии разрушить союз рабочего класса и крестьянства, поднять крестьянство против Советской власти и тем самым добиться свержения диктатуры пролетариата»[18].

В библиографическом указателе «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1920–1921 гг.» содержится около 800 наименований

---

[12] Алешкин, Васильев 2010; Васильева, Долгов, Скрыпников 2011.
[13] Данилов 1992; Данилов 1996.
[14] Булдаков 1997.
[15] Сазонов 2001. С. 75.
[16] Куренышев 2001. С. 45; Алешкин 2016.
[17] Сенников, Самошкин, Литовский 2009.
[18] Глущенко, Жаркой 2007.

различных публикаций[19], но вряд ли это можно назвать однозначным критерием всестороннего охвата темы. Ввод новых источников в научный оборот, расширение предметного поля исследований, анализ событий на Тамбовщине через особенности крестьянского менталитета, безусловно, оказывают существенное влияние. Однако иногда представление о менталитете выступает определяющим, а не определяемым понятием, т.е. позволяет не получить ответы, а задавать меньше вопросов, заменяя таким образом осмысление феномена его оценками.

Битва за памятник

Описываемая М. Фуко борьба между библейской и римской версией прошлого как историей сообществ и политической историей[20] разворачивается не только на страницах академических журналов и на университетских кафедрах, но и в сообщениях на городских форумах, выступлениях на митингах, общественных слушаниях. Разговоры о том, что было «на самом деле» в 1920–1921 гг., представляют собой не столько попытку понять антоновщину, сколько конфликт двух трактовок прошлого: со стороны государства и тех, кто восстал против него.

Казалось бы, тенденции развития как историографии, как и публичной истории, связанные с пересмотром данных в советский период оценок, должны вызвать практически единодушное сочувствие к восставшим (что мы видим в большинстве документальных фильмов, песнях, многих публицистических работах и т.д.), но этого не происходит. Иллюстрацией того, что антоновщина спустя почти сто лет, все так же разъединяет людей, оказывается история вокруг предполагаемого памятника жертвам антоновщины, который можно трактовать как «проект памяти» в терминологии И. Ирвин-Зарецкой, т.е. как запланированные и предпринятые действия, в задачу которых входит сохранение памяти о тех или иных исторических событиях для будущих поколений[21].

Первая попытка объявить о необходимости памятника участникам антоновского восстания была предпринята еще 20 лет назад, когда Сергей Клишин, действовавший на тот момент депутат Тамбовской городской Думы, установил за свои деньги первый закладной камень. Однако это действие было не согласовано с требованиями местного законодательства, и камень пришлось убрать. Вскоре в день гибели Александра Антонова 24 июня 1999 года возле ограды Казанского монастыря (место, где располагался один из лагерей для повстанцев) состоялось торжественное открытие мемориальной доски, на этот раз в соответствии с муниципальным законодательством, но она продержалась две недели и была увезена ночью в неизвестном направлении.

---

[19] Соболева 1994.
[20] Фуко 2005.
[21] Irvin-Zarecka 1994.

Ровно через год на том же месте был установлен памятный знак участникам восстания с вызывающей цитатой Александра Антонова «Бороться за правое дело приходится, братцы, самим только нам. Бороться честно, храбро и смело – во имя Веры, Родины и Правды». Менее, чем через год, ночью 1 мая 2001 года, памятник опять же был демонтирован. 24 июня 2002 года на торжественной церемонии с участием около 100 тамбовчан, гостей города, представителей РПЦ, был установлен закладной камень на углу улиц Набережной и М. Горького. Он продержался довольно долго по сравнению со своими предшественниками, до 2010 г., когда злоумышленники изобразили свастику и камень убрали для ремонта. Только после петиции в сети Интернет и обращения активистов к губернатору в 2017 г. закладной камень был восстановлен. Но история на этом не заканчивается. Представители областного комитета «Коммунистической партии Российской Федерации» отметили, что установка камня не соответствует действующим нормативным актам, и прокуратура встала на их сторону. Только вмешательство председателя Тамбовской городской Думы и главы города позволили довольно быстро собрать необходимые документы для легализации закладного камня.

Казалось бы, речь идет даже не о памятнике, несущем идею, который надо увековечить, а только о нейтральном обещании такого памятника, однако и оно вызывает негативную реакцию. Эта история, которая оценивается активистами как «противостояние городских властей и немалой части городской общественности, неравнодушной к своему прошлому»[22], на деле представляет собой конфликт не только двух интерпретаций восстания, но двух образов истории. Обе стороны (условные «сторонники» и «противники» участников восстания) сохраняя сложившуюся в советской историографии мифологичность и дихотомию оценок, говорят, прежде всего, не о конкретном эпизоде, а про модель исторического нарратива вообще.

Фуко показал, как при недостатке источников прошлое превращается в рассказ о нем. Несмотря на обилие публикаций, в т.ч. интересных и довольно полных сборников источников, посвященных антоновщине, дискурс современных тамбовчан, скорее, оказывается дискурсом антиистории, в соответствии с которым «законы обманывают, короли маскируются, власть распространяет иллюзии, а историки лгут»[23]. Каждая из сторон обвиняет другую в подлоге документов и искажении фактов, ссылаясь в качестве доказательства на «правильных исследователей», наличие соответствующего образования у которых не является обязательным. Знание об антоновщине оказывается сакральным: рассказ бабушки-соседки, которая видела тех, кто видел Антонова, имеет больший

[22] Роман с камнем…
[23] Фуко 2005. С. 86.

вес, чем исследования историков, если они не совпадают с рассказом бабушки и сложившейся версией. Возникает общественная дискуссия, каждый из участников которой испытывает сильное эмоциональное давление, так как предметом разговора является не личность участников восстания или его подавления, а модель прошлого для настоящего.

Например, в дискурсе об антоновщине всегда присутствует «народ» как хранитель исторической правды и справедливости, но одни называют «народом» восставших, а другие – власть, отражающую интересы народа. Из спора про памятник разговор превращается в дискуссию о том, кто же все-таки «настоящие бандиты» и «настоящий народ». В качестве доказательства своей точки зрения представители каждой из сторон называют действия, которые, по их мнению, можно отнести к «бандитским» – например, использование химического оружия большевиками (в выступлениях сторонников восставших является своеобразной аксиомой, несогласие с которой однозначно переводит в стан противников), расстрелы заложников, жестокость подавления выступления, которое «утопили в крови». Антонов и его сторонники не могут быть «бандитами», потому что разработали свою политическую программу, организацию, меры по восстановлению государства. Активисты называют антоновщину «геноцидом русского народа»[24], организованного большевиками, подчеркивают необходимость его признания. Большевизм в такой трактовке приобретает характер абсолютного зла, любые методы борьбы с которым приветствуются, а поддержавшие революцию довольно некорректно называются «иноземцы и отечественное отребье»[25].

Те, кто считают «бандитами» восставших, находятся в более выгодном положении, так как повторяют уже разработанный советский дискурс о необходимости сохранения государства и тех социальных благах, которые были в СССР, используя таким образом все победы и достижения социализма как доказательство правильности действий власти («как бы мы в войне победили, если бы крестьяне продолжали хлеб прятать»). Речь может идти об определенных «перегибах» (опять же, актуализируя советский идеологический дискурс), но в целом политика государства по отношению к антоновщине трактуется в качестве государственной необходимости в условиях военного времени, а восставшие характеризуются как преступники и их подельники. Сохраняется появившаяся еще в советской историографии тенденция считать выступление не крестьянским, народным, а инициированным эсерами или белым движением, несмотря на то, что ошибочность этого утверждения доказывалась профессиональными историками. Лозунг восставших «в борьбе обретешь ты право свое» трактуется или как доказательство связи лиде-

[24] Признайте геноцид…
[25] Сенников, Самошкин, Литовский 2009.

ров восстания с эсерами,[26] или как единственно возможный в условиях того времени способ забрать по праву принадлежащее крестьянам[27].

На такие сложившиеся образы восстания повлияло несколько факторов. Во-первых, меняющиеся государственные оценки Гражданской войны и Октябрьской революции, а также государственная политика памяти в отношении жертв Гражданской войны и крестьянских выступлений, о чем подробно будет сказано ниже. Во-вторых, инерция имеющегося языка описания, которая противоречит изменению трактовок. Рефлексирующая интеллигенция может использовать для понимания событий 1920–1921 гг. на Тамбовщине другие модели, проводя не всегда корректные параллели. В качестве примера можно привести определение антоновщины как «тамбовской Вандеи», данное Солженицыным, и получившее широкое распространение, в т.ч. среди тамбовских исследователей[28]. Однако носители семейной памяти зачастую не знакомы с другим языком описания, кроме привычного советского дискурса, поэтому, даже участники восстания говорили, что они «были в банде», «хлеб прятали» и т.д.; эти же термины повторяют (хотя значительно реже) современные респонденты. Обозначение участников восстания как «бандитов» встречается в современном учебнике краеведения, несмотря на то, что, в целом, рассказ проникнут сочувствием к крестьянам[29].

Отсутствие адекватного языка описания и поиски новых теоретических моделей приводят к тому, что антоновщина осмысляется в контексте репрессий. Защищая будущий памятник участникам восстания, активисты ссылаются на Концепцию и Федеральный закон об увековечении памяти жертв политических репрессий, подписанный В.В. Путиным 10 марта 2016 г.; погибших во время антоновщины вспоминают в День памяти жертв политических репрессий. Жестокие меры расправы государства с восставшими описываются в соответствующей терминологии. Эта рамка позволяет расставить однозначные оценки, разделить «своих» и «чужих», однако приравнивание «севших за анекдот» и тех, кто с оружием в руках выступил против государства, представляется не совсем оправданным. События на Тамбовщине в соответствии с этой рамкой оцениваются как одно из преступлений советского государства, что позволяет в дальнейшем обращаться к антоновщине как к определенному символическому ресурсу, который используется для оправдания своей политической (как правило, либеральной) позиции.

Третьей причиной, влияющей на формирование современного образа антоновщины, оказывается семейная история жителей Тамбовской

---

[26] Топильский 2012.
[27] Писарев.
[28] Канищев, Кончаков, Романенко, Воробьёв 2008.
[29] Краеведение 2007.

области. Сейчас, спустя несколько поколений, большинство тамбовчан имеют близких родственников, связанных с обоими сторонами восстания, и высказывать однозначные оценки для них – это осудить какую-то часть своей семьи. Роль сыграло и табу на разговоры про антоновщину, которое существовало в советский период. Его следствием является то, что большинство тамбовчан сейчас не готовы сказать, на какой стороне воевали их родственники. При этом установка памятниками жертвам с обеих сторон как компромиссный вариант никого не устраивает, причем конфликты возникают не только при обсуждении судьбы закладного камня. Как рассказал один из респондентов: «Лет двадцать назад я как-то на работе во время перекура немного порассказал про события 20-х годов, так один “нервный” чуть драться на меня не кинулся. Оказывается, его деда (или прадеда, ну, родственника) антоновцы пилой распилили где то в с. Криуша, он там комитет бедноты (бездельников, как бабуля говорила) возглавлял» (М., 38 л.).

Необходимо заметить, что, в целом, интерес к этому событию в области гораздо ниже, чем следовало бы ожидать. Сведения об антоновщине носят фрагментарный характер, эмоциональная сопричастность с какой-либо из сторон восстания свойственна лишь немногочисленным активистам. «Борьба за памятник» не коснулась большинства жителей города. Довольно показательна реакция пользователя Ютьюба на выступления представителей тамбовского обкома КПРФ: «Такое чувство, что людям заняться больше нечем. Находят проблему на ровном месте. Надо взять всю эту энергию, которая идет на передвижение камней по территории города, да направить в нужное русло. Город разбегается, люди уезжают, т.к. работать негде, а они камни двигают»[30].

Таким образом, память об антоновщине существует как определенный связанный нарратив, как правило, представляющий собой продолжение заложенных советской историографией представлений, языка описания, или борьбу с ними. Для активистов характерны полярные оценки и эмоциональность восприятия аргументов противоположной стороны. Споры идут не о памятнике как таковом, а об оценках государственной политики, отношениях власти и народа, образе истории.

Памятник тамбовскому крестьянину и политика памяти

Однозначное противопоставление римской и библейской версии прошлого, о котором, со ссылкой на Фуко, упоминалось выше, было бы упрощением. Память и история сообществ формируется в рамках, часть из которых задается государством и политическим дискурсом. Дискурс сообществ при этом далеко не всегда абсолютно подавляется государством: каждая форма памяти (официальная, народная) влияет на другую и «не может быть понята без изучения других форм памяти и других

[30] Тамбовские коммунисты…

элементов ситуации»[31]. Реабилитация памяти как одной из форм знания о прошлом заставила обратить внимание на исторические образы как символический ресурс и социальную роль этого ресурса. Если либеральные активисты используют память об антоновщине для доказательства «бандитской» природы государства, в т.ч. существующей власти в России, то задача официальной политики памяти состоит именно в снижении конфликтогенного потенциала памяти о восстании. Фуко назвал историю, прежде всего, дискурсом власти и дискурсом обязанностей, «с помощью которых власть подчиняет; это также дискурс сияния, с его помощью власть ослепляет, терроризирует, удерживает»[32].

В отличие от закладного камня памятника жертвам восстания, памятник тамбовскому крестьянину был инициирован местной администрацией в рамках формирования государственного образа событий Гражданской войны. «Мужик», как называют его местные жители, или официально «Памятник тамбовскому мужику», был установлен в 2007 г. По мысли автора, скульптора Виктора Острикова, настоящий крестьянин стоит над политикой и идеологией, работает на земле и хранит веру отцов[33]. Он смотрит вдаль и крестится, наверное, прося благословения перед началом тяжелого труда в поле. Под его ногами и пулемётная лента, и шашка, и стяг «Вся власть советам». Образ, воплощенный Остриковым, символизирует земляка, стремящегося к мирному труду на благо своих близких, его руки привыкли к сохе, а не оружию. Памятник тамбовскому крестьянину, который является одним из символов области, на некоторых ресурсах объявляется памятником жертвам антоновщины[34], но активисты не согласны с такой трактовкой. До сих пор не ясно, с какой целью совершались акции вандализма по отношению к монументу, возможно их инициировали те, кто был недоволен самой идеей «мужика», увековечивающего не столько труд хлебопашца, сколько тяжелое положение крестьянства и его выбор труда, а не войны за свои права.

Еще 18 июня 1996 года Президентом РФ был подписан указ № 931 «О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов», в соответствии с которым участники выступлений не могли быть признаны бандитами, а репрессии в их отношении морально осуждались. Однако, во-первых, за этим указом не последовало каких-либо действий, на практике реализующих государственную политику памяти, а во-вторых, непонятно, кого имело в виду государство в этом указе. Например, попытки реабилитировать некоторых «антоновцев» натолкнулись на противодействие генеральной прокуратуры, которая отметила, что указ о реабилитации № 931

[31] Олик 2012. С. 51.
[32] Фуко 2005. С. 84.
[33] Виктор Остриков 2012.
[34] Тамбовское восстание…

от 18.06.96 «распространяется только на участников восстаний, а не на их организаторов и руководителей бандформирований». Это решение было подтверждено и судами высших инстанций. То есть, государство готово «морально осудить» свои действия по отношению к рядовым крестьянам, которые взяли вилы, но продолжает считать себя правым в отношении руководителей восстания, противостоявших большевикам. Принять сторону «антоновцев» власть считает стратегически неверным, так как восставшие выступали против государства, преемственность с которым современная Россия сохраняет. Власть оказывается в своеобразной ловушке, так как не может признать права лидеров восстания на реабилитацию, легитимизовав таким образом, право на восстание против своего государства, однако не может встать на сторону тех, кто подавлял восстание, потому что жестокость акций противоречит государственной исторической политике и может привести к расколу граждан России. Олик отмечает; несмотря на то, что поле власти является метаполем, «не значит <…> что это единственный реально существующий тип памяти, а остальные – проигравшие версии или вообще что-то другое»[35]. Так как символический ресурс антоновщины, в основном, используется политическими и общественными силами, которых условно можно отнести к «внесистемной оппозиции», борьба с реабилитацией участников восстания для государства приобретает характер борьбы с линией, с которой связаны эти силы. Прошлое, таким образом, в очередной раз оказывается не только и не столько рассказом о прежних событиях, сколько ресурсом, используемым различными силами для легитимации ныне актуальных идей. Поэтому признается, что крестьяне в основной массе были жертвами, и не только продовольственной политики руководства государства, но и бандитской пропаганды лидеров восстания, преследовавших, в свою очередь, собственные интересы.

Памятник, который сейчас находится в сквере «Сочи», в целом соответствует современной интерпретации антоновщины представителями государства. Заместитель главы администрации Тамбовской области Наталья Астафьева отметила на открытии конференции, посвященной Антоновскому восстанию в 2017 г. (задав таким образом рамки дальнейших обсуждений), недопустимость «намеренного обострения крайних оценок», подчеркнув, что «жестокие меры продразверстки были обусловлены желанием обеспечить хлебом Красную армию», а цинизм продразверстки на Тамбовщине был связан с действиями местных властей. То есть, была озвучена уже известная «примирительная» трактовка, в соответствии с которой действия государства оправдываются необходимостью, а личность Антонова объявляется «спорной». Крестьянин, независимо от того, на какой стороне он погибал, оказывается жертвой,

[35] Олик 2012. С. 48.

с одной стороны, борющейся за сохранение власти верхушки восстания, а с другой – представителей репрессивного аппарата государства. Для этого довольно спорная личность Антонова максимально убирается из мифологичной истории крестьян, боровшихся за справедливость.

Необходимо отметить, что память об антоновщине используется в качестве символического ресурса не только оппозиционерами, но и государством. Антоновщиной объясняется то, что Тамбовская область на какое-то время исчезала с карты Советского Союза как самостоятельный регион, а потом вернулась в «урезанном виде». Это преподносится как причина и главный фактор современных экономических проблем Тамбовщины (так, отмечается, что относительно богатые города оказались теперь самостоятельными административными единицами или вошли в другие области). Эта идея признана на официальном уровне. Областная общественно-политическая газета «Тамбовская жизнь» в статье, посвященной 75-летию области (26.09.2012), утверждала, что именно после антоновщины «непокорная губерния» была уничтожена. Однако по факту только в 1923 г. (т.е. через 2 года после окончания восстания) от области отошли 4 северных уезда, в 1925 г. еще часть четырех южных и западных районов, а в 1928 г. Тамбовщина становится частью (вместе с Воронежской, Курской, Орловской) Центрально-Черноземной области. В 1937 г. Тамбовщина будет восстановлена, но только в 1939 г. она приобретет современные границы, уже без Пензы. Подобные изменения территорий были характерны не только для родины антоновщины, но и для других регионов, история которых не была связана с крупными восстаниями и вызывались не запоздалой местью большевиков, а поисками наиболее эффективных вариантов управления страной.

Несколько лет именно в сквере «Сочи», где стоит памятник крестьянину, находился тамбовский гайд-парк, в котором проходили и дни памяти жертв политических репрессий, но по факту это одно из популярных для горожан мест прогулок и отдыха. Тамбовчане, как правило, не связывают изображение «Мужика» с антоновщиной, а голые ноги крестьянина ассоциируются у них не с тяжелым трудом в поле, а с босоногим персонажем современного эпоса – хоббитом. Можно сказать, что государственная стратегия памяти оказалась успешной. Если люди не помнят антоновщину, то нет и конфликтов, связанных с тем, кто на какой стороне был. Но это не значит, что крестьянин не может поднять шашку, которая сейчас лежит у него под ногами.

***

Если с точки зрения хронологии память об антоновщине перешла из коммуникативной в культурную (в терминологии Я. Ассмана), то институционально говорить о культурной памяти преждевременно, так как коммеморативные практики затруднены или носят ситуативный характер, а слышавший рассказы своей бабушки тамбовчанин считает

себя более компетентным, чем историк-специалист. Попытки установить современную официальную версию образа антоновского восстания в виде памятника тамбовскому крестьянину наталкиваются противодействие активистов, не согласных с предлагаемой трактовкой. Конкуренция различных полей за символический ресурс, связанный с восстанием, а также инерция академического и официального дискурса приводят к подвижности границ образа, доминированию мифологем, связанных с акцентированием «правды» какой-либо одной из сторон.

В новой редакции на закладном камне, вызывающем столько споров, надпись «на этом месте будет установлен памятник жертвам народно-крестьянского восстания под руководством Александра Степановича Антонова» изменили на «…памятник участникам народно-крестьянского восстания 1920-1921 годов». Пока не поставленный памятник напоминает об компромиссе, но этот компромисс – не точка в формировании образа антоновщины, а лишь небольшая пауза в борьбе за память.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алешкин П. Тамбовское восстания (1920-1921 гг.) Антоновщина. М., 2016 [Aleshkin P. Tambovskoe vosstanija (1920-1921 gg.) Antonoshhina. M., 2016]

Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Тамбовская Вандея: Антоновщина // Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий. М., 2010. С. 298-432 [Aleshkin P.F., Vasil'ev Ju.A. Tambovskaja Vandeja: Antonovshhina // Krest'janskaja vojna v Rossii v uslovijah politiki voennogo kommunizma i ee posledstvij. M., 2010]

Антоновщина: Статьи, воспоминания и др. Материалы к истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии / Под ред. С.В. Евгенова, О.С. Литовского. Тамбов, 1923 [Antonovshhina: Stat'i, vospominanija i dr. Materialy k istorii jesero-banditizma v Tambovskoj gubernii / Pod red. S.V. Evgenova, O.S. Litovskogo. Tambov, 1923]/

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 [Buldakov V.P. Krasnaja smuta. Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija. M., 1997].

Васильева Т.В., Долгов К.А., Скрыпников А.В. Истоки крестьянской Вандеи // Вестник Московского городского пед. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2011. № 2. С. 61-73 [Vasil'eva T.V., Dolgov K.A., Skrypnikov A.V. Istoki krest'janskoj Vandei // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogichesk. un-ta. Ser.: Istoricheskie nauki. 2011. № 2. S. 61-73].

Виктор Остриков: «Есть критика, значит, не зря трудился» // Литературный Тамбов. 2012. № 1. С. 17-18 [Viktor Ostrikov: «Est' kritika, znachit, ne zrja trudilsja» // Literaturnyj Tambov. 2012. № 1. S. 17-18]

Глущенко П.П., Жаркой М.Э. Карательная политика советского государства в период подавления политического бандитизма начала 1920-х гг.: система, содержание, тактика // Общество и право. 2007. № 4. С. 11–18 [Glushhenko P.P., Zharkoj M.Je. Karatel'naja politika sovetskogo gosudarstva v period podavlenija politicheskogo banditizma nachala 1920-h gg.: sistema, soderzhanie, taktika // Obshhestvo i pravo. 2007. № 4. S. 11–18].

Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992 [Danilov V.P. Agrarnye reformy i agrarnaja revoljucija v Rossii // Velikij neznakomec: Krest'jane i fermery v sovremennom mire. M., 1992].

Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. (О первых результатах исследований по коллективному проекту) // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996. С. 53–58 [Danilov V.P. Krest'janskaja revoljucija v Rossii. 1902–1922 gg. (O pervyh rezul'tatah issledovanij po kollektivnomu proektu) // Gumanitarnaja nauka v Rossii: Sorosovskie laureaty. M., 1996. S. 53–58].

Донков И.П. Антоновщина: Замыслы и действительность. М., 1972 [Donkov I.P. Antonovshhina: Zamysli i dejstvitel'nost'. M., 1972].

Дьячков В.Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 3. С. 128–141 [D'jachkov V.L. Prirodno- i social'no-demograficheskie faktory rosta krest'janskoj agressii v pervoj treti HH v. (Tambovskij sluchaj) // Istorija i sovremennost'. 2014. № 3. S. 128–141].

Есиков С.А., Канищев В.В. Антоновский нэп. (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии 1920–1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4. С. 69–71 [Esikov S.A., Kanishhev V.V. Antonovskij njep. (Organizacija i dejatel'nost' «Sojuza trudovogo krest'janstva» Tambovskoj gubernii 1920-1921 gg. // Otechestvennaja istorija. 1993. № 4. S. 69–71].

Казаков А. Общие причины возникновение бандитизма и крестьянских восстаний // Красная Армия. 1921. № 9. С. 34–35 [Kazakov A. Obshhie prichiny vozniknovenie banditizma i krest'janskih vosstanij // Krasnaja Armija. 1921. № 9. S. 34–35]

Какурин Н.Е. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командования // Военная наука и революция. 1922. № 1 [Kakurin N.E. Organizacija bor'by s banditizmom po opytu Tambovskogo i Vitebskogo komandovanija // Voennaja nauka i revoljucija. 1922. № 1]

Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Романенко Е.В., Воробьёв К.В. Электронная выставка «Тамбовская Вандея» (Антоновщина) // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2008. № 35. С. 18-19 [Kanishhev V.V., Konchakov R.B., Romanenko E.V., Vorob'jov K.V. Jelektronnaja vystavka «Tambovskaja Vandeja» (Antonovshhina) // Informacionnyj bjulleten' associacii Istorija i komp'juter. 2008. № 35. S. 18-19].

Краеведение: История Тамбовского края. Учебник для 7-9 классов общеобразовательных учреждений. Тамбов: Юлис, 2007 [Kraevedenie: Istorija Tambovskogo kraja. Uchebnik dlja 7-9 klassov obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. Tambov: Julis, 2007].

Куренышев А.А. «Революционная война» и крестьянство // Отечественная история. 2001. № 6. С. 33–46 [Kurenyshev A.A. «Revoljucionnaja vojna» i krest'janstvo // Otechestvennaja istorija. 2001. № 6. S. 33–46]

Михалев Г.Н. Разгром кулацко-эсеровского мятежа в Тамбовской губернии // Ученые записки ТГПИ. Тамбов, 1941. Вып. 1 [Mihalev G.N. Razgrom kulacko-jeserovskogo mjatezha v Tambovskoj gubernii // Uchenye zapiski TGPI. Tambov, 1941. Vyp. 1]

Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74 [Olik D. Figuracii pamjati: processno-reljacionnaja metodologija, illjustriruemaja na primere Germanii // Sociologicheskoe obozrenie. 2012. T. 11. № 1. S. 40–74].

Писарев Е. Антонов огонь // Российская газета. URL: https://rg.ru/2017/05/25/reg-cfo/chto-stalo-prichinoj-antonovskogo-vosstaniia.html [Pisarev E. Antonov ogon' // Rossijskaja gazeta. URL: https://rg.ru/2017/05/25/reg-cfo/chto-stalo-prichinoj-antonovskogo-vosstaniia.html]

Покровский М.Н. Контрреволюция за четыре года. М., 1922 [Pokrovskij M.N. Kontrrevoljucija za chetyre goda. M., 1922].

Признайте геноцид населения Тамбовщины в 1920–1921 гг.! [Priznajte genocid naselenija Tambovshhiny v 1920-1921 gg.!] // URL: https://www.change.org/p/обращение-русской-общественности-в-связи-с-95-летием-тамбовского-восстания-признайте-геноцид-населения-тамбовщины-в-1920-1921-гг.

Роман с камнем // Живой Журнал. [Roman s kamnem // Zhivoj Zhurnal. URL: https://vetumtrud.livejournal.com/1472584.html].

Сазонов В.В. У истоков крестьянского восстания на Тамбовщине // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 75–83 [Sazonov V.V. U istokov krest'janskogo vosstanija na Tambovshhine // Voprosy istorii. 2001. № 4. S. 75–83].

Самошкин В.В. Александр Степанович Антонов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 66–76 [Samoshkin V.V. Aleksandr Stepanovich Antonov // Voprosy istorii. 1994. № 2. S. 66–76].

Сенников Б.В., Самошкин В.В., Литовский А.Н. История уничтожения лучших людей Тамбовщины. Тамбов: [б.и.], 2009 [Sennikov B.V., Samoshkin V.V., Litovskij A.N. Istorija unichtozhenija luchshih ljudej Tambovshhiny. Tambov : [b.i.], 2009].

Соболева А.А. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920–1921 гг.): библиографический указатель. Тамбов: МИНЦ, 1994 [Soboleva A.A. Krest'janskoe vosstanie v Tambovskoj gubernii (1920–1921 gg.): bibliograficheskij ukazatel'. Tambov: MINC, 1994].

Тамбовские коммунисты требуют снести закладной камень жертвам Антоновского восстания // Тамбовский влог [Tambovskie kommunisty trebujut snesti zakladnoj kamen' zhertvam Antonovskogo vosstanija // Tambovskij vlog. URL: https://ru-clip.com/video/CytWGscwmDc/тамбовские-коммунисты-требуют-снести-закладной-камень-жертвам-антоновского-восстания.html].

Тамбовское восстание // Википедия [Tambovskoe vosstanie // Vikipedija. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тамбовское_восстание (1920-1921)].

Топильский С. «Антоновщина»: правда, ложь и документы // Литературный Тамбов. 2012. № 2-3. С. 49–58 [Topil'skij S. «Antonovshhina»: pravda, lozh' i dokumenty // Literaturnyj Tambov. 2012. № 2-3. S. 49–58].

Фуко М. «Нужно защищать общество». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005 [Fuko M. «Nuzhno zashhishhat' obshhestvo». Kurs lekcij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1975-1976 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2005].

Erll A., Rigny A. Introduction: Cultural Memory and its Dynamics // Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / ed. by A. Erll, A. Rigney. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2009.

Irvin-Zarecka I. Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory. New Brunswick, N.J.: Transaction Publisher, 1994.

Головашина Оксана Владимировна, *кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, ovgolovashina@mail.ru*

In the battle you will attain your memory: peasant uprising 1910-1921 in the views of modern residents of Tambov region

The author of the article, based on the process-relational methodology J. Olika, ideas by K. Wolfe, A. Earl and A. Rigney, examines changing image of the peasant uprising under the leadership of A.S. Antonov. The main sources in the work of steel interview with residents of Tambov region and opening the materials on the Internet. The author analyzes the influence of the Soviet academic discourse and the change of political identity, expanding the range of sources, family memory and public memory policy. The author emphasizes that the modern image of peasant uprising 1920–1921 is characterized by the dominance of mythology, emotionality of assessments and dependence on political views. Using the memory of the peasant uprising 1920–1921 as a symbolic resource as well as uncritical acceptance of the sources prevent the formation of adequate language for the description of the peasant uprising in Tambov region.

Keywords: peasant uprising in Tambov region, cultural memory, trauma

Oksana Golovashina, *PhD in History, Associate Professor of Philosophy and Methodology of Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, ovgolovashina@mail.ru*

Т. П. Филиппова, С. А. Симакова

СИСТЕМА ГУЛАГА В ВОСПРИЯТИИ ГЕОЛОГА К.В. ФЛУГА ПО СТРАНИЦАМ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

В статье анализируются мемуары К.В. Флуга «Воркута – Черный остров ГУЛАГа», сохранившиеся в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН. В них рассказывается о нахождении автора в исправительно-трудовом лагере в 1936-1947 гг. Показана трансформация мировоззрения человека под влиянием пережитых испытаний. Рассмотрено индивидуальное восприятие событий, происходящих в исправительно-трудовом лагере в эти годы. Сделан вывод о ценности выявленного исторического источника, расширяющего границы изучения феномена ГУЛАГа.

Ключевые слова*: *ГУЛАГ, К.В. Флуг, воспоминания, Научный архив Коми НЦ УрО РАН, Воркута, репрессии, заключенный, индивидуальное восприятие

Воспоминания представляют собой уникальные письменные памятники прошлого, которые зафиксировали не только события, но также психологию и духовный мир представителей предыдущих поколений. Как правило, эти тексты, созданные на основе памяти, чувств и впечатлений автора, расширяют границы изучения событий, перенося акцент с фактической стороны в плоскость личного восприятия.

Сегодня особый интерес, как в научной среде, так и в обществе в целом, вызывает тема ГУЛАГа. На протяжении долгих десятилетий эта тема была закрытой, а большая часть источников в силу идеологических подходов оставались за пределами внимания историков. «Бум» данной тематики пришелся на период 1990-2000-х гг., в течение которого увидели свет многочисленные исследования[1], обозначился широкий спектр мнений об этом феномене[2]. Как пишет Н.В. Упадышев, «сегодня в сознании многих людей ГУЛАГ ассоциируется со всей советской карательно-репрессивной системой и воспринимается как символ сталинского произвола и беззакония. <…> Данный подход, сыграв важную роль в разрушении монополии коммунистической идеологии, обусловил упрощенное представление о таком сложном явлении как ГУЛАГ. Формирование общественного сознания на основе объективного знания сталинской эпохи требует научного осмысления советской карательно-репрессивной системы. Это позволит извлечь необходимые уроки из исторического прошлого и определить правильные пути демократизации российского общества. В данном контексте особую значимость имеет объективное и всестороннее изучение феномена ГУЛАГа»[3].

---

[1] См. напр.: Земсков 1991; 1997; Иванова 2002; 2006. См также: Бердинских 1996; Кириллов 1996; Морозов 1997; 1998; Маркова, Волков, Родный, Ясный 2002.
[2] Иванова 2002.
[3] Упадышев 2009.

Расширение источниковой базы исследований является необходимой предпосылкой к воссозданию истории ГУЛАГа. С конца 1980-х гг. в научный оборот регулярно вводятся источники по истории репрессий в СССР. Среди них значительный комплекс документов личного происхождения (переписка, дневники, мемуары)[4], зафиксировавших индивидуальное восприятие событий очевидцами. Выявление таких источников позволяет всесторонне осмыслить ГУЛАГ как многогранное явление. Воспоминания о ГУЛАГе написаны людьми с различным социальным статусом. Особое значение имеют, на наш взгляд, воспоминания ученых, инженеров, специалистов, чьим умом и силами осуществлялось освоение страны. В таких мемуарах ГУЛАГ представлен не только как механизм по уничтожению населения, но и как место, где силами сотен тысяч сильных духом и просвещенных людей титаническим трудом внесен весомый вклад в развитие экономики государства[5].

Уникальные документы, засвидетельствовавшие судьбу репрессированного геолога-практика Константина Валериановича Флуга (1912–1995), сохранились в фонде «Коллекция документов по истории Республики Коми» Научного архива Коми научного центра УрО РАН. Документы оказались в архиве благодаря академику Н.П. Юшкину и краеведу А.А. Попову, которые лично знали этого человека, переписывались с ним и поддерживали его творческую работу после освобождения. Усилиями этих двух людей личность и деятельность К.В. Флуга не были преданы забвению. А.А. Попов написал очерк о его нелегкой судьбе[6], а стараниями Н.П. Юшкина было бережно сохранено документальное наследие человека с удивительной биографией и трагической судьбой.

К.В. Флуг родился в г. Орел. В 1930 г. окончил десятилетку. Учился на курсах химии, черчения. В 1932 г. в период обучения в Московском высшем техническом училище им. Н. Баумана он был арестован по доносу друга детства. Причиной ареста стала рукопись его пьесы «Последыши» о террористической организации студентов. Константину Валериановичу было предъявлено обвинение в организации покушения на И.В. Сталина. Под давлением следствия он признал вину. В автобиографии в 1988 г. К.В. Флуг записал: *«На допросах я собственноручно писал фантастические выдумки о своих преступлениях, включая убийство Сталина и взрыв Большого театра»*[7]. Коллегией Объединённого государственного политического управления при СНК СССР он был осужден по ст. 58 УК РСФСР на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Вместе с ним был арестован и осужден его младший брат Вячеслав Ва-

---

[4] См.: Бадаш 1986; Марченко 1989; Абламский 1992; Абель 1993; Абатуров 1996; и др.
[5] Маркова, Родный 1998.
[6] Попов 2014.
[7] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 163. Л. 2.

лерианович. Оба брата были направлены в Сибирский исправительно-трудовой лагерь, затем в 1934 г. К.В. Флуг переведен на строительство Беломоро-Балтийского канала, В.В. Флуг – в Соловки. После ареста и осуждения сыновей отец и мать – Валериан Константинович и Наталья Николаевна Флуг были высланы из Ленинграда в г. Мариинск Кемеровской области. Отец скончался в ссылке, мать впоследствии много лет сопровождала сыновей в местах заключения. О несправедливом осуждении сыновей Н.Н. Флуг писала руководителю организации «Помощь политическим заключенным», общественному деятелю, правозащитнице Е.П. Пешковой. По просьбам родственников арестованных по политическим обвинениям организация наводила справки о том, где содержатся заключенные, ходатайствовала об их освобождении:

> «…Часто, часто вспоминаю Вас и Ваши слова, что только «смерть непоправима». И вот я знаю только одно: надо исправить свершившееся, надо добиться восстановления справедливости и спасти сыновей, которые верно гибнут на моих глазах. […]Мои сыновья крайне тяжело приспосабливаются к условиям лагеря. Старший заболел уже туберкулезом легких, второй находится в подавленном состоянии […], уверяет, что ему надо изучать анатомию (он рисовальщик), учиться, но в условиях лагеря его дарование несомненно погибнет, – такова его уверенность, которая его страшно угнетает. Сыновья подали ходатайство о пересмотре дела, но какова будет судьба этого ходатайства?! Я Вам клянусь, Екатерина Павловна, жизнью своих детей, что никакой организации не было. Костя (старший) оговорил себя, брата и некоторых других. Его драма, где были выведены террористы (и их крах), была принята следователями за программу несуществующей организации, и следователь побудил Костю признаться в намерении осуществить никогда небывалые преступления. Следователь ставил вопрос так, что сын до сих пор не может понять, каким образом он решился оговорить себя и других […]. Второй сын, Вячеслав, подтвердил показания своего брата из-за романтического мальчишеского желания разделить с братом участь изгнанника […][8].

В 1935 г. К. Флуг был переведен в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь, где работал чертежником и учителем черчения и рисования в средней школе на Водном промысле (ныне поселок Водный). В этот период он увлекся геологической наукой. В конце 1935 г. общим этапом он был переведен на Воркуту, где работал на строительстве узкоколейной дороги, затем был чертежником в геологоразведочной части лагеря, техническим секретарем в химической лаборатории шахты в поселке Рудник, сотрудником экспедиции Лентранспроекта. В 1947 г. был включен в качестве техника-геолога в состав особой экспедиции Главного управления Северного морского пути при СНК СССР и МВД[9]. В пе-

---

[8] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.20. Оп. 1. Д. 166. Л. 12–12 об. Установить точную дату этого письма не представляется возможным, но вероятно в нем указаны обстоятельства отбывания срока братьев Флугов в Сибирском лагере в 1933 г.

[9] 4 февраля 1947 г. Совет Министров СССР обязал МВД СССР и Главное управление Северного морского пути при СНК СССР (ГУСМП) немедленно приступить к проектно-изыскательским работам по выбору территории для строительства морского

риод заключения занимался геологическими изысканиями по заданию и по собственной инициативе. Освобожден из заключения в 1947 г. Работал геологом в тресте «Орелводстройпроект», но жил в г. Болхове (бывшим заключенным не разрешалось жить в областных центрах), затем переехал в г. Калач-на-Дону, где на строительстве Волго-Донского канала работал начальником бюро инвентаризации.

В сентябре 1948 г. К.В. Флуг вновь арестован. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдалённые местности СССР»[10] предписывал также арест и ссылку освобожденных из исправительно-трудовых лагерей и тюрем со времени окончания Великой Отечественной войны. Имея право выбора места ссылки, уехал в 1949 г. в Красноярский край. Работал геологом на Енисейстрое[11], начальником геолого-поисковой партии в Удерейском районе. В 1954 г. был освобожден, в 1956 г. реабилитирован. Жил в г. Сталинграде, где в 1954–1967 гг., вплоть до выхода на пенсию, работал инженером-геологом в проектно-строительных организациях.

В конце 1980-х гг. между К.В. Флугом и академиком Н.П. Юшкиным установилась тесная переписка. Трудно однозначно ответить, кто стал ее инициатором. Но, скорее всего, им был Николай Павлович, который в эти годы активно занимался сбором сведений о деятельности репрессированных ученых, истории геологических исследований, понимая важность сохранения их документального наследия. Переписка перешла в разряд близкого общения двух коллег. Они поздравляли друг друга с праздниками, обсуждали возможность приезда Флуга в Сыктывкар для участия в научной конференции и личной встречи. Но была одна общая близкая им обоим тема – изучение геологии европейского Северо-Востока страны. В письмах К.В. Флуг рассказывал Н.П. Юшкину о геологических исследованиях, в которых он участвовал, будучи заключенным ГУЛАГа. Зачастую к письмам прилагались научно-популярные работы Флуга о геологических изысканиях, проводимых на Полярном Урале и в Воркутинском районе Большеземельской тундры.

порта, судоремонтного завода и жилого поселка в районе Обской губы, а также железной дороги от Воркуты до места строительства порта. Приказом МВД СССР и ГУСМП от 17 февраля 1947 г. была организована Северная проектно-изыскательская экспедиция МВД и ГУСМП. Когда было установлено, что глубина Обской губы недостаточна для строительства порта, экспедицию в том же году перебазировали на Байкало-Амурскую магистраль.

[10] Реабилитация: как это было... С. 313–314.

[11] Енисейстрой – главное управление МВД СССР по разведке и эксплуатации месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае. Заключенные лагерей Енисейстроя занимались разработкой месторождений, строительством и эксплуатацией горнорудных и металлургических предприятий, промышленным, гражданским и железнодорожным строительством.

В 2017 г. на основании решения Комиссии по научному наследию Института геологии Коми НЦ УрО РАН часть документов, хранившихся в личном кабинете Н.П. Юшкина, были переданы в Научный архив Коми НЦ Уро РАН, среди них и переписка с К.В. Флугом. Личная коллекция документов К.В. Флуга в Научном архиве насчитывает 15 писем, адресованных академику, 11 авторских работ 1960–1980-х гг. и единичные автобиографические документы. Первостепенный интерес представляют разножанровые труды геолога – воспоминания, литературные повести, исторические обзоры, подготовленные для публикации статьи. Большую часть документального наследия составляют воспоминания. Сложная судьба К.В. Флуга, обилие событий и переживаний в жизни послужили причиной создания комплекса мемуаров. В них зафиксирована информация о событиях, участником и свидетелем которых он был. Эти воспоминания – ценнейшие материалы для работы историка.

Среди документов К.В. Флуга сохранилось шесть мемуарных записей, которые повествуют о периоде 1930–1940-х гг., о времени заключения в лагерях ГУЛАГа (Ухтпечлаг, Воркутлаг). Все воспоминания подготовлены автором во второй половине 1980-х гг. Изменения, произошедшие в стране в этот период подвигли многих, переживших заключение, к созданию собственных воспоминаний и привели к тому, что «тема лагерей» долгое время доминировала на страницах научно-популярных изданий. Для бывших узников ГУЛАГа воспоминания были порой единственным способом высказаться и представить свое видение и оценку пережитых событий. Некоторые мемуары были опубликованы, но большая часть осталась лишь достоянием личных архивов.

Воспоминания К.В. Флуга представляют собой рукописи, выполненные рукой автора, к некоторым прилагаются тексты, набранные на пишущей машинке. Большая часть – это воспоминания-миниатюры, посвященные конкретным событиям, открытиям месторождений, в которых принимал участие сам автор. Каждой рукописи присвоены названия: «Усинско-Воркутинский глауконит» (1987), «Воркутинский тальк-пирофиллит» (1987), «Нефте- и газоносность воркутинского региона Большеземельской тундры» (1987) и др. В воспоминаниях К.В. Флуг повествует о своей роли в геологических открытиях, сожалея о непризнанности его вклада из-за статуса заключенного. Такая рефлексия тоже была вехой времени. Мемуары способствовали самоутверждению бывших узников ГУЛАГа, показывая их роль в развитии промышленного потенциала страны. Наследие геолога еще предстоит изучить историкам науки. Здесь мы коснемся лишь его части: подробно проанализируем рукопись воспоминаний, датированную 1986 годом и посвященную периоду заключения на Воркуте в 1935–1947 гг. Автор озаглавил этот документ «Воркута – Черный остров ГУЛАГа». Документ выполнен на пишущей машинке, на бумаге формата А4 и включает 47 листов. Рукопись посту-

пила в Научный архив Коми НЦ УрО РАН ранее, чем основная часть документов К.В. Флуга. В конце 1980-х гг. Н.П. Юшкин передал ее на хранение, подготовив к ней предисловие, в котором отметил:

> «Тимано-Печорский край, бывший еще в первой четверти двадцатого столетия краем с нетронутыми, неизведанными недрами, стал сегодня мощной минерально-сырьевой базой страны. Эту базу за короткий срок создали своим поистине героическим трудом люди, сотни тысяч тружеников с разными биографиями, разными судьбами, разным социальным положением. К сожалению, история не ко всем оказалась одинаково справедливой, имена и дела очень многих геологов замалчивались, оказались забытыми и полузабытыми. А о делах и именах целой категории исследователей недр, попавших в этот край в качестве политических узников, вообще умалчивалось и в документах тех времен, и в более поздних исторических оценках. Восстановить реальную картину изучения и освоения недр Тимано-Печорского края – призваны современники этих процессов и историки науки». По мнению Н.П. Юшкина, академический архив «является одним из самых надежных хранилищ для хранения подобных видов документов»[12].

Свои воспоминания К.В. Флуг написал как альтернативу художественно-историческому произведению А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», в котором, по его мнению, показаны только негативные стороны лагерной жизни. В 1980-е гг. в СССР и особенно за рубежом массово публиковались воспоминания об ужасах ГУЛАГа. Флуг относился к этому негативно, как к антисоветской пропаганде с целью идеологической борьбы против государства[13], считал, что история ГУЛАГа очень важна для современных поколений, и потому должна быть представлена объективно и всесторонне. Прожив в системе исправительно-трудовых лагерей более двадцати лет, геолог изложил свой взгляд на нее изнутри, представив не только как символ насилия, но показав и другую сторону – взаимовыручку узников и проявление гуманности некоторыми надзирателями. Сравнивая ГУЛАГ с опричниной Ивана Грозного, он все же считал, что от него *«осталось много полезного для развития страны»*[14]. Схожий подход отражен в воспоминаниях Михаила Михайловича Розанова, заключенного Ухтпечлага (его мемуары о пребывании в советских лагерях были впервые опубликованы в Германии (Розанов 1951):

> «Я отдал концлагерям свыше одиннадцати лет жизни – срок, который выдерживают единицы на миллион. […] В моей книге нет ни одного выдуманного факта... Описывая концлагерь, я не выпячивал его мрачных сторон, о которых и так уж достаточно известно из пропагандной литературы, мой труд – не для игры на нервах читателей и не для упрощенной пропаганды. […] И в концлагерях встречаются хорошие люди, которые, даже служа большевизму, пытаются как-то облегчить участь заключенных. Режим и люди – не одно и то же. Режим страшнее людей, самых свирепых. Я обвиняю режим […]»[15].

---

[12] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.20. Оп. 1. Д. 88. Л. 3.
[13] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.20. Оп. 1. Д. 88. Л. 6.
[14] Там же. Л. 6–7.
[15] Розанов 2006. С. 17.

Неоднозначная оценка значения ГУЛАГа в истории нашей страны не позволила К.В. Флугу на рубеже 1980–1990-х гг. полностью опубликовать свои воспоминания. Вместе с его рукописью в архив попала переписка с редакцией журнала «Новый мир» за 1987 г. В одном из писем, причиной отказа в публикации этой работы было названо «литературное несовершенство»[16]. Однако более вероятной причиной стала позиция мемуариста, отличная от превалирующего в общественном сознании взгляда на ГУЛАГ. На местном уровне было предложено опубликовать этот материал в воркутинской газете «Заполярье», но ее подшивки за 1987–1995 гг. не сохранили имени Флуга на своих страницах. В 1980-е гг. в центральных журналах был опубликован ряд его заметок о несправедливом отношении к узникам ГУЛАГа в постперестроечное время[17], а в 1990 г. воспоминания «Воркута – Черный остров ГУЛАГа» частично были опубликованы в газете «Геолог Севера»[18].

Трудно определить жанр рукописи «Воркута – Черный остров ГУЛАГа». Сам автор называл её романом, хотя это классические воспоминания, в которых описываются реальные события и реальные люди, что подтверждают и слова самого мемуариста о своем произведении: «Мои строго документированные личные воспоминания за проведенные в системе ГУЛАГа почти четверть века»[19]. Мемуарам Флуг пытался придать литературную форму, добавив к описанию быта и лагерной повседневности соображения о влиянии общественных событий на свою судьбу и судьбу других заключенных. Воспоминания изложены не в строгой хронологии, а согласно эмоциональным впечатлениям автора. Рукопись включает тематические разделы: «Земля», «Труд», «Дела и люди заключенные (З/К) и вольнонаемные (В/Н)», «Война», «Любовь».

В разделе «Земля» автором показаны «первые шаги империи ГУЛАГа»[20] на Воркуте. В 1931 г. геологическая партия Ухто-Печорского исправительно-трудового лагеря начала освоение Воркутского угольного месторождения, основав на правом берегу р. Воркута поселок Рудник. Первый этап осужденных 3 тыс. чел. был прислан сюда в 1932 г. из Салехарда[21]. С этой датой, как бывший заключенный, Флуг и связывает начало истории Воркуты. Лагерь на р. Воркута располагался в 150 км севернее Полярного круга, в зоне распространения вечной мерзлоты. Зимой морозы здесь достигали 50 градусов. Около 100 суток бушевали метели, в результате которых земля покрывалась трехметровой коркой

---

[16] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.20. Оп. 1. Д. 88. Л. 144.
[17] См. напр.: письмо К.В. Флуга под рубрикой «Помнить о жертвах» в журнале «Смена». 1989. №2. С. 10.
[18] Флуг 1990.
[19] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.20. Оп. 1. Д. 88. Л. 6.
[20] Там же. Л. 10.
[21] Воркута – город на угле... 2011. С. 232.

смерзшегося снега. Положение заключенных усугублялось отдаленностью территории от центра страны и суровостью климата. Флуг описывает сложности транспортировки осужденных в далекое Заполярье:

> «Первые этапы шли пешком с пристани Воркута-Вом, то есть Устья, куда людей доставляли на баржах через Нарьян-Мар[22], Усть-Цильму[23] и Усть-Усу[24] на Печоре и Усе. Путь очень далекий. Возникла проблема транспорта. Сначала для доставки людей, потом для вывоза первых партий угля. Большеземельская тундра не имеет дорог, только древние тропы […]. Попробовали другой маршрут, с востока, много короче, чем западный. Привезли этап по Оби и из Салехарда[25] повели через перевал на Усу. Но из первых этапов дошло так мало кадров, что больше опыт транспортировки людей через Урал не повторялся. Селедочный паек в сочетании с болотной водой тундры клал людей не хуже автоматных очередей. Подумали было и об еще более коротком пути на север, к флюоритовому поселку Амдерма, но по нехоженому трехсоткилометровому маршруту по тундровым торфяникам отказалась следовать охрана. Так и возили этапы баржами по Усе, вверх – людей, вниз по течению отправляли уголь»[26].

Сам К.В. Флуг попал на Воркуту в 1935 г., когда процесс переброски заключенных уже был налажен. О первых этапах он, видимо, узнал у других узников. По словам мемуариста, в лагпункте на пристани Воркута-Вом заключенных распределяли на работы, кто сильнее отправляли на добычу угля и строительство шахты, остальных оставляли на строительстве узкоколейной дороги, которая должна была связать поселок Рудник с пристанью Воркута-Вом на р. Уса[27]. Настоящим бедствием для железной дороги были частые аварии подвижного состава и снежные заносы. На значительном протяжении пути не было никакой балластной подушки, и шпалы укладывали прямо на глинистую почву. Начальник Ухто-Печорских лагерей Я.М. Мороз, «человек энергичный, но технически безграмотный» (характеристика дана первым начальником Воркутинской железной дороги П.И. Шереметенко), всячески форсировал темпы строительства, игнорируя нормы и ограничения[28].

На момент прибытия К.В. Флуга на Воркуту узкоколейная дорога уже функционировала, однако, по его словам, «самый грозный враг Заполярья – вечная мерзлота», не позволила соорудить надежную дорогу. Вот как он описал увиденное: «Уже построили узкоколейную железную

---

[22] Нарьян-Мар – город, административный центр Ненецкого автономного округа. Расположен за Полярным кругом, в низовьях р. Печора, в 110 км от Баренцева моря.
[23] Усть-Цильма – село в Республике Коми, административный центр Усть-Цилемского района. Основано в 1542 г.
[24] Усть-Уса – село в Республике Коми. Основано в 1765 г.
[25] Салехард (до 1933 г. – Обдорск). Основан в 1595 г., получил статус города в 1938 г.
[26] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.20. Оп. 1. Д. 88. Л. 11.
[27] Там же. Л. 12. Строительство дороги началось в 1933 г. Дорога в 64 км была проложена за 103 дня с огромными человеческими потерями. В 1934 г. по ней была отгружена первая партия угля. См.: Воркута – город на угле… 2011. С. 234, 252.
[28] Морозов 1997. С. 26.

дорогу, и она работала. Не беда, что с изъянами, валились под откос паровозики, земляное полотно местами вспучивалось от наледей, а выемки в пургу засыпались до верха»[29]. Из описаний автора мы узнаём, что к 1936 г. на р. Воркута функционировала первая шахта и промышленная зона на западном берегу реки, а на восточном берегу строилась первая теплоэлектроцентраль и поселок для вольнонаемных. Начала работу Воркутинская научно-исследовательская мерзлотная станция, приступив к изучению возможности строительства на вечномерзлых грунтах[30].

К.В. Флуг описал бытовое устройство лагеря:

> «Зона представляла из себя несколько десятков длинных одноэтажных бараков с каркасом, обшитым досками с засыпкой опилками или шлаком, с несколькими печами-плитами. В общих бараках было тесно, в два яруса сплошные нары, но с первых же лет строительства были выделены бараки для и[нженерно]те[хнических]эр[аботников] с вагонной системой нар, затем появились дома для стахановцев с моечной системой. В особом бараке помещался медпункт с больничным стационаром, здание клуба КВЧ – культурно-воспитательной части – с библиотекой, радиоаппаратной и кинозалом по воскресениям. Большое здание столовой. На отшибе два каменных здания из красного кирпича – баня и пекарня с высокой трубой. При бане наружные пристройки с печами-вошебойками»[31].

Условия в лагере были исключительно тяжелыми, в таком положении каждому заключенному необходимо было найти смысл своего существования. Для многих, как и для Флуга, им стал труд, чему он посвятил отдельную часть своих мемуаров. Он утверждал, что именно труд позволял заключенным выживать и оставаться людьми[32]. Работа помогала абстрагироваться от окружающей обстановки, почувствовать свою ценность для страны. Обязанность заключенных трудиться была закреплена в исправительно-трудовом кодексе РСФСР. Регулярно проводились мощные идеологические компании, как на свободе, так и в лагерях, об искуплении трудом узниками своей вины перед государством. Для достижения целей модернизации страны необходим был «новый человек», осознававший свою историческую роль. Тем самым во всех сферах жизни, а также в лагерях ГУЛАГа был запущен идеологический проект «перековки советских граждан», который внедрял новый образ жизни, основанный на труде и коллективизме. В лагерях предусматривалась система поощрения за хороший труд: увеличение пайка, перевод на ква-

---

[29] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.20. Оп. 1. Д. 88. Л. 12. Интересно сравнить это описание с воспоминаниями другого заключенного, который отбывал срок на Воркуте в те же годы: «На берегу Усы начиналась проложенная по болотам и мерзлоте узкоколейная железная дорога до Воркуты. Мы называли ее «рельсокачающейся». Мерзлота подтаивала, вспучивалась и коверкала насыпь, поезд из маленьких вагончиков и платформ шел по рельсам переваливаясь, как утка». – Васильев 1991. С. 173.

[30] См. подробнее: Филиппова, Лисевич 2018.

[31] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.20. Оп. 1. Д. 88. Л. 14–15.

[32] Там же. Л. 17.

лифицированную работу, предоставление лучших условий содержания и т.д. Реализацию этого проекта демонстрируют мемуары К.В. Флуга.

После убийства С.М. Кирова в 1934 г. положение заключенных, осужденных по 58 ст. УК РСФСР резко ухудшилось. В 1935–1937 гг. политзаключенные, работавшие по специальности, повсеместно переводились на общие физические работы в отдаленные участки. Многим увеличили срок заключения. В 1935 г. Флуг был снят с работы специалистом в пос. Водном и переведен в лагерь на Воркуте – на работу по строительству и ремонту узкоколейной дороги. В 1936 г. он получил дополнительно пять лет заключения за побег. Этот период автор назвал «*самые страшные непривычностью годы*»[33].

В 1938 г. положение осужденных в Воркутлаге изменилось. Начальником лагеря был назначен Л.А. Тарханов, который распорядился использовать зеков на работах по специальности. Формуляр заключенного К.В. Флуга, в котором была указана его возможная профессия – техник-химик, и хорошее выполнение физической работы позволили ему оказаться среди инженерно-технических работников. Работа в качестве специалиста дала ему право на бесконвойное передвижение вне зоны. Получение права передвижения без охраны за пределами лагеря К.В. Флуг воспринимал как свободу, которая дала ему возможность заниматься любимым делом – геологией. Увлечение геологическими исследованиями позволили ему найти жизненную цель в годы заточения – внести свой вклад в освоение Севера. Передвигаясь по Большеземельской тундре, он выяснял у местного населения сведения о полезных ископаемых; вопреки отчетам профессиональных геологов добивался от руководства лагеря возможности продолжить геолого-поисковые работы. В своих воспоминаниях и автобиографических документах К.В. Флуг упоминает о значимых геологических открытиях, сделанных им в период заключения: «*В 1937 г. открыл Воркутскую железную руду – тонкие пласты сидеритов и сферосидеритов в угленосной толще (работу продолжил [А.]В. Македонов*[34]*). […] В 1940 г. открыл молибденит на р. Харбей (работу продолжили Софронов*[35] *и другие геологи, получили ордена). В 1946 г. Тальковый камень на Полярном Урале. […] В 1942 г.*

---

[33] Там же. Л. 13.

[34] Македонов Адриан Владимирович (1909–1994), геолог-угольщик. В 1937 г. осужден по ст. 58 УК РСФСР на восемь лет исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал в Воркуте. Результаты исследований на Воркуте легли в основу диссертации на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук на тему: «Угленосная формация Печорского бассейна», которую он защитил в 1965 г.

[35] Софронов Георгий Петрович (1902–1975), геолог, заслуженный деятель науки и техники Коми АССР. В 1935 г. арестован и осужден по ст. 58 УК РСФСР на пять лет, заключение отбывал в Воркутлаге. В 1946 г. за открытие Харбейского месторождения молибденита, а также залежей хромита, магнезита с него была снята судимость. До 1956 г. работал в Воркуте.

открыл марганец на р. Усе, оценку давал академик Федоровский[36]*»*. Однако, как отмечает мемуарист ни одно из сделанных им открытий не было удостоено наград. Единственным поощрением его геологической работы стала благодарность и денежная премия, выданная начальником Воркутлага М.М. Мальцевым за открытие и промышленное освоение глауконитовых песчаников на р. Сейда. Использование местного сырья позволило независимо от централизованного снабжения, прекратившегося в военное время, запустить цех водоочистки Воркутинской ТЭЦ[37].

«Перековка граждан» в лагерях ГУЛАГа включала и профессиональную подготовку. Мемуары Флуга показывают, как в лагерях развивалась система образования для заключенных. Именно в годы заточения Константин Валерианович сформировался как геолог-практик, полюбил эту науку и профессию, связав с ней всю оставшуюся жизнь. В учебном комбинате лагеря он окончил курсы техников-автодорожников. Большую роль сыграло его стремление к самообразованию. Воспоминания показывают, что в лагере он самостоятельно изучал геологическую литературу. Расширению знаний способствовал и круг общения мемуариста. В эти годы на Воркуте оказались лучшие представители советской научной интеллигенции, и молодому человеку было у кого поучиться.

В геологоразведочной части он работал под руководством Константина Генриховича Войновского-Кригера (1894–1979), известного исследователя Севера, доктора геолого-минералогических наук (1955), организатора геологической службы Воркуты. Будучи заключенным, он создал на Воркуте геологическую школу, организовал курсы коллекторов для подготовки технического персонала геологической службы, геологический кружок. Под его руководством в лагере обучались люди различных специальностей: В.В. Гречухин, А.И. Блохин, Г.М. Ярославцев, Д.И. Вашкевич и др.; а также те, кто не получил специального образования[38]. Среди последних оказался и К.В. Флуг.

Работая чертежником, Константин Валерианович готовил чертежи для заключенного Воркутлага, известного русского архитектора, специалиста по высотному строительству Вячеслава Константиновича Олтаржевского (1880–1966), брал у него уроки строительного проектирования. В углехимической лаборатории лагеря Флуг работал с Иваном Константиновичем Траубенбергом (1882–1952), химиком, профессором Киевского политехнического института. Под его руководством молодой геолог учился выполнять химические анализы горных пород. По словам

---

[36] Федоровский Николай Михайлович (1886–1956), основоположник прикладной минералогии, доктор геолого-минералогических наук, профессор МГУ, член-корр. АН СССР. В 1937 г. арестован, осужден по ст. 58 УК РСФСР на пятнадцать лет, заключение отбывал в Воркутлаге. В 1942 г. переведен в Москву.

[37] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.20. Оп.1. Д. 88. Л. 240-241.

[38] Маркова, Войновская 2001. С. 59, 68–69, 75.

автора, с этим человеком его связывала крепкая дружба на протяжении всего заключения. Многие профессионалы, одаренные люди оказались в северной тундре, так как территория грандиозного строительства остро нуждалась в высококвалифицированных кадрах. В связи с началом Великой Отечественной войной они, после освобождения из заключения, были принудительно оставлены на Воркуте и работали здесь долгие годы в качестве вольнонаемных сотрудников.

Жизни людей в лагере в годы войны К.В. Флуг посвятил отдельную часть своих мемуаров. Он писал, что многие заключенные восприняли весть о начале войны с радостью и надеждой на скорое освобождение: *«Теперь всех распустят по домам, охрану пошлют на фронт. Нет смысла государству сохранять второй фронт – внутренний […] теперь все силы пойдут на отражение врага внешнего,* – однако большинство беспокоилось о судьбе своих близких, – *особенно тех, у кого семьи жили в Белоруссии, на Украине»*[39]. В эти годы значение Воркутинского угля для промышленности страны увеличилось в разы. Оккупация территории Донбасса сделала Заполярье единственным источником угля. Строительство на Воркуте шло масштабными темпами, к 1943 г. было заложено более десяти шахт. *«Нужна была стране Воркута. Воркуте нужны были трудовые кадры. Кадры, которые решают все и во все периоды развития государства»*[40], пишет мемуарист. Для транспортировки угля в кратчайший срок была достроена Печорская железнодорожная магистраль, уже в декабре 1941 г. по ней был отправлен первый эшелон угля. Эта дорога, как и первая узкоколейная, также была построена ценой множества человеческих жизней. Её строительство стало поворотным пунктом не только в истории Воркутлага, но и экономического развития всей территории европейского Северо-Востока страны.

Война внесла коррективы в повседневную жизнь Воркутлага. В первые месяцы войны усилилась охрана лагеря, пишет К.В. Флуг, стариков на вышках заменили молодые хорошо вооруженные кадры. Обстановку в лагере он описывает как спокойную, несмотря на то, что в годы войны было прекращено освобождение заключенных. Ввиду трудностей с поставками продовольствия в начале войны ухудшилось снабжение лагеря, о чем свидетельствует рассказ о цинге и скорбуте среди заключенных. Но к концу 1943 г. в связи с освобождением некоторых территорий страны ситуация со снабжением лагеря улучшилась. По свидетельству автора, в пайках квалифицированных заключенных, работающих вне зоны, и тундровиков, появились канадские и американские продукты, эшелонами доставлялись подарки – одежда, обувь[41].

---

[39] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.20. Оп. 1. Д. 88. Л. 26.
[40] Там же.
[41] Там же. Л. 28-29.

Мемуарист пишет об изменении контингента заключенных. На Воркуту были сосланы несколько тысяч молодых мужчин из расформированной в августе 1941 г. Автономной Социалистической Советской республики Немцев Поволжья, которые направлялись на самые тяжелые работы в шахтах. К концу войны в составе этапов прибывали власовцы, бандеровцы и военнопленные, для которых был введен особый ужесточенный режим. В 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР в лагерях для изменников Родины и предателей был введен режим каторги. Согласно этому указу, на Воркуте были организованы каторжные отделения с установлением особо строгого режима». К концу 1945 г. численность заключенных Воркутлага достигла более 50 тыс. человек[42].

Значительное место в своих воспоминания К.В. Флуг уделил рассказу о людях, с которыми он находился в заключении. Об этом он подробно пишет в главе – «Дела и люди З/К [заключенные] и В/Н [вольнонаемные]». За 12 лет нахождения К.В. Флуга в Воркутинском лагере сменился не один его начальник (Я.М. Мороз (1931–1938), Л.А. Тарханов (1938–1941), М.М. Мальцев (1943–1946). Но единственный, который в памяти геолога оставил хорошее впечатление и получил характеристику в мемуарах – Михаил Митрофанович Мальцев (1904–1982). Он был, по мнению Флуга, *«великим энтузиастом освоения Заполярья»,* человеком, который *«видел будущее»*[43], поддерживал любую инициативу. Ему принадлежит идея создания на Воркуте профессионального театра, строительства стадиона. К этой личности бывший узник Воркуты относился с уважением, так как он сыграл значительную роль в его жизни. М.М. Мальцев пригласил мать Константина Валериановича Н.Н. Флуг на работу. В 1944 г. по его инициативе был открыт Воркутинский горный техникум, где она работала заместителем директора по науке до 1947 г. В этот период в Воркуте находился и брат К.В. Флуга – Вячеслав. Он также был переведен в Воркутлаг, в 1939 г. был освобожден, но до 1945 г. оставался в Воркуте, в качестве вольнонаемного, работал художником в лагерном клубе. Так семья Флугов смогла воссоединиться.

В трудных условиях заточения большое значение имело для людей общение друг с другом. В изоляции люди испытывали духовный голод, до войны здесь не было театров, культурной жизни. Эту нехватку люди компенсировали общением друг с другом. Волею судеб сюда попали люди разных категорий: ученые, артисты, инженеры, рабочие, крестьяне. Среди них были как заключенные, так и вольнонаемные работники, семьи узников Воркутлага, последовавшие за своими близкими. Лагерные кадры не были изолированной группой, мир заключенных находился во взаимосвязи с миром вольнонаемных.

---

[42] Воркута – город на угле... 2011. С. 261.
[43] НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.20. Оп. 1. Д. 88. Л. 22.

Мемуарист с теплотой и благодарностью вспоминал встречи, которые организовывали жены заключенных, например, И.А. Войновская-Кригер, следовавшая за своим супругом по местам заключения. Такие встречи происходили и дома у Флугов. В этих компаниях были ученые, инженеры, артисты, писатели, художники, музыканты (П.Э. Бендель, Б.С. Дейнека, Г.И. Шухмин, Н.К. Печковский и др.). Несмотря на все пережитое, большинство заключенных оставались людьми с чувством собственного достоинства, способностью к творчеству, с чувством юмора. Находясь в лагерях, они создавали семьи, воспитывали детей. В 1947 г. К.В. Флуг женился на Ольге Константиновне Писаревой, от этого брака у него родилась дочь Наталья.

В условиях демократизации российского общества все большую актуальность приобретает переоценка печально известных страниц истории нашего государства. В данном контексте основная задача, которая стоит перед современными историками – создание объективной и всесторонней картины минувших требует расширения источниковой базы, позволяющей выявить новые аспекты прошлого. Неопубликованные воспоминания геолога К.В. Флуга, выявленные в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН, совсем невелики по объему, но бесценны по содержанию. Они представляют индивидуальное восприятие событий рядовым заключенным лагерей ГУЛАГа. В его воспоминаниях система исправительно-трудовых учреждений, сопряженная с насилием над личностью, представляется не только в негативных образах, но имевшей также положительную составляющую, которая заключалась в проявлении гуманности, как среди заключенных, так и надзирателей лагеря. Большое значение имело отношение самого автора к испытаниям, выпавшим на его долю. Он воспринял их не как трагедию, а как толчок для саморазвития, что позволило К.В. Флугу достаточно успешно реинтегрироваться в новой жизни после возвращения из мест заключения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф.20. Оп. 1. Д. 88.

Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 163.

Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф.20. Оп. 1. Д. 166.

Абатуров О. Д. Воспоминания // Архивы Урала. 1996. № 2 (4). С. 221–226 [Abaturov O.D. Vospominaniya // Arhivy Urala. 1996. № 2 (4). S. 221–226].

Абель А. Ф. На трассе лежневой дороги // Жизнь – смерть – жизнь: (Из незабываемого страшного прошлого). Рига: Лидумс, 1993. С. 118–138 [Abel' A.F. Na trasse lezhnevoj dorogi // ZHizn' – smert' – zhizn': (Iz nezabyvaemogo strashnogo proshlogo). Riga: Lidums, 1993. S. 118–138]/

Абламский В. П. Харбин – Вихоревка // Озерлаг: как это было / сост. и авт. предисл. Л.С. Мухин. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1992. С. 252–258 [Ablamskij V.P. Harbin – Vihorevka // Ozerlag: kak ehto bylo / sost. i avt. predisl. L.S. Muhin. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. S. 252–258].

Бадаш С. Ю. Колыма ты моя, Колыма...: Нью-Йорк: Effect Publ. Inc., 1986. 110 с. [Badash S. YU. Kolyma ty moya, Kolyma.... N.Y.: Effect Publishing Inc., 1986. 110 s.]

Бердинских В.А. История одного лагеря (Вятлаг). М.: Алграф, 2001. 463 с. [Berdinskih V.A. Istoriya odnogo lagerya (Vyatlag). M.: Algraf, 2001. 463 s.]

Васильев В. Вьюги Воркутлага // Печальная пристань / сост. Кузнецов И. Л. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1991. С.145-203 [Vasil'ev V. V'yugi Vorkutlaga // Pechal'naya pristan' / sost. Kuznecov I. L. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1991. S. 145-203].

Воркута – город на угле, город в Арктике. 2-е доп. и перераб. изд. / Отв. ред.-сост. М.В. Гецен. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2011. 512 с. [Vorkuta – gorod na ugle, gorod v Arktike. Vtoroe dopolnennoe i pererabotannoe izdanie / Otv. кed.-sostavitel' M.V. Gecen. Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya, 2011. 512 s.]

Земсков В.Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; № 7. С. 3–16 [Zemskov V.N. GULAG: istoriko-sociologicheskij aspekt // Sociologicheskie issledovaniya. 1991. № 6. S. 10–27; № 7. S. 3–16].

Земсков В.Н. Заключённые в 1930-е годы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 54–59 [Zemskov V.N. Zaklyuchyonnye v 1930-e gody // Otechestvennaya istoriya. 1997. № 4. S. 54–59].

Иванова Г.М. ГУЛАГ в советской государственной системе, конец 1920-х – середина 1950-х гг. Дисс… д.и.н. М., 2002. 430 с. [Ivanova G.M. GULAG v sovetskoj gosudarstvennoj sisteme, konec 1920-h – seredina 1950-h gg. // Diss... doktora istoricheskih nauk. Moskva, 2002. 430 s.] URL: http://www.dissercat.com/content/gulag-v-sovetskoi-gosudarstvennoi-sisteme-konets-1920-kh-seredina-1950-kh-gg.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 436 с. [Ivanova G.M. Istoriya GULAGa, 1918–1958: social'no-ehkonomicheskij i politiko-pravovoj aspekty. M.: Nauka, 2006. 436 s.]

Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала (1920-е – начало 50-х гг.). В 2-х ч. Ч. 1-2. Нижний Тагил, 1996 [Kirillov V.M. Istoriya repressij v Nizhnetagil'skom regione Urala (1920-e – nachalo 50-h gg.). V 2-h ch. CH. 1-2. Nizhnij Tagil, 1996].

Маркова Е. В., Родный А. Н. Наука Воркутлага как феномен тоталитарного государства // Вестник Института естествознания и техники. 1998. № 3. С. 60–77 [Markova E.V., Rodnyj A. N. Nauka Vorkutlaga kak fenomen totalitarnogo gosudarstva // Vestnik Instituta estestvoznaniya i tekhniki. 1998. № 3. S. 60–77].

Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Войновский-Кригер. 1874–1979. М.: Наука, 2001. 114 с. [Markova E.V., Vojnovskaya K.K. Konstantin Genrihovich Vojnovskij-Kriger. 1874–1979. M.: Nauka, 2001. 114 s.]

Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. Гулаговские тайны освоения Севера. М.: Стройиздат, 2002. 326 с. [Markova E.V., Volkov V.A., Rodnyj A.N., YAsnyj V.K. Gulagovskie tajny osvoeniya Severa. M.: Strojizdat, 2002. 326 s.]

Марченко А.Т. «…Долг нашей человеческой совести» / публ. и предисл. Л. Богораз // Горизонт. 1989. № 7. С. 29–37 [Marchenko A.T. «…Dolg nashej chelovecheskoj sovesti» / publ. i predisl. L. Bogoraz // Gorizont. 1989. № 7. S. 29–37].

Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1997. 190 с. [Morozov N.A. GULAG v Komi krae. 1929–1956. Syktyvkar: Syktyvkarskij gosudarstvennyj universitet, 1997. 190 s.]

Морозов Н.А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954 годы). Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1998. 156 с. [Morozov N.A. Osobye lagerya MVD SSSR v Komi ASSR (1948–1954 gody). Syktyvkar: Syktyvkarskij gosudarstvennyj universitet, 1998. 156 s.]

Попов А.А. «Сидели мы как-то с графом». ГУЛАГ как собрание неординарных биографий // «Красное Знамя». 2014. 11 июня [Popov A.A. «Sideli my kak-to s grafom». GULAG kak sobranie neordinarnyh biografij // «Krasnoe Znamya». 2014. 11 iyunya].

Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 томах. Том 1. Март 1953 – февраль 1956. / Сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М.: МФД, 2000. 503 с.[Reabilitaciya: kak ehto bylo. Dokumenty Prezidiuma CK KPSS i drugie materialy. V 3-h tomah. Tom 1. Mart 1953 – fevral' 1956 / Sost. Artizov A.N., Sigachev YU.V., Hlopov V.G., SHevchuk I.N. M.: MFD, 2000. 503 s.]

Розанов М. Завоеватели белых пятен. Лимбург: издательство «Посев», 1951. 286 с. [Rozanov M. Zavoevateli belyh pyaten. Limburg: izdatel'stvo «Posev», 1951. 286 s.]

Розанов М. М. Завоевание белых пятен Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 8. Ч. 2 / Коми респ. общест. фонд «Покаяние» / Сост. Е. А. Зеленская, М. Б. Рогачев. Сыктывкар, 2006. С. 17–177 [Rozanov M. M. Zavoevanie belyh pyaten Pokayanie: Komi respublikanskij martirolog zhertv massovyh politicheskih repressij. T. 8. CH. 2 / Komi resp. obshchest. fond «Pokayanie» / Sost. E. A. Zelenskaya, M. B. Rogachev. Syktyvkar, 2006. S. 17–177].

Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России. Дисс… д.и.н. Архангельск, 2009. 485 с. [Upadyshev N.V. GULAG na Evropejskom Severe Rossii. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskih nauk. Arhangel'sk, 2009. 485 s. URL: http://www.dissercat.com/content/gulag-na-evropeiskom-severe-rossii]

Филиппова Т.П., Лисевич Н.Г. История Воркутинской научно-исследовательской мерзлотной станции // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2018. №3. С. 101–110 [Filippova T.P., Lisevich N.G. Istoriya Vorkutinskoj nauchno-issledovatel'skoj merzlotnoj stancii // Izvestiya Komi NC UrO RAN. 2018. №3. S. 101–110].

Флуг К.В. Воркута – Черный остров ГУЛАГа. Главы из повести // Геолог Севера. 1990. 2, 9, 16 августа [Flug K.V. Vorkuta – CHernyj ostrov GULAGa. Glavy iz povesti // Geolog Severa. 1990. 2, 9, 16 avgusta].

Филиппова Татьяна Петровна, *кандидат исторических наук, научный сотрудник, Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения РАН (Сыктывкар); tanya.tatiana-fil@yandex.ru*

Симакова Светлана Алексеевна, *младший научный сотрудник, Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения РАН (Сыктывкар); kar2@frc.komisc.ru*

The system of GULAG in perception of the geologist K.V. Flug: according to pages of unpublished memoirs

In article K.V. Flug's memoirs "Vorkuta – the Black island of GULAG", remained in Scientific archive Komi of scientific center of the Ural office of the Russian Academy of Sciences are analyzed. Memoirs narrate the story of the author’s being in the Vorkuta labor camp in 1936-1947. The reasons and the purposes which induced the author to compile the memoirs are defined. Transformation of outlook of the person, under the influence of sufferings is shown. K.V. Flug’s individual perception of the events happening in labor camp these years is considered. The conclusion is drawn conserning the value of the revealed historical source, which expands borders of studying of a phenomenon of GULAG.

Keywords: GULAG, K.V. Flug, memories, Komi Scientific archive of the scientific center of the Ural office of the Russian Academy of Sciences, Vorkuta, repression, prisoner, individual perception

Tatyana Filippova*, PhD (History), researcher, Department of humanitarian interdisciplinary researches, Federal research center «Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences» (Syktyvkar, RF), tanya.tatiana-fil@yandex.ru*

Svetlana Simakova*, junior researcher, Department of humanitarian interdisciplinary researches, Federal research center «Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences» (Syktyvkar, RF), kar2@frc.komisc.ru*

Г. В.Копелева

ВОСПОМИНАНИЯ ДО ВОСПОМИНАНИЙ «В ЛАБИРИНТЕ МИРА» МАРГЕРИТ ЮРСЕНАР

Статья посвящена трилогии классика французской литературы XX века Маргерит Юрсенар «В лабиринте мира», в которой писательница прослеживает историю нескольких поколений своих предков. Подробно анализируется жанровая специфика этого произведения, совмещающего в себе мемуары, автобиографию, семейную хронику, элементы исторического произведения и романа, эссеистические размышления. Рассматривается также значимость для Юрсенар таких общих понятий, как человек и его бытие, время, вечность, связь и преемственность поколений, и их отражение в ее книгах воспоминаний.

Ключевые слова*: *Маргерит Юрсенар, французская литература XX века, мемуары, автобиография, семейная хроника, связь поколений, жанровая специфика, исторический контекст, роль автора, понятие вечности

«Куда оно девается, ушедшее время? Где его обитель…»[1].

В мировой литературе XX века Маргерит Юрсенар – явление уникальное. Нечасто бывает, чтобы еще при жизни писателя причислили к сонму классиков и признали одним из лучших стилистов среди тех ее современников, что писали на французском языке. Почитатели ее дарования отмечали классическую ясность языка писательницы, его кристальную прозрачность, высокий полет ее мысли. Среди современных ей авторов Юрсенар, бесспорно, выделяется интеллектуализмом, эрудицией, глубиной и разносторонностью своих познаний.

Первая женщина, избранная во Французскую академию, Маргерит Юрсенар родилась в 1903 г. в Бельгии, с которой была связана родовыми корнями, имела французское и американское гражданство, с 1947 г. поселилась в США, где вела уединенную жизнь на острове Маунт-Дезерт («Пустынные Холмы») в штате Мэн и где в 1987 г. тихо угасла.

Литературное наследие писательницы включает более 60-ти сочинений: романы, повести, поэтические сборники, новеллы, пьесы, эссе, три тома воспоминаний, переводы. И жанры, и сюжеты она избирала самые разнообразные, и, тем не менее, между всеми ее произведениями пролегают связующие нити. Попытки их отыскать предпринимались неоднократно при анализе ее творчества. По словам Жана д'Ормессона, писателя, философа и дипломата, приветствовавшего Юрсенар речью при ее вступлении во Французскую академию, стихией, в которой обитает все вышедшее из-под ее пера, является история: «Мы могли бы сказать, что ваша мысль, ваши чувства, страсти, ваши надежды, ваш стиль

[1] Записные книжки Анны Ахматовой 1996. С. 644.

неотделимы от истории человечества»[2]. Действительно, многие страницы ее книг повествуют о далеком прошлом, но эти ушедшие времена неожиданно оказываются необычайно нам близкими.

Еще в юные годы отец раскрыл перед будущей писательницей безграничные просторы античной культуры. Он же привил ей любовь к путешествиям, к древним и новым языкам, к философии и истории. Никогда не устаревающие античные сюжеты и образы, мифологизация действительности осознавались Юрсенар как вызов человека безжалостному времени. Мотивы вечности, безбрежного и вместе с тем замкнутого земного пространства, бытования человека в мире, где он заключен в географические и временные рамки, стали для нее предметом постоянных раздумий. Что канет в Лету, а что пребудет, пока пребудет человеческий род? Размышления о бренном и вечном писательница вкладывала в уста своих персонажей:

> «Если люди даже и освободятся от чрезмерной кабалы, – с грустью констатирует император Адриан, – если они и избавятся от необязательных бед, то всегда останется в мире, для поддержания свойств человеческой натуры, нескончаемая вереница подлинных бед – смерть, старость, неизлечимые болезни, неразделенная любовь, отвергнутая или обманутая дружба, скука обыденной жизни, оказавшейся менее яркой, чем она представлялась нам в наших проектах и рисовалась в мечтах, – все те горести, что коренятся в установленной богами природе вещей»[3].

Жизнь человека скоротечна, но каждая судьба – это неповторимый огромный мир, который, по окончании земного срока, не исчезает бесследно, а становится частицей необъятной и безграничной Вечности. Философски осмысленное, понятие вечности постоянно притягивало писательницу, о чем свидетельствуют фрагменты интервью и ее многочисленные комментарии к своим произведениям, ее высказывания по разным поводам. 22 января 1981 г., в речи при вступлении во Французскую академию, воздавая дань уважения своему предшественнику, Юрсенар отмечала: «…Вероятно, никто лучше, чем Роже Кайюа, …не впитал в себя эту аллюзию на схожие с геологическими слои времени, на неисчислимые частицы длительности, беспрестанно струящейся как песок, который будет нас заносить, когда нас не будет на свете»[4].

Квинтэссенцией философских размышлений Юрсенар о вечном и бренном, о жизни, человеке, истории, об отдельных судьбах и судьбах сменяющих друг друга поколений стали ее последние крупные произведения – три книги воспоминаний. Их можно расценивать как своего рода «печать, поставленную Маргерит Юрсенар в конце своей жизни и своего творчества»[5]. В 1974 г. была издана первая часть – «Благочес-

---

[2] Ormesson.
[3] Юрсенар 2004. С. 106.
[4] Discours de réception de Marguerite Yourcenar.
[5] Brignioli 1989. P. 11.

тивые воспоминания», за ними, в 1977 г., последовали «Северные архивы» и через десять лет, в 1988 г., третья часть – «Что? Вечность», опубликованная посмертно в незавершенном виде и названная строкой из А. Рембо. Но обозначенные временные рамки значительно расширятся, если погрузиться в творческую лабораторию Юрсенар и начать с истоков.

Свое предназначение для писательской стези Маргерит, тогда еще Крейанкур (псевдоним Юрсенар – анаграмма ее настоящей фамилии), ощутила довольно рано. Явление, наверное, не самое редкое, но в случае с Юрсенар поражает другое: многие из своих магистральных тем и сюжетов она задумывала на заре юности, а затем, в течение жизни, они вызревали и, прежде чем обрести окончательную литературную форму, всплывали отдельными эпизодами, отголосками в других ее произведениях. Таким «кочующим» стал сюжет ее мемуарной трилогии. «В двадцать лет я вынашивала огромный исторический роман, в который намеревалась вместить, дав волю фантазии, все поколения моей семьи»[6]. Действие этого романа – «Водовороты» – должно было развиваться на протяжении нескольких веков. И первое погружение в семейные архивы состоялось уже тогда. В этом замысле, отмечает А.-И. Жюльен, проявилась так свойственная уже зрелой Юрсенар способность «выткать текстуальные сплетения и с легкостью преступить границы между поколениями»[7]. В 1934 г. мотивы этого неосуществившегося романа прозвучат в триптихе повестей «Смерть в упряжке», где писательница обозначила эпоху и географические пределы, к которым будет возвращаться на протяжении четырех десятилетий: Северное Возрождение, середина XVI в., территории современной северной Франции, Бельгии, Нидерландов. Роман «Философский камень» станет в 1968 г. следующей ступенью на этом пути, а возвращение во Фландрию его главного героя Зенона повлечет за собой и его создательницу, которая вернется к хроникальному описанию своих предков. Однако между этим юношеским замыслом и его воплощением, в иной литературной форме, пролегает целая жизнь.

Водовороты собственной судьбы приводят Юрсенар к созданию другого произведения, которое может быть условно отнесено к жанру мемуаров. Этот факт акцентирует Ж.-Д. Бреден в своей речи при вступлении во Французскую академию, где он занял кресло Юрсенар после ее кончины: «…Начиная с 1971 г., ее тяга к перемене мест поутихла, и последующие восемь лет она проведет по большей части на своем острове. Это было связано с возобновлением работы над замыслом, который она вынашивала еще подростком: «мемуары, новые по своему жанру, где автор дотошно исследует сумму жизней, итогом которых он является»[8].

---

[6] Yourcenar 1980. P. 200.
[7] Julien 2014. P. 226–227.
[8] Discours de réception de Jean-Denis Bredin.

Действительно: писательница «вспоминает» главным образом о том, что происходило задолго до ее рождения, а заканчивается повествование, когда рассказчице едва минуло шестнадцать лет.

Название трилогии, «В лабиринте мира», Юрсенар, по ее собственному признанию, позаимствовала у Яна Амоса Коменского, выдающегося чешского педагога и писателя, чью книгу «Лабиринт мира и рай сердца» (1623) переводил на французский язык ее отец. Герой Коменского, Путник, путешествует в мире зла, откуда нет выхода. Сходный аллегорический лейтмотив изберет и Юрсенар для своих воспоминаний: отдельные жизненные пути символизируют для нее странствие человека по миру, где он неизбежно оказывается в лабиринте событий и судеб. Себя она видит далеко не только завершением родовых линий предков, но частью всего человеческого рода. В центре ее внимания не собственная биография, а желание показать, что каждый живущий на земле – неотъемлемое звено в череде поколений, среди неисчислимого множества тех, кто жил прежде, живет сейчас и будет жить после нас. «Когда я глубоко погружаюсь в моих ближайших предков, – рассуждает Юрсенар в беседах с М. Гале, – мне то и дело кажется, что я обнаруживаю между собой и ними некие точки соприкосновения, но ведь они могут найтись у меня и с вами, да и мало ли с кем еще. Я принадлежу, скорее, к человеческому тесту, нежели к одной или нескольким фамилиям. В этом мире, где все беспрерывно течет и меняется, вряд ли возможно отделить доставшееся от предков и привнесенное воспитанием от того, что витало в воздухе времени или досталось нам от других судеб, не так хорошо изведанных»[9]. Убежденность в том, что каждый человек – часть истории, проживаемой им каждодневно, и с течением лет становится достоянием Истории – важная составляющая писательского кредо Юрсенар, что было отмечено при ее вступлении во Французскую академию: «В историю погружены не только ваши герои. Вы сами – лишь фрагмент общества и одиссеи духа, плывущего через океан политических, экономических и социальных установлений. История для вас – очевидная данность, отчего ваша автобиография становится коллективной и три ее тома носят столь говорящее название – “В лабиринте мира”»[10].

Вместе с тем, и в этом заключается автобиографичность трилогии, автор все время остается заглавным лицом. Юрсенар дирижирует своим произведением – и тогда, когда повествует о себе и других как рассказчик, и тогда, когда явно обнаруживает свое присутствие, упоминает о событиях, которые не связаны с хроникой семьи и произойдут еще нескоро, делится своими мыслями с позиции сегодняшнего дня. При этом, как справедливо отмечает М.Э. Пласе, «…хотя целью писательницы бы-

[9] Yourcenar 1980. P. 204.
[10] Ormesson.

ло попытаться обрисовать контуры своей идентичности, тем не менее, никогда… нет речи о личности Юрсенар (рассказе о Я), и от автопортрета мы крайне далеки. Идентичность, которую автор стремится обозначить, интересует ее не своим “содержимым”, а своей единственностью. Для Юрсенар речь идет о том, чтобы воссоздать всю эту “амальгаму”, сделавшую ее тем, кем она была при рождении, но над которой она не имела никакого контроля»[11]. Декларирование и утверждение своей единственности, полагает американская исследовательница, как раз и могло бы обеспечить Юрсенар такого рода контроль, чтобы тем самым, легитимизировать свое существование. Эта мысль имеет веские основания, но для Юрсенар важнее другое. Она далека от позиции традиционного мемуариста, который ведет хронику своей жизни едва ли не день за днем и пытается «хотя бы на миг удержать колечки дыма, радужные мыльные пузыри, вроде тех, какими забавляются дети». «Все так легко забывается…»[12], – сокрушается она и ставит перед собой задачу проследить историю своей семьи от средневековья до сегодняшнего дня, показать, сколькими тысячами нитей человек связан с вселенной, понять, что из этих жизней продолжает жить в ней. Возможно ли расщепить личность и отделить наследие рода от общечеловеческого наследия? Что исходит от предков, что привнесено воспитанием, а что было подхвачено невзначай из сиюминутного? Все эти вопросы составляют глубинный подтекст воспоминаний, что оправдывает несколько разорванную ритмику повествования. Совмещение двух планов рассказа, историко-автобиографического и собственно исторического материала, постоянные переходы между ними настраивают читателя на восприятие частных проблем отдельного человека в общечеловеческом, бытийном ракурсе.

В двух первых томах Юрсенар описывает далекое и близкое прошлое своих предков по материнской и по отцовской линиям. Работу над этой частью повествования она строила так же, как и работу над своими историческими романами: как дотошный архивариус.

> «В книге, которая вместе с этой должна составить своеобразный диптих, я попыталась воскресить супружескую пару начала нынешнего века, моих отца и мать, затем проникнуть в глубь веков, к предкам со стороны матери, обосновавшимся в Бельгии в XIX веке, и, наконец, довести повествование до Льежа эпохи рококо, а то и средних веков, хотя все больше пробелов, а силуэты все расплывчатее. Раз или два, усилием воображения, я попыталась дойти до Древнего Рима и даже более ранних времен. В этой же книге я бы хотела проделать обратный путь: отправившись из неизведанного далека, добраться, сужая угол зрения, но вглядываясь пристальнее в человеческие характеры, до Лилля XIX века, чтобы поведать о весьма достойной, но разобщенной супружеской чете крупного буржуа и состоятельной буржуазки времен Второй империи, наконец, о моем отце, вечно пребывавшем в бегах, о маленькой девочке, постигавшей жизнь на холмах

[11] Placet 1995.
[12] Юрсенар 2004. С. 63.

французской Фландрии в 1903–1912 годах. Если мне будут отпущены время и силы, возможно, я продолжу рассказ до 1914-го, до 1939 года, до тех пор, пока перо не выпадет из моих рук. Там будет видно»[13].

Свой рассказ писательница успеет довести до 1914 г., а его «историческая составляющая», задуманная столь масштабно, потребует погружения в документы и источники. Привлечь придется не только тщательно изученные исторические труды – ей вновь понадобятся материалы, которые она собирала в семейных архивах в пору своего неосуществленного юношеского замысла. Помимо родовой хроники, будут скрупулезно проанализированы материалы из мест обитания ее предков, все, что сохранило устное семейное предание, письма, фотографии, а также генеалогические справочники, газетные статьи, публикации местных краеведов. При отсутствии документальных свидетельств помогали бережно сохраненные семейные реликвии: художественные безделушки, копия античного бюста, картина, дверные ручки из позолоченной бронзы в форме античных бюстов, брошь, перстень, собранный дедом гербарий со строками из великих поэтов у каждого цветка: «Ему было известно, что переживания и впечатления, как будто умершие навсегда, продолжают вечно жить в засушенном листке или цветке. Все то, что он не мог или не хотел сказать в письмах, воскресло в его гербарии: воздух времени, печаль или веселье, глубокие размышления, которые, будучи изречены, оборачиваются штампами…»[14]. В разных источниках иногда вскрывались противоречия, но так ли уж было важно непременно докапываться до истины по каждому мелкому эпизоду, факту, выяснять, звался ли ее далекий предок Жан-Луи или Жан-Батист? Ведь история, которую она нам рассказывает, во многом схожа с тысячами других историй и, в общем-то, из разряда самых обыкновенных.

Та маленькая девочка, что родилась в один из понедельников июня 1903 года, в восемь утра, что знает о ней взрослая Маргерит Юрсенар? Едва родившись, мы попадаем в сеть обстоятельств, которые определят историю нашей конкретной жизни, оказываемся в лабиринте Истории как таковой. Как умудренной летами и опытом писательнице найти точки соприкосновения с той девочкой, какой она когда-то была? «…Чтобы отчасти преодолеть ощущение нереальности при отождествлении себя с нею, приходится, как если бы это была историческая личность, цепляться за обрывки воспоминаний, полученных из вторых, а то и из третьих рук, за сведения, почерпнутые из клочков разрозненных писем и записных книжек, которые поленились выбросить в мусорную корзину»[15]. Насколько ее рассказ окажется достоверным? Конечно, он неизбежно будет отступать от правды, будет полон неясных мест – ведь то, о

[13] Юрсенар 1992. С. 33–34.
[14] Там же. С. 173.
[15] Yourcenar 1991. P. 707–708.

чем она собирается рассказать, сложится из многих историй, донесенных до нее семейной традицией, и каждый из повествователей мог вольно обойтись с доставшимся ему в наследство семейным сюжетом. Но что можно считать правдой в подобном повествовании, и всегда ли ее залогом является верность букве? «…Сохранившиеся обрывки голых фактов – единственный мостик между этим ребенком и мной, они – тот единственный буй, что удерживает нас обеих на волнах времени. С любопытством принимаюсь я прилаживать их друг к другу – посмотрим, что из этого выйдет: возникнет ли образ кого-то одного или сразу многих, образ среды или образ местности, или появится на миг, там и сям, то, что не имеет ни имени, ни формы»[16].

«Благочестивые воспоминания» открываются трагедией, которой оборачивается появление автора на свет – смертью Фернанды, давшей жизнь маленькой Маргерит, и посвящены предкам писательницы по материнской линии, семье Картье, одному из старинных льежских родов. История этого рода, насчитывающего немало священнослужителей, восходит к XIV в. и подробно изложена в главе «По старым замкам». «Вряд ли было бы интересно, – мимоходом замечает Юрсенар, – рассказывать историю какой-то одной семьи, если бы эта семья не приоткрывала бы нам окно в историю небольшого государства старой Европы»[17]. В первые годы XVIII века некто Луи-Жозеф де Крейанкур занимает важный пост в магистрате городской управы Льежа, города служителей культа, связанного с событиями первого крестового похода, колыбели Карла Великого. В той части воспоминаний, где речь идет о далеком прошлом, роль документальных свидетельств особенно велика. Документы, дополненные воображением, помогли писательнице воссоздать ряд противоречивых, разнородных судеб, оставивших след в семейной истории. Вот она повествует об Октаве Пирме – бельгийском прозаике и поэте второй половине XIX в. Мысль Юрсенар обращается к Зенону, главному герою ее романа «Философский камень», и в ее воображении встречаются два равно ей дорогих «персонажа»: Зенон, персонаж вымышленный, но вынужденно ограниченный историческими рамками, и Октав Пирме – хоть и реальный, однако во многом «домысленный».

Всего труднее рассказать о Фернанде, еще труднее – представить, как бы сложилась ее жизнь, если бы она прожила еще три или четыре десятилетия, и какими были бы ее отношения с Маргерит. Автор не знает, испытывала ли бы она к ней глубокую любовь или привязанность в силу привычки, или даже безразличие, ответа на этот вопрос нет, когда речь идет о людях, с которыми мы не были знакомы. Отношение к Фернанде у автора такое же, как и к другим героям ее произведений – и ре-

[16] Ibid. P. 708.
[17] Ibid. P. 750.

альным, и вымышленным: она их «вскармливает своей плотью, чтобы дать им жизнь или воскресить из небытия»[18]. Вместе с тем, сегодняшняя Маргерит, которая более чем в два раза старше тогдашней Фернанды, чувствует к ней безусловную симпатию, которой не знала прежде. Значит ли это, что, рисуя образ Фернанды на своих страницах, она лучше ее узнала и прониклась к ней дочерними чувствами?

В первом томе появляются и другие действующие лица трилогии. Это, в первую очередь, Мишель, отец автора, сквозной персонаж мемуаров, чья главная отличительная черта – благородство, это «невыносимая Ноэми» – мать Мишеля, с ее собственнической страстью к притяжательным местоимениям. О себе Юрсенар пока почти ничего «не вспоминает», в центре ее внимания – другие: и те, кого она никогда не знала, кто ей предшествовал, и те, кто ее окружал в детстве. В «Благочестивых воспоминаниях», после зачина, описывающего рождение главной героини, повествование уходит в далекое прошлое, блуждает по предшествующим столетиям. Временами автору позволяется обнаружить свое присутствие, чтобы, к примеру, рассказать о посещении в 1971 г. Льежа и его окрестностей и порассуждать о судьбе родных для нее мест[19].

Перекличка с будущим, которое еще не наступило для героев мемуаров, а для их автора уже стало прошедшим, обнаруживается на протяжении всей трилогии, эти реминисценции – факты, мысли, чувства не тогдашней, а сегодняшней Маргерит: «Детство и старость смыкаются, это два самых глубоких состояния, которые дано пережить человеку. Тот, кто любит жизнь, любит прошлое, потому что оно есть настоящее, каким его сохранила наша память»[20]. То вдруг оказываются далеко позади сцены последних дней Фернанды, мы переносимся на пятьдесят лет вперед и вместе с Юрсенар, поглощенной пока еще не созданным «Философским камнем», впитываем атмосферу Мюнстера, попадаем в Гаагу, просматриваем, словно кадры документальной хроники, события напряженного 1956 года. Таких отступлений – личного или исторического характера – не так много, они органично вплетены в неспешное течение воспоминаний: совмещение временных пластов стирает границы между прошлым и будущим, они словно исчезают, и остается память.

В отличие от первого тома, хронологически выстроенного по нисходящей линии, «Северные архивы» движутся из прошлого в будущее и с первых строк погружают нас в эпоху галлов, кельтов, Юлия Цезаря. Затем рассказ устремляется вверх, вперед, и заканчивается ранними детскими годами автора. Второй том посвящен колыбели предков Юрсенар со стороны отца, той местности, которую она часто называет француз-

[18] Ibid. P. 745.
[19] Ibid. P. 766.
[20] Mallet 2011.

ской Фландрией. Географические рамки ограничены городами Байёль и Кассель, где у истока XVI в. начиналась история семьи Крейанкур. Своего рода рефрен рассказа о них – старинный дом в Байёле, олицетворение красоты, спокойствия и порядка. От Крейанкуров Юрсенар унаследовала жизнестойкость, а от отца, который в этом томе выходит на первый план повествования, артистичность натуры, творческое начало, способность видеть мир глазами художника. В «Благочестивых воспоминаниях» Мишель де Крейанкур представлен читателю как господин де К. и под этим именем выступает в начале трилогии, но постепенно его изображение обретает более четкие контуры, и вот уже перед нами просто Мишель. В определенном смысле, он принадлежит к когорте «лишних людей», к тем, кто во все времена пребывает в разладе с веком, для кого неприемлемы любые формы официального конформизма. Всю жизнь он пытается вырваться из тесного мира семьи с ее давящей атмосферой и буржуазной мудростью: становится простым солдатом, дважды дезертирует, попадает в Англию, ведет там рассеянный образ жизни, обосновывается в Бельгии, поближе к границе с Францией, путь в которую ему надолго закрыт, обзаводится, наконец, собственным семейным очагом. Мишель живет как будто играючи, пока в сорок пять лет не становится неожиданно вдовцом, после чего вступает в новый брак, за которым следует новое вдовство. Впервые Маргерит увидела в отце своего героя в пору замысла романа «Водовороты»: галерея его действующих лиц должна была протянуться от Зенона до Мишеля. По мере того как она все дальше уходила по дорогам своих воспоминаний, образ Мишеля становился все отчетливее, полновеснее, обретал свое неповторимое лицо, чтобы в третьем томе «возглавить» повествование.

Прежде всего, Юрсенар важно было запечатлеть тех из своих предков, которые, с ее точки зрения, обладали особыми «магнитными полями». По ее мысли, всякий человек на протяжении своей жизни проходит через серию «инициаций». Эти «испытания» определяют течение индивидуальной судьбы, приобщают человека к постижению вечных основ бытия, но они далеко не всеми бывают вовремя замечены и верно истолкованы. «Тех, кто переносит их, полностью осознавая происходящее, мало, и к ним быстро приходит забвение. Тем же, кто удивительным образом о них помнит, часто не удается извлечь из этого пользу»[21]. При создании портретной галереи предков, Юрсенар и стремится отыскать ключевые моменты на их жизненном пути, всматриваясь в давно прошедшие дни. Два-три таких «священных эпизода» – и вот уже перед нами характер, образ, жизненный путь.

Убеждение в том, что «людей заурядных не бывает», во многом определяет эстетику писательницы и ее подход к действующим лицам и

[21] Юрсенар 1992. С. 168.

в романах, и в мемуарах, и в прочих сочинениях: показать «особость» героя, отыскать вневременные черты и жесты, включающие его в череду поколений. «…Выберем наугад хотя бы Франсуазу Ленуар или ее мать Франсуазу Леру. …Эй! Франсуаза Леру! Она меня не слышит. Я прилагаю немало усилий, и мне наконец удается увидеть ее в доме с глинобитным полом (ребенком я видела похожие в окрестностях Мон-Нуар), подсмотреть, как она утоляет жажду пивом, ест серый хлеб и творог, разглядеть фартук на ее шерстяной юбке»[22]. Временная дистанция стирается, и вот уже Маргерит повторяет когда-то бывшие «жесты» – замешивает тесто, метет пол, собирает хворост. Бег времени оставляет следы на внешних приметах, сущность же человека все та же, способность страдать и радоваться меняется мало. Юрсенар верила, что истинное единение человек и мир обретают в Вечности, где времени вообще нет, поэтому она легко переступает границы эпох, совмещает свои ощущения с переживаниями предков. Более того: именно такого рода «совмещения» позволяют ей в деталях представить неуловимые, казалось бы, состояния души, зримо описать, как жили и поступали те, кого унесло время. Вот ее дед Мишель Шарль, выбиваясь из сил, бредет в ледяной ночи горными тропинками Греции: «Он чувствует, что умирает, а мы знаем, что он никогда не драматизирует. Мне самой случалось испытать это погружение в снег и усталость, и ощущение того, что главный жизненный мотор вашего тела останавливается, что вы дышите беспорядочно, что охватывающая вас паника – предвестье агонии и что смерть, если она придет, только поставит в ней последнюю точку. Поэтому я прекрасно понимаю смертельный холод, охвативший Мишеля Шарля»[23]. Где-то рядом некогда блуждали Эмпедокл, император Адриан, блуждала и сама писательница. Отсылка к героям античности обозначена в эпиграфе ко второму тому из «Илиады» Гомера. И когда, словно стремясь защититься от чего-то неотвратимого, Мишель Шарль невольно закрывает лицо ладонью, жест его, суть которого для Юрсенар была и будет неизменной, как будто повторяет жесты героев античного искусства, ведь история слагается из индивидуальных судеб, каждая из которых – частичка Вечности. В строках Гомера, если их продолжить, акцентируются также сменяемость и преемственность поколений[24].

Действие двух первых книг заканчивается, когда Маргерит нет и шести недель. Фактически, она пишет о том, чего помнить не может, это не столько «воспоминание», сколько «воссоздание», «реконструкция».

---

[22] Там же. С. 182.
[23] Там же. С. 166.
[24] «Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков:
Ветер одни по земле развевает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают».
(Пер. Н. Гнедича)

Действующие лица ее воспоминаний – образы собирательные, вобравшие в себя множество разных «знаний», «впечатлений», «ощущений», «представлений»: Мишель, каким мы видим его в сценах, предшествующих рождению дочери и следующих сразу за ним, неизбежно несет на себе отпечаток того, что узнает о нем Юрсенар в последующие годы.

Трилогия задумывалась как философски осмысленная и раскрытая вовне автобиография рода, поэтому работа над ней строилась так же, как и при создании исторического произведения, тем более что Юрсенар не видела принципиального различия между одним днем из жизни римского императора и одним днем из жизни семейства Крейанкур. Герои воспоминаний для нее такие же персонажи, как и персонажи ее исторических романов, и в этом смысле история поколения ее матери для нее точно такой же исторический сюжет, как и любой другой. Ее задача – не ограничиваться документальным материалом, а, отталкиваясь от него, показать прошлое таким, каким его увидела она, Маргерит Юрсенар.

В «Философском камне» вымышленные персонажи предоставили автору большую свободу, но обстоятельства и время действия – XVI век – ее существенно ограничивали. Примерно такой же баланс между «документом» и «домыслом» должны, с точки зрения Юрсенар, сохранять и воспоминания: «Возьмем “Благочестивые воспоминания” или “Северные архивы” – там я тоже полагалась на свое воображение, чтобы рассказать, к примеру, о том, как моя бабка Матильда возвращается из деревенской церкви и какое счастье испытывает она, когда летним утром ступает прямо по траве, или о предсмертных мыслях моего деда Мишеля Шарля. Между тем, замысел требовал, чтобы все детали, даже те, что используют для литературного монтажа, были бы подлинными»[25]. Она убеждена: воображением следует управлять так, чтобы не возникало ни малейшего сомнения в достоверности описанных автором событий. Под ее пером Фернанда, Мишель, Жанна – это уже не столько родные люди, сколько портретные изображения действующих лиц. Юрсенар точно так же вживается в образы, начинает жить их жизнью, рисует на десятках страниц несколько прожитых героем дней, описывая, например, поездку в Лондон своего деда, отца Мишеля, в «Северных архивах».

Независимо от воли писательницы авторское «я» в трилогии все время присутствует – ведь где, как ни в лабиринте ее памяти придется бродить читателю? Однако «я» Юрсенар отлично от прочих персонажей, ибо каждого из них она видела одновременно «изнутри» и «извне», самого же себя «извне» увидеть трудно. Можно ли вообще взглянуть со стороны на собственную жизнь? На этот вопрос Юрсенар отвечает строками из «Воспоминаний Адриана»: «Когда я рассматриваю свою жизнь, меня ужасает ее неопределенность. Жизнь героев, такая, как нам расска-

[25] Yourcenar 1980. P. 201.

зывают о ней, всегда проста: она устремлена прямо к цели, точно стрела… Контуры моей жизни менее отчетливы… Мне кажется, что ландшафт моих дней, подобно горному ландшафту, складывается из самых разных пород, в беспорядке нагроможденных одна на другую. Характер тоже представляется мне неоднородным: в нем перемешаны в равной степени инстинкт и культура. Там и сям на поверхность выходят гранитные глыбы неизбежного; куда ни кинь взгляд, вежде обвалы случайного. Я снова и снова пытаюсь пройтись вдоль своей жизни, найти в ней какой-то план, проследить от самых истоков золотую или свинцовую жилу, обнаружить, где берет свое начало подземная река, но весь этот обманчивый план – просто иллюзия памяти. Время от времени в какой-нибудь встрече, или в предзнаменовании, или в четкой последовательности событий мне видится перст судьбы, но слишком много дорог никуда не ведет, слишком многое не поддается подсчетам»[26].

«Что? Вечность» выйдет через десять лет после опубликования «Северных архивов». Заключительный том трилогии посвящен детству и отрочеству автора. Открывается он 1903 годом – рождением Маргерит, заканчивается годами первой мировой войны. Как и прежде, внимание автора всецело отдано узкому кругу лиц, избранных ею в качестве героев книги. Событий, связанных с войной, она почти не касается, ибо для нее важнее показать не сам исторический эпизод, а реакцию на него тех, кто это событие переживает. Писательница теперь становится полноправным действующим лицом, однако в первую очередь ее интересует не она сама, а Мишель, контуры его жизни. «Что? Вечность» – это не только этюд о детстве, это, прежде всего, история двадцати пяти лет последней трети жизни Мишеля. Это Мишель и смерть его первой жены – Берты; младшая сестра Мишеля, Мари, трагически погибшая от случайного выстрела охотника; Жанна, с которой после смерти Фернанды Мишеля связывало глубокое чувство. Как вспоминает Юрсенар о том, что осталось в ней из детства? «Самый простой и самый лучший способ – так сконцентрировать свое внимание, чтобы создать в себе вакуум и оставить лишь тот предмет или воспоминание, которые важны для вас. То, что однажды было зафиксировано в нашей нервной субстанции и может быть возвращено к жизни: достаточно напрячь память»[27]. Читатель узнает о событиях, когда-то поразивших детское воображение: внезапное расставание с няней Барб, смерть старой таксы Трие, открытие мира книг. Юная Маргерит знакомится с Парижем, дважды в неделю посещает Лувр, от которого никогда не устает, вместе с Мишелем бывает в театре, читает классиков – последние дни «Прекрасной поры», предшествующие мировой катастрофе.

---

[26] Юрсенар 2004. С. 28 – 29.
[27] Yourcenar 1980. P. 214.

Живая ткань описываемых событий, характеров, биографических зарисовок выткана из множества хитросплетений – последняя глава третьего тома так и называется «Пересекающиеся тропинки». Фактически, вся эта глава, центральная фигура которой – муж Жанны Эгон, является плодом художественного вымысла, «поскольку Маргерит Юрсенар не имела возможности опираться на достойных доверия очевидцев»[28]. Воссоздать образ самой Жанны, подруги матери, которая после смерти последней стала фактически членом их семьи, помогли несколько источников. Главный из них – Мишель, отец, который рассказывал о ней дочери до своих последних дней. Чем-то поделилась сама Жанна, чем-то, позднее, пожилые дамы, «разбавившие вино своих воспоминаний изрядным количеством воды»[29]. Нередко Юрсенар использовала изобретенный ею прием «заполнения пустот»: подкрепить описание подробностями, заимствованными у других людей. Такие прототипы, поясняет она, должны быть максимально схожи с оригиналом и по своему внешнему и внутреннему облику, и по обстоятельствам жизни, быть с ними людьми «одной группы крови, иметь родственные души»[30].

Повествование в заключительной части трилогии движется скачками, мы следуем за разматывающейся нитью воспоминаний, которые то забегают вперед, то возвращаются назад. Рассказчик путает даты, об одних событиях повествует подробно, о других упоминает вскользь, мельком, ведь «память – не собрание документов, разложенных по порядку где-то в глубине нашего я; она живет и меняется, соединяет высохшие сучки, чтобы снова зажечь огонь. Этой избитой истине должно было найтись место в книге воспоминаний»[31].

В третьем томе, где автор включается в действие как самостоятельный персонаж, его беседа с читателем становится доверительнее, Юрсенар чаще комментирует свой рассказ, делится своими размышлениями. Здесь уместно вспомнить классическое определение автобиографии как литературного жанра, сформулированное крупнейшим специалистом в этой области Ф. Лежёном. С его точки зрения, автобиография – это «ретроспективное прозаическое повествование, написанное реальным человеком о своем существовании, в котором он ставит во главу угла свою индивидуальную жизнь, в частности – историю своей личности»[32]. Конечно, трилогия Юрсенар – совсем не автобиография, и мы не найдем на ее страницах подробного изложения событий ее детских и юношеских лет. Скорее, это попытка создать некую автобиографию сво-

---

[28] Woerkum 2011. P. 251.
[29] Yourcenar 1991. P. 1238.
[30] Ibidem.
[31] Ibid. P. 1384.
[32] Lejeune 1975. P. 14.

их предков, завершающим этапом которой и является автор. Тем не менее, этот сложно выстроенный ретроспективный рассказ является и рассказом о становлении личности автора, в этом смысле автобиографическая составляющая в нем, безусловно, отчетливо прослеживается.

И все-таки отнюдь не история собственной жизни была главной целью писательницы. Завороженная «необозримостью времени»[33], она попыталась «найти в нем свое место и место других, от которых мы происходим»[34]. В конце второго тома Юрсенар подчеркивает, что события собственной жизни интересуют ее своими точками соприкосновения с событиями жизни других – именно столкновения судеб помогают ей постигать смысл бытия. Собственная ее судьба – и в реальной жизни, и в жизни творческой – была долгим путешествием по свету, и каждый этап этого путешествия становился очередной ступенью в познании человека. 17 декабря 1987 года окончание работы над третьим томом воспоминаний будет прервано внезапной смертью Маргерит Юрсенар. Теперь трудно сказать, довела ли бы она свое повествование до 1939 года, как это первоначально планировалось. Впрочем, это не так уж важно, так как цель, которую ставила перед собой писательница, вполне ею достигнута – рассказать об отдельных судьбах, о представителях своего рода так, чтобы это одновременно был рассказ о Судьбе и Вечности.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подг. текста К.Н. Суворовой; вступ. статья Э.Г. Герштейн; науч. консульт., вводн. заметки к записн. книжкам, указатели В.А. Черных. Москва–Torino: Российский государственный архив литературы и искусства на русском языке, и Giulio Ernaudi editore на других языках, 1996. 849 с. [Zapisnye knizhki Anny Ahmatovoj (1958–1966) / Sost. i podg. teksta K.N. Suvorovoj; vstup. stat'ya EH.G. Gershtejn; nauch. konsul't., vvodn. zametki k zapisn. knizhkam, ukazateli V.A. CHernyh. Moskva–Torino: Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva na russkom yazyke, i Giulio Ernaudi editore na drugih yazykah, 1996. 849 s.]

Юрсенар М. Избранные сочинения: В 3 т. Т. 2. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. 672 с. [Yursenar M. Izbrannye sochineniya: V 3 t. T. 2. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2004. 672 s.]

Юрсенар М. Северные архивы / Пер. с фр. С. Ломидзе. М.: Прогресс–Литера, 1992. 432 с. [Yursenar M. Severnye arhivy / Per. c fr. S. Lomidze . M.: Progress–Litera, 1992. 432 s.]

Brignoli L. Considérations sur L'Éternité // Société internationale d'études yourcenariennes. Bulletin № 3. Février 1989. Université de Tours. CAESARODUNUM. P. 10–15. URL: http://www.yourcenariana.org/sites/default/files/documents_pdf/Brignoli-s.pdf

Discours de réception de Jean-Denis Bredin. URL: http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-jean-denis-bredin

Discours de réception de Marguerite Yourcenar. URL: http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-marguerite-yourcenar.

Julien A.-Y. Marguerite Yourcenar et le souci de soi. P.: Hermann Éditeurs, 2014. 370 p.

Lejeune Ph. Le pacte autobiographique / Collection poétique dirigée par G. Genette et T. Todorov. P. : Éditions du Seuil. 1975. 357 p.

Mallet M. Sur les traces de Marguerite Yourcenar [2011]. URL: https://vk.com/ marguerite yourcenar?z=video19656447_171145261%2F6b6f8ab1bd655df3e4%2Fpl_post_-52757819_528

[33] Юрсенар 1992. С. 34.

[34] Julien 2014. P. 272.

Marguerite Yourcenar répond à Bernard Pivot / Archive INA [07.12.1979]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zPso1bWh3DY
Ormesson J. d'. Réponse au discours de réception de Marguerite Yourcenar. URL: http://www.academie-francaise.fr/reponse-au-discours-de-reception-de-marguerite-yourcenar
Placet M.H. Legitimite dans l'Oeuvre Biographique et Autobiographique de Marguerite Yourcenar. (1995). LSU Historical Diss. & Theses. 6126. URL: https://digitalcommons.lsu.edu/cgi/ view-content.cgi?article=7125&context=gradschool_disstheses
Woerkum C. van. Personnages masculins et féminins dans le chapitre «Les sentiers enchevêtrés» de *Quoi ? L'Eternité* de Marguerite Yourcenar // Marguerite Yourcenar ou la culture du masculin / M.-J. Filaire (dir.). Nîmes: Lucie éditions. 2011. P. 245 – 255.
Yourcenar M. Essais et mémoires / Bibliothèque de la Pléade. P.: Gallimard, 1991. 1693 p.
Yourcenar M. Les yeux ouverts / Entretiens avec Matthieu Galey. P.: Éditions du Centurion, 1980. 319 p.

Копелева Галина Викторовна, *кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики Санкт-Петербургского государственного института культуры; gallia777kopeleff@yandex.ru*

Memories before memories: «In the labyrinth of the world» of Marguerite Yourcenar

The article is devoted to the trilogy of the classic French literature of the XX century Marguerite Yourcenar «In the labyrinth of the world», in which the writer traces the history of several generations of her ancestors. The genre specificity of this work, which combines memoirs, autobiography, family chronicles, elements of historical work and novel, essayistic reflections, is analyzed in detail. The significance for Yourcenar of such general concepts as man and his being, time, eternity, connection and continuity of generations, and their reflection in her books of memoirs is also considered.

Keywords: Marguerite Yourcenar, French literature of the XX century, memoirs, autobiography, family chronicle, connection of generations, genre specificity, historical context, author's role, general philosophical problems, concept of eternity

Galina Kopeleva*, PhD in philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, St. Petersburg State Institute of Culture; gallia777kopeleff@yandex.ru*

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

А. А. Линченко

МЫСЛИТЬ ИСТОРИЮ РАЗУМНО ИНТЕРВЬЮ С ЙОРНОМ РЮЗЕНОМ[1]

В интервью с видным немецким теоретиком истории Йорном Рюзеном затрагивается широкий круг проблем современной философии и теории истории. Рассматриваются вопросы об актуальности наследия классической и неклассической философии истории. Обсуждаются проблемы взаимодействия философов и историков в контексте исследований исторической культуры и культурной памяти. Показано, что ключевой проблемой исторических исследований продолжает оставаться этноцентризм. Обосновывается важность идеи соотношения базовых понятий теории истории как условия преодоления этноцентризма. Поднимаются проблемы преподавания истории в условиях глобализации, вопросы актуальности универсальных ценностей в обращении с травматическим историческим опытом, а также проблемы применимости в современной России немецкого опыта преодоления тоталитарного прошлого.

Ключевые слова*: *философия истории, историческая культура, историка, историческое сознание, историческая память, этноцентризм

Андрей Линченко. Мой разговор с Вами будет затрагивать проблемы философии истории, так как значительное место в Ваших работах посвящено философским проблемам историографии и репрезентации прошлого. Насколько перспективным Вы видите обращение к идеям классической философии истории, идеям Гердера, Канта, Гегеля?

Йорн Рюзен. Отправной точкой моих размышлений о философии истории и ее роли в исторических науках и, в частности, в дидактике истории была и продолжает оставаться теория истории И.Г. Дройзена. Помимо Дройзена я включил бы в современную концепцию метаистории Гегеля и Канта, потому что Дройзен представляет собой синтез обоих - гегельянства и кантианства. Таким образом, наследие, которое имеет значение для меня, - это немецкая традиция философии истории, а именно материальная философия истории. Многие считают, что Кант и Гегель являются альтернативой. Я так не думаю. Я думаю, что довольно легко найти общее у обоих мыслителей. Но, как представитель XXI века, вы не можете просто повторить идею истории конца XVIII века, потому что в этом промежутке возникли и развивались академические дисциплины: не только история, но и социология и другие дисциплины, где история играет большую роль. И поэтому вам необходи-

[1] Интервью подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 18-511-00001 «Моральная составляющая исторической рефлексии и коммеморативных практик исторической культуры».

мо интегрировать конкретный подход к истории, который дан в этих академических дисциплинах, в идею всеобщего развития человечества, так как это было и до сих пор остается вопросом философии истории. Макс Вебер очень важен для меня. Хотя Вебер отказался от идеи философии истории, у него есть одна, забытая сегодня идея. Вебер очень важен для меня как представитель подхода, демонстрирующего высокий уровень рефлексии к дисциплинарному характеру гуманитарных наук, методических исследований и герменевтической рациональности.

Кроме того, так как я занимаюсь изучением исторической дидактики, меня интересует практическая роль, которую историческое мышление играет в жизни человека. Ведущая категория для меня в этом вопросе – это историческая культура. Историческая культура для меня является неотъемлемым элементом философии истории.

Для меня проблемой этой материальной философии истории является развитие человечества. Человечество – это целостность, включающая культуру и все условия жизни человека. Кроме того, для этой материальной философии истории и для моего собственного мышления огромное влияние имела другая концепция, а именно тезис Артура Данто и других, что историческое мышление имеет повествовательную структуру. Он был озвучен немецким философом Гансом-Михаэлем Баумгартнером. Когда Хейден Уайт шокировал мир историков своим нарративизмом, я принадлежал к тем немногим людям в исторической науке, которые не были удивлены. Я мог общаться с ним (мы говорим по-немецки «auf Augenhöhe», то есть «на равных») на той же волне. Есть две другие версии философии истории, которые, я думаю, мы должны признать. Помимо материальной философии истории вроде Канта, Шиллера и Гегеля и не говоря уже о Карле Марксе, Карле Ясперсе.

Андрей Линченко. Вы имеете в виду субстанциальную философию истории?

Йорн Рюзен. Да, вы назвали это субстанциальной философией истории, я говорю – «материальная» (materiale Geschichtsphilosophie). Существует также философия истории, представленная Дильтеем, Риккертом, Зиммелем – неокантианскими мыслителями, включая Макса Вебера, и всем нарративизмом современности (Х. Уайт и др.). Это доминирующая форма философии истории сегодня. Они представляют совершенно другое видение истории. Я называю это формальной философией истории. Существует третья версия философии истории, которая еще не рассматривается как самостоятельная. Мы находим ее в дискурсе памяти. Этот устоявшийся академический дискурс заменяет функцию мышления об истории новым способом обращения к прошлому, который дан в фундаментальном и сущностном, экзистенциальном пути человеческой памяти. Если у меня будет возможность прожить несколько лет дольше и не потерять свои умственные способности, я бы хотел напи-

сать философию истории, которая объединяет эти три измерения в одну целостную концепцию. Материальная философия и формальная философия должны быть опосредованы, содержание и форма – это две стороны одного и того же. Но где эти две вещи синтезируются? Существует единство, особенно в памяти, прежде чем его искусственно разделят.

Андрей Линченко. В связи с этим как вы относитесь к философии Карла Ясперса и его проекту экзистенциальной философии истории? Могут ли идеи экзистенциализма об исторической природе индивидуального сознания быть успешно адаптированы к пониманию историчности общества?

Йорн Рюзен. Я бы мог ответить да. Карл Ясперс для меня очень важный мыслитель, но не в том ключе, в котором вы задали мне свой вопрос. Экзистенциализм, философия, анализирующая роль истории в жизни человека, в целом для меня является проблемой. Для меня экзистенциализм представлен не столько Ясперсом, сколько Хайдеггером. Человеческая жизнь определяется «историчностью». Тем не менее, я критически отношусь к этому виду экзистенциализма, потому что это всего лишь формальная концепция. Она отсылает к историчности, а не к истории. «Историчность» действительно является фундаментальной характеристикой человеческой жизни, но она не имеет никакого содержания, никаких реальных событий во времени. Карл Ясперс для меня очень важен и актуален, но совершенно в ином ключе. Я думаю о Ясперсе как о философе истории в контексте его работы «Смысл и назначение истории». Здесь Ясперс ссылается на сегодняшнюю ситуацию, когда западная традиция исторического мышления встречает незападные традиции. Мы должны быть вовлечены в глубокую взаимосвязь и в общение с этими традициями. Западный способ писать историю доминирует. Есть много людей, которые радикально критикуют это. Например, в постколониализме. Но логика постколониализма столь же западна, как и критика исторического мышления. Это не приносит никаких незападных способов мышления в дискуссию. Нам необходимо межкультурное общение по основным вопросам исторического мышления. Эта работа еще не началась. Чтобы дать вам пример, как это можно было бы сделать, я хотел бы рассказать вам о недавнем проекте, в котором я буду участвовать вместе с коллегами в течение следующих пяти лет (проект «Core Concepts of Historical Thinking»). Это проект, направленный на изучение и сопоставление основных понятий, отражающих историю. Примерами этих понятий являются понятия: «прогресс», «развитие», «объективность», «история», «нация» и так далее. Существует длинный список этих понятий, которые используются для того, чтобы охарактеризовать что-либо как историческое на фундаментальном и конститутивном уровне. В этом проекте мы сопоставляем и сравниваем английскую, немецкую, китайскую и японскую концепции.

Когда моя недавно вышедшая книга «Историка. Теория исторической науки»[2] была переведена на английский язык, перевод получил название «Доказательство и смысл: теория исторических исследований»[3]. Авторский перевод подвергся критике со стороны издателя. Мой английский был слишком «немецким». Просто пример: одна из ключевых идей моей теории истории – идея исторического смыслообразования («Historische Sinnbildung»). Как вы скажете это по-английски? У меня есть точная английская версия – *historical sense-generation* («формирование исторического смысла»). Но это не для английских ушей. Это звучит очень странно для англоязычного мира. Лучшее выражение – «придавать или формировать исторический смысл». Мне нужно было понять, что языковые различия очень важны для истории вообще и для теории истории в частности. Есть некоторые немецкие слова, которые вы даже не можете перевести. Одним из ключевых слов в рассмотрении роли истории в человеческой культуре в целом является немецкое слово «Bildung». Вы не можете сказать это по-английски. Такое слово просто не существует. Вы не можете сказать «образование». Либо вы используете эту немецкую версию, либо говорите «самосовершенствование» («self-cultivation»), что звучит довольно странно. Короче говоря, этот опыт языковых проблем привел меня к идее перечислить основные и наиболее важные понятия, используемые в историческом мышлении на разных языках. Сейчас мы планируем первую книгу (главный редактор – проф. Ульрих Тимме Кракх), в которой эти четыре языка сравниваются и комментируются на одном и том же уровне. Следующим шагом будет расширение на все соответствующие языки, включая ваш, русский, а также португальский, испанский, итальянский и т.д. Одним из первых философов на Западе, который сделал это, был Карл Ясперс. Его идея осевого времени является очень вдохновляющей, по крайней мере, для меня. Итоговой идеей Ясперса была объединяющая концепция истории. Он представил ее в образе своей собственной философии. Это западный и евроцентричный способ мышления.

Я думаю, что мы живем в то время, которое можно, согласно Ясперсу, охарактеризовать как «второе осевое время». Это означает, что мы должны следовать линии философии истории Ясперса, но признавать культурное разнообразие и различия. Ясперс все еще актуален, потому что парадигма осевого времени еще действует. Вы даже можете охарактеризовать то, что мы должны сделать в этом проекте как следование идеям Ясперса. Ясперс рассказал нам об осевом времени, что было прорывом к новой идее о том, что люди – не только наш народ, но и другие народы. Но эта универсализация имеет границы. К примеру, по-

[2] Rüsen 2013.
[3] Rüsen 2017.

следователи Конфуция могут сказать: «Да, люди, не относящиеся к китайцам – это люди, но подлинные человеческие качества у нас!». То же самое верно для классической Индии. В мире тоже живут люди, но только на индийской земле («бхарата») люди могут переродиться и стать лучше. Это разновидности китайско-индийского этноцентризма. Мы знаем о таком этноцентризме на Западе. Я называю эту идею человечества «исключительным гуманизмом». Исключительность – в том, что доминирует идея, что быть человеком значит, как правило, быть человеком собственных традиций. Этот исключительный гуманизм все еще доминирует в актуальном межкультурном дискурсе. На Западе это встречается в пересмотренной версии, как «отрицательный этноцентризм» (в основном в концепциях постколониальных исследований).

Следуя Ясперсу, я бы сказал, что интеллектуальный запрос второго (нашего) осевого времени, современности, состоит в том, чтобы превратить «исключительный гуманизм» в «инклюзивный». Нужно не растворять различия, но интегрировать их в универсальную форму общения. Моим примером этого всеобъемлющего гуманизма является упомянутый проект «Core Concepts of Historical Thinking». Здесь вы не найдете ведущего языка (кроме того факта, что комментарии все на английском). У нас есть четыре языка, и они представлены на одном уровне.

Андрей Линченко. Вы защищали и продолжаете отстаивать позицию, согласно которой метаисторическая точка зрения должна присутствовать в сознании историка как определенная парадигма мышления. В интервью с Эвой Доманска вы отметили, что существует разрыв между историками и философами[4]. Меняется ли ситуация сегодня в свете исследований исторической культуры?

Йорн Рюзен. Я думаю, что этот разрыв все еще существует. Большинство профессиональных историков не интересуются теорией истории. Пока они могут выполнять свою работу, и никто не мешает им, они довольны этим. Они должны понять, что нужно добавить преподавание истории (историческую дидактику) к обычной исторической профессиональной деятельности. По крайней мере, история может оставаться предметом в школе, но даже профессиональные историки очень часто скептически относятся к тому, что делают дидактики истории.

С другой стороны, профессиональная работа историков осуществляется на основе заранее пред-данных идей и заранее пред-данных стратегий мышления и исследования. Эти заранее пред-данные концепции, заранее данные идеи должны быть осмыслены, по крайней мере, для того, чтобы учить им учеников. Проблема с метаисторией, с теорией истории состоит в том, что она в основном формулируется отдельно от профессиональной деятельности историков. Это всегда приводит к раз-

[4] Доманска 2010.

рыву между теоретическим отражением исторического мышления и практическим использованием истории исследованиями и историографией. Мост между ними не построен. Поэтому всегда существует опасность, что профессиональные историки не так заинтересованы в том, что делают теоретики. Я думаю, что большинство историков, которые занимаются практической работой в специальных областях своих исследований, по-прежнему раздражены Хайденом Уайтом или полностью отказываются от его идей. Профессионалы считают, что это не актуально для них. И эта реакция не является абсолютно неправильной, потому что профессионализм историков реализуется не в том, как они пишут историю, а в исследованиях. С другой стороны, профессионализм как таковой теоретически не осмысляется, как непосредственная исследовательская работа. Процедуры обращения с источниками и подобными материалами не играют никакой роли в теории Хайдена Уайта, и поэтому этот разрыв существует. Об этом приходится сожалеть, потому что дисциплина в гуманитарных науках нуждается в рефлексии, потому что она всегда находится под угрозой идеологического злоупотребления или становится неактуальной для людей вне этих дисциплин. Обе возможности очень опасны для исторических исследований.

Другой актуальный вопрос – профессиональное исследование того, что никого не интересует. Однако никто не знает, что станет актуальным через двадцать лет. Время от времени вы найдете критику профессиональной исторической работы, ее неуместности. Если история в школе сокращается, согласно этой критике, это очень опасно для исторических исследований в университете, так как в этом случае дисциплина потеряет позиции и деньги. Я вырос в такой ситуации, это было в конце 1960-х – начале 1970-х годов. В Германии исторические исследования оказались в большом кризисе. Он назывался «Grundlagenkrise» («Кризис основ»). Было проведено эмпирическое исследование того, как учащиеся в школе понимают, что такое история. Оказалось, что история в школе не служила демократической политической культуре ФРГ. У историков было ощущение, что этот образ истории поставит под угрозу их дисциплину. В то время большинство студентов исторических факультетов хотели стать учителями в школе. В качестве реакции на эту опасность ведущие немецкие историки (Т. Шидер, Р. Виттрам, Р. Фиерхауз и др.) создали проект теории истории. В итоге вышло более шести томов в виде карманных книг. Это хороший пример необходимости теории истории. То было поколение Юргена Кокки, Ханса-Ульриха Веллера, Генриха Августа Винклера и многих других известных историков моего поколения. Эта увлеченность теорией, кажется, уже проходит сейчас.

Андрей Линченко. Ваше определение исторической культуры является философским. Можем ли мы рассматривать историческую культуру сегодня как объект философского исследования?

Йорн Рюзен. Я отвечаю на вопрос «да», но «историческая культура» – это гораздо больше, чем просто вопрос философии. Это вопрос социальной жизни человека. Она является частью повседневной жизни всех людей во всем мире и играет огромную и важную роль. Если вы хотите знать, в чем эта роль, вам нужна философская интерпретация – главным образом: о чем история. Но самые важные теоретики исторической культуры не философы. В философии я думаю, что проблема исторической культуры – это, скорее, проблема памяти. Однако память – это во многом не философский вопрос, а вопрос гуманитарных наук в целом. Историческая культура была впервые концептуализирована Морисом Хальбваксом. Сегодня есть видные историки, которые думают, что ядро, суть того, что мы делаем в теории истории, – это историческая культура. Например, в Швеции эту позицию представляет Клас-Йоран Карлссон, во Франции – Пьер Нора и его окружение. В Германии это подхватили историки, но проблема заключалась в том, что у нас уже был устоявшийся дискурс об историческом сознании. К тому же был затронут вопрос памяти, начиная с превосходного египтолога Яна Ассмана, исследования памяти обрели свою собственную академическую форму и влияние, отличное от дискурса исторического сознания, который был полностью проигнорирован. Об этом приходится сожалеть, потому что эти два дискурса могут обогатить друг друга. В сегодняшней Германии у нас есть академически институционализированная форма исследования исторической культуры. Вы могли видеть, что есть объявления о позициях на исторических факультетах для изучения публичной истории. Я думаю, что термин «публичная история» пришел из Соединенных Штатов. Приходится сожалеть, ведь в действительности «публичную историю» нужно было бы назвать «исторической культурой». Это наименование намного лучше, но теперь оно называется «публичная история» и является устоявшейся дисциплиной, в основном связанной с исторической дидактикой. Вы можете найти людей, у которых есть одновременно должность, кафедра или ставка профессора публичной истории и исторической дидактики. Профессиональные историки не работают в области публичной истории, потому что историческая культура – это нечто из настоящего. Они интересуются прошлым, они пишут книги об исторической культуре прошлого. Но главный вопрос исследований исторической культуры – это современная историческая культура.

Андрей Линченко. Вы много писали о принципе «взаимного признания различий в культуре» как важнейшей основе преодоления этноцентризма в историческом мышлении. Ценности общения участников могут быть соотнесены в процессе диалога. Однако могут ли быть соотнесены смыслы истории?

Йорн Рюзен. Это очень хороший вопрос. Прежде всего, на мой взгляд, главный вопрос в осмыслении исторической культуры – этно-

центризм. Это неизбежно, потому что историческое мышление является культурным значением, привносящим осознание того, кем являются люди. Несколько десятилетий назад это называли «идентичностью», «исторической идентичностью» или «коллективной идентичностью». Теперь на интеллектуальном уровне гуманитарных наук происходит отказ от понятия «идентичность», потому что постмодернистские мыслители считают, что у людей нет только одной идентичности, у них их много. Тем не менее, никто не может отрицать, что существуют очень мощные формы коллективной идентичности, которые провоцируют людей убивать других людей из-за их идеи идентичности. Идентичность включает в себя идею инаковости. В собственном опыте всех людей есть то, что им не нравится. Люди не принимают это, но такая логика есть. Что они делают? Они проецируют эти негативные элементы в идею об инаковости других. Следовательно, всякий раз, когда вы осмысляете социальную идентичность, возникает асимметричная взаимосвязь между этой принадлежностью и инаковостью других. Это элементарный факт для каждого человека. Историческое мышление всегда имеет тень, тенденцию этноцентричной недооценки других. И это мое видение и мое самое важное участие в разработке идей и стратегий для преодоления этой асимметричной взаимосвязи между собой и другим. Вот почему я работал последние десять лет в основном над вопросом гуманизма. Гуманизм означает, что каждый человек имеет достоинство (И. Кант). Если вы посмотрите вокруг и послушаете, что происходит в академических дискурсах, то здесь этноцентризм замаскирован. Но в культурной сфере, музеях, памятниках, тем не менее, вы найдете элементы этноцентризма. В вашей стране запрещен фильм о Сталине, польский народ издал закон, если вы скажете что-нибудь о концлагерях в Польше, вы будете преследоваться по закону. И в нашей собственной исторической культуре есть немного этого. Если вы отрицаете существование Холокоста, вы будете наказаны. Я принимаю это, но это опасно. Теперь государство думает, что оно уполномочено сказать, в чем заключается проблема истории. До тех пор, пока в нем говорится: «вы не должны отрицать Холокост», – я говорю «да», но государство не может придерживаться этих предписаний. Это огромная опасность.

Отвечая на ваш вопрос, я бы сказал, да, мы можем, и мы должны. Делаем ли мы это как историки, это другой вопрос. Пока есть идея, что разные понятия истории могут коммуницировать друг с другом непредвзятым образом. Правила этого общения универсальны, что во многом связано с гуманистическими традициями. Мы можем разработать из этих правил непредубежденную, идентично непредвзятую коммуникацию. Мы можем развить из этих правил представление о всеобъемлющем значении прошлого. Если вы общаетесь таким непредвзятым образом, вы предполагаете признание других как других. В этом общении

мы должны выяснить, что у нас общего и как мы применяем общие принципы, которые являются нормами поведения по отношению к нам, к нашему прошлому. В эпоху глобализации мы должны придавать гораздо большее значение, чем в прошлом, глобальной или универсальной истории. Вопрос в том, какие характерные особенности придания значения отвечают этой задаче. Трудно ответить, потому что в целом отсутствует осмысление этого значения. С другой стороны, можем ли мы написать глобальную историю без философского постижения смысла? Есть замечательное исключение, которым я очень восхищаюсь, а именно книга Дэвида Кристиана «Карты времени»[5]. Это универсальная история человечества с самого его начала и до XX века. В этой книге он никогда не отражал свою концепцию, хотя возможность сделать это была.

Я не знаю, все ли когда-либо думали об этом. И что эта универсальная история означает для устоявшихся воспоминаний людей? Имеются ли у нее в этих воспоминаниях корни? Если нет – забудь об этом. У вас должно быть что-то, с чего вы можете начать. В исторической дидактике мы говорим: «Man muss die Schüler dort abholen, wo sie stehen» (нужно подбирать ученика там, где он стоит). Студенты приходят в класс, и у них в голове есть некоторые идеи о прошлом. Обычно мы не знаем, что у них на уме. Чему мы можем их научить? Они чему-то учатся, потому что им нужно сдать экзамен. Но если вы не понимаете, что у них уже есть в голове (например, «карты значений», «ментальные карты»), ваше учение на самом деле их не касается. Нам нужны знания о развитии смысловых концепций истории в сознании студентов. Нам нужна хорошая теория онтогенеза исторического сознания. У людей есть нечто общее, как у человека вне природы. Антропологические универсалии существуют. Многие теоретики это отрицают. Но есть много антропологических универсалий. Например, рассказывание историй, чтобы примириться с определенным опытом времени, является антропологической универсалией. Другими универсалиями являются социальные различия между высшими и низшими классами или внутренними и внешними позициями в данном сообществе. Дополнительные примеры: бедные и богатые, мужчины и женщины. В моей книге «Историка» я перечислил восемнадцать из этих различий, которые являются универсальными. Они образуют категориальную сеть, с помощью которой мы можем интерпретировать события прошлого. Мы можем создать тот же универсализм в критериях значения или придания смысла. Существуют ли универсальные критерии значения или смысла? Мой ответ «да». Например, законность, справедливость, различие между добром и злом – золотое правило. Даже если вы посмотрите на изменения, вы найдете универсальные явления. Это отправная точка для межкультур-

[5] Christian 2004.

ной философии истории. Мы являемся частью этого процесса создания смысла, мы не стоим вне его. Мы внутри него. Вот почему я говорю, что единственная возможность создания всеобщей истории – это гуманистический путь, ибо мы разделяем нашу человечность.

Андрей Линченко. Вы много писали о том, что сам разрыв исторического опыта может быть источником создания исторического смысла. Как мы могли бы писать историю поражений и неудач? И как этому учить студентов? Как преподавать болезненное прошлое в Европе и за ее пределами сегодня?

Йорн Рюзен. Это очень важный вопрос не только для исторических исследований, но и для гуманитарных наук в целом. Каким образом иметь дело с нечеловеческим лицом человечества. Я написал целую книгу об этом: «Zerbrechende Zeit»[6], в которой я рассказал о травматическом опыте Холокоста. Как вы можете созидать смысл или осмысливать историю, частью которой является Холокост? Мое предложение состоит в утверждении многогранности.

Первый шаг – осознать темные стороны истории. Для этого вам нужны новые категории исторического мышления, базовые понятия. Наиболее важным примером для этой концепции является концепция страдания. Гуманитарные науки отсылают к деятельности, действию, активности. Имеется целая библиотека по теории действия, но нет даже пяти книг по теории страдания. Но страдание так же важно и фундаментально, как и действие. Тем не менее, это не является проблемой для гуманитарных наук. Есть исключения, такие как Рене Жирар, Зигмунд Фрейд, Мишель Фуко. В их работах страдание играет важную роль.

Страдание имеет следствие для процедуры придания значения. Как вы придаете значимость чему-то как негативному? Негативный исторический опыт означает потерю гуманности. Существует устоявшаяся культурная стратегия, которая позволяет людям примириться с такой утратой, а именно скорбь. Но мы не находим большого внимания к проблеме скорби в гуманитарных науках. Проблема в том, что трактовка негативного исторического опыта приводит к двойственности. Простое различие между хорошими и плохими людьми не очень убедительно, хотя оно очень часто используется в форме отличия преступников от жертв. Немцы, конечно, парадигматически плохие люди, потому что мы совершили Холокост, мы убили евреев.

Андрей Линченко. В России был ГУЛАГ.

Йорн Рюзен. Да, у вас есть ГУЛАГ. Итак, вы можете присоединиться к участи преступников. Есть страны, у которых нет больших теней, может быть, маленькие, которые не имели сил совершать преступления. Нужно осознать негативность, тематизируя страдание. Это при-

[6] Rüsen 2001.

ведет к амбивалентности. Амбивалентность усложняет историю. Поэтому нам нужны стратегии, чтобы сделать амбивалентность пригодной для жизни. Это чрезвычайно важно, потому что это не только вопрос истории, это вопрос нормальной человеческой жизни. Всякий раз, существуя в определенной ситуации, вы сталкиваетесь с амбивалентностью. Однако мы не очень хорошо подготовлены к тому, чтобы смириться с этим. История может стать вкладом в культуру живой амбивалентности, которая в свою очередь может стать шансом для гуманизации человеческой жизни. Чтобы преодолеть этноцентризм, нам нужны две стратегии. Одна оспаривает равенство. Существует общее равенство людей и их историй. Тень собственной истории больше не может отбрасываться на историю других, но она должна быть интегрирована в собственную историю. Другие делают то же самое. В этом случае встретятся две амбивалентности, и асимметричная нормативность этноцентризма будет преодолена. Однако посмотрите вокруг, кто это делает? И вопрос, очень важный вопрос: как мы можем преподавать это в школе и университете? В Израиле правительство установило преподавание истории Холокоста уже в детском саду. Это приемлемо? Я сомневаюсь. Разве это учение не лишает маленьких детей их «Urvertrauen» (базовое доверие), как его называет известный психолог Эрик Эриксон? У Иегуды Элькана, еврейского историка и философа, есть небольшой анекдот: «У евреев две реакции на Холокост». Одна из них – «Это никогда не должно повториться!» Другая – «Это никогда не должно повториться с нами!». Второе отношение – доминирующее. Вы можете увидеть это в Освенциме, когда молодые израильтяне приходят и посещают это место. Они реагируют с очень высоким национализмом. Это понятно, но это проблема.

Андрей Линченко. Возможна ли идентичность без истории?

Йорн Рюзен. Очень хороший вопрос. В общем, я бы сказал «нет». Что такое идентичность? Идентичность – это отношение субъекта к себе. Лучшее определение, которое я нашел, – это высказывание Кьеркегора: «Das selbst ist ein Verhältnis, das ist zu sich selbst verhält». («Я» – это отношение, которое связано с самим собой.) Идентичность – это отражающий элемент, встроенный в логику самосубъективации (self-subjectivation). Это относится к общему ментальному процессу формирования идентичности. В обычной жизни, если вы хотите знать, кто вы есть, вам нужна идея темпоральной линии развития, проходящая через вас. Эта идея имеет место во всем мире, но реализуется по-разному, например, в архаичных обществах. Так, «История нашего народа» может быть представлена в виде ритуала коллективного танца. Посредством ритуалов люди впадают в экстаз, когда божественное снисходит в их умы, а затем они узнают о своих предках.

Открытым остается вопрос, знаем ли мы об отношениях субъектов к самим себе, в которых время и темпоральные изменения не игра-

ют роли. Я не уверен, есть ли явления, в которых время исчезает. Мы должны ссылаться на примеры, на случаи. Мой случай – unio mystica. Вот вам русский пример: исихазм. В романе Достоевского «Братья Карамазовы» старец Зосима представляет русский мистицизм. Интересно, описывает ли роман элементы его духовного мышления, но я думаю, что можно достичь психической формы вне времени. Но вы узнаете об этом, только читая некоторые сообщения о мистицизме. Есть языковая проблема. Мистики говорят о своем опыте: «Вы не можете этого сказать. Это за пределами языка». Другой пример: какова главная цель дзен-буддизма? Это опыт Нирваны, и в Нирване нет времени и нет идентичности. Но верующие остаются в этом мире, и у них складывается ментальное отношение, которое вы можете наблюдать. На мой взгляд, все эти сверхвременные элементы могут существовать, но кажется, что религия как мистицизм далека от компетенции как обычных людей, так и гуманитариев.

Андрей Линченко. Как можно говорить об исторической памяти и историческом сознании в ситуации постнациональной идентичности? С чем она может быть соотнесена?

Йорн Рюзен. Должен признаться, что я чрезвычайно критичен в отношении идеи постнациональных форм идентичности. Но, тем не менее, существуют концепции идентичности, которые выходят за пределы и перспективы нации. Конечно, моя идентичность как человека не является только национальной. Но что такое постнациональное? «Пост-» означает, что было время, когда у вас была национальная принадлежность, а теперь ее нет. Может быть. Но как эмпирический факт – действительно ли ее нет? Мы живем в то время, когда все действующие государства мира являются национальными государствами. Но интеллектуалы говорят о «постнациональном». Они имеют в виду, что определенный вид формирования идентичности с исключительными элементами и недооценкой инаковости должен быть преодолен. Конечно, такая точка зрения должна быть принята. Национализм – очень опасная вещь. Исторический опыт национализма как минимум амбивалентен. Мое личное впечатление таково, что он амбивалентен, потому что в нем также есть положительные элементы. Без идеи нации современная демократия не появилась бы. Такова моя интерпретация известного лозунга французской революции: «Свобода. Равенство. Братство». Что значит «братство»? Думаю, это означает национальность. Когда родилась американская нация? В процессе создания первой современной демократии, основанной на человеческих и гражданских правах. Национальность была ментальным элементом этого процесса демократизации.

Я опубликовал краткий текст о нации на веб-сайте *Public history weekly*. Текст называется «Nation: lebendig oder tot?» (нем. «Нация: жива или мертва?»). «Мертва» в этом названии означает постнационализм.

Я критикую его с помощью двух аргументов. Мой первый аргумент: нация не умерла, потому что она является чрезвычайно мощным элементом в современной политике. Но второй аргумент гораздо важнее. Концепция нации изменилась. Традиционно это был элемент отграничения, недооценки, исключения других, роль которых преуменьшалась. И на самом деле это асимметричное отношение опасно. Первая мировая война является хорошим историческим примером такой бесчеловечности традиционного понимания национальности.

Вопрос в том, можем ли мы избежать национальной формы идентичности? Мой ответ - «Нет». Пока мы живем в современном обществе, это общество должно иметь современную форму общения людей друг с другом относительно их статуса как граждан, и это национальность. Альтернативой было бы множество идентичностей. Но это множество приведет к упадку гражданства. Мой второй аргумент: после 1945 года в Европе произошло нечто знаменательное. На горизонте европейскости исчезли асимметричные национальные отношения. Нации оставались нациями, но их взаимосвязь изменилась в пользу взаимного признания.

Андрей Линченко. Насколько, по Вашему мнению, применим в России немецкий опыт?

Йорн Рюзен. Я думаю, что немецкий общественный процесс под названием «Bewältigung der Vergangenheit» (нем. «преодоление прошлого») может быть универсальным и может быть применен к другим народам мира. Япония является примером. Китай является примером. Это можно сделать и в России. И это должно быть сделано. Но это не будет сделано, потому что это вызывает двойственное отношение. Почему это так сложно? Я всегда использую шутку, как в одном комиксе объяснялось, что такое идентичность. Это комикс с котом Гарфилдом. Гарфилд смотрит в окно и говорит: «Если бы я не был собой, я бы себе не очень понравился». Это и есть идентичность. Идентичность – это отношение к вашей субъективности, которое должно удостоверять вас. Она нужна вам как элемент жизни. Амбивалентность ограничивает эту самооценку и, я бы сказал, обогащает ее элементами критики и дистанции.

Приемлемость амбивалентности противоречит глубокому желанию нравиться самому себе. Это опасно, потому что это позитивное отношение, это высокое качество уникально для каждого человека. Американская декларация независимости – это американская декларация, а штурм Бастилии в августе 1789 года – французское событие. Немецкий "Bewältigung der Vergangenheit" (примирение с прошлым) является радикальной формой введения амбивалентности в самооценку людей. Для немцев это было проблемой, потому что мы не могли развить позитивное отношение к себе как к нации после окончания Второй мировой войны. Когда я учился в старшей школе, наш класс совершил поездку в Нидерланды. Помню, как я гулял вечером со своим одноклассником

в Амстердаме, и мы общались на английском языке. Зачем? Мы не хотели, чтобы нас называли немцами из-за Холокоста. Это типично для нашего поколения. У моих детей совершенно другое отношение. Люди в моем поколении чувствовали себя виноватыми, хотя они (мы) не были виновны. Мы были слишком молоды. Однако поколение преступников – что они могли сделать? Если бы они чувствовали себя морально виновными, они не имели бы сил построить новую страну. Новой Германии нужна была элита, компетентность людей, способных создать новую послевоенную систему. Какая была альтернатива? Следствием этого стало то, что травмирующий характер исторического опыта нацистской преступности лег на плечи следующего поколения, которое было моим. Это сделало мое поколение в истории критическим поколением. Посмотрите на отношение выдающихся историков, таких как Винклер, Велер, Кокка, Момзен. Они создавали критическую историю. У следующего поколения – другое отношение. Какие идеи истории сейчас доминируют? Это открытый вопрос. Потому что моральные последствия исторического опыта Холокоста все еще очень сильны.

Нашли ли немцы убедительный способ согласования их отношения к истории и прошлому - вопрос открытый. Для меня историография моего поколения критична, в ней есть дистанцирующий элемент. Но это не то, с чем вы можете идти в ногу со сменой поколений. Вы не можете постоянно отрицать свое прошлое. С другой стороны, вы не можете вернуться к докритическому отношению. Нам нужно новое отношение. Но у меня нет парадигмы такого отношения. Лучшим примером являются Нидерланды. Голландцы стали жертвами немецкой агрессии. Преступниками после 1945 года были только немцы. Но некоторые представители молодого поколения голландских историков задали вопрос, как немцы смогли отправить большинство голландских евреев в концлагеря? Голландский Холокост был невозможен без помощи голландской бюрократии. Результатом этого вопроса стало растущее двойственное отношение голландцев к их собственной истории. Другой пример: шведское правительство двадцать или тридцать лет назад потратило много денег на исследования Холокоста в Швеции. Ведущий исследователь Клас-Йоран Карлссон из Лунда опубликовал несколько книг о Холокосте в Европе[7]. По его мнению, Холокост был не только делом Германии. Он не отрицал, что немцы совершили геноцид, но он имеет европейское измерение. Я думаю, что мы можем универсализировать историческую перспективу Холокоста. Но кто готов принять амбивалентность?

Германия, Бохум, 5 апреля 2018 года
(пер. с англ. А.А. Линченко)

[7] Karlsson 2004; 2006.

БИБЛИОГРАФИЯ

Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010.
Christian D. Maps of Time: An Introduction to Big History. Berkeley: University of California Press, 2004.
Karlsson K.-G. Holocaust Heritage. Malmö: Coronet Books Inc, 2004.
Karlsson K.-G. The Holocaust on Post-War Battlefields. Malmö: Sekel, 2006.
Rüsen J. Evidence and Meaning: A Theory of Historical Studies. New York: Berghahn, 2017.
Rüsen J. Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2013.
Rüsen J. Zerbrechende Zeit. Über den Sinn der Geschichte. Köln: Böhlau, 2001.

REFERENCES

Domanska E. Filosofiya istorii posle postmodernizma. Moskva: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2010.
Christian D. Maps of Time: An Introduction to Big History. Berkeley: University of California Press, 2004.
Essen G. Historische Vernunft und Auferweckung Jesu. Theologie und Historik im Streit um den Begriff geschichtlicher Wirklichkeit. Mainz: Matthias-GruÌˆnewald-Verlag 1995. Karlsson K.-G. Holocaust Heritage. Malmö: Coronet Books Inc, 2004.
Karlsson K.-G. The Holocaust on Post-War Battlefields. Malmö: Sekel, 2006.
Rüsen J. Evidence and Meaning: A Theory of Historical Studies.. New York: Berghahn, 2017.
Rüsen J. Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2013.
Rüsen J. Zerbrechende Zeit. Über den Sinn der Geschichte. Köln: Böhlau, 2001.

Линченко Андрей Александрович, *кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ (Липецкий филиал), Липецкий государственный технический университет;* linchenko1@mail.ru

Think history reasonable. An interview with Jörn Rüsen

In an interview with a prominent German theorist Jörn Rüsen, a wide range of problems of modern philosophy and the theory of history were discussed. The issues of relevance of the heritage of classical and non-classical philosophy of history were considered. The problems of the interaction of philosophers and historians in the context of studies of historical culture and cultural memory were discussed. It was shown that ethnocentrism continues to be the key problem of the modern historical research. The importance of the idea of correlation of the basic concepts of the theory of history as a condition for overcoming ethnocentrism were substantiated. The problems of teaching history in the context of globalization, the relevance of universal values in dealing with traumatic historical experience, as well as the problems of applicability in modern Russia of the German experience of overcoming the totalitarian past were raised.

Keywords: philosophy of history, historical culture, historian, historical consciousness, historical memory, ethnocentrism

Andrei Linchenko, *PhD, Researcher at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk branch); Lipetsk State Technical University; linchenko1@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Е. С. Данилов

ПРОБЛЕМА SECURITAS PUBLICA В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В статье дан обзор основных исследовательских подходов к проблеме древнеримского восприятия безопасности в имперский период. Выделяются шесть историографических направлений, появившихся за последний век. Первое подразумевает научный поиск в нумизматическом материале. Следующие три направления относятся к таким сферам общественно-духовной жизни, как политика, религия и философия. Их развитие связано с комментированием и интерпретацией в основном нарративных текстов. Последние два направления отражают движение к объединению подходов, расширению источниковой базы, внимание к повседневной жизни квиритов. Отмечена общая тенденция к более широкому использованию историками эпиграфических памятников, а также рассмотрению древнеримского понимания защищённости в контексте развития всей античной цивилизации и поэтапной институционализации концепта «безопасность» от Древности до Новейшего времени.

Ключевые слова*: *безопасность, мир, ментальность, античность, историография

В современном мире общеупотребителен ряд составляющих концепта «безопасность». Часто можно слышать о «национальной» и «общественной» безопасности. Под последней понимается состояние коллективной защищенности от внутренних угроз. Данное представление является плодом античной культуры. Греко-римская цивилизация заложила основы восприятия безопасности как жизненно важной ценности, имеющей философские, политические и религиозные коннотации. Причем, граждане полисов в большей степени мыслили категориями именно общественной, а не личностной безопасности.

Изредка появляющееся в античных источниках выражение *securitas publica* чаще всего переводится как «общественный правопорядок» или «государственная безопасность», но что включали в это понятие сами римляне – вопрос до сих пор открытый. Сенека Младший видел в *securitas publica* производное от деятельности правителя, благо для людей порядочных и чистосердечных, источник покоя и досуга (Ep. VIII. 73. 2; Clem. I. 13. 1). Тацит, характеризуя принципат Траяна, ставит в один ряд *securitas publica* и *felicitas temporum* (Agr. 3. 1). У Плиния Младшего *securitas* соседствует с такими категориями как: *tutela* (Ep. X. 52), *libertas, salus, gloria, hilaritas, gaudium, pax, concordia, ops, honor* (Pan. 8, 27, 48, 72, 94). Похожие коннотации наблюдаются у Цицерона (Fin. V. 23, Off. I. 69, 72), Веллея Патеркула (II. 89. 4), Фронтона (Ep. I. 9. 7; fr. 8).

Как видим, несмотря на общий положительный модус, составляющие безопасного образа жизни античного социума остаются довольно

расплывчатыми. Неудивительно поэтому, что в антиковедческой среде нет единого, чётко сформулированного мнения по данному вопросу.

Представления римских граждан о безопасности рассматриваются антиковедческим сообществом уже почти столетие. В 1921 г. в энциклопедии Паули-Виссова вышла статья Людвига Хартманна «Securitas» [Hartmann 1921]. Автор подчеркнул решающее значение нумизматических источников для реконструкции древней персонификации. Он установил 3 монетных типа и 15 подтипов, изображающих прозопопею в различных позах. Позднее отдельные исследователи обращали внимание на тот или иной чеканный подтип. Росселла Пера рассмотрела становление иконографии Секуритас при Нероне [Pera 2012]. Кристоф Ог разобрал особенности изображения Секуритас на монетах времён Каракаллы, на которых чаще всего встречалась надпись «Securitas Orbis» [Aug 2009]. Мария Альфёльди обратила внимание на использование Константином Великим монетного типа «Securitas perpetuae» [Alföldi 1996]. Карстен Дамен и Питер Илиш сосредоточились на заимствовании христианским императором лозунга «Securitas Saeculi» [Dahmen, Ilisch 2006]. Вольфрам Вайзер описал бронзовый чекан позднеримского узурпатора Прокопия (365–366) с легендой «Securitas Reipublicae» [Weiser 1977]. Обзорный анализ пропаганды безопасности в нумизматике представлен в статьях Уте Готтшолл и Барбары Заяц. Немецкая исследовательница составила свой каталог, ориентируясь в немалой степени на построения Хартманна, но с более обширными комментариями. Она разграничила вариации двух монетных типов, стоячей и сидячей Секуритас [Gottschall 1997]. Польская коллега указала на то, что иконография Секуритас разнообразна и схожа с изображениями Салюс [Zając 2014].

Складывается впечатление о значительном преобладании исследований, делающих упор на нумизматические источники. И это действительно так. Лишь относительно недавно эпиграфист Р. Хэнш опубликовал статью об упоминании лозунга *securitas* в инскрипциях [Haensch 2016]. Если в литературе безопасность как ценность пропагандировалась с эпохи Августа, в нумизматике – со времени Нерона, то в официальных надписях – лишь с Коммода. В эпитафиях наша лексема появляется чуть раньше, но не по всей Империи. Хэнш заинтересовался одной сирийской надписью периода Септимия Севера и сделал ряд любопытных наблюдений. Более того, Хэнш составил предварительный каталог эпитафий с упоминанием *securitas,* в который включил 167 наименований.

Вторая группа ученых рассмотрела *securitas* как абстрактную идею, получившую распространение в религиозном культе. Например, Гарольд Экстелл и Йоханнес Ильберг упомянули о Секуритас как покровительнице усопших [Axtell 1907: 40; Ilberg 1915]. Збигнев Херберт рассуждал о том, сколько было богинь безопасности [Herbert 1999]. Существовала ли одна Секуритас для всех граждан или император имел

дополнительно персональную покровительницу? Он склонялся к мысли о том, что Секуритас защищала августа, а через него и всех квиритов. Впрочем, однозначным в его рассуждениях является лишь сожаление о том, что мы не знаем символов, ритуалов, молитв, характерных для культа Секуритас. Карстен Биндер решил, что Секуритас – персонификация, в первую очередь, общественной и политической безопасности [Binder 2001]. Состояние зарубежных исследований по этому во-просу иллюстрирует также оксфордский компэнион под редакцией Йорга Рюпке, соавторы которого повторяют мысли своих предшественников. Джонатан Уильямс делит все персонификации на две категории: одни абстракции относятся к добродетелям правителей, другие – к желаемым качествам или атрибутам государства в целом. Securitas причисляется им ко второму типу [Williams 2007: 156]. Питер Герц [Herz 2007: 308] ставит знак равенства между безопасностью императора (*securitas imperatoris*) и благополучием всей империи (*securitas imperii*).

В рамках третьего направления *securitas* предстаёт как философская идея и политический концепт. Хаим Виршубски обратил внимание на связь понятий *securitas* и *libertas*. По мнению автора, в период Империи они стали почти синонимичны. Правда, для высших сословий безопасность жизни и собственности была более идеалом, чем реальностью [Wirszubski 1950: 158-159]. Ханс Ульрих Инстинский коснулся проблемы появления лозунгов «Securitas Augusti» и «Securitas populi Romani». Несмотря на небольшой объём (издание является расширенным текстом иннаугурационной лекции, прочитанной Инстинским в феврале 1949 г. по случаю его назначения профессором древней истории Майнцского университета), брошюра Инстинского [Instinsky 1952] может считаться первым монографическим исследованием, где безопасность разбирается как элемент политического порядка. Хронологически изложение начинается с Августа и доводится до Траяна включительно. Впрочем, автор недостаточно внимания уделил Флавиям.

Тони Рикманс, анализируя на основе «Истории Августов» [Reekmans 1979] две составляющие общественного благосостояния (*felicitas publica*) цивитас – процветание и безопасность, выводит коннотации, связанные с безопасностью имущества граждан, останавливается на смежных понятиях – *abstinentia* (воздержанность) и *liberalitas* (щедрость); затрагивает вопросы экономической политики, пишет о важности императорского окружения для формирования *bonus imperator*. Автор крайне осторожен, указывая на многочисленные измышления, риторические преувеличения и откровенные нелепости, встречающиеся в таком сложном и неоднозначном памятнике как «Historia Augusta».

Альфред Кнеппе исследовал значение состояний тревожности и страха в римской политике первых двух веков нашей эры, а также связь пропаганды безопасности в римском обществе с образом идеального

принцепса. Кнеппе оказался чрезвычайно внимательным к нумизматическим источникам, пытаясь вникнуть в конкретную внутри- и внешнеполитическую ситуацию при том или ином цезаре [Knepper 1994].

Весьма популярной является четвёртая тема, где *securitas* погружается историками в сферу христианского учения и комментируется в паре с *pax*. Обращает на себя внимание, в частности, статья Джоэла Уайта [White 2013]. Действительно ли сентенция «pax et securitas» являлась римским лозунгом? Уайт, рассмотрев 18 литературных и эпиграфических свидетельств, категорично отвечает «нет». Апостол Павел объединил два термина, которые независимо друг от друга использовались в пропаганде, иногда как синонимы. Обычно же, начиная с Эрнста Баммела [Bammel 1960], утверждается, что Саул Тарсянин употребил это якобы устойчивое выражение для критики римской имперской идеологии, обещавшей всем гражданам мир и безопасность (1 Фес. 5:3). Проповедник призывал фессалоникийцев не обольщаться и не впадать в самодовольную уверенность. Несмотря на убедительную аргументацию Уайта, некоторые историки упорно продолжают видеть в отрывке из Нового Завета тщательно продуманную «мессианскую критику» тех, кто наивно верит в незыблемое благополучие Римской империи. Дэниел Йенсич, в свою очередь, считает, что Павел писал в апокалиптическом ключе, видит в упомянутом пассаже эсхатологическое пророчество, но не исключает и социального подтекста. Мир и безопасность в послании фигурируют как отдельные, но дополняющие друг друга части римского политического дискурса [Yencich 2015].

Пятый ракурс подразумевает рассмотрение *securitas* в утилитарном смысле, как результат каких-либо конкретных действий квиритов или функционирования определенных институтов.

Ренат Лафер задался вопросом: являлась ли безопасность реальностью в условиях разгула бандитизма в римском обществе? В Италии и почти во всех провинциях наличие разбойничьих шаек было обыденным явлением. Уровень преступности напрямую зависел от тех экономических и социальных проблем, с которыми сталкивались добропорядочные граждане. *Latrones*, совершавшие дерзкие нападения, всегда представлялись как враги, угрожающие безопасности государства. Чрезмерная пропаганда *securitas*, по мнению Лафера, в действительности доказывает отсутствие стабильности [Lafer 2001]. Впрочем, аргументация австрийского коллеги строится в основном на материале поздней Античности, что делает его выводы неоправданно обобщающими. Ходу мыслей Лафера близка точка зрения Рады Варга и Аннамарии-Изабеллы Пазсинт, построенная на анализе эпитафий с территории европейских провинций Империи [Varga, Pázsint 2018]. Румынские эпиграфистки осуществили проблемную выборку свидетельств о насильственных смертях, не связанных с ведением военных действий (32 надписи). Име-

на с изученных надгробных памятников принадлежали людям, убитым в ходе разбойных нападений. Ряд трагических примеров показал, что отсутствие безопасности на городских и сельских дорогах было частью повседневной жизни современников принципата. Сама же проблема преступности, особенно пиратства, оказалась политизирована, чтобы обеспечить легитимность агрессии Рима и показать его борцом с беззаконием. Другой важной деталью стал вывод о преобладании западной латинской эпиграфики над греческой. Насколько этот факт соотносится с реальным уровнем безопасности в разных провинциях, неизвестно. В целом, инскрипции, описывающие личные потери, предлагают нам другой тип понимания римского общества. Они являются прямым намёком на опасности, преследующие подданных императоров каждый день.

Седрик Брелаз написал о том, как поддерживалась общественная безопасность Малой Азии, как функционировали муниципальные и имперские учреждения на римском Востоке [Brélaz 2005]. В пяти главах последовательно рассматриваются усилия центральной власти по пропаганде *Pax Romana*; факторы небезопасности (разбой, восстания, бунты, варварские вторжения); полицейские полномочия наместников, муниципальных магистратов и их подчиненных (иринархи, парафилаки, диогмиты, хорофилаки, мастигофоры); военное присутствие римлян в Анатолии (*stationarii, regionarii, frumentarii*).

Обращает на себя внимание сборник статей под редакцией С. Брелаза и его наставника Пьера Дюкри. Тема, объединившая семерых исследователей, звучит следующим образом: коллективная безопасность и общественный порядок в древних социумах. Оставив в стороне три разновременных очерка об эллинской ойкумене, обратимся непосредственно к *orbis romanus*. В статье С. Брелаза «Прощание с оружием. Оборона греческого города в умиротворенной Римской империи» идёт поиск следов греческой военной культуры в условиях потери независимости [Brélaz 2008]. Швейцарский учёный обнаруживает признаки выживания указанной культуры в увлечении гладиаторскими играми, сохранении у отдельных полисов фортификационных сооружений, воспитании эфебов, борьбе с бандитизмом. Эндрю Линтотт подчеркивает важность применения насилия для обеспечения безопасности отдельных лиц и групп, составляющих римское общество республиканского времени [Lintott 2008]. Рамсей МакМаллен обсуждает проблему монотеистического фанатизма, т.е. иррациональной преданности религиозной вере. Через эту призму анализируются еврейские восстания против римлян и конфликты в христианских общинах [MacMullen 2008]. Ян Ривьер в качестве мер безопасности представляет *aquae et ignis interdictio* (отлучение от воды и огня), постепенно вышедшее из употребления, и *relegatio* (изгнание), в частности, автор рисует географию ссылок в первые века Империи (острова, куда направлялись осуждённые) [Rivière 2008].

Правовед Энрико Сильверио изучил практические механизмы поддержания безопасности в Римском государстве от основания Города до Юстиниана Великого [Silverio 2015]. Первая глава его книги посвящена формам саморегуляции цивитас в царский и раннереспубликанский периоды за счёт влияния *patres familias*, клиентских связей, а также деятельности *quaestores parricidii* и *duumviri perduellionis*. Главы 2 и 3 охватывают времена средней и поздней Республики. В них конкретизируется значимость системы магистратур для защиты аристократов и плебеев. Глава 4 иллюстрирует как кризис в Республике изменял старую структуру безопасности. Затрагиваются проблемы применения *senatus consultum ultimum*, борьбы с пиратством, создания отдельными политиками личных охранных служб. Пятая глава касается новых формирований принципата: *cohortes urbanae*, *vigiles*, *praetoriani*. Главы с шестой по девятую включительно описывают эпоху Домината и ранневизантийский период. Разбирается функционирование правоохранительных органов в столицах и провинциях, полномочия наместников в сфере поддержания общественного порядка, влияние на государственную безопасность военных и экономических кризисов в условиях урезания муниципальной автономии и прогрессирующей централизации.

Сесилия Риччи признала, что понятие «общественная безопасность» во многом является современным продуктом национальных государств, однако, поскольку принцепсы официально взяли на себя роль гарантов мира и безопасности, важно понять, как и почему этот план был придуман и реализован [Ricci 2018]. Период, который принимается Риччи во внимание, охватывает время от Юлиев-Клавдиев до Северов. Правда, территориально исследование представлено только Римом и Италией. Профессор университета Молизе подробно рассматривает военный эскорт носителей императорской власти; гражданский персонал, отвечающий за защищенность жителей городов; полицейские службы.

Наконец, античная *securitas* воспринимается как часть всемирного культурного наследия, эволюционный этап в представлениях человечества о собственной защищенности. Диссертация Андреа Шримм-Хайнса раскрывает историю и изменение значения терминов *certitudo* (уверенность) и *securitas*[1]. Фредерик Арендс начинает свой очерк с Гомера, заканчивает Т. Гоббсом. Греческие корни концепта «безопасность» он прослеживает, в первую очередь, в труде Фукидида. Ищет связи *securitas* с асфалеей, эпикурейской атараксией и стоической апатией. Арендс обращает внимание на отрицательные значения *securitas* (небрежность, беспечность, безрассудство, безразличие, легкомыслие), приводя при-

[1] Изложение доводится до XVII в. Античному этапу истории *securitas* отведено 10 страниц: беглый обзор философских, политических и юридических коннотаций от Цицерона до Августина Блаженного. – Schrimm-Heins 1990, s. 13-22.

мер, в частности, из Квинтилиана. В его тексте имеются также традиционные отсылки к Сенеке и Тациту при описании политизации рассматриваемой лексемы. Вслед за Шримм-Хайнсом Арендс говорит о постепенном замещении в христианстве между IV и VII вв. *securitas* на *certitudo* [Arends 2008]. Джон Гамильтон исследует семантическую неопределенность безопасности в широкой исторической перспективе [Hamilton 2013], но структура его книги довольно расплывчата. Автор любит оперировать образами и смыслами, которые в той или иной степени ассоциируются с безопасным существованием: стойкость духа, материнская забота и т.п. Заметное место в работе Гамильтона занимает поиск греческих аналогов *securitas*. Кроме тех, что были упомянуты Арендсом, внимание уделяется акедии и демокритовой эвтюмии. Некоторый интерес могут представлять параграфы о море как источнике беспокойства в греко-римской культуре и о цицероновской этике. Гамильтон менее всего склонен разрабатывать политологическую сторону вопроса, но его наработки ценны для понимания *securitas publica*.

Книга Бориса Кршева – научно-популярное издание, посвященное безопасности как общественному делу, значение которого было осознано самыми первыми человеческими коллективами ещё в первобытную эру [Kršev 2017]. В государственных образованиях Древнего мира возникают инструменты социального регулирования и защиты правящих классов в виде законодательных актов и специальных органов власти. Кршев пытается выделить в истории каждого описываемого народа ключевые события, способствующие укреплению или, напротив, ослаблению безопасности. К положительным событиям историк, останавливаясь на римском опыте, относит реформы Сервия Туллия, появление законов XII таблиц, становление принципата, строительство лимеса. Из должностных лиц он вспоминает магистратов, преторианцев, подчиненных префекта города, фрументариев, *agentes in rebus*.

Итак, нами были выявлены шесть взаимосвязанных историографических направлений, развивавшихся в период 1907–2018 гг. Первое направление подразумевает пристальное внимание к нумизматическому материалу, как наиболее репрезентативному. Можно сказать, что оно одно из самых представительных по числу обращавшихся к проблеме специалистов. Следующие три направления относятся к таким сферам общественно-духовной жизни, как политика, религия и философия. Их развитие связано с комментированием и интерпретацией в основном нарративных текстов. Естественно, данное деление во многом условно, так как специфика римской религиозности состояла в её неразрывной связи с политическими, экономическими и социальными отношениями. Последние два направления отражают движение к объединению подходов, расширению источниковой базы. В некоторых работах явственно внимание к повседневным сторонам жизни членов

античных социумов, ментальности, коллективной психологии. Пока ещё недостаточно полно, но всё же проявляется тенденция к более широкому использованию историками эпиграфических памятников, а также рассмотрению древнеримского понимания защищённости в контексте развития всей античной цивилизации и поэтапной институционализации концепта «безопасность» от Древности до Новейшего времени. Кроме того, отметим вклад немецкоязычных авторов, которые проявили себя по крайней мере в четырёх вышеотмеченных направлениях. Несомненно также превалирование интереса со стороны европейских учёных. Достижения американских коллег менее заметны.

В зарубежной литературе преобладает мнение о том, что культ Секуритас имел чисто политизированный характер. Безопасность как общественное благо увязывалась со стабильным правлением и преемственностью императорской власти. Доктрина *securitas publica* в качестве пропагандистского комплекса воззрений актуализировалась в кризисные для Римского государства периоды.

На наш взгляд, самого пристального внимания заслуживают следующие аспекты рассматриваемой проблемы. Их изучение будет полезно для составления целостной картины.

1. Отражение лексем *ασφάλεια / securitas* в папирусных текстах и эпиграфике. Введение в оборот недостающих источников, вероятно, поставит новые вопросы перед исследователями. Пока что можно констатировать явную необходимость расширения каталога Хэнша и тщательной проработки папирологических баз данных.

2. Место *dea Securitas* в иерархии римских богов. Насколько обожествленные понятия были инкорпорированы в систему архаических культов? Существовали ли ситуации, когда персонификации почитались как условно равные старым *divi*? Как следует воспринимать совместные изображения или упоминания нескольких богов с предполагаемо разными статусами?

3. Связь Секуритас с культом божественных Манов. Частный аспект предыдущих тем можно выделить в отдельный вопрос. Стоит ли считать распространение эпитафий «*Dis Manibus et perpetua securitati*» и «*Dis Manibus et aeternae securitati*» свидетельством теологической близости персонифицированной Безопасности к духам умерших предков?

4. Составляющие «экономической безопасности» civitas. Считали ли римляне заботу о наличии стратегических ресурсов, борьбу с коррупцией, сохранение уровня и качества жизни квиритов, очевидными мероприятиями одного порядка?

При поиске ответов на эти и другие потенциальные вопросы, безусловно, стоит остерегаться излишней модернизации и обобщения изучаемых процессов и явлений.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Alföldi M.R. Securitas perpetua(e): Rückgriff zur constantinischen Zeit auf einen seltsamen Münztyp des Commodus // Χαρακτήρ: αφιέρωμα στη Μάντω Οικονομίδου. Αθήνα: Υπουργείο Πολιτισμού / Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 1996. P. 35-40.

Arends J. F. M. From Homer to Hobbes and Beyond - Aspects of 'Security' in the European Tradition // Globalization and Environmental Challenges. Reconceptualizing Security in the 21st Century / H.G. Brauch et al. (eds.). Berlin, Heidelberg, New York: Springer Verlag, 2008. P. 263-277.

Aug C. Types et variantes avec représentation de Securitas au revers pour Caracalla en 199 // Revista Numismática OMNI. 2009. № 1. P. 1-5.

Axtell H.L. The deification of abstract ideas in Roman literature and inscriptions. Chicago: Chicago University Press, 1907. 98 p.

Bammel E. Ein Beitrag zur paulinischen Staatsanschauung // Theologische Literaturzeitung. 1960. № 85. S. 837-40.

Binder C. Securitas // Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike. Bd 11 / H. Cancik, H. Schneider (Hg.). Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2001. Sp. 317.

Brélaz C. La sécurité publique en Asie Mineure sous le Principat (I–IIIe s. ap. J.-C.). Institutions municipales et institutions impériales dans l'Orient romain. Basel: Schwabe, 2005. 530 p.

Brélaz C. L'adieu aux armes. La défense de la cité grecque dans l'empire romain pacifié // Sécurité collective et ordre public dans les sociétés anciennes. Sept exposés suivis de discussions / C. Brélaz et P. Ducrey (éds.). Genève: Droz, 2008. P. 155-204.

Dahmen K., Ilisch P. Securitas Saeculi – a New Revival of a Probus reverse-type in the Gold Coinage of Constantine I // Numismatic Chronicle. Vol. 166. 2006. P. 229-231.

Gottschall U.W. Securitas // Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Bd. VIII / H.C. Ackermann, J.-R. Gisler (Hg.). Zürich, München: Artemis & Winkler, 1997. Sp. 1090–1093.

Haensch R. Safety first? CIL III, 128 et la rhétorique de la securitas // Syria. 2016. T. 93. P. 29-44.

Hamilton J.T. Security: Politics, Humanity, and the Philology of Care. Princeton, N.J., Oxford: Princeton University Press, 2013. 322 p.

Hartmann L.M. Securitas // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hb. 3. Rh. 2 / W. Kroll, K. Witte (Hg.). Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 1921. Sp. 1000–1003.

Herbert Z. Securitas // Parnassus: Poetry in Review. 1999. Vol. 24. Issue 1. P. 188-191.

Herz P. Emperors: Caring for the Empire and Their Successors // A companion to Roman religion / J. Rüpke (ed.). Oxford, Malden MA.: Blackwell Publishing, 2007. P. 304-316.

Ilberg J. Securitas // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. IV / H.W. Roscher (Hg.). Leipzig: B.G. Teubner Verlag, 1915. S. 595-597.

Instinsky H.U. Sicherheit als politisches Problem des römischen Kaisertums. Baden-Baden: Verlag für Kunst und Wissenschaft, 1952. 46 s.

Kneppe A. Metus temporum: zur Bedeutung von Angst in Politik und Gesellschaft der römischen Kaiserzeit des 1. und 2. Jhdts. n. Chr. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. 410 s.

Kršev B. Securitas res publica: kratka istorija bezbednosti. Novi: Sad Prometej, 2017. 394 s.

Lafer R. Securitas hominibus: Literarische Fiktion oder Realität? Die Bekämpfung von Räubern und Dieben im Imperium Romanum // Carinthia romana und die römische Welt. Festschrift für Gernot Piccottini zum 60. Geburtstag / F.W. Leitner (Hg.). Klagenfurt: Verlag des Geschichtsvereines für Kärnten, 2001. S. 125-134.

Lintott A. How high priority did public order and public security have under the Republic? // Sécurité collective et ordre public dans les sociétés anciennes. Sept exposés suivis de discussions / C. Brélaz et P. Ducrey (éds.). Genève: Droz, 2008. P. 205-226.

MacMullen R. The problem of fanaticism // Sécurité collective et ordre public dans les sociétés anciennes. Sept exposés suivis de discussions / C. Brélaz et P. Ducrey (éds.). Genève: Droz, 2008. P. 227-260.

Pera R. In trono, a destra: nota iconografica su Securitas nelle emissioni neroniane // Il significato delle immagini: numismatica, arte, filologia, storia (Atti del secondo incontro internazionale di studio del Lexicon Iconographicum Numismaticae, Genova, 10-12 November 2005) / R. Pera (a cura di). Roma: Giorgio Bretschneider, 2012. P. 345-364.

Reekmans T. Prosperity and security in the Historia Augusta // Ancient society. 1979. № 10. P. 239-270.
Ricci C. Security in Roman Times. Rome, Italy and the Emperors. London, New York: Routledge, 2018. 300 p.
Rivière Y. L'Italie, les îles et le continent: recherches sur l'exil et l'administration du territoire impérial (Ier-IIIe siècles) // Sécurité collective et ordre public dans les sociétés anciennes. Sept exposés suivis de discussions / C. Brélaz et P. Ducrey (éds.). Genève: Droz, 2008. P. 261-310.
Silverio E. Securitas. La sicurezza in Roma antica tra giurisdizione e amministrazione. Roma: L'Erma Di Bretschneider, 2015. 592 p.
Schrimm-Heins A. Gewifiheit und Sicherheit. Geschichte und Bedeutungswandel der Begriffe certitudo und securitas. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grabes Doktor der Philosophie an der Kulturwissenschaftlichen Fakultät. Bayreuth: Universität Bayreuth, 1990. 265 s.
Varga R., Pázsint A.-I. The reflection of personal and collective tragedies in ancient sources. 1. Personal tragedies in Roman epigraphy // Journal of Ancient History and Archaeology. № 5.4. 2018. P. 22-31.
Weiser W. Securitas Reipublicae. Eine neue Bronze des Usurpators Procopius // Money Trend. Vol. 9. № 10. 1977. S. 8-12.
White J.R. Peace and Security' (1 Thessalonians 5.3): Is It Really a Roman Slogan? // New Testament Studies. Vol. 59. 2013. P. 382-395.
Williams J. Religion and Roman Coins // A companion to Roman religion / J. Rüpke (ed.). Oxford, Malden MA.: Blackwell Publishing, 2007. P. 143-163.
Wirszubski Ch. Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. 182 p.
Yencich D.M. Peace, Security, and Labor Pains in 1 Thessalonians 5.3 // Leaven. 2015. Vol. 23. Iss. 1. Article 8. P. 37-42.
Zając B. Securitas Rei Publicae. Aspekty polityki bezpieczeństwa państwa w mennictwie Cesarstwa Rzymskiego // Przegląd Bezpieczeństwa Wewnętrznego. 2014. T. 6. № 2. P. 37-42.

Данилов Евгений Сергеевич, *кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова; explorator@list.ru*

Problem of *securitas publica* in foreign historiography

This article presents a review of main research approaches to the perception of security in the Imperial Rome. The author distinguishes six historiographic trends that appeared over the last century. The first trend implies the scientific search in numismatic material. The next three trends belong to such areas as policy, religion and philosophy. Their development is related to commenting and interpretation of mainly narrative texts. The last two trends reflect the move towards the combination of approaches, expansion of source base, attention to everyday life of ancient Romans. There is also a general tendency to the wider use of epigraphics and to consideration of the ancient Roman understanding of security in the context of development of the Classical Civilization as a whole and the stepwise institutionalization of the security concept from antiquity to contemporary times.

Keywords: security, peace, mentality, classical antiquity, historiography

Evgeny Danilov, *PhD in History, Associate Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University; explorator@list.ru*

Г. П. Мельников

УЧЕНИЕ ЯНА БЛАГОСЛАВА О ЗНАНИИ КАК ОСНОВА РЕФОРМЫ ОБЩИНЫ ЧЕШСКИХ БРАТЬЕВ И ПЕДАГОГИКИ Я. А. КАМЕНСКОГО[1]

В статье анализируется публицистическое сочинение Яна Благослава – своеобразная апология знания, известная как «Филиппика против мисомузов». Епископ Общины чешских братьев Ян Благослав во второй половине XVI в. осуществил реформу, отказавшись от отрицания светского знания как ненужной для истинного христианина учености. На основе ренессансного знания он сблизился с доктриной христианского гуманизма протестантского типа, написал ряд учебников. Реформа Яна Благослава стала основой концепции знания, неразрывно связанного с христианским совершенствованием личности, разработанной впоследствии в педагогике Я.А. Коменского.

Ключевые слова*: *Община чешских братьев, Ян Благослав, Я.А. Коменский, знание, образование, педагогика, христианство, Ренессанс, гуманизм

Образование, т.е. обучение и тесно связанное с ним воспитание, в Общине чешских братьев[2] на протяжении второй половины XVI в. стало одной из двух, наряду с переводом Библии на чешский язык, главных форм культурно-общественной деятельности. Педагогика Общины чешских братьев ренессансного периода была проанализирована чешскими исследователями весьма основательно, но главные работы появились в печати достаточно давно[3]. За последние примерно полстолетия эта проблема подробно не рассматривалась, хотя развитие современной комениологии, частью которой является история Общины, нашедшая свой апогей и финал в деятельности Я.А. Коменского, актуализирует анализ состояния педагогики чешских братьев до Я.А. Коменского, делая необходимым ее изучение в широком религиозно-культур-ном контексте эпохи Возрождения. Мы сконцентрируемся именно на общих проблемах образования и воспитания у чешских братьев во второй половине XVI в., на соотнесенности их педагогики с адаптацией идей ренессансного гуманизма в чешском обществе, развитием протестантских конфессий и их концепций знания, учености и преподавания.

За вторую половину XVI в. Община чешских братьев проделала большой путь от негативного отношения к знаниям и учености, основанного на приоритете «христианской простоты», к интенсивному развитию знаниевой сферы, без которой невозможно формирование истинного христианского сознания. В результате к началу XVII в. школы

[1] Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00075 («Неизвестные в России страницы научного наследия Яна Амоса Коменского»).

[2] Об Общине чешских братьев подробнее см.: Мельников, 2011. С. 408-409.

[3] Urbánek, 1923; Molnár, 1956; Janáček, 1966.

Общины чешских братьев становятся одними из лучших в протестантской части Европы, формируя основы педагогических реформ Я.А. Коменского. Такая существенная и достаточно быстрая эволюция стала возможной прежде всего благодаря инкорпорированию малой предпротестантской конфессии (скорее даже секты), каковой была Община чешских братьев во второй половине XV – первой половине XVI в., в широкое пространство культуры ренессансного типа. Возник довольно странный, с точки зрения внеконфессиональной логики, сплав «чистого» христианства и гуманизма, жестких, даже несколько аскетических правил христианской жизни, и формирования разносторонне образованного человека, сохранения Общиной своей специфики как религиозной организации с интеграцией в общеевропейское культурное пространство. Гуманизация Общины чешских братьев и ее педагогики отражает более общую, европейски значимую проблему соотношения гуманизма и протестантского типа культуры в XVI в., проблему, о которой спорили и спорят поколения исследователей и политических мыслителей.

Проблема соотношения гуманизма и Реформации не может быть решена без раскрытия содержания понятия *протестантский гуманизм*. Не анализируя здесь этот узел проблем, укажем лишь на то, что для Чехии образцом протестантского гуманиста стал Ян Благослав (1523–1571), епископ Общины чешских братьев, ее реформатор, автор чрезвычайно значимых сочинений гуманистического характера[4]. Он по-иному подошел к существовавшей в чешском гусизме[5] оппозиции: простецы, профаны, являющиеся «чистыми» христианами, не испорченными человеческими мудрствованиями книжников, и ученые, гордые своей просвещенностью, похожие на библейских книжников, которые не признали в Иисусе Христе Спасителя. Община чешских братьев до Яна Благослава позиционировала себя как «община простецов», духовно близких к Богу на основании «чистой жизни» по Евангелию, которой не нужны «знания». Ян Благослав поставил принципиально важный вопрос: может ли простец быть настоящим христианином, если он не обучен основам христианской веры, содержащимся в Книге, источнике знания – в Библии? Подготовка негативного ответа на этот вопрос радикально изменила направление развития Общины и повлияла на всю культуру Чехии, ставшей к концу XVI в. преимущественно протестантской страной.

Одним из важнейших следствий принципиальной для христианина значимости знания явилось реформирование школьной системы Общины чешских братьев, приведшее к расцвету братских школ. Важной новацией стало обучение в школах на родном чешском языке, так как это

---

[4] Мельников 2007. С. 193-194.

[5] Национальный чешский вариант протестантизма, возникший благодаря деятельности магистра Яна Гуса и его последователей за столетие до Мартина Лютера, истинными продолжателями гусизма считали себя чешские братья.

считалось чешскими братьями лучшим, по сравнению с чужой, к тому же «папистской» латынью, путем богопознания в сфере обучения.

Таким образом мы видим, что гуманистическая реформа Яна Благослава, направленная на утверждение ценности знания, науки, просвещения и образования в конфессиональной среде, ранее отвергавшей эти ценности и утверждавшей доминирование «профанной чистоты», свободной от кажущегося ненужным и даже греховным знания, отнюдь не порывала с христианской основой процесса познания, была далека от секуляризации. Знание объявлялось необходимым средством прежде всего для того же процесса богопознания, поэтому, если так можно выразиться, знание у чешских братьев христианизировалось. Овладение им становилось существенной, необходимой частью личного самосовершенствования на христианской этической основе. Тем самым такое христианизированное знание становилось неотъемлемой частью воспитания истинного христианина, создавая синтез этики, когнитивности и сциентизма в рамках христианской религии. Именно по этому пути затем пошел Я.А. Коменский, поднявший синтетический метод на новую ступень, отвечавшую парадигме науки эпохи Барокко.

До Я. Благослава школьное образование в Общине чешских братьев делало лишь первые шаги. Школы у них возникли только в 1530-е гг. Ранее Община придерживалась доктрины «простоты» (prostost), согласно которой науки осуждались как «светское знание» – часть «роскоши», соблазн для нравственной христианской жизни по заветам Евангелия. Дети членов Общины могли получать школьное образование в городских и сельских школах, где учили только элементарным предметам. Общий уровень образованности был средний, даже посредственный, как среди горожан, так и среди дворян. В Общине чешских братьев большинство священников, проповедников и учителей были самоучками. Их ограниченность считалась благом для Общины: они были не в состоянии критически анализировать ее учение. С возникновением братских школ в 1530-е гг., вызванным дискуссиями с лютеранами, в ходе которых руководство Общиной чешских братьев поняло, что в европейском реформационном движении образование стало важным фактором, в них стали готовить будущих проповедников Общины чешских братьев, сообщая им лишь элементарно необходимые знания. При этом руководители Общины, как правило, имели высшее образование, полученное в Пражском университете или в лютеранских университетах Германии[6].

Поворотным пунктом изменения отношения братьев к знанию стало сочинение Я. Благослава «Corollarium additum anno 1567 die 15 Februarii. Poznamenání soudu mého o těch slovích B.Lukášových, že “nic nepsal, čehož by v jednotě nevzal” ect». Это маленькое сочинение, известное как

[6] Janáček 1966. S. 12, 13, 41, 54.

«Филиппика против мисомузов», имеет, как видим, полемический подзаголовок: «Запись суждений моих о тех словах брата Лукаша, что “он ничего не писал, чего бы не взял из Общины чешских братьев”». Опубликованное в 1567 г., оно стало, по словам Й. Яначека, «самым значительным литературным сочинением чешского Ренессанса», а благодаря полемике со всеми врагами образованности этот текст – credo чешского гуманизма[7]. В «Филиппике» Я. Благослав на словах присягает в верности идеям брата Лукаша Пражского – одного из крупнейших деятелей и идеологов Общины, утвердившему доктрину «простоты» и самоизоляции чешских братьев. Однако на деле Я. Благослав эту доктрину опровергает, ссылаясь не на современные авторитеты, т.е. на концепции гуманистов, находящихся, естественно, вне Общины, а на собственные рассуждения о соотношении веры и знания, основанные на Библии. Таким образом он избегает обвинения со стороны чешских братьев в том, что он поддается внешним влияниям и отступает от учения Общины.

В жанровом отношении это не трактат, а речь в защиту знания и образования, формально построенная по всем правилам риторики как защита взглядов Лукаша Пражского от позднейших неверных толкований, осуждающих образованность. Текст написан на чешском языке с вкраплениями латинских слов, выражений и целых фраз. Автор обозначает своих противников как «мисомузов» (misomusové)[8], т.е. противников искусств, знаний и образованности, отстаивавших в Общине сохранение «простоты». Главный пафос этого маленького текста – в призыве к объединению христианских ценностей, как их понимает Община чешских братьев, с гуманистическими штудиями, такими как диалектика, риторика, грамматика и т.д., с изучением богословского наследия Отцов Церкви и с гуманистическими основами школьного образования в протестантской Европе[9]. Еще одна основополагающая идея сочинения состоит в стремлении к синтезу христианской этики, нравственности и просвещения, гуманистической образованности. Таким образом гуманистическое обучение и христианское воспитание (в духе Общины чешских братьев) становятся взаимно детерминирующими величинами.

В апологии знания Я. Благослав предстает перед нами как типичный ренессансный рационалист. Он считает, что враждебное отношение к наукам – это варварство, уничтожающее важнейший для жизни инструмент, данный людям Богом, – разум, посредством которого добывается знание[10]. Воспевая хвалу знанию, он уже в начале сочинения ставит вопрос об этическом характере знания и его использования в реальной

---

[7] Janáček 1966. S. 127.
[8] Blahoslav 1966. S. 164-171.
[9] Blahoslav 1966. S. 165.
[10] Blahoslav 1966. S. 166.

жизни: «Да, я хвалю… учение, или искусство, и ученых людей, но не хвалю тех, кто ученость, или искусство, использует во зло»[11]. Направленность учености и образования к добру или ко злу определяется не самим предметом знания, а людьми. Поэтому большое значение Я. Благослав придает людям одновременно ученым, образованным и нравственным, чья роль в обществе очень велика. Именно такой образ христианского ученого как идеал интеллигента раннего Нового времени воплотил в своих сочинениях и жизненной практике Я.А. Коменский[12].

Знания в первую очередь нужны лицам духовного звания для того, чтобы они лучше исполняли свои обязанности. Для них образованность – это возможность, данная от Бога, научить других людей правильно понимать и объяснять слово Божие, ибо без образования люди никогда этого не смогут сделать. Всё образование в Общине чешских братьев ориентировано на то, что учащиеся-школяры впоследствии станут проповедниками. Поэтому их следует учить, как лучше всего распоряжаться своими знаниями и талантами. Неграмотный проповедник не может иметь в себе божественную силу, необходимую для проповеди, ведь нельзя толковать Библию, не понимая ее. Для этого нужно обладать определенными знаниями и навыками. В своих сочинениях следует показывать свою начитанность, обильно цитируя других авторов, так как это отвечает актуальным течениям в богословии, а также для того, чтобы чешского брата не обвинили в невежестве, в незнании других мнений и доктрин, говоря иными словами – в сектантстве, обвинения в котором долгое время висели над Общиной чешских братьев.

Далее, должно обладать красноречием, т.е. уметь комментировать, объяснять, учить, наставлять, предостерегать и т.д., «ибо ужасно быть немой собакой, и пророк говорит: “Дал мне Бог подвижный язык, чтобы я умел”»[13]. Необходимость учиться Я. Благослав обосновывает религиозно-исторически: «Сначала Бог давал свои дары – красноречие, умение объяснять и т.д. слугам своим как чудо, так что не было нужды учиться; но потом чудеса кончились» и нужно усердно учиться самому, о чем напоминал апостол Павел. Я. Благослав настойчиво и образно развивает эту мысль: «Красноречие потребно и в церкви, поэтому красноречию не идет во вред, что ему обучают, когда и где возможно, чтобы никто не ждал, пока Бог с неба чудесным образом пошлет ему дар слова, это как если бы крестьянин не пахал и не сеял, но ожидал, что падет ему манна небесная»[14]. Кроме красноречия нужно овладеть латынью, диалектикой, риторикой для того, чтобы быть более способными, быстрыми, ко

[11] Blahoslav 1966. S. 167.
[12] Мельников 1999. S. 104-112.
[13] Blahoslav 1966. S. 168.
[14] Ibidem.

всему готовыми, поэтому более полезными. Без подготовки достичь этого невозможно. Поэтому «смешно, когда наши лжемудрецы хотят, чтобы человек сразу, просто делал то, чему он не учился». Как негативный пример такого подхода Я. Благослав указывает на секту микулашевцев, где невежественные проповедники, не умеющие читать, говорят, что проповедуют не от букв, а от Духа Святого[15]. В этом примере вновь видна боязнь того, что Община чешских братьев будет восприниматься обществом как изолированная и презираемая секта.

Умения, навыки, приобретаемые в процессе обучения, Я. Благослав принципиально не разделяет на ремесленные и интеллектуальные. В этом отношении характерно следующее его рассуждение: «Кто пренебрегает науками, искусствами и учением, подобен тому, кто хотел бы шить себе и другим юбки, плащи и т.д., не владея ремеслом портного и не желая ему учиться, но понося и ругая его. Много бы такой умник сделал? Кто этого не понимает?». И сразу же за этим чисто практическим рассуждением Я. Благослав начинает выстраивать теоцентрическую модель знания. Он пишет, что так полагать, как неразумный портной, значит отвергать средства, данные Богом. Ведь сам Бог приказал использовать средства и инструменты для производства предметов и наделил людей необходимым искусством их делать. Связь незнания и греха, а знания с божественным светом и самим Богом как источником знания – концепция гораздо более широко будет разработана несколько позднее Коменским – присутствует у Я. Благослава в рассказе об Адаме. Грех последнего, считает он, произошел от того, что Адам был простым неучем (laik – мирянин, невежда, простец). «Да и кто бы его учил, ведь тогда магистров и школ не было», – иронично восклицает Ян Благослав. Но Адаму-невежде сам Бог даровал «великий свет и знание искусств, так что осмелится ли кто-нибудь обвинять Бога в том, что он превратил Адама в знающего и умеющего?»[16]. Следовательно, читатель может сделать вывод, что источником знаний и умений является Бог, значит, Бог также является первым учителем. Поэтому, умозаключает читатель вместе с автором, образованность не может принести вреда Общине чешских братьев, напротив, только пользу.

Как верно отметил Й. Яначек, образование благодаря Я. Благославу открыло путь Общине чешских братьев к диалогу со всем протестантским миром, поставив ее на один уровень с другими протестантскими церквами и общинами, а сам Я. Благослав «поднял образование на уровень одной из важнейших жизненных потребностей» всего чешского общества, всей чешской культуры[17]. Яначек указывает на то, что

[15] Blahoslav 1966. S. 168.
[16] Blahoslav 1966. S. 168-169.
[17] Janáček 1966. S. 130-131.

в «Филиппике» Я. Благослав нападает не на простых прихожан, обычных мирских людей, не имевших возможности получить образование, но не осуждавших его, а на полуобразованных недоучек (мы бы здесь применили слово «образованщина», изобретенное А.И. Солженицыным для людей подобного типа, но другой эпохи), чьи способности были недостаточны, чтобы стать мудрыми, и которые критиковали образование для того, чтобы образованные люди не вскрыли их недостатки[18].

Однако с другим выводом Й. Яначека согласиться трудно. Он считает, что для Яна Благослава образование стало таким же святым делом, как вера[19]. Это противоречит словам самого Я. Благослава: «Искусство (т.е. знания и умения – *Г.М.*) без набожности – это как меч в руках безумца»[20]. Так в конце сочинения он возвращается к вопросу об этическом характере использования знания. Главной силой, направляющей знания, он провозглашает набожность и – шире – религиозную веру. От нее проистекают качества, необходимые для проповедников и руководителей общины. Поэтому для лидеров Общины чешских братьев должно быть важно не столько то, являются ли их проповедники учеными или же профанами, сколько то, насколько они скромны, богобоязненны, нравственны. Важнее всего, чтобы руководители Общины не ученых боялись, а смотрели на нравственный облик человека, допускаемого к власти в Общине[21]. Иначе говоря, опасность для истинного христианства представляет не знание и образованность, а греховность человека.

Идея неразрывности образования и воспитания для христианина у Я. Благослава коренится в двух тезисах. Во-первых, если сам Бог – первый учитель, обучавший Адама, то позитивное знание уже является инструментом воспитания по определению, ибо оно от Бога. Во-вторых, чтобы нельзя было использовать знание во зло, оно должно быть нравственно ориентировано (для Я. Благослава – по-христиански). Эта идея далее будет развиваться в философии педагогики Общины чешских братьев и найдет свое высшее воплощение в трудах Я.А Коменского.

Для Яна Благослава важна и практическая ориентированность образования. Уже в заключающем «Филиппику» рассуждении о том, кого следует выбирать в руководство Общины чешских братьев, видна тенденция соединения образованности, знания, христианской нравственности с практической пользой. Но тем самым сфера практическая наполняется высоконравственным содержанием, что призвано дистанцировать ее от обычной земной, реальной греховности. Практическая повседневность, благодаря знанию, соединенному с евангельской этикой, из-

[18] Janáček 1966. S. 131.
[19] Ibidem.
[20] Blahoslav 1966. S. 170.
[21] Blahoslav 1966. S. 171.

бавляется от недостатков, присущих земному существованию. И в этом скрывается еще одна сторона пользы образования.

Практическим целям образования служили учебные пособия, созданные Я. Благославом. «Чешская грамматика»[22], над которой он работал около двадцати лет, осталась в рукописи, но оказала влияние на школьное образование, так как ее использовали в школах Общины чешских братьев как учебник для будущих проповедников довольно долгое время. Важно отметить, что это пособие было ориентировано религиозно-практически: оно служило прежде всего для переводов на чешский язык текстов Нового Завета. Более общая, патриотически окрашенная цель состояла в том, чтобы показать, в чем заключается совершенство чешского языка и как следует его изучать. «Музыка» Я. Благослава стала любимым в чешском обществе пособием для обучения духовному пению и сочинению духовных песнопений. И в этом сочинении на первом месте стояли церковно-практические задачи. В отношении светской поэзии и музыки Я. Благослав был «пуританином», но признавал за этими сферами культуры право на существование. Поскольку духовное содержание должно облекаться в совершенную форму, необходимо учить правилам поэзии и музыки, ибо без хорошей, правильной формы духовная песня не может быть совершенной[23].

Цели, поставленные Я. Благославом перед образованием, конечно, не могли быть решены на уровне школьного обучения в Общине чешских братьев. Выпускники братских школ стремились получить высшее образование в лютеранских университетах Германии, так как Пражский университет находился под контролем гуситской конфессии, переживал период упадка и потерял свое международное реноме. Обучение в немецких университетах молодые чешские братья рассматривали как необходимую подготовку к проповеднической деятельности в Чешском королевстве, поэтому родной язык оставался для них главным исходным пунктом обучения. Плодотворное соединение чешского и европейского способствовало преодолению изоляции Общины чешских братьев, закладывало основу ее интернационализации, нашедшей выражение в деятельности «филиала» Общины в Польше в XVI–XVII вв. и в деятельности Я.А. Коменского как главы Общины чешских братьев в эмиграции после начала рекатолизации Чешского королевства.

Концепция образования и воспитания, разработанная Я. Благославом, отразилась в самой структуре «Филиппики». Текст начинается с критики «мисомузов», т.е. врагов образованности, ратовавших за сохранение «простоты», фактически невежества. Затем следует апология знания и образования, включающая указание на источник знания – Бога,

---

[22] Čejka, Šlosar, Nechutová 1991.
[23] Janáček 1966. S. 141-143.

который одновременно предстает как учитель первого человека – Адама, что составляет идеологему теоцентричности знания и обучения. Исходя из нее далее устанавливается связь образованности с набожностью и нравственностью, которые она призвана формировать. Заключает данный текст указание на практическую ориентацию христианского знания, столь необходимую для реальной жизни людей и для успешной деятельности Общины чешских братьев.

Итак, образование нужно для лучшего, правильного постижения Бога и разумной реализации знаний и способностей в целях морального совершенствования человека и общества в истинно христианском духе. Отсюда следует принципиальное положение о теоцентричности знания и образования. Далее, формулируется критерий практичности использования знания «во благо», т.е. для достижения нравственных целей. Человек должен быть полезен обществу, но пользу может принести только человек знающий и умеющий, получивший образование. Отметим, что идею пользы просвещения, прежде всего благодаря книгам на родном чешском языке, для богопознания и совершенствования христианской нравственности в чешской культурной традиции сформулировал еще в XIV в. Томаш Штитный[24]. Он был близок к идеологии европейского течения Devotio moderna, существенно затронувшего чешскую культуру и религиозную мысль позднего Средневековья. Кроме означенных высших целей образованность была нужна Общине чешских братьев для самосохранения, для подтверждения своего конфессионального и общественного статуса, для поднятия своего престижа и для равноправного диалога как внутри страны, так и в пространстве европейского протестантизма. Таким образом, знание и образование рассматривается как инструмент, причем главный, для прогрессивного развития Общины.

Поскольку знание без набожности подобно «мечу в руках безумца», христианская нравственность ставится Я. Благославом всё же выше знания, искусства и образованности. Тем самым, оставаясь в рамках мировоззренческой доктрины Общины чешских братьев, он противоречит сам себе. Однако такое противоречие, не разрешенная до конца дихотомия знания и веры характерна и типична для всего европейского протестантизма. Я. Благослав здесь не является представителем сугубо провинциальной, этно-локальной разновидности протестантизма, в чем его упрекал известный чешский историк, автор единственной монографии о нем Й. Яначек[25]. Благодаря доктрине, которую мы условно называем христианским знанием, объединяющим ренессансный императив познания мира через образование и высшую ценность евангельской этики, Я. Благослава и его концепцию образования можно считать характер-

[24] Lehár, Stich, Janáčková, Holý, 2002.S. 83-84; Мельников, 2003. С. 323-324.
[25] Janáček, 1966. S. 55, 136.

ным явлением того типа культуры, который еще О. Бенеш, выдающийся чешско-австрийский искусствовед и историк культуры, обозначил как «Северное Возрождение»[26].

Ян Благослав поставил вопрос: может ли профан, невежда быть настоящим христианином и нравственным человеком? Он также собрал все основания для отрицательного ответа, но из-под его пера он так и не вышел. Окончательный ответ даст только Я.А. Коменский – вершина педагогики Общины чешских братьев и прямой продолжатель традиции Я. Благослава.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бенеш О. Северное Возрождение. М., 2014 [Benesch O. Severnoje Vozrozhdenije. M., 2014]

Мельников Г.П. Община чешских братьев // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2011. Т. 2. Кн. 1 [Melnikov G.P. Obschina czeshskich bratjev // Kultura Vozrozhdenija. Enciklopedija. Moskva, 2011. T. 2. Kn. 1]

Мельников Г.П. Благослав // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2007. Т. 1 [Melnikov G.P. Blahoslav // Kultura Vozrozhdenija. Enciklopedija. Moskva, 2007. T. 1]

Мельников Г.П. Автостереотип ученого XVII века – Ян Амос Коменский о себе // Studia Comeniana et Historica. 62. 1999 [Melnikov G.P. Avtostereotip uczenogo XVII veka – Jan Amos Komensky o sebe // Studia Comeniana et Histirica. 62. 1999]

Мельников Г.П. Культура Чехии X - начала XVII в. // История культур славянских народов. Т. 1: Древность и Средневековье. М., 2003 [Melnikov G.P. Kultura Czechii X – naczala XVII v. // Istorija kultur slavjanskich narodov. N 1. Moskva, 2003]

Blahoslav J. Filipika proti misomusům // Janáček J. Jan Blahoslav. Praha, 1966.

Čejka M., Šlosar D., Nechutová J. Gramatika česká Jana Blahoslava. Brno, 1991.

Janáček J. Jan Blahoslav. Praha, 1966.

Lehár J., Stich A., Janáčková J., Holý J. Česká literatura od počátků k dnešku. Praha, 2002.

Molnár A. Českobratrská výchova před Komenským. Praha, 1956.

Urbánek R. Jednota bratrská a vyšší vzdělání až do doby Blahoslavovy. Brno, 1923.

Мельников Георгий Павлович*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, почетный член Ассоциации историков Чешской Республики; geramel@mail.ru*

Jan Blahoslav's doctrine of knowledge as the base of the reform of the Community of Brethren and Comenius' pedagogy

The bishop of the Community of Brethren Jan Blahoslav in the second half of the 16th c. carried out the reform that changed the Brethren's attitude to knowledge. He refused to condemn civil knowledge as useless for the true Christian. On the base of the Renaissance ideas he had drawn together Christian Humanism of the protestant type and had write several manuals. This article analyses "Filipika proti misomusům" by Blahoslav as the knowledge apologetic text. Blahoslav's reform became the base of a new concept of knowledge for Czech utraquist society. This idea would have been elaborated in future by Comenius in his "Didactica".

Keywords: Unity of Brethren, Jan Blahoslav, Comenius, knowledge, education, pedagogy, Christianity, Renaissance, humanism

Georgy Melnikov, *PhD (History), leading researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; geramel@mail.ru*

[26] Бенеш, 2014.

Д. В. Михель, И. В. Михель

ЯН ВЕРМЕЕР: ЛУЧ СЕВЕРНОГО СВЕТА

Статья представляет собой опыт интеллектуально-исторического анализа творчества великого нидерландского художника XVII века Яна Вермеера, биографического и социокультурного контекста некоторых его работ, источников вдохновения и предоставленных уроках.

Ключевые слова*: *Ян Вермеер, семья, интерьеры, глобальный мир, урок географии

Творчество Яна Вермеера (1632–1675) было почти никому не известно до середины XIX в., пока французский почитатель искусства и критик Этьен-Жозеф-Теофиль Торе не вернул его из небытия, впервые увидев картину «Вид Дельфта» (1660–1661). В 1866 г. он опубликовал серию восторженных статей о загадочном «Дельфтском сфинксе», после чего интерес к живописи Вермеера начал быстро расти[1]. Во второй половине XX в. его стали оценивать как наиболее значительную фигуру в живописи Нидерландов XVII в. Он не просто занял достойное место в ряду художников голландского Золотого века, таких, как Рембрандт и Франс Хальс, но и был идентифицирован как самый значительный мастер света и цвета в изобразительном искусстве Нового времени.

Загадкой творчества Вермеера остается не только то, как он смешивал свои краски, добиваясь порой ослепительной яркости, но и то, откуда он черпал вдохновение. До недавнего времени даже биография Вермеера оставалась тайной за семью печатями. Продолжает оставаться нерешенным вопрос об авторстве тех работ, что приписываются Вермееру: более-менее точно можно утверждать, что тридцать семь связаны с его именем, но при этом три из них причисляются к этому списку с серьезным сомнением. Кроме того, шестая часть работ Вермеера, скорее всего, была написана его старшей дочерью Марией – его ученицей, о которой никто никогда не вспоминал[2]. Мария Вермеер, наконец, начала выходить из мрака исторического небытия, как в свое время из него вышел сам Ян Вермеер, долго остававшийся в тени великого Рембрандта и других славных голландцев.

Причины, по которым творчество Вермеера, было мало известно при его жизни, тривиальны. Значительная часть работ голландского художника была предназначена для одного человека - Питера ван Рюйвена (1624–1674), который был патроном Вермеера и жил по соседству – на рыночной площади Дельфта. Двадцать картин Вермеера все время хра-

[1] Морозова 2013. С. 258-271.
[2] Binstock 2009. P. 1-5.

нились в доме ван Рюйвена, а после его смерти отошли к его единственной дочери Магдалене и лишь после ее смерти начали расходиться по другим владельцам. В 1696 г. вся эта коллекция была продана на аукционе в Амстердаме за полторы тысячи гульденов. Некоторые из работ художника, в частности «Аллегория веры» (1670–1672), принадлежали его теще Марии Тинс (1593–1680) и также долгое время оставались неизвестны широкой публике. Вермеер не был «художником королей» как Рубенс или Ван Дейк и не писал для знатных особ.

Как и всякий крупный художник, Вермеер всегда будет зависеть от тех интерпретаций, к которым прибегают исследователи его творчества. Во многих случаях искусствоведы пытаются приложить к его работам свои представления о заложенных в них дидактических идеях, а также связать присущие этим полотнам смыслы с фактами его жизни. Полезно, однако, помнить о том, что картины Вермеера ценились их немногочисленными владельцами преимущественно за их красоту, и они хранились в их собственных домах точно по тем же причинам, по которым сегодня многие из нас хотят украсить свои жилища теми или иными художественными творениями. Кроме того, картины Вермеера не следует рассматривать каждую по отдельности; между ними существуют особые связи, тематическое или техническое единение. Понять творчество Вермеера, очевидно, можно только в целом, а не по частям.

Семья Вермеера: модели художника

За Вермеером давно уже закрепилось представление как о мастере бытовой живописи и жанрового портрета. Лишь две его работы могут быть отнесены к жанру городского пейзажа – «Маленькая улица (1658) и «Вид Дельфта» (1660–1661). Обе они, бесспорно, вошли в золотой фонд мирового изобразительного искусства, и все же для подавляющего большинства ценителей Вермеера его творчество – это, прежде всего, изображение небольшого числа фигур, порой даже одиночных, в тщательно прописанном интерьере.

Благодаря новым исследованиям известно, что Вермеер охотно изображал членов своей семьи. Наиболее часто моделью становилась его жена Катерина, которую он изображал в разные годы их совместной жизни. Катерину в период ее молодости он изобразил в «Спящей девушке» (1656–1657) и «Девушке, читающей письмо у открытого окна» (1657–1659), а в «Сводница» (1656) Вермеер наряду с женой изобразил ряд других членов семьи, включая самого себя. Сюжет этой картины непрост, и чтобы разобраться в нем необходимо вникнуть во все детали биографии родственников Вермеера. Сюжет разворачивается в публичном доме, где собралось четыре человека: девушка с бокалом вина, похотливый солдат, который пристает к ней, старая сводница в черных монашеских одеждах и музыкант, отвернувшийся от них и смотрящий на зрителя. Катерина здесь предстает в образе соблазняемой девушки, ее

брат Виллем – в образе солдата, а их мать Мария Тинс - в образе сводницы. Согласно Б. Бинстоку, такое распределение ролей отражает те порядки, которые царили в этой семье, когда еще был жив Рейнер Болнес – супруг Марии и отец Виллема и Катерины. Болнес нередко избивал жену, а его сын в детские годы, подражая отцу, задирал сестру. Бинсток настаивает на правомерности именно такой, психоаналитической, интерпретации этой картины и утверждает, что в изображенной Вермеером сцене за обеденным столом отражается более ранняя сцена семейного насилия, которому были причастны его новые родственники[3].

Ранимость, соединенная с легкомысленностью, которую Вермеер приписал Катерине в «Сводница», исчезает в его более зрелой и более лиричной работе – «Женщина, держащая весы» (1664), где супруга художника представлена в образе состоятельной матроны. Вермеер изобразил свою жену в период беременности; для Катерины это состояние было привычным; она родила художнику пятнадцать детей. В очередной раз Вермеер изобразил свою жену в «Аллегории живописи» (1666–1667), известной также как «Искусство живописи». Это работа зрелого мастера, и в отношении ее существует масса интересных комментариев. Катерина изображена здесь в образе Музы Клио, которая пришла в мастерскую художника. Сам же художник сидит спиной к зрителям, и мы не видим его лица. Кто он? Паскаль Бонафу утверждает, что здесь Вермеер изобразил самого себя. Присутствие Музы истории в его мастерской символизирует высокую оценку его заслуг в сознании потомков[4].

Теща художника Мария Тинс сыграла важную роль в его жизни. Эта весьма властная женщина унаследовала от своего мужа – хозяина кирпичного завода – крупное состояние. Мария была ревностной католичкой и поддерживала деятельность Ордена Иезуитов, который не испытывал притеснений в веротерпимой Голландии. Мария первоначально препятствовала браку художника со своей дочерью, но после того, как тот перешел из кальвинизма в католичество, смягчилась. Брак с Катериной даровал Вермееру семейный уют и материальную поддержку со стороны тещи. Свою первую работу – «Диана со спутницами» (1653–1654) – Вермеер подарил Дельфтской гильдии Святого Луки, принявшей его в свои члены, но известно, что Мария Тинс горячо одобрила эту работу, которая наряду с работой «Христос в доме Марфы и Марии» (1654-1656), может быть отнесена к его полотнам на мифо-религиозные темы. В начале 1660-х гг. Вермеер с семьей переехал в дом тещи, которая после этого стала предметом вдохновения целого ряда его полотен. Если в такой ранней картине, как «Сводница», Мария Тинс изображена в виде пожилой хозяйки вертепа, то во всех остальных она, напротив,

[3] Binstock 2009. P.117-123.
[4] Bonafoux 1985. P. 79.

представлена в более молодом образе, который символизирует не только католическую веру, но и буржуазный католический быт. По Бинстоку, Мария фигурирует в «Аллегории веры» (1670–1672), а также в цикле работ о любовных письмах – «Любовное письмо» (1669), «Дама, пишущая письмо со своей служанкой» (1670) – и в цикле о знатных дамах с музыкальными инструментами, в частности, «Дама, стоящая у вирджиналя» (1670–1672) и «Дама, сидящая за вирджиналем» (1670–1672)[5].

Вермеер был великолепным мастером женских портретных образов. Многие из его моделей – реальные женщины, которые жили по соседству или были вхожи в его дом. Образ одной из молодых девушек в его «Девушке с жемчужной сережкой» (1665), до сих пор не дает покоя исследователям Вермеера. Трейси Шевалье обратилась к нему в своем историческом романе, придумав чудесную историю о тайной возлюбленной художника, которую он увековечил в этом портрете[6]. Однако реальные факты говорят о том, что такой возлюбленной у художника не существовало, и он всегда был искренне привязан к своей жене. Версия о том, что на этом портрете он изобразил свою старшую дочь Марию, также не выдерживает критики, поскольку та в момент написания картины была много моложе. Похоже, что истинная модель для картины не была родственницей мастера. В любом случае, красота этого образа продолжает очаровывать ценителей Вермеера и сегодня, а другое название работы - «Северная Мона Лиза» - более чем справедливо. Что касается дочери Марии, то ее образ, возможно, представлен в картине «Портрет молодой девушки» (1665–1667), где мы видим, в сущности, еще девочку с невзрачной внешностью. Эта картина считается репликой «Девушки с жемчужной сережкой», что подтверждается положением фигуры модели в пространстве и полным отсутствием второго плана, что не характерно для всех остальных портретных работ Вермеера.

Интерьеры полные света

Многие работы Вермеера разрабатывают одну и ту же тему – женский образ в уютном домашнем интерьере. Приверженность этой теме позволяет отнести художника к числу наиболее значительных ценителей женской красоты в северной Европе Нового времени. В отличие от большинства мастеров его эпохи, Вермеер совершенно игнорирует образ обнаженного тела; в его картинах нагота неуместна и скрыта под покровами одежд. Женщины у него – это добропорядочные хозяйки домов, служанки, работницы. Их образы глубоко лиричны, часто задумчивы и серьезны. Вопрос о том, как Вермееру удалось донести до своего зрителя этот лиризм женского образа, остается наиболее сложным. Похоже, что наиболее удачным средством для этого оказалась его гениаль-

[5] Binstock 2009. P. 215-245.
[6] Chevalier 1999.

ная способность использовать в своих картинах силу света. Чаще всего свет на его картинах – это солнечный луч, попадающий в комнату, где находится героиня – одна или в окружении других людей. В ранних интерьерных картинах художника («Сводница», «Спящая девушка») луч света все еще очень слаб. В «Своднице» он скользит слева направо, но не может рассеять господствующий в доме сумрак, делая всех участников сцены достоянием темноты. В «Спящей девушке» луч света приходит через окно, которого на картине не видно, и перетекает из одной комнаты в другую, не смея прервать сон героини картины. Начиная с 1657 г. Вермеер открывает для своих зрителей источник солнечного луча. Это оконный проем. Через него свет попадает в комнату и наполняет ее золотистым свечением. Окно становится не только источником физического света, но и света духовного, поскольку наполняет всю сцену смыслом. В картине «Офицер и смеющаяся девушка» (1657) свет приносит радость общения, а в картине «Девушка, читающая письмо у открытого окна» (1657–1659) свет наполняет женский образ мечтаниями о любимом и мыслями о скором освобождении от родительской опеки.

Найденное решение оказывается настолько эффектным, что художник отныне начинает тиражировать его и в остальных картинах. По меньшей мере, еще в тринадцати работах Вермеер использует образ окна, через которое свет проникает в сумрачный мир комнаты и полностью преображает ее обитателей. Женские образы присутствуют в одиннадцати из этих работ, а мужские образы лишь в пяти из них, причем только в двух – в качестве единственных персонажей. Оконный проем во всех этих тринадцати картинах располагается слева, и порой при рассмотрении их создается впечатление, что Вермеер писал все свои работы в одной и той же комнате, находясь на одном и том же месте.

Объяснением этого мог бы быть тот факт, что Вермеер значительную часть времени вынужден был проводить в помещении. Он много работал, чтобы прокормить свою многочисленную семью, но главный доход ему приносила не столько живопись, сколько управление трактиром «Мехелен» -он находился на рыночной площади Дельфта и достался ему от родителей. Для живописи у художника оставалось немного времени, и поэтому он, скорее всего, вновь и вновь использовал одни и те же технические приемы. Тем не менее Вермеер никогда не останавливался в своем творческом развитии. В рассматриваемой нами истории с окнами хорошо видно, что всякий раз эти окна представлены в разном ракурсе. Ширина оконного проема в картинах постепенно уменьшается. В самых ранних работах окна представлены целиком, а в более зрелых видна лишь малую часть окна, через которое в комнату врывается солнечный луч. Наконец, в «Женщине, держащей весы» (1664) вместо окна мы обнаруживаем лишь намек на него, поскольку окно занавешено шторой, и свет проникает в комнату сквозь препятствие.

К теме окна как источника света Вермеер возвращается вновь спустя четыре года: начиная с «Астронома» (1668) и вплоть до «Дамы, стоящей у вирджиналя» (1670–1672) мы вновь обнаруживаем оконный проем, расположенный слева от героев картины. Однако к этому времени в его творчестве произошел существенный смысловой сдвиг. Вермеер, как представляется, сумел полностью овладеть силой света, научившись управлять солнечным лучом и в отсутствие окон. В «Концерте» (1663–1666), «Даме, пишущей письмо» (1665), «Девушке с жемчужной сережкой» (1665) и еще, по меньшей мере, шести работах свет падает на персонажей с левой стороны, точно так же, как и на картинах с окнами. Хотя в «Женщине в красной шляпе» (1665-1666), «Кружевнице» (1669-1670) и «Гитаристке» (1670-1672) свет уже падает с правой стороны, но эффект достигается тот же, как если бы он падал слева.

Таким образом, примерно с середины 1660-х гг. Вермеер достигает не только нового технического уровня, но и новых смысловых потенций. Свет в интерьере становится полноправным участником рассказанных им историй, как и другие вещи. При этом с самим светом тоже происходит чудесное изменение. Вермеер показывает, что свет может быть не только внешним, но и внутренним, освещая его героинь изнутри. Это особенно явно видно в «Девушке с жемчужной сережкой». Новое понимание художником природы света совпадает с новым пониманием женской природы. До «Девушки с жемчужной сережкой» Вермеер часто изображал своих героинь вместе с теми или иными сосудами – бокалом вина, кувшином молока, кувшином воды. На этом полотне мы впервые видим женщину, которая сама представляет собой сосуд, источающий свет. В равной мере это относится и к «Портрету молодой девушки». Считается, что обе эти работы выполнены с использованием камеры-обскуры – примитивного оптического инструмента, с помощью которого художники Нового времени добивались более четкого и контрастного восприятия объектов в замкнутом пространстве[7]. Всматриваясь в эти очаровательные женские образы, мы приходим к выводу, что камера-обскура помогла Вермееру не только овладеть силой света, наполняющего интерьер комнат, но и уловить свет женской души, которая мыслилась им как интерьер женского существа.

Новые вещи и рождение глобального мира

В подавляющем большинстве картин Вермеера наряду с образами женщин и мужчин присутствуют самые разнообразные вещи. Откуда они появились? Каково их происхождение? В своих попытках ответить на эти вопросы Тимоти Брук связывает появление новых вещей в интерьере голландского дома с рождением глобального мира[8].

---

[7] Bonafoux 1992. P.133.
[8] Brook 2008.

После обретения независимости в самом конце XVI в. Нидерланды стали буржуазной республикой, предприимчивое население которой активно обратилось к заморской торговле. Амстердам, Роттердам и Гаага стали главными морскими воротами Европы, через которые потоками потекли разнообразные товары со всего мира. Не стал исключением и маленький Дельфт, население которого приобщилось к коммерции. Начался быстрый рост материального благополучия. К началу XVII в. каменная застройка в голландских городах уже была обычным явлением. Типичным местом проживания в Дельфте были трехэтажные дома из красного кирпича («Маленькая улица» (1658) и «Вид Дельфта» (1660-1661)). Окна в них были застеклены прозрачным стеклом, а в некоторых из них – как видно из целого ряда работ Вермеера - красовались витражи. О благополучии жилищ голландцев теперь говорили и их интерьеры. На полотнах художника можно увидеть многочисленные приметы новой зажиточной жизни: уютные комнаты, мраморные полы, ковры на полах, роскошные одежды на дамах, дорогая посуда, привозные фрукты, письменные принадлежности, шикарные картины в рамах и т.д. Многие вещи, представленные на картинах Вермеера, происходили из тех мест, которые стали доступны для голландцев лишь в эту эпоху. Они были символами нового глобального мира.

Одним из этих вещей стал жемчуг. На 17-ти картинах Вемеера мы встречаем изображения молодых женщин, в наряде которых есть жемчуг – серьги, бусы, целые нити, украшающие прическу. В некоторых случаях художник изображает жемчужины рассыпанными на столе. Жемчуг поступал в Голландию со всего мира – с берегов Карибского моря, из Индии, из Юго-восточной Азии. Торговля жемчугом, как и торговля пряностями, в эту эпоху была распространенным и весьма доходным занятием голландских коммерсантов. Другой такой вещью стал китайский бело-синий фарфор. Фарфоровое блюдо с фруктами стоит на столе, покрытом восточным ковром, в «Спящей девушке» (1665). Такое же блюдо с фруктами на таком же ковре сопровождает «Девушку, читающую письмо у открытого окна» (1657–1659). В «Прерванном уроке музыке» (1658–1659) на столе перед девушкой и ее учителем музыки стоит фарфоровая ваза, в которых тогда было принято хранить вино. Фарфор китайского происхождения в это столетие активно ввозился в Европу, и в некоторых европейских странах создавались мануфактуры по производству собственной фарфоровой посуды. Одним из наиболее успешных центров фарфорового производства в XVII в. стал родной для Вермеера Дельфт. Однако известно, что со временем Дельфт, как и другие европейские центры фарфора, сдали свои позиции, а любовь к привозному фарфору из Китая сохранялась еще очень долго.

«Тема серебра» развита не менее основательно, чем темы жемчуга и фарфора. На картине «Женщина, держащая весы» (1664) Вермеер

изобразил свою жену Катерину, которая стоит перед столом и держит в руках пустые весы. Перед ней - шкатулка, полная жемчуга, а возле шкатулки разбросаны тяжелые монеты. По мнению Брука, это испанские серебряные и золотые дукаты, которые в ту пору имели активное хождение в Нидерландах[9]. На стене в комнате, где стоит супруга художника, висит картина, изображающая Страшный Суд, на котором Христос судит грешников. Наличие этого сюжета не может не рождать мысль о том, что своим полотном Вермеер хочет что-то сказать о суетности земной жизни, в которой деньги – лишь призрачный символ богатства. Роберт Уэрт так и пытается толковать эту картину – как художественное осмысление земной суеты. При этом исследователь не без успеха доказывает мысль об увлеченности Вермеера идеями Платона, в особенности его представлениями о диалектике и высшем идеале[10]. Однако наряду с глубоким нравоучительным посланием эта картина несет в себе и еще одно сообщение о серебре. Экономика XVII в. была экономикой серебра. Для обслуживания растущих нужд мировой торговли золота уже было недостаточно, поэтому именно серебро взяло на себя основную ответственность за обеспечение торговых сделок и финансовых спекуляций. Поставщиком серебра в Европу была Испания, которая массово вывозила его из Южной Америки и Восточной Азии. В эту эпоху силой серебра создавались не только состояния, но также целые города, такие как Потоси – главный серебряный рудник Боливии начиная с XVI в. Серебро было предметом неиссякаемой алчности и бесчисленных жестокостей в эту эпоху, и вполне возможно, что задумчивая женщина с весами на картине Вермеера хотя бы отчасти сознавала это.

Некоторые вещи на картинах Вермеера не могли быт привезены из колоний, они изготавливались в Европе. Таковы музыкальные инструменты: лютня на картинах «Сводница» (1656) и «Женщина с лютней» (1662–1663), цитра в «Любовном письме» (1669), гитара в «Гитаристке» (1670–1672), вирджиналь в «Даме, стоящей у вирджиналя» (1670–1672). А также парные сочетания инструментов – струнных и клавишно-струнных, между которыми разыгрывается своеобразное соревнование: харпсихорд (клавесин) и виола да гамба в «Уроке музыки» (1662–1665), харпсихорд и лютня в «Концерте» (1663–1666), вирджиналь и виола да гамба в «Даме, сидящей за вирджиналем» (1670–1672). Присутствие этих инструментов в картинах Вермеера позволяет судить о том, что он с готовностью наделял их различными аллегорическими смыслами, позволяющими раскрывать любовную тему. Однако хотелось бы указать и еще на один связанный с ними смысл. Их присутствие в интерьере зажиточного голландского дома можно расценивать как свидетельство

[9] Brook 2008. P. 154.
[10] Huerta 2005. P. 54.

того, что у его обитателей появилось больше свободного времени. Выгоды мировой торговли отныне давали дочерям купцов возможность для наполнения своего досуга музыкой и развлечениями, что прежде было доступно только самым знатным особам.

Уроки географии от Вермеера

Время жизни и творчества Вермеера – это век Новой Науки, которая имела своих собственных исследователей и наблюдателей. Голландия, в которой с успехом развивались все новые научные направления, была обязана этому не только своим выдающимся естествоиспытателям, но и художникам. Развитие анатомии, позволившее перевернуть представления о строении человеческого тела, невозможно представить не только без Николаса Тюльпа и Фредерика Рюйша, но и без великого Рембрандта, который в своем «Уроке анатомии доктора Тюльпа» (1632), запечатлел бесконечное уважение к научному знанию.

Это же верно и для географии Нового времени, которая дала современникам новые представления о мире и Земле. Голландия XVII в. – родина выдающихся географов, картографов и астрономов, таких как Хендрик Хондиус и Христиан Гюйгенс, но развитие географии в этой стране невозможно вообразить и без Вермеера, который попытался постичь ее уроки в собственных работах. Что можно узнать из уроков географии самого Вермеера? Прежде всего, то, что интерес к географии и географическим картам в Голландии был огромным. Географические карты присутствуют у него в семи картинах: «Офицер и смеющаяся девушка» (1657) «Молодая женщина с кувшином воды» (1662), «Женщина, читающая письмо» (1662–1663), «Женщина с лютней» (1662–1663), «Аллегория живописи» (1665–1666), «Географ» (1669), «Любовное письмо» (1669). Географические карты в домах голландцев – это самая обычная деталь интерьера. Карты позволяли им привыкать к образу нового мира и собственной значимости в нем.

Вермеер соединил свои географические сюжеты с образами наиболее выдающихся ученых того времени. Фигура ученого, изображенного в «Астрономе» (1668) и «Географе» (1669), как теперь все чаще считают, это его земляк и ровесник Антони ван Левенгук (1632–1723)[11]. Присутствие Левенгука на обеих картинах весьма символично: взгляд Вермеера-художника стремился уследить за взглядом Левенгука-ученого, который был способен пронзать бескрайние расстояния и различать невидимый мир микроскопических объектов[12]. На этих же картинах незримо присутствует и голландский географ Хендрик Хондиус Старший

[11] После смерти Вермеера по просьбе его вдовы Левенгук стал душеприказчиком художника и оказал поддержку его обедневшей семье: Brook 2008. P. 85; Wheelock 1995. P. 170-174.

[12] Snyder. 2015.

(1573–1650) – знаменитый изготовитель географических карт и глобусов. Карта мира Хондиуса (создана в 1630 г.), фрагменты которой можно разглядеть у Вермеера, давала современникам представления об обеих Америках, Европе, Африке, Азии и содержала изображения таинственного южного материка, существование которого предположил географ. Глобус Хондиуса также присутствует на обеих картинах, причем в том виде, в котором он был изготовлен в 1618 г. Как и карта мира, глобус давал современникам общее представление не только о мире в целом, но и о том его важном регионе, путь в который был недоступен большинству европейцев. Речь идет о Восточном (Индийском) океане.

В 1610 г. голландские мореплаватели открыли новый морской путь к Островам Пряностей (современная Индонезия), дорога к которым до сих пор была известна только португальцам. Португальцы хозяйничали вдоль всего побережья Индийского океана от мыса Доброй Надежды до Индии и Малакки, контролируя мировую торговлю пряностями. Голландцы смогли достичь южных берегов Явы (Батавия/Джакарта), двигаясь вдоль сорокового градуса южной широты, по открытому океану. Нарушив португальскую монополию, голландцы смогли также добиться преимущества в скорости навигации и переключили своих европейских партнеров на собственные рынки. Это важное событие привело к росту могущества голландской Ост-Индской компании, тщательно оберегавшей от других европейцев свои морские коммуникации в Индийском океане. Но карты Хондиуса запечатлели на себе этот секрет, и Вермеер в своих географических сюжетах не мог не заметить его.

***

Картины Вермеера сегодня путешествуют по всему миру, надолго задерживаясь в разных странах, весьма далеко от его родного Дельфта. Многие из его работ давно уже уверенно обосновались на обложках энциклопедий и школьных учебников. Увиденный Вермеером мир отстоит от нашего времени почти на четыре столетия. Многие из его примет давно уже канули в прошлое, но весьма многое продолжает волновать нас и сегодня. Скромная обеспеченная жизнь простых людей под серыми небесами, со всеми ее радостями и печалями, продолжает во многом оставаться моделью и для нашей собственной повседневности. Увидеть ее помог Ян Вермеер из Дельфта и пойманный им луч северного света.

БИБЛИОГРАФИЯ

Морозова О.В. Мастера и шедевры европейской живописи. М.: Олма Медиа Групп, 2013 [Морозова О.В. Мастера и шедевры европейской живописи. М.: Олма Медиа Групп, 2013]

Binstock B. Vermeer's Family Secrets: Genius, Discovery, and the Unknown Apprentice. New York: Routledge, 2009.

Bonafoux P. Portraits of the Artist: The Self-Portrait in Painting. New York: Skira, Rizzoli International Publications, 1985.

Bonafoux P. Vermeer. New York: Konecky & Konecky, 1992.

Brook T. Vermeer's Hat: The Seventeenth Century and the Dawn of the Global World. New York: Bloomsbury Press, 2008.
Chevalier T. Girl with a Pearl Earring. New York: A Dutton Book, 1999.
Huerta R.D. Vermeer and Plato: Painting the Ideal. Lewisburg: Bucknell University Press, 2005.
Snyder L.J. Eye of the Beholder: Johannes Vermeer, Antoni van Leeuwenhoek, and the Reinvention of Seeing. London: Norton, 2015.
Wheelock A.K. Jr. Johannes Vermeer. Washington: National Gallery of Art, 1995.

Михель Дмитрий Викторович*, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, РАНХиГС при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН, dmitrymikhel@mail.ru*

Михель Ирина Владимировна, *кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин РАНХиГС при Президенте РФ, irinamikhel@yandex.ru*

Jan Vermeer: a ray of northern light

The article is an experience of the intellectual and historical analysis of the work of the great 17th century Dutch painter Jan Vermeer, the biographical and sociocultural context of some of his works, sources of inspiration and lessons provided.

Keywords: Jan Vermeer, family, interiors, global world, geography lesson

Dmitriy Mikhel, *professor, Russian Presidential academy of people economy and public administration, Institute of scientific information for social sciences; dmitrymikhel@mail.ru*

Irina Mikhel, *assistant professor, Russian Presidential academy of people economy and public administration; irinamikhel@yandex.ru*

Л. А. Черная

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ПОЛИТИЧНОМ КАВАЛЕРЕ” И “ПОЛИТИЧНОЙ ДАМЕ В РОССИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Автор на ряде исторических, литературных и изобразительных источников петровской эпохи прослеживает формирование в России представлений о культурном человеке Нового времени, называемом тогда “политичным кавалером” или “политичной дамой”. Дается оценка внешним и внутренним составляющим этого образа, приводятся примеры человека нового типа в реальной жизни, литературе и искусстве.
Ключевые слова*: *русская культура, европеизация, тип личности, образ

Термин «культура» не был известен в России начала XVIII в., но представления о новом типе личности, воплощающем идею секуляризованного культурного человека, интенсивно формировались под влиянием петровских преобразований. Вместе с проникновением западноевропейской культуры в Россию складывается представление о политичном государстве, в котором должны жить политичные же кавалеры и дамы. Понятие «политичность» наполнялось содержанием, позволяющим поставить его в один ряд с понятиями «культура» или «цивилизация». Для людей того времени политичность означала то же самое, что культура, а именно «обработанность» естественного (природного) человека (варвара) посредством развития разума («удобрения разума наукой», по словам современников[1]) и занятий «художествами», литературой (в особенности, поэзией), искусством, музыкой. Учителя Славяно-греко-латинской академии пустили в оборот выражения: «политичное государство», «политичные обыкновения», «политичные обхождения», «политичный кавалер» и т.п., имея в виду именно такое понимание этого слова. Наиболее часто употреблял эти словосочетания учитель философии и префект Славяно-греко-латинской академии Иосиф Туробойский.

Имя Туробойского было широко известно, поскольку помимо преподавательской деятельности он писал и ставил пьесы для школьного театра, создавал триумфальные арки («врата»), устраиваемые по случаю побед в Северной войне. В «Преславном торжестве свободителя Ливонии», описывающем триумфальные врата 1704 г. в Москве, Иосиф писал о поставленной Петром I перед преподавателями Славяно-греко-латинской академии задаче – наставлять учащихся в «политичных обыкновениях», воспитывать «политичных кавалеров»: «не токмо в божественных писаниях, но и в мирских историях, и всяких политичных обыкновениях Российских юнош наставляти нам повелено есть»[2]. Именно на

[1] Магницкий 1703. Л. 6 об.
[2] Преславное торжество свободителя Ливонии. 1704. Л. 4.

этих вратах была специальная живописная картина, изображавшая Петра I в образе, как говорилось в описании, «политичного кавалера» наряду с изображениями его в виде языческих богов и античных героев, а также библейских персонажей (Марс, Язон, Геркулес и др.). Причем в описании врат не пояснялось, как именно должен выглядеть политичный кавалер. Вероятно, потому не давалось пояснений, что публике это было уже понятно без каких-либо разъяснений. Тот же Иосиф Туробойский в другом своем сочинении, написанном совместно с Феофилактом Лопатинским и учителями Академии по случаю Полтавской победы (издано в 1709 г.), вводит словосочетание «политиколепный» (т.е. «политичный» и «лепый» – прекрасный), называя так свод поэтических приемов, используемых в панегириках Петру I, драматических произведениях, надписях под триумфальными картинами и т.п.: «Политиколепная апофеосис достохвальныя храбрости всероссийского Геркулеса…»[3].

Политичным обыкновениям, или, проще говоря, культуре поведения начали обучать не только в академиях, но и через издание переводной и оригинальной литературы. Так, в 1709 г. был сделан рукописный перевод собрания житейской мудрости французского кардинала Джулио Мазарини, озаглавленный так: «Краткая книжица политичных обходительных поступок». И хотя Мазарини писал более о коварстве, царящем в обществе, оборот «политичные обходительные поступки» говорит сам за себя. Русский переводчик сделал акцент на культуре поведения, в то время как Мазарини интересовали советы, как достичь своей цели.

Еще в конце XVII в. был сделан первый перевод с латыни книги испанского дипломата Диего де Сааведра Фахардо «Изображение христиано-политичного властелина», в 1710 г. повторенный по приказу царя Феофаном Прокоповичем. Примеры поведения политичных государей приводились в переводе Симона Кохановского 1721 г. с латинского языка «Увещания и приклады политическия» голландского филолога Юста Липсия. Известны и другие переводы, содержавшие описания политичных государств и их политичных граждан, самыми популярные – произведения Самуила Пуфендорфа («О должности человека и гражданина», 1726 г. и «Введение в историю европейскую», 1718 г.), Ф. Фенелона («Похождения Телемака» в переводе 1724 г. А.Ф. Хрущева, ходило до 1747 г. в рукописных списках), Эразма Роттердамского («Златая книжица о гожении нравов» в переводе 1718 г. И.Г. Паузе, пополнившая «Юности честное зерцало»), а также Х.Г. фон Бесселя («Политического счастия ковач»). То, что в русской культуре еще не существовало общепринятых правил светского поведения, а средневековые нормы устарели и были отвергнуты государем, безусловно, повлияло на перевод зарубежных сочинений такого рода. Потом появились и свои опусы, содер-

[3] Политиколепная апофеосис… 1709.

жавшие свод советов и правил «политичных обхождений». Политичный в значении «культурный» встречается и в русских произведениях петровского времени, представляющих разные жанры. Например, едва ли не на каждой странице заметок о путешествии по Италии Петра Андреевича Толстого. Примечательно, что он называет «политичными» не только итальянских кавалеров, но и дам, а также российских аристократов, подчеркивая тем самым их общеевропейский статус[4].

Наконец, к концу правления Петра I русское государство приобретает устойчивую характеристику государства «политичного». Об этом пишет в 1717 г. Петр Шафиров в «Рассуждении, какие законные его царское величество Петр I против короля Карла XII шведского 1700 году имел, и кто из сих обоих потентатов, во время сей пребывающей войны, более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжении оной столь великим разлитием крови христианской и разорением многих земель виновен; и с которой воюющей страны та война по правилам христианских *и политичных народов* [курсив мой. – *Л.Ч.*] более ведена. Все без пристрастия, фундаментально, из древних и новых актов и трактатов, тако ж из записок о воинских операциях описано, с надлежащею умеренностию и истиною». Он указывал, что всего несколько десятков лет назад «о Российском народе и государстве тако в других европейских государствах разсуждали и писали, как о Индийских и Персидских и других народех, которые с Европою кроме некоторого купечества никакого сообщества не имеют, тако и об оном… никакой рефлексии и разсуждения не имели: но оной и в числе Европейских народов мало причитали…». После завоеваний и преобразований Петра Россия, наконец, заняла подобающее ей место в Европе: «ныне никакое дело ниже во отдаленных краях Европейских не чинится, к которому б или и его царского величества приязни и союзе не старались…»[5]. Феофан Прокопович именует страну «Европской Россией», а автор «Повести о матросе Василии Кориотском…» – «Российской Европией».

22 октября 1721 г. Сенат констатировал, что благодаря Петру Великому Россия влилась в число культурных стран, причем выражалась эта мысль в привычной уже формуле политичности: «Мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены и во общество *политичных народов* [курсив мой – *Л.Ч.*] присовокуплены»[6]. Политичные народы – то есть народы культурные, и это присовокупление Сенат объявляет более чем достаточным основанием для поднесения Петру Алексеевичу титула императора всероссийского и наименований «Великого» и «Отца Отечества».

---

[4] См.: Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699. М., 1992.
[5] Шафиров 1717. Л. 3.
[6] Речь, какова… его императорскому величеству… 1721.

Дискурсивные практики того времени показывают, каким образом шло формирование в русской культуре образа «политичного кавалера» как представителя нового типа личности, в котором образованность, знание «наук и художеств» и иностранных языков занимает первое и главное место. Большая роль в воспитании таких кавалеров принадлежала школе Глюка-Паузе. Уже в 1700 г. в Москве пленный мариенбургский пастор Глюк основал школу для политичных кавалеров, коих он хотел «лепить» как из глины («аки мягкую и всякому изображению угодную глину»). Юношей учили географии, политике, латинской риторике с ораторскими упражнениями, философии картезианской, иностранным языкам (греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому, французскому, немецкому и латинскому), а также танцевальному искусству, «поступи немецких и французских учтивств», «рыцарской конной езде и берейторскому обучению лошадей». Глюк приготовил для своей школы перевод на русский язык «Катехизиса» Лютера, молитвенник, немецкую грамматику, русско-немецко-латинско-французский словарь. Пастор умер в 1705 г., и его школа перешла в ведение Иоанна Вернера Паузе, особого значения она не приобрела, но свою задачу по воспитанию политичных кавалеров из иностранцев выполняла исправно[7].

Для приобщения русского юношества к культуре-политичности было издано «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (1717). Составители и редакторы сего труда неизвестны, предположительно ими были писатель и проповедник Гавриил Бужинский (епископ Рязанский и Муромский) и известный ученый, сподвижник царя Яков Вилимович Брюс. Издание предваряли азбука, таблицы слогов, цифр и чисел в соответствии с новым гражданским шрифтом 1708 г. и арабским цифровым обозначением. Во второй части «Зерцала» содержались наставления юношам, а затем девушкам дворянского происхождения. В основу этикетных политичных правил лег трактат Эразма Роттердамского «О воспи-тании нравов детских», перевод которого был выполнен И.В. Паузе, дополненный главами из разных западноевропейских пособий по этикету и, возможно, личными указаниями царя. «Зерцало» по сути повторяло рекомендации школы Глюка – Паузе по обучению юношей нескольким иностранным языкам, верховой езде, фехтованию и танцам. Девушкам вместо «наук» полагалось осваивать почтение к родителям, трудолюбие, покорность и смирение с потупленным взором... Книга понравилась публике, ее трижды издавали в 1717 г. и еще раз в 1719 г. (до конца XIX в. она переиздавалась в России многократно).

Начальный постулат для юношей и для девушек звучал так: «В первых наипаче всего должни дети отца и матерь в великои чести содер-

[7] Пекарский 1862. С. 126-131.

жать. И когда от родителей что им приказано бывает, всегда шляпу в руках держать…». Отношения с другими людьми, особенно с «духовными» должны были выстраиваться «благочинно, учтиво и вежливо». Далее перечислялось в основном то, что «неприлично» и чего делать нельзя: «Неприлично… руками, или ногами, по столу везде колобродить, но смирно ести. А вилками и ножиком по торелкам, по скатерти, или по блюду не чертить…»; «Сам себя много не хвали, но и не ругай очень сильно, не стыди»; о врагах и умерших никакого зла не говори, «празден и без дела отнюдь не бывай», а будь всегда «смирен, приветлив и учтив, ибо гордость мало добра содевает», «не слушай льстецов», не будь «пересмешлив или дурацким шутка заобычаен», «не смотри верхоглядом, надев шляпу, якобы приковану на главе имея» и т.п. Много советов содержалось по изучению иностранных языков: «Младыя отроки должни всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тем навыкнуть могли: а особливо когда им что тайное говорить случится, чтоб слуги и служанки дознатся не могли, и чтоб можно их от других не знающих болванов распознать…». Попадаются среди правил и основанные на народной мудрости – пословицах и поговорках: например, на свадьбы и на балы отроку незваному ходить не следует, потому что «…Кто ходит не зван, тот не отходит не дран…». Есть ряд указаний по обхождению с женским полом (не надевать сапоги и остроги на свадьбу, «для того что тем одежду дерут у женского полу и великий звон причиняют острогами»), по поведению со слугами (не потакать, держать в страхе, дважды одной вины не прощать, мятежников удалять, не разрешать огрызаться). Ряд пунктов содержал правила гигиены и поведения за столом (не плевать на пол, не чистить нос при людях, не чихать на соседей, «не жри как свиния», «зубов ножем не чисти», «около своей талерки не делай забора из костей», «не проглотя куска не говори» и т.д.). Изложенные правила должны были сформировать «осторожного и высокоумного… прямого благочестного кавалера», высшим достижением которого считалось попасть в ряды придворных: «Младыи шляхтичь, или дворянин, ежели в езерциции своей совершен, а наипаче в языках, в конной езде, танцовании, в шпажной битве, и может доброй розговор учинить, к тому ж красноглаголив и в книгах научен, оный может с такими досуги, прямым придворным человеком быть».

Что касается девиц, то им вменялось прежде всего иметь «страх Божий», а также другие «добродетели», коих насчитывалось ровно двадцать: трудолюбие, благочиние, приветливость, милосердие, чистота телесная, стыдливость, воздержание, целомедрие, бережливость, щедрота, правосердие, молчаливость и т.п. Их «наука» сводилась к посещению церкви, обучению письму и чтению, изучению притч Святого Писания и молитв. Они должны были избегать «злочинства и всякой злой прелести, нечистаго обычая и поступков, скверных слов, легкомысленных и

прелестных одежд, блудных писм, блудных песней, скверных басней, сказок, песней, истории, загадок, глупых пословиц и ругателных забав и издевок, ибо сие есть мерзость пред Богом». Подборка изречений античных философов и средневековых церковных писателей была посвящена темам «девического целомудрия» и «девического смирения». Тут приводились и слова Диогена о том, что «украснение [от стыдливости] есть признак к благочестию», и примеры из Библии, и слова Лютера («человеку не может быть ничто приятнее и угоднее как благочинная девица»); изречения греческих стихотворцев и Овидия перемежались с мыслями Иоанна Златоуста, Блаженного Августина, святого Иеронима и др. Всем своим видом девица должна была демонстрировать смирение: «…токмо в простом одеянии ходить, и главу наклонять, и наружными поступками смиренна себе являть, сладкия слова испущать, сего еще гораздо не доволно, но имеет сердце человеческое Бога знать, любить и боятися… и ближняго своего болши себя почитать…». Концовка «Зерцала» была в том же духе: «Бог возвышает смиренных, и вспомогает печалным. о нем всяк возрадоватися может»[8]. Бросается в глаза резкое различие в представлениях о воспитании «политичного кавалера» и «политичной дамы», при этом сравнительный анализ показывает низкий уровень требований к образованности женщин.

Тем не менее, «политичные дамы» также начали появляться в русском обществе. Одно из самых первых явлений русских женщин в обществе мужчин отметил в середине февраля 1699 г. И.Г. Корб, сделавший вывод о «смягчении нравов в русском обществе»: «…до сего времени женщины никогда не находились в одном обществе с мужчинами и не принимали участия в их увеселениях, сегодня же некоторые не только были на обеде, но также присутствовали при танцах»[9]. Правда, речь о «политичной даме» зашла значительно позднее, так как русским женщинам пришлось долго привыкать к своему новому положению в обществе, к европейскому платью и поведению. Они не стремились поскорее переодеться во все европейское, да и переодевшись, не умели носить европейское платье. Но самым отталкивающим в глазах иностранцев была продолжающаяся традиция чернить зубы. Х.Ф. Вебер записал, что на балу у царевны Натальи Алексеевны летом 1714 г. были почти все красавицы Петербурга, и «…хотя тогда уже все носили французские платья, но многие не умели в них хорошо держать себя, а своими черными зубами достаточно доказывали, что они не совсем отстали от устарелого русского мнения, будто бы только у мавров и обезьян белые зубы»[10]. К концу петровского правления Берхгольц насчитал около

---

[8] Юности честное зерцало. СПб., 1717. Л. 1-16.
[9] Дневник путешествия в Московское государство… С. 129.
[10] Записки Х. Вебера. 1872. Вып.6. Стб. 1086.

тридцати молодых русских красавиц, из которых «…многие мало уступали нашим дамам в приветливости, хороших манерах и красоте»[11]. Но «политичность» русских женщин виделась порой только в чисто внешнем их преображении в европейского вида дам с хорошими манерами и умением танцевать. Их внутреннее преображение в образованных, развитых, владеющих иностранными языками и воспитанных в европейском духе началось уже в послепетровское время, но и в петровскую эпоху встречались политичные дамы «внутреннего» типа. Иностранные наблюдатели чаще всего называют княгиню Марию Юрьевну Черкасскую, дочь сенатора кн. Ю.Ю Трубецкого, которая считалась первой красавицей при дворе в 1724 г., а также умела свободно держаться в обществе, исполнять романсы и играть на музыкальных инструментах.

Политичные кавалеры, помимо образованности, должны были, по замыслу Петра, быть храбрыми и умелыми воинами и моряками, наездниками, уметь сражаться, владеть шпагой, и одновременно – владеть иностранными языками и «наукой любви», уметь сочинять и исполнять романсы, поэтически выражать свои чувства к прекрасной даме. Образцом «сына Отечества» в глазах подрастающего поколения дворянства должен был стать гвардейский офицер или капитан корабля, но в то же время политичный кавалер, предлагаемый как общественной мыслью и литературой, так и самим Петром Великим. Под политичным кавалером подразумевался, как уже отмечалось, «окультуренный» человек, внешне и внутренне обработанный по западноевропейским стандартам цивилизованного гражданина, с одной стороны, и некоего сказочного рыцаря, с другой. Первых политичных кавалеров мы найдем еще в конце XVII в. Среди них иностранцы отмечали нескольких: Василий Васильевич Голицын, его двоюродный брат Борис Алексеевич Голицын, Борис Петрович Шереметев, Борис Иванович Куракин, Андрей Артамонович Матвеев. Они владели иностранными языками (Голицыны свободно общались на латыни), завели в своих домах европейскую обстановку (библиотеки, картины, зеркала, шпалеры, кровати вместо лавок и пр.), заказывали оркестры инструментальной музыки, которые должны были выступать на их домашних приемах гостей, нанимали учителей-иностранцев (в основном, поляков, для обучения своих детей латыни, польскому и другим языкам), одевались и вели себя как иностранцы (жена Андрея Матвеева поражала иноземцев тем, что единственная из русских женщин не пудрила свое лицо и не красила щеки и глаза).

К концу петровской эпохи литературным воплощением политичного кавалера стали герои «петровских повестей»: матрос Василий из «Повести о Василии Кориотском», безымянный шляхетский сын из «Повести о шляхетском сыне» и др. Все они едут по доброй воле в Ев-

[11] Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. Ч. 1. С. 137.

ропу за «наукой» (военной, морской, иностранных языков и пр.). Благодаря своим успехам в науках матрос Василий добивается богатства, спасает от разбойников «флоренскую королевну» Ираклию и женится на ней. Бедный шляхетский сын исключительно своим умом и образованностью внушает любовь английской королевне и становится ее мужем.

В живописи ряд портретов, начиная с Петра I, отражал представления о политичном кавалере и политичной даме. Первые опыты отражения человека нового типа тяготели скорее к внешнему варианту, показывающему социальный статус портретируемого, европейский костюм и антураж. Однако не только иностранные художники, но и русские, в частности, И. Никитин и А. Матвеев, прославились глубоко психологичными произведениями, на которых мы видим по-европейски образованных «политичных кавалеров» с чувством собственного достоинства. К разряду «внешних» я бы отнесла портрет кисти И. Никитина канцлера Г.И. Головкина (1720-е гг.), а к разряду «внутреннего» политичного кавалера – его же «Портрет Напольного гетмана» (1720-е). В образе молодого щеголеватого С.Г. Строганова (1726) Иван Никитин сумел соединить внешние и внутренние черты образованного россиянина своего времени. Но самым ярким воплощением образа человека нового типа можно считать известный «Автопортрет Андрея Матвеева с женой», где внешние атрибуты «политичности» кавалера и дамы почти не заметны, зато проступает мощная внутренняя энергетика представителей «Российской Европии», красота души, доброта, ум и воля. К сожалению, образ политичного кавалера к середине XVIII в. эволюционировал и в литературе, и в жизни в сторону усиления чисто внешнего лоска. И если в петровское время этот образ воплощали вслед за императором придворные, дипломаты, гвардейские и морские офицеры, ученые и ученики Славяно-греко-латинской академии, то к середине века политичность, окончательно переросшая в политес, была представлена ухажерами и дамскими угодниками, «щеголями» и «щеголихами», преуспевающими более всех наук в «науке любви». Эти изменения отразил в литературе герой «Повести о кавалере Александре», уехавший в Европу для изучения военного дела, но преуспевший лишь в любовных похождениях.

В представлениях первой четверти XVIII в. о политичном кавалере можно проследить следующие черты. Во-первых, он начинает служить не только государю, но и государству, вкладывая в это понятие и свое толкование «гражданства», и идею «общего блага»/«общей всенародной пользы», и «служение Отечеству». Во-вторых, новое отношение к службе сопровождается и новыми потребностями, в частности, в образовании, что делает круг политичных кавалеров гораздо более обширным и светским по содержанию и общей направленности, а это, в свою очередь, ведет к нововременному самосознанию и оценке личности. Русские люди и иностранцы на русской службе в эпоху Петра I дают нам

прекрасные образцы человека нового типа – образованного, начитанного, увлекающегося не только своим непосредственным делом, но и искусством, «наукой и художествами», ценителя древностей и раритетов, садового искусства и музыки и т.д. Образы политичных кавалеров и дам – феномен петровской эпохи, отраженный в литературе и в портретной живописи. Конечно, субъективное влияние Петра Великого на появление этого образа не исчерпывает всех причин, приведших к столь широкому распространению политичности и в общественной мысли, и в литературе, и в искусстве. Были и объективные причины появления этих образов в России начала XVIII столетия, связанные прежде всего с переходом русской культуры от Средневековья к Новому времени, открытием личности в человеке, европеизацией русской культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца / Пер. с нем. И.Ф. Аммона. М., 1902–1904 [Berhgolz F.V. Dnevnik kamer-iunkera F.V. Berhgolza. M., 1902–1904]

Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента… в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М., 1997 [Korb I.G. Dnevnik puteschestvia v Moskovskoe gosudarstvo Ignatia Hristofora Gvarienta… v 1698 g… // Rozhdenie imperii. M., 1997]

Записки Х. Вебера. Пер. П.П. Барсова // Русский архив. 1872. Вып.6. [Zapiski H.Vebera. Per. P.P. Barsova// Russkiy arhiv. 1872. Vip. 6]

Леонтий Магницкий. Арифметика. М., 1703 [Leontiy Magnitskiy. Arifmetika. M., 1703]

Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом. Т.1. СПб., 1862. [Pekarskiy P.P. Nauka I literature pri Petre Velikom. T. 1. SPb., 1862]

Преславное торжество свободителя Ливонии. М., 1704. [Preslavnoe torzchestvo svoboditelia Livonii. M., 1704].

Политиколепная апофеосис достохвальныя храбрости всероссийского Геркулеса. М., 1709 [Politikolepnaya apofheosis dostohvalniya hrabrosti vserossiyskogo Gerkulesa. M., 1709].

Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699. М., 1992 [Puteschestvie stolnika P.A. Tolstogo po Evrope 1697–1699. M., 1992]

Речь, какова… его императорскому величеству… от господина канцлера графа Головкина говорена 22 в день октября 1721 году. СПб., 1721 [Rech, kakova… ego imperatorskomu velichestvu… ot gospodina kanzlera grafa Golovkina… SPb., 1721]

Шафиров П. Рассуждение, какие законные причины… его царское величество к начатию войны…имел. СПб., 1717 [Schafirov P. Rassuzchdenie, kakie zakonnye prichiny. SPb., 1717].

Юности честное зерцало. СПб., 1717. [Iunosti chestnoe zerzalo. SPb., 1717].

Черная Людмила Алексеевна*, доктор исторических наук, профессор Московского государственного академического художественного института им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств. tchernie@rambler.ru*

Ideas about the “political cavalier” and “political dame” in the Russian culture of Peter the Great time

The author analyses a number of historical, literary and visual sources of Peter the Great’s epoch and traces representations of a cultural person of Modern times, named as “political cavalier” and “political dame”. The evaluation of external and internal components of this image is given, together with examples of a new type of person in real life, literature and art.

Keywords: Europeanization of Russian culture, personality, image

Liudmila Chernaya, *Dr. Sc. (History), Professor, Faculty of Theory and History of Art, the Moscow state academic artistic institute named after V.I. Surikov, Russian Academy of Art, tchernie@rambler.ru*

М. П. Айзенштат

ИСТОРИЯ В ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ БРИТАНИИ XVIII ВЕКА

История занимала существенное место в социально-политической жизни британцев. В то же время она не была специальным предметом в школах и университетах. В статье на основе изучения переписки графа Честерфилда, У. Питта старшего и Ф. Френсиса анализируется место истории в образовании детей, представления родителей и опекунов о характере и содержании знаний о прошлом, а также о предназначении истории для будущей карьеры.

Ключевые слова*: *Британия, XVIII в., историческое знание и образование, корреспонденция, граф Честерфилд, У. Питт старший, Ф. Френсис

Прошлое играло важную социально-политическую роль в повседневной жизни британцев, что обусловили прочность традиций и прецедентное право, определявшие юридические процедуры и парламентскую практику. Эти обстоятельства предполагали хорошее знание истории для успешной карьеры стряпчего, адвоката или судьи, а также всех тех, кто вступил на политическое поприще. И хотя с прошлым британцы сталкивались с юных лет, история не рассматривалась современниками в качестве отдельной дисциплины, а воспринималась большинством как особая область литературы[1].

Именно с литературой и было связано изучение истории в привилегированных школах Британии. Там преподавались латинский, греческий и французский языки. Знание латыни и истории Рима рассматривались как наиболее важные для карьеры будущего юриста, коммонера или члена Палаты лордов. В школе первый год изучались грамматические правила, затем ученики штудировали трактаты Цицерона, Теренция, Овидия, Вергилия, Саллюстия, отрывки из «Диалогов» Лукиана и др. Из их содержания дети познавали одновременно язык и историю Рима[2]. Наставления отцов и опекунов позволяют выявить их представления об истории и значимости ее изучения, а также предпочтения в содержании, качестве и уровне знаний, выборе авторов и т.д. Указания, или советы в условиях разлуки с детьми отправлялись по почте[3]. Корреспонденция позволяет выявить представления вигов о той роли, которую была призвана играть история в годы обучения в школе и последующей жизни их детей. В качестве примера избраны наставления

[1] См., напр.: Айзенштат 2015.

[2] В учебных заведениях отбор трудов античных авторов не был однотипным: Letters of Charles Lamb. V. 1. P. 7; Григорьева 2009. С. 21-23.

[3] Айзенштат Эпистолярное наследие… // http://history.jes.su/s207987840001982-9-1

трех вигов, направленные двум школьникам и воспитателю сына. Это – люди разного социального статуса, жизненного опыта и интеллекта.

Письма Филиппа Стэнхоупа графа Честерфилда адресованы незаконнорожденному сыну. Отец узаконил его и дал свою фамилию – Стэнхоуп. Со временем Честерфилд привязался к единственному сыну и наследнику, в мечтах видел его блестящую карьеру в светском обществе и на службе сначала в дипломатическом ведомстве, а затем и в политике. С первых писем умудренный опытом царедворец, политик и светский человек наставлял сына, как учиться, что читать и изучать, как следить за собой. По мере взросления молодого человека направлялись все более пространные советы, как держать себя в обществе, с женщинами и друзьями… Стэнхоуп умер молодым, не осуществив мечты отца. После ухода из жизни Честерфилда, вдова сына обнаружила письма и опубликовала их, несмотря на их частный характер. Они привлекли внимание читателей и неоднократно переиздавались.

В силу той задачи, которую поставил перед собой Честерфилд – подготовить сына к будущей жизни, сделать из него блестяще образованного светского человека, успешного дипломата – истории уделено много места в корреспонденции, отправленной мальчику. Его обучение началось с чтения греческой и латинской поэзии[4]. И отец терпеливо, доступно для ребенка поведал ему историю Трои, искусно обрисовал портреты героев поэм Гомера[5]. Затем последовал рассказ об Афинах и истории Рима, при этом отец акцентировал внимание сына на формах правления[6]. В ноябре 1739 г. он писал 7-летнему ребенку: «Милый мой мальчик, ты занимаешься историей Рима, я надеюсь, что ты уделяешь предмету достаточно внимания и сил. Польза истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас; что касается них, нам следует сделать собственные выводы. История пробуждает в нас любовь к добру, а также побуждает к благим делам»[7]. Это высказывание взглядов на историю не отличается оригинальностью. Для современников Честерфилда история имела не только отвлеченное, теоретическое, но и важное практическое значение. Они воспринимали прошлое, как источник мудрости. Но любопытно то, что отец не ждет, когда сын «сделает собственные выводы», а спешит подчеркнуть предназначение исторических сочинений.

Честерфилд писал, что «изучение Истории должно сопровождаться изучением Хронологии и Географии, надо иметь, если не обширные, то, по крайней мере, основательные знания о них. Они должны быть

---

[4] Chesterfield 1804. V. 1. P. 35.
[5] Ibid. P. 21-24, 39-40.
[6] Ibid. P.60-67, 78.
[7] Ibid. P. 150-151.

настолько значительными, чтобы понимать, о чем История рассказывает нам. А именно, где событие произошло (этому учит География), но также надо знать, когда это произошло, что является специальной задачей Хронологии»[8]. Иными словами, историческое событие следует изучать в контексте пространства и времени. В данном утверждении сказалось влияние идей Джона Локка, убежденного в том, что с Историей «рука об руку должны идти География и Хронология»[9].

За Римом последовала история Британии. Честерфилд уделил внимание происхождению названия «Англия», затем охарактеризовал череду королей от Вильгельма Завоевателя до Ганноверов. Особо ценны его отзывы о ключевых событиях британской истории. Представление Честерфилда о появлении Великой хартии вольностей (Magna Charter) принципиально расходится, например, с видением Д. Юма. Честерфилд писал, что король Джон (Иоанн) был тираном. Тогда люди поднялись против него и вынудили дать народу Хартию. Она «предоставила им все их права и привилегии, которые действуют и поныне»[10]. Четырех первых Стюартов Честерфилд называл плохими королями. Причину недовольства Карлом I, которое привело к революции и гражданским войнам, он полностью видел в политике короля, нарушившего традиционную парламентскую практику вотирования налогов, и подчеркнул, что его судили и доказали вину, а уже после – казнили на законных основаниях[11]. О. Кромвель, по мнению Честерфилда, узурпировал власть[12]. А Яков II попытался встать выше закона и иметь абсолютную власть. Тогда «нация восстала и пригласила принца Оранского». Это и было названо Революцией, «которая вернула нам наши права»[13].

Девятнадцатилетнему юноше, когда он готовился поступить на дипломатическую службу, отец советовал: «Больше всего тебе следует читать исторические книги – только не смутную и недостоверную историю древних времен, а уж тем более, никому не нужную естественную историю, толкующую о разных ископаемых, минералах, растениях и т.п. Нет, я говорю о полезной политической и конституционной истории Европы за последние три с половиной столетия»[14].

Честерфилд толкует о пользе истории, и его прагматический подход очевиден, что, несомненно, отражает воздействие идей просветите-

---

[8] Chesterfield 1804. V. 1. P. 117.

[9] Этот тезис настойчиво отстаивал Д. Локк, подчеркивавший значимость истории для обучения джентльменов и деловых людей: Locke 1968. P. 192-193, 393-395, 401-404.

[10] Chesterfield 1804. V. 1. P. 264. Юм же утверждал, что Хартии добились от короля мятежные бароны, желавшие получить больше привилегий. – Hume 1803. P. 240.

[11] Ibid. P. 270-271.

[12] Ibid. P. 272.

[13] Ibid. P. 273.

[14] Chesterfield 1804. V. 3. P. 98.

лей. Моральный, воспитательный характер истории был востребован для выработки нравственных ориентиров у детей. Но в юношеском, а затем и более взрослом возрасте история в письмах Честерфилда приобретает иной характер полезности.

Так, 30-летнему Стэнхоупу, который уже находился на дипломатической службе, отец писал в мае 1752 г.: «Милый друг, …Отучись тратить время на чтение книг легкомысленных и пустых… Я бы посоветовал тебе остановиться на самых интересных и примечательных периодах истории нового времени и ограничить свое чтение ими. Если ты выберешь Мюнстерское соглашение, – а с этого периода лучше всего начать, …то ограничь себя достоверными историческими сочинениями, письмами, мемуарами и отчетами о переговорах, имеющих отношение к этому важному событию. Читай и сравнивай их со всей непредубежденностью и трезвостью, которые лорд Болингброк рекомендует тебе более убедительно и красноречиво, чем я»[15]. И только после тщательного и объективного изучения можно переходить к следующему договору, а затем последовавшему за ним и т.д. И таким образом изучить историю дипломатии. История, по мнению Честерфилда, становится важным фактором в совершенствовании профессионального уровня дипломата. Только при основательном знании истории дипломатических отношений, причин, условий и содержания договоров прежних лет можно добиться быстрого продвижения по службе, полагал Честерфилд.

В последнем отрывке прослеживается явное влияние идей Г. Болингброка об истории и источниках её изучения. Честерфилд был лично знаком с Болингброком, но как становится ясным из письма, с его взглядами на историю ознакомился лишь после публикации трактата «Письма о пользе и изучении истории» на английском языке, что подтверждается также приведенными ниже словами.

Однако приведенные отрывки из писем представляются важными не только этой стороной. Два взаимосвязанных высказывания не могут не привлечь внимания. Прежде всего, достоверная история, по словам Честерфилда, насчитывает не более трехсот лет. А это обусловлено наличием адекватных, достоверных источников. К ним он вслед за Болингброком относил исторические сочинения, письма, мемуары, отчеты, имеющие отношение к конкретным событиям. Более того, налицо восприятие его метода работы с источниками, а именно – объективность и сравнительный анализ. Воздействие идей Болингброка признавал сам Честерфилд. Он писал в апреле 1752 г.: «Вольтер прислал мне из Берлина свою «Историю века Людовика XIV». Она пришла вовремя: лорд Болингброк только что научил меня, как надо читать историю. Вольтер показывает, как ее надо писать». Честерфилд так характеризовал сочи-

[15] Chesterfield 1804. V. 2. P. 232.

нение Вольтера: «Он рассказывает мне все, что я хочу знать, и ничего более. Размышления его немногословны, верны и наталкивают читателя на новые размышления. …он рассказывает обо всем настолько правдиво и беспристрастно, насколько это позволяют известные соображения, которые всегда приходится принимать во внимание, ибо совершенно очевидно, что он часто рассказывает намного меньше, чем мог бы рассказать»[16]. Итак, автор исторического сочинения должен быть правдив, немногословен и конкретен, он должен побуждать читателя к дальнейшим размышлениям. Кстати, руководствуясь этими принципами, Честерфилд стремился писать свои «Характеры» людей эпохи.

Из высказываний Честерфилда можно выявить его представление о периодизации всемирной истории: Античность (древность), Средние (темные) века, новое время, и эта периодизация также носила традиционный характер. По его словам, древности он отдавал «надлежащее уважение»[17]. Вместе с тем, с большой иронией он писал о людях, которые в стремлении показать свою ученость постоянно говорят о древних греках и римлянах, «как о каких-то героических личностях, считая, что наши современники стоят гораздо ниже них». Они будут доказывать, «что за последнюю тысячу семьсот лет ни одна наука и ни одно искусство не продвинулись вперед ни на шаг». Судить о современниках и о древних людях следует только по их достоинствам, без презрения и поклонения[18]. Но если те, кто постоянно ссылался на эпизоды из истории Рима или Греции, вызывали насмешку Честерфилда, то осуждение он высказывал в адрес тех, кто неуважительно относился к известным римлянам и грекам. Они привыкли, писал Честерфилд, говорить «старик Гомер», «этот хитрый плут Гораций», «Марон» вместо Вергилия и «Назон» вместо Овидия. Им подражают хлыщи, «надеясь таким путем сойти за людей ученых»[19]. Он предостерегал сына от поведения подобного рода. Тем не менее, данный отрывок также содержит в себе немаловажные подробности, как о представлениях Честерфилда об истории, так и имевшей место практике упоминаний наряду с фактами истории Античности имена авторов сочинений, к которой довольно часто прибегали и парламентские ораторы. В то же время в тексте письма обнаруживается отрицание исторического развития, получившее распространение в обществе, и его признание самим Честерфилдом.

Нельзя не остановиться на подмеченной Честерфилдом «моде на знания» античных авторов и их произведений. Она не только свидетельствовала о возрастании интереса к истории, но и позволяла поднять

[16] Chesterfield 1804. V. 2. P. 250.
[17] Ibid. 1804. V. 2. P. 273.
[18] Ibidem.
[19] Chesterfield 1804. V. 2. P. 291.

в глазах общества свой престиж принадлежностью к избранной корпорации, изучавшей древние языки в закрытых, привилегированных учебных заведениях. В целом же подход Честерфилда к изучению истории можно характеризовать как «интеллектуальный прагматизм»: история формирует личность, а знания позволяют продвигаться по служебной лестнице и иметь успех в светском обществе.

Близкий взгляд продемонстрировал Уильям Питт старший в письмах, отправленных племяннику Томасу Питту. Узнав, что тот приступил к штудированию произведений Вергилия и Гомера, Питт старший писал: «надеюсь, что ты изучаешь и особенно любишь этих авторов», которые являются величайшими поэтами. В их книгах содержится «прекраснейший урок для человека твоего возраста, урок чести, смелости, бескорыстия, любви к правде, сдержанности в поведении»[20]. Среди книг, с которых Томас должен был начинать изучение языка и философии, Питт выделял Эвклида, Вергилия и Горация, а также Локка, философия которого стала ядром политических представлений вигов. А историю Англии, полагал дядя, «можно пройти сжато, с целью сохранения в уме общей хронологии важнейших событий и правления королей». К «достойным книгам» по английской истории он относил труды по «нашей конституции», сочинения Барнета, П. Сарпи, Мольера и Аддисона. «Их можно прочитать в свободное время в своей комнате»[21]. Впоследствии он заметил, что книги указанных авторов выделены для того, «чтобы сберечь время и усилия, сократить путь к тем знаниям, которые нужны тебе»[22]. Итак, для позиции У. Питта, как и Честерфилда, характерен прагматический подход к изучению истории, но отличие позиции Питта, прежде всего, в том, чтобы занятия по истории не потребовали много времени и усилий племянника: ведь от будущего члена Парламента требуется общее представление о прошлом Англии.

Впоследствии дядя посоветовал племяннику изучить сочинения Болингброка и Натаниэля Бэкона (Nathaniel Bacon. Historical and Political Observations). В них он найдет самые надежные конституционные доктрины и факты истории, вместо того, чтобы тратить время на фальсификации. «Обе [книги] следует прочитать с большим вниманием… изучить и принять всем сердцем», подчеркивал Питт. При этом он настоятельно советовал: читать книги следует с учетом того времени, когда они написаны[23]. Далее последовал труд Кларендона о гражданской войне, и опять сочинение Барнета. Лишь через четыре года после первого упоминания этого автора Томас, наконец, прочел его сочине-

[20] Chatham 1838. P. 62-63.
[21] Chatham 1838. P. 67.
[22] Ibid. P. 88.
[23] Ibid. P. 108-109.

ние, о чем радостно сообщил дяде[24]. Венчают список книг сочинения Демосфена, Гомера и Вергилия – они нужны для изучения дикции и стиля, ораторского искусства[25].

Итак, дядя не намерен нагружать племянника большим объемом дополнительного чтения. И сам не стремится что-то рассказывать и разъяснять. Отбор книг, рекомендованный для чтения, отражает уровень эрудиции Питта-старшего, не завершившего обучение в университете. Имена авторов представляют собой список наиболее популярных и известных сочинителей. При этом он не стремится ни наполнять голову племянника излишними сведениями, ни требовать от него самостоятельных изысканий в прошлом. Все нацелено на подготовку будущего депутата Палаты общин, который должен знать имена и произведения наиболее известных авторов прошлого и современности, обладать скорее поверхностными знаниями. Пожалуй, ценным выглядит его замечание о том, что надо принимать во внимание время написания того или иного труда. Впоследствии Томас в Палате общин изредка ссылался на исторические события, но при этом не проявлял глубоких знаний.

Наконец, послание памфлетиста и политика Филиппа Фрэнсиса[26] воспитателю сына, в котором он излагал свои представления об учебе наследника. Учение сына, полагал он, должно быть направлено в область истории. Его следует начать с истории греков и римлян. История не может дать полезных знаний, если это не сопровождается обзором хронологического изложения хода событий. При этом, полагал Фрэнсис, приступать к истории Англии следует с современности, а затем, год за годом продвигаться в глубь времен вплоть до самой ранней «нашей истории». Такое продвижение вспять позволит лучше узнать современную историю, которая наиболее интересна и важна. Современные же дети прекрасно разбираются в древней английской истории, но ничего не знают о том, что случилось после вступления на престол правящего короля[27]. Больше Фрэнсис к этому вопросу не возвращался.

Итак, для вигов занятия историей их детьми состояли в изучении сочинений античных авторов, хронологических таблиц, имен королей и и дат их правления. Прагматизм У. Питта иного рода, чем у Честерфилда. Под конец обучения на первый план выступают те произведе-

---

[24] Ibid. P.149.
[25] Ibid. P. 152.
[26] Ф. Фрэнсис – один из ярких ироничных публицистов своего времени. Его язвительные рецензии и статьи явились причиной того, что современники видели в нем автора анонимных «Писем Юниуса». Они носили разоблачительный характер в отношении современных политиков и министров. Позднее Фрэнсис сыграл неблаговидную роль в инициировании судебного процесса над губернатором Индии Хейстингсом. См.: Oxford Dictionary of British History. 2004. P. 366.
[27] Memoirs of Sir Philip Frances… P. 407-409.

ния, которые призваны сделать из Томаса прекрасного оратора, иными словами, подготовить к деятельности в качестве коммонера. Тем самым, будущее молодых людей, предназначенное им с момента рождения в семействе вигов, предопределяло подход в обучении историей. Она, помимо моральных примеров, должна была служить подспорьем в выдвижении на первые роли в политическом мире вигов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Айзенштат М.П. Прошлое в политической культуре Британии второй половины XVIII века // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 165-180 [Ajzenshtat M.P. Proshloe v politicheskoj kul'ture Britanii vtoroj poloviny XVIII veka // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 51. S. 165-180].

Айзенштат М.П. Эпистолярное наследие XVIII в. [Ajzenshtat M.P. Epistolyarnoe nasledie XVIII v.] / http://history.jes.su/s207987840001982-9-1

Григорьева В.П. Творчество Роберта Фергюссона. Нижний Новгород, 2009.

Chatham W. The correspondence William Pitt, Earl of Chattam. L., 1838. V. 1.

Chesterfield P.D. Letters written by the Late Right Honourable Philp Dormer Stanhope, Earl of Chesterfield, to his son Philip Stanhope, Esq. . L., 1804. V. 1, 2

Frances Ph. Memoirs of Sir Philip Frances. L., 1809. V. 1.

Hume D. The History of England from the invasion of Julius Ceasar to Revolution in 1688. V. 1-10. L., 1803. V. 2.

Lamb C. Letters of Charles Lamb with some account of the writer, his friends and correspondents and explanatory notes by the Late Sir Thomas Loon Talfourd. L., 1886. V. 1.

Locke J. The educational writings of John Locke A critical edition. Cambridge, 1968.

Айзенштат Марина Павловна*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; m.aizen@mail.ru*

History in the children's education of the eighteenth-century Britain

History occupied a significant place in the socio-political life of the British. At the same time, it was not a special subject in schools and universities. Based on the study of the correspondence of Count Chesterfield, W. Pitt Sr. and F. Francis, the article analyzes the place of history in the education of children, the ideas of parents and guardians about the nature and content of knowledge about the past, as well as about the purpose of history for a future career.

Keywords: Britain, 18th century, historical knowledge and education, correspondence, lord Chesterfield, W. Pitt the elder, Ph. Frances

Marina Ayzenshtat, *D. Sc. (History), leading researcher, Institute of Word History, Russian Academy of Sciences; m.ayzen@mail.ru*

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

С. А. Экштут

СОЮЗ СПАСЕНИЯ
«САМЫЙ УСПЕХ НАМ БЫЛ БЫ ПАГУБЕН ДЛЯ НАС И ДЛЯ РОССИИ»

Фильм «Союз Спасения» стал самой ожидаемой кинопремьерой 2019 года и вызвал неоднозначные отзывы как зрителей, так и критиков. Однако никто не попытался предпринять разбор фильма, опираясь на следственные дела декабристов и мемуарные источники. Этот пробел решил восполнить автор статьи.
Ключевые слова*: *движение декабристов, история и кинематограф, фалеристика, мораль и политика, цель и средства ее достижения, история революционного движения в России, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин, П.И. Пестель

Зритель, посмотревший в кинотеатре фильм выпускника мехмата Ленинградского университета Андрея Кравчука «Союз Спасения», получил яркое, масштабное и красочное зрелище. Фильм был широко разрекламирован и представлен как главная кинопремьера 2019 года.

Среднестатистический зритель, плохо помнивший уроки истории и с трудом представший суть идейных разногласий между республиканцем Павлом Пестелем и конституционным монархистом Никитой Муравьевым, вместе с купленным билетом приобрел, как ему казалось, возможность погрузиться в окутанную романтическим флёром эпоху, которую считают Золотым веком русской культуры. Звездный актерский состав. Филигранная работа оператора Игоря Гринякина. Великолепные гвардейские и армейские мундиры. Масштабные батальные сцены, создающие эффект присутствия. Величественный Санкт-Петербург.

Теперь поставьте себя на место среднестатистического зрителя, искренне поверившего создателям «Союза Спасения», что они сняли правдивый фильм о декабристах; бесхитростно готового уподобить эпический фильм машине времени и склонного поставить знак тождества между тем, что он, доверчивый зритель, увидел на экране, и тем, что произошло на самом деле. Именно у такого зрителя авторы кинокартины сумели сотворить впечатление погружения в эпоху. И всё бы было хорошо, если бы не настойчивые претензии авторов фильма на некий эксклюзив: якобы они поведали о декабристах нечто такое, о чем до сей поры никому не было известно. Однако посмотрим на «Союз Спасения» взглядом профессионального историка. Перечислю лишь наиболее досадные исторические неточности, допущенные авторами фильма.

По сюжету фильма гвардейские офицеры по инициативе офицера-семеновца Сергея Ивановича Муравьева-Апостола (1795–1826) в честь виктории над Наполеоном решили выпить с императором Александром I

шампанского. Но государь проехал мимо полкового строя, где уже стоял в первом ряду с ящиком шампанского в руках инициатор этой затеи. Считаю ниже своего достоинства критиковать всю историческую несообразность подобной сцены. Замечу лишь, что в момент взятия Парижа 19 марта 1814 года Сергей Иванович, в отличие от его старшего брата Матвея, еще не был офицером лейб-гвардии Семеновского полка. Он состоял при генерале от кавалерии Н.Н. Раевском и числился в списках батальона великой княгини Екатерины Павловны. В Семеновский полк Сергея Ивановича перевели лишь год спустя – 1 марта 1815 года.

Изображенный в фильме «бессмысленный и беспощадный» бунт Семеновского полка не имеет ничего общего с реальной «Семеновской историей». Создатели фильма представили солдат-семеновцев буйными озверевшими погромщиками, жаждущими смерти полкового командира полковника Шварца. В реальности же первая, т.н. государева, рота полка в знак протеста против непомерной взыскательности и жестокости полкового командира выстроилась «на перекличку» без приказа и отказалась расходиться, несмотря на настойчивые уговоры начальства. Роту под конвоем отправили в Петропавловскую крепость, а на следующий день ее в знак солидарности поддержал весь полк, потребовавший от командования Гвардейского корпуса либо освобождения государевой роты, либо отправки под арест всего полка. В итоге весь полк был отконвоирован в крепость, а затем по приказу императора раскассирован.

Представленная в фильме колоритная сцена чтения царского приказа о раскассировании полка содержит несколько досадных неточностей. Рядом с полковым командиром в строю офицеров полка стоит капитан князь Сергей Петрович Трубецкой. Однако князя не было в это время в Петербурге: с середины 1819 г. по сентябрь 1821 г. он находился в продолжительном заграничном отпуске. Не было у него еще в это время и «Анны на шее», с которой он запечатлен в фильме: орденом Св. Анны 2-й степени Трубецкой был награжден «за отличную службу и труды» 12 декабря 1823 г.[1] Не могло быть в строю офицеров полка и Михаила Павловича Бестужева-Рюмина. В этот момент он был всего-навсего подпрапорщиком, т.е унтер-офицером из дворян, и не имел право носить семеновский офицерский мундир и офицерские эполеты.

Хотя создатели фильма настойчиво претендовали на абсолютную достоверность представленных в «Союзе Спасения» мундиров, орденов и знаков отличия, это амбициозное утверждение следует оспорить. На груди у императора Николая I и сенатора графа Николая Семеновича мы видим золотые Андреевские звезды, в то время как любой специалист по фалеристике знает: звезда ордена Андрея Первозванного должна быть серебряной. Не соответствует реальной и расцветка ленты ордена

[1] Восстание декабристов: Документы. Т. I. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 5.

Св. Анны. Лента должна быть красной с тонкой желтой каймой. У полковника Пестеля не было Кульмского креста, с которым мы его видим в ряде сцен. А вот у полкового командира Черниговского пехотного полка подполковника Густава Ивановича Гебеля (его блистательно сыграл Владислав Ветров) был орден Св. Георгия 4-го класса. Но на его мундире мы не найдем белого эмалевого Георгиевского креста – этой самой завидной боевой офицерской награды, которую еще Екатерина II повелела «никогда не снимать». Не ясно, за что ветеран всех наполеоновских войн подвергся такой немилости со стороны авторов фильма.

Генерал-адъютант барон Иван Иванович Дибич назван в фильме военным министром, хотя в то время военным министром был генерал от инфантерии Александр Иванович Татищев, а Дибич занимал гораздо более высокий пост начальника Главного штаба Его Императорского Величества. Князь Трубецкой ряд лет был старшим адъютантом именно Главного штаба, но никак не Генерального штаба, как его аттестовали в фильме. Адмирал Николай Семенович Мордвинов, представленный едва ли не теневым пособником декабристов и покровителем Рылеева, никогда не был сенатором, как его называют в «Союзе Спасения». Он был членом Государственного совета и очень крупным акционером Российско-Американской компании. Ключевой пост правителя канцелярии Совета и Главного правления компании занимал отставной артиллерии подпоручик Кондратий Федорович Рылеев[2], владевший десятью акциями РАК. (У императора и великих князей было по 20 акций, безвозмездно уступленных им учредителями.) Иными словами, у Мордвинова и Рылеева были общие деловые интересы. Но эта чрезвычайно интересная сюжетная линия никак не намечена в «Союзе Спасения».

Нет в фильме даже намека и на реально существовавший «любовный треугольник»: два лидера движения декабристов Никита Муравьев и Павел Пестель были влюблены в «прекрасную полячку» – Изабеллу Адамовну Валевскую, приемную дочь графа Ивана Осиповича Витта, стоявшего во главе южных военных поселений и шпионившего за членами тайных обществ. Какой роскошный реальный исторический сюжет! И Пестель, и Муравьев собирались жениться на Изабелле. Однако ни тот, ни другой не преуспел. В 1823 г. Изабелла отдала свою руку князю Сергею Гагарину, который служил в придворном конюшенном ведомстве, а впоследствии стал директором императорских театров.

Прошли создатели фильма и мимо другой жизненной коллизии. Сергея Ивановича Муравьева-Апостола и Михаила Павловича Бестужева-Рюмина связывали чувства, выходившие за пределы традиционной мужской дружбы. Современники знали об этом. Павел Пестель показал в Следственной комиссии, что Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин

[2] Месяцеслов с росписью чиновных особ… Ч. I. С. 869.

«составляют, так сказать, одного человека»[3]. Генерал-майор Михаил Федорович Орлов показал: Бестужева «все считают бестолковым», «один Муравьев превозносит гением», и развил свою мысль: «Около Киева жили Сергей Муравьев и Бестужев, странная чета, которая целый год друг друга хвалила наедине, но Бестужев с самого начала так много наделал вздору и непристойностей, что его никто к себе не принимал, а Муравьев, обиженный за своего друга, перестал ездить и даже кланяться»[4]. Матвей Муравьев-Апостол укоризненно писал младшему брату: майор Вятского пехотного полка «Лорер рассказал мне о Ваших знакомствах или, вернее, о Вашем знакомстве (с Бестужевым. – *С.Э.*). Он сообщил мне, что Вы не говорите об этом иначе, как со слезами на глазах, что с первого же знакомства Ваш мнимый друг сказал ему, что Вы связаны самой тесной дружбой…»[5]. Зачем же создатели фильма стали развивать надуманную сюжетную линию о романтической любви Сергея Ивановича к вымышленному персонажу – княжне Анне Бельской. К виселице Муравьев и Бестужев шли обнявшись. «Молодой Бестужев-Рюмин увлекся Муравьевым-Апостолом, скорее личностью его, чем идеями, и всё время шел с ним заодно, и только перед казнью ослабел, заплакал, и Муравьев обнял его, и они пошли так вдвоем к виселице»[6].

Что же заставило этих красивых людей в расшитых золотом и серебром мундирах создавать тайные общества, бунтовать против власти и, в конечном счете, проливать кровь сограждан? Почему в момент, когда прошло всего десять лет после взятия Парижа и Российская империя достигла апогея своего развития, русские стали стрелять в русских?

«Великие события Отечественной войны, оставя в душе глубокие впечатления, произвели во мне какое-то беспокойное желание деятельности»[7]. Так генерал-майор Михаил Александрович Фонвизин (1787–1854), принимавший участие во всех крупных сражениях эпохи, начиная с битвы при Аустерлице (1805) и заканчивая кампанией 1814 г. на территории Франции, объяснял причину своего вступления осенью 1816 г. в Союз Спасения. Могущество империи, одержавшей победу над Наполеоном и постоянно державшей под ружьем почти миллионную армию, находилось в кричащем противоречии с внутренней российской необустроенностью, и вернувшиеся из Заграничных походов молодые офицеры стали это обсуждать во время дружеских встреч.

Главным злом было крепостное право: после Европы владение человека человеком казалось аморальным. «В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы

---

[3] Восстание декабристов: Документы. Т. IV. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 179.
[4] Восстание декабристов: Документы. Т. XX. М.: РОССПЭН, 2001. С. 171-173.
[5] Восстание декабристов: Документы. Т. IX. М.: Госполитиздат, 1950. С. 210.
[6] Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 55. М., 1937. С. 585.
[7] Восстание декабристов: Документы. Т. III. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 71.

нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще»[8]. Эти слова принадлежат Ивану Дмитриевичу Якушкину (1793–1857), который в составе лейб-гвардии Семеновского полка сражался на Бородинском поле в 1812-м, в битве при Кульме в 1813-м и брал Париж в 1814 г. Якушкин и ему подобные молодые гвардейские офицеры, в течение двух лет совершавшие исполинские подвиги, хотели быстро покончить с отечественными язвами. Почему молодые офицеры решили прибегнуть к военной революции? Потому что власть, с их точки зрения, ничего не собиралась предпринимать. Всё предельно ясно: и сокровенная цель, и средства ее достижения.

Крепостное право воспринималось как главное зло, с которым надо было покончить в первую очередь. И закоснелые ретрограды, и «молодые якобинцы» – все опасались новой пугачёвщины. «С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которых никакое воображение представить себе не может, и государство сделается жертвою раздоров и может быть добычею честолюбцев; наконец может распасться на части и из одного сильного государства обратиться в разные слабые. Вся слава и сила России может погибнуть, если не навсегда, то на многие века»[9], – рассуждал князь Сергей Петрович Трубецкой (1790–1860), в годы Отечественной войны и Заграничных походов однополчанин Якушкина, а в декабре 1825 г. – полковник лейб-гвардии Преображенского полка и дежурный штаб-офицер 4-го пехотного корпуса.

Опасения были вполне справедливыми. Каждый, кто способен был задуматься о будущем, понимал, что нужно что-то предпринять. Усилия тайного общества были направлены на то, чтобы «охранить» Россию «от бедствий, могущих ее постигнуть при крутом повороте, которого никакое правительство ни предвидеть, ни остановить не в состоянии»[10].

Иван Якушкин вышел в отставку в чине капитана, поселился в деревне Жуково Вяземского уезда Смоленской губернии, где ему принадлежало до 200 «душ», и решил подать пример благородному сословию: собрал крестьян смоленского имения и сообщил, что собирается перевести их в вольные хлебопашцы. Крестьяне его внимательно выслушали, а затем спросили: «Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?». Якушкин ответил отрицательно и предложил им арендовать у него землю, но этот вариант решительно не устроил крестьянский мир. «Ну так, батюшка, оставайся всё по-старому: мы ваши, а земля наша»[11]. Русский крестьянин не понимал волю без земли.

---

[8] Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. С. 80.
[9] Записки С.П. Трубецкого. С. 28.
[10] Там же. С. 67.
[11] Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 99.

Последствия такой «безземельной» отмены крепостного права были бы катастрофическими. Тут же по всей стране стали бы жечь усадьбы и захватывать земли. Похоже, члены тайных обществ о таком сценарии развития событий не думали. Когда в 1861 г. в результате проведения выкупной операции крестьян освободили от крепостной зависимости, то в течение длительного времени работали мировые посредники, крестьян наделяли участками земли, а за обретенные земельные наделы крестьяне вносили выкупные платежи. В 1861–1906 гг. государство выдало помещикам 902 млн. рублей (удержав из них 316 млн. для уплаты их долгов банкам в счет заложенных и перезаложенных имений), а взыскало с бывших помещичьих крестьян свыше 1,6 млрд рублей.

Если бы крепостное право отменили «по манию царя» при Александре I, когда в казне не было денег на выкупную операцию, то, хотя слов «дефолт» и «коллапс экономики» еще не существовало, произошло бы нечто подобное. Поставьте себя на место помещика, имение которого заложено, а он должен вносить платежи в банк. Однако в один прекрасный день власть объявляет, что отныне все помещичьи крестьяне свободны. О каких платежах теперь может идти речь?! Раз уничтожен залог, значит, исчезает обязанность платить, а незаложенных имений к этому моменту было не очень много. Чистой воды дефолт, т.е. невозможность платить по долговым обязательствам. Об этом члены тайных обществ не задумывались. У них преобладал политический подход: отмена крепостного права – это шаг вперед. Но этот шаг в корне меняет всю ситуацию и оказывается непреодолимым. Прекраснодушные политические мечтания разбиваются о суровую экономическую реальность. Отменить крепостное право и не компенсировать дворянству издержки, значит потрясти основы государства. Но в казне нет денег на выкупную операцию, да и сами эти деньги сильно обесценились. После окончания наполеоновских войн произошел самый настоящий «обвал рубля»: за серебряный рубль давали четыре рубля ассигнациями, за золотой червонец – 12 рублей 50 копеек. В итоге Александр I, еще в бытность наследником престола грезивший об отмене крепостного права, так и не рискнул его отменить даже в момент своего наивысшего могущества.

Аналогично обстояло дело с решением других наболевших проблем: солдатчиной, косностью, невежеством народа… Стоило только начать распутывать любую из них, как гордиев узел российской необустроенности начинал запутываться еще сильнее. Люди осторожные и благомыслящие стали сомневаться в практической осуществимости радикальных изменений. Одни сочли за благо покинуть тайное общество, другие продолжали спорить о способах достижения «сокровенной цели» (отмена крепостного права, республика, конституция, свобода печати). Вспоминает Николай Васильевич Басаргин (1800–1861), в 1825 г. гвардии поручик и старший адъютант Главного штаба 2-й армии в Туль-

чине. «Лучшим развлечением для нас были вечера, когда мы собирались вместе и отдавали друг другу отчет в том, что делали, читали, думали. Тут обыкновенно толковали о современных событиях и вопросах. Часто рассуждали об отвлеченных предметах и вообще делили между собою свои сведения и свои мысли»[12]. По сути в течение нескольких лет тайные общества были дискуссионными клубами, члены которых не помышляли о насильственном ниспровержении существующего строя и отличались своим бытовым поведением. «Впрочем, тогда членов общества нетрудно было узнать. Они находились под большим влиянием утопических идей, и это заметно отражалось на их речах»[13]. Члены тайных обществ были «витийством резким знамениты» (Пушкин).

История тайных обществ в России – это история борьбы уязвленных амбиций. «От сего столкновения самолюбий»[14] проистекали столкновения между лидерами движения. Подполковник Михаил Сергеевич Лунин, «друг Марса, Вакха и Венеры», один из основоположников «Союза Спасения» и безусловный кумир шестидесятников XX в., очень четко объяснил причину своего удаления из общества: «Я не имел того влияния на общество, которое хотел иметь и которое, я надеюсь, было бы не бесполезно для общей пользы»[15].

Знал ли император об этих разговорах? Безусловно. Почему же он не отдал приказ о превентивных арестах? В 1823 г. всесильный граф Алексей Андреевич Аракчеев откровенно сказал видному деятелю ранних декабристских организаций полковнику Федору Николаевичу Глинке (1786–1880) о принципиальном нежелании Александра I наказывать своих подданных за одни слова, не подкрепленные делами: «Государь… никого не желает *преследовать за разговоры*, разве кто уже выйдет слишком из меры, и тогда отечески смирим и помилуем!». На Глинку еще в 1821 г. поступил донос о его членстве в тайном обществе. Длительное время государь внимательно наблюдал за ним, изучал его поведение, а затем велел ему передать: «Мне описали Глинку человеком опасным, но скажи ему от меня, что он может оставаться спокоен!»[16]

История движения декабристов – это история неуклонной радикализации движения, сопровождавшейся отходом от тайного общества тех, кто не желал принимать участие в насильственном ниспровержении существующего строя. Радикализация движения была неизбежна. Тот, кто нетерпеливо стремился к «сокровенной цели» и уже утратил иллюзии, что страна может преобразоваться «по манию царя», вплотную подошел к идее цареубийства. Павел Иванович Пестель с его логическим

---

[12] Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 51.
[13] Восстание декабристов: Документы. Т. XX. М.: РОССПЭН, 2001. С. 163.
[14] Восстание декабристов: Документы. Т. XX. М.: РОССПЭН, 2001. С. 395.
[15] Восстание декабристов: Документы. Т. III. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 126.
[16] Восстание декабристов: Документы. Т. XX. М.: РОССПЭН, 2001. С. 108.

умом пошел дальше всех. Он настаивал на необходимости уничтожения государя и всех членов царской фамилии, дабы исключить малейшую возможность реставрации монархии в России: «рассуждал о средствах исполнения сего и с хладнокровием считал по пальцам самые жертвы»[17]. Механизм модернизации России был в мельчайших подробностях обдуман Пестелем и подробно прописан в его знаменитой «Русской Правде». Остановимся только на одном очень выразительном моменте.

В бумагах командира Вятского полка сохранилось пять (!) различных вариантов проекта об устройстве корпуса жандармов. «Неоднократное возвращение Пестеля к этой теме само по себе показывает, что этому вопросу он придавал большое значение»[18]. Павел Иванович, работая над окончательной отделкой текста «Русской Правды», написал небольшую заметку о количестве жандармов, необходимых для поддержания диктатуры Временного Верховного Правления. Весьма характерно движение мысли Пестеля: число жандармов по последнему варианту возрастало более чем вдвое сравнительно с первоначальной цифрой. По подсчетам Пестеля, Временному Верховному Правлению потребуется огромный жандармский корпус: в городах – 50 тыс., на периферии – 62,9 тыс., а всего 112,9 тыс. жандармов[19]. По выкладкам Пестеля, получалось, что создание корпуса жандармов – одна из «приуготовительных или переводных мер», необходимых для введения нового республиканского порядка, «дабы Государство не подвергнулось беспорядкам, волнениям и превращениям, которые вместо улучшения могли бы только ввергнуть оное в гибель»[20]. Причем для избежания реставрации этого ига «Самовластья и Беззакония» *жандармов требовалось в тридцать раз больше*, чем впоследствии их фактически потребовалось николаевской «фасадной империи» для надежной охраны власти этого ига от возможных революционных потрясений.

Пестелю не удалось добиться объединения руководимого им Южного общества с Северным тайным обществом и признания «Русской Правды» в качестве обязательного программного документа. Подавляющее большинство членов тайных обществ безуспешно искали морально безупречные средства достижения политических целей. Политический аморализм Пестеля отвратил очень многих. Но реальный план, в котором были прописаны мельчайшие детали модернизации Российской

---

[17] Декабристы. Биографический справочник. М.: Наука, 1988. С. 299.

[18] Восстание декабристов: Документы. Т. VII. М.: Госполитиздат, 1958. С. 669.

[19] Там же. С. 341, 669-673. Для сравнения: к 1 января 1829 г. в III Отделении и корпусе жандармов состояло: «генералов – 3; штаб-офицеров – 41; обер-офицеров – 160; унтер-офицеров – 513; музыкантов – 31; рядовых – 3073; нестроевых офицеров – 12; нестроевых нижних чинов – 445; лошадей строевых – 3532». – ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 39 об., 94 об. См. также: ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 4. Л. 169

[20] Восстание декабристов: Документы. Т. VII. М.: Госполитиздат, 1958. С. 118.

империи, был только у него. Остальные программные документы, будь то «Конституция» Никиты Муравьева или «Манифест» князя Трубецкого, были набором прекраснодушных либеральных лозунгов, но в них не было описания механизма достижения этих замечательных целей.

В 1825 г. Александр I получил подтвердившиеся уже после его смерти доносы о существовании в империи широко разветвленных тайных обществ, готовивших свержение законной власти военным путем. В доносах силы тайного общества были многократно преувеличены. После смерти государя в его кабинете была найдена короткая, но очень ёмкая записка, написанная его рукой: «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх сего большая часть разных штаб и обер-офицеров»[21].

10 ноября 1825 г. государь, находившийся в тот момент в Таганроге, начал действовать. По высочайшему повелению для встречи с унтер-офицером Иваном Васильевичем Шервудом (1798–1867), доносчиком и первым провокатором в истории революционного движения в России, из Таганрога в Харьков был командирован полковник лейб-гвардии Казачьего полка Степан Степанович Николаев (1789–1849). Долгие годы этот боевой офицер, сын донского казака, возглавлял личный конвой императора. В 1813 г., во время «битвы народов» под Лейпцигом, он (с другими чинами конвоя) фактически спас жизнь царя, отбив атаку французской кавалерии, готовой смять Александра I и его свиту. Полковник пользовался безусловным доверием императора, вообще-то не склонного верить своему ближайшему окружению. Николаев был наделен чрезвычайными полномочиями и снабжен открытым листом, эти полномочия подтверждающим. Документ подписал начальник Главного штаба Его Императорского Величества барон Иван Иванович Дибич. «Все воинские и гражданские начальства по предъявлении сего открытого предписания в сделанном ему препоручении» были обязаны полковнику Николаеву «оказывать все возможные пособия и требования его исполнить без малейшего промедления, о чем сим по высочайшей воле строжайше предписывается»[22]. Прибыв в Харьков и встретившись в Шервудом, полковник Николаев не счел возможным приступить к немедленным арестам. 18 ноября он объяснил логику своего поведения, которая корреспондировалась с логикой царя. «Взять человека легко; но

[21] Шильдер 1898. С. 330.
[22] Там же. С. 623.

если не найдется при нем предполагаемых доказательств, то сим в обществе наделать можно весьма невыгодных толков»[23]. Однако, благодаря розыскам Николаева, власть получила в свои руки тоненькую ниточку, потянув за которую, можно было распутать весь клубок.

События развивались стремительно. 19 ноября в Таганроге скоропостижно скончался Александр I. 9 декабря, еще достоверно не зная, кто станет новым императором, генерал-адъютант Дибич собственной властью распорядился арестовать члена Южного тайного общества прапорщика Федора Федоровича Вадковского (1800–1844). Арестовал его в Курске 11 декабря полковник Николаев. 13 декабря в Тульчине арестовали полковника Пестеля. После восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. власть перестала опасаться «невыгодных толков» и приступила к широкомасштабным арестам членов тайного общества.

Эпические массовые сцены, реконструирующие события на Сенатской площади и восстание Черниговского полка в Малороссии, содержат ряд досадных фактических неточностей и не акцентируют внимания зрителя на главном: члены тайных обществ обманом склонили солдат к нарушению присяги и бунту, обольстив их грядущим сокращением срока службы с 25 до 10 лет и убедив, что они получат это, если сохранят верность присяге, данной Константину, и воспрепятствуют восшествию Николая на престол. Когда простые солдаты осознали обман, было уже слишком поздно. Знаменитый художник-медальер и член Союза Спасения граф Федор Петрович Толстой (1783–1873) сохранил в своих мемуарах слова заслуженного унтер-офицера, смертельно раненного на Сенатской площади: «В пятнадцати сражениях был я против неприятелей, в разных войнах, нигде не был ранен, а теперь, может, от картечи своих придется умереть. Бог судья офицерам, которые нас до этого довели»[24]. Во время возмущения Черниговского полка подполковник этого полка и один из основоположников Союза Спасения Сергей Иванович Муравьев-Апостол (1795–1826) с сообщниками нанес 14 колотых ран ветерану наполеоновских войн и командиру полка подполковнику Густаву Ивановичу Гебелю (1785–1856). Безуспешно пытаясь в течение двух часов склонить к бунту солдат 1-й гренадерской роты, Муравьев-Апостол обещал им десятилетнюю службу, но гренадеры сохранили верность присяге и не выдали бунтовщикам своего ротного командира капитана Козлова. Тогда подполковник попытался подкупить роту: «дал роте 25 р. на водку, а когда нижние чины не хотели брать, Муравьев насильно приказал взять унтер-офицеру Чернолику, обещая дать на другой день еще более, но нижние чины говорили: «ваша водка не нужна»[25].

---

[23] Шильдер 1903. С. 827.
[24] Записки графа Федора Петровича Толстого. 2001.
[25] Восстание декабристов: Документы. Т. VI. С. 134.

(После подавления восстания вся эта рота вместе с командиром была переведена в гвардию.) Но Муравьеву удалось увлечь за собой большую часть полка. Расплата последовала спустя несколько дней. Восстание было подавлено девятью залпами картечи и атакой двух гусарских эскадронов. «Сначала гусары не решались пустить в ход сабли, пораженные необычайным положением нападения на своих же, но после того, как генерал Гейсмар собственноручно зарубил поручика Щепилу, гусары бросились со всех сторон на офицеров. В этой сумятице подполковник Муравьев схватил было брошенное знамя, но заметив приближение к себе гусарского унтер-офицера, бросился к своей лошади, которую держал под уздцы пехотинец. Последний, вонзив свой штык в брюхо лошади, проговорил: “вы нам наварили каши, кушайте с нами”»[26].

В советские времена, когда декабристы трактовались исключительно как подвижники и рыцари без страха и упрека, о трагической участи рядовых солдат, обманом вовлеченных в бунт, говорить не было принято. Их судьба на долгие годы стала фигурой умолчания. Фельдфебели, унтер-офицеры и рядовые были подвергнуты жестоким телесным наказаниям – от 12 тысяч ударов шпицрутенами до двухсот ударов палками[27]. Сотни нижних чинов были отправлены служить на Кавказ и в Сибирь. Среди них были ветераны победоносных войн, отмеченные наградами и нашивками за безупречную службу. Всех этих знаков отличия они были по суду лишены.

Один из главных участников восстания Черниговского полка подпоручик Михаил Павлович Бестужев-Рюмин (1801–1826) был арестован на поле восстания с оружием в руках и закованным доставлен в Петербург. При первом же допросе он заявил: «Я ревностно содействовал к скорейшему достижению желаемой цели – не видя, что самый успех нам был бы пагубен для нас и для России. Но мне определено было раскрыть глаза уже в оковах»[28].

После окончания следствия Николай I повелел подготовить для него свод предложений декабристов по модернизации страны. В течение его тридцатилетнего царствования, в условиях глубочайшей бюрократической тайны, в тиши служебных кабинетов разрабатывались важные нормативные документы, уже в новое царствование ставшие базой для проведения Великих реформ. Эти реформы были успешно проведены «людьми сороковых годов», подготовленными при Николае I.

Именно с декабристов началось свойственное русской интеллигенции нетерпение, выражавшееся в стремлении ускорить ход Истории радикальными средствами. Желая пришпорить Историю, интеллиген-

---

[26] Восстание декабристов: Документы. Т. VI. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 74.
[27] Восстание декабристов: Документы. Т. VI. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 199-202.
[28] Восстание декабристов: Документы. Т. IX. М.: Госполитиздат, 1950. С. 49.

ция фактически добивалась диаметрально противоположного: пугала своим радикализмом власть, усиливала ее охранительные тенденции, и в итоге – на десятилетия откладывала проведение реформ, которые должны были модернизировать страну. Именно с декабристов нетерпение и нетерпимость к инакомыслящим стали неотъемлемой частью культурного кода образованного общества.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988 [Basargin N.V. Vospominaniya, rasskazy, stat'i. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988].

Декабристы. Биографический справочник. М.: Наука, 1988 [Dekabristy. Biografich-eskij spravochnik. M.: Nauka, 1988].

Восстание декабристов: Документы. Т. I–VI. М.; Л.: Госиздат, 1925–1929 [Vosstanie dekabristov: Dokumenty. T. I–VI. M.; L.: Gosizdat, 1925–1929].

Восстание декабристов: Документы. Т. VII. М.: Госполитиздат, 1958 [Vosstanie de-kabristov: Dokumenty. T. VII. M.: Gospolitizdat, 1958].

Восстание декабристов: Документы. Т. IX. М.: Госполитиздат, 1950 [Vosstanie de-kabristov: Dokumenty. T. IX. M.: Gospolitizdat, 1950].

Восстание декабристов: Документы. Т. XX. М.: РОССПЭН, 2001 [Vosstanie dekabris-tov: Dokumenty. T. XX. M.: ROSSPEN, 2001].

Записки графа Федора Петровича Толстого. М.: РГГУ, 2001 [Zapiski grafa Fedora Pe-trovicha Tolstogo. M.: RGGU, 2001] // https://www.rulit.me/books/zapiski-grafa-fedora-petrovicha-tolstogo-read-554562-111.html

Записки С.П. Трубецкого // Мемуары декабристов. Северное общество. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981 [Zapiski S.P. Trubeckogo // Memuary dekabristov. Severnoe obshchestvo. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981].

Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1825. Ч. I. С.-Петербург: Императорская акад. наук; 1825 [Mesyaceslov s rospis'yu chinovnyh osob ili obshchij shtat Rossijskoj imperii na leto ot Rozhdestva Hristova 1825. CH. I. S.-Peterburg: Imperatorskaya akademiya nauk; 1825].

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 55. М.: Худож. литература, 1937 [Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij. T. 55. M.: Hudozh. literatura, 1937].

Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб. 1903 [SHil'der N.K. Imperator Nikolaj Pervyj. Ego zhizn' i carstvovanie. T. I. SPb. 1903].

Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1993 [YAkushkin I.D. Memuary, stat'i, dokumenty. Irkutsk: Vos-tochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993].

Экштут Семен Аркадьевич, *доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; semenekshtut54@gmail.com*

“The Union of Salvation”. “Our very success would be death to us and Russia”

The film "Union of Salvation" became the most anticipated film premiere of 2019 and caused mixed reviews from both viewers and critics. However, no one tried to undertake the analysis of the film, relying on the investigative affairs of the Decembrists and memoirs. The author of the article decided to fill this gap.

Keywords: the Decembrist movement, history and cinema, faleristics, morality and politics, the goal and means of achieving it, the history of the revolutionary movement in Russia, S.I. Muravyov-Apostol, M.P. Bestuzhev-Ryumin, P.I. Pestel

Semen Ekshtut, *Dr. Sc. (Philosophy), Leading researcher, Institute of World History; semenekshtut54@gmail.com*

CONTENTS

History and Theory

Igor Ionov
Correction of the temporal regime and problems of the theory of history. Part 2……... 5
Ella Zadorozhnyuk, Ivan Zadorozhnyuk
Phenomenon of a suggestion and countersuggestion of wars and revolutions in the eyes of writers.. 23

Intellectual history today

Victor Kupriyanov
The first scientific journal and the idea of public reason in the modern sciences……..…….. 41
Sergey Kondratiev
Learning Practices and Learning Rituals in the Inns of Court of the pre-revolutionary England…… 57
Andrey Bogdanov
Why the Third Rome? Arseny Sukhanov on the place of Russian Church in world Orthodoxy…… 72
Alexey Malinov
Dialogue of generations: A.S. Lappo-Danilevsky and V.I. Lamansky…… 86
Irina Vorontsova
Anton Vladimirovich Kartashev as a religious reformer (1903–1910s)…….. 99
Aleksandr Antoshchenko
A.V. Kartashev and the eurasianists……..... 112

History of the Soviet historiography

Sergey Krikh
Unification of narrative in Soviet historiography as a research problem……. 124
Valentina Voloshina, Valentina Korzun
Soviet historical science in the understanding of A.V. Florovsky (1920–1930s)……..……. 139
Evgeniya Dolgova
The notes of lectures by student of the Institute of Red Professors (in History)
or about the possibilities of dialogue in the classroom in the 1930s……... 157
Vassiliy Zolotarev, Anastasiya Kutuzova
Y.M. Zakher in historiography ……..... 171

Crossroads of interdisciplinarity

Artyom Peretyatko
Three "main foundations of the Cossacks": the opinion of a Russian conservative
Prince A.M. Dondukov-Korsakov and his contemporaries
about the most important traditions of the Don Cossacks..... 186
Yriy Klyichnikov
Russian and North-Caucasian relations through Russianness:
peculiarities of a historical partnership……..…….. 203
Irina Rutsinskaya
‘Joseph Stalin reads a letter from Vladimir Lenin’:
visual narratives in the Soviet art of the 1930s-1950s……. 219
Georgy Shpak
English travellers’ notes about the 16th–17th century Russia
in the context of British travelography…… 235
Victor Apryshchenko, Elena Sklyarova
Shaping of ideas of social development in Scotland and Ireland
in the first half of the 19th century……. 251
Vitaliy Prilutskiy
The ideology of «hate groups» in the United States: history and current trends…...……... 265
Svetlana Eremeeva
A “Hotel Registration card” and a “life document”:
approaches to the studies of obituaries……... 275

History – Memory – Identity

Alexey Vasilyev
The 'Habsburg Frames' for Polish Memory
in the Austro-Hungarian Empire of the second Half of the 19th – early 20th century…… 286

Oksana Golovashina
In the battle you will attain your memory: peasant uprising 1910–1921
in the views of modern residents of Tambov region…….. 305

Tatyana Filippova, Svetlana Simakova
The system of GULAG in perception of the geologist K.V. Flug:
according to pages of unpublished memoirs…… 320

Galina Kopeleva
Memories before memories: «In the labyrinth of the world» of Marguerite Yourcenar..... 336

Interview

Andrei Linchenko
Think history reasonable. An interview with Jörn Rüsen …….. 351

Historical essays

Evgeny Danilov
Problem of *securitas publica* in foreign historiography ……..... 366

Georgy Melnikov
Jan Blahoslav's doctrine of knowledge as the base of the reform
of the Community of Brethren and Comenius' pedagogy……... 376

Dmitriy Mikhel, Irina Mikhel
Jan Vermeer: a ray of northern light…….. 386

Liudmila Chernaya
Ideas about the "political cavalier" and "political dame"
in the Russian culture of Peter the Great time……. 397

Marina Ayzenshtat
History in the children's education of the eighteenth-century Britain…….. 406

Events

Semen Ekshtut
"The Union of Salvation". "Our very success would be death to us and Russia"…..……... 414

CONTENTS……..... 426

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

И.Н. Ионов
Коррекция темпорального режима и теория истории. Статья 2..... 5
Э.Г. Задорожнюк, И.Е. Задорожнюк
Феномен суггестии и контрсуггестии войн и революции глазами писателей……..... 23

Интеллектуальная история сегодня

В.А. Куприянов
Первые научные журналы и идея публичности разума в науке Нового времени…….. 41
С.В. Кондратьев
Образовательные практики и ритуалы
в судебных подворьях предреволюционной Англии……..……..… 57
А.П. Богданов
Почему «Третий Рим»? Арсений Суханов о месте России в мировом православии…….. 72
А.В. Малинов
Диалог поколений: А.С. Лаппо-Данилевский и В.И. Ламанский……..... 86
И.В. Воронцова
Антон Владимирович Карташев как религиозный реформатор (1903–1910-е гг.)……... 99
А.В. Антощенко
А.В. Карташев и евразийцы……..... 112

Из истории советской историографии

С.Б. Крих
Унификация нарратива в советской историографии как исследовательская проблема… 124
В.Ю. Волошина, В.П. Корзун
Советская историческая наука в осмыслении А.В. Флоровского (1920–1930-е гг.)……. 139
Е.А. Долгова
Конспект слушателя Института красной профессуры по истории,
или о возможностях диалога в учебной аудитории в 1930-е гг.……. 157
В.П. Золотарев, А.А. Кутузова
Я.М. Захер в историографии……..... 171

Перекрестки интердисциплинарности

А.Ю. Перетятько
Три «главных основания казачества». Князь А.М. Дондуков-Корсаков
и его современники о важнейших традициях донских казаков..... 186
Ю.Ю.Клычников
Русско-северокавказские отношения сквозь призму российскости.
Особенности исторического партнёрства…….. 203
И.И. Руцинская
«И.В. Сталин читает письмо В.И. Ленина»: визуальные нарративы
в советском изобразительном искусстве 1930–1950-х гг…….. 219
Г.В. Шпак
Записки английских путешественников о России конца XVI – начала XVII века
в контексте британской травелогографии…….. 235
В.Ю. Апрыщенко, Е.К. Склярова
Формирование идей социального развития
в Шотландии и Ирландии в первой половине XIX века……..… 251
В.В. Прилуцкий
Идеология «групп ненависти» в США: история и современные тенденции……... 265
С.А. Еремеева
«Регистрационная карточка в отеле» и «документ жизни»:
подходы к изучению некрологических текстов……. 275

История – Память – Идентичность

А.Г. Васильев
«Габсбургские рамки» польской памяти в Австро-Венгерской империи
второй половины XIX – начала XX века…… 286

О.В. Головашина
«В борьбе обретешь ты память свою»:
Антоновщина в представлениях современных тамбовчан…… 305

Т.П. Филиппова, С.А. Симакова
Система ГУЛАГа в восприятии К.В. Флуга:
по страницам неопубликованных воспоминаний……. 320

Г.В. Копелева
Воспоминания до воспоминаний: «В лабиринте мира» Маргерит Юрсенар..... 336

Наше интервью

А.А. Линченко
Мыслить историю разумно. Интервью с Йорном Рюзеном……. 351

Исторические очерки

Е.С. Данилов
Проблема SECURITAS PUBLICA в зарубежной историографии……... 366

Г.П. Мельников
Учение Яна Благослава о знании как основа реформы
Общины чешских братьев и педагогики Я.А. Каменского……... 376

Д.В. Михель, И.В. Михель
Ян Вермеер: луч северного света…… 386

Л.А. Черная
Представления о «политичном кавалере» и «политичной даме»
в России петровского времени…… 397

М.П. Айзенштат
История в воспитании подрастающего поколения Британии XVIII века……. 406

Хроника событий

С.А. Экштут
«Союз спасения». «Самый успех нам был бы пагубен для нас и для России» …….. 414

CONTENTS……..... 426

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423; тел. +7 (495) 938–53–91
http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm ; dialogue.time@yandex.ru
Поиск DOI: http://search.rads-doi.org/index.php/ ; http://www.doi.org/

И.Н. Ионов
Коррекция темпорального режима и теория истории. Статья
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.53362

Э.Г. Задорожнюк, И.Е. Задорожнюк
Феномен суггестии и контрсуггестии войн и революции глазами писателей
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56434

В.А. Куприянов
Первые научные журналы и идея публичности разума в науке Нового времени
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56435

С.В. Кондратьев
Образовательные практики и ритуалы в судебных подворьях предреволюционной Англии
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56436

А.П. Богданов
Почему «Третий Рим»? Арсений Суханов о месте России в мировом православии
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56437

А.В. Малинов
Диалог поколений: А.С. Лаппо-Данилевский и В.И. Ламанский
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56438

И.В. Воронцова
Антон Владимирович Карташев как религиозный реформатор (1903–1910-е гг.)
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56439

А.В. Антощенко
А.В. Карташев и евразийцы
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56440

С.Б. Крих
Унификация нарратива в советской историографии как исследовательская проблема…
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56441

В.Ю. Волошина, В.П. Корзун
Советская историческая наука в осмыслении А.В. Флоровского (1920–1930-е гг.)
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56442

Е.А. Долгова
Конспект слушателя Института красной профессуры по истории, или о возможностях диалога в учебной аудитории в 1930-е гг.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56443

В.П. Золотарев, А.А. Кутузова
Я.М. Захер в историографии
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56444

А.Ю. Перетятько
Три «главных основания казачества». Князь А.М. Дондуков-Корсаков и его современники о важнейших традициях донских казаков
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56445

Ю.Ю. Клычников
Русско-северокавказские отношения сквозь призму российскости. Особенности исторического партнёрства
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56446

И.И. Руцинская
«И.В. Сталин читает письмо В.И. Ленина»: визуальные нарративы в советском изобразительном искусстве 1930–1950-х гг.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56447

Г.В. Шпак
Записки английских путешественников о России конца XVI – начала XVII века
в контексте британской травелогографии
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56448

В.Ю. Апрыщенко, Е.К. Склярова
Формирование идей социального развития в Шотландии и Ирландии
в первой половине XIX века
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56477

В.В. Прилуцкий
Идеология «групп ненависти» в США: история и современные тенденции
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56479

С.А. Еремеева
«Регистрационная карточка в отеле» и «документ жизни»:
подходы к изучению некрологических текстов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56480

А.Г. Васильев
«Габсбургские рамки» польской памяти в Австро-Венгерской империи
второй половины XIX – начала XX века
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56481

О.В. Головашина
«В борьбе обретешь ты память свою»:
Антоновщина в представлениях современных тамбовчан
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56483

Т.П. Филиппова, С.А. Симакова
Система ГУЛАГа в восприятии К.В. Флуга: по страницам неопубликованных воспоминаний
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56487

Г.В. Копелева
Воспоминания до воспоминаний: «В лабиринте мира» Маргерит Юрсенар
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56488

А.А. Линченко
Мыслить историю разумно. Интервью с Йорном Рюзеном
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56489

Е.С. Данилов
Проблема SECURITAS PUBLICA в зарубежной историографии
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56490

Г.П. Мельников
Учение Яна Благослава о знании как основа реформы
Общины чешских братьев и педагогики Я.А. Каменского
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56491

Д.В. Михель, И.В. Михель
Ян Вермеер: луч северного света
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56493

Л.А. Черная
Представления о «политичном кавалере» и «политичной даме»
в России петровского времени
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56494

М.П. Айзенштат
История в воспитании подрастающего поколения Британии XVIII века
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56495

С.А. Экштут
«Союз спасения». «Самый успех нам был бы пагубен для нас и для России»
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.70.56496

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

70 / 2020

●

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ № 90963.

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545–37–10

ISSN 2073–7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030).
Журнал включен в базу данных SCOPUS (с 2016 г.)
Полные электронные версии статей представлены на сайте:
http://roii.ru/publications/dialogue
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.